

КОМИНТЕРН

И
гражданская
война
в Испании



«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

КОМИНТЕРН

И гражданская война в Испании

ДОКУМЕНТЫ



МОСКВА
«НАУКА»
2001

УДК 930.9
ББК 66.61(0)
К 63

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 00-01-16174д*

Серия “Документы Коминтерна”
основана в 1994 году

Составители,
авторы вступительной статьи и комментариев
С.П. Пожарская, А.И. Саплин

Ответственный редактор
С.П. Пожарская

Рецензенты:
доктор исторических наук *Б.М. Туполев*,
кандидат исторических наук *Л.А. Максеева*

Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. – М.: Наука, 2001. – 528 с., ил.
ISBN 5-02-010193-1

Предлагаемый сборник документов – четвертая публикация в ряду аналогичных изданий по истории Коминтерна, посвященная его политике накануне и в период гражданской войны в Испании. В книге представлены донесения и корреспонденции с места событий, инструкции представителям Коминтерна, стенограммы заседаний Секретариата ИККИ и доклады по вопросам политики Коминтерна в отношении Испании, ее компартии, а также других партий и группировок.

Для историков, политологов, обществоведов.

По сети “Академкнига”

ISBN 5-02-010193-1

ISBN 5-02-010193-1



© Издательство “Наука”, 2001
© Российская академия наук и
издательство “Наука”, серия
“Документы Коминтерна”
(разработка, оформление),
1994 (год основания), 2001

ВВЕДЕНИЕ

Осенью 1983 г. влиятельный испанский еженедельник “Камбио-16” в специальных номерах, посвященных испанской гражданской войне 1936–1939 гг. (№ 616/617), опубликовал весьма примечательные результаты опросов своих современников. На вопрос, какое историческое событие является самым важным для понимания современной Испании, большинство (57%) назвало гражданскую войну, остальные (в порядке убывания) посчитали открытие Америки, вторую мировую войну и объединение Испании при католических королях.

Эта война породила, по выражению французского историка Ж. Сория, Гималаи печатных трудов, и в этом нет преувеличения. “Генеральная библиография о войне в Испании”, вышедшая под редакцией испанского историка Рикардо де ла Сиерва более 30 лет назад, в 1968 г., насчитывала свыше 14 тыс. названий, в их числе сборники документов, исследования, мемуары¹. С тех пор написаны сотни книг и статей, тысячи зрителей увидели на экранах телевизоров и кинозалов десятки документальных фильмов о трагических событиях тех лет, ареной которых стал Пиренейский полуостров.

Внимание к истории испанской гражданской войны не ослабло и в наши дни. Особый интерес вызывают исследования испанских историков, побуждаемых к поиску нового видения событий тех лет с учетом последующего исторического опыта. В этой связи хотелось бы обратить внимание на “Политическую и военную историю интернациональных бригад”, включившую в себя как монографию С. Альвареса, одного из видных руководителей республиканской армии, так и многочисленные документы, в том числе и воспоминания участников событий тех лет². Да и у отечественных историков расширение диапазона исследований в известной мере связано с попыткой переосмысливания испанской гражданской войны. К тому же многие сюжеты, прежде “закрытые”, привлекают особое внимание, что оправдано желанием заполнить имеющиеся пробелы.

Новому видению истории способствует и открытие архивов, доселе недоступных исследователям. Особое значение имеют документы Российского государственного архива социально-политической истории, наиболее значительные из которых вошли в предлагаемый читателю сборник “Коминтерн и гражданская война в Испании”.

Испания оказалась вовлеченной в орбиту внимания Коминтерна с момента образования Коммунистической партии. Днем ее создания принято считать 15 апреля 1920 г. Ядром компартии стал Союз социалистической молодежи. Год спустя левое крыло социалистов вышло из

состава Испанской социалистической рабочей партии и образовало вторую компартию. Не прошло и месяца, как Коминтерн дает указание: немедленно начать переговоры о слиянии обеих партий. Эти переговоры шли трудно: на III конгрессе ИККИ присутствовало две делегации. Объединение, хотя и произошло в ноябре 1921 г., не привело к органическому слиянию: между “молодыми” и так называемыми “взрослыми” продолжительное время существовала взаимная отчужденность, “молодые” обвиняли “взрослых” в оппортунизме и центризме, “взрослые” “молодых” – в сектантстве и левачестве³. И те и другие апеллировали к Коминтерну, без поддержки которого, прежде всего финансовой, существование компартии, особенно в условиях спада рабочего движения, было бы затруднено.

Первые документы ИККИ носили в основном “финансовый” характер. Так, в письме от 22 февраля 1923 г., подписанном “секретарь ИККИ”, констатировалось, что для организации издательства в Испании ассигновано на 1923 г. 16 тыс. золотых рублей, полученных из взносов Коминтерна, Профинтерна и Коммунистического интернационала молодежи. “При сем, – говорилось в письме, – посылаем эквивалент 8000 зол. руб. за I-ое полугодие 1923 г.”⁴ Документы свидетельствуют, что за счет ИККИ оплачивались расходы даже для содержания помещений, где размещались руководящие органы компартии, поездки по стране, почтовые расходы, суточные командированных функционеров, о чем периодически представлялись отчеты⁵. Финансирование было весьма скудное, но и без него, по-видимому, компартии было бы трудно обойтись, так как она была весьма малочисленна.

13 сентября 1923 г. генерал М. Примо де Ривера совершил переворот, партия была загнана в подполье. Периодические налеты полиции на ее помещение лишали компартию и того имущества, которое с трудом удавалось приобрести, так как ротаторы и пишущие машинки полиция забирала себе. Отсюда – новые просьбы о денежном вспомоществовании.

Как отмечалось в письме Секретариата ИККИ от 7 июня 1926 г., подготовленном Степановым (Стояном Миневым), “инструктором” по Испании, влияние компартии, можно сказать, сошло “на нет”. Секретариат упрекал компартию за “сектантство”, за отсутствие регулярной и нормальной связи с ИККИ, а руководство компартии, находившееся во Франции, – за контакты с “правыми” в КПФ⁶.

Документы ИККИ этого периода свидетельствуют, что в Москве плохо представляли себе ситуацию в Испании, а отсюда и рекомендации общего характера, которые вряд ли могли оказать воздействие на деятельность компартии. Но и в этих документах содержались советы, направленные на дальнейшую изоляцию компартии, так как все силы, противостоявшие диктаторскому режиму, в том числе и “левые”, Коминтерн оценивал крайне негативно.

Анархисты и анархо-синдикалисты назывались “переодетыми либералами”, хотя их организации подверглись в период диктатуры особо жестоким репрессиям. Гнев против анархистов был вызван тем, что “они играют роль основного препятствия на пути завоевания компарти-

ей решающего влияния среди рабочих и основным препятствием для разоблачения республиканско-демократических иллюзий". Иными словами, компартии предлагалось держаться подальше от тех, кто в те годы видел в установлении республики спасение от диктатуры. Коминтерн особо настораживали "настроения примиренчества к анархизму", особо возмущали те "отдельные элементы, которые считали анархизм левым крылом рабочего движения, более левым, чем коммунистическая партия"⁷.

Даже в зашифрованной телеграмме Секретариата ИККИ (проект был составлен Степановым), посланной 20 марта 1931 г. накануне муниципальных выборов, которые решили судьбу монархии и привели к установлению Республики (сторонники выборов обоснованно считали "неправильной" тактику их бойкота), говорилось, что основная задача заключается в "разоблачении республиканских левооппозиционных группировок, как действительного оружия для спасения шатающегося режима и буржуазного строя". Партии указывалось на недостатки в отношении не столько "абстрактной критики парламентаризма", сколько по поводу "практического уклона оппортунизма", отказа сконцентрировать огонь против "республиканских группировок – главного непосредственного противника"⁸.

Иными словами, тактика русского большевизма в канун Октября 1917 г. автоматически переносилась на Испанию, страну иной политической культуры, отличной от России, с иной ситуацией и иной компартией, которая в то время по самым оптимистическим подсчетам насчитывала всего лишь 800 членов.

12 апреля 1931 г. состоялись муниципальные выборы, сыгравшие роль плебисцита: в тот день свыше 70% избирателей больших городов и промышленных центров отдали свои голоса кандидатам блока республиканцев и социалистов. 14 апреля 1931 г. в Испании была провозглашена Республика. Слабая и немногочисленная компартия в большинстве регионов придерживалась тактики бойкота выборов, а после того как было сформировано Временное правительство, объявила его "оплотом реакции", а министров, членов Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) – Ф. Ларго Кабальеро, И. Прието, Ф. де лос Риваса – соглашателями. И хотя провозглашение Республики создавало благоприятные условия для легального существования партии, лидеры КПИ, верные, как они полагали, установки ИККИ на борьбу с республиканскими иллюзиями, выдвинули лозунг создания республики Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, что вызвало неодобрение даже у тех, кто симпатизировал им.

В январе 1932 г. Западноевропейское бюро ИККИ обратилось с Открытым письмом к компартии Испании, где "сектантско-пассивное" поведение ее лидеров было подвергнуто критике. По не выявленным причинам произошла утечка информации, и еще до того, как содержание письма стало известно рядовым членам партии, оно было опубликовано в либеральной газете "El Sol", снабженное подзаголовком: "Коммунистический Интернационал бросил руководителям испанского коммунизма обвинение в неспособности и сектантстве"⁹.

Эти же обвинения читатели “El Sol” могли бы выдвинуть и Романскому ландерсекретариату, если бы имели возможность познакомиться с обсуждением на нем доклада Ферьеро 5 марта 1932 г. Докладчик оценил “14 апреля как маневр для предотвращения народной революции”. По его мнению, буржуазно-республиканское правительство имело явно реакционный характер, а демократические иллюзии “теперь уже несомненно не господствуют”. “Социалисты – народ конченный, о них много говорить не приходится в том смысле, что они полные оппортунисты”. Анархисты Пейро и Пестанья, руководители Национальной конфедерации труда, объявлялись “открытыми реформистами”, а анархистов-экстремистов докладчик предлагал разоблачить “не как людей, которые являются слишком левыми, а как людей, которые по существу являются слишком правыми”. Идея блока анархистов и коммунистов, “единый фронт анархистских рабочих и коммунистов” объявлялись оппортунистической идеей. Вожди Всеобщего союза трудящихся, как он полагал, вызывают ненависть среди рабочих, и из Национальной конфедерации труда массы бегут, что совершенно не соответствовало действительности.

Компартия критиковалась за пассивное отношение к аграрной революции, национальному вопросу, к организационной работе среди рабочих в городе, но главным образом за отсутствие “действительно правильно функционировавшего политического аппарата”. Особо осуждался, хотя и не прямо, секретарь партии Х. Бульехос¹⁰. Надежды на улучшение ситуации в компартии связывались со сменой руководства, которая должна была произойти на ее предстоящем съезде. Он открылся 17 марта 1932 г. в Севилье. В документах ИККИ, обращенных к компартии после съезда, отражено недовольство предложением К. Веги, сделанным им в канун открытия съезда: он обратился с просьбой к ЦК КПИ разрешить представителям леворадикального каталонско-балсарийского блока Маурина и троцкистам присутствовать на съезде¹¹.

Поскольку критика в адрес руководящей группы в партии была минимальной (Х. Бульехос, М. Адаме, А. Трилья), они были избраны в новый Центральный комитет наряду с Х. Диасом, Д. Ибаррури, П. Чека, В. Урибе, А. Михе.

Западноевропейское бюро ИККИ было не удовлетворено тем, что Бульехос и его соратники сохранили свои позиции; не выдержав нажима, в 1932 г. Бульехос, Трилья и Адаме демонстративно ушли со своих постов. 29 октября 1932 г. ИККИ и Интернациональная комиссия постановили исключить их из рядов компартии. В воззвании ИККИ группа Бульехоса обвинялась в том, что она не считается с Коминтерном и препятствует выдвижению молодых кадров, т.е. тех, которых он рекомендовал¹².

19 ноября и 3 декабря (2-й тур) 1933 г. состоялись выборы в кортесы. Из 473 депутатских мандатов левые республиканцы получили всего 70, социалисты, имевшие в кортесах предыдущего созыва 116, на этот раз получили только 60. Больше всего мандатов оказалось у Испанской конфедерации автономных правых (СЭДА) – 98 и радикалов – 100, у аграриев – 60 мандатов¹³.

Секретариат ИККИ расценил итоги выборов как крупную победу реакционных фашистских сил¹⁴. Но СЭДА, созданная на ассамблее правых католических организаций 22 октября 1932 г., не была фашистской организацией. Ее лидер Х.М. Хиль Роблес, профессор саламанского университета, неустанно повторял, что цель его организации – подготовить приход к власти режима, способного защитить чувства католиков от антиклерикальных устремлений кортесов, и путь к власти, по его убеждению, лежит через завоевание большинства на парламентских выборах, а пороки конституции могут быть искоренены контрзаконодательством опять-таки легальным путем.

Хиль Роблес имел в виду прежде всего ст. 26 конституции 1931 г., провозглашавшую отделение церкви от государства, роспуск иезуитского ордена, запретившую всем прочим орденам заниматься чем-либо в сфере экономики и преподавания.

В такой стране, как Испания, не только многие крестьяне и население небольших городов в районах с консервативными традициями, но и жители таких центров, как Мадрид и Барселона, были глубоко верующими и веками воспитанными в духе сознания того, что католическая церковь – опора страны и религия – основа всей жизни. Антиклерикальные тенденции II Республики, отразившиеся в конституции, вызывали резко отрицательные эмоции значительной части населения. Но этот круг проблем оказался вне поля зрения Коминтерна не только в канун, но и в период гражданской войны.

Молодежная организация СЭДА организовала 22 апреля 1933 г. “Слет” в Эскуриале. Она проявила большой интерес к итальянскому фашизму и немецкому национал-социализму, с которыми ее сближали расизм, воинствующий национализм, антипарламентаризм. Но это осталось вне внимания тех, кто готовил аналитические записки о положении в Испании, также как и создание 29 октября 1933 г. фашистской организации Испанская фаланга, антипартии, по определению ее лидера Х.-А. Примо де Риверы, которая в марте 1934 г. слилась с родственной группировкой – Хунтой наступления национал-синдикализма (ХОНС). Между тем именно Испанская фаланга и ХОНС в годы гражданской войны и в течение всех последующих лет, вплоть до смерти Ф. Франко в 1975 г., являлись одними из опор его режима.

Если информаторы и аналитики ИККИ не были точны в определении политического “кредо” СЭДА и ее молодежной организации, то тенденция к фашизации многих составляющих “правого” спектра общественной жизни II Республики сомнений не вызывала. И попытки противопоставить этой тенденции объединенный фронт левых и левоцентристских сил также были своевременны. Критика в адрес КПИ за то, что “весь огонь кампании (избирательной. – *Авт.*) коммунисты направили больше против социалистической партии, нежели против реакции”, также была справедлива. Как справедлив был и упрек за “непонимание подлинного состояния анархистских организаций”. Однако трудно было требовать от компартии, воспитанной в духе недоверия к своим “братьям по классу”, имеющим иную идеологическую ориентацию, стремительного усвоения принципа плюрализма, хотя бы только в отношении левых сил¹⁵.

В предлагаемый сборник включен документ об учреждении Народного фронта, датированный 8 февраля 1935 г.¹⁶ До сих пор исследователи, как отечественные, так и зарубежные, предполагали, что блок левых и левоцентристских партий, одержавший победу на выборах 16 февраля 1936 г., был сформирован значительно позже, после VII конгресса Коминтерна осенью 1935 г.

На выборах Народный фронт – так стали именовать в Испании избирательный блок левых и левоцентристских сил – получил 269 мандатов (из них социалисты – 88, коммунисты – 17), центр и правые – 205¹⁷. Крайне правые, и прежде всего военные конспираторы, воспринимали результаты выборов как свидетельство того, что демократическая система передала страну в руки революции. Подготовка заговора, который привел страну к гражданской войне, вступила в решительную стадию. В намеченный военными заговорщиками срок мятеж вспыхнул в Марокко. 18 июля гроза разразилась уже на территории Испании.

21 июля 1936 г., т.е. через три дня после начала мятежа, состоялось заседание Секретариата ИККИ, посвященное положению в Испании. 23 июля на следующем заседании Секретариата ИККИ Г.М. Димитров предупредил о том, что нельзя ожидать быстрого разгрома мятежа, и предложил создать армию как “государственную военную организацию”¹⁸. На другой день в письме к Х. Диасу и Луису (В. Кодовилье) Димитров настаивал на том, чтобы избегать всяких мероприятий, способных подорвать сплоченность Народного фронта в борьбе против мятежников: “До тех пор, пока можно будет обойтись без непосредственного участия коммунистов в правительстве, целесообразно не входить в правительство, так как таким образом легче сохранить единство Народного фронта. Участвовать в правительстве только в крайнем случае, если это абсолютно необходимо в целях подавления мятежа”¹⁹.

О том, что надежды на быстрое подавление мятежа были едва ли реальны, свидетельствуют решения бюро Профинтерна, состоявшегося в Праге 26 июля. Было решено, что Профинтерн возьмет на себя инициативу по оказанию помощи Республике, а также создать фонд в 1 млрд франков, причем большую часть этих средств должны собрать профсоюзы СССР²⁰. Эти средства должны были быть переданы Х. Диасу, Д. Ибаррури, М. Торезу, П. Тольятти, Ф. Ларго Кабальеро, т.е. членам руководителем компартий и одному социалисту. На этом же заседании было принято решение о формировании одной, а если понадобится и нескольких бригад иностранных добровольцев. Первоначально планировалось набрать пять тысяч бойцов, снабженных необходимым вооружением. С. Альварес, при непосредственном участии которого создавалась республиканская армия, полагает, что тогда было положено начало процессу формирования интербригад²¹. Как оказалось впоследствии, это решение было весьма своевременным: к этому времени путч перерос в затяжную гражданскую войну, произошла интернационализация конфликта.

Испания знала гражданские войны и в прошлом – в XIX в. она дважды была вовлечена во внутренние вооруженные конфликты противостоящих сторон, защищавших право на свое видение социально-

политического порядка в стране. Но это было внутренним делом самих испанцев. В накаленной международной атмосфере второй половины 30-х годов XX в. локализовать конфликт оказалось невозможным.

В первые же дни мятежа, бросившего страну в пучину гражданской войны, противоборствующие стороны сами положили начало процессу ее интернационализации, обратившись за внешней помощью: правительство Испанской республики – в Париж к Блюму, Франко – в Берлин к Гитлеру и в Рим к Муссолини. Это были роковые решения, хотя и, возможно, неизбежные в предельно идеологически полярной атмосфере Европы.

Даже на исходе жизни Франко, как свидетельствует запись его двоюродного брата и секретаря Ф. Франко-Салгадо от 5 июля 1965 г., утверждал, что “Гитлер никогда не вмешивался в подготовку мятежа”²². Первая реакция министерства иностранных дел Германии на просьбу Франко, переданную через подполковника Бейгбедера, о содействии закупке у германских частных фирм десяти транспортных самолетов максимальной грузоподъемности была негативной. “Известия о том, что мы поставляем оружие мятежникам, могут иметь чрезвычайно серьезные последствия”, – писал начальник политического департамента МИД Германии Дикхоф, будущий посол в Мадриде во времена второй мировой войны²³. Но Франко и его окружение нашли иные пути.

23 июля шефу заграничных организаций нацистской партии гауляйтеру Боле было передано личное послание Франко Гитлеру вместе с письмом, содержащим рекомендации сеутской организации НСДАП. 25 июля, после продолжительной беседы с Р. Гессом, Боле распорядился передать письмо Франко Гитлеру, находившемуся в Байрете. Гитлеру понадобилось менее двух часов, чтобы принять решение об оказании помощи Франко. На другой день был создан штаб “В” – формально, как особый отдел военного министерства, но под строгим контролем Геринга.

Между 28 июля и 1 августа в Тетуане приземлились 20 транспортных самолетов “Юнкерс-52”, а германское судно “Усамо” в это время находилось на пути в Кадис. 30 июля 12 итальянских бомбардировщиков “Савойя-81” вылетели из Сардинии в Марокко. Один из них из-за неисправности совершил вынужденную посадку в Алжире. Тайна вмешательства перестала существовать.

2 августа правительство Франции обратилось к заинтересованным странам Европы и США с предложением заключить соглашение о невмешательстве в испанские дела. 7 августа заместитель государственного секретаря Филлипс направил циркуляр всем дипломатическим представительствам США в Испании, предписывающий руководствоваться в “прискорбной испанской ситуации Актом о нейтралитете”²⁴. 5 августа временный поверенный в делах Франции в СССР Пайяр довел до сведения заместителя заведующего III западным отделом НКВД, что французское правительство считает “весьма желательным принятие Советским Союзом принципа невмешательства в испанские дела”²⁵. В тот же день вечером Н.Н. Крестинский, в то время заместитель наркома иностранных дел, известил Пайяра о принятии французского предложения.

К этому времени африканская армия мятежников была уже перебросена на Пиренейский полуостров. 6 августа юго-западная группировка под командованием Франко начала марш на Мадрид. Одновременно северная группировка под командованием Моля двинулась на Касерес. Началась большая война.

Насколько руководство Коминтерна было осведомлено о степени интернационализации испанского конфликта? Судя по письму к Димитрову и Мануильскому за подписью Шубина, оно имело достаточные источники информации: "Германия и Италия не ограничиваются посылкой оружия и самолетов мятежникам; они непосредственно участвуют в военных операциях. Муссолини обходит полным молчанием документально доказанную посылку эскадрильи итальянских бомбовозов через французское Марокко в штаб Франко"²⁶. Автор письма не обошелся без преувеличений: в то время участие в военных операциях ограничивалось пока направлением советников и инструкторов, прибытие итальянского экспедиционного корпуса, равно как и германского легиона "Кондор" было еще делом будущего, хотя близкого и предсказуемого.

По свидетельству Р. Вансеттарта, постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании, "русский аспект в Испании" был решающим фактором, определившим реакцию гитлеровской Германии на испанскую гражданскую войну. К этому выводу он пришел после беседы с Гитлером во время своего посещения Берлина 5 августа 1936 г.²⁷ Но в то время вмешательство Москвы в испанские события пока еще ограничивалось указаниями Коминтерна испанской компартии, передаваемыми через его советников. В первые дни мятежа в Испании находился В. Кодевиля (псевдонимы Перес, Луис и Медина). Когда после VII конгресса Коминтерна делегации ИККИ были ликвидированы, Испания составила исключение. В августе в Каталонию был направлен венгерский коммунист Э. Гере.

По мнению многих исследователей, Кремль отдавал себе отчет в тех осложнениях, которые создавала на международной арене гражданская война в Испании, и они были для него нежелательны. 3,5 тыс. км, отделявших Пиренейский полуостров и Советский Союз, также располагали к размышлению. К тому же Москве многое в "прискорбной испанской ситуации" необходимо было прояснить, а для этого необходимо было иметь в Испании легальную базу, которая давала бы Кремлю необходимую информацию. Та, что давал Коминтерн, представлялась недостаточной.

Вести, поступавшие из различных источников, при всей их противоречивости, были тревожны. Демаркационная линия между верными республике офицерами и мятежниками, пройдя по частям и гарнизонам, развалила армию. Исполненные бесстрашия отряды рабочей милиции не имели военного опыта и были плохо вооружены, а поэтому не всегда могли сдерживать натиск мятежников, использовавших весь спектр методов устрашения, применявшихся ими в колониальных войнах.

В течение августа 1936 г. позитивно завершились переговоры между правительствами СССР и Испании о назначении соответствующих

дипломатических представительств на уровне посольства. Следует напомнить, что согласие о восстановлении дипломатических отношений, прерванных в 1918 г., было достигнуто еще 28 июля 1933 г., однако обмен дипломатическими представителями до августа 1936 г. не состоялся. На этот раз послом в Испании был назначен М. Розенберг, послом в Москве – М. Паскуа, генеральным консулом в Барселону – В.А. Антонов-Овсеенко. Вместе с персоналом посольства прибыли военные советники.

По мнению американского историка и публициста Т. Мэтьюза, “побудительными мотивами политики Сталина не были ни идеализм, ни мораль, ни любовь к Испании. С оправданными основаниями он страшился агрессивного нацистского режима. И он искал *détante* (согласия. – *Авт.*) с Англией и Францией как противовеса нацистской Германии”²⁸. Но Испания как раз и оказалась той страной, где согласие стало невозможным.

После падения Талаверы, что открыло дорогу на Мадрид, разразился правительственный кризис. Ф. Ларго Кабальеро заявил президенту М. Асанье, что он намерен взять на себя историческую ответственность, но поставил условие – в правительстве должны преобладать социалисты. Социалист центристской ориентации И. Прието был против Ф. Ларго Кабальеро как главы правительства и против социалистической администрации в государственном аппарате, считая, что это может скомпрометировать Республику в глазах Запада и оттолкнуть средние слои в стране. По-видимому, сходными были и соображения руководства ИККИ, заявленные еще на Секретариате 24 июля 1936 г. и предписывавшие компартии соглашаться на вхождение в правительство “только в крайнем случае, если это абсолютно необходимо в целях подавления мятежа”. Ф. Ларго Кабальеро предъявил ультиматум: или коммунисты входят в правительство, или компартия будет отвечать за поражение²⁹. В. Кодовилья немедленно поставил в известность Секретариат ИККИ. Итог: в сформированное 4 сентября правительство Народного фронта вошли два представителя компартии – члены политбюро ЦК КПИ В. Урибе и Х. Эрнандес. Это стало одним из факторов, повлиявших на активизацию усилий по оказанию военной помощи Республике.

На государственном уровне такое решение было принято на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 29 сентября 1936 г.³⁰, которое получило кодовое название “Операция X”. Далее события развивались стремительно, причем Коминтерн и государственные институты СССР действовали синхронно как один организм.

4 октября 1936 г. в Картахену из Феодосии прибыло испанское грузовое судно “Комнэчин” с первой партией оружия. Затем 14 октября уже советский пароход доставил 50 танков³¹. 7 октября представитель СССР в Лондонском комитете по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании С. Каган, замещавший находившегося в отпуске посла И.М. Майского, заявил: “Советское правительство ни в коем случае не может согласиться превратить Соглашение о невмешательстве в ширму. Советское правительство вынуждено ввиду этого заявить, что если не будут немедленно прекращены нарушения Соглашения о невмешательстве,

оно будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из Соглашения”³². 23 октября И.М. Майский направил председателю Комитета лорду Плимуту письмо: “Советское правительство не может считать себя связанным Соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из остальных участников этого соглашения”³³.

К этому времени был уже хорошо известен текст телеграммы, переданный всеми ведущими информационными агентствами Европы и Америки, направленной 16 октября 1936 г. генеральному секретарю Коммунистической партии Испании Х. Диасу за подписью Сталина: “Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего прогрессивного человечества”³⁴. Обращает на себя внимание тот факт, что адресат телеграммы был не глава правительства социалист Ф. Ларго Кабальеро, а секретарь ЦК КПИ. “Идеологическая ориентация” помощи не вызывала сомнений.

14 октября в Альбасете прибыли первые иностранные добровольцы. Избрание Альбасете как базы интернациональных бригад одобрил сам Ф. Ларго Кабальеро, поручивший Д. Мартинесу Барриосу, президенту кортесов и лидеру республиканской партии, возглавить комиссию по организации интербригад. Руководителем интербригад стал член секретариата ИККИ Андрк Марти. На вопрос Мартинеса Барриоса “каковы ваши условия участия в нашей борьбе”, ему был дан ответ: “Мы не ставим никаких условий. Не желаем ничего, кроме одного: интербригады должны рассматриваться как соединения, подчиненные правительству и его военным властям”.

Это условие не всегда выполнялось руководителями Военного комитета интербригад, которые были коммунистами, а многие и членами руководящих органов своих партий. Их политическое пристрастие в какой-то мере было запрограммировано предыдущими установками Коминтерна, и провозглашаемые с 1935 г. лозунги Народного фронта, ориентированные на терпимость ко всем антифашистским силам. Эту запрограммированность трудно было преодолеть. Об этом свидетельствуют документы, включенные в данный сборник³⁵.

К 22 октября – официальной дате создания интербригад – было сформировано три батальона, которые затем были соединены в 11-ю интербригаду в номенклатуре республиканской армии. 1 ноября 1936 г. Ф. Ларго Кабальеро, совмещавший пост главы правительства с постом военного министра, назначил командующим 11-й интербригады генерала Клебера (Манфреда Штерна), а комиссаром – Марио Николетти (Дж.ди Витторьо). Затем были сформированы еще пять бригад – 12, 13, 14, 15 и 29-я³⁶.

Вмешательство Коминтерна приобрело уже не только идеологический характер, но и чисто военный. Это стало еще одним фактором, оказавшим не только решающее воздействие на интернационализацию гражданской войны в Испании, но и усилившим идеологическую поляризацию конфликта, исключавшую всякую возможность компромисса.

Однако одно формирование интербригад не решало проблемы. Республика нуждалась в вооруженной помощи извне, так как ее военная промышленность была не в состоянии обеспечить армию. Для реализации военных поставок в рамках “Операции X” было задействовано как советские, так и испанские грузовые суда. Корабли, на которых прибывало вооружение, условно назывались “Y”, они доставили в испанские порты свыше 500 тыс. т вооружения, боеприпасов и других материалов. Всего с октября 1936 по февраль 1939 г. в портах Испании разгрузились 66 “Y”.

Как предполагалось ранее, для оплаты вооружения и услуг военных советников хватит тех средств, которые смогли собрать Коминтерн и Профинтерн. Но их оказалось явно недостаточно.

В ноябре 1936 г. нарком финансов Г. Гринько, заместитель наркома иностранных дел Н. Крестинский и посол республиканской Испании в Москве М. Паскуа подписали акт о передаче на хранение в СССР 510 т золота, что составляло $\frac{3}{4}$ всего золотого запаса Испании, как гарантии для представления кредитов на поставку вооружения³⁷. К марту 1938 г. от “испанского золота” практически ничего не осталось: все поглотили военные поставки. В июле 1938 г. в Москву отправился Х. Альварес дель Вайо, неоднократно занимавший пост министра иностранных дел республиканского правительства, для ведения переговоров о предоставлении кредита в размере 75–100 млн дол. После отъезда Альвареса дель Вайо переговоры были продолжены с командующим авиацией Республики И. Идальго де Сиснеросом³⁸. Кредит был предоставлен. Однако, как отмечает М. Эспадас Бургос, “прибытие советских материалов на французскую территорию совпало с последними месяцами войны, когда наступила заключительная стадия распада республиканской армии”³⁹.

Несмотря на все трудности, связанные с доставкой вооружения, важно отметить, что отчаянные просьбы испанского республиканского правительства о помощи находили отклик только в Москве: Лондон и Париж оставались глухи к этим просьбам. А это создавало определенную идеологическую направленность в интернационализации испанского конфликта по их же вине.

В течение гражданской войны и особенно после ее окончания военные специалисты многих стран, оценивая качество советского вооружения, не избегали критики. Один из первых это сделал М. Тухачевский еще в апреле 1937 г.⁴⁰ Но были и другие факторы, которые сыграли роковую роль в судьбах Республики: идеологическая заданность рекомендаций Коминтерна, принимаемых к исполнению его инструкторами и самой компартией. Поскольку за компартией стояла Москва, оказывавшая военную помощь, эти рекомендации имели особый вес.

Грань между “своими” и “чужими” для многих партий и организаций не всегда совпадала с линией траншей, отделявших республиканцев от националистов. И не так далеки были от истины исследователи и журналисты, когда отмечали, что «тыл республиканской Испании был охвачен настоящей “второй” гражданской войной, где социалисты и троцкисты боролись против коммунистов, а анархисты – против коммунистов и социалистов»⁴¹.

Представители Коминтерна в Испании также порой проявляли излишнюю нетерпимость и критичность к союзникам по совместной борьбе против франкистов, несмотря на официальные установки Секретариата ИККИ, призывавшие к лояльным, партнерским союзным отношениям. В большей степени это относится к В. Кодовилья, Э. Гере, А. Марти, С. Миневу, в меньшей – к П. Тольятти (Эрколи), который был направлен в Испанию летом 1937 г. Как свидетельствуют документы, также считали и многие испанские коммунисты⁴².

Порой взаимное недоверие выливалось в вооруженные конфликты. Примером тому может служить майский путч 1937 г. в Барселоне и братоубийственная борьба в последнис дни Республики, в дни “Хунты Касадо”⁴³.

Многие документы, включенные в предлагаемый читателю сборник, отражают маниакальную уверенность Сталина и его окружения, в их числе руководителей и функционеров Коминтерна, в том, что источником всех неудач являлся троцкизм.

Еще в апреле 1936 г., когда до начала гражданской войны оставались считанные недели, в докладной записке Димитрову, подписанной Гере, подчеркивалось: “Опасность троцкизма возрастает и будет расти, так как троцкисты будут использовать ситуацию в провокационных целях”⁴⁴.

ПОУМ – леворадикальная Рабочая партия марксистского единства – с самого начала отрицательно относилась к самой идее создания правительства на базе Народного фронта, полагая, что июльский мятеж был следствием политики коалиции с буржуазией. По схеме ПОУМ в гражданской войне в Испании класс капиталистов противостоял рабочему классу и крестьянству. Они отрицали за представителями буржуазии, даже мелкой, право на какое-либо участие в коалиционном правительстве. Отсюда – концепция революции, предложенная А. Нином, руководителем ПОУМ: “Победа рабочих и крестьян в Испании возможна лишь как победа социалистической революции”, отсюда и призывы декабрьской резолюции ЦК ПОУМ: “Распустить буржуазный парламент! Созвать учредительное собрание делегатов от фабрично-заводских комитетов, крестьянских представителей и делегатов с фронта!”⁴⁵. Но попытка реализовать явно утопическую для Испании социально-политическую модель, причем средствами, типичными для леворадикалов, т.е. насильственными, еще не дает оснований для утверждений о связи помистов с фашистской шпионской организацией, работающей на Франко, и даже причастности ПОУМ к “пятой колонне”. И то, что франкистская пропаганда использовала борьбу ПОУМ против КПИ в своих целях, еще не аргумент для подобных заявлений.

В цитированной выше записке Г. Димитрову Гере писал: “Опасность троцкизма возрастает и будет расти, так как Маурин, будучи избранным депутатом, получил трибуну и так как авантюризм троцкизма при данной ситуации в Испании смыкается с авантюризмом анархо-синдикалистских лидеров”⁴⁶. Гере не смутило, что формально тогда Маурин не был членом ПОУМ, хотя по многим позициям был близок к этой организации.

В донесении П. Шубина от 7 августа 1936 г. Г. Димитрову и Д. Мануильскому о международной ситуации Троцкому и троцкизму было уделено едва ли не большее внимание, чем проблеме вмешательства Германии и Италии в Испанские дела⁴⁷.

В докладе на Секретариате ИККИ 7 марта 1937 г. А. Марти также не обошел вниманием троцкистов и ПОУМ, сообщив, что лидеры этой организации “хотят организовать 1 мая в Барселоне Всемирный рабочий конгресс, а после него – Международный рабочий конгресс”. По мнению Марти, “в Мадриде и Барселоне они (т.е. члены ПОУМ. – *Авт.*) дают себя чувствовать”⁴⁸.

В серии информационных писем в Секретариат ИККИ весной – летом 1937 г., которые можно рассматривать как ответную и предсказуемую реакцию руководства КПИ на установки ИККИ, ПОУМ рассматривался как сила, враждебная Республике. В письме, посвященном кризису правительства Ф. Ларго Кабельеро, разразившемуся в феврале 1937 г. после падения Малаги, ПОУМ оказался в “темной общей компании” с социалистами других стран “плюс гестапо” против Коминтерна, плюс СССР, против испанской коммунистической партии⁴⁹.

В письме от 11 мая 1937 г., посвященном анализу майского путча в Каталонии, ПОУМ назван “организацией фашистов, провокаторов, шпионов, бандитов и убийц”. Автора письма огорчает, что не только “анархистская пресса делает невероятные усилия, занимается головоломкой и софистикой, желая защитить поумистов”, но и сам Ф. Ларго Кабельеро “не собирается принимать энергичные меры против ПОУМ”⁵⁰.

В письме от 18 июня 1937 г., озаглавленном “Месяц правительства Негрина”, ПОУМ назван “филиалом шпионского аппарата генерального штаба Франко, организацией агентов гестапо и агентов Муссолини, организацией, в ряды которой входит также и агентура Интеллидженс сервис и французской охраны”⁵¹.

Доступные ныне исследователям документы Коминтерна не позволяют выяснить многие детали трагической судьбы руководителя ПОУМ А. Нина, но все же дают возможность проследить его путь от незаконного ареста в конце первой декады мая 1937 г. до исчезновения всяких сведений о нем в июле 1937 г. Остается еще много загадок. Кто конкретно арестовал А. Нина? Кто распространил клеветническую легенду, подкрепленную искусственно составленным фотомонтажом о якобы нахождении его в Берлине? Кто, наконец, причастен к убийству этого сложного персонажа испанской драмы, почитавшего не только русский Октябрь и последовавшие за ним события российской истории, являясь их свидетелями во время своего пребывания в нашей стране (он входил в руководящие органы Коминтерна с 1926 по 1927 г. и был впоследствии выслан как сторонник Л. Троцкого), но и классическую русскую литературу, со многими произведениями которой он, как переводчик и издатель, познакомил испанского читателя. На эти вопросы еще предстоит ответить будущим исследователям. Но современников волновала не только судьба А. Нина и его соратников.

“Символы первых месяцев дружбы – Розенберг, Антонов-Овсеев-ко, Кольцов – таинственно исчезли, когда возвратились в свою страну”⁵². Это напоминание французского историка П. Вилара, одного из крупнейших исследователей гражданской войны в Испании, – еще одна иллюстрация к тому, как тесно были связаны массовые репрессии в Советском Союзе с судьбами республиканской Испании. О том, какое пагубное воздействие оказали “московские процессы” на мировое общественное мнение, на тех, для кого защита испанской демократии была борьбой против фашистской угрозы в Европе и в мире, свидетельствует письмо Р. Роллана Ж.-Р. Блоку от 3 марта 1938 г.: “Московский процесс – для меня терзание. Не хочу ничего писать здесь по существу дела – еще поговорим об этом. Однако резонанс этого события во всем мире, особенно во Франции и Америке, будет катастрофическим. Не думают ли лучшие друзья СССР, что надо было бы самым быстрым способом отправить советским властям письмо (закрытое, не предназначенное для печати), заставляющее их подумать о том, какие плачевные последствия для Народного фронта, для сотрудничества коммунистической и социалистической партий, для совместной защиты Испании будет иметь решение, приговаривающее осужденных к смертной казни?”⁵³.

Вместе с тем следует отметить, что последствия “московских процессов” были бы еще более негативными, если бы не специфические условия Европы и мира 30-х годов, на которые обратил внимание испанский социалист Ф. Клаудин, в прошлом коммунист, а в последние перед его смертью годы директор мадридского “Фонда Пабло Иглесиаса”, основного архива Испанской социалистической рабочей партии: «Когда в 1936 г. начались индивидуальные процессы в Москве и были отправлены на эшафот главные авторы Октябрьской революции, репутация Сталина и “родины социализма” осталась непоколебимой. Возросла угроза фашизма, Гитлер захватил власть, началась испанская гражданская война. Советский Союз был единственной державой, которая оказывала военную помощь Республике. Даже те, кто внимал голосу совети, начинали думать, что что-то прогнило в сталинском королевстве, отступали перед главным аргументом сторонников Москвы: всякая критика против СССР – на руку реакции и фашизму»⁵⁴.

Хотя справедливо отмеченные Ф. Клаудином факторы “самортизировали” восприятие демократическим общественным мнение Запада “сталинских чисток”, тем не менее сам образ страны Советов претерпел существенные изменения в сторону его дегуманизации. Это отражалось, в свою очередь, на оценке всего, что было связано с Коминтерном и компартией Испании, которые не могли не рассматриваться в тесной связи с СССР. Круг этих проблем лежит вне того корпуса документов, которые предлагаются читателю. Однако их надо иметь в виду для понимания общественной атмосферы вокруг испанской гражданской войны.

Среди документов, позволяющих уточнить многие детали трагической судьбы руководителей ПОУМ, особое место занимает отчет члена английского парламента и одного из руководителей Независимой ра-

бочей партии Финнера Броквея, посетившего Испанию в конце июня – начале июля 1937 г.

Запрещение ПОУМ было негативно воспринято социалистическими партиями, входившими во II Интернационал. Было принято решение послать в Испанию делегацию французских парламентариев. Пригласили и Ф. Броквея. На основании сведений, полученных как от журналиста Мак-Нейра, близкого к Независимой рабочей партии, так и от уцелевших от арестов членов ПОУМ, он пришел к выводу, что запрещение ПОУМ произошло по указанию компартии: “Ходят слухи, что Нин расстрелян. Горкин и Андраде переведены в Мадрид”.

5 июня Броквей, встретившись с секретарем МИД Х. Хиралем, выразил сомнение, что ПОУМ является фашистской партией. Хираль, со ссылкой на министра внутренних дел, заверил Броквея, что суд над ПОУМ будет открытым и судить Нина будет народный, а не военный трибунал. Но этого не произошло⁵⁵.

“Московские чистки” пагубно сказались на умонастроениях представителей Коминтерна. С приближением к трагической развязке расширялся и круг подозреваемых в подрывной деятельности. Не остался в стороне даже П. Тольятти, приложивший в свое время немало усилий для сглаживания противоречий между защитниками Республики. Он не скрывал своего отношения к сектантской позиции Кодовилья и Гере, с предубеждением относившихся ко всем, кто не входил в сферу влияния компартии: в письме в Секретариат ИККИ от 13 сентября 1937 г. Тольятти просит не присылать их больше в Испанию. Но в своем докладе “Политическое положение Испании после мюнхенской конференции” он не обошел критикой ни одну из партий и организаций республиканской зоны. И хотя по-прежнему главная роль в “идеологическом отношении” им отводилась троцкистам, проникшим, как полагал Тольятти, в социалистическую партию, анархистские, республиканские и даже молодежные организации, в сферу его внимания попали даже франкмасоны, прежде всего занимавшие командные должности в армии. По его мнению, командующие авиацией Камачо и Алонсо, возглавлявшие руководство Центрального фронта, Барсело, Буэно и Ортего своей пассивностью и колебаниями помогли С. Касадо совершить государственный переворот 5 марта 1939 г., после которого Республика уже не оправились.

Лояльный в прошлом к анархистам, Тольятти обвинил Федерацию анархистов Иберии в том, что составленный и распространенный ею в августе 1938 г. “Меморандум” содержал уже “почти все элементы платформы антикоммунистического блока капитулянтов и предателей”⁵⁶. Следует заметить, что в докладе Монтинеля от 19 мая 1939 г. “Некоторые данные и суждения об испанских событиях после 5 марта 1939 г.” сообщаются неизвестные подробности о договоре Касадо, по-иному представляются акценты⁵⁷.

О том, какая атмосфера взаимного недоверия царил даже среди тех, кто входил в сферу влияния Коминтерна, свидетельствует отчет М. Штейна (подписанный М. Фред)⁵⁸. Отчет высвечивает многие детали, которые привели к трагическому исходу “спора” прославленного

командира IX интербригады, более известного как генерал Клебер, со своими оппонентами. Вскоре по возвращению в Москву он был репрессирован и погиб в лагере.

1 апреля 1939 г. Франко заявил, что война закончена. То был мир могил, и трагическая судьба не обошла никого из защитников Республики. И даже тех, кто питал иллюзии, что политическая пассивность будет достаточной гарантией для личной безопасности. Траншеи гражданской войны долго не зарастали. Но в конце концов прошедшие после ее окончания десятилетия сгладили многие взаимные обвинения, река времени смыла горечь обид и утрат. На заседании конгресса депутатов испанских кортесов 28 ноября 1995 г. был принят закон, предложенный парламентскими фракциями Объединенные левые, Инициатива Каталонии, Баскской националистической партией и социалистами, о предоставлении испанского гражданства членам интернациональных бригад⁵⁹. В юбилейных изданиях и мероприятиях, посвященных 60-летию создания интербригад, широко отмечавшемуся в ноябре 1996 г. в Испании, приняли участие те, чьи отцы и деды находились по разные стороны баррикад. И тем не менее желание восстановить подлинную историю тех лет побуждает ученых многих стран продолжать свои изыскания. При этом особое внимание уделяется документам, доселе недоступным, хотя иные из них могут вызывать горечь и сожаление.

Каждое поколение исследователей стремится дать свои ответы на вопросы, поставленные историей. К тому же события гражданской войны в Испании еще не до конца ясны. Надеемся, что документы, включенные в данный сборник, восполнят существующие пробелы.

* * *

В сборник “Коминтерн и гражданская война в Испании” включены документы из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Основная их часть относится к периоду гражданской войны 1936–1939 гг. Вместе с тем составители считали необходимым дополнить сборник рядом документов, отражающих стратегическую линию Коминтерна по отношению к испанской компартии (как до начала войны, так и после поражения Республики).

Практически все документы находятся в фонде Коминтерна (ф. 495). Это материалы Президиума ИККИ (оп. 2), Секретариата ИККИ (оп. 18), Секретариата Г. Димитрова (оп. 73), документация по отдельным компартиям (оп. 74), из которой извлечены материалы по испанской компартии.

Документы по теме отложились в различных описях РГАСПИ, что связано со структурными реорганизациями в системе ИККИ. Так, 24 марта 1926 г. по решению секретариата Президиума ИККИ были образованы 11 секций (позднее лендерсекретариаты). Испания входила в секцию, куда были отнесены Португалия, Мексика, Аргентина, Бразилия, Чили, Уругвай, Парагвай, Куба. Ответственный секретарь – Эрколи (П. Тольятти), члены – Ж. Эмбер Дро, А. Штириф, А. Трэн, А. Нин.

28 июля 1927 г. Политсекретариат ИККИ принял новое постановление о лендерсекретариатах, в соответствии с которым Испания вхо-

дила в Латинский лендерсекретариат. Руководитель – Ж. Эмбер Дро, члены – А. Бернор, В. Кодовилья, Валецкий, Д. Пеннер, Е. Первухин. 21 сентября 1928 г. Политсекретариат ИККИ внес предложение о некоторой реорганизации, в соответствии с которой Испания входила в Романский лендерсекретариат. Руководитель – Серра, заместитель – И. Степанов, члены – Б. Васильев, А. Барбе, В. Коларов.

2 октября 1939 г. Секретариат ИККИ вынес решение о ликвидации института представителей ИККИ и инструкторов ИККИ в секциях Коминтерна; Испания составляла исключение. В соответствии с решением Президиума ИККИ от 13 октября 1935 г. Испания входила в Секретариат Д. Мануильского.

Составители, изучив документы, отобрали те, которые наиболее полно отражают стратегическую линию Коминтерна, его методы и основные направления деятельности в годы гражданской войны в Испании. Все документы публикуются впервые. Часть из них, помеченных словами “Из коллекции архива”, публикуются в переложении. Расположены документы в хронологическом порядке и пронумерованы составителями.

Тексты документов воспроизводятся с учетом имеющихся в них исправлений и вставок. Зачеркнутые слова и фразы, рукописные поправки, пометы на полях, сделанные лицом, читавшим документ, – все это отражено в подстрочных примечаниях. Явные опечатки и описки исправлены и в примечаниях не оговариваются. Публикация осуществлена в соответствии с современными правилами орфографии и синтаксиса. В то же время полностью сохранена стилистика документов. Часто встречающиеся в подлинниках подчеркивания отдельных слов и предложений отмечены чертой.

Резолюции, пометы, штампы помещаются после документа с указанием, в какой его части они сделаны. В легенде дается штамп архивного досье (фонд, опись, дело, листы), подлинность (подлинник, копия), метод передачи текста (машинопись, рукопись), язык документа.

В комментариях разъясняются отдельные факты и события, о которых идет речь в документе, предыстория вопроса, краткие сведения об упоминаемых лицах, если это не понятно из текста публикации. Здесь же приводится правильное написание испанских имен, названий местности или городов, если они искажены корреспондентом или автором документа.

Сборник снабжен биографическими данными о наиболее видных деятелях Коминтерна. В документах встречаются имена некоторых функционеров ИККИ или агентов, посылавших сообщения из Испании, сведения о которых, к сожалению, установить не удалось.

* * *

Составители тома выражают благодарность за содействие в подготовке издания к печати сотрудникам РГАСПИ Э.Н. Шахназаровой, С.М. Розенталь и Института всеобщей истории РАН Н.С. Лебедевой, Л.В. Хатовой, А.Б. Ситниной.

- ¹ *Cierva de la R.* Bibliografía general sobre la guerra de España (1936–1939) y sus antecedentes históricos. Madrid; Barcelona, 1968. См. также: *Palacio Atard V.* (dir.). Cuadernos bibliográficos de la guerra de España. Madrid, 1963–1969. 7 vol.
- ² *Alvarez S.* Historia política y militar de las Brigadas Internacionales. Madrid, 1996.
- ³ Коммунистический Интернационал. 1935. № 12/13. С. 35.
- ⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (Далее: РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 19. Д. 97. Л. 3.
- ⁵ Там же. Л. 1, 13; Ф. 534. Оп. 5. Д. 199. Л. 12, 28–29, 102.
- ⁶ Там же. Ф. 495. Оп. 25. Д. 616. Л. 103–109.
- ⁷ Там же. Л. 1–5.
- ⁸ Там же. Оп. 19. Д. 99. Л. 10.
- ⁹ *Es Sol.* 1932. 12 fev.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 109. Л. 14–15, 151–157.
- ¹¹ *La Palabra.* 1932. 12 mars.
- ¹² Коммунистический Интернационал. 1932. № 28/29, 33.
- ¹³ *El Socialista.* 1933. 21 oct., 5 dec.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 144. Л. 232–234.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Д. 225. Л. 95–100.
- ¹⁷ *El Socialista.* 1936. 19 fev.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1101. Л. 22–23.
- ¹⁹ Там же. Ф. 495. Оп. 20. Д. 270. Л. 13, 51, 139.
- ²⁰ В течение 1936–1939 гг. в СССР было собрано 274 млн руб. См.: *Мещеряков М.Т.* Испанская Республика и Коминтерн. М., 1981. С. 49.
- ²¹ *Alvarez S.* Op. cit. P. 60.
- ²² *Franco-Salgado F.* Mis conversaciones privadas con Franco. Barcelona, 1976. P. 453.
- ²³ Documents of German Foreign Policy, 1918–1945. Ser.D. L., 1950–1964. Vol. 3. P. 9–11.
- ²⁴ Peace and War. United States Foreign Policy. 1931–1941. Wash., 1943. P. 323.
- ²⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1974. Т. 19. С. 383 (Далее: ДВП СССР).
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 33. Л. 111–112.
- ²⁷ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. 2 ser. L., 1979. V. 17. P. 758–760.
- ²⁸ *Matthems H.* Half of Spain Died. N.Y., 1973. P. 154.
- ²⁹ См.: *Мещеряков М.Т.* Указ. соч. С. 16.
- ³⁰ См.: *Rybalkin Yu.* La ayuda militar soviética a la España republicana // Actas de la I Conferencia de hispanistas de Rusia. Madrid, 1995. P. 242.
- ³¹ *Мещеряков М.Т.* Указ. соч. С. 52.
- ³² ДВП СССР. Т. 19. С. 464.
- ³³ Там же. С. 514.
- ³⁴ Правда. 1936. 16 окт.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 272. Л. 35–37, 41, 42.
- ³⁶ *Alvarez S.* Op. cit. P. 62–63.
- ³⁷ *Pascua M.* Oro español en Moscú // Cuadernos para el dialogo. 1970. junio–julio.
- ³⁸ *Viñas A.* La financiación interior de la guerra civil // *Preston P.* La revolución y la guerra en España. Madrid, 1986. P. 225–226.
- ³⁹ *Espadas Burgos M.* Franquismo y política exterior. Madrid, 1987. P. 79–80.
- ⁴⁰ См.: *Rybalkin Yu.* Op. cit. P. 242.
- ⁴¹ Politische Studien. 1959. № 116. P. 827.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 270. Л. 13, 51, 139.
- ⁴³ Подробнее см.: Тоталитаризм в Европе XX века. М., 1996. С. 155–169.
- ⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 199. Л. 6.
- ⁴⁵ Internationale Klassenkampf. 1937. № 1.

- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 199. Л. 6.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 73. Д. 33. Л. 102–103.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 74. Д. 206. Л. 20–23.
- ⁴⁹ Там же. Д. 204. Л. 30–32.
- ⁵⁰ Там же. Л. 128–132.
- ⁵¹ Там же. Л. 144–145.
- ⁵² *Vilar P.* La guerra civil española. Barcelona, 1986. P. 169.
- ⁵³ Цит. по: Иностранная литература. 1988. № 4. С. 166.
- ⁵⁴ *Claudin F.* Prologo // *Hidalgo D.* Un notorio español en Rusia. Madrid, 1985. P. 15.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 211. Л. 107–125.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 20. Д. 28а. Л. 1–110.
- ⁵⁷ Там же. Оп. 74. Д. 215. Л. 203–217.
- ⁵⁸ Там же. Д. 206. Л. 91–146.
- ⁵⁹ Цит. по: *La llamada española: Homenaje a las Brigadas Internacionales. 1936–1939.* Toledo, 1996. P. 6. Издание осуществлено кортесами Кастильи–Ла Манчи.

ЧАСТЬ I. 1923–1931

№ 1

Письмо секретаря ИККИ в ЦК КП Испании

22 февраля 1923 г.

[В] Оргбюро было постановлено организовать издательство литературы для всех стран, говорящих по-испански, в том числе и для Испании. Это издательство должно, по мнению Оргбюро, издавать литературу для широких пролетарских масс. Серьезную же литературу для активных членов Партии стран, говорящих по-испански, можно распространить на французском языке, которая издается К.П. Франции.

Для организации Издательства в Испании ассигновано на 1923 г. 16.000 зол. руб., составленных из взносов К.И., Профинтерна и Молодежи. Кроме того, обращаем Ваше внимание, что взнос К.И. в известной доле составлен из сумм, удержанных от Компартий, по-испански говорящих стран, кроме Испании. За деятельность Издательства ответственно Ц.К. Испанской Компартии. Он должен посылать по несколько экземпляров своих изданий в Москву, а также отчитываться регулярно, через каждые три месяца, перед Издательской комиссией ИККИ.

При сем посылаем эквивалент 8.000 зол. руб. за I полугодие 1923 г.

Что касается ежедневной газеты, которую Вы хотите издавать, то после просмотра бюджета, который был подан в Бюджетную Комиссию Вашей Делегацией на IV Конгрессе, видно, что газета Вам даст дефицит в год 3.185 пезет. Какую часть из этой суммы Вы можете собрать сами и сколько потребовалось бы от нас? Кроме того, сообщите, могла бы Ваша комгазета ежедневно распространяться по странам, говорящим по-испански.

Просим ответить возможно скорее.

Секретарь ИККИ[†]

РГАСПИ. Из коллекции архива.

[†] Подписано от руки

Письмо Пятницкого в ЦК КП Испании

17 августа 1923 г.

К Испании

В докладе в ИККИ наш представитель, который был на Вашем съезде, просит ассигновать 5.000 пезет для того, чтобы объехать индустриальные центры Испании с пропагандистской и агитационной целью.

Мы просим до рассмотрения нами этого вопроса сообщить – сколько денег Вами было получено за 1923 г., как Вы их израсходовали, какие у Вас предполагаются расходы до конца 1923 года. Получены ли Вами деньги на издательство, как Вы организовали издательство и что Вами уже издано.

Пятницкий

*РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 97. Л. 1.**Подлинник, машинопись, рус. яз.**Письмо Ю. Умбердроза¹ Фрицману*

4 окт[ября] 1923 г.

Париж

Тов. Фрицман, Берлин Копия: т. Пятницкому

Мой дорогой товарищ,

Получил Ваше письмо от 24 сент. и 500 доллар. для испанской партии.

Совместно с т. Росмером² решили, что т.к. связь наша с Испанией уже ненадежна, благодаря существующей там военной диктатуре³, послать эти деньги с товарищем, который поедет в Мадрид, передаст их лично и установит связь с Мадридом и Барселоной. Остальные деньги вы можете нам прислать, как только мы получим известие о том, что связь налажена. Т.к. возможно, что я поеду в конце месяца в Лисабон⁴ на конгресс партии, я смогу проездом через Мадрид сам передать остальные деньги, и обсудить с ЦК Испанск. партии их политическую деятельность.

Узнал от Капена, что Елена, которая поддерживала связь, теперь в Москве и может быть будет заменена. Я ей в прошлом месяце послал важные документы и также мой паспорт нелегальный, который нужно было просто продлить, чтобы он был годен. У меня нет относительно этого ответа, это нехорошо, т.к. я должен ехать в Лисабон. Я также хотел бы в конце этой недели поехать в Берлин для переговоров с немецким ЦК, и я это не смогу сделать, если не получу моего паспорта. Уже почти месяц, как я его послал.

Уже больше месяца, как я без денег, и я просил аванс 800–1000 долл. Я одалживал в Юманите, но это не может так продолжаться.

Я Вас прошу в отсутствие Елены заняться этими двумя вопросами, чтобы я мог в скором времени получить ответ.

С ком[мунистическим] приветом,

Ю. Умбердроз

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 97. Л. 13.

Копия, машинопись, рус. яз.

¹ Ю. Умбердроза – так в документе. Правильно: Эмбер-Дро Жюль (1891–1972) – руководитель Латинского (позднее Романского) ландсекретариата, с 1928 г. член Западноевропейского бюро, на VI конгрессе Коминтерна был избран членом ИККИ (персонально).

² Росмер Альфред (1877–1964) – избран членом ИККИ в 1920 г., член Малого бюро с 1921 г.

³ Военная диктатура – 13 сентября 1923 г. генерал Примо де Ривера совершил государственный переворот. Была установлена диктатура. Коммунистическая партия Испании была запрещена.

⁴ Лисабон – так в документе. Правильно: Лиссабон.

№ 4

Письмо Генерального секретаря Испанской КП Буэхоса в ИККИ

2 апреля 1926 г.

Париж

Отчеты за 2 последних квартала 25 г. посланы сюда. Если не при-
были, то по вине нашей почты. Копии посылают.

Со следующей почтой посылают отчеты за 1 четверть 26 г., а также
отчеты отдельных федераций, с указанием взносов, собранных сумм и т.д.

Не следует удивляться большому дефициту, обусловленному тем,
что за последнюю четверть 25 г. получили в начале 26 г., так что нель-
зя было эти деньги использовать. Чтобы покрыть дефицит, прибегли к
экстраординарным методам. Дефицит “Антрхи” – 1200 пезет в месяц
был покрыт деньгами, посланными Профинтерном на пропаганду проф-
единства в прессе. Это вызвано тем, что большая часть газеты посвяще-
на этой агитации.

В отчете за некоторые месяцы расходы по помещению парткомитета
равны 600 франк., в других 400 фр. Разница объясняется тем, что за пос-
ледние месяцы тов. Буэхос жил там же и платил 200 фр. за свою комнату.

Тов. Трилла¹ сообщил нам, что Вы не пошлете денег без получения
отчета. Отчеты мы будем посылать, но мы протестуем против плохого
функционирования почты. Нам стало известно, что Вы хотите послать
деньги за 1 четверть 26 г., но к несчастью до сего дня мы ничего не полу-
чили и положение наше очень плохое. Надеемся, что Вы увеличите бюд-
жет, как Вы и решили, и пошлете теперь же за 1 четверть и за 2-ю немед-
ленно по проверке наших отчетов. Просьба при посылке денег сообщить
нам дату отправки и сумму, чтобы мы могли требовать на месте.

Буэхос²

Верно: (подпись неразборчива)

Помета секретаря: "За I четв. послано. 3, 4" (далее подписи неразборчиво).

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 79. Л. 45.

Копия, машинопись, перевод на рус. яз.

¹ Трилла – так в документе. Правильно: Трилья – член ЦК КПИ, исключен из партии в 1932 г.

² Буэхос – так в документе. Правильно: Бульехос – член ЦК КПИ, исключен из партии в 1932 г.

№ 5

Письмо Секретариата ИККИ в ЦК КП Испании

7 июня 1926 г.

Москва

В Ц.К. К.П. Испании

Дорогие товарищи

Орготдел ИККИ рассмотрел Ваши инструкции по общей организационной работе КП Испании и в настоящем письме сообщает Вам свои замечания и советы.

Мы со своей стороны должны сопроводить письмо Орготдела некоторыми замечаниями общего характера, касающимися политической линии и внутреннего режима партии.

В течение последних недель мы наблюдали за развертыванием на столбцах органа Центрального Комитета "Анторча"¹ полемики о внутрипартийной демократии в компартиях, о решениях по этому вопросу, принятых последним расширенным пленумом ИККИ, и о том, в какой мере эти решения могут быть применяемы в Испанской партии. Не располагая нужными сведениями – от вас мы таковых не получали, – мы не можем сказать, какие факты из внутрипартийной жизни предшествовали этой полемике и вызывали ее. Мы хотим, чтобы вы сообщили нам все возможные детали по этому вопросу, но, судя по полемике, как таковой, мы считаем, что ее абсолютно недостаточно не только для того, чтобы показать, как следует решить проблему внутрипартийной демократии в вашей партии, но и для того, чтобы правильно и полно ее поставить. Вам следовало с гораздо большим вниманием отнестись к вопросу о внутрипартийной демократии в КП Испании.

В минувшие годы Коммунистическая партия Испании находилась в весьма тяжелых условиях. В связи с ухудшением общей политической ситуации страны, а также в результате ряда ошибок, совершенных руководящими товарищами, силы партии были почти совершенно распылены и ее влияние, можно сказать, сошло на нет. Для того, чтобы выйти из такого положения, надо было, прежде всего, реорганизовать сверху партийные кадры. Ясно, что в этот период реорганизации надо было ставить весьма узкие рамки применению демократии внутри партии. Но, если такое ограничение оправдывается исключительной обстановкой, то его ни в коем случае не следует возводить в правило в жизни

коммунистической организации, особенно, когда объективные условия благоприятствуют развертыванию политической деятельности этой организации и расширению ее влияния в массах. Между тем, коммунистическая партия Испании находится в настоящее время именно в таком положении.

Основная задача, встающая в настоящий момент перед КП Испании, заключается в том, чтобы сосредоточить все силы на расширении ее пролетарской классовой базы и ее влияния в массах. Если^{1*} нельзя себе представить вообще^{2*} организационной работы, которая не сопровождалась бы политической деятельностью, то этот принцип приходится теперь с особенной отчетливостью подчеркнуть применительно к нашей партии. Вы должны выйти из узких рамок простой реорганизационной кампании, осуществляемой сверху. Ввиду этого внутрипартийный режим не может более носить характера исключительной централизации, вызванной потребностями первого периода реорганизации и нелегального существования партии.

Как вы увидите, замечания и советы, предлагаемые вашему вниманию Орготделом, относятся к этому основному вопросу. Действительно, ошибки, замеченные в ваших инструкциях, оправдывают сомнения в том, понимаете ли вы политические задачи, встающие в нынешний момент перед вашей партией, и не станете ли вы и впредь придерживаться в своей организации директив, противоречащих этим задачам. Тот факт, что вы содержите, наряду с назначенными снизу местными руководящими органами, целую сеть "доверенных" Центрального Комитета, назначаемых сверху и фактически являющихся политическими руководителями движения, может привести только к сокращению инициативы низовых органов всей партии. Вы должны, наоборот, стараться развертывать инициативу партии, если вы хотите, чтобы она была способна проводить политическую деятельность в массах. Равным образом приходится критиковать с "политической" точки зрения ограничение числа членов ячейки десятью, являющееся не только нарушением устава К.И., но внушающее^{3*} нам опасения насчет правильности вашей концепции партии, ее задач и метода^{4*} их выполнения. Это распоряжение^{5*} в корне противоречит ленинской концепции коммунистической партии, как партии масс, организации которой должны^{6*}, начиная с ее низовых органов, не только находиться^{7*} в контакте с широкими слоями трудящихся, но и должны иметь возможность неуклонно расширять свою базу и свое влияние. Это ограничение числа членов ячейки десятью свидетельствует о том, что вы рассматриваете партию как секту, т.е. как организацию мелких авангардистских групп, оторванных

1* Далее зачеркнуто слово "никогда".

2* Слово "вообще" вписано сверху.

3* Слово "но внушающее" вписаны сверху от руки вместо зачеркнутых слов "это распоряжение внушает".

4* Далее зачеркнуто слово "работы".

5* Слова "это распоряжение" вписаны сверху вместо зачеркнутого слова "она".

6* Далее зачеркнуто слово "находиться".

7* Слово "находиться" вставлено сверху.

от масс и заранее обреченных на неспособность с ними связаться. Возможно, что такая инструкция не продиктована этой концепцией, но нет сомнения, что благодаря ей в ваших рядах распространится настроение, противоречащее политическим задачам, которые ставит вашей партии ситуация в стране, и могущее помешать выполнению этих задач.

Мы подчеркнули два пункта, имеющих принципиальное значение, и просим вас, используя советы нашего Орготдела, рассмотреть по существу внутривнутрипартийный вопрос. Ошибочное разрешение этой проблемы может в будущем приобрести^{1*} весьма серьезные последствия для^{2*} организации революционного авангарда испанского пролетариата.

Но мы хотим^{3*} предложить вашему вниманию и несколько других вопросов, тоже имеющих^{4*} большое значение.

Наиболее серьезным вопросом, который должен быть разрешен в первую очередь, является вопрос об установлении регулярной и нормальной связи ИККИ с ЦК КП Испании. Правда^{5*}, во время последнего расширенного пленума ИККИ мы договорились на этот счет с тов. Ноэлем, но мы все же не можем сказать, чтобы с тех пор связь между ИККИ и ЦК КП Испании носила нормальный характер.

Прежде всего, еще раз напомним вам, что в своей резолюции по испанским вопросам Президиум решил, что ЦК КП Испании должен занять определенную позицию в борьбе с французской правой. В резолюции Президиума дословно говорится:

“Центральный Комитет испанской партии должен принять резолюцию, подтверждающую его солидарность с постановлением пленума, направленным против французской правой и призывающим правые элементы подчиниться постановлениям Интернационала и французской партии и окончательно порвать с теми, кто будет продолжать фракционную работу или попытаются извне разлагать французскую КП и сообщить ей антикоммунистическую идеологию”.

К сожалению, это постановление вами еще не проведено в жизнь. Вы лишь сообщили нам текст опровержения по поводу статьи, подписанной Педро, авторство которой редакция “Бюллетень Коммунист” приписывала члену ЦК испанской партии. По-видимому, это опровержение было вами послано в “Юманите” до того, как вы узнали о решении Президиума. К тому же в нем вы совершенно не высказываетесь по существу вопроса. В нем нет^{6*} недвусмысленного заявления о полном политическом разрыве ЦК КП Испании с французской правой. Наоборот, опровержение заканчивается фразой, которая позволяет усомниться в том, хотели ли вы пойти на открытый и окончательный разрыв с французской правой. С опубликованием этого опровержения вопрос ни в коем случае не может рассматриваться как разрешенный и перед

1* Слова “в будущем приобрести” вписаны сверху вместо зачеркнутых слов “иметь в настоящее время”.

2* Далее зачеркнуто слово “будущего”.

3* Далее зачеркнуто слово “также”.

4* Слова “имеющих тоже” переставлены.

5* Слово “Правда” вписано сверху.

6* Слово “нет” вписано вместо слов “не содержится”.

вами встает задача провести в жизнь постановления Президиума. Мы просим вас без промедления выполнить эту задачу.

Такое проведение в жизнь решений Президиума тем более необходимо, что мы в настоящее время знаем, что в феврале месяце Центральный комитет испанской партии обратился ко всем низовым организациям, к национальному союзу коммунистической молодежи Испании и к испанским коммунистическим организациям во Франции с циркулярным письмом по поводу своих взаимоотношений с руководящими органами КПФ. Мы не хотим входить в детальное рассмотрение этого письма, поскольку оно побудило вас возобновить дискуссию, которая у нас была с вашим представителем в испанской комиссии во время последнего расширенного пленума. Но тот факт, что руководящие органы одной^{1*} секции Интернационала высказываются против руководящих органов другой секции в такого рода документе и распространяют его в своей партии и в ячейках другой партии (испанские коммунистические организации во Франции являются согласно уставу КИ органами французской партии), не информируя об этом верховных органов Интернационала и заинтересованных партий, — настолько серьезен^{2*}, что мы даже воздерживаемся от того, чтобы поверить в возможность^{3*} совершения такого акта^{4*} руководящими товарищами коммунистической партии. Этот факт является открытым нарушением всех правил внутренней жизни Интернационала. Если между вами и руководством КПФ были разногласия, вы имели право и были обязаны обратиться за их разрешением к руководящим органам Интернационала. Устав КИ не препятствует ни одной секции обсуждать и высказываться по поводу всех проблем, встающих перед Интернационалом и его партиями, но они должны высказываться и дискутировать открыто. Между тем то, что совершили вы, может рассматриваться лишь как попытка мобилизовать одну партию против другой, попытка, которую приходится самым суровым образом осудить. Далее, в последние недели вы написали несколько писем по детальным вопросам, но не послали руководящим органам КИ материалов и сведений, которые позволяли бы судить о ходе развития политической линии испанской партии.

В своем постановлении, принятом в марте мес., Президиум утвердил линию партии, т.е. ту линию, которая была установлена по соглашению с нами в октябре 1925 года. Но Президиуму абсолютно необходимо знать, как эта линия применяется. В октябрьских резолюциях было указано испанской партии на необходимость проведения кампании единого фронта с некоторыми левыми группами, находящимися в оппозиции к диктатуре Примо де Ривера². Но, как нам передают, эта кампания должна была иметь своей основной целью

^{1*} Слово "одной" вписано сверху.

^{2*} Слова "насколько серьезен" вписаны сверху вместо зачеркнутых слов "является столь серьезным актом".

^{3*} Далее зачеркнуто слово "его".

^{4*} Слова "такого акта" вписаны сверху.

агитацию в массах против диктатуры. Эта агитация должна была явиться исходной точкой для нашего политического выступления. Между тем, мы до сих пор не видим никаких признаков того, что мы приближаемся к достижению этой цели, и мы принуждены сделать из этого вывод, что проведение линии, установленной в октябре мес., встретило затруднения, а насчет таковых* мы должны быть информированы. Положение в Испании не таково, чтобы Президиум мог удовлетвориться отрывочной информацией, которая к тому же поступает после того, как факты уже совершились.

Поэтому мы просим вас регулярно посылать нам отчеты и протоколы заседаний Центрального Комитета, дабы мы смогли пристально следить за всей деятельностью партии. В частности, мы просим незамедлительно информировать вас о развитии нашей политики единого фронта против каталонцев.

Еще один пункт, на который мы считаем нужным обратить ваше внимание, это необходимость проведения широкой агитационной кампании в пользу товарищей, которые предстанут перед военным советом. Мы писали по этому поводу Центральному Комитету КПФ и Секретариату МОПР. Но кампания должна проводиться в Испании, прежде всего в испанской партии, которая должна распространять небольшие воззвания и использовать все другие формы, могущие применяться в нынешней обстановке.

Мы выражаем свое удовлетворение в связи с тем фактом, что вы провели в жизнь постановление о переводе в Испанию Центрального Комитета партии. Это необходимая предпосылка осуществления плодотворного руководства как внутри партии, так и в массах. Но мы настаиваем на том, чтобы вы разрешили проблемы, затронутые в настоящем письме. Эти проблемы в нынешний момент имеют решающее значение для испанской партии и для установления нормальных взаимоотношений между ЦК партии и руководящими органами Интернационала.

С коммунистическим приветом
Секретариат ИККИ

Штамп на первой странице: "Окончательный текст для архива".

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 25. Д. 616. Л. 103-109.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

¹ "Анторча" – так в документе. Правильно: "Ла Анторча" – центральный орган КПИ с 1921 г. ЦК КПИ в период диктатуры Примо де Риверы находился в эмиграции во Франции.

² М. Примо де Ривера – генерал. Совершил военный переворот 13 сентября 1923 г., установил диктатуру, отменил конституцию, распустил Кортесы (Парламент). При нем была упразднена система политических партий.

* Слово "таковых" вписано сверху вместо зачеркнутых слов "этих затруднений".

№ 6

Телеграмма Абрамову¹ от Круглова

19 ноября 1927 г.
Берлин

Копия телеграммы из Берлина от 19.XI.27:

“Абрамову от Круглова. КП Испании необходимо 25 тысяч французских франков ... срочно объяснения ... (поездки?). Ноэль”.

Помета: *рукой секретаря*: “Абрамов читал. Пятн[ицкий] читал”.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 97. Л. 74.

Копия, машинопись, рус. яз.

¹ Абрамов Александр Лазаревич – зав. отделом международной связи ИККИ.

№ 7

Телеграмма Пятницкому от Кубова из Берлина

24 декабря 1927 г.

Получено 24/XII–27 г.

Из Берлина

Пятницкому от Кубова. Паскал арестован Бискае. Исполком заставляет меня покинуть Бильбау. Необходим срочный приезд Ноеля, слушас моего ареста не останется ни одного члена Политбюро.

Пятницкий читал

Степанову показали

27.XII.27

Помета: *рукой секретаря*: “Вх. № 1135 27.XII.27; № 108 55 от 23.XII.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 97. Л. 75.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

№ 8

Шифротелеграмма из Парижа от “Рауля”

17 апреля 1929 г.
Париж

Испанский делегат на пленум будет Виченте Арроио секретарь КП. Рауль.

Х/Па.З

Подпись (переводчика неразборчива)

Помета: “Шифрочасть сообщит Хеймо”.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 417. Л. 1.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

*Письмо относительно субсидий, необходимых для деятельности
КП Испании*

27 ноября 1929 г.

В Малой Комиссии

Секретарь К.П. Испании тов. Арройо прислал доклад о деятельности К.П. Испании за последние 2 месяца. Считает необходимым созвать пленум ЦК в начале января 1929 г. Две возможности: созвать сго в Испании или за границей. Созыв ЦК будет сопровожден с расходами. Арройо просит, если Коминтерн согласен на созыв этого заседания ЦК, позаботиться о присылке средств. Если заседание будет иметь место – расходы = 3795 пезо¹; если за границей – тогда = 5025 пезо. Подробное распределение вероятных расходов имеется на отдельном листке. Письмо тов. Арройо помечено датой 20 ноября.

27/XI-29 (подпись)

P.S. Письмо о расходах передано в секретариат т. Пятницкому.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 417. Л. 2.

Подлинник, рукопись, рус. яз.

¹ Пезо – так в документе. Правильно: песет.

№ 10

Письмо из ИККИ инструкторам в Испании

29 августа 1930 г.

Секретно.

Мы получили значительное количество писем от вас обоих. Должны признать свою большую вину в том, что до сих пор не отвечали. Как всегда, были заняты всякими неотложными делами, – но это, конечно, не оправдание. Постараемся в дальнейшем быть более аккуратными и отвечать немедленно по получении каждого письма. Со своей стороны пишите чаще, не дожидайтесь наших ответов и давая возможно более подробную и конкретную информацию о происходящих событиях и наших планах работы.

Возвращаясь к полученным от вас писем, нужно констатировать, что несмотря на их объем и количество, они не дают сколько-нибудь конкретной картины динамики классовых сил в стране, состояния наших партийных организаций, а также вы почему-то не сообщаете, какую линию вы берете в дальнейшей работе.

Вы сообщаете об отдельных конкретных мероприятиях, которые вы намечаете на ближайшее время. Может быть, эти мероприятия совершенно своевременны и правильны, но не видно перспективы. Между тем, для вас важнейшее сейчас – иметь ясную перспективу, которая позволила бы через все объективные и субъективные трудности твердо вести определенную линию.

Насколько можно судить по имеющейся информации, ваша партия еще не играет сколько-нибудь заметной роли в рабочем классе, и тем более в деревне. На авансцене по-прежнему находятся республиканцы¹ и пацифистско-республиканские иллюзии, по-видимому, имеют еще очень большое влияние в решающих слоях пролетариата. Анархисты, анархо-синдикалисты² также как везде являются переодетыми либералами. Насколько можно судить отсюда, они играют роль основного препятствия на пути завоевания нашей партией решающего влияния среди рабочих и основным препятствием по пути разоблачения республиканско-демократических иллюзий.

Что делает наша партия для того, чтобы расчистить эти основные препятствия? Из писем мы узнали, что в партии имеется настроение примиренчества к анархизму, что есть даже отдельные элементы, которые считают анархизм левым крылом рабочего движения, более левым, чем коммунистическая партия. Но что делается партией для того, чтобы разоблачить эти неправильные взгляды, для того, чтобы развернуть в широких массах трудящихся упорнейшую разъяснительную работу против республиканско-демократических иллюзий и против анархистов, прикрывающих эти либеральные иллюзии псевдореволюционной фразой? Не развернув этой работы, не покончив самым решительным образом со всякими колебаниями в отношении борьбы с анархистами, наша партия не будет в состоянии выполнить своих важнейших задач.

Как дело обстоит с пассивностью членов партии? Изменилось ли положение, или старые кадры обнаруживают свою неспособность идти во главе масс? Что представляют из себя новые члены партии? Кто они по своему социальному положению? Как они завербованы – в порядке общих* призывов, на различного рода митингах, собраниях, через печать или через заводские партийные ячейки, в порядке индивидуальной обработки и отбора? Что с ними? Вовлечены ли они в активную партийную работу? Участвуют ли в обсуждении партийных вопросов? Каков уровень их активности, общеполитический уровень? Что делает партия для того, чтобы превратить их в настоящих коммунистов?

Мы думаем, что партия сможет превратиться в подлинно большевистскую партию только в результате массового вовлечения в свои ряды новых сил из числа активных участников последних** выступлений пролетариата и если она сумеет эти новые силы с самого начала подвергнуть серьезному идеологическому воспитанию и основательному организационному дисциплинированию.

Речь не идет о каких-нибудь коммунистических университетах, речь идет в первую очередь*** о том, чтобы Центральный комитет сумел в кратчайший срок издать максимальное количество популярных листовок и брошюр, разъясняющих элементарные обязанности коммунистов, т.е. – за какие ближайшие задачи они борются, какими методами

* Первоначально вместо слова "общих" было "общественных".

** Далее зачеркнуто слово "массовых".

*** Слова "в первую очередь" вписаны сверху.

они борются, какая должна быть организация для того, чтобы эта борьба принесла максимальные положительные результаты. Вообще на партийную литературу, нелегальную и абсолютно, везде где возможно, легальную и полулегальную, т.е. выходящую открыто, но без разрешения полиции, партия должна обратить максимальное внимание. Мы до сих пор ничего не знаем — какие шаги предприняла партия для реализации директив, о которых мы здесь договорились, относительно журнала. Без журнала партия будет как без рук. Центральный комитет при нынешнем состоянии руководящих кадров, без руководящего партийного органа совершенно не в состоянии будет выполнить своих обязанностей. Что же делается в этом отношении? Вы, наверное, будете писать по поводу средств. Придется повторить, что в ближайшее время никаких дополнительных ассигновок мы представить не в состоянии.

Но как у вас сборы: идут ли они вообще? Вы об этом ничего не пишете, между тем это первостепенной важности вопрос не только с точки зрения укрепления финансовой базы партии, но и с точки зрения проверки связей* партии с массами и воспитания сочувствующих партии элементов, усиления их органической связи с партией в ее повседневной работе. Мы думаем, что в нынешних условиях страны партия могла бы получать известную материальную помощь со стороны сочувствующих коммунизму** мелкобуржуазных элементов (городская интеллигенция, студенчество и т.п.). Может быть, эта публика не будет прямо поддерживать партию, но она, наверное, будет помогать, когда партия будет устраивать сборы в помощь жертвам политических репрессий, на литературу рабочим и солдатам и т.п.

Еще одного вопроса коснемся в этом письме. Как применяется тактика единого фронта снизу? Как обстоят дела с комитетами действия? Делались ли какие-нибудь попытки через пролетарские заводские комитеты действия вовлечь в движение против монархии мелкобуржуазные городские элементы? И что делается для того, чтобы завязать связи с крестьянством, с движением сельскохозяйственных пролетариев в первую очередь***?

В нынешней обстановке продолжающейся неустойчивости политического режима и значительной активности рабочих масс исключительно важно, чтобы массовые выступления пролетариата следовали одно за другим, как в свое время учил т. Ленин накануне империалистической войны 1914 года, в связи с подъемом рабочего движения в царской России. Он говорил тогда, что если нельзя организовывать длительных забастовок, надо организовывать короткие, если нельзя охватить движением целые отрасли промышленности или целый город, устраивать забастовки по отдельным предприятиям.

Партия должна во всех этих выступлениях широко информировать трудящихся города и деревни, стараясь вовлечь в движение также и революционные элементы деревни. В этих выступлениях будет происхо-

* Слово "связей" вписано сверху.

** Слова "сочувствующих коммунизму" вписаны сверху.

*** Абзац отчеркнут на полях.

доть идеологическая и организационная закалка растущей боевой активности революционных масс города и деревни, формирование подлинно коммунистического руководства, а это как раз то, что сейчас прежде всего и больше всего необходимо для партии.

Судя по вашим письмам, у вас должны быть теперь сведения о состоянии местных партийных организаций. Постарайтесь дать нам эти сообщения как можно скорей.

Наконец, как дело обстоит с армией? Есть ли там какие-нибудь элементы революционного брожения? Работает ли наша партия? Специальный вопрос – о работе в экспедиционной армии, памятуя, что в последние годы в экспедиционной армии всегда было наибольшее количество недовольных элементов.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 25. Д. 617. Л. 1–5.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

¹ Республиканцы – после падения диктатуры Мигеля Примо де Риверы в январе 1930 г. в течение первой половины года завершился процесс формирования республиканских партий. Наиболее влиятельными были: левые радикал-социалистическая партия М. Доминго и Республиканское действие М. Асаньи; центристская партия А. Лерруса; либерально-республиканская партия, созданная бывшими монархистами Н. Алкала Саморой и М. Маурой; движение против монархии. 17 августа 1930 г. в г. Сан-Себастьяно на совещании лидеров республиканских партий, включая партии Каталонии, был избран революционный комитет, который возглавил Н. Алкала Самора.

² Анархисты и анархо-синдикалисты – речь идет о Федерации анархистов Иберии (ФАИ), созданной в 1927 г., и Национальной конфедерации труда (НКТ), крупнейшего профсоюзного объединения, основанного в 1910 г. Эти организации были репрессированы в годы диктатуры М. Примо де Риверы.

№ 11

Шифротелеграмма в ЦК КП Испании

19 января 1931 г.

Телеграмма шифром
ЦК КП Испании

Профинтерн послал двух представителей тчк Один из них Эмбер Дро¹ тчк Он имеет опыт и будет полезен вам тчк Поэтому* рекомендуем использовать его вашей каждодневной** работе тчк НР

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 99. Л. 3.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

¹ Эмбер Дро – так в документе. Правильно: Эмбер-Дро.

* Слово “Поэтому” вписано сверху.

** Слово “каждодневной” вписано сверху.

20 марта 1931 г.

На основе этого проекта была
 послана краткая телеграмма,
 текст ее и черновики взял Хеймо,
 он же передал в ш.ч. для отправки

Шифром

ЭМБЕР ДРО, копия ПБ КП Испании

Считаем неправильной тактику бойкота выборов. Считаем абсолютно необходимым активное дисциплинированное участие партии в муниципальных выборах с полностью развернутой программой партии с основными политическими лозунгами как по отношению непосредственных требований, так и по отношению центральных политических лозунгов пролетариата, крестьянства, солдат, других трудящихся слоев, а также по отношению национальных требований каталонцев и басков. Тактика партии в предстоящих выборах должна преследовать следующие задачи – разоблачить нашего непосредственного противника, различные республиканские лжеоппозиционные группировки, как действительного орудия для спасения шатающегося режима и буржуазного строя, – ознакомить широкие массы с политической физиономией нашей партии; разбивать демократические иллюзии, но не абстрактной критикой против парламентаризма вообще, а путем критики конкретного поведения и конкретных дел правящих партий и оппозиционных партий; расширить контакт партии с массами и создать действительные парторганизации на заводах и в рабочих центрах.

Необходимо комбинировать выборную кампанию с кампанией и организацией борьбы пролетариата и крестьян в защиту их непосредственных требований.

Пришлим обстоятельное письмо с критикой тактики бойкотистов, а также с критикой последних партийных манифестов и циркуляров, в которых абстрактная критика парламентаризма и одновременно практический уклон оппортунизма, ибо отказ сконцентрировать огонь против республиканских группировок – главный непосредственный противник*.

Пометы: *вверху документа*: “Проект телеграммы: (сост. т. Степановым)”; “(2 экз. уничтожены)”.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 99. Л. 10.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

* Абзац отчеркнут на полях.

№ 13

Телеграмма Политкомиссии в КП Испании

5 октября 1931 г.

Настаиваем на том, чтобы приехали представители от регионов¹ Барселона Бильбао и Андалузия², Адамс³ и Трилля тчк На поездке Булежоса⁴ мы не настаиваем тчк № 2721*

Политкомиссия

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 99. Л. 18.

Подлинник, машинопись, перевод на рус. яз.

¹ Регионов – так в документе. Правильно: регионов.

² Барселона и Андалузия – так в документе. Правильно: Барселона и Андалусия.

³ Имеется в виду М. Адаме, член ЦК КПИ.

⁴ Правильное написание: Бульехос.

№ 14

Смета расходов на устройство дома, представленная ЦК КПИ

		пезеты ¹
15 июля	Залог на дом, три месяца	525.00 (возвращено)
15 июля	Квартплата с 15 июля по 31 авг.	272.50
15 июля	Бумага для контракта	12.00 (возвр.)
22 июля	Мебель и его перевозка	1030.00
24 июля	Одеяла и поставка их	91
24 июля	Залог на электр. счетчик	30
24 июля	Счет за свет	1.35
24 июля	Установка счетчика и 2 полок	12.40
28 июля	Пол. проволоки, 4 контакта	5.45
28 июля	Простыни и наволочки	65.00
28 июля	Счет за железные изделия	41.00
28 июля	Пепельницы, подюжины свеч и бумага	5.45
28 июля	12 лампочек по 25 и 50 св. и переносная лампа	56.15
30 июля	Квартплата и кварт. налог за 2 месяца	100.00
1 августа	Разные кухонные вещи, купленные Марией	7.90
4 августа	Счет за домашнюю посуду	25.20
4 августа	Счет за домашнюю посуду	9.00
5 августа	Белье	100.00

* Номер "2721" вписан от руки.

5 августа	2 тряпки	6.00
5 августа	Маленькое одеяло	30.00
3 августа	Счет за железные изделия	44.75
12 августа	Счет за железные изделия	28.95
12 августа	Кроватка	40.00
5 августа	Работа ламповщика	<u>32.00</u>
	Итого	2.571.00

Помета: *от руки*: “100 пезет = \$ 900”.

РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 8. Д. 199. Л. 12.

Подлинник, рукопись, рус. яз.

¹ Так в документе. Правильно: песеты.

№ 15

Отчет КПИ за март¹–сентябрь 1931 г. по квитанции

17 июня	Роберт, инструктор	2)*	300
17 июня	Эрминио, “	3)	300
17 июня	Эрминио, “	4)	100
?	Роберт, расходы Барселона и Бильбао	5)	475
30 июня	Послано в Севилью	6)	404.10
2 июля	Роберт, жалование	9)	300
7 июля	Рольдан, поездка	11)	167.50
24 июля	Канцелярские принадлежности	14)	59.15
25 июля	Послано тов. Уртадо	15)	353.60
25 июля	Канцелярские принадлежности	16)	18.85
25 июля	“ “	17)	25
25 июля	“ “	18)	2.50
28 июля	Наварро, на устройство митинга без- работн.	19)	300
28 июля	Роберт, поездка Мадрид–Барселона	20)	600
21 июля	Сантьяго, на работу среди железно- дор. в Мадриде	21)	500
17 июля	Телеграмма в Сарагоссу	22)	1.40
12 августа	Гобс, на прокламации	25)	70
3 августа	Роберт, жалование	26)	300
1 августа	Послано в Севилью	27)	505.10
8 августа	“ “	28)	505.10
11 августа	Марегора	29)	25
23 сентября	Профбилеты	30)	208
15 августа	Прокламации металлистов	30)	75
Сентябрь	Роберт, жалование	32)	300

* Нумерация сделана от руки другими чернилами, начинается с № 2.

5 сентября	Дигера	33)	125
23 сентября	"	35)	175
30 сентября	Рольдан, на администрацию газеты	36)	700
30 сентября	Жалование, суточные и поездка Рольдана с 15.7 по 30.9	12)	1156.75 7551.60

РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 8. Д. 199. Л. 28–29.

Подлинник, рукопись, рус. яз.

¹ Так в документе. Однако данные приведены начиная с июня.

№ 16

Отчет КПИ о расходах в месяцах октябре и ноябре¹

Октябрь 1931 г.

Октябрь			
2.	Жалование Роберта	1)	300 ²
5.	Дано Роберту на расходы	2)	15
5.	Дано Рольдану на администрацию "Унион Синдикаль"	3)	600
6.	Новый аванс администратору вследствие конфискации	4)	401
6.	Расходы на получение данег из Мадрида	5)	5
6.	Суточные и дорога Мендосы	6)	100
6.	Наем и перевозка аппарата	7)	239.35
14.	Жалование Мендосы	9)	400
15.	Жалование Рольдана	8)	400
17.	Два штампа, один К.В., другой П.О.		6.50
18.	10 000 прокламаций металлистам	10)	225
19.	Нумератор		100
21.	Посылка денег Областному Объединению Андалузии и телеграмма	11) и 17)	506.50
23.	Поездка Лараньяги из Сан Себастиана в Барселону		175
23.	Жалование месячное Лараньяги	12)	350
23.	Пособие Сан Себастиану на кампанию единства, 2 месяца по 500 пезет		1000
29.	Счет за печатание 2000 билетов	13)	42.50
30.	Почтовые расходы		30
30.	Газеты		25
	Итого		4920.85

РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 8. Д. 199. Л. 102.

Подлинник, рукопись, рус. яз.

¹ Так в документе. Однако данные за ноябрь отсутствуют.

² Суммы приводятся в песетах.

№ 17

Записка Пятницкого Куусинену¹

22 апреля 1931 г.

1) Делегация и инструктора работают на основе устава К.И., принятого VI конгрессом. Делегация и инструктора действуют методами убеждения, а также не подменяя собой соответствующих партийных инстанций.

2) Основная задача делегации и инструкторов оказывать помощь и содействие сознанию партией ошибок, допущенных в первые дни революции, и помощь в укреплении парторганизации на основе политических и организационных директив К.И.

3) В случае серьезных разногласий по коренным тактическим вопросам с ПБ делегация переносит вопрос на ЦК, одновременно немедленно информирует К.И.

4) На ближайшее время делегация и инструктора концентрируют внимание на следующих пунктах: Барселона, Бильбао, Мадрид, Севилья, причем они должны помогать местным коммунистам, в особенности им показывать, как нужно работать.

5) Инструктора работают под непосредственным руководством делегации.

РГАСПИ. Из Коллекции архива.

¹ Куусинен Отто Вильгельмович (1881–1964) – член Президиума ИККИ с 1922 по 1943 г.

№ 18

Записка Степанова Васильеву¹

30 ноября 1931 г.

тов. Васильев

Рихтхофер самозвано и по Хлестаковски держал себя в Испании.

Потом самовольно покинул Испанию и поехал в Берлин.

Придется вынести по этому поводу решение.

Но самое существенное – это то, что делегация наша без переводчика.

Подумай, как практически можно этот вопрос решить. Иначе мы сидим в калошу нашу делегацию и накануне съезда партии

Степанов
30/XI/31

Помета: *на полях*: “Вопрос был поставл. на Полит. К-сии 27.XI”.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 103. Л. 16.

Подлинник, рукопись, рус. яз.

¹ Васильев Борис Афанасьевич (1889–1937) – с 1927 г. член Латинского (позднее Романского) лендерсекретариата; с 1926 по 1934 г. возглавлял постоянную комиссию Политсекретариата ИККИ.

Стенограмма заседания Романского лендерсекретариата по вопросам политического положения в Испании¹

5 марта 1932 г.

ФЕРЬЕРО: Прежде всего, несколько замечаний по поводу характера доклада. Так как сейчас перед секретариатом стоит неотложная задача – приготовить срочно тезисы, то по соглашению с тов. Степановым, я свой доклад подготовил как своего рода конспект тезисов о политическом положении в Испании, выпятив основные принципиальные вопросы для того, чтобы после обсуждения их здесь, было бы легче тем товарищам, которым это будет поручено, в самый короткий срок сформулировать основные предложения, какие нужно сделать. Таким образом, тут есть маленькое неудобство, что в моем докладе будут выставлены некоторые моменты вам уже известные и я займусь изложением того материала свежего, который я знаю, но который может быть для других неизвестен. Но этот недостаток, я думаю, не так уж тяжел, если будут повторены некоторые известные моменты, потому что главная задача – очертить точно ясно точку зрения по некоторым вопросам, которые должны быть продискутированы, а что касается некоторых подробностей по поводу отдельных вопросов и свежих впечатлений, которые я с собой привез, я их частично буду присоединять к каждому отдельному моменту, оставляя за вами возможность ставить конкретные вопросы и на эти конкретные вопросы отвечать. Таким образом, я повторяю: то, что я сейчас излагаю, должно быть рассматриваемо как своего рода конспект политического документа, резолюции, конспект тезисов.

Со времени начала испанской революции прошел почти год и первый вопрос, который ставится – каков итог этого года. И вот в числе итогов этого года основной и важнейший, который нужно указать, это есть разрушение легенды о демократической буржуазной республике как о социальном рае, как о строе, который изживает все противоречия или, иначе говоря, разрушение демократических иллюзий, которые, как известно, в апреле 1931 г. явились основным важным политическим аргументом в жизни страны. Год революции именно тем знаменателен, что показывает неудачу основного маневра, проделанного буржуазией 14 апреля². Как известно, мы оцениваем 14 апреля как маневр для предотвращения народной революции и опыт этого года показывает, что предотвратить народную массовую революцию рабочих и крестьян испанской буржуазии не удастся. На протяжении этого года имел место целый ряд серьезных столкновений между рабоче-крестьянскими массами, с одной стороны, и буржуазной республиканской властью, с другой, и на этом опыте целого ряда столкновений рабоче-крестьянские массы видели наглядно реакционный характер буржуазно-республикан-

ского правительства и их демократические иллюзии, которые в первое время господствовали, теперь уже несомненно не господствуют.

МАНУИЛЬСКИЙ: А не можете ли дать несколько конкретных фактов, личных впечатлений, действительно ли разбиты эти иллюзии?

ФЕРЬЕРО: Я сейчас к этому перейду. Но сначала я напомним те основные столкновения, которые имели место, которые являются важнейшими. В первую голову известное нападение массы на монархическую манифестацию 10 мая³ и редакцию монархического органа "АВС", на целый ряд министров и церковь, в первую голову в Мадриде, а потом во всей Испании. Следующее важное событие – это борьба в Севилье с 20 по 27 июля⁴. Между 10 мая и 20 июля, конечно, есть целый ряд событий. Чтобы не отнимать слишком много времени, я не вхожу во все подробности. Очень знаменателен, пожалуй, был июньский расстрел рабочих масс около Сан-Себастьяна, который имел то значение, что ясно показал рабочим, чего можно ожидать от республиканского правительства, сохраняющего старый монархический аппарат, в первую очередь гражданскую гвардию⁵, которая пускает оружие, совершенно не считаясь ни с временем, ни с обстоятельствами. Я должен сказать, что поворотным моментом была как раз кровавая неделя в Севилье, которая имела широкое национальное отражение во всех слоях испанского народа, которая повлияла не только на рабочих и крестьян, но даже на известную часть мелкой буржуазии, интеллигентов, поставив их, конечно, не в революционную позицию против правительства, но в известной степени в оппозицию.

Дальше идет сентябрьская забастовка в Барселоне, то же сопровождавшаяся расстрелом рабочих, уже взятых в плен, приведенных уже в полицию, которых просто расстреляли. В Севилье то же самое было. В Севилье известен расстрел 4 рабочих в парке, которых вели со связанными руками^{*}. Это факты, которые получили широкое распространение в стране и произвели очень большое впечатление на все слои населения. После Севильи и Барселоны можно сказать, что период демократических иллюзий как чего-то основного уже миновал и наступает период борьбы против буржуазного правительства^{**}.

И вот, важнейшими звеньями в этой цепи событий являются последние стачки в январе и феврале 1932 г.^{***}. Так как они наименее известны, я на них остановлюсь несколько более подробно, чем на предшествовавших событиях, полагая, что предшествовавшие события несколько более известны.

Исходным моментом для этих стачек являются события как раз на грани 31–32 года в самом конце декабря, 31 декабря. В провинции Бадахос имело место широкое стачечное движение, главным образом среди сель.хоз.рабочих. Бастовало от 70 до 80 тыс. сель.хоз.рабочих, причем наиболее интересно было то, что эти сель.хоз.рабочие состояли в проф-

* Фраза отчеркнута на полях.

** Фраза отчеркнута на полях.

*** Слова "последние стачки в январе и феврале 1932 г." отчеркнуты на полях тремя чертами.

союзе социалистов. Социалисты конечно хотели удержать их от стачки, но оказались не в состоянии сделать это, и часть руководства вынуждена была встать формально во главе движения, ясно для того, чтобы его подавить^{1*}. В конечном счете им удалось это сделать, т.е. в конечном счете они подчинили своему руководству, но в ходе стачки они не могли удержать^{2*} массы от столкновения с жандармерией. Произошло столкновение в одном поселке Кастиль-Бланко⁶, которое мы можем запомнить, потому что оно может быть записано в историю западной испанской революции. Толпа сель.хоз.рабочих и крестьян напала на 4 жандармов, которые были известны рабочим своей жестокостью к массам. И действительно расправилась с ними без всякого сожаления. Убили всех^{3*}.

Это событие случилось 31 декабря, если не ошибаюсь (Это в провинции Эстрамадура). Событие это прежде всего дало толчок правым открыто-фашистским клерикальным и монархическим партиям начать усиленную кампанию против революционного движения. К этому времени относится выступление генерала Санхурхо и его давление на партию к открытой террористической политике. Правительство покамест не решилось открыто уступить притязаниям Санхурхо и делало вид, что его притязания отвергает, но, судя по дальнейшим событиям, оно отдало очевидно приказ жандармам усилить свои репрессии^{4*}. Но после событий в Кастиль-Бланко произошло другое событие в Арнедо⁷, 5 января, событие противоположного характера. Здесь не толпа накинулась на жандармов, благодаря их провокационной политике, а жандармы расстреляли мирную демонстрацию (это в провинции Старая Кастилия (на границе Наварры)^{5*}. Большинство демонстрации состояло из женщин и детей, и жандармы не считаясь ни с чем открыли стрельбу, убили здесь же 7 человек и ранили около полудюжину десятка^{6*}. Потом из них умерло человек 5–6, так что убитых было 12–13 человек, большинство из них дети и женщины^{7*}. Буржуазные корреспонденты, описывая это событие, не скрывают, что это было палаческое наглое убийство, равное которому очень трудно найти в истории других стран и в истории Испании^{8*}. Это событие в Арнедо всколыхнуло, можно сказать, чуть ли не всю страну. Впечатление было несомненно такое, какое должно быть в таких случаях; потому что ненависть к гвардии Сивиль среди испанцев существует уже давно^{9*}, а теперь, благодаря этому преступлению, был дан толчок к массовому движению.

1* Текст от слов “31 декабря” до “его подавить” включительно отчеркнуты на полях.

2* Фраза со слов “т.е. в конечном счете” и до “не могли удержать” отмечена на полях.

3* Последние две фразы абзаца отчеркнуты на полях двумя чертами.

4* Строка отмечена на полях.

5* Фраза отмечена на полях.

6* Предложение отмечено на полях.

7* Предложение отмечено на полях.

8* Предложение отмечено на полях.

9* Отмечено на полях со слова “ненависть”.

Компартия в это время проводила неплохую кампанию в “Мундо обреро”^{1*}, об ошибках я буду говорить позже, но надо сказать, что в общем и целом политика была правильная и правительство поторопилось закрыть “Мундо обреро”, уступая давлению Санхурхо, который был оскорблен тем, что “Мундо обреро” нападает на гвардию Сивиль, и добился ее закрытия^{1*}. Причем это закрытие было осуществлено с помощью самой гвардии Сивиль, которая в городе Мадриде не имеет права вмешиваться в эти дела^{2*}. Партия в этот момент дала лозунг к стачке протеста 48 часов на 25 января^{3*}.

Несомненно, это была первая ошибка, которую совершила партия, потому что возбуждение было так велико, что несомненно стачку протеста следовало провести в ближайшие же дни непосредственно по следам этого события.

МАНУИЛЬСКИЙ: Когда оно имело место?

ФЕРЬЕРО: 5 января, т.е. назначили стачку через 20 дней, потому что вообще, благодаря изменчивости политического положения, несомненно за три недели может произойти очень многое, не говоря о том, что этим самым давалась правительству возможность подготовиться как следует к стачке, принять все меры для того, чтобы разбить ее^{4*}. И наконец всё-таки, как никак, политические страсти за три недели немножко остывают и впечатление от событий в Арнедо к 25 января тоже не может быть таким свежим и непосредственным, каким было 5 января. В этот промежуток между 5 и 25 января правительство провело кампанию против стачки, используя какой-то миф, созданный неизвестно в какой-то охранке, что Москва подготовила заговор на 25 января, что партия провозгласила переворот, революцию или, как они выражаются, заговор, и по-моему не стоит передавать всей ерунды, которую они наплели, потому что там просто сплошная глупость. Указывалось, что коммунисты объединяются с иезуитами, что Сталин объединяется с Троцким, что Мануильский тут сыграл большую роль, обвинивши Сталина чуть ли не в оппортунизме, что Сталин уступил Мануильскому...^{5*}

МАНУИЛЬСКИЙ: И полмиллиона долларов.

ФЕРЬЕРО: Словом, вам, товарищи, тут лучше знать. Причем московская радиостанция 21 января уже передавала сведения о событиях, которые должны быть 25 января^{6*}, как о совершившемся факте. Тут чепуха, конечно, которой заниматься не стоит. Но факт тот, что как никак эта кампания на обывателей немножко влияет и если обывателя держат две недели под страхом неведомо чего-то, то несомненно запугать обывателей, я имею в виду и рабочих обывателей, потому что среди рабочих есть часть обывателей, удастся^{7*}. Социалистическая партия,

1* Конец фразы отчеркнут на полях двумя чертами.

2* Предложение отмечено на полях.

3* Напротив этой фразы имеется помета на полях.

4* Предложение отмечено на полях.

5* До конца абзаца сделаны отметки на полях.

6* Отчеркнуто на полях с начала абзаца.

7* Против предложения на полях стоит “?”.

социалистические профсоюзы издали соответствующие циркуляры по всей периферии. Центральные организации и организации каждой провинции издали циркуляры, призывая социалистических рабочих не принимать участия в стачке^{1*}, и что особенно важно, потому что социалисты народ конченый, о них особенно много говорить не приходится, в том смысле, что они полные оппортунисты, ничего другого от них ожидать нельзя было, не в том смысле, что они разбиты, а в том смысле, что ничего другого нельзя было ожидать, но вот, что особенно важно, – тактика, которую заняли в этот момент анархисты. Причем, имейте в виду, что анархисты Пестанья и Пейро, которые являются тоже откровенными реформистами и от них ничего другого кроме оппортунизма ожидать нельзя, а именно анархисты, так наз. экстремисты, и анархистская организация Либеро, знаменитые вожди анархистов братья Оскасо и братья Масман, Дурутти, Маурин и вообще руководство, они заняли такую позицию, что ни в коем случае не поддерживать стачку 25 января, так как это может сыграть на руку коммунистам. Партия, организуя эту стачку, обратилась с письмом к ФАИ^{2*} и призывала ФАИ и вместе с тем рабоче-крестьянский блок Маурина к единому фронту, к совместному проведению этой стачки.

Я не знаю в точности переговоров, какие велись, потому что поскольку мне известно партийное руководство имело с ними личную беседу, но так или иначе они ответили на это отрицательно и целый ряд анархических организаций тоже выпустил циркуляры, указывая, что стачка 25 января – это партийная стачка, а что анархисты не должны в ней принимать участие. В Сан-Себастьяне они дошли до такого падения, что явились к властям и заявили: Имеется в виду, что мы анархисты принимать участие не будем и кажется это был не единственный факт^{3*}. В других местах они не только выпускали циркуляры, но являлись к губернатору и заявляли, что это дело коммунистов, мы принимать участие не будем^{4*}.

Но анархисты не смогли удержать напора масс и потому вышло так, что анархисты рабочие вошли в стачку раньше 25 января, уступая напору масс, и анархисты-руководители, лидеры вынуждены были в той или иной форме санкционировать ряд забастовок, которые начались с ночи 19–20 января^{5*}, забастовочное движение охватило округ Льобрегат, где главный город Ман-Гессан и целый ряд деревень – Суррия, Фигольс – центр горняков. Для января высшим пунктом является это движение (Это недалеко от французской границы). Здесь стачка началась 20 и развернулась 21. В Фигольсе дело началось еще раньше – 19. Здесь стачка почти немедленно развернулась в восстание. Конечно, восстание не в полном смысле слова, но в восстание анархистского типа. Вооруженные рабочие осадил казармы жандармов, кое-кого разо-

1* Слова “не принимать участия в стачке” отмечены на полях.

2* Предложение отмечено на полях.

3* Фраза отмечена на полях.

4* Предложение отмечено на полях.

5* Дата отмечена на полях.

ружии, кажется одного попа, затем заняли муниципалитет, вывесили красный флаг и черный – анархистский флаг и в продолжении 2 дней военная власть фактически находилась в их руках. К этому надо добавить, что еще 19 началась стачка в Валенсии, в городе Сагунто, там тоже была объявлена стачка, которая в продолжении полудня переросла в восстание и рабочие, по данным буржуазной прессы, в продолжении полудня владели городом^{1*}. События в Манресе перепугали правительство, и оно решилось на энергичные меры. Были двинуты массы войск против восставших, которые окружили их буквально со всех сторон и заставили рабочих сдаться. В течение 2–3 дней движение было ликвидировано. Дольше всего держались рабочие Фигольса. Они ушли в горы и там держались два дня, но ввиду зимнего времени и самое главное ввиду отсутствия правильного руководства и правильной перспективы – они сдались. Пулеметов у них не было, были самодельные бомбы и охотничьи ружья^{2*} и может быть 2–3 винтовки, которые им удалось отнять у отдельных жандармов, которых они разоружили.

В смысле техническом это было слабое движение. Нужно отметить, что во всех этих выступлениях они предпочитают орудовать бомбами, взрывать жел[езнодорожное] полотно^{3*}, бросать бомбы в телеграфные станции и т.д. – это излюбленный метод анархистов.

Пока это происходило, в Барселоне были колебания среди анархистского руководства. Правая часть из них отказалась поддержать движение, экстремистская часть была за поддержку движения, и в результате вышло так, что в субботу, 23 в Барселоне была объявлена стачка, тогда как 22 уже события в М... были ликвидированы. Стачка в Барселоне не имела особенного успеха. По самым оптимистическим подсчетам бастовали 60% рабочих^{4*}.

(С места: Это только в Барселоне или во всей Испании?)

Нет, это только в Барселоне участвовало по самым оптимистическим подсчетам 60%, причем торговля не прекращалась. На 24-е в Барселоне эта стачка была ликвидирована, и в понедельник 25-го начинается коммунистическая стачка^{5*}. И нужно сказать, что вопреки тому, что за весь этот промежуток времени подготовка партии к стачке была слабой и, вопреки тому, что накануне 25-го в эти дни 20, 21 в партийном руководстве, насколько мне известно, были некоторые колебания – объявлять ли стачку или не объявлять, точной информации по поводу этих колебаний у меня нет, я не могу сказать точно, кто и что защищал, но я знаю, что были колебания, которые потом были изжиты, и решено было стачку объявить. Так, несмотря на это, стачка 25-го числа в течение 48 часов является успешной.

(С места: Сколько бастовало?)

Сказать в цифрах очень трудно, тем более, что, к сожалению, те материалы, которые были у меня, не распакованы, но, примерно, можно

^{1*} Подчеркнутые слова отмечены на полях галочкой.

^{2*} Предложение отмечено на полях.

^{3*} Предложение отмечено на полях.

^{4*} Последняя фраза абзаца отмечена на полях.

^{5*} Это и следующее предложения отчеркнуты на полях.

сказать, что бастовал юг Испании и в первую голову, конечно, Севилья^{1*}.

(С места: Барселона бастовала?)

Нет^{2*}.

(С места: Мадрид?)

Не бастовал. И Астурия не бастовала. Но в этих районах забастовки были в ряде отдельных мелких пунктов. Тут по памяти очень трудно перечислять.

(С места: Сколько приблизительно, тысяч 200?)

Я думаю, что бастовало. Во всяком случае это была серьезная стачка. Причем самое главное то, что в Севилье бастовали все рабочие и анархисты тоже, вопреки распоряжению экстремистов, что 25-го не надо бастовать, так как это день коммунистов. Затем в целом ряде пунктов было влияние анархистов. Правда, были места, где сама партия 25-го января недостаточно активно действовала потому, что, напр. в Валенсии был оппортунистический уклон у местного руководства, и они не бастовали 25-го января, кое-где пришли к забастовке 26-го, но в общей сложности в эти два дня 25-го и 26-го можно считать несомненный успех. Показателем того, что правительство серьезно боялось этого движения, служит то, что 23-го января был издан Декрет о роспуске ордена иезуитов^{3*}. Несомненно это был маневр с целью ослабить силу напора масс и показать, что правительство кое-что осуществляет.

Дальше события разворачивались следующим образом. На протяжении этих дней была произведена масса арестов, разгромлены совершенно редакции газет и коммунистической^{4*}, и также анархистской партии, в первую очередь “Солидарidad obrera”^{5*} в Барселоне. Разрушена типография не была, но занята вооруженной силой и закрыта с тем, что там остались часовые на весьма продолжительное время, вплоть до конца февраля, я не знаю может быть теперь сняты. Причем аресты в первую голову коснулись анархистов. Всего было арестовано, конечно, трудно сказать, но, пожалуй, полтысячи человек.

(С места: Туратти^{6*} арестован?)

Туратти^{6*}, да. Многие были выпущены, но человек 120, точно, кажется, 119 были посажены на пароход в Барселоне и отправлены в Африку в испанскую Гвинею, город Бато. Из этих 119, не могу сказать совершенно точно, только десять коммунистов.

По предварительным подсчетам, как раньше говорили от 20 до 25. Но во всяком случае, как вы видите, подавляющее большинство были анархисты. Нужно сказать, что, по-видимому, правительство имело намерение разгромить в первую голову эту анархическую федерацию, потому что по охвату рабочих анархистская федерация правительству казалась более непосредственной угрозой, чем компартия. А с компарти-

^{1*} Часть предложения со слов “но примерно” и до “Севилья” отмечены на полях.

^{2*} Ответ “Нет” отмечен на полях.

^{3*} На полях напротив подчеркнутых слов стоит знак: “*”.

^{4*} На полях эти слова отмечены знаком “V”.

^{5*} Вместо фамилии “Туратти” карандашом написано “Дерути”.

^{6*} Вычеркнута фамилия “Туратти”.

ей поступили так: арестовали тех, кто практически организовывал забастовку и, насколько мне известно, не пытались арестовать ЦК. В Мадриде разгромили и закрыли газету, но не трогали людей, кое-кого из редакции газеты тут же выпустили.

Пароход этот, который из Барселоны пошел в ссылку, не сразу вышел из порта. Он вышел из порта кажется 10–11 февраля, и все это время возбуждение масс не прекращалось. И в знак протеста против высылки рабочих – 15 февраля началась новая стачка. На этот раз инициатива принадлежала анархистам. В числе последних, как видите, были *вожди Дурутти и Оскасо*. Но коммунисты тут не последовали их примеру, – отказаться поддержать из групповых соображений, как они отказались поддержать 25 января, и партия поддержала эту стачку 15 февраля, так что стачка 15 февраля может считаться стачкой совместной^{1*}.

Каковы результаты ее? Мне трудно сказать была ли она объявлена на 48 часов, потому что официального документа по этому поводу не было. По некоторым версиям партия рассматривала ее тоже как стачку 48-часовую, анархисты же как всегда без особой определенности начали стачку^{2*}.

Охват масс в этой стачке был больше чем 25 января, потому что на этот раз помимо юга, т.е. помимо Севильи, где стачка опять была самой удачной и самой продолжительной, здесь она продолжалась 3 дня, к 16 февраля стачка уже кончилась, а когда одно из предприятий отказалось принять на работу обратно рабочих, тогда по этому поводу снова возобновилась всеобщая стачка, которая охватила^{3*} на этот раз поголовно всех в Севилье. Был затронут не только юг, но во-первых Барселона, где бастовало около 70% рабочих^{4*}. Все-таки в Барселоне это не была всеобщая стачка, а в Севилье она была болсе единой. В районе Мадрида и Бильбао опять-таки не имела больших успехов, но все-таки движение там было больше, чем 25 января^{5*}, по крайней мере частичные стачки были, в отдельных предприятиях оставляли работу на полдня и потом возвращались. Затем было гораздо больше террористических актов в Мадриде, на этот раз. Бросались бомбы, опрокинули пару трамваев, пытались остановить движение, стреляли в одного шофера, приказывая прекратить движение, стреляли в кондуктора трамвая, но несомненно в Мадриде всеобщей стачки не было и не было ее также в Бильбао, потому что это самые сильные пункты социалистов. И в районе Галисии стачкой удачной была в Корунье в Иго-Понте, в Ведро, в Астурии мало. Астурия и на этот раз была опять слаба. При-

1* Первые три строки абзаца отчеркнуты двумя чертами. Предпоследнее предложение абзаца отчеркнуто на полях тремя чертами со слов “отказались поддержать” и до конца предложения.

2* Предложение со слов “как стачку 48-часовую” и до конца отчеркнуто на полях двумя чертами.

3* Со слов “продолжалась 3 дня” и до “охватила” фраза отчеркнута на полях волнистой чертой.

4* В тексте на этой фразе имеется знак “V”.

5* Фраза со слов “В районе Мадрида и Бильбао” и до “чем 25 января” отчеркнута на полях.

чем нужно сказать следующее, что здесь стачка не была единодушной вот в каком смысле, что не все начали с 15 февраля, некоторые города вступили только 17-го февраля и движение тянулось изо дня в день, примерно, вплоть до 19-го февраля. Только 19–20 можно считать его ликвидированным^{1*}, причем ликвидированным, как видите, без прямого успеха потому, что ссылка все-таки состоялась.

Оценка этих последних событий является важнейшей задачей.

(С места: Какие лозунги?)

25-го лозунги были: “Борьба против гвардии Сивиль в первую голову против фашистской опасности” и затем было добавлено “за землю”, очень много было лозунгов, пожалуй, слишком много чем было необходимо для одной стачки. С 15-го февраля лозунг был в общем один: “Против ссылки”^{2*}.

(С места: Возвращение сосланных?)

Да, возвращение товарищей, которые сидят на корабле. 15-го февраля они были в море, так что нельзя сказать, что их вернут из Африки. Они в Африку приехали после 20-го февраля.

Оценка этих событий является важнейшей задачей потому, что вокруг них было очень много толкований самых разнообразных, несомненно неправильных. Несомненно, до сих пор движение еще не достигло такой степени остроты и такого широкого размаха. Но некоторые товарищи в оценке^{3*} этого движения идут дальше чем следует.

(ВАСИЛЬЕВ: А вот про функционеров партии нельзя ли тут что-нибудь сказать?)

Я об этом дальше хотел сказать, тут у меня все перечислено по плану. Кое-что я могу сказать, но ясно вся внутренняя механика мне неизвестна.

Так вот, оценка этих событий является важнейшей нашей задачей потому, что не существует ясности в этом вопросе, есть большая путаница, я уже не говорю о том, что путаница у анархистов и троцкистов, но путаница есть в самой партии по этому вопросу. Например, в передовой *второго номера газеты “Палабра”*¹⁰, которая выпускается “Мундо обреро”, это названо кульминационным пунктом движения^{4*}. Возможно разное толкование, но под кульминационным пунктом подразумевается самый высокий пункт, который достигнут, и некоторые истолковывает это так, что это был решающий бой с буржуазией что этот бой проигран и теперь наступает период известного отступления^{5*}. Если верно, что до сих пор движение не подымалось так высоко, то во всяком случае неверно, что это есть самый высший пункт и что теперь начинается упадок. Против этого надо решительно протестовать. Подъем массового движения рабочих и крестьян продолжается и после этого момента придет ряд моментов еще более высоких, но ни о

^{1*} Отчеркнуто на полях волнистой чертой со слова “единодушной” и до “считать его ликвидированным”.

^{2*} Абзац отчеркнут на полях волнистой чертой.

^{3*} Со слов “до сих пор” и до “в оценке” отчеркнуто на полях волнистой чертой.

^{4*} Часть предложения со слов “Мунде обреро” и до конца отчеркнута на полях.

^{5*} Подчеркнутые слова на полях отмечены знаком “V”.

каком упадке и поражении речи быть не может. Во-первых, это было не восстание. А оценивать это как восстание никоим образом не приходится. Это была стачка, местами переходящая стихийно в восстание, благодаря остроте классовых противоречий и благодаря боевому на-строению масс. Причем я забыл упомянуть, что 15 февраля, наподобие событий 20 в Монресе, тоже в провинции Барселоны, в городе Татра-се произошло аналогичное событие. Был занят рабочими универси-тет, он был осажден гражданской гвардией и через день они сдались, причем оружием были опять-таки бомбы*, старые охотничьи ружья и может быть пару винтовок, которые они отняли у жандармов. *А в Сарагосе была просто перестрелка на улице, там не было никакого восстания.*

Я повторяю, это не был решающий бой, это был один из боев раз-вертывающегося массового движения. Тем не менее нельзя сказать, что ничего не было достигнуто, потому что роспуск ордена иезуитов несо-мненно представлял для правительства повод для того, чтобы ослабить силу движения. Можно сказать, что роспуск этот был вырван. Декрет этот был далеко недостаточен и правительство конечно не имело ни-каких серьезных революционных намерений. Но факт, что это было вырвано в борьбе. И второй факт, что генерал Санхурхо¹¹ был снят с корпуса жандармов, отставлен правительством и переведен в корпус пограничной таможенной охраны – должность** несомненно гораздо менее значительная, чем та, которую он занимал. Правда, новый на-чальник жандармов, генерал Кабанельяс, достаточно свирепый, мало чем отличающийся от Санхурхо, будет выполнять свои обязанности так же как и Санхурхо, но однако отставку Санхурхо можно все же рас-сматривать как своего рода уступку движению и нет основания рассма-тривать его как поражение. Кстати сказать как поражение его в первую голову рассматривают троцкисты. У меня есть брошюра Нина относи-тельно всеобщей стачки в январе и ее уроков, и он прямо заявляет, что это было поражение. Он занимает определенно правую позицию***, го-ворит, что не нужно было идти в бой и т.д. и т.д.

За неимением времени я не буду останавливаться на критике этой брошюры, отмечу только, что если такие настроения просачиваются в ряды партии, то это есть несомненное влияние меньшевизма и троцкиз-ма, которые как известно являются родными братьями.

Если чьим-нибудь поражением и являлись эти события в январе и в феврале, так поражением анархистской федерации, но не поражением пролетариата Испании. Анархистская федерация получила действи-тельно серьезный удар, – не тот удар я имею в виду, который ей нанес-ло правительство, но тот удар, который политически она получила в ре-зультате своего нелепого маневрирования, в результате своего отказа идти вместе с коммунистами в стачке 21 января¹² и в результате ее пре-

* Часть фразы до слов “опять-таки бомбы” подчеркнута на полях волнистой чертой.

** Подчеркнутые слова подчеркнуты на полях волнистой чертой.

*** Отчеркнуто двумя чертами на полях со слова “относительно” и до “правую пози-цию”.

дательской политики к ее собственным рабочим в Монрессе¹³, которых она своевременно не поддержала, ясных лозунгов не давала. И потому одной из задач партии после этих событий* является нанести решительный и серьезный удар анархистам, имея в виду именно анархистов-экстремистов, но не Пейро, не Пестанья, которые являются реформистами, открытыми. При этом надо разоблачать их не как людей, которые являются слишком левыми, а как людей, которые по существу являются слишком правыми, т.к. отступают, не идут в борьбу, бросают рабочих в самый горячий момент борьбы. Это является совершенно необходимым, потому, что позиция партии по отношению к анархистам далеко не четкая и в различное время имелись различного типа ошибки. В начале революции партия анархистов просто крыла безапелляционно контрреволюционерами, не умея подойти к анархистам рабочим. Затем стали совершаться ошибки противоположного характера. Подходя правильно к анархистским рабочим, как к товарищам в борьбе, партия тоже в известной степени (есть отдельные документы) стала критиковать анархистов, как слишком нетерпеливых людей. Есть некоторые документы, которые, между прочим, исходят из Москвы и которые повторяют эту ошибку**, говоря, что анархисты хотят устремиться на аэроплане прямо в бесклассовое общество. Есть брошюра Лозовского, в которой имеются отдельные моменты, которые дали товарищам основание на месте развить и придать форму, которой, может быть, Лозовский и не хотел. И вообще доходит дело до того, что высказывается идея блока анархистов и коммунистов, единый фронт анархистских рабочих и коммунистов, а идея организационного блока между компартией и ФАИ. Против такой идеи, я думаю, нужно партии решительно встать, потому что в данных условиях, разумеется, организационный блок между партиями и анархистской организацией, верхушкой – совершенно оппортунистическая идея***. Иногда указывается, что у нас в русской революции осуществлялся такого рода блок с анархистами, что заключали договор с Махно. Я думаю, все эти доводы не имеют никакого отношения, потому что если у нас было известного рода соглашение, то мы во всяком случае заключали с других позиций, чем те, на которых стоит компартия Испании, а испанская компартия может идти вперед только, разбивая влияние анархистов на рабочих, идя единым фронтом с анархистскими рабочими. Но разбивая анархистское руководство, атакуя анархистов, надо ввести и тяжелую артиллерию и легкую, т.е. издавая книги против анархистов, развивая кампанию в печати и живой пропаганде.

Я возвращаюсь к тому, что говорил сначала, что здесь мы должны иметь схему своего рода политического доклада, и я немножко отступил в стороны, слишком подробно занявшись последними стачками, так как это было необходимо. Ввиду того, что я сделал более или менее подробное отступление по поводу этих стачек, я хочу напомнить схему,

* Отчеркнуто на полях со слов "в Монрессе" и до "после этих событий".

** На полях имеется знак "?". Конец предложения обозначен знаком "V".

*** Это предложение на тексте обозначено знаком "V".

так как нам необходимо иметь схему пунктов и вопросов для выработки политического документа. Я напоминаю главное.

В течение года иллюзии изживались ускоренным образом. Решающий момент – последние события января–февраля. Причем для нас особенно ценно, что фактически в борьбу втянуто было большинство испанского пролетариата. Я думаю, что мы можем утверждать, что в общей сложности в течение января–февраля в стачечном движении в борьбе против правительства принимало участие большинство испанского пролетариата, потому что анархисты и коммунисты составляют большинство. К этому надо прибавить, что некоторые провинциальные социалистические организации тоже были втянуты в стачечное движение. Так что, если большинство испанского пролетариата уже боролось против правительства, то этот факт исторической важности. Но, что важно отметить, что это большинство боролось не так как надо, оно боролось по-анархистски, и разбить анархистское влияние является первоочередной задачей компартии, хотя я не склонен доходить до формулировки, что анархисты являются главным врагом. Главный врагом остается социалистическая партия, но анархисты* кое-где и в известных случаях оспаривают пальму первенства у социалистов и их надо разбить для того, чтобы можно было достигнуть серьезных успехов в революции. И вот тут я и перехожу к партии. Так как партия является единственной силой, способной возглавить движение, и которая должна возглавить движение, то тут дальше надо указать, что она в течение этого года была не на высоте своего положения, что она не только не справилась с задачей разбить анархистов, но сама совершила целый ряд грубейших ошибок, которые нуждаются в исправлении.

Я не буду больше возвращаться к апрельским ошибкам и вообще к ошибкам в каждый отдельный момент, а хочу просто подытожить всю сумму ошибок.

Во-первых пассивность в аграрной революции. Почти полное ничегонеделание в смысле организации крестьянства и это сказывается сейчас на результатах этого движения. Большинство рабочего класса боролось против правительства, а крестьянство как раз в этом движении не принимало участие, помимо одного–двух–трех–четырех отдельных случаев выступлений батраков и крестьян совместно, мы не можем указать ничего. В прошлом году, когда происходили события в Кордове, мы имели больше напор крестьянского движения, чем теперь.

Вторая ошибка, связанная с первой – пассивность компартии в национальном вопросе, отсутствие серьезного подхода к собственной организации национальной борьбы в первую голову в Марокко, во-вторых в Каталонии, в Галисии, Бискайе**. Это чрезвычайно важное обстоятельство потому, что национальное противоречие между каталонцами и испанцами чувствуется гораздо сильнее, чем в остальных областях.

По поводу деревни я хочу отметить, что пассивность партии тем более граничит здесь с прямым преступлением, что организовать деревню

* Отчеркнуто на полях со слова “формулировки” до “но анархисты”.

** Первое предложение абзаца обозначено на тексте знаком “V”.

легче сравнительно, чем во многих других странах. В испанской деревне батраки составляют очень многочисленный слой населения, играют гораздо большую роль, чем крестьяне. Социалисты чрезвычайно легко вербуют их. Они приезжают в деревню, забираются на автомобиль, произносят громкую речь, привлекают внимание и организуют союз и потом руководят им как хотят^{1*}. Насколько легко было бы нам охватить своим влиянием батраков видно из того, что оказывается всюду, куда только приезжают коммунисты пропагандировать, им без больших затруднений удастся повести за собой массу. Я говорил с некоторыми товарищами, они тоже соглашались с этим, что если бы взять грузовик и систематически объезжать один район – деревня за деревней – и пустить двух-трех хороших ораторов, несомненно можно было бы организовать достаточно большой опорный пункт и вести батраков и крестьян за собой, потому что они чрезвычайно подвижны, но они не имеют руководства.

Третья ошибка партии – пассивность общая в организации не только крестьян, не только в национальном движении, но и вообще, пассивность по организационной работе среди рабочих в городе, в организации женщин, в вовлечении вообще новых слоев населения, раньше не живших политической жизнью, вовлечение их в партию, пассивность в создании целого ряда массовых организаций, связанных с партией, но формально беспартийных. Конкретно речь шла, например, о создании в Мадриде и других городах комитетов бедных женщин или рабочих женщин для борьбы со спекулянтами и квартирохозяевами. Там имеется стихийная борьба, потому что на рынке спекулируют, женщины возмущаются, иногда прямо громят лавки, и там квартирохозяева повышают квартплату. Здесь целый ряд конфликтов. Партия даже приняла и одно время было такое решение приступить, в Мадриде, по крайней мере, насколько мне известно, к созданию таких комитетов квартирных, но не провела. Но это, конечно, частный момент. Самое важное в области организации то, что ничего не было сделано реально для создания советов и в Мадриде и в других местах, как это было выработано. Но насчет советов потруднее. Не были приняты меры для того, чтобы создать фабричные комитеты, которые могли подготовить создание советов. По поводу этого лозунга прямо беда. Формально его партия приняла уже с ноября^{2*}, а в декабре в “Мундо обреро” по этому вопросу была развернута известного рода кампания. На одном предприятии был даже создан фабричный комитет, в который вошли два коммуниста, два социалиста, один анархист^{3*}. Социалисты, правда, сейчас же ушли по приказу своего профсоюза^{4*} и вместо них вошли двое беспартийных, но гегемония была несомненно в этом фабричном комитете за коммунистами, и он пользовался большой популярностью среди рабочих, потому что была очень простая, я думаю нечего ее развивать. Но социали-

^{1*} Конец предложения со слов “организуют союз” обозначен на полях знаком “V”.

^{2*} Отчеркнуто со слов “этого лозунга” до “уже с ноября”.

^{3*} Слово “анархист” вписано вместо исправленного “монархист”.

^{4*} В этом предложении со слова “Социалисты” и до “своего профсоюза” на тексте имеется знак “V”.

сты не только вышли, но и стали разбивать посредством своего профсоюза. На этом предприятии началась стачка, направленная против попыток хозяев установить частичную рабочую неделю. Они хотели свести рабочую неделю к 3-м дням. И партия вместо того, чтобы поддержать фабричный комитет, помочь выиграть стачку, сосредоточить внимание партии и рабочих, которые идут за партией, на этой стачке, оставила его и стачка была проиграна, фабричный комитет был разбит^{1*}, уничтожен и в результате был потерян драгоценный момент, когда можно добиться победы, широко популяризировать и дать толчок движению дальше и у меня есть впечатление, что партия попросту не понимает значения фабричных комитетов в подлинном смысле. Например, в Севилье существуют фабричные комитеты, так, где профсоюзы находятся в наших руках, но эти фабричные комитеты, по тем данным, которые у меня имеются, скорее являются местными отделениями профсоюзов^{2*}. Между тем, я думаю, у нас не будет разногласий, задача фабричных комитетов быть не отделением профсоюза, а объединять всех рабочих данного предприятия, принадлежащих к красным профсоюзам и быть своего рода подготовительным органом для создания советов. Нашей задачей является объяснить партии значение фабричных комитетов, в частности также крестьянских комитетов во всей величине.

По поводу крестьянских комитетов. Как раз вчера об этом был разговор. Есть крестьянские комитеты кое-где, они как раз там, где партийные организации сильнее, пожалуй, этих крестьянских комитетов^{3*}. В трех деревенских округах, где есть сильные партийные организации, они реорганизовали крестьянские комитеты^{4*}, но крестьянские комитеты были не шире партийных организаций, а уже^{5*}, и фактически там все население все равно шло в партию. Задача крестьянских комитетов и фабричных как раз заключается в том, чтобы организовать массы, которые еще не пришли к партии для того, чтобы посредством этих организаций включить их в систему механизма, находящегося в наших руках и воспитать в партийном духе. Поэтому это еще не является таким завоеванием. Имеется крестьянский комитет в деревне, который без того целиком в руках партии^{6*}. Но именно крестьянские комитеты, как массовые организации во всей стране с выдвижением крестьян на ответственные обязанности в таких комитетах, чтобы при их посредстве двигать движением дальше.

Следующая ошибка партии, которой я уже отчасти коснулся – это неправильная позиция в отношении социалистов и анархистов, неправильное проведение тактики единого фронта. Одно время это была левая позиция, позиция отказа от проведения тактики единого фронта, потом это было сползание на правые позиции, т.е. перехлестывание, превращение единого фронта с рабочими в единый фронт с руководством.

1* На словах "был разбит" в тексте имеется знак "V".

2* В тексте на предложении имеется знак "V".

3* Предложение отчеркнуто на полях волнистой чертой.

4* На этом отрывке в тексте имеется знак "V".

5* Слова "а уже" подчеркнуты тремя чертами.

6* Отчеркнуто на полях со слов "в деревне" и до конца предложения.

Это верно по отношению к анархистам, в отношении к социалистам блока конечно не было. Была неправильная критика анархистов, иногда с правых позиций. В “Мундо обреро” попадались такие места, что анархисты без толку и без смысла организуют стачки, что это слишком, что надо быть осторожнее и т.д. Осторожнее надо быть партии в этой критике, чтобы не попасть в такое положение, чтобы критиковать анархистов с оппортунистических позиций^{1*}. Анархисты своей тактикой дают достаточно материала для разоблачения их как оппортунистов, как людей, которые отказываются от систематической планомерной борьбы, как людей, которые бросают борьбу как раз тогда, когда она начинается. У нас есть достаточно примеров этого, как стачка телефона, как стачка железнодорожников в Андалузии, которая была в 1931 г.

Следующая ошибка партии – это неумение четко поставить вопрос о фашистско-бонапартистско-монархическо-клерикальной опасности и о связи этой опасности с буржуазным правительством. И что еще более важно умение практически возглавить борьбу против этой опасности^{2*}. В этом смысле особенную ценность представляет свежий опыт Бильбао. Вот конкретный пример, где речь будет идти о роли партии в этих событиях. Это было тоже в январе, если не ошибаюсь 18 января. События по общему развитию очень напоминают то, что было 10 мая в Мадриде, когда бросились на церкви. В Бильбао было собрание крайних баскских монархистов, клерикалов самого крайнего правого крыла, которые открыто защищают и иезуитов. После собрания они вышли на улицу и здесь столкнулись с группой молодых рабочих, которые все принадлежат к социалистической партии и даже к республиканским буржуазным партиям. Среди этих рабочих не было ни одного коммуниста и ни одного анархиста. И вот, между монархистами и этими рабочими социалистами и республиканцами произошла перебранка, спор, и в ходе этого спора монархисты без долгих разговоров^{3*} вынимают пистолеты и убивают 3 молодых рабочих социалистов и 4 ранят. Возмущение масс было опять-таки такое, которое трудно выразить. Моментально собралась колоссальная толпа, которая не расходилась, несмотря на попытки гвардии сеville разогнать их. Толпа набросилась на монархистов, те бежали и скрылись в своем здании. Полиция с трудом сдерживала наступление толпы на это здание. Сутки, примерно, она охраняла это здание большими силами, оттесняя массы, причем полиция все-таки не имела возможности разогнать толпу на улице. Это имеет колоссальное значение, потому что те, кто знает теперешние испанские условия, хорошо знают, что вооруженные силы не стесняются с массами на улицах, разгоняют не только плетками, но и выстрелами, как это имело место неоднократно^{4*}. И тот факт, что не было возможности разогнать, показывает, что на улице была такая масса, что вооруженные силы должны были спасовать перед ней. Затем демонстрация под руководством ком-

1* На предложении имеется знак “V”.

2* Отрывок со слов “еще более” и до конца предложения отчеркнут на полях.

3* Отрывок со слов “И вот” и до “без долгих разговоров” отчеркнут на полях.

4* На предложении имеется пометка “V”.

мунистов, по данным в ней было 2 тыс., может быть больше, 3 тыс. рабочих, направилась к тюрьме и освободила^{1*} двух коммунистов, которые сидели в тюрьме. Этот факт уже представляет в зародыше своего рода двоевластие^{2*}. Вы меня не поймаете на чем-нибудь. Факт, что тут движение дошло до того, что тюрьма вынуждена была выдать этих^{3*} двух коммунистов, опасаясь других последствий.

Но, товарищи, что же оказалось? Что партия и местные организации этой обстановки не использовали. Руководство движением взяли на себя социалисты. Они написали ряд статей, произнесли ряд речей, что все очень хорошо, сам губернатор поспешил солидаризироваться с социалистами. На следующий день были устроены торжественные похороны убитых, на этом кончилось. Партийное руководство раскритиковало местную организацию за ее ошибку^{4*}, что были освобождены только коммунисты, а не все кто сидел в тюрьме. Я, конечно, согласен с тем, что надо было освободить всех политических заключенных, но главная ошибка в Бильбао заключалась в том, что не был использован момент для создания, если хотите, совета или, во всяком случае, чего-нибудь, что по своему значению приближается к совету. В этот момент в первые часы, конечно, а не на следующий день, можно было достигнуть очень многого, имея толпу на улице: имея единодушное стремление разбить монархистов, нужно было создать какие-нибудь организационные опорные пункты. Сидя здесь или в Мадриде, трудно сказать точно, что, но можно назвать комитетом по разгрому монархических организаций, антимонархический^{5*} комитет, на месте всегда легче, тут нельзя изобретать. Нужно было создать какую-нибудь организационную опору этого реального единого фронта рабочих масс, создавшего против монархистов, попов, выпустить всех политических заключенных, действительно разгромить редакции монархических газет, которые там были и может быть (конечно, это^{6*} зависит от размаха движения на месте) создать что-нибудь вроде двоевластия. По крайней мере, если это там было трудно, гораздо труднее была другая ситуация, и это является не случайным, потому что во всех тех моментах, когда все нападали на монархистов, начиная от 10 мая, мы не можем сказать, чтобы партия проявила достаточную активность^{7*}, живость и что она была во главе движения. Она очень часто может была в первом ряду среди борющихся, но почти никогда не ставила задачу взять руководство движением и создать определенные опорные пункты.

Следующая ошибка партии, типичная для этого времени, это неумение правильно организовать самую партию, не как объединение единомышленников, а как действительно^{8*} правильно функциониру-

1* Фраза со слов "может быть" до "и освободила" подчеркнута на полях.

2* На полях имеется знак "?".

3* Напротив этой строки справа на полях имеется знак "V".

4* Начало предложения до слов "за ее ошибку" подчеркнута на полях.

5* На полях имеется знак "V".

6* Против слов от "заключенных" до "конечно, это" на полях стоит знак "V".

7* Против отрывка со слов "когда все" до "активность" на полях стоит знак "V".

8* На фразе стоит знак "V".

ций политический аппарат. Я думаю, что подробно объяснять в этой аудитории как надо организовать партию не имеет смысла. Но надо сказать, что в испанской партии такого правильно функционирующего политического аппарата нет. Мне известен целый ряд примеров из жизни мадридской организации, которые являются совершенно недопустимыми с точки зрения наших большевистских принципов.

Например, когда началась кампания единого фронта, которая особенно усилилась в ноябре—декабре, секретарь мадридской организации созывает секретарей ячеек^{1*}. Между прочим собрание нелегальное, потому что ячейки усиленно преследуются в Испании, собрания ячеек арестовываются.

И вот на этом собрании секретарь мадридской организации ставит следующий вопрос: “Товарищи, выскажите свое мнение по поводу тактики единого фронта, которую предлагает^{2*} партия и которую Коминтерн тоже предлагает партии”. Товарищи высказались, что это, конечно, хорошее дело, что это отвечает их стремлениям, что они считают это совершенно правильным, но добавляют, что они не имеют ясного представления как это надо проводить, что у них целый ряд конкретных практических вопросов в отношении социалистов, анархистов, с какими организациями создавать единый фронт и т.д. и вот, секретарь мадридской организации, безусловно, ответственный представитель мадридской организации, заявляет: подробные инструкции по этому вопросу я не получил^{3*} и не имею возможности дать вам никаких объяснений. Но безусловно вопрос неясен. Наша задача заключалась в том, чтобы только выслушать наше мнение. Я ваше мнение выслушал, сейчас доведу до сведения ЦК и когда получу инструкции, вы будете уведомлены циркуляром^{4*}.

Я думаю, что тут излишни всякие комментарии и, конечно, повторяю я не могу брать на себя ответственности и говорить о жизни других организаций, потому что, к сожалению, я не мог там присутствовать. Но вот другой факт, который я знаю. Тоже относительно Мадрида. В декабре в Мадриде была неудачная манифестация. Причинами этой манифестации было движение против гвардии севиль, против реакции и тому подобных вещей. Если хотите я отдельно поговорю об этой манифестации, потому что это также интересно для того, чтобы показать как устраиваются манифестации. Но здесь важно вот что: 15 февраля, т.е. в день второй стачки, большой стачки, о которой я рассказывал, в одной из мадридских ячеек был поставлен вопрос о неудаче этой декабрьской демонстрации^{5*}. Значит в декабре была неудачная демонстрация; после декабря произошли события в Кастиль Бланко Арнедо,

1* На этом отрывке имеется знак “W”.

2* Первые три строки абзаца до слов “которую предлагает” отчеркнуты тремя чертами на полях.

3* На полях имеется знак “V” против слов, начиная с “конкретных практических вопросов” и до “единый фронт”. Отчеркнуто на полях со слова “ответственный” и до “я не получил”.

4* Последние три предложения абзаца отмечены на полях знаком “XXX”.

5* На полях имеется знак “V”.

стачка 25 января, 15 февраля^{1*}. И в день 15 февраля в день колоссального размаха движения естественно поставить вопрос о том, что нужно практическую работу вести для стачки, естественно поставить вопрос, почему стачка неудачна в самом Мадриде, а на собрании ячейки спокойно, по плану, составленному неизвестно когда, райкомом обсуждается вопрос об этом самом декабрьском восстании^{2*}.

Я думаю, что этих фактов, пожалуй, достаточно, чтобы сказать, что здесь не все обстоит благополучно. Должна быть самая живая тесная связь между райкомами, мадридским комитетом и ЦК, необходимо уметь подготовить партию к развивающимся политическим событиям. Между тем такой внутренней политической жизни в ячейках нет.

И вот я должен сказать во избежание недоразумений, что испанская партия очень хорошая партия, что там среди массы середняков есть прекрасные элементы. Прекрасный пролетариат и прекрасная партия и не только как сырой боевой^{3*} материал, повторяю, но даже есть ребята, которые кое-что читали, потому что в Испании есть довольно большая литература о Советском Союзе. Они немножко грамотны политически и если с ними хорошо поработать, правильно поставить все политические кампании, можно великолепно создать партию. Я видел несколько митингов, имел несколько разговоров и думаю, что в этом вопросе не может быть никаких сомнений.

Вот основные ошибки партии, которые я перечислил. А теперь в порядке схемы доклада нужно сказать следующее: раскритиковавши партию довольно крепко за эти ошибки, нужно в то же время предостеречь партию против пессимизма, против упадочничества. У некоторых товарищей есть такое настроение: мы наделали много ошибок, многое упустили, теперь трудно исправлять. Конечно, исправлять эти ошибки ни в коем случае не поздно. Я говорил об этом последнем движении, что это не было поражением и это не было самым высшим пунктом.

МАНУИЛЬСКИЙ: А что это было?

Один серьезный бой на пути к дальнейшим боям. Нужно ударить по пессимизму и указать, что вся обстановка позволяет исправить ошибки, которые партия сделала, что революционное наступление рабоче-крестьянских масс продолжается, и тут, товарищи, нужно раскритиковать одну теорию, которая в партии стала развиваться. Я, например, имею речь тов. Бульехоса, которая произнесена сравнительно недавно в конце февраля, где он развивает следующую мысль^{4*}, с которой, по-моему, согласиться нельзя. Он говорит, что после сентябрьской стачки в Барселоне, которую вели анархисты, начинается период наступления буржуазии (это верно) и оборонительная борьба, некоторое отступление пролетариата (что ни в коем случае неверно). Здесь он подробно развивает эту мысль и указывает, что если бы пролетариат не отступал, говорит он, то буржуазия не смогла бы создавать фашистские организа-

1* На полях имеется знак "V".

2* На полях имеется знак "V".

3* На полях имеется знак "V".

4* Со слова "речь" отчеркнуто на полях.

ции и т.п. Тут, товарищи, есть одна верная мысль, другая сугубо нсверная. Верная мысль, что буржуазия действительно развивает наступление на рабочий класс, наступление экономическое путем снижения заработной платы, ухудшения условий труда и наступает политически^{1*} посредством закона о защите республиканского режима государства и усиления террора, эволюции к фашизму. Но это не значит, что пролетариат уже отступил, инициатива в руках буржуазии и что он находится в состоянии отступления. Я думаю, что мы должны сказать следующее, что с начала революции пролетариат и крестьянство, в том числе в той степени, в какой это верно, развивают революционное наступление, но в пределах этого общего революционного наступления мы имеем встречное контрнаступление буржуазии^{2*}, как всегда это бывает в боях и одно другое не исключает, т.е. не обязательно, что если буржуазия наступает, то пролетариат отступает. Принять тезис об отступлении пролетариата конечно вредно, потому что это то же самое, что поддержать тезис троцкистов, что пролетариат потерпел поражение, наступает период реакции^{3*}.

МАНУИЛЬСКИЙ: Это опасный тезис.

Потому что он, по существу, сбивается на позиции, что пролетариат во всем виноват. Тут так незаметно на социал-демократические^{4*} позиции можно сбиться.

ФЕРЬЕРО: Вполне согласен. Видите, я, конечно, не развиваю все-сторонне этот вопрос, просто за неимением времени. Но совершенно точно нужно указать, что революция нарастает, революция развивается, подъем продолжается^{5*}. Есть, конечно, наступление буржуазии, в этом нет никакого сомнения. Нет никакого сомнения – есть контрнаступление, которое можно суметь отразить, развивая наше наступление. Теперь нужно сказать, что обстановка кризиса настолько тяжелая и положение масс настолько тяжело, что не может быть и речи о какой бы то ни было стабилизации этой обстановки. Между прочим началось просто голодное движение. За последние дни, как мне известно, 19 февраля в провинции Севилья¹⁴, городе Эсиха поголовно все население с женщинами, детьми явились в муниципалитет просить хлеб, потому что в буквальном смысле слова нечего есть^{6*}. Мэр сказал, что поговорит с правительством, а потом разогнал толпу посредством вооруженной силы. Сейчас действительно самые тяжелые месяцы февраль–март, во многих местах имеется буквально голод.

Развитие фашистских организаций свидетельствует вовсе не о силе буржуазии, как многие думают, не о том, что она усиливается, а наоборот, о ее слабости, свидетельствует о том, что буржуазия сейчас пере-

^{1*} Против отрывка со слов “рабочих класс” и до “политически” на полях стоит знак “V”.

^{2*} Против отрывка со слова “наступление” и до “буржуазии” на полях стоит знак “V”.

^{3*} Против отрывка со слов “это то же самое” и до конца предложения на полях имеется знак “V”.

^{4*} Против первых двух строк абзаца на полях имеется знак “V”.

^{5*} Против этого предложения на полях имеется знак “V”.

^{6*} На полях имеется знак “V”.

вооружается, потому что ее маневр 14 апреля и ее метод создания демократической республики для того, чтобы приостановить народную революцию, не удалась и ей нужно перейти к фашизму и к обратному укреплению монархических организаций^{1*}. Это все показывает, что она пересаживается с одного коня на другого, и тут партии нужно не растеряться в этот момент, а наоборот, помешать этому перевооружению, ударить по фашистским организациям в момент их создания и повести массы к революции.

Вопрос о фашизме очень важен. В этом вопросе, к сожалению, нет ясной позиции у партии, да я думаю, что некоторые товарищи скажут об этом. Но по-моему, они не совсем четкую позицию занимают. У партии есть несомненно недооценка фашистской опасности и отсутствие правильной постановки вопроса о соотношении между данным контрреволюционным правительством и между открытой контрреволюцией фашистского бонапартистского или монархического типа^{2*}. Я здесь говорю – фашистского, бонапартистского и монархическо-клерикального типа вместе не потому, что я это смешиваю, свои видоизменения есть, но все-таки в данных испанской обстановки можно говорить о фашизме, бонапартизме и монархическо-клерикальном движении как о своего рода едином фронте справа (Кавеньяк плюс фашизм)^{3*}. Так как у меня мало времени, я не останавливаюсь на различии между Кавеньяком, бонапартизмом и фашизмом, а говорю о них как об одном и об отличии их от данного буржуазного правительства, потому что это самый трудный вопрос.

Дело в том, что когда подчеркивалась некоторыми партийными товарищами опасность фашизма, то этим, как говорит тов. Кодевиля, смазывается контрреволюционный характер данного правительства. Это не верно. Данное правительство подготавливает открыто фашистскую диктатуру, это верно, но открытая фашистская диктатура, которая подготавливается, имеет свои конкретные кадры, которые сейчас создаются и которые нужно раздавить и разбить снизу в самом зародыше, не дав им вырасти до размеров Гитлера. А у партии нет правильной ориентировки. Она при всех своих ошибках имеет некоторого рода комчанство. Она имеет примерно известное количество, 1000 организованных и, если она видит фашистскую организацию, которая пока только имеет кадры, но не имеет массы, она плюет и говорит: это является кучкой интеллигентов, это не важно^{4*}. И называет Гитлером Лерусса¹⁵ в одном из партийных документов.

(С места: Это преувеличение).

Лерус ничего общего с Гитлером не имеет и вообще его нельзя называть типичным представителем фашизма. Леррус сейчас колеблется между фашизмом и тьеризмом, если хотите. Леррус – это скорее Тьер,

^{1*} Против этого предложения на полях имеется знак “V”.

^{2*} На части текста со слов “о соотношении” и до конца предложения имеется знак “V”.

^{3*} На полях имеется знак “V”.

^{4*} На этом предложении имеется знак “V”. На полях против слов “это является кучкой” также стоит знак “V”.

т.е. несомненный контрреволюционер и всяческая сволочь, я не хочу его обелить совершенно, хотя он мой хороший знакомый. Но это именно типичный Тьер, который хочет потопить в крови революцию и даже повести по пути третьей французской республики, а активные фашистские кадры организуются, правда, с одной стороны, его агентами, потому что он ведет двойственную политику. Повторяю, он полуфашист, полу-Тьер и помимо него есть ряд других фашистских идеологий. Имеется теоретический орган, который выходит каждые две недели, чрезвычайно интересный по своему содержанию.

(С места: Они копируют итальянцев).

В известной мере. Но это есть совершенно самобытное, совсем отдельное такое соединение католицизма и иезуитизма с фашизмом. Там есть статьи “Крах аграрных реформ”, “Восстание инстинктов”, “Испанизм”, “Испания и романтизм”, т.е. культивизация старой инквизиции. В партии никто этого* органа не читает, считают ниже своего достоинства, это, говорят, чепуха.

Помимо этого теоретического органа есть несколько групп, которые переходят к политической агитации и организации, причем особенно важно и мне представляется партия национал-синдикализма¹⁶. Я привез с собой ее манифест. К сожалению, я не мог все распаковать, не могу представить все документы. Это подражание Гитлеру, вроде гитлеровского национал-социализма, они развивают идеи национал-синдикализма. Я не буду входить в подробности этой программы, это типичная фашистская программа. Это еще не представляет большой силы, потому что массы у них нет, но потенциально в самый короткий срок, используя какую-нибудь деморализацию в рабочем движении и особенно в крестьянском движении, они могут разрастись довольно быстро, и важно разбивать это в самом зародыше сейчас, когда это создается, чем потом иметь дело с более или менее массовым движением.

Тут тов. Мануильский сделал намек, что Гитлер в Германии разросся сильно, потому что там есть Версальский гнет, который ускоряет. Хотя в Испании нет версальского гнета, исторические испанские традиции весьма благоприятны для фашизма. Поэтому отсутствие версальского гнета в Испании вполне возмещается другими факторами. Во всяком случае нужно по этому вопросу договориться. Это связано также с той ошибкой, которую я указывал в отношении Бильбао, чтобы партия, используя несомненную в данный момент ненависть масс в отношении церкви, в отношении помещиков, в отношении военных и фашистов, которые вступили в тесный союз с церковью, с монархистами, возглавляла и организовывала народное движение против этих сил и противодействовала сейчас всяким начинающимся попыткам к созданию большой силы, потому что сейчас это сделать гораздо легче, чем потом, если эти силы разовьются в большую силу, что вполне возможно.

Мое время кончается. Я добавлю, что в порядке исправления ошибок, о которых говорилось, специально еще нужно подчеркнуть и разъяснить компанию единого фронта. Здесь есть два момента, в которых

* Отчеркнуто на полях со слов “с фашизмом” и до “никто этого”

люди путаются и которые нужно отчеканить. Во-первых, тот момент, что кампания единого фронта означает не примирение наше с анархистами и социалистами, а наоборот, метод разбития анархистов и социалистов, идя единым фронтом с анархистскими и социалистическими рабочими. И второй момент, что кампания единого фронта может быть реальная, действительна и эффективна только в том случае, если это будет не декламация о едином фронте, а единый фронт в действительной борьбе, т.е. в реальных классовых столкновениях. Если это будет единый фронт, сопровождающийся созданием, организацией в первую голову фабрично-заводских и крестьянских комитетов, потому что эта задача организации масс менее всего понятна. Например, в последней резолюции, которую принял ЦК, сказано: нужно организовать массы посредством митингов, демонстраций и стачек. И все. Я думаю, что это не ясно*. Что митинги, демонстрации, стачки необходимый момент в классовой борьбе – это бесспорно, но митинги, демонстрации, стачки не могут висеть в воздухе. Без наличия профсоюзов, находящихся в наших руках, без наличия фабрично-заводских и крестьянских комитетов и без наличия партии никаких митингов и стачек не организуешь. И нам нужно создавать эти организации для того, чтобы сделать движение более активным.

И, наконец, необходимо особо обратить внимание партии на организацию самой партии и на воспитание новых кадров. Насколько мне известно, партия систематически и последовательно не занималась воспитанием и выдвижением новых кадров на руководящую работу. Если это будет сделано, то можно ожидать, что Испания окажется не последней в ряду стран, которые идут к революции, а наоборот, одной из первых. В связи с этим в борьбе нашей за большинство рабочего класса необходимо специально отметить то положение, которое за последнее время существует в области профсоюзного движения в C.N.T. и U.G.T.** Мы не использовали того положения, которое создалось в результате всей политики правительства и в результате разложения, имеющегося и в одной и в другой централи. В C.N.T. наблюдается за последнее время все больший и больший явный распад внутри профсоюзов, анархо-реформистских синдикатов. На почве предательства группы Пестаньи массы бегут из профсоюзов C.N.T., в последние месяцы некоторые профсоюзы теряли до 50% своего состава в различных городах Каталонии.

Правительство проводило и проводит линию на то, чтобы всю C.N.T., всю организацию анархо-реформистов взяла бы в руки эта группа Пестаньи, которая во время всех последних боев занимала явно предательскую позицию и которая заслужила среди рабочих такую же ненависть, какой пользуются вожди U.G.T. И вот там, где имеется руководство группы Пестаньи, там мы наблюдаем сейчас бунт рабочих против этой группы, выступление рабочих против Пестаньи и пестаньевцев, что используется анархистами для того, чтобы или путем голосова-

* На отрывке от слов "фабрично-заводских" в тексте имеется знак "V".

** Здесь и далее названия организаций "C.N.T." и "U.G.T." вписаны от руки.

ния, или путем открытого нажима, открытой силой выбрасывать пестаньевцев из профсоюзов С.Н.Т. Так например, после сентябрьских событий мы видели как анархисты выбросили прямо силой анархо-реформистов из редакции "Солидаридад обреро", как они выбросили ... из Барселоны. И за последнее время тоже самое мы видали в целом ряде окружных профессиональных синдикатов. Правительство отмечает на эту тактику анархистов таким образом, что там, где анархисты берут руководство профсоюзов в свои руки, так правительство требует от них немедленно исполнения всех предусмотренных законом требований по вопросу о союзах и обществах, т.е. предъявления губернатору книжек, предъявления списка членов правления и т.д. и т.д., чего анархисты или не хотят или не могут, отказываются предъявить вот эти все требуемые губернатором документы, и тогда правительство закрывает профсоюзы, находящиеся под руководством анархистов. В самые последние недели анархисты на почве такой тактики правительства пришли к тому, что бросили лозунг открытия нелегальных профсоюзов и начали эти нелегальные профсоюзы в Барселоне открывать, например, перешли на нелегальные профсоюзы в металлургической промышленности. Их тут же около 40 человек на нелегальном собрании арестовали вместе с председателем союза и посадили. Вот, товарищи, эту внутреннюю борьбу, которая существует в СНТ, это расхождение между группами анархистов и повстанцев мы, особенно в Каталонии, использовать не сумели. Что касается других регионов, где имелось влияние некоторых реформистов и анархистов, как Леванта, Арагония, там наши товарищи все-таки сделали определенный шаг вперед и в целом ряде профсоюзов мы укрепились. Но в Каталонии мы имеем некоторые достижения, не самые мизерные. Некоторые достижения мы имеем в Барселоне, мы имеем некоторые достижения в провинциях, но самых незначительные.

Чем объясняется, товарищи, тот факт, что наша борьба за конференцию единства, которая собрала вокруг платформы единства около 160 тыс. рабочих, организованных в свыше 250 организациях, только незначительное количество профсоюзов СНТ не присоединились к этой платформе? Большие достижения мы имеем в области завоевания влияния в УХТ¹⁷, который сейчас тоже проходит через период распада, разложения. Разница состоит только в том, что в то время, когда в СНТ уходят массы рабочих из самих профсоюзов, покидают массами СНТ, разочарованные всей политикой руководства, в то же время в УХТ мы наблюдаем совсем другое явление, где не столько рабочие уходят из профсоюзов, сколько целые профсоюзы уходят из УХТ и переходят или в автономию или приходят к нам или в СНТ. Но, товарищи, и здесь наши достижения не отвечают совершенно тем возможностям, которые мы имели и которые имеются в стране. Достаточно сказать, что на конгрессе в М .., собранном профсоюзном с.х. рабочих в двух регионах – Андалузия и Экстрамадура, которые насчитывают свыше 200 т. рабочих и которые в общем в этом союзе с.х. рабочих представляют главную опору всей УХТ, там на конгрессе было представлено всего 70 т. рабочих, остальные не прислали своих представителей. Но помимо того, что этот конгресс был организован реформистами, при ... окружной

полиции и гвардии сивиль, чтобы не допустить наших влияний, помимо того, чтобы овладеть этим конгрессом, на конгрессе совершенно само-
тйно создалась фракция, выступившая за наш декрет о земле и пред-
ложившая съезду голосовать за этот декрет. Реформисты послали туда
около 20 депутатов и два дня боролись против того, чтобы съезд при-
нял этот декрет. Однако громадное количество делегатов (40 из 100)
(ТРИЛЬЯ: 56)

Во всяком случае громадное количество делегатов без всякой под-
готовки голосовали за то, чтобы принять этот декрет о земле.

Мы имеем ряд других таких же случаев, когда организации UGT
прямо переходят к нам и ищут нашего руководства. Можно назвать хо-
тя бы два таких случая. Характерный случай имел место в провинции
Бадахос, в Эстремадуре, где мы до последнего времени почти не суще-
ствовали, но после событий в Кастиль-Бианко, после большого движе-
ния в январе начался большой перелом и оттуда целые группы рабочих
и целые организации, особенно сельхозрабочих, начали обращаться в
партию путем посылки писем в "Мундо обреро" с просьбой прислать к
ним агитаторов и литературу. И когда наконец после 3-х недель таких
требований партия послала туда одного товарища, тогда оказалось, что
целые группы и массивы UGT переходят к ним. Я хочу рассказать один
такой случай, имевший место в Бадахосе. Реформисты, видя этот про-
цесс разложения у них, мобилизовали всех депутатов из Эстремадуры,
человек 12, прибавили еще ряд депутатов и послали в Эстремадуру, что-
бы бороться против этого процесса разложения. Они приезжают в Ба-
дахос, где у них центр, где народный дом в их руках, где они руководят
всем движением, и созывают митинг. Приходит несколько тысяч рабо-
чих. Предложение председателя фракции социалистов, которые там
были, Кардеро к целому ряду рабочих с мест, в первую очередь, к пред-
седателю и секретарю народного дома, которые состояли в партии, что-
бы они приняли руководство собранием, вошли в президиум. Однако
это было рабочими отклонено с заявлением, что они предателей не хо-
тят вводить в президиум. После этого был сделан целый ряд преложений
социалистов-реформистов со стороны этой фракции с призывом
ввести их в президиум. Тогда на основе решения депутатской фракции
хотят ввести одного из депутатов. Начинается необычайный скандал.
Масса не разрешает им говорить. В продолжении почти часа помимо
усилий полиции не удается распустить митинг. Тогда социалистические
депутаты во главе с Кардеро покидают митинг. Тогда выходит предсе-
датель народного дома и заявляет рабочим, что на собрании имеется
представитель компартии, которые с энтузиазмом приглашали присут-
ствующего там товарища А., которому было предложено говорить о
позиции партии в последних боях, о предательстве реформистов и анар-
хо-реформистов. Характерно то, что на этом митинге принимаются ре-
шения о том, что весь картель профсоюзов УХТ должен присоединиться
к конференции профединства и после того, как митинг расходится с
большим энтузиазмом, один профсоюз за другим присоединяются кон-
ференции единства, за исключением одного-двух. Почти все организа-
ции Бадахоса присоединились к решениям конференции. Такие факты

были в провинции Бадахоса еще более крупные, но, к сожалению, партия еще не умеет этого использовать. Такие факты, как то, что целые организации, насчитывающие по 300 членов, присылают письма в редакцию “Мундо обреро” с требованием прислать организаторов. Это тоже партией в очень слабой степени использовалось.

Товарищи, наша партия в связи с последними боями, особенно с январскими боями, увеличила свое влияние в рабочих массах и в целом ряде регионов, где ее раньше не было. Но в этих январских боях партия сделала ряд крупных ошибок. Я хотел обратить на это внимание постольку, поскольку здесь говорилось об этих ошибках. Мы определяли там таким образом, что основная ошибка, которая привела к целому ряду дальнейших ошибок в связи с боями, это был тот факт, что партия назначила за три недели раньше число генеральной забастовки – 25–26 января.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 109. Л. 14–52, 151–157.

Копия, машинопись, рус.яз.

- ¹ Этот документ был принят накануне IV съезда КПИ (17–19 марта 1932 г.).
- ² 14 апреля 1931 г. была провозглашена республика. Этому предшествовали муниципальные выборы 12 апреля 1931 г., сыгравшие своего рода роль плебисцита: свыше 70% избирателей больших городов отдали свои голоса блоку республиканцев и социалистов.
- ³ 10 мая 1931 г. у стен редакции монархической газеты “АВС” произошло столкновение между монархистами и уличной толпой. Поводом к этому была серия антиреспубликанских публикаций в “АВС”. Министр внутренних дел временного правительства М. Маура отдал приказ гражданской гвардии применить оружие. В рядах манифестантов-республиканцев были жертвы, несколько человек были убиты. Вслед за этим Национальная конференция труда (НКТ) и компартия призвали к всеобщей забастовке, а 11 мая начался повсеместный поджог церквей и монастырей, как в столице, так и по всей стране. В Мадриде была сожжена главная резиденция ордена иезуитов, иезуитский “Университет искусств и ремесел”. Ни одна из партий или организаций не взяла на себя ответственность за “майские пожары”. 23 мая 1931 г. временное правительство издало декрет о свободе вероисповедания.
- ⁴ “Севильская кровавая неделя”. Во время всеобщей забастовки, проходившей по решению местных комитетов НКТ и компартии, губернатор ввел осадное положение. Против бастующих были направлены войска; было убито 30 и ранено свыше 20 бастовавших рабочих. 21 был оглашен декрет “О защите Республики”, объявлявший вне закона забастовки, не носящие чисто экономического характера.
- ⁵ Гражданская гвардия (гвардия сивиль) – жандармский корпус, созданный в 1844 г., в функции которого первоначально входила охрана границ и дорог. В рассматриваемое время использовался для подавления стачечного движения, если оно признавалось незаконным.
- ⁶ События в Кастиль-Бланко – так в тексте. Правильно: Кастильбланко (Бадахос). Речь идет о стачке сельхозрабочих 31 декабря 1931 г., для подавления которой отрядом гражданской гвардии был открыт огонь, что повлекло за собой многочисленные жертвы среди бастующих. В результате оказанного сопротивления погибло несколько гвардейцев.
- ⁷ Армедо – так в тексте. Правильно: Арнедо (Логроньо). Местечко, где произошла стачка, подавленная гражданскими войсками.

- ⁸ “Мундо обреро” – центральный орган КПИ с 1932 г.
⁹ “Солидаридад обрера” – центральный орган НКТ.
¹⁰ “Ла Палабра” – центральный орган КПИ до 1932 г.
¹¹ Сан-Хурхо Саканель Хосе – в то время, о котором идет речь в документе, он занимал пост генерального директора гражданской гвардии.
¹² 21 января 1932 г. под руководством местного отделения НКТ была начата забастовка, провозглашен “либеральный коммунизм”, отменена частная собственность и деньги. 25 января забастовка была подавлена, имелись жертвы.
¹³ Монрессе – так в тексте. Правильно: Манреса (Любрегат) – старейший текстильный центр в Каталонии.
¹⁴ Севиль – так в тексте. Правильно: Севилья.
¹⁵ Леррус Гарсия Алехандро (1864–1949) – возглавлял Радикальную партию, был главой правительства во времена Республики в 1933–1935 гг.
¹⁶ Национал-синдикализм – доктрина, авторами которой были Ледесма Рамос и Х. Антонио Примо де Ривера, основатели Испанской фаланги.
¹⁷ УХТ – так в тексте. Правильно: ВСТ.

№ 20

Секретная статья ИККИ

*«Ренегаты коммунизма: “Рабоче-крестьянский блок”
Маурина и троцкисты»**

14 июня 1932 г.

Секретно.

1. Маурин и принципы пролетарской революции

Агентура буржуазии в среде рабочего класса не ограничивается социал-фашизмом и анархо-синдикализмом. Она идет дальше, прикрываясь не только именем “социализма” или “анархизма”, но и именем “коммунизма”. “Рабоче-крестьянский блок” Маурина¹ и “Левая коммунистическая” троцкистов представляют собой две организации, выполняющие задание буржуазии по ослаблению и разложению рядов компартии. Разгром предательского, ренегатского руководства этих организаций, завоевание на сторону действительного ленинского коммунизма обманутых им революционных рабочих – является важнейшей задачей компартии наряду с задачей разгрома социал-фашистского и анархо-синдикалистского руководства.

“Рабоче-крестьянский блок” Маурина проявляет свой оппортунизм и предательство в довольно беззастенчивых и открытых формах. В известном выступлении в мадридском Атене в июне 1931 г. Маурин для успокоения буржуазной публики заявил, что он является не ортодоксальным коммунистом, а коммунистом особого рода, которого легче понять, который лучше приспособлен к испанским условиям. Это “приспособление” Маурина выразилось в отказе от лозунга Советов, в равнении на мелкобуржуазный “конвент” и прямой борьбе против Коммунистического Интернационала.

* В этом документе название статьи и все ее подзаголовки подчеркнуты карандашом

Этой постановкой вопроса мауристы оказывают неоценимую службу буржуазии. Они выполняют важнейшее задание контрреволюции, прочно заинтересованной в разрыве международной солидарности революционного пролетариата. Формула “революционный колониализм” является отвратительной буржуазной клеветой на Коммунистический Интернационал.

Международное единство коммунистического движения является историческим достижением пролетариата. В современной обстановке кануна нового тура войн и революций, обстановке чрезвычайного обострения классовых противоречий это единство является важнейшим условием успеха пролетарской борьбы. Отношения между Коммунистическим Интернационалом и его секциями строятся, конечно, вовсе не на превращении их в однотипные “стандартизованные модели”, а на единстве действий, учитывающих все конкретные своеобразия места и времени. “Международная революция пролетариата складывается из разновременных и разнородных процессов” – говорит программа Коминтерна. И теория и практика Коммунистического Интернационала показывают применение различной тактики для достижения одной и той же конечной международной цели – установления диктатуры пролетариата и построения бесклассового и безгосударственного коммунистического общества. Мауристы же под флагом защиты “самостоятельности” испанского революционного движения фактически предают его, так как классовая борьба пролетариата интернациональная и может победить только как неразрывная часть международного пролетарского фронта. Отрывая испанское коммунистическое движение от Коммунистического Интернационала, мауристы показывают, что их “коммунизм” является лживой фразой, что на деле они представляют националистическую мелкобуржуазную партию, прикрывающуюся пролетарской маской, чтобы лучше выполнять свою предательскую задачу.

Условная форма, в которой мауристы в приведенном выше тезисе говорят о принятии марксизма и ленинизма, не случайна. Они так далеки от марксизма и ленинизма, что сами не решаются иначе говорить о нем.

Принятые тем же конгрессом тезисы о “коммунистическом объединении” наглядно демонстрируют, насколько далеки мауристы от ленинизма в таком, например, важнейшем вопросе, как вопрос о демократии. Как известно, крупнейшей исторической заслугой Ленина является то, что он вслед за Марксом вскрыл и показал классовый характер “демократии”. Основываясь на учении Маркса, Ленин в особенно красноречивой и наглядной форме на основе опыта современной эпохи показал, что так называемая буржуазная демократия является в действительности диктатурой буржуазии, и что, с другой стороны, диктатура пролетариата является пролетарской демократией. Ленин резко подчеркивал принципиальное отличие между буржуазной “демократией” (диктатурой), стремящейся к увековечению классовых различий, и между пролетарской диктатурой (демократией), стремящейся уничтожить классовые различия. По этой причине пролетариат, освобождающий трудящееся человечество, открыто провозглашает о своей диктатуре, тогда как буржуазия, угнетающая трудящихся, прикрывает свою диктатуру лицемерными фразами.

Мауристы в самой наглой форме искажают учение Ленина о демократии. В пункте IX указанных тезисов говорится следующее: «Коммунизм, стремясь к действительности, лишенной каких бы то ни было классовых следов демократии, должен сохранять и умножать как драгоценное добро исторически приобретенные в классовой борьбе элементы демократии и не отказывать в благе демократии никому кроме тех, кто сознательно или нет хотят отнять ее у пролетариата. “Между политическими требованиями рабочей демократии и буржуазной демократии разница не принципиальная, а количественная”, говорил Ленин».

Мауристы клеветают на Ленина. Они нагло приписывают ему свои собственные оппортунистические взгляды. Они прячут от масс указание Ленина на противоположность между буржуазной и пролетарской демократией и на необходимость разбить буржуазное государство, чтобы установить диктатуру пролетариата для перехода к бесклассовому и безгосударственному обществу. Они чисто по реформистски скрывают классовый характер буржуазной демократии и представляют весь революционный процесс как процесс постепенного накопления элементов внеклассовой “ценности”, абстрактной демократии.

Трудно представить себе более резкий разрыв с марксизмом и ленинизмом, с революционной пролетарской линией. Это буржуазно-демократическое содержание “мауризма” прекрасно вскрывает истинную подкладку его клеветы насчет “революционного колониализма”. Маурин стесняет международное единство пролетариата, потому что он чужд пролетариату, потому что он хочет не бороться за диктатуру пролетариата, а ловить голоса мелкой буржуазии и отдельных рабочих, используя их симпатии к коммунизму, внося путаницу в их ряды и помогая таким образом буржуазии.

Выраженные Мауриным симпатии к “якобинцам из Атенея” являются неслучайными. Они отчетливо выявляют его природу мелкобуржуазного демократа, маскирующегося под коммунизм, благодаря тому, что основное историческое действие, совершающееся сейчас в человеческом мире, есть пролетарская революция.

Но якобизм Маурина является не менее ложным, чем его коммунизм. В современную эпоху только подлинный коммунизм является подлинным якобинизмом, т.е. иначе говоря, только последовательная борьба за пролетарскую революцию является в то же время последовательной борьбой за буржуазно-демократическую революцию. Мелкобуржуазный же демократизм, оторванный от пролетарского руководства и от перспективы социалистической революции и диктатуры пролетариата, на деле является карикатурой на якобизм. Маурин – близкий родственник Балбонтин.

2. Маурин и движущие силы испанской революции

Мелкобуржуазный демократизм Маурина наглядно проявляется в его оценке движущих сил испанской революции. Принятую контрреволюционным буржуазным учредительным собранием* конституцию он

* Слова “учредительным собранием” подчеркнуты карандашом.

оценивает как “мелкобуржуазную” и утверждает, что она “является мостом между революцией и контрреволюцией”, между демократической республикой и республикой фашистской”^{*}.

Здесь соединены два грубейших принципиальных заблуждения. Во-первых, контрреволюционная конституция рассматривается как нечто промежуточное, как мост от революции к контрреволюции, т.е. проявляется подлинное примиренчество к продукту творчества палачей испанских трудящихся. Во-вторых, революция отождествляется с “демократической республикой”, что вполне гармонирует с мелкобуржуазно-демократической позицией Маурина, отказывающегося понимать, что в настоящих условиях “демократическая республика” стала лозунгом контрреволюции, а лозунгом революции является республика советская.

Эта неправильная установка Маурина проявляется и в его оценке правительства Асанья²–Кабальеро³. Это правительство активной контрреволюции, как и его конституция, оказывается “типично мелкобуржуазным”, характеризуется как промежуточная переходная “керенщина”. Этим самым оказывается серьезная услуга правительству Асанья, так как поддерживается и пропагандируется иллюзия, будто оно не является контрреволюционным. Маурин при этом поистине побивает рекорды предательского оппортунизма. Он говорит: “Что социал-демократия за восемь месяцев республики стала ключом политической ситуации – так как кабинет Асанья полностью находится под контролем социалистов – является историческим фактом большой важности. Он показывает, что буржуазия посредством демократических форм постепенно теряет политическое руководство. Власть, осуществляемая социалистами, не есть еще власть пролетариата, но нет сомнения, что она ближе к пролетариату, чем правительство Лерруса или Маура⁴–Санкурхо”⁵.

Становится ясным, как далеко ушел Маурин от коммунизма. Влияние социал-демократии в правительстве Асанья бесспорно. Но это влияние не противоположно господству буржуазии, а наоборот, поддерживает и укрепляет его, так как Ларго Кабальеро, Прието⁶, Фернандо де⁷...^{**} являются не худшими (даже лучшими в некоторых отношениях) приказчиками буржуазии, чем остальные члены министерства. Утверждение Маурина, что при демократии буржуазия постепенно теряет политическое руководство – типичное социал-демократическое утверждение. Уход от коммунизма вполне естественно приводит к лагерю контрреволюции. Кровавой насмешкой над испанскими трудящимися является заявление Маурина, что власть социалистов “еще не” пролетарская власть, но что она ближе к пролетариату, чем власть Маура–Санкурхо. Как будто социалисты не правили вместе с Маура–Санкурхо. И как будто пребывание Маура в оппозиции и перемещение Санкурхо опровергают тот факт, что их союз с социалистами на деле не разорван, что против революционного движения рабочих и крестьян они едины.

^{*} Поставлен знак сноски, но ее текст отсутствует.

^{**} Отточие в тексте.

Свою аналогию Асанья, социалистов и демократии Маурин соединяет с крайним пессимизмом в оценке хода классовой борьбы пролетариата и трудящегося крестьянства. Политические тезисы, принятые последним конгрессом, категорически утверждают, что “приближается час бонапартизма, час Ковеньяка, Павиа, Корнилова”. Помимо того, что это утверждение в соединении с оценкой правительства Асаньи как “керенщины” ослабляет критику этого правительства, здесь характерно настроение пораженчества революции, преувеличение сил противника, преуменьшение сил пролетариата.

Почти все крупные классовые столкновения, имевшие место до сих пор, оцениваются Мауриным, как поражение пролетариата. Исторические стачки в Севилье (июль 1931 г.) и в Барселоне (сентябрь 1931 г.) характеризуются Мауриным как соответствующие “кровавой июньской борьбе на улицах Парижа в революции 1848 г., восставшему ...* испанской революции в июле 1873 г., движению немецких спартанцев в январе 1919 года”***.

Как известно, перечисленные выше исторические события являются примером решительных поражений революции, за которыми следовал бдительный период реакции. Следовательно, своей исторической параллелью Маурин хочет сказать только, что испанская революция уже разбита, что уже начался период реакции. Маурин устраняет всякие сомнения насчет своей позиции, говоря по поводу буржуазного правительства и его “реформистской” деятельности, что “пришел уже час, когда победитель ставит условия, положив ноги на стол”***.

Эта оценка настоящего положения в Испании является глубоко ошибочной, глубоко пораженческой. Ни стачки 1931 г., ни январско-февральские бои 1932 г. не являлись окончательными решающими боями революции, после которых начинается поворот в развитии. Это были частичные бои, со все возрастающей остротой и напряжением. И впереди новые, еще более крупные бои. Испанская буржуазия вовсе не находится в положении победителя, диктующего условия. Она продолжает свои маневры, чтобы ослабить натиск революции и разбить ее. Революционный натиск испанских рабочих и крестьян не закончен. Он идет вперед, неравномерно, неорганизованно, при противодействии многочисленных агентов буржуазии, в числе которых находится и Маурин, но идет вперед. Ведущееся на отдельных участках наступление буржуазии является и контрнаступлением против натиска революции.

3. Политическая тактика мауринистов

Политическая тактика мауринистов служит прекрасным практическим доказательством того, что отрыв коммунистического движения от интернационала означает в действительности разрыв с коммунизмом. Отказавшись от проведения правильной последовательной ленинской линии, Маурин занялся беспринципным лавированием между различными политическими группировками и в связи с различными политиче-

* Отточие в тексте.

** Поставлен знак сноски, но ее текст отсутствует.

*** Поставлен знак сноски, но ее текст отсутствует.

скими вопросами. В результате получилась эклектическая путаница, характерная для мелкобуржуазных политиков.

С одной стороны, Маурин заявлял, что “мы пропагандируем взятие власти Сеэнто”⁸. Далее в документах его группы говорится о взятии власти профсоюзами и фабзавкомками. В то же время упоминаются и Советы ...^{1*}, как “органическая система правительства”^{2*}. Это политическое жонглирование не вносит ясности в основной стратегический и тактический вопрос революции. И менее всего ясен другой мауринский вариант “лозунга” – взятие власти “рабочими организациями”.

Лозунг взятия власти Сеэнте отражает период близости Маурина к руководству анархо-синдикалистской организации, попытку его примазаться к этому руководству, слиться с ним. В это время Маурин сделал свое известное ликвидаторское предложение о создании коалиционной редакции “Солидарidad obrera” в составе двух представителей от “рабоче-крестьянского блока”, двух представителей ФАИ и двух представителей группы Пестанья. Оппортунистическое примиренчество Маурина зашло, таким образом, так далеко, что он предлагал оставить Пестанья в редакции как раз тогда, когда под давлением рабочих низов этому матерому предателю пришлось уйти из нее.

Для мелкобуржуазной беспринципности Маурина характерно, что свое прислужничество анархизму он склонен был соединять с заявлениями об эволюции анархизма к коммунизму. Так, например, в воззвании, выпущенном рабоче-крестьянским блоком после события в Л...^{3*} говорится следующее: “Перед нами исторический факт величайшего значения, свидетельствующий о важнейшем повороте в ходе нашей революции. Анархизм прекратил свое существование. Рабочие и между ними, естественно, анархисты, приняли марксистский тезис о взятии власти”^{4*}.

Верно, что в событиях в бассейне реки ... выявилось, что анархисты вопреки своим доктринам вынуждены действовать как политическая власть. Но отсюда очень далеко до сознательного “принятия марксистского тезиса” и тем более до исчезновения анархизма. Беспринципная фраза Маурина не стеснена никакими рамками.

Лозунг взятия власти Сеэнте не выдерживает никакой критики. Помимо прочего, он оставляет в стороне многотысячную массу рабочих Ухете⁹, которые, конечно, неправильно поступают, следуя руководству своих социал-фашистских вождей, но прав на власть, как неразрывная часть рабочего класса, не теряют. Такое резкое противопоставление Сеэнте Ухете вместе с тем смазывает антиреволюционность анархизма и анархо-синдикализма, ослабляет коммунистическую критику их.

Лозунг взятия власти профсоюзами не лучше предыдущего. Он оставляет в стороне неорганизованных рабочих, составляющих не менее половины испанского пролетариата. Но важнейшее здесь то, что самое

1* Отточие в тексте.

2* В тексте дана сноска, в которой написано: “См. Полит. Резолюцию последнего конгресса”.

3* Название не дописано в документе.

4* Поставлен знак сноски, но ее текста нет.

предложение передачи власти профсоюзам – не коммунистическое, а анархо-синдикалистское. Оно смазывает вопрос о характере государства переходного периода и о роли мелкособственнического крестьянства, не могущего войти в профсоюзы. В то же время оно фактически ведет к ликвидации профсоюзов, как таковых, т.е. как организаций, защищающих непосредственные требования рабочих, раз предлагает нагрузить их всеми функциями власти.

Неправилен лозунг и о взятии власти фабрично-заводскими комитетами. Фабзавкомы являются, действительно, широкими политическими организациями, способными подготовить взятие власти пролетариатом и союзным ему крестьянством. Но эту свою роль они могут сыграть лишь как зародыш, как предшественник, как путь к созданию Советов, которые являются единственной формой революционной рабоче-крестьянской власти.

Как оппортунист и путаник, Маурин без разбора хватается за все, что попадает под руки. Упоминание им и Советов, как “органической системы правительства”, при отказе от Советов как основного лозунга революции, только ярче подчеркивает его эклектизм и беспринципность.

В то же время для Каталонии Маурин выдвигает лозунг каталонского учредительного собрания, что в настоящих условиях означало бы второе издание Хенералита. Для мелкобуржуазного демократизма Маурина такой лозунг не случаен.

Завершением эклектизма Маурина является лозунг нейтрализации середняка, принятый на последнем конгрессе. Как известно, этот лозунг является типичным для социалистической революции. Для настоящего же этапа испанской революции, для аграрной революции характерной является возможность осуществления союза не только с беднотой, но и с середняком для разгрома помещичье-церковного землевладения. То, что Маурин, этот типичный правый ренегат, занял здесь формально” левую” позицию, не должно вызывать особого удивления. Беспринципность и эклектизм не отличаются особой последовательностью.

4. Ликвидаторский характер мауринизма

Основной смысл и содержание мауринизма – ликвидация коммунизма. Помимо разобранных выше антикоммунистических позиций в основных вопросах стратегии и тактики революции, об этом специально свидетельствует отношение мауринистов к вопросу о самой партии. Мауринисты на деле растворяют партию в широком расплывчатом “рабоче-крестьянском блоке”. Статья Виктора Коломе “Федерация и блок”^{*} развивает своеобразную “теорию”, подчеркивающую полную чуждость мауринистов ленинскому учению о партии. Коломе ставит вопрос о глубоком различии, которое существует между подготовленными, сознательными членами партии и широкой массой симпатизирующих коммунизму рабочих. Включение этих рабочих в партию, иначе говоря, со-

^{*} Поставлен знак сноски, но ее текст отсутствует.

здание массовой коммунистической партии Коломе считает невозможным. Массовая коммунистическая партия, по его мнению, “будет приведена к бессилию благодаря различию мнений и путанице от лучше подготовленного коммуниста до симпатизирующего. Механизм будет работать с большой трудностью и кризисы будут постоянными. Результаты: аппарат бесполезный”. С другой стороны, продолжает Коломе, группа сознательных, подготовленных коммунистов, количественно ограничена и нуждается в широкой организации сочувствующих, чтобы проводить свою политику. Коммунистическая Федерация Маурина и Рабоче-крестьянский блок представляют как раз, по мнению Коломе, сочетание такого сознательного меньшинства с широкой организацией сочувствующих.

Эта точка зрения совершенно чужда коммунизму. Коммунизм стоит за массовую коммунистическую партию, умеющую проводить свою линию в широких беспартийных организациях: профсоюзах, советах и т.д. Коммунизм не обособляет подготовленных коммунистических рабочих от неподготовленных, а наоборот соединяет их. Если коммунистические симпатии рабочего уже достаточно определены и он просится в партию, партия его принимает и осуществляет его воспитание в рядах партии, а не в отдельной организации сочувствующих. Точка зрения мауринов соединяет в себе два основных преступления против коммунизма: выделение “сознательных” коммунистов в ограниченную секту и создание вместо партии неопределенного ее суррогата в виде организации сочувствующих. Таким образом, ликвидаторство коммунизма проявляется мауринистами в самом построении их организации, которая ни в коем случае не является коммунистической.

Но еще более ярким проявлением ликвидаторства мауринов является их позиция по отношению к компартии. Трудно представить себе более подлую и контрреволюционную позицию. Маурины объявляют партию “мифом” и открыто провозглашают, что их главная цель – разгромить и уничтожить партию. Это – несомненное задание буржуазии, отлично понимающей, что единственно опасным врагом ее является Коммунистический Интернационал и его секции. Несмотря на все кричащие жесты Маурина, несмотря на все его громкие фразы, объективная картина насчет его роли в испанской революции очень проста: это агент буржуазии по разложению коммунистических рядов, использующий коммунистическую маску как необходимый реквизит своей предательской работы.

5. Троцкисты и характер испанской революции

Излюбленным коньком троцкистов является торжественное провозглашение своей “левизны” и марксистской ортодоксальности. Троцкисты неустанно кричат о том, что они – за пролетариат и за интернационал. Более того. Они специально обвиняют партию и Коминтерн в отступлении от интернационализма и от пролетарской политики. Линию Коминтерна на построение социализма в Советском Союзе троцкисты характеризуют как “националистическую”, утверждая, что построение социализма в Советском Союзе невозможно. Линию испан-

ской компартии на осуществление гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической рабоче-крестьянской революции и превращение ее в революцию социалистическую троцкисты характеризуют как право-оппортунистическую, противопоставляя ей лозунг социалистической революции и диктатуры пролетариата.

В обоих вопросах обвинения троцкисты совершенно ложны и служат лишь средством прикрытия их собственной оппортунистической, предательской позиции. “Левизна” троцкистов является внешней, показной. На деле же они являются не коммунистической, а социал-демократической группой.

В основе троцкистского отрицания возможности построения социализма в Советском Союзе лежит оппортунистическое социал-демократическое представление о мировом капиталистическом хозяйстве как высшем единстве, борьба с которым для советского хозяйства безнадежна. Не кто иной, как сам Троцкий заявил категорически, что “передача власти из рук царизма и буржуазии в руки пролетариата не нарушает процессов и не отменяет законов мирового хозяйства”^{*} и что диктатура пролетариата, как государственная форма, остается надстрочным явлением. Ошибочный и пораженческий характер этих утверждений совершенно очевиден. Диктатура пролетариата не есть чисто государственная форма. Диктатура пролетариата создает новую экономику, социалистическое хозяйство и борьба диктатуры пролетариата против капиталистического мира не есть односторонняя борьба политических средств против экономических, а есть борьба двух противоположных хозяйственных систем. Конкретные данные о ходе экономического развития Советского Союза и капиталистического мира показывают с необычайной наглядностью, что законы капиталистического хозяйства оказываются не в состоянии остановить победоносное продвижение вперед социалистической экономики. Несмотря на все препятствия, в 1932 г. реализуется первый пятилетний план. Второй пятилетний план предусматривает превращение Советского Союза в одну из самых передовых индустриальных стран и ликвидацию классов. Нет сомнения, что эти задачи будут выполнены еще с большим успехом, чем задачи первой пятилетки.

Пораженческий характер троцкистской позиции в этом вопросе особенно ярко выявлен в их заявлении, что “существование социалистического и частного хозяйства под режимом диктатуры пролетариата составляет прочную экономическую основу для всего переходного периода”, что эта “экономическая двойственность сможет быть уничтожена только с победой международной пролетарской революции”^{***}. Становится совершенно ясным, что подобными утверждениями троцкисты на деле защищают кулаков и нэпманов от ликвидации, а не пролетарскую революцию^{***}.

^{*} Поставлен знак сноски, но ее текст отсутствует.

^{**} Поставлен знак сноски, но ее текст отсутствует. Слова в кавычках подчеркнуты карандашом.

^{***} Имеется сноска, в которой написано: «Подробнее об этом и вообще о позиции троцкистов смотри книгу Бульехоса “Ком. партия и троцкизм”».

В вопросе о характере испанской революции “левизна” троцкистов оказывается не менее призрачной, чем в вопросе о построении социализма в Советском Союзе. Фразы о “диктатуре пролетариата” служат для троцкистов только прикрытием их оппортунизма и пессимизма во всем, что касается организации действительной революции. В то же время они систематически клеветают на партию, представляя ее лозунг “рабоче-крестьянского правительства” как лозунг примирения с буржуазией и отказа от насильственного свержения ее власти. Трудно себе представить более необоснованную и злопамятнейшую чепуху, чем эта клевета троцкистов.

Лозунг “рабоче-крестьянского правительства”, поддерживаемый партией, является прежде всего именно лозунгом насильственного свержения буржуазной власти. Во-вторых. Рабоче-крестьянское правительство мыслится как СОВЕТСКОЕ правительство, так как лозунг Советов наряду с лозунгом рабоче-крестьянского правительства является основным лозунгом партии. Таким образом, указывается ясно пропасть, отделяющая то, к чему идет партия, от всех и всяческих буржуазных форм государства. Здесь нет места никакому примирению с буржуазией, никакой “гоминданизации”, как клеветают троцкисты. Далее необходимо иметь в виду, что между советским рабоче-крестьянским правительством, которое можно характеризовать как демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства и между Советским правительством диктатуры пролетариата партия не воздвигает никакой “китайской стены” и предвидит быстрее превращение первого во второе (что определяется конкретными условиями будущего). Если партия не выставляет прямо сегодня лозунга диктатуры пролетариата, то только потому, что лозунг рабоче-крестьянского правительства (соответствующий революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства) способен лучше подготовить осуществление диктатуры пролетариата, правильно организуя силы революции на данном этапе. Незавершенная буржуазно-демократическая революция, в особенности аграрная и национальная революция, требует руководящего вмешательства пролетариата, который, руководя союзными ему слоями эксплуатируемого бедняцкого и середняцкого крестьянства, должен свергнуть буржуазию и заново перегруппировав силы, перейти к социалистической революции. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, таким образом, мыслится партией не как особый “промежуточный режим” или особая эпоха, а как стратегическая формула, наиболее соответствующая соотношению классовых сил в настоящий момент испанской революции, формула, наиболее хорошо подготовляющая диктатуру пролетариата. Борьба за эту формулу на деле означает борьбу за диктатуру пролетариата. Недаром тов. Сталин, объясняя тот факт, что буржуазная революция в России переросла в пролетарскую революцию в сравнительно короткий срок, отметил, что “гегемония пролетариата была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата”^{*}.

^{*} Поставлен знак сноски, но ее текст отсутствует.

Как меньшевистские догматики, как схоласты, троцкисты не в состоянии понять этой стратегической формулы, которая является формулой давления, превращения. В четвертом номере “Совета” Троцкий заявляет: “Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства как режим отличны по своему классовому содержанию от диктатуры пролетариата, была бы осуществима только в том случае, если возможна была бы НЕЗАВИСИМАЯ революционная партия, выражающая интересы крестьянской и вообще мелкобуржуазной демократии, партия, способная при поддержке пролетариата захватить власть и осуществить свою революционную программу”.

Здесь Троцкий повторяет свою ошибку 1905 года, уже подвергнутой критике со стороны Ленина. В марте 1909 г. в статье “Цель борьбы пролетариата в нашей революции” Ленин специально указал, полемизируя с Троцким, что “коалиция указанных классов (т.е. пролетариата и крестьянства) **ВО ВСЕ** НЕ предполагает того, чтобы крестьянство создало могучую самостоятельную партию”. «Из опыта русской революции ясно, что “коалиция” пролетариата и крестьянства осуществлялась **ДЕСЯТКИ И СОТНИ РАЗ** в самых различных формах без “всякой могучей самостоятельной партии” крестьянства»*.

Троцкисты с невероятной наглостью проходят мимо этого указания Ленина, как и мимо всего его учения, имея бесстыдство в то же время утверждать, что они являются самыми последовательными ленинцами.

Но коммунистическая партия, секция Коммунистического Интернационала, действительно следует учению Ленина, и она целиком принимает его указание, что формула революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства предвидит лишь “соотношение классов” в борьбе. Осуществление этой диктатуры явится сам факт свержения власти буржуазии силами пролетариата и руководимого им эксплуатируемого крестьянства. И дальнейшее превращение революционной власти в диктатуру пролетариата будет зависеть от конкретных условий момента.

Идея о “превращении” власти вызывает особые возражения со стороны троцкистов. Арлен в своей статье в № 12 “Коммунизма” с комичной серьезностью заявляет, что власть не “превращается”, что она силой вырывается одним классом у другого. Как всегда, обнаруживается неумение троцкистов применять общие истины к конкретным случаям. Разумеется власть буржуазии не может “превратиться” во власть пролетариата. Но партия как раз указывает, что основная суть ее позиции — свержение власти буржуазии. Революционно-демократическая же диктатура пролетариата и крестьянства может превратиться в диктатуру пролетариата (при условии, если пролетариат имеет действительную гегемонию, и если эта гегемония выражена в руководящей роли компартии, секции Коммунистического Интернационала). Рассуждая по правилам формальной логики, троцкисты утверждают, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства — “НЕ власть пролетариата” и поэтому не может превратиться во власть про-

* Имеется сноска, в которой написано: “Том XIV, стр. 45”.

летариата*. Но выше мы приводили указание тов. Сталина, что гегемония пролетариата в буржуазной революции является зародышем диктатуры пролетариата. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже есть власть пролетариата, но не чистая, не полная, не развернутая, разделенная с эксплуатируемым крестьянством. Эта не развернутая власть пролетариата может (и должна) развернуться, стать полной, стать диктатурой пролетариата. Троцкисты изображают дело так, словно по мнению партии существуют три самостоятельных вида власти: 1) диктатура буржуазии, 2) революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, 3) диктатура пролетариата. Это неверная постановка вопроса. Согласно точке зрения партии диктатура пролетариата и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства близки друг другу и вместе бесконечно далеки, прямо противоположны власти буржуазии. Превращение буржуазной власти в диктатуру пролетариата или в революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства невозможно. А превращение революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в диктатуру пролетариата возможно и необходимо.

Суть вопроса, однако, не исчерпывается указанием на неправильность троцкистских обвинений по адресу партии. Суть вопроса состоит в том, что эти обвинения служат у троцкистов лишь прикрытием их оппортунистической и по существу контрреволюционной позиции в конкретных тактических вопросах революции. Троцкисты призывают к социалистической революции, но в действительности работают на буржуазную контрреволюцию.

6. Политическая тактика троцкистов

Главным тактическим рецептом, с которым с начала революции выступали троцкисты, является предложение “толкать социалистов к власти”. Разработку этого вопроса взял на себя сам Троцкий. Не понимая и сознательно извращая уроки русской революции, Троцкий утверждал, что лозунг “долгой министров-капиталистов”, выброшенный большевиками в первые месяцы революции 1917 года, “как нельзя более применим” в современной испанской обстановке. Трудно представить себе более грубое извращение истины. Выдвигая в свое время лозунг удаления буржуазных министров из правительства, большевики соединяли это с лозунгом “вся власть Советам”. Поскольку русские меньшевики и эсеры имели тогда большинство в Советах, выходило, что предложение взять власть обращалось к ним, но только как К СОВЕТСКОМУ БОЛЬШИНСТВУ. В Испании же налицо иное положение. Образование чисто социалистического министерства здесь не может иметь такого значения, как если бы было создано СОВЕТСКОЕ правительство, хотя бы и с социалистическим большинством. Испанские социал-фашисты целиком стояли на буржуазной парламентской основе, они целиком ответственны за действия буржуазного правитель-

* Имеется сноска, в которой написано: «См. Статью Арлена в № 12 “Komunismo”» (журнал испанских троцкистов. — *Сост.*).

ства. "Толкание социалистов к власти" в современных испанских условиях способствует не разоблачению социалистов, а наоборот оживлению иллюзий по поводу их революционности.

Очень важно отметить, что в троцкистской концепции линия на "толкание социалистов к власти" тесно связана с несомненным парламентским кретинизмом, ярко выявляющим предательский характер троцкизма. Развертывая свой план толкания социалистов к власти, Троцкий предвидит, что социалисты откажутся от власти, ссылаясь на то, что не имеют большинства в парламенте. Тогда, говорит Троцкий, надо выдвинуть лозунг новых выборов и, "одним словом, недемократическим и ограниченным кортесам мы должны в настоящем этапе противопоставить народные, действительно демократические и честно избранные кортесы"^{1*}. Этот троцкистский лозунг является глубоко предательским и вредным для испанской революции. Для каждого сознательного рабочего ясно, что в условиях буржуазной демократии невозможны "действительно демократические" и "честно избранные"^{2*} кортесы. Выдвижение этого лозунга способно только укрепить демократические иллюзии малосознательных масс. Буржуазия и социал-фашисты в трудный и критический момент с полной готовностью могут поддержать этот лозунг, ничем не рискуя, общая на этот раз "честно" провести выборы, с тем, чтобы снова обмануть массы. Тем более, что формальная "честность" вовсе не устраняет классового характера буржуазной демократии.

Эта предательская троцкистская установка была подтверждена их последней конференцией. Андрес Нин, этот ближайший адъютант Троцкого предложил следующие два лозунга: 1) "Роспуск кортесов и назначение общих выборов", 2) "Образование чисто социалистического правительства"^{3*}. Отступление от коммунизма в этом случае было так велико, что конференция не сочла возможным принять первый лозунг и отклонила его. Но она приняла второй. Таким образом, сохранив свою основную установку и отклонив лишь наиболее крайнее и чересчур открытое оппортунистическое выражение ее, троцкисты лишь ярче подчеркнули предательский характер своей позиции.

Парламентский кретинизм и абстрактный формализм троцкистов наложил свой отпечаток на их позицию в двух важнейших вопросах испанской революции: аграрном и национальном.

Фактически, на деле, троцкисты против союза пролетариата с эксплуатируемым крестьянством. Они утверждают, что партия, говоря о "союзе с крестьянством имеет намерение подчинить пролетариат мелкой буржуазии"^{4*}. Брошюра Гарона Паласноса по аграрному вопросу является важнейшим историческим документом, показывающим, что троцкисты против крестьянской борьбы за землю. Ссылаясь на преимущества коллективизации перед разделом земли с точки зрения социализма, Паласнос смазывает основной вопрос о необходимости насиль-

^{1*} Поставлен знак сноски, но ее текст отсутствует.

^{2*} Слова в кавычках подчеркнуты карандашом.

^{3*} Пункты 1) и 2) подчеркнуты карандашом.

^{4*} Имеется сноска, в которой написано: «Статья Арлена в № 12 "Komunismo"».

ственной безвозмездной экспроприации помещичьих и церковных земель. Это – крайне оппортунистическое преступление. “Левым”, “коллективистским” фразам Паласноса – грош цена. Социал-фашисты, в частности Ларго Кабальеро, прикрывают теми же фразами свою роль полицейских охранителей помещичьей собственности. То, что именно Паласносу было поручено предоставить конференции тезисы по аграрному вопросу, показывает, что его брошюра выражает не его только личное мнение. Представленные Паласносом тезисы, однако, встретили большие возражения, и было решено поставить вопрос на обсуждение местных организаций. Это только показывает, что наряду с оппортунизмом и предательством троцкистское руководство страдает еще растерянностью и отсутствием ясной линии и перспективы.

По национальному вопросу сам Троцкий сформировал такую позицию, которая побивает рекорды оппортунизма и предательства. Вторых, отправляясь от своего излюбленного тезиса, что все вопросы испанской революции должны быть рассматриваемы “сквозь призму парламентаризма”, Троцкий утверждал, что в основном национальный вопрос сводится к вопросу о демократических правах. Дать угнетенным национальностям всеобщее избирательное право – больше ничего не нужно, по мнению Троцкого, для решения национального вопроса. Более того, Троцкий справедливо высказывается против полной самостоятельности угнетенных национальностей. “Наоборот, – говорит он, – экономическое единство страны, С ШИРОКОЙ АВТОНОМИЕЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ представило бы большие выгоды рабочим и крестьянам с экономической и культурной точки зрения”*. Эта автономистская позиция вполне в духе настроений мадридского правительства и ничего общего не имеет с революционной ленинской позицией в национальном вопросе.

Тезисы по национальному вопросу**, принятые последней троцкистской конференцией, доходят до крайних пределов предательства. Особенно ярко это проявляется в постановке вопроса о Марокко. Проблема Марокко, утверждают троцкисты, “не есть национальная проблема, потому что в Марокко не существует нации, потому что в Марокко не только не развился капитализм, это наиболее характерный признак национальности, но даже нельзя говорить о существовании феодального режима, а только о клане или племени. Где нет нации, никоим образом не может быть национального движения”. Дальше троцкистские мудрецы специально разъясняют, что колонизаторы не сумели развить в Марокко капитализма, что марокканцы дерутся ни за Марокко, а за свой адуар или кабилу и т.д. и т.п. О необходимости дать полную свободу Марокко и о задаче партии организовать и возглавить движение, троцкисты не говорят ни слова. Таким образом, их позиция является по существу колонизаторской, империалистической. Единственный логичный вывод из их утверждения, что в Марокко нет не только капитализма, но и феодализма, что там нет национального движения,

* Поставлен знак сноски, но ее текст отсутствует.

** Слова “Тезисы по национальному вопросу” подчеркнуты карандашом.

состоит в том, что надо дать колонизаторам достаточное время для развития капитализма, для создания нации и потом уже говорить об освобождении Марокко.

Такая позиция не имеет ничего общего с марксизмом, с ленинизмом. Это типичная социал-демократическая предательская позиция.

Таким образом, становится очевидным, что фразы троцкистов о “перманентной”, о социалистической революции остаются не более как фразами. Они объявляют буржуазно-демократическую революцию, начатую 14-го апреля, оконченной, во имя новой социалистической революции. Но на деле они предают и социалистическую и буржуазно-демократическую революцию.

Партия на данном этапе революции противопоставляет буржуазной политике три основных позиции по трем основным вопросам революции: 1) Советское рабоче-крестьянское правительство против буржуазного парламентаризма, 2) полная, безвозмездная конфискация помещичьих и церковных земель и раздел их между трудящимися деревни, 3) полная свобода угнетенных национальностей вплоть до полного отделения. Троцкисты же в этих трех вопросах занимают буржуазную позицию, вытаскивают знамя “честно избранных” кортесов, национальной автономии со всеобщим избирательным правом и отрицают задачу аграрной революции разговорами о том, что только пролетарская революция разрешит аграрный вопрос.

На деле именно партия стоит за перманентную, непрерывную революцию, так как борьба вокруг трех основных, указанных выше лозунгов непосредственно превращается, и фактически уже сейчас является, борьбой за диктатуру пролетариата, за социалистическую революцию.

Троцкисты же занимаются перманентной болтовней и предательством.

7. Контрреволюционный характер троцкизма

Контрреволюционность троцкизма выявлена уже в достаточной степени в содержании его основной политической позиции. Еще больше подчеркивается эта контрреволюционность специальной атакой троцкизма против компартии и Коммунистического Интернационала. Вся свою энергию троцкисты употребляют на то, чтобы не мешать работе партии, компрометировать ее в глазах масс, разлагать ее. В той кампании единого фронта, которую партия ведет против предательского социал-фашистского и анархо-синдикалистского руководства, троцкисты заняли открыто антипартийную позицию, вместе с анархистами обвиняя партию в “раскольничестве” и предлагая полное подчинение, говоря, что нужно лишь внутри ее “с благородством защищать свои взгляды”*. По отношению к Советскому Союзу клеветническое усердие троцкистов точно также не знает границ.

Свою предательскую позицию по отношению к компартии и Коминтерну троцкисты пытаются оправдать в глазах масс тем, что они борются только против бюрократизма, а не против партии и интернацио-

* Имеется сноска, в которой написано: «Статья Лакруа в № 8 “Komunismo”».

нализма как таковых. Это – жалкая и подлая увертка. Троцкисты борются против всей линии Коминтерна и его испанской секции, с позиций, совершенно чуждых ленинизму. Характеризуя как “бюрократизм” линию Коминтерна и испанской компартии (а не отдельные извращения этой линии) троцкисты выполняют хорошую службу для буржуазии, кровно заинтересованной в подготовке общественного мнения для интервенционистской войны против Советского Союза и для разгрома секций коммунистического Интернационала.

Позиция троцкистов по существу пораженческая и враждебная коммунизму. В статье “Проблема бюрократизма в Советском Союзе”^{*} говорится ясно, что продолжение теперешнего курса политики Советского Союза и Коминтерна обрекает на поражение коммунистическое движение. Это означает, что в приближающейся решающей схватке между силами пролетарской революции, воплощенными в Коммунистическом Интернационале и Советском Союзе, и силами буржуазной контрреволюции троцкисты становятся на стороне последней, предсказывая поражение пролетарской революции.

Этот простой и ясный факт должен знать каждый сознательный рабочий, чтобы судить должным образом о подлинной сущности троцкизма. Реальный оплот и штаб мировой пролетарской революции – это Коминтерн и Советский Союз. Троцкисты уже предвидят поражение этого оплота рабочих всех стран. Ясно, что это значит. Вполне прав был тов. Сталин, называя троцкистов «“передовым” отрядом буржуазной контрреволюции».

Рассуждения троцкистов о “реформировании” линии Коммунистического Интернационала, о своей собственной ортодоксальности и т.п. – праздная болтовня интеллигенции. Печальную и отвратительную роль играет эта секта, прикрывающая предательскую работу самым отвратительным, самым утонченным лицемерием.

Последняя конференция троцкистов лишь углубила пропасть, отделяющую их от компартии. Отказ от наименования “оппозиция” и открытое провозглашение себя “фракцией”, а также решение о самостоятельном выступлении на выборах подчеркивает это движение прочь от коммунизма. То, что троцкисты пока еще не решаются назвать себя отдельной “партией”, не меняет дела. В действительности, они, конечно, являются уже давно совершенно отдельной партией. И единственное, что можно возразить против характеристики троцкистов как партии, это их крайняя малочисленность, слабость. Секта не есть партия. Но это уже особый вопрос.

8. Мауринисты и троцкисты

Формально мауринисты и троцкисты “действуют” отдельно друг от друга. Они даже взаимно отмежевываются. В действительности между ними, конечно, имеются серьезные различия. Но они сходятся в основном, в наиболее важном в данный момент: в предательской клеветнической атаке на Коминтерн и его испанскую секцию. В борьбе против

^{*} Имеется сноска, в которой написано: «См. № 12 “Komunismo”».

компартии, которую обе группы с неумной иронией называют “официальной”, между мауринистами и троцкистами на деле существует блок. И политическое значение этого блока (значение явным образом контрреволюционное) не меняется существенно от того, что этот блок не закреплён формально.

Очень важно отметить при этом, что и в самой политической позиции обеих предательских групп имеется совпадение по целому ряду весьма важных моментов. Мауринисты, например, вторят троцкистской песне о «“ложности” ленинской формулы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства*». Троцкисты сходятся с мауринистами в оценке данного этапа, как момента ПОРАЖЕНИЯ пролетариата. Об этом открыто говорил Нин в своей брошюре, выпущенной после январских событий. Не менее открыто повторяется это в одиннадцатом номере “Коммунизма”, где сказано, что “нельзя отрицать, что в этот момент рабочее движение испытывает некоторую депрессию”. Сходятся также троцкисты с мауринистами в постоянных утверждениях об упадке, о разложении компартии. Усердные контрреволюционеры выдают свои желания за действительность.

Все эти совпадения ни в коем случае не являются случайными. Они теснейшим образом связаны с контрреволюционной сущностью обеих групп, с тем, что их огонь направлен фактически против коммунизма, а не против буржуазии.

Отсюда становится ясным, насколько важен разгром этих предательских, контрреволюционных групп и освобождение честных революционных элементов от их влияния. В связи с этим надо указать на необходимость правильной и настойчивой работы по разоблачению контрреволюционности мауринизма и троцкизма, такой работы, которая, ни в какой степени не смазывая сущности вопроса, в то же время обнаруживала бы достаточный такт и товарищеское отношение к честным рабочим элементам, увлеченным демагогией вождей.

Вверху документа от руки написано: “Без корректуры”.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 210. Л. 24–56.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

¹ Маурин Хоакин – основатель и лидер леворадикального “Рабоче-крестьянского блока”, отколовшегося от Коммунистической партии Каталонии (1930 г.). Печатный орган – еженедельник “L’Hora”.

² Имеется в виду Асанья Мануэль (1880–1940) – военный министр и председатель Совета министров (1931–1933), президент Республики (1936–1939).

³ Ларго Кабальеро Франсиско (1869–1946) – председатель ИСРП (с 1932), министр труда (1931–1933), председатель совета министров (1936–1937).

⁴ Маура Мигель – основатель (совместно с Н. Алкала Саморой) Правой либерально-республиканской партии, министр временного правительства Республики (1931), автор закона “О защите Республики”.

⁵ Сан-Хурко Хосе (в тексте ошибочно – Санкурхо) – маркиз де Риф (1872–1936) – начальник гражданской гвардии, руководитель мятежа против Республики

* Имеется сноска, в которой написано: «См. П. 2 тезисов съезда мауринистов о “коммунистическом объединении”».

(1932), номинальный глава заговора, спровоцировавшего гражданскую войну. Погиб в авиационной катастрофе 20 июля 1936 г.

⁶ Прието Индалесио (1883–1962) – лидер центристов в ИСРП, министр финансов и общественных работ (1931–1933) в правительстве М. Асаньи. В годы гражданской войны министр морских и воздушных сил (1936–1937), министр обороны (1937–1938).

⁷ Фернандо де лос Риос (1879–1949), один из руководителей ИСРП, министр юстиции в правительстве М. Асаньи (1931–1933), посол Испании в США (1936–1939).

⁸ Сеэнто – так в тексте. Правильно: НКТ.

⁹ Ухете – так в тексте. Правильно: ВСТ.

№ 21

Проект письма КП Испании с директивными указаниями по организации вербовочной кампании

23 января 1933 г.

Секретно

Товарищи!

Уже в своем письме от ...* января мы говорили о вербовочной кампании и о недостатках, которые, по нашему мнению, проявляются при проведении этой кампании. Правда, для суждения об организации кампании мы располагаем только двумя номерами “Мундо обреро” от 19 и 24 декабря с воззваниями ЦК партии (Агитпроп) и областного комитета Андалузии, призывающего к соцсоревнованию с областью Экстремадура.

Оба воззвания, как воззвания ЦК, так и воззвание Областного комитета Андалузии, отражают непонимание, существующее еще в руководящих органах партии относительно организационных проблем.

В течение только что окончившегося года партия в отношении численного роста своих рядов сделала значительные успехи. Однако этот рост был стихийным. Сами рабочие искали партию и приходили к ней вместо того, чтобы партия организованно, систематически и по определенному плану вербовала рабочих на местах работы и на важнейших предприятиях. Вербовка происходила без руководства и без контроля со стороны ЦК партии.

Каким образом нужно организовать вербовочную кампанию?

I. В первую очередь необходимо подвергнуть анализу конкретную обстановку каждой области и важнейших местных организаций с точки зрения их организационного положения и развития рабочего движения. На основе этого изучения ЦК, по соглашению с областными комитетами устанавливает конкретные цифры, которые в течение определенного периода должны быть достигнуты областными федерациями и местными организациями.

До сих пор ЦК этого не делал и именно поэтому цифра в 50 тыс. указанных человек, указанная относительно 1-го мая или же указание об утроении количества членов партии в течение 4 месяцев, нам кажут-

* Пропуск даты в документе.

ся довольно недостоверными. Этим мы не хотим сказать, что значительный рост количества членов невозможен. Наоборот, настоящий подъем революционного движения в Испании, бесчисленные забастовки и непрерывная борьба масс в городе и деревне, все более ясно проявляющееся предательство УХТ, НКТ и левых республиканцев – все это толкает все более широкие массы в ряды нашей партии. Однако основная проблема для нашей партии заключается в том, чтобы направлять и контролировать этот приток и не предоставлять все самотеку.

2. После установления цифр, которые должны быть достигнуты областными и местными организациями, необходимо с самого начала кампании сосредоточить вербовочную* работу на важнейших центрах, на тех отраслях промышленности и предприятиях, которые имеют наиболее важное значение для хозяйства страны. В воззвании ЦК об этом совершенно не говорится. Не говорится ни слова о Каталонии, несмотря на то, что именно здесь больше всего чувствуется необходимость организованной вербовочной работы, сосредоточенной на металлургических заводах, текстильных и химических фабриках, и что здесь проблема завоевания революционных пролетарских элементов НКТ представляет собой центральную и основную проблему для существования партии. Не говорится о Мадриде, столице республики и политическом центре, где наш УКТ, так и НКТ имеют сильные организации, в то время как наша партия, наши профсоюзы и наши революционные оппозиционные группы в профсоюзах все еще представляют собой незначительную силу. Не говорится о Бильбао, о его горнопромышленном и металлургическом районе. Не говорится об Астурии, об областях, где социалистическое влияние еще сильнее, не говорится о Валенсии, о Кадисе, о Вальядолиде, о Саламанке, где, как показали последние месяцы, имеются революционные рабочие массы и где наши силы еще не ограничены. Не подчеркивается также необходимость завоевать на сторону партии широкие массы сельскохозяйственных рабочих и беднейших крестьян, которые в настоящее время почти во всех провинциях Испании ведут героическую борьбу против феодально-капиталистической эксплуатации и за захват земли.

3. При вербовочной кампании, в ее настоящей форме подчеркивается скорее необходимость количественного, чем качественного роста. Партийные организации не призываются обратить внимание на борьбу за улучшение социального состава партии, за завоевание отдельных слоев рабочих, за завоевание решающих отраслей промышленности и важнейших предприятий. Кампания не связывается с экономическим движением и с политической борьбой рабочих и крестьянских масс, в частности с многочисленными забастовками, ежедневно происходящими в Испании. ЦК в своем воззвании не указывает, что необходимо использовать все эти выступления, чтобы во время этих выступлений вовлекать в партию наиболее передовые элементы, наиболее активных рабочих. Наши товарищи, принимающие активное участие в этой борьбе, действуют прежде всего, как члены своих профсоюзов, а не как агитаторы и пропагандисты партии.

* Слово "вербовочную" впечатано сверху.

4. Для обеспечения успеха вербовки, для обеспечения того, что новые члены партии превратятся в действительных и активных ее членов, необходимо соединить вербовочную кампанию, и вообще всю вербовочную работу, с глубокой и интенсивной работой по реорганизации, укреплению наших низовых организаций и в первую очередь заводских ячеек. Там, где еще нет ячеек, необходимо создать их, с самого начала организовать новых членов по местам работы на фабриках и заводах, в провинции, на хуторах и имениях, вовлекая беднейшее крестьянство деревень. Необходимо действительно оживить ячейки, вести в них настоящую и конкретную организационную и революционно-воспитательную работу и научить членов партии тому, каким образом в обстановке предпринимательских и полицейских репрессий следует работать на предприятиях и вести нашу агитацию и пропаганду и каким образом следует связать борьбу за повседневные и ближайшие требования с общими экономическими и политическими требованиями партии. Только в результате такой работы партия может вести действительную борьбу против текучести. По вопросу о текучести мы не получили от вас никакого материала. Орготдел должен уделить этому вопросу особое внимание, требуя от областных комитетов конкретной, статистической материал о притоке и уходе членов. Изучение этих материалов даст партии возможность сосредоточить свое внимание на тех областях и центрах, где это больше всего необходимо.

5. В связи с вербовочной кампанией партии, необходимо развернуть вербовку в ряды массовых организаций, в комсомол, в красные профсоюзы, в революционные оппозиционные профсоюзные группы, в МОПР, Межрабпом и другие массовые организации, как рабочие спортивные организации, театральные группы, Друзья Советского Союза и т.д. В настоящей обстановке, когда нелегальность представляет собой непосредственную угрозу для партии, укрепление этих организаций является делом первостепенного значения.

В деревне революционные комитеты с.х. рабочих по местам работы (комитеты имений, хуторов и поденных рабочих) и комитеты крестьян отдельных деревень должны представлять собой подсобную агитационную базу партии и тот источник, из которого партия должна вербовать* наиболее революционные элементы в свои ряды.

Это, товарищи, несколько основных пунктов, на которые мы хотели обратить ваше внимание. Имеются и другие организационные проблемы**, проблемы общие для всей партии и отдельные конкретные проблемы для некоторых важных местных организаций, о которых будем говорить в одном из наших следующих писем. В заключение мы хотели бы еще только отметить, что вербовочная работа не должна ограничиваться проведением той или другой кампании, а должна представлять собой повседневную и постоянную задачу партии.

Помета: *вверху документа вписано карандашом: "т. Степанову".*

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 214. Л. 21-25.

Копия, машинопись, рус. яз., перевод с исп.

* Слово "вербовать" впечатано вверху.

** Слово "проблемы" вписано от руки.

*Предложения для Пленума ЦК КП Испании
о перестройке центральных органов партии*

22 июля 1933 г.

Секретно

На ближайшем пленуме ЦК КП Испании провести следующую перестройку центральных органов партии.

1. Уменьшить до 11 членов (включая двух кандидатов).
2. Установить, что П.Б. собирается регулярно каждые 7–10 дней и обсуждает на своих заседаниях все важнейшие вопросы партийной работы.

Испания*

3. Секретариат перестроить в исполнительный орган ЦК и ПБ, соответственно

- а) упразднить существующий расширенный секретариат,
- б) оставить один** секретариат из 3-х членов и 4-х кандидатов,
- в) политвопросы не ставить на секретариате.

4. Внутри секретариата провести строго разделение труда примерно в следующем порядке:

А. Два равноправных секретаря обеспечивают а) связь с КП, б) связь с периферией и инструктирование местных организаций, в) подготовку заседаний ПБ и пленума ЦК, г) выполнение и контроль за выполнением постановлений ПБ, пленума ЦК и директив КИ.

Для выполнения этих функций секретари имеют платный аппарат в 3-х человека а) технический секретарь для писем, а также ответст[венный] за архив, этот же отвечает за адреса, по которым ведется переписка, б) инструктор по нелегальной работе, в) техник по нелегальным квартирам для заседаний, по документам и т.д. г) инструкторов по работе в армии.

Б. Казначей, ответственный за организацию финансовой жизни партии (сбор членских взносов, пожертвований, организация всякого рода финансовых предприятий и т.д.). Казначей организует свой легальный, полулегальный и нелегальный аппараты.

В. Издательство (нелегальное и полулегальное) со своим аппаратом.

Г. Ответственный за работу в легальных и полулегальных организациях (организация фракции, использование легальных и полулегальных орган[изаций] для развертывания массовых кампаний через массовые легальные и полулегальные организации.

5. Примерное разделение труда в ПБ: а) два секретаря секретариата, б) казначей, в) Полит[ический] редактор “Мундо обреро”, г) представитель ЦК в комсомоле, д) руководитель работы в масс[овых] организациях, е) руководитель революционных профсоюзов, ж) секретарь Мадридской организации, з) руководитель работой в деревне.

* Слово “Испания” написано карандашом.

** Слово “оставить один” написаны от руки.

6. Аппарат ЦК строится следующим образом: а) нелегальный аппарат секретариата, б) легальный локаль* ЦК, где организуется дежурство легальных членов ЦК и работников мадридской организации для разговоров с приходящими рабочими, для дачи всяких объяснений официальным лицам и т.д. (Представляется целесообразным, чтобы был общий локаль** Мадридским комитетом), в) легальный аппарат ЦК при легальной редакции М.О. (соответствующ[ие] работники ЦК, руководители различных отделов редакции, легальная переписка с периферией и т.д.), г) при Бальбантине¹ особая рабочая комиссия, выбранная*** от важнейших предприятий Мадрида (может целесообразнее на особой рабочей конференции). Комиссия обсуждает и prepares вопросы, по которым т. Вольботини² должен выступать в парламенте. При комиссии секретарь, выделенный ЦК, который организует работу комиссии, ведет переписку с периферией и т.д.

7. Отделы при ЦК в их нынешнем виде ликвидируются. В частности, что касается ЖО – его целесообразнее перестроить в ред[акционную] коллегия при женском журнале, причем необходимо, чтобы редакция созывала специальные узкие и более широкие совещания и конференции по вопросам работы среди женщин.

На первой странице документа в верхней ее части, в центре штамп: “Возврат 20 дней” (неразборчиво). Рядом имеется регистрационный номер: “3132. 23.VII.33” (неразборчиво).

Вверху документа на регистрационном номере имеется помета: “Руткаи”; справа в верхнем углу: “Без корр” (неразборчиво).

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 215. Л. 132-133.

Оригинал, машинопись, рус. яз.

¹ При Бальбантине – так в тексте. Правильно: Бальбонтин Хосе Антонио – основатель и руководитель левоэкстремистской социал-революционной партии. В течение года его партия входила в Коммунистическую партию Испании.

² Вольботини – так в тексте. Правильно: Бальбонтин.

№ 23

Письмо в ЦК КП Испании о направлении новых студентов МЛШ

1934 г.

Дорогие товарищи!

Уже давно истек срок присылки новых студентов для МЛШ. Однако пока что Вы прислали всего 2 товарища. Если исходить из тех темпов, которыми Вы сейчас присылаете товарищей, то можно будет ожи-

--
* Слово написано рукой.

** Слово написано рукой.

*** Слово “выбранная” вписано вместо зачеркнутого “собранный”.

дать, что лишь к концу 1934 г. удастся* укомплектовать хотя бы** одну группу и начать нормальные занятия с ними.

Помимо чрезвычайно медленной отправки людей необходимо отметить еще следующее:

Часть присылаемых людей не обладает даже элементарной политической подготовкой – они малограмотны (Мас, Монтеро) и не соответствуют тем минимальным требованиям, которые предъявляет школа.

Некоторые из важнейших районов страны совсем не представлены или же представлены чрезвычайно слабо. Слабо представлены национально угнетенные области – Каталония, Галисия, Бискайя.

Чрезвычайно низок процент присылаемых комсомольцев и женщин.

Нужно указать наконец и на то, что отправляемые товарищи недостаточно законспирированы и проинструктированы.

Исходя из вышеизложенного мы предлагаем Вам:

1. Ускорить отправку товарищей (30 человек) с тем, чтобы в конце мая можно было начать занятия.

2. Подобрать тщательно отправляемых людей. Необходимо подобрать из среды рабочих крупных предприятий и транспорта, выдвинувшихся в стачечных и др. боях членов КП и КСМ – деятелей красных профсоюзов или комфракциях в UGT и CNT.

3. Подобрать соответствующее количество чл[енов] партии и КСМ из*** сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян, проявившие себя в боях против буржуазно-помещичьей власти в стране.

4. Особенное внимание обратить на подбор и отправку людей из национально-угнетенных областей – Каталонии, Бискайи, Галисии, чтобы резко повысить процент присылаемых из этих областей товарищей.

5. Подобрать из среды членов КП и КСМ женщин-работниц – активных участников стачечных боев и прислать не менее 20% всех присылаемых.

6. Прислать членов КСМ не менее 25–30%.

7. Строго законспирировать и проинструктировать всех отправляемых людей. Мы считаем абсолютно недопустимым факт разглашения выезда ответственными работниками или самими отправляемыми товарищами.

Товарищи! Необходимо сейчас же приступить к подбору и отправке товарищей с тем, чтобы можно было начать занятия не позже 15–30 мая 1934 г.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 219. Л. 34–35.

Подлинник, рукопись, рус. яз.

* Вместо зачеркнутого “мы сможем”.

** Слова “хотя бы” вписаны сверху.

*** Слова “чл[енов] партии и КСМ из” вписаны сверху.

Справка ИККИ "Положение в КП Испании"

5 сентября 1934 г.

Секретно.

Последний год классовые бои в Испании, разыгравшиеся вокруг двух крупных событий – выборов в парламент (ноябрь–декабрь 1933 г.) и попытка фашистского слета в Эскуриале (апрель 1934 г.) показали бесспорный рост революционной боеспособности пролетариата, рост его сопротивления фашизму и углублению революционного кризиса вообще. События первой половины 1934 г. отражают на себе сильное влияние февральских событий во Франции и в Австрии. Нет сомнения в том, что победа фашизма в Германии произвела сильнейшее впечатление и на пролетариат Испании, который в условиях революции усваивает быстрыми темпами уроки событий в Германии.

На выборах в парламент составившие единый блок фашистские и полуфашистские партии получили 3345 тыс. голосов из 8173 тыс. общего числа, партии центра – 1351 тыс., социалисты – 1627 тыс., левые радикалы партии – 1 млн., коммунисты – 400 000. Анархисты выборы бойкотировали.

Таким образом наиболее важным результатом выборов являлась крупная победа реакционных фашистских сил, а с другой стороны сравнительно значительный успех коммунистов.

Эти итоги облегчили самой реакционной части буржуазии при сохранении правительства Лерруса (правительство радикальной партии, представляющей интересы финансового капитала, распустившего парламент и назначившего новые выборы) предпринять реорганизацию всего государственного аппарата, армии и полиции в духе фашизма, и одновременно усилить экономическое и политическое наступление на пролетариат и на его революционные организации.

В ответ на начавшиеся репрессии массы пришли в движение. В процессе роста этого движения наряду с выявившимися положительными чертами – готовность масс к борьбе, с одной стороны, и рост руководящей роли компартии в этом контрнаступательном движении – с другой – выявился с особенной отчетливостью основной порок рабочего движения Испании – его распыленность. Рабочий класс Испании – самый расколотый класс в Европе. Об этом ясно говорят данные об его основных организациях:

УХТ (реформистский профцентр)	от 600 до 700 000 чл.
НКТ (анархо-синдикалистский профцентр)	300 000 чл.
Группа 30-ти (синдикалисты под руководством Пестанья и Пейро)	50 000 чл.
Рабоче-крестьянский блок (Маурина)	6000 чл.
Баскская солидарность	40 000 чл.
(националистическ[ая])	
Профсоюзы Народного действия и католические (фашистские)	40 000 чл.
УВКТ (красный профцентр)	54 000 чл.

Во всех этих профсоюзных центрах и группах количество организованных рабочих в Испании составляет около 1 200 000. Учитывая, что в Испании имеется больше 5 млн. сельхоз и промышленных рабочих, не сомненно, что около 4 млн. рабочих остается не организовано.

УХТ в настоящий момент теряет число своих членов в деревне, но в то же самое время их число растет в некоторых местностях за счет промышленных рабочих в таких центрах, как например, Каталония, Левант, Сарагоса.

Весьма пестрая картина развития каждой из этих организаций, неравномерность процесса разложения реформистских профсоюзов (и соц. партий) – с одной стороны и анархистских организаций, с другой, чрезвычайно затрудняет обобщение итогов этих профсоюзов на данном этапе.

И все же нет сомнения, что процесс неуклонного упадка антикоммунистических организаций и рост коммунистического движения налично, хотя этот рост коммунизма слабо закрепляется организационно.

Бои, разыгравшиеся в форме всеобщих стачек, демонстраций, вооруженных столкновений, отразили очень ясно как картину распыленности рабочего движения вообще, так и процессы отхода масс от социалистов и анархистов, и особенно ярко показали стремление широких рабочих масс к созданию единого фронта.

Под знаком единого фронта против фашизма прокатилась в начале 1934 г. мощная волна всеобщих стачек по всей стране, несмотря на сопротивление со стороны социалистов и анархистов, отклонявших стачки под всякими предлогами. Однако всеобщей одновременной стачки не было*.

Одновременно происходил ряд выступлений безработных в форме голодных бунтов, захватов продовольствия и урожая. Стаечное движение носило упорный характер и происходило в атмосфере активной поддержки со стороны широких масс населения (стачка в Сарагосе тянулась 36 дней).

Большинство стачек заканчивалось победой рабочих, т.е. удовлетворением основных экономических и политических требований.

Без всякого преувеличения можно сказать, что эта бурная волна стачек нанесла серьезный удар фашистской реакции и экономически дорого стоила буржуазии.

Эта стачечная борьба послужила хорошей подготовкой к тем боям, которые были развязаны в связи с походом фашистов на Эскуриал.

Успех этого похода был сорван массовым движением, инициатива и заслуга которого в значительной степени принадлежит компарии Испа-

* О росте стачечного движения за годы революции даст представление следующая таблица:

За весь 1929 г.	количество стачек не превысило 100	
В 1930 г.	произошло	527 стачек
“ 1931 “	“	710 “
“ 1932 “	“	830 “
“ 1933 “	“	1499 “

(Примечание в тексте документа. – Сост.).

нии, которая предложила социалистам и анархистам организовать под знаком единого фронта против фашизма ряд массовых революционных выступлений в форме демонстраций.

Социалисты и анархисты отклонили это предложение – первые под тем предлогом, что не надо революционными выступлениями “провоцировать фашистов”, вторые под предлогом, что они скоро ответят фашистам “социальной революцией” (очевидно, готовясь повторить путч, который они раз устроили в декабре 1933 г.). На долю коммунистической партии поэтому выпала роль единственного организатора выступления рабочих. И несмотря на саботаж анархистов и социалистов, несмотря на ряд маневров буржуазии, коммунистам удалось возглавить всеобщую стачку, сопровождавшуюся революционными демонстрациями. Это движение, охватившее Мадрид, Толедо, Бильбао, Сан-Себастьян, Астурию, Саламанку и др. города, вынудило фашистов отказаться от сплоченного выступления в Мадрид компактной массой и они вошли в город небольшими группами. Громадное впечатление всеобщей стачки на все классы и прежде всего на буржуазию было открыто признано буржуазной печатью.

“Слет в Эскуриале” хотя и произошел, но носил характер гораздо более слабый, чем надеялись фашисты. Неудачу этого слета также открыто признала буржуазная печать, сумевшая также скрыть, что причиной этой неудачи были революционные выступления пролетариата.

Одним из итогов этих успехов компартии наряду с ростом уверенности в своих силах пролетариата является начавшееся сплочение вокруг компартии колебавшихся до этих событий средних слоев не только в городе, но и в деревне. Этот поворот к коммунистам проявился в успешно развивающейся кампании в защиту Тельмана, захватившей не только коммунистическую, но и социалистическую и левобуржуазную печать и превратившейся в широкую антифашистскую кампанию во всей Испании.

Однако эти успехи революционного движения, свидетельствующие о серьезном отпоре фашизму и о восходящей линии испанской революции, не могут заслонить собой стоящих на пути революции громадных опасностей, из которых решающую роль играет выше указанная распыленность рабочего класса, ибо описанные выше успехи не сопровождаются пока ни достаточным распадом антикоммунистических рабочих организаций, ни организационным ростом компартии.

Компартия не добилась поворота в организационной работе, чем объясняется то незначительное увеличение членской массы, как в профсоюзах, так и в партии, которое не может считаться удовлетворительным.

Цифра 30 000 членов в партии, данная в отчетах ЦК, не соответствует действительному положению вещей в партии. Если брать ее как исходную, то окажется, что со времени предыдущего пленума ЦК и до последнего, имеется снижение численности членов партии, так как согласно неполным статистическим данным в настоящее время партия насчитывает 19 895 членов. Эти статистические данные относятся к периоду марта–мая тек[ущего] года, и эти цифры гораздо ближе к истине,

чем дававшиеся ранее. За последний год партия увеличила свои ряды, если судить по наиболее правильным цифрам, только на 497 членов. В ряде провинций имело место снижение числа членов партии: Севилья, Кадис, Уэльва и Зап[адная] Андалузия в марте 1933 г. насчитывала 3955 членов, а в настоящее время партия имеет там 2741 чл. Таким образом мы потеряли 1494 члена партии, и такие значительные потери членского состава не могут быть объяснены только репрессиями. В Севилье руководство окружного комитета партии за короткий срок в связи с допущенными ошибками в области профдвижения и в партработе постепенно подорвало доверие широких масс к руководству и вызвала выход из партии значительного числа членов.

В провинциях Кордова и Хаэн в марте 1933 г. организация насчитывала 2765 членов, а в настоящее время 2477. Таким образом численность партии снизилась на 288 человек. В Бискайи в 1933 г. партия насчитывала 1515 членов партии, в 1934 г. 1457, т.е. уменьшение на 58 человек. В провинциях Кастилья и Теруэль в 1933 г. организация насчитывала 1185 членов, а в 1934 г. – 1816. Здесь имеется некоторый рост численности – на 631 чел. В Астурии насчитывалось 1200 членов партии в 1933 г., а в этом году имеется 1700, т.е. увеличение на 500 чел. В Аликанте, Мурсии и Альбасете в 1933 г. было 600 членов, а в 1934 г. 631, т.е. увеличение на 31 чел. В Мадриде в 1933 г. мы имели 883 члена партии, а в настоящее время 1200, т.е. рост на 317 чел. В ряде других мест также имеется небольшой рост, так на Балеарских островах и на Канарских имеется рост на 35 чел. Мы имеем также рост в Галисии с 735 членами в 1933 г. до 1010 в 1934 г., т.е. увеличение на 595 чел. В Касарес (Экстремадура) мы насчитывали в 1933 г. 625 членов, а в 1934 г. – 1425, т.е. завоевано новых 800 членов партии, в то время, как в Бадахосе в той же провинции мы потеряли 346 членов партии. Мы имеем рост партии там, где она нова, но партия снижает свой членский состав там, где она существует с более давних пор.

Что касается фабрично-заводских ячеек, то здесь имеется некоторый рост. В 1933 г. партия насчитывала 255 фабрично-заводских ячеек, а в 1934 г. – 325, т.е. на 70 ячеек больше. Партия почти не делает ничего для того, чтобы ориентировать работу этих ячеек и вследствие этого ячейки разваливаются и перестают работать политически, как ячейки. Поскольку контроля нет, никто не знает подлинной жизни этих ячеек и совершенно невозможно требовать от них хорошей работы.

То же и с фабрично-заводскими комитетами. Партия – 25 фабзавкомов, но в действительности в своем большинстве эти фабзавкомы не ведут работы как фабзавкомы и таким образом фактически не существуют.

В продолжении длительного периода со стороны партии не было ни одного специального выработанного документа, который бы в простой форме разъяснил бы в чем заключается повседневная работа ячеек и фабзавкомов.

Имеется несколько примеров хорошей работы партийных ячеек на предприятии. На одном из важнейших оружейных заводов в Испании в городе Трубия ячейка насчитывает 36 товарищей. Благодаря хорошей

работе профсоюз рабочих этого предприятия, насчитывающий 1400 членов, перешел в руки компартии. Когда после разоблачения реформистов нашими товарищами, реформисты поставили вопрос перед профсоюзом об исключении коммунистов из профсоюза и об увольнении их с фабрики, угрожая в противном случае исключить этот профсоюз из федерации металлистов Астурии – 95% всех рабочих этого завода солидаризировались с нашими товарищами и не допустили исключения их из профсоюза и уволить с фабрики.

Вторая ячейка, которая проводит хорошую работу – это ячейка портовиков в Хихоне. Ячейка имеет 37 членов. Благодаря хорошей работе ей удалось создать 22 судовых комитета. Ячейке удалось увеличить количество членов красного профсоюза горняков с 300 до 700 членов.

Имеется еще одна ячейка рабочих доменных печей в Бискайе. Эта ячейка насчитывает 30 членов и ведет очень активную работу, и главным образом, профсоюзную. Во всех больших забастовках, которые происходили в январе, наша ячейка добилась участия всех рабочих предприятия.

Ячейка железнодорожников в Овьедо, насчитывающая 17 членов, издает фабричную газету, которая продается в количестве 800 экз. Ячейке удалось добиться руководства профсоюза железнодорожников Овьедо.

Социалисты, хотя и заметно теряют часть своих членов, но далеко не всегда эти члены приходят к коммунистам. Анархисты загнаны в подполье, и хотя они дискредитировали себя предательством, путчами и ложными лозунгами, но старые традиции, с одной стороны, и ореол преследования, с другой, еще удерживают за ними значительные массы. Часть отходящих от тех членов попадают под влияние фашистов.

Но [на] основной вопрос – почему через пять лет после революции и несмотря на последние успехи компартия все еще представляет собой незначительную силу по сравнению с социалистами и анархистами, приходится ответить, что самой главной причиной является наряду с идеологической слабостью партии ряд грубейших ошибок партии в осуществлении тактики единого фронта, ошибок, связанных с пережитками анархизма и не с ликвидированным до сих пор сектантством.

С момента выборов особенно ясно видна основная ошибка компартии при проведении политики единого фронта. Компартия имела большие возможности при умелой политике добиться большой связи с широкими рабочими массами, так как рабочие массы Испании в этот момент проявили огромную ненависть к реакции и массовое стремление к единому фронту. Наша партия совершила еще до начала выборов ошибку, отказавшись от обращения непосредственно к социалистической партии, добиваясь связи только с низовыми рабочими социалистами и мотивируя свою политику тем, что только эти последние не имели ничего общего с массовыми расстрелами крестьян в Касас Вьехас. Наша партия не использовала возможности создания единого фронта с социалистическими организациями еще и потому, что выставляла платформу непосредственных требований, относящихся только к данному

моменту борьбы, воздерживаясь от общих требований революционного порядка.

Социалистическая партия выставляла свои списки под флагом “революции”, единого фронта и “борьбы” против фашизма. Наша партия выставляла списки с программой непосредственных требований, с борьбой за комитеты единого фронта в низах, за советы, за рабоче-крестьянское правительство. Все, что коммунисты говорили в предвыборных выступлениях, вертелось не вокруг реакции и фашизма, а 90% всех выступлений были направлены против социалистов. Весь огонь кампании коммунисты направили больше против социалистической партии, нежели против реакции, против которой рабочие выходили бороться на улицу. К чему это привело? рабочие, голосовавшие за коммунистов в первом туре голосования (общее колич. 40 000 голосов), в тех местах, где партия пошла на второй тур голосования, как напр., в Кордове, вместо 27 000 голосов получила только 17 000. Даже внутри нашей партии выявились настроения против подобной выборной тактики компартии.

Пример Малаги, где была исправлена ошибка по линии единого фронта, дает как раз обратные результаты: в первом туре, когда коммунисты выступали со своим самостоятельным списком, они получили только 19 000 голосов, а во втором голосовании они добились 30 000 голосов. Это лишний раз доказывает, что рабочие в тот момент хотели реализации единого фронта и что он действительно мог быть реализован без отступления от наших принципов.

Большая ошибка компартии заключается в той политике единого фронта, которую можно охарактеризовать, как ограниченную, сектантскую. Компартия выставляла такие условия для заключения единого фронта, которые, как можно было знать заранее, не могли быть приняты социалистами. С тех пор и по настоящее время политика нашей партии в области единого фронта продолжает оставаться в общем такой же.

Что касается единого фронта с анархистами, то этому вопросу компартия уделяла очень мало внимания. Компартия считала, что сила анархистов почти уже разрушена в Испании. Из этого непонимания подлинного состояния анархистских организаций исходит ошибка в деле недооценки единого фронта с ними. А между тем, анархизм хотя и переживает идеологический и организационный кризис, но сохраняет еще большое влияние на рабочих Испании. И тот факт, что в своей политике единого фронта компартия не обратила должного внимания на обращение к анархистам, объясняет, почему компартия не добилась серьезных позиций среди широких масс анархистских рабочих.

В Астурии имелись трэд-юнионистские тенденции среди наших товарищей.

Во время прошлогодней ноябрьской выборной кампании компартия сумела расширить свое влияние среди широких масс Астурии, ибо она сумела в этой кампании тесно связаться с массами.

Лозунги компартии к борьбе за непосредственные требования, увязанные с борьбой за победу революции, имели такой успех среди масс,

что верхушки НКТ и УХТ вынуждены были создать верхушечный единый фронт в форме так наз. "Рабочего альянса".

Кампания за создание альянса имела большое влияние даже в рядах коммунистов. Отдельные товарищи дошли до того, что предлагали войти в Рабочий альянс. Один коммунист заявил в местную социалистическую печать, что если он не находился бы долгое время в рядах коммунистов, он сказал бы, что они являются провокаторами в рядах рабочего класса. Этот товарищ вышел из рядов компартии. Оргсекретарь нашего окружного комитета публиковал заметку в социалистической прессе о том, что он присоединяется к деятельности социалистических вождей в Астурии. В связи с этими фактами компартии пришлось провести довольно широкую разъяснительную работу в своих рядах.

На окружной партконференции должны были быть поставлены эти вопросы, и в первую голову вопрос о едином фронте и профсоюзном единстве. В этой области компартия имеет некоторые успехи. Благодаря неустанной кампании партии удалось создать 30 комитетов единого фронта. Но только 4 из них действительно работают и существуют, как организации.

Несмотря на кризис в рядах профдвижения реформистов (УХТ) и анархистов (НКТ), революционное профдвижение в лице УВКТ и ревпрофоппозиции не только не проявляет тенденции к организационному росту, но явно снижается.

УВКТ теперь насчитывается около 53 тыс. членов по всей Испании, из них 50–55% безработных. В Севилье она насчитывает 17 174 рабочих. В Астурии УВКТ имеет 8358 членов, в Гипускуа – 350, в Бискайя – 2309, Толедо – 3133, Саламанка – 600, Канарские острова – 3612, Хоросес – 1175, Марокко – 480, Валенсии – 40, Бадахос – 450, Александр – 300, Оренсе – 1244, Овиедо – 1450, Люго – 120, Корунья – 600, Леон – 500, Куста – 480, Сан-Андор – 270.

Если сравнивать эти цифры с прежними цифрами, то имеется явное снижение. Так, в провинции Севилье революционные профсоюзы потеряли 23 000 членов.

Основная причина той потери в Севилье заключается в том, что на практике не была проведена почти ни одна из основных установок коммунистического движения. Пролетарская демократия, например, целиком отсутствовала в работе профсоюзов. Кроме того, в Севилье провокация и деморализация проникла в руководящие органы революционного профдвижения.

Наряду со снижением в Севилье, следует подчеркнуть рост революционных профсоюзов в Астурии, где удалось удвоить наши силы. Так напр., Союз в Астурии с 2000 членов вырос до 5500 членов.

В Толедо рев. профсоюзы завоевывали свыше 3000 организованных рабочих. В Саламанка – 600 рабочих. В Галисии рев. профсоюзы завоевывали свыше 3000 организованных сельхозрабочих. К моменту создания временного комитета УВКТ, после конференции единства в 1932 г. к УВКТ примыкали различные профсоюзы лишь в 7 провинциях, а теперь УВКТ имеет организации в 26 провинциях.

УВКТ безусловно представляет незначительную силу по сравне-

нию с УХТ и НКТ. Но нужно учитывать, что большинство пролетариата неорганизованно или находится в автономных профсоюзах. Нужно сказать, что из-за отсутствия пропаганды и разъяснительной работы среди рабочих и внутри партии коммунисты встретили сопротивление в деле создания профсоюзов УВКТ.

Это сопротивление среди партийцев является причиной того, что 26 автономных профсоюзов до сих пор не вступили в УВКТ. Это сопротивление объясняется главным образом непониманием, что из себя представляет УВКТ в Испании. После конгресса УВКТ можно отметить некоторое, хотя и недостаточное, улучшение в работе УВКТ.

Табачники (20 000 ч.) отошли от движения профединства главным образом из-за отсутствия работы компартии; то немногое, что компартия сделала, заключалось в переговорах с вождями табачников, а работы в гуще рабочей массы не было.

Чакон – председатель союза табачников заявил, что приехавши на конференцию профединства, он не знал, что в результате этой конференции будет создана УВКТ, что он на это не идет и что поэтому его профсоюз уходит. Конференция, где создалась УВКТ, ничего общего не имела с конференцией единства. Она была создана исключительно с делегатами красных профсоюзов.

Первая из основных причин, из-за чего УВКТ не достигла более широкого развития (кроме других причин), заключается в недостаточном участии УВКТ в стачечной борьбе. Второе, это то, что линия, которую ведет УВКТ в Испании, является сугубо сектантской. Работа по сближению с рабочими УХТ и НКТ проводится на основе очень резкой критики по адресу руководителей этих организаций, и это создает препятствие в деле приближения этих рабочих к нам.

На конгрессе УВКТ было представлено лишь 141 000 рабочих. Членов профсоюзов УВКТ – 50 167, автономных профсоюзов – 5820, комитетов профединства – 1200. Из НКТ – ни одного рабочего.

На конгрессе 85% составляли коммунисты и 15% беспартийные. Такой состав нельзя считать удовлетворительным.

УВКТ в Испании работает, как придаток партии. Многие рабочие считают, что партия и УВКТ это одно и то же. Это одна из самых больших ошибок в рев. профдвижении в Испании.

Другой вопрос, на котором нужно остановиться – это вопрос о государственных смешанных комиссиях (арбитражных судах). Позиция компартии в отношении этих комиссий была не ясна. Коммунисты везде и всюду отказывались от участия в этих комиссиях. Не считая целесообразной тактику безусловного участия во всех смешанных комиссиях Испании, надо признать, что в таких районах, где преобладает влияние реформистских профсоюзов, активно поддерживающих эти комиссии, необходимо участвовать в смешанной комиссии.

Теперь, когда в партии уже больше, чем раньше, понимания работы и существа УВКТ, и работа среди масс улучшается. Было бы ошибочно ставить вопрос о роспуске УВКТ. Раньше у многих была такая точка зрения, что не удастся добиться развития УВКТ. Но в настоящее время можно сказать, что такой точки зрения уже нет.

Чтобы добиться развития профединства, необходимо основываться на УВКТ. В отношении НКТ и УХТ надо выставить конкретное предложение об объединении существующих профцентров на основе платформы борьбы за конкретные требования. Там, где они будут против слияния, нужно создать комитеты связи для совместной борьбы.

“Рабочий альянс”, согласно последним цифрам, насчитывает свыше 50 000 организованных рабочих, в частности в Каталонии. Компартия в момент его образования делала все возможное для того, чтобы разъяснить рабочим, что представляет собой этот “Рабочий альянс”, который старается препятствовать проведению единого фронта. Но партия не проделала никакой работы внутри организаций, входящих в “Рабочий альянс”.

Огромное количество стачечных движений в Испании проходит целиком мимо УВКТ. Одна из основных слабостей УВКТ состоит в том, что она очень слабо реагирует на всякие маневры со стороны вождей НКТ и УХТ. Когда УХТ и НКТ не в силах парализовать движение, они устраивают единый фронт между правлениями соответствующих профсоюзов с тем, чтобы помешать всякому участию в борьбе со стороны УВКТ.

В рядах коммунистов имелось частичное сочувствие идее Ларго Кабальеро, что не нужно организовывать стачечную борьбу за непосредственные экономические требования. В работе внутри УХТ компартия имеет за последнее время известный успех. Один из ярких фактов – это стачка металлостроителей в Мадриде. Имея в руках большинство в некоторых секциях этого профсоюза, коммунисты добились перевыборов стачкома. Из 16 членов нового стачкома 7 было коммунистов. Председатель и секретарь стачечного комитета – коммунисты.

На конгрессе учителей рев. оппозиции удалось получить большинство мест в руководстве. Ей удалось завоевать окружной комитет учителей в Мадриде и ввести одного члена проф. оппозиции в национальный комитет профсоюза учителей Испании. Она добилась мест в руководстве профсоюзов сапожников, швейников, поваров, рабочих резиновой промышленности и др. Работа коммунистов внутри реформистских профсоюзов также довольно хорошо развивается в Бильбао.

В Виго на конгресс реформистских профсоюзов из 144 делегатов – 64 из рев. оппозиции. Во время выборов руководства одной из федераций в этой области реформисты получили 250 голосов, а кандидатура РПО – 2300 голосов. В общем, работа РПО в реформистских профсоюзах развивается более успешно. Однако в НКТ она не имеет ничего организованного, за исключением некоторых групп профединства в Каталонии. Нужно иметь в виду, что благодаря нелегальному положению профсоюзов НКТ работа внутри этих профсоюзов чрезвычайно затруднена. Чтобы оправдать свою бездеятельность в анархо-синдикалистских профсоюзах, товарищи выдвигают аргумент о террористических методах анархистов, однако, не в револьверах, которыми угрожают анархисты, а дело в оппортунизме, который имеется в рядах партии. Работа ревпрофопозиции сосредотачивается главным образом в Мадриде. Кроме Мадрида работа ревпрофопозиции начала разворачиваться в Валенсии, Сан-Себастьяно, Барселоне, Астурии, Кордове и т.д. В Бильбао проведены лишь первые шаги по линии ревпрофопозиции.

Особо богатый опыт в работе ревпрофоппозиция имеет на мадридском метро. Ревпропозиция завоевала руководство профсоюза и добилась колдоговора, удовлетворяющих рабочих. У нас имеется влияние в самых важных профсоюзах УХТ, среди печатников, металлистов и транспортников. Ей удалось завоевать руководство одним из союзов мелких уличных торговцев, защищая их против запрета муниципалитета торговать на рынке. Самое мрачное место работы ревпропозиции в Мадриде – это работа среди строителей, составляющих 25% мадридского пролетариата. В Мадриде имеется 45–50 тыс., а оппозиция насчитывает лишь 250 членов. Ревпропозиция среди транспортников насчитывает 180 чел., среди печатников – 35, в полиграфической промышленности – 305, в химической – 25, в швейной – 35, среди банковых служащих – 30, среди деревообделочников – 90.

Ревпропозиция имеет места в руководстве некоторых профсоюзов: в союзе строителей – 2, в руководстве секции водопроводчиков, секции электриков – 1 член. В союзе переплетчиков – 6 членов в руководстве. В автономном союзе уличных торговцев – руководство целиком в ее руках. В реформистском – 4 поста в руководстве. У химических рабочих в секции резинщиков – 4 члена в руководстве, у швейников в секции поденных рабочих – все руководство в ее руках. В секции механиков она имеет 2 места в руководстве, у сапожников – 7 человек в руководстве. Она имеет также места в руководстве профсоюза учителей, матрасников, у работников общественных и зрелищных предприятий и др.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 144. Л. 230–247.

Копия, машинопись, рус. яз.

№ 25

Письмо Политкомиссии ИККИ в ЦК КП Испании

28 января 1935 г.

Секретно.

Товарищи!

Согласно решению Политкомиссии ИККИ Вашей Партии на новый учебный год предоставляется 28 мест в Международной* Ленинской Школе, из коих 8 комсомольцев.

Исходя из положения в стране и перспектив нового подъема революционной волны, мы, в согласии с руководством МЛШ**, договорились об организации двух разных курсов: 9-тимесячных и 14-тимесячных. Распределение 28 человек между этими двумя курсами будет делаться согласно Вашим указаниям, а при отсутствии таковых – МЛШ***.

Учитывая опыт подбора людей в прошлые годы, а также потребности партии сейчас, мы обращаем Ваше внимание на следующее:

* Слова “Согласно решению Политкомиссии ИККИ” и “Международной” обведены карандашом.

** Обведено “МЛШ”, сверху карандашом написано “школы”.

*** Обведено “МЛШ”.

1) Необходимо подобрать товарищей, испытанных в классовых боях страны, проявивших себя передовыми борцами в стачечном и революционном движении за последний период и в особенности – во время Октябрьской вооруженной борьбы.

2) Чрезвычайно большое значение имеет присылка наших активистов рабочих заводов и шахт Астурии и Бискайи, рабочих крупнейших текстильных фабрик и портов Каталонии, металлистов Мадрида и Сарагосы, а также рабочих из других областей страны, проявивших себя активными работниками революционного профдвижения или ревпрофоппозиции.

3) Нужно подобрать активных работников КП и КСМ – крестьян и батраков Андалузии, Эстремадуры, Кастилии, рабассойров Каталонии и т.д.

4) Нужно, кроме того, прислать товарищей из Галисии и Марокко. Октябрьские события показали, что Галисия и Марокко являются чрезвычайно слабыми пунктами в нашей работе. Подготовка кадров из этих местностей должна способствовать быстрой ликвидации этого отставания.

5) Мы обращаем Ваше внимание на огромную важность присылки на учебу 7–8 женщин-коммунисток и комсомолок, проявивших себя в особенности в последних боях.

6) Судя по опыту прошлых лет, отправка товарищей в СССР не законспирировывалась в достаточной мере. Как правило, очень большой круг товарищей знали об отправке того или другого товарища. В условиях глубочайшего подполья, в которых находится сейчас партия, полная законспирированность в этом деле абсолютно необходима. Кроме того, при подборе товарищей необходимо считаться с условиями подполья, в которых придется работать товарищам по возвращении их в страну.

7) Согласно нашей предварительной договоренности, Вы должны были прислать людей к 15/XII-34 г. Однако Октябрьские события не дали Вам возможности своевременно заняться этим делом.

Мы просим, чтобы Вы ускорили присылку людей с таким расчетом, чтобы в январе 1935 г. могла начать занятия хотя бы одна группа. Февраль должен быть крайним сроком отправки всех людей.

Несвоевременная отправка людей ведет к тому, что вместо 14-ти месяцев товарищи вынуждены оставаться здесь по 18 и даже по 20 [меся]цев. К тому же несвоевременная отправка людей мешает хорошей организации учебы и лучшему использованию времени.

Наконец, мы обращаем ваше внимание еще на следующее. Необходимо присылать людей не только из Астурии и, что еще важнее, чтобы большинство присылаемых людей не были политэмигрантами, т.е. партия потом сможет их использовать для работы внутри страны*.

Пометы: *вверху документа справа регистрационный номер: "00193.28.1.35"; на полях: "Письмо послано 28.1.35"; на 2-й странице: "26.1. Согл[асовано] с Эрколи. Согл[асовано] с (неразборчиво)".*

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 224. Ч. 1. Л. 4 об.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

* Абзац написан от руки чернилами.

*Справка Романского лендерсекретариата
в Политкомиссию ИККИ об учреждении
“Народного фронта” в Испании*

8 февраля 1935 г.

Секретно.

Романский лендерсекретариат получил от Всемирного комитета борьбы против войны и фашизма ряд сообщений испанского представителя комитета тов. Альберта. Ниже мы приводим выдержки из письма Всемирного комитета и из донесений тов. Альберта от 16/І–1935 г., 17/І–1935 г. и 20/І–1935 г.

Из письма Всемирного комитета 21/І–1935 г.

«Так как наш комитет развивался очень медленно и, с другой стороны, до сих пор упускались весьма большие возможности, мы послали туда друга, который останется там несколько недель и поможет этим друзьям. Помимо ряда радикальных и республиканских партий и организаций, установлен контакт также с СП и всеобщим рабочим союзом (УХТ). Наши друзья постановили там в присутствии нашего инструктора возглавить движение “народного фронта”. Комитет берет на себя инициативу в этом отношении и пытается установить широкий фронт. Как вы увидите из донесения, СП и всеобщий рабочий союз уже официально присоединились. На совещании с лидерами анархистов последние отказались примкнуть к народному фронту, но изъявили готовность включиться в “Рабочий альянс”. К сожалению мы еще не имеем по партийной линии никаких сообщений об организации “народного фронта” и никаких подтверждений успехов, о которых сообщает наш инструктор. Судя по общей ситуации и по настроению трудящихся масс, мы полагаем, что на этой базе может быть создано широкое движение, которое сделает комитет против войны и фашизма мощным политическим фактором в стране, и таким образом возникнет орудие массовой революционной борьбы такого размаха, какого здесь прежде не знали».

Из письма тов. Альберта от 16/І–1935 г.

«“Народный фронт” будет состоять из следующих организаций и лиц:

1. Республиканская левая (партия).
2. Радикал-социалисты (партия).
3. Республиканско-федералистская партия.
4. Валенсианская левая.
5. Баскская национальная акция.
6. Автономный профсоюз табачников.
7. Всеобщее профсоюзное объединение (Амстердам).
8. Федерация работников сельского хозяйства (Амстердам).
9. Автономный профсоюз почтовиков.

10. Автономный национальный профсоюз работников телеграфа (в руках республиканцев).

11. Испанская федерация учителей и т.п. (примыкает к № 17 и кроме того к международной ассоциации преподавателей).

12. Союз антифашистских студентов (единый фронт СП и КП).

13. Республиканский женский союз.

14. Рабочий культурно-спортивный союз Испании.

(Согласна также примкнуть республиканская и социалистическая молодежь.)

ТВЕРДО МОЖНО РАССЧИТЫВАТЬ на участие №№ 2, 3, 8, 9, 10, 12, 13, 14. С остальными ведутся переговоры, и результатов надо ждать завтра или послезавтра. Из запрещенных в настоящее время партий и профсоюзов к народному фронту примкнут виднейшие представители персонально, а позднее в случае снятия осадного положения официально присоединятся и сами организации.

Персонально присоединяются:

Виктория Кент¹.

Луис Аракистайн (социалист, бывший испанской посол в Берлине).

Хименес де Асира² (“).

Антонио Мачадо³ (либерал, знаменитый писатель).

Висенте Рискос (сочувствующий, адвокат).

В. Росес (адвокат, сочувствующий, издатель “Сенит”).

А. дель Вего⁴ (социалист, член бюро II Интернационала, делегат СП на последней сессии II Интернационала в Париже, левый, член фракции Кабальеро).

+* Франчи Рокка (депутат федерально-республиканской партии).

+ Долорес Пасонариа⁵.

+ Галан.

Фонтдевила, директор “Эральдо де Мадрид”.

+ Ботелья Асенс,

+ Эдуардо Ортего и Гассет – руководитель радикал-социалистической партии.

+ Салинас⁶, известный “герой”, который был арестован вместе с братом Галана⁷.

Антонио де Лекама, директор газеты “Либерта”.

Сальмерон, республиканская левая.

Привлекаются еще другие лица, в особенности профессора и т.п.

Лица, помеченные +, подписали вместе с привлеченными уже партиями воззвание, которое будет опубликовано. Кроме того, они подписали приглашение на учредительное собрание народного фронта, которое состоится во вторник 22 января. Теперь, сегодня вечером и завтра вечером будут происходить переговоры и будет устанавливаться контакт с членами правительства, парламентариями и министром внутренних дел для выяснения перспектив легального существования народного фронта и для исходатайствования разрешения на учредительное собрание. Последнее состоится либо в Атене, либо же в помещении радикал-социалистов.

Воззвание о “народном фронте” выдержано в духе следующих лозунгов:

* Знак “+” проставлен чернилами.

1. Борьба против реакции.
2. За снятие осадного положения.
3. В защиту демократических и парламентских свобод.
4. За немедленное освобождение политзаключенных.
5. За немедленную ликвидацию военных трибуналов и отмену смертных приговоров.
6. В защиту мира.

(Лозунг “против войны” невозможно было включить, принимая во внимание позицию республиканской партии. С другой стороны, последняя не возражала против лозунга сохранения мира.)

Пункты 1, 3 и 6 вполне официально сообщаются властям, как цели организации, остальные будут подвергнуты обсуждению на учредительном собрании.

“Народный фронт” будет выпускать газету под тем же наименованием, которая будет выходить (это еще не вполне установлено) не реже раза в две недели, а если примыкающие организации согласятся оказать материальную помощь, то раз в неделю».

Из письма тов. Альберта от 17/1–1935 г.

«1. Кент, ее группа адвокатов и интеллигентов, а также другие подписывают воззвание о народном фронте и приглашение на учредительное собрание. Кент будет сама присутствовать на собрании и выступит на нем.

Копия приглашения и т.п. будут вам доставлены сейчас же по напечатании.

2. Наряду с “народным фронтом” будет организован комитет интеллигентов по французскому образцу, под тем же названием. Предполагается объединить интеллигенцию на широчайшей базе. Кент и другие весьма видные писатели и т.п. соберутся на этих днях, обратившись с воззванием ко всем интеллигентам, одновременно учредят комитет. Завтра буду беседовать с рядом университетских профессоров об этом комитете.

Со студентами я уже говорил. Они сейчас же приступят к проведению в студенческих кругах пропаганды в пользу этого комитета».

Из письма тов. Альберта от 20/1–1935 г.

“Последние дни заполнены переговорами и совещаниями. Отдельные организации, список которых я уже прислал, должны были обсудить вопрос на заседаниях своих секретариатов, где и было официально решено их присоединение.

Результаты, выясняющиеся до сегодняшнего вечера (воскресенье).

ОФИЦИАЛЬНО ПРИСОЕДИНИЛИСЬ:

1. Радикал-социалистическая партия.
2. Федерально-республиканская партия.
3. Рабочая культурно-спортивная организация.
4. Профсоюз почтовиков.
5. “ работников телеграфа
(2 отдельных профсоюза)
6. Союз учителей.

7. Федерально-республиканская молодежь.

8. Радикал-социалистическая “

9. Республиканская “

Сегодня (в воскресенье) у нас было продолжительное совещание* с секретариатом социалистической партии Испании. Присутствовал также председатель Всеобщей конфедерации труда. В результате СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ИСПАНИИ ОФИЦИАЛЬНО ПРИМКНУЛА К НАРОДНОМУ ФРОНТУ (10). Они точно знают (мы беседовали довольно откровенно), что это – движение Амстердам–Плеель, а также всемирный комитет. Здешние друзья весьма обрадованы этим обстоятельством. После официального заявления о присоединении СП председатель ВКТ заявил, что теперь он, со своей стороны, тоже не видит препятствий присоединению профсоюзов. Завтра вечером мы получим официальное заявление присоединении ВКТ (11).

Остается, стало быть, республиканская партия. Виктория Кент – она член национального совета этой партии – заявила мне, что поговорит об этом с секретариатом. Лично она уже присоединилась. Одновременно мы беседовали с другими лицами из этой партии. Могу сказать, что присоединение этой партии, являющейся для нас весьма важной, только вопрос времени, так как на очередном заседании секретариата будет рассматриваться вопрос о вступлении в ряды народного фронта. Она, по всей вероятности, присоединится, так как не имеет возражений против выдвинутых лозунгов.

Далее мы говорили с одним из представителей анархистов. Как и следовало ожидать, он давал уклончивые дипломатические ответы. Поэтому мы были весьма изумлены, когда он вдруг официально заявил о вступлении в рабочий альянс. Мы таким образом достигли успеха в другом направлении, т.е. если не по линии Амстердам–Плейель, то непосредственно по линии единого фронта. Мы рассчитываем, что, втянувшись в ряды единого фронта, анархисты уступят натиску других элементов и в дальнейшем примкнут также и к народному фронту”.

“Официального присоединения Атенео невозможно добиться. Атенео получает регулярно финансовую поддержку от правительства. Но все видные интеллигенты, а следовательно и члены Атенео объединяются в комитет бдительности, который, со своей стороны, присоединяется к народному фронту”**.

Пометы: в левом верхнем углу документа: «1439/7/МК. Куп. с нем. 8/II–1935 г. “5”»; в правом верхнем углу резолюция Г.М. Димитрова: “тов. Лозовскому”; штамп “345 10 Feb. 1935”.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 225. Л. 95–100.

Копия, машинопись, рус. яз., перевод с нем.

* Вставлено от руки вместо зачеркнутого “конференция”.

** Отчеркнуто на полях точками со слова “интеллигенты” и до конца предложения.

- ¹ Кент Виктория (1886–1959) – член Центрального комитета ИСРП, ответственный редактор журналов “Эспанья” и “Левиафан” и газеты “Кларидад”. Как идеолог левого течения в ИСРП оказала большое влияние на Ф. Ларго Кабальеро.
- ² Асира – так в тексте. Правильно: де Асуа Хименес – член руководства ИСРП, один из идеологов левого крыла, депутат кортесов, руководитель комиссии по выработке Конституции 1931 г.
- ³ Мачадо Антонио Руис (1875–1939) – знаменитый испанский поэт и прозаик, академик. Считается одним из известных представителей “Поколения 98”, так называемого серебряного века испанской культуры.
- ⁴ Вего – так и в тексте. Правильно: Альварес дель Вайо Х. – один из идеологов левого течения в ИСРП.
- ⁵ Пасонария – так в тексте. Правильно: Пассионария – псевдоним Долорес Ибарури Гомес.
- ⁶ Салинас Педро (1891–1951) – известный испанский писатель.
- ⁷ Брат Галана – имеется в виду Франсиско Галан, член КПИ, брат Фермина Галана (1899–1930), поднявшего вместе с Гарсия Эрнандесом мятеж против монархии 12 декабря 1930 г. 14 декабря 1930 г. были расстреляны.

№ 27

Директивные указания Секретариата ИККИ для КП Испании, утвержденные на заседании Секретариата ИККИ

21 февраля 1936 г.

Сов[ершенно] секретно.

Хотя выборы и дали большинство “народному фронту”, все же очевидно, что реакционеры, кроме оставшейся у них незатронутой материальной базы, пользуются еще большим массовым влиянием, в особенности в деревне и среди городской мелкой буржуазии. Ослабление влияния фашизма зависит от того, получат ли широкие массы от народного фронта такое немедленное облегчение своего положения, которое вырвет их из-под влияния фашизма и теснее свяжет их с делом народной революции. В этих целях необходимо выставить и добиться немедленного осуществления платформы требований, имеющих целью изолировать “Аксион популяр” и другие реакционные партии от их массовой базы и подорвать их экономическую основу. Кроме амнистии и восстановления демократических свобод (свободы слова, печати, собраний и организаций) и ряда требований для рабочих, требования перевыборов муниципалитетов, советуем сосредоточить внимание на следующих основных мероприятиях:

1. Ведя усиленную агитацию за безвозмездную конфискацию всей помещичьей земли, добиться в первые же дни работы кортесов принятия закона о конфискации земли аристократии и ее бесплатной раздаче трудящимся крестьянам; добиться перевыборов правлений кооперативов в деревнях, находящихся под реакционным руководством, с целью очистки их от врагов крестьян; осуществляя борьбу против спекулянтов-перекупщиков, добиваться проведения мероприятий по установлению таких цен на пшеницу и другие с.-х. продукты, которые облегчили бы рентабельность крестьянского труда и крепко привязали бы крестьян к делу народной революции; отстаивать закупку этих продуктов у крестьян* государством по выгодным для последних твердым ценам. Добиваться немедленного снижения налогов с крестьян, повышения зарплаты сельхозработникам с установлением минимальной зарплаты для каждой категории; восстановления и расширения социального законодательства в деревне; отмены реакционных аграрных законов; введения в Каталонии закона об аренде земли, принятого каталонским парламентом, и ряда других мероприятий в интересах крестьянских масс.

* Отчеркнуто на полях со слов “проведения мероприятий” до “у крестьян”, затем зачеркнуто.

2. Относясь с уважением к чувствам верующих, рабочие организации не могут мириться с положением, когда в руках церкви накоплены огромные богатства, в то время как испанский народ испытывает вопиющую нужду (безработица, разорение крестьян, мелких торговцев и кустарей). Рабочий класс и трудящиеся крестьяне заинтересованы в изъятии богатства церкви для создания фонда помощи находящемуся в самой тяжелой нужде большинству испанского народа. Поддерживая это требование испанского народа, рабочие организации одновременно с этим ведут разъяснительную работу среди религиозно настроенных масс, показывая им, что перед лицом народного бедствия церковь обязана отказаться от своих богатств в пользу нуждающихся.

3. Пока фашизм не будет разбит наголову, он будет стремиться к организации* гражданской войны в целях срыва проведения программы "народного фронта" и дискредитации последнего в глазах масс. Он будет организовывать заговоры против республики с помощью своих агентов в гос. аппарате, в особенности в армии и в других вооруженных органах. Поэтому необходимо срочно провести чистку этих органов (армия**, полиция, штурмовая и гражданская гвардия, аппарат юстиции и др.) от монархических и фашистских элементов и принять меры для демократизации армии, равно как и добиваться роспуска фашистских организаций и разоружения их отрядов.

4. Принять решительные меры, не останавливаясь перед конфискацией имущества виновников, против подготавливаемого предателями народа, фашистами, монархистами и стоящим за ними финансовой олигархии, бегства капиталов за границу и заговора против пезеты, направленного на создание паники и на ограбление трудящихся масс.

5. Немедленно восстановить статуты Каталонии и ввести одобренные народами голосованием статуты в Эускади.

Эти мероприятия, являющиеся в основном конкретизацией избирательной платформы народного фронта, должны быть проведены в жизнь немедленно и без всякой бюрократической волокиты***, чтобы укрепить доверие масс к народному фронту.

Было бы недопустимой ошибкой думать, что одному лишь парламентскому представительству народного фронта, без мощного движения широчайших масс, способного решительно сломить сопротивление еще недобитого врага, удастся осуществлять эти мероприятия. Поэтому задача рабочих организаций, в целях обеспечения осуществления вы-
ставленных требований, состоит, во-первых, в развертывании внепарламентского движения масс и, во-вторых, в превращении теперешних, крайне слабых, бескровных, альянсов в настоящие массовые выборные органы рабоче-крестьянской демократии, способствующие проведению на деле программы народного фронта. Альянсы должны быть легально признанными правительством органами. Чтобы парализовать враждебные выступления со стороны умеренных элементов "народного фронта" против массового движения в раб[оче]-крест[ьянских] аль-

* Вписано вместо зачеркнутого "партии".

** Вписано от руки.

*** Отчеркнуто на полях со слова "одобренные" до "бюрократической волокиты".

ясах, рабочие партии должны особенно усиленно подчеркивать, что существование рабочих альянсов и массовое движение содействуют всемерно осуществлению программы “народного фронта” и что всякий удар налево со стороны правительства будет способствовать усилению контрреволюции.

Рабочие организации должны оказать поддержку правительству против происков реакции, против попыток контрреволюционного переворота, всемерно содействуя осуществлению программы требований народного фронта, в первую очередь требований, намеченных в данном документе. Но рабочие организации не могут забывать, что нынешнее левобуржуазное правительство не является еще правительством народного фронта. Поэтому, оказывая поддержку правительству в деле проведения программы “народного фронта”*, рабочие организации сохраняют за собой свободу критики и свободу действий в отношении этого правительства. А это означает, что рабочие организации, и прежде всего коммунистические партии 1) разворачивают в своей повседневной агитации полностью свою программу и 2) критикуют левобуржуазное правительство во всех случаях, когда оно проявляет колебания и ищет компромисса с реакционными силами.

В то же время, чтобы разбить фашизм, укрепить позиции народного фронта и добиться союза пролетариата с крестьянством, нужно, чтобы рабочий класс сам был единым. Итак, необходимо еще больше укрепить единство действий коммунистической партии и соц. партии, втянуть в единый фронт анархо-синдикалистские рабочие массы, добиться осуществления профсоюзного единства путем объединения ВРС и НКТ.

Одновременно компартия должна вести систематическую агитацию за политическое единство между коммунистической партией и социалистической партией на основе пяти пунктов, выставленных VII конгрессом КИ, и в частности на основе следующих условий, соответствующих особенностям ситуации в Испании:

а) Очистка социал-демократической партии от правых элементов, срывавших октябрьские бои, и снятие с руководящих постов центристов (как этого требуют сами левые из социалистической партии).

б) Решительная борьба против контрреволюционной троцкистской секты, саботирующей борьбу рабочего класса и старающейся дезорганизовать рабочее движение.

в) Принципиальная ясность по основным вопросам тактики и программы нынешнего, буржуазно-демократического этапа революции: борьба против социал-демократической недооценки роли крестьянства в революции и против фактического саботажа аграрной революции, борьба за активное участие партии в буржуазно-демократической революции, одинаково исключаящее коалиционную политику и голый абстенционизм, оппортунистическое выжидание стихийного вызревания пролетарской революции; борьба против установки социалистов, приведшей испанский пролетариат к поражению в октябре 1934 г., о том, что свержение власти эксплуататорских

* Отчеркнуто на полях со слов “не могут забывать” до “народного фронта”.

классов должны быть делом только одной партии, не вовлекая в нее широкие массы (заговорщический метод организации восстания, сопротивление созданию выборных альянсов, борьба против лозунга советов, отказ от экономических боев и защита частичных требований под предлогом подготовки восстания)*.

Мы настоятельно предостерегаем рабочие организации против всяких необдуманных, стихийных преждевременных выступлений, на которые будут толкать рабочих анархо-синдикалистские элементы, а также и фашистские провокаторы, выступлений, которые будут мешать делу высвобождения трудящихся масс из-под влияния фашизма и будут играть только на руку контрреволюции.

Советуем попытаться договориться с Ларго Кабальеро и социалистической партией, чтобы на основе вышеназванных пунктов выступить с совместным манифестом на предмет организации борьбы в кортесах и вне кортесов за осуществление этой программы. Рекомендуем развернуть кампанию за эту программу в "Мундо обреро", в провинциальной печати и на массовых митингах. Мы особенно настаиваем, что бы наряду с кампанией за осуществление программы требований развернули повседневную работу по разъяснению массам, на каких условиях возможно создание единой революционной партии.

Вверху 1-й страницы штамп: "Утверждено на заседании Секретариата ИККИ от 21 февраля 1936. Протокол № 29"; в левом верхнем углу на немецком языке: "Original russisch"; в центре под заголовком документа: "ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ". Расписано: "т. Чемоданову", затем зачеркнуто.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 262. Л. 16-21.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

№ 28

*Предложения Испанского сектора
Романского лендерсекретариата, направленные в ИККИ,
о центральной партшколе в Испании*

7 апреля 1936 г.

Сов[ершенно] секретно.

Для реализации постановления ЦК ВКП(б) о международных школах считать необходимым в Испании:.

1. Создать двухмесячную центральную партшколу, как филиал МЛШ, под непосредственным контролем ПБ ЦК КП Испании, на 20 чел. руководящих работников окружного масштаба, с привлечением в ее состав и некоторых районных работников важнейших районов.

* Пункт "с)" подчеркнут на полях до слов "о том, что свержение". В этом абзаце слова "свержение власти эксплуататорских классов" вписаны вместо зачеркнутого "революционное свержение власти буржуазии"; зачеркнуто "социал-демократической" и вставлено от руки слово "социалистов".

2. В течение 1936 г. с 18/IV по 15/X, пропустить через эту центральную партшколу 3 выпуска, – а именно первый в Мадриде – общепартийная школа, второй – в Мадриде – для руководящих работников партии в сельскохозяйственных округах и районах, третий – в Барселоне – общепартийная национальная школа.

3. Возложить на ПБ и на руководство центральной партшколы оказать организационную и идеологическую помощь окружным парторганизациям в деле организации вечерних партийных курсов (сроком на 6 недель).

4. Поручить руководителю центральной партшколы совместно с ПБ партии организовать постоянно функционирующую массовую рабочую школу типа народного университета, привлекая к этому делу лучшие элементы из руководства социалистической партии, профсоюзов, а также лево настроенной марксистской интеллигенции, обеспечив в этой школе руководящее влияние компартии.

5. Ответственность за реализацию указанных мероприятий возложить на тов. М.

6. Дать для покрытия самых необходимых расходов, связанных с указанными мероприятиями по охвату 60 чел. в течение 6 мес. 52 500^{1*} пезет из сметы МЛШ, имея в виду, что МЛШ для приезда и отправки в страну 30 чел. из КП Испании израсходует приблизительно по 60 000 пезет, не считая расходы на их содержание и учебу (см. приложения 1 и 2).

Приложение 1

ПРОГРАММА

1. Актуальные тактические проблемы КП Испании.

2. Победа социализма в СССР, Сталин как вождь международного пролетариата.

3. Исторические традиции в революционном движении Испании.

4. Организационные вопросы компартии Испании.

5. Наряду с тем, что вся программа должна проходить на основе решений VII конгресса КИ, особо проработать доклад тов. Димитрова.

Приложение 2

СМЕТА

для одного выпуска центр. 2-х мес. партшколы
на 20 чел. в Испании

Пезет

1. Содержание 20 чел. в течение 60 дней по 8 пезет в день	9800
2. Проезд 15 чел. в Мадрид и обратно по 120 пезет в среднем	1800
3. Помощь семьям для 10 чел. по 150 п. в мес.	3000
4. Два платных работника из расчета 800 ^{2*} и 450 ^{3*} пезет в месяц	2500 ^{4*}

^{1*} Помета "Z".

^{2*} Цифра "650" исправлена на "800".

^{3*} Цифра "400" исправлена на "450".

^{4*} Цифра "2100" исправлена на "2500".

5. Непредвиденные расходы (школьные материалы, оплата привлекаемых дополнительно в кач. преподавателей, поездки руководителя в округа)	2200 ^{1*}
ВСЕГО:	19 100 ^{2*}
	пезет

Для трех выпускников, охватывающих 60 чел., всего 57 300^{3*} пезет или 9025^{4*} зол. рублей.

СМЕТА
ИСПАНСКОГО СЕКТОРА МЛШ ЗА 1935 г.

	Сов. рубли	Валюта
--	------------	--------

Приезд 53 чел. из Испании по 2620 фр.ф. и 118 сов. рублей	6254	138 860
Отъезд 53 чел. в Испанию по 1655 фр.ф. и 250 сов. рублей	13 250	87 715
Обмундирование 53 ч. по 1500 руб.	70 500	— ^{5*}
Содержание 14 мес. 53 чел. по 25—40 в день	565 404	— ^{5*}
ВСЕГО:	664 408	226 575 фр.ф.

Примечание: 1 226 575 фр. франков равняются 17 242 зол. рубля.

2. Было израсходовано еще^{6*} пособия семьям 26747* зол. рублей.

Помета: на 1-й странице в левом верхнем углу инициалы *Димитрова*: “Г.М.”

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 235. Л. 47—54.

Копия, машинопись, рус. яз.

№ 29

Письмо Э. Гере Г.М. Димитрову

Апрель 1936 г.^{8*}

В Испании внутри соцмола была создана тайно действующая так называемая “левая фракция” под руководством исключенного в 1932 г. из КП Испании, тогдашнего секретаря, Булехоса. В фракцию входят ряд руководящих работников соцмола (2 члена руководства мадридской организации), в большинстве своем люди, близко стоящие к Маурину. Фракцией была проведена конференция с представителями из провин-

^{1*} Цифра “1300” исправлена на “2200”.

^{2*} Первоначально стояла цифра “17 800”.

^{3*} Первоначально стояла цифра “53 400”; цифры исправлены от руки.

^{4*} Первоначально стояла цифра “8427”; цифры исправлены от руки.

^{5*} Прочерк от руки.

^{6*} Слово “еще” вписано от руки.

^{7*} Первоначально стояла цифра “3600”; цифры исправлены от руки.

^{8*} Дата проставлена чернилами от руки и отчеркнута на полях.

ций и был избран центральный комитет фракции. Линия, намеченная конференцией, примерно след[ующая]: До сих пор соцмол являлся действительно левой, революционной организацией внутри соц[иалистической] партии. Но Карильо¹ договорился с Москвой и вследствие этого соцмол свернет с революционного пути. Поэтому необходимо создать левую фракцию, чтобы при слиянии обеспечить революционную линию организации молодежи.

Характерно, что Буллекос и К° сосредоточили огонь против тех социалистов, которые вроде Карильо, Альварез дель Вайо и других являются застрельщиками единого фронта и единства с коммунистами.

Ввиду того, что маневр Буллекоса–Маурина был разоблачен относительно быстро (в печати опубликован весь материал и началась кампания), мне кажется, что на этот раз троцкистам не удастся достигнуть своих целей. Однако опасность троцкизма возрастает и будет расти, т.к. троцкисты будут использовать ситуацию в провокационных целях, т.к. Маурин, будучи избранным депутатом, получил трибуну и т.к. авантюризм троцкизма при данной ситуации в Испании смыкается с авантюризмом анархо-синдикал. лидеров.

По всем этим причинам мне кажется целесообразным послать в Испанию прилагаемую при сем телеграмму.

(Гере)*

На 1-й странице сверху подпись Г. Димитрова.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 199. Л. 5–6.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

¹ Карильо – так в тексте. Правильно: Каррильо Соларес Сантьяго (род. 1915 г.) – в 13 лет вступил в национальную Федерацию социалистической молодежи, после поражения Октябрьского восстания 1934 г. был арестован. Освобожден по амнистии в 1936 г. Был инициатором объединения Федерации социалистической молодежи и Коммунистического союза молодежи. Возглавил в мае 1936 г. Объединенный соцмол.

№ 30

*Выступление Г.М. Димитрова
на заседании Секретариата ИККИ
о положении в Испании*

23 июля 1936 г.

ДИМИТРОВ. Я считаю правильной ту линию, которая проводится до сих пор. Нельзя допускать, чтобы наши товарищи походили к развитию этих событий эвентуально, что мы ожидаем разгром мятежников и забегаем вперед**. Нельзя ставить на данном этапе задачу создания советов и стараться установить диктатуру пролетариата в Испании. Это было бы роковой ошибкой. Поэтому нужно сказать: действуйте под

* Подпись поставлена от руки.

** Второе предложение абзаца отчеркнуто на полях.

флагом защиты республики, не сходите с позиций демократического режима в Испании в тот момент, когда рабочие имеют оружие в руках, что имеет большое значение в деле победы над мятежниками. Мы должны им советовать идти с этим оружием вперед, как мы это сделали при другой ситуации, стараясь сохранить единство и с мелкой буржуазией, и с крестьянскими массами, и с радикальной интеллигенцией на базе установления и укрепления демократической республики на данном этапе при полном разгроме фашистских контрреволюционных элементов, и именно отсюда следует исходить при разрешении конкретных вопросов^{1*}.

Другими словами, товарищи, мы считаем, что в данной международной ситуации нам выгодно и необходимо провести такой курс, который обеспечил бы возможность в ряде стран, в Испании, Франции, Бельгии и т.п., где буржуазия остается еще у власти, объединить широкие слои населения, где имеется правительство, зависимое от народного фронта, и где коммунистическая партия имеет широкие возможности организовать, воспитать, объединить массы и укреплять свои собственные позиции. Когда наши позиции укрепятся, мы сможем пойти дальше.

Мы заинтересованы на некоторое время иметь такой демократический режим, чтобы широким давлением масс и народного фронта в ряде европейских стран мы влияли на массы трудящихся^{2*}, в том числе фашистских стран — Германии, Италии и т.д. Пример Испании показывает, как действуют массы, как^{3*} пролетариат, мелкая буржуазия, радикальная интеллигенция и крестьянство могут вместе идти на общей демократической платформе против реакции и фашизма. Мы имеем ряд примеров в европейской обстановке, где массы путем политики народного фронта, под напором фашизма и реакции укрепляют свои позиции и готовят условия для окончательной победы пролетариата. Это несколько другой путь, чем мы представляли себе раньше^{4*}. Но этот путь ближе германскому и итальянскому пролетариату.

Мы должны оказать большое влияние на массы этих стран, поэтому факты борьбы^{5*} в Испании имеют огромное значение. Мне кажется, что этот пункт нужно продвигать, и надеемся, что действительно получим победу над противниками народного фронта, которые^{6*} ждут разгрома и дискредитации народного фронта.

Надо сказать, что у испанских товарищей здесь есть много соблазнов. Сейчас, например, “Мундо обреро” забрало прекрасное здание “Аксион популер”. Это хорошо. Но если наши начнут конфисковывать

1* В предложении слова “как мы это сделали при другой ситуации раньше” зачеркнуты Г. Димитровым; слова “и т.д.” вычеркнуты; слова “именно”, “следует” вписаны Г. Димитровым от руки.

2* Слово “трудящихся” (написано неразборчиво) вставлено от руки.

3* Слова “Пример Испании показывает” вставлены от руки вместо “Например”; слово “как” зачеркнуто автором, затем восстановлено.

4* Слова “чем мы представляли себе раньше” вписаны от руки.

5* После слова “поэтому” зачеркнуто слово “эти”; слово “борьбы” вписано от руки.

6* Далее вычеркнуты слова “как бы”.

фабрики и заводы и разворачивать дальше это дело^{1*}, может отойти мелкая буржуазия, радикальная интеллигенция и часть крестьянства, а наши силы еще недостаточны в борьбе против контрреволюции. Поэтому нужно ставить перед пролетариатом и широкими трудящимися массами такие задачи, которые соответствуют конкретным условиям данного момента, соответствуют силам партии, силам пролетариата. Не надо забегать вперед и увлекаться.

Этот вопрос связан и^{2*} с армией. Армия теперь^{3*} раздробилась на куски. Началось это в частях армии в Марокко. Если бы удалось взять гарнизон в центре, мы могли бы по-болгарски или по-гречески в 24 часа создать переворот, свергнуть правительство Асанья рано утром, издать манифест нового правительства, настоящего республиканского демократического правительства и т.д. Фактически в Мадриде народный фронт имеет господствующее положение^{4*}.

Вот отсюда вопрос, который встает перед нашими товарищами, будет ли целесообразно заменить фактически распушенную, разложенную армию народной милицией?^{5*} Сейчас^{6*} нужно создать народную республиканскую армию и привлечь туда всех офицеров и генералов, которые держались лояльно в отношении республики. Но поставить на место армии в данной ситуации народную рабоче-крестьянскую милицию означает фактически пойти по другой линии. Это другой курс. В городах необходима армия как государственная вооруженная организация. Должна быть республиканская армия, что подразумевает очистку уклоняющихся элементов старой армии, использование командного состава армии, который не изменил^{7*}. Испанский народ нуждается в своей вооруженной государственной силе. Над этим вопросом нужно будет серьезно подумать. Мы должны быть дальновиднее, чем мелкобуржуазные политики, которые сегодня переходят к нам, а завтра могут изменить.

Это один вопрос. Другой вопрос о конфискации земли. Некоторые говорят: давайте захватывать землю, забирать землю помещиков и церкви. Я считаю, что это правильно. Нужно взять землю самых крупных помещиков, независимо от того, участвовали они или не участвовали в мятеже, раздать эту землю крестьянам, и таким образом расколоть помещиков, скажем, что их это не касается, ибо их земля остается. Необ-

^{1*} В часть абзаца внесены изменения от руки. Первоначально эти фразы читались: «Здесь есть много соблазнов. Возьмем, например, вопрос конфискации имущества помещиков. Для этого нужно опираться на фактическую силу. "Аксион популер" предоставила для "Мундо обреро" прекрасное здание. Это хорошо. Если наши начнут конфисковывать фабрики и заводы и разворачивать это дело...» (далее по тексту).

^{2*} Союз "и" вписан от руки.

^{3*} Слово "теперь" вписано от руки; следующая за этим предложением фраза "Часть пошла на дробление" вычеркнута.

^{4*} Абзац, начиная со слов "удалось взять" до слов "господствующее положение" отчеркнут на полях.

^{5*} Зачеркнута фраза: "Нужно развернуть эту работу и подготовить ее".

^{6*} Слово "Сейчас" вписано.

^{7*} В эту фразу внесены изменения от руки. Первоначально читалось: "Должна быть республиканская армия, что подразумевает отсеять часть уклоняющихся элементов, использовать командный состав армии, который не изменился".

ходимо также конфисковать имущество и землю всех тех помещиков, которые участвовали прямо или косвенно в мятеже*. Другое положение невозможно сейчас.

Я спрашиваю товарищей секретарей, есть ли какие-нибудь сомнения по этому вопросу или какие-нибудь замечания. Это будет полезно для наших испанских товарищей.

Помета: на 1-й странице в левом верхнем углу: "Секретариат ИККИ. 23/VII-36 г. Испанский вопрос".

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1101. Л. 21-23.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

№ 31

Директивные указания Секретариата ИККИ ЦК Коммунистической партии Испании

24 июля 1936 г.

Мадрид

Диас, Луис¹

Ваша информация недостаточна, неконкретна, сентиментальна. Еще раз просим серьезную фактическую информацию. Настоятельно рекомендуем: 1) Концентрировать все на важнейшую задачу момента, т.е. на быстрое подавление и на окончательную ликвидацию фашистского мятежа, а не увлекаться планами, подлежащими осуществлению после победы. 2) Избегать всякие мероприятия, способные подрывать сплоченность народного фронта в борьбе против мятежников. 3) Предупреждать против всякого увлечения в сторону преувеличения наших собственных сил и сил народного фронта и** в сторону недооценки трудностей и новых опасностей. 4) Не забегать вперед, не сходить с позиций демократического режима и не выходить за рамки борьбы за*** подлинно демократической республики. 5) До тех пор, пока можно будет обойтись без непосредственного участия коммунистов в правительстве, целесообразно не входить в правительство, так как таким образом легче сохранить единство народного фронта. Участвовать в правительстве только в крайнем случае, если это абсолютно необходимо в целях подавления мятежа. 6) Считаем нецелесообразным сейчас, когда необходимо сплотить для подавления мятежа все силы как народной милиции, так и верных республике воинских частей, ставить вопрос о замене регулярной армии народной милицией, тем более, что в нынешних боях выковывается новая республиканская армия, которая наряду с народной милицией будет опорой республиканского режима против врагов внешних и внутренних. Всячески привлекайте лояльных офицеров-рес-

* Внесены изменения. Первоначально читалось: "Вы конфискуете имущество..." (далее по тексту); слово "Вы" зачеркнуто, "необходимо также" вставлено от руки; "конфискуете" исправлено на "конфисковать".

** "И" вписано Г. Димитровым.

*** "Борьбы за" вписано вместо зачеркнутого "защиты".

публиканцев на сторону народа и добивайтесь перехода частей мятежников на сторону народного фронта. Необходимо, чтобы правительство объявило предоставление амнистии тем*, которые немедленно покинут ряды мятежников и перейдут на сторону народа.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 201. Л. 3.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

¹ Луис – один из псевдонимов Кодовилья Витторио.

№ 32

Письмо тов. Г. Димитрову

26 июля 1936 г.

Секретно.

Копия т. Реммеле

Хотя в Испании еще идут горячие бои, необходим уже ряд мероприятий в отношении освещения испанских событий в других странах, а также новые планы издания для самой Испании.

I. Издания для других стран

1. Послать теперь же непосредственно из Франции и Англии, может быть, из Чехословакии, левых авторов-журналистов, способных в короткий срок написать яркие книги о ходе революционных событий в Испании. Реализацию поручить немедленно нашим крупным издательствам.

2. Поручить нашему французскому издательству заказать для издания на французском, английском и других языках сжатую книгу или развернутую брошюру одному или двум испанским политическим деятелем (Л. Кабальеро, А. Дельвайо¹, М. Нелькен² и Диац, Хернандес³ или Ибарури) для информации мирового общественного мнения о событиях в Испании.

3. Подготовить одну-две массовые иллюстрированные брошюры ротационными тиражами, информирующие массы о борьбе в Испании и мобилизующие их на поддержку испанской революции и на борьбу против фашизма в своих странах. Одну такую брошюру попробовать подготовить здесь; другую попытаться заказать порознь: одному французскому и одному английскому товарищам, послав им отсюда некоторые материалы и установки (сектор Пропаганды).

II. Издания в самой Испании

1) Реализовать новый выпуск всех основных пропагандистских произведений, намечаемых или уже подготовленных и издававшихся за последнее время – ротационными тиражами по 100 тысяч и более экземпляров по очень дешевой цене.

Было бы правильно дать – если сектор Пропаганды сможет это сделать – специальные предисловия к уже переведенным книжкам Ленина “Грозящая катастрофа”, “Письма о тактике” и т.п.

* Слово “тем” вписано.

2. Тщательно подготовить к изданию несколько небольших (16–24 стр.) и очень популярных брошюр по основным и актуальным вопросам испанского революционного движения. Эти брошюры должны быть подготовлены сектором Пропаганды. Их возможные авторы – гг. Димитров, Мануильский и лучшие силы Исполкома. Срок – ближайшие дни и недели.

Подпись (неразборчиво)

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 270. Л. 9–10.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

¹ Дельвайо – так в тексте. Правильно: Альварес дель Вайо Х.

² М. Нелькен и Диац – так в тексте. Правильно: Нелькен и Маусберкер М. (1896–1968) – писательница и политический деятель, член ИСРП и КПИ, наиболее известная книга – “Почему мы делали революцию?” (1935).

³ Хернандес – так в тексте. Правильно: Эрнандес Томас Х. (1907–1971) – член ЦК КПИ, министр народного образования в правительстве Ларго Кабальеро (1936–1937), представитель КПИ при ИККИ (1941–1943), наиболее известная его книга – “Я министр Сталина”.

№ 33

Письмо П. Шубина по испанскому вопросу

7 августа 1936 г.

1. По вопросу о вмешательстве (срочно)*.

а) Германия и Италия не ограничиваются посылкой оружия и самолетов мятежникам, они непосредственно участвуют в военных операциях: “Дейчланд” прикрывает береговые батареи мятежников от испанского флота. Германские и итальянские самолеты участвуют в десантных операциях мятежных отрядов Франко¹. Доказано, что без этого непосредственного участия итальянских и германских военных сил в операциях мятежников, те** не могли бы уже сейчас удержаться;

б) организовав штаб мятежников (Санхурко² в Берлине и др.), Германия и Италия, не ограничиваясь участием в военных операциях, требуют, чтобы этот штаб был признан вторым правительством Испании. Это есть наиболее наглядная форма вмешательства во внутренние дела Испании;

в) под прикрытием дипломатических переговоров об определении того, что такое вмешательство, Германия и Италия уклоняются от каких бы то ни было объяснений по поводу доказанного их участия в военных операциях мятежников Муссолини, в частности, обходят полным молчанием документально доказанную посылку эскадрильи итальянских бомбовозов³ через французское Марокко в штаб Франко.

Дипломатическими увертками фашисты имеют цель выиграть время для военных операций, что входит в планы штаба мятежников:

* “Срочно” вписано чернилами от руки. Весь 1-й вопрос подчеркнут Г. Димитровым на полях. На полях помета Димитрова “Правильно!”, поставлены его инициалы.

** Первоначально по тексту “они”.

г) операции на северном фронте показывают, что там, где мятежники не опираются непосредственно на вооруженные силы Италии и Германии, они разлагаются и не в состоянии устоять против республиканской армии. На юге испанские фашисты являются прикрытием для действий колониального легиона плюс^{1*} германо-итальянских сил.

д) ища повода для участия в военных операциях на севере, Гитлер провоцирует конфликт в Барселоне и создает версию о четырех национал-социалистах, якобы невинно расстрелянных. Так готовится военная операция^{2*} для спасения мятежников Мола⁴ и на севере;

е) в то же время Гитлер и Муссолини стремятся сорвать^{3*} морально-политическую и материальную помощь, которую народные массы во всем демократическом мире начали оказывать испанскому народу и его законному правительству. Нам надо спешить с этой помощью. Время не ждет^{4*}. Международный фашизм действует с бешеной энергией.

2. По вопросу о троцкизме. В этой области сейчас следующие новые факты:

а) По вопросу об Испании в ст. Даугэ (в двух номерах “Л’аксион социал-революционер” от 25-го июля и 2-го августа) развиваются следующие мысли: Мы, троцкисты, это предвидели; мятеж подготовлен ошибками народного фронта; не буржуазная республика, а пролетарская революция спасет Испанию^{5*};

б) Статья «“Новый этап” Троцкого. Основные мысли»^{6*} не пресса “народного фронта”, а “Тан” и “Таймс” правы в оценке положения во Франции; революция в ближайшее время примет во Франции насильственные формы; в ближайшем социальном конфликте рабочий класс Франции либо потерпит полное поражение (это будут июньские дни 48 г.), либо частичное поражение (июньские дни 17 г.), в результате которого они переменят своих руководителей и с ними придут к троцкистам. Этот “прогноз” сопровождается клеветническими нападками на коммунистическую партию Франции^{7*}.

в) Беседа, данная Троцким корреспонденту “Ассошиэтед-пресс” “по поводу реформы конституции”, содержит основную мысль – в ответ на конституцию образовать международную комиссию для расследования репрессий против троцкистов и других^{8*}, в том числе иностранцев;

г) Чилига из троцкистской печати перешел в “Социалистический вестник”. Сейчас на него ссылается шведская реакционная печать. Его лозунг – единый фронт всех оппозиционных партий в Советском Сою-

1* Первоначально напечатано: “являются только прикрытием”; слово “плюс” вписано от руки.

2* Слово “операция” вписано от руки вместо зачеркнутого “инструкция”.

3* Зачеркнуто следующее слово “всякую” (неразборчиво).

4* Абзац “е)” отчеркнут на полях.

5* Первоначально по тексту эти фразы были взяты в кавычки.

6* Слово “Статья” вписано от руки; первоначально напечатано: “б) Новый этап Троцкого. Основные мысли”, далее по тексту.

7* Первоначально было: «и придут к победе. Наконец, этот “прогноз” сопровождается клеветническими нападками на коммунистическую партию».

8* “И других” (далее слово неразборчиво) вписано от руки.

зе для борьбы против репрессий^{1*}. Чилига разоблачен как итальянский шпион;

д) Наконец, те факты, которые побудили сегодня “Правду” снова писать о том, что “троцкистско-зиновьевские последыши стали организуемой силой остатков разгромленных капиталистических классов, которые в отчаянии прибегали к подлейшему средству борьбы – террору”^{2*}.

С нашей стороны возможны три формы реакции на троцкистскую активность^{3*}.

Во-первых, исходя из того, что влияние Троцкого ничтожно, не делать ему рекламы полемикой, а если писать о нем, то помещать статьи лишь в “Инпрекоре” для очень узкого актива. Мне кажется, что эта точка зрения неправильна. Троцкизм пользуется каждым затруднительным положением для распространения своих провокаций; троцкистское влияние можно видеть одновременно и в позиции барселонских анархистов и в отношении Поля Фора к народному фронту во Франции; наша партийная печать за исключением американского “Дейли уоркер” по собственной инициативе не ставит вопроса о Троцком, а если и ставит, то нередко в таком “теоретическом стиле”, как это делает “Лейбор монсли”, который ограничивается характеристикой троцкизма до того, как он стал передовым отрядом буржуазной контрреволюции^{4*}.

Во-вторых, возражать против контрреволюционных установок троцкизма по отдельным вопросам Испании, Франции, не связывая с их ролью в отношении Советского Союза. Этот способ мне кажется неправильным, потому что исчезает самое характерное для троцкизма, что делает его одиозным в глазах заграничных рабочих различных направлений, а именно его открытое враждебное отношение к Советскому Союзу^{5*}.

В-третьих, рассматривать позиции троцкистов во Франции и Испании в свете той позиции, которую они занимают по отношению к советскому правительству, как сторонники насильственного свержения советской власти, поражения СССР в войне против империалистов, сторонники индивидуального террора. При такой постановке вопроса легче вскрыть сущность той демагогии, которую ведут троцкисты в Испании, во Франции и Германии^{6*}.

^{1*} Первоначально напечатано: “Сейчас на него ссылается шведская реакционная печать, что лозунг – единый фронт всех оппозиционных партий в Советском Союзе для борьбы против репрессий”.

^{2*} Пункт “д)” проставлен от руки чернилами; часть абзаца со слов “троцкистско-зиновьевские последыши” и до конца взята в кавычки, проставленные чернилами.

^{3*} На полях помета Димитрова: “Разные страны по-разному, в зависимости от влияния (?) традиций” и его инициалы. Помета Димитрова относится к части фразы со слов “три формы реакции на троцкистскую активность”, на что указано стрелкой.

^{4*} Первоначально фраза начиналась со слова “Почему”, которое затем зачеркнуто автором документа, далее следовало “... и народного фронта во Фрации”. Автором документа зачеркнута последняя фраза абзаца: “Между тем, именно сейчас полезio резко поставить вопрос”.

^{5*} “А именно” вписано автором. На полях помета Димитрова: “Вопрос в интерпретации”.

^{6*} Абзац отчеркнут на полях.

Может быть статья “Троцкий и конституция”, которая задержалась печатанием и появилась в Рундшау лишь недавно* действительно была неудачной и неубедительной. Все же жаль, что она не была поправлена настолько, чтобы она могла появиться не только в “Инпрекор”, но хотя бы в “Коммунистическом интернационале”. Если будет признано, что к этому вопросу надо вернуться, то было бы желательно получить от вас указание, как следует поставить этот вопрос, чтобы соответствующая статья могла быть широко опубликована.

Подпись: П. Шубин⁵
7/VIII**

РГАСПИ. Из коллекции архива.

- ¹ Франко Беамонде Ф. (1892–1975) – генерал, начальник академии генерального штаба в Сарагосе (1927), начальник генерального штаба (1935). Один из руководителей заговора против Республики. В первые часы мятежа находился на Канарских островах. 19 июля 1936 г. на самолете прибыл в Тетуан (Марокко).
- ² Сан-Хурко Х. посетил Берлин и был принят Гитлером в марте 1936 г., в момент мятежа находился в Португалии (Эсториаль). См. также: примечание 11 к документу № 19 (стр. 65) и примечание 5 к документу № 20 (стр. 81).
- ³ Эскадрилья итальянских бомбовозов – речь идет об эскадрилье двенадцати бомбардировщиков “Савоя-81”, которые 30 июля 1936 г. вылетели из Сардинии в Марокко, один из них из-за неисправности совершил посадку в Алжире.
- ⁴ Мола Э. (1887–1937) – генерал, генеральный директор управления безопасности (1930–1931), один из руководителей мятежа (исполнительный директор). В годы войны являлся командующим группировкой Севера.
- ⁵ Шубин П.А. (настоящая фамилия Вилленский) (1887–1937) – заместитель заведующего информационным отделом ИККИ, член редколлегии журнала “Коммунистический Интернационал”.

№ 34

Письмо М. Кренца¹ об организации издательского дела

23 августа 1936 г.

Секретно.

Тов. Димитрову
Тов. Мануильскому
Тов. Москвину²

Получил – впервые после начала мятежа – следующее сообщение от испанского издателя, датированное 10 августа:

«Немедленно после начала событий я, по соглашению с руководством партии, поставил наш издательский аппарат на службу фронту. Мы

* Зачеркнуто слово “так”; слова “и появилась в Рундшау лишь недавно” вписаны автором документа.

** Дата проставлена от руки.

начали с издания малой серии “Библиотечка вооруженного народа”. Одновременно мы организуем массовое распространение книжечки Хозе Диаца³ “Наше знамя – народный фронт”. Нам теперь легче справляться, так как в нашем распоряжении находится крупнейшая и лучшая ротационная машина страны. Наши друзья Россео и Марин работают здесь. Что касается меня, то я руковожу одной из созданных по моему почину групп вооруженных пропагандистов фронтовой линии.

Мы можем уже отметить успехи и распространим их на различные фронты. Наша задача: распространение газет и литературы среди бойцов, проведение коротких собраний, посвященных практическим советам военно-политического характера, осуществление простой и конкретной пропагандистской работы. Несмотря на импровизированный характер, уже имеются хорошие результаты в организации фронта. Теперь перспективы борьбы стали гораздо яснее, чем это было вначале. В тех районах, которые освобождены милицией и лояльными правительству войсками, удастся вновь возобновить связи и общую работу.

Незачем особо говорить Вам, что нам не приходится теперь рассчитывать на поступление денег за литературу и что... и так далее. КЛАВЕГО».

(М. Крепс)

отпеч. в 6 экз.

АС. 23.VIII.36 г.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 270. Л. 11.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

¹ Крепс М.Е. (псевдоним Клавего) (1895–1937) – зав. редакционно-издательским отделом ИККИ.

² Москвин (псевдоним), настоящая фамилия Трилиссер М.Е. (1883–1941) – член ИККИ с 1935 г., зав. Секретариатом ИККИ, ответственный за филиалы ИККИ, работу международной связи и администрации.

³ Диац – так в тексте. Правильно: Диас.

№ 35

Доклад тов. КОДОВИЛЬЯ о положении в Испании

22 сентября 1936 г.

Секретно.

Я сделаю только сообщение о некоторых фактах в Испании, так как я не подготовил специального доклада для сегодняшнего заседания.

Вам, товарищи, известно в общих чертах положение, существующее сейчас в Испании. Ожесточенная борьба между фашизмом и антифашизмом, развивавшаяся с переменным успехом, приобрела характер вооруженного восстания, спровоцированного нашими врагами, и размах гражданской войны, развивающейся сейчас в Испании, нам достаточно известен. Мятеж, произошедший 18 июля, ни для кого не явился неожиданностью.

Военщина и фашисты готовили восстание с 1934 года, но неоднократно его откладывали. После октябрьского восстания всем силам реакции – как гражданским, так и военным – стало ясно, что сопротивление масс таково, что только при помощи вооруженного насилия, т.е. государственного переворота, фашисты смогут взять верх в стране и подавить трудящиеся массы. С тех пор они готовились к государственному перевороту. Бдительность масс несколько раз предотвращала их выступления. Однако следует сказать, что переворота не было еще и потому, что наши враги не были еще достаточно хорошо подготовлены в военном отношении. И только после 16 февраля, когда народный фронт получил на выборах большинство и, придя к власти, начал проводить свою политику, всем стало ясно, что она угрожает привилегиям крупных помещиков, военных клик, церкви и т.д., наконец, всему тому, что представляет собой ту Испанию, которую надо было разрушить и которую не разрушили 14 апреля. Наши враги поняли, что республика народного фронта, рожденная в выборах 16 февраля, не будет носить такой же характер, как республика 14 апреля, и что в социальной, экономической и политической жизни страны предстоят глубокие перемены. Тогда военщина, реакционеры и фашисты ускорили темп подготовки государственного переворота – ждали только подходящего момента, чтобы его произвести.

Вождь этого военно-фашистского восстания должен был явиться Кальво Сотело¹, который был одним из фашистских теоретиков еще во время Примо де Ривера и занимал при нем пост министра финансов. Этот субъект был политически наиболее подготовленным и наиболее смелым. Восстание предполагалось отсрочить еще на месяц, но смерть Кальво Сотело, который был убит, понесшая возмездие за преступления фашизма, ускорила мятеж и борьбу, развернувшуюся в стране.

Через день после смерти Сотело состоялось заседание перманентной комиссии кортесов, и наш товарищ Диас, секретарь коммунистической партии, в ответ на угрожающую речь Хилы Роблеса сигнализировал близость переворота. Он заявил в лицо Хилу Роблесу²: “Вам нас не обмануть! Вы уходите из парламента, чтобы поднять восстание”. Партия сейчас же мобилизовалась и выпустила воззвание, в котором обращала внимание масс на серьезность положения и призывала их организоваться для вооруженной борьбы. Тем временем идея неизбежности вооруженной борьбы уже успела пустить корни в массах.

Вопрос о вооруженной милиции партия открыто ставила еще раньше. Она предлагала социалистам, анархистам, республиканцам создать единую милицию и требовала, чтобы правительство ее вооружало. Однако анархисты и социалисты постоянно отвергали такие предложения, мотивируя тем, что в момент борьбы мы все объединимся.

Таково было положение накануне восстания; единая милиция не была создана, когда мы отправлялись к правительству требовать немедленного вооружения отрядов самообороны всех партий.

Когда правительство наконец согласилось вооружить милицию, было уже поздно, так как враг – военщина – отказался выдать оружие, готовясь к борьбе. Ввиду этого, в момент мятежа у правительства было

мало оружия, и каждому милиционеру приходилось вооружаться как он сумеет. Такое положение создалось потому, что правительство это – правительство мелкобуржуазное – к сожалению не применяло твердых мероприятий, и сколько ему не делали в парламенте, в личных переговорах, в прессе и на митингах указаний насчет необходимости произвести чистку в армии, указания эти выполнялись либо с опозданием, либо нерешительно и без предварительного плана. Арестовали несколько фашистов, но не сумели ликвидировать фашистскую организацию. С другой стороны, правительство Касареса Кирога³, образованное людьми честными, но воспитанными⁴ в духе понятия буржуазной чести, полагалось на всех тех, кто давал ему слово сохранить верность республике. Таким образом большинство этих людей, которых правительство считало “верными”, потому что они дали слово, предали и перешли в лагерь врага. Вот для примера факт, характеризующий наивность республиканцев. Я имею в виду общеизвестные случаи с Франко, Годедом и др[угими], которые еще раньше, будучи заподозрены в подготовке государственного переворота, не были арестованы, а были – в наказание!* – высланы из пределов Испании и отправлены в Марокко и на Канарские острова. Там они были интернированы, имея полную возможность готовить свой государственный переворот. Но хуже того. За два–три дня до мятежа генерал Мола – душитель испанского народа, отлично известный еще в эпоху власти Примо де Ривера – прибыл в Мадрид и перед тем, как отправиться в Марокко, имел беседу с Касаресом Кирога. Председатель совета министров спросил его: “Даєте вы мне честное слово, что не начнете борьбы против республики? Если вы дадите мне это честное слово, вы поедете в Марокко”. Ясно, что Мола дал “честное слово” и вернулся в Марокко, чтобы там поднять мятеж. Я привожу этот пример потому, что мы видели во многих местах такие образчики наивности и преступной мелкобуржуазной доверчивости. Во многих провинциях – Овиедо⁵, Кордова, Толедо и др. – в начале движения офицерские чины являлись предлагать свои услуги гражданскому губернатору, давая честное слово защищать республику. Гражданские губернаторы дали себя обмануть такими заявлениями – впрочем некоторые имели договоренность с военными – и благодаря этому фашисты смогли лучше подготовить мятеж и помешать массам начать борьбу против них. Например в Овиедо лейтенант Аранда дошел в своей подлости до того, что предложил рабочим прийти в казармы за оружием, а когда те явились, он приказал солдатам открыть по ним огонь. Таким образом посредством хитрости и насилия мятежники с самого начала борьбы получили все преимущества. Они попытались проделать такую же операцию в Мадриде. Они не высказались открыто за восстание, так как боялись народа, но засели в казармах, чтобы выступить в подходящий момент. При такой ситуации, пред лицом такого размаха восстания правительство потеряло голову и утром 19 июля еще было готово пойти на уступки врагу. Оно хотело сформировать более правое правительство и попытаться пойти на компромисс с мятежниками. Это

* “В наказание” вставлено от руки.

была попытка образовать правительство Мартинеса Баррио⁶, просуществовавшее всего несколько часов. Увидев, что правительство вот-вот капитулирует, враги стали более требовательными, почувствовали себя более сильными и старались как можно скорее проникнуть в Мадрид. Но, с другой стороны, массы, частью вооруженные, по указанию нашей партии вышли на улицу и опять-таки в значительной степени стихийно потребовали образования энергичного правительства, способного немедленно перейти в наступление. Таким-то образом было создано правительство Хираля⁷, задача которого заключалась в организации решительной борьбы против мятежников. После образования этого правительства трудящимися массами овладел форменный энтузиазм. Освободив Мадрид от предательской военщины и фашистов, милиционеры направились на Сиерру Гвадарраму, чтобы задержать и разбить там мятежников, направляющихся к Мадриду с севера. По всей стране рабочие массы, завладев тем небольшим количеством оружия, которое они смогли раздобыть, с энтузиазмом и с невиданным героизмом атаковали войска мятежников. Энтузиазм и мужество, которые проявили милиционеры с самого начала борьбы, явились неожиданными для врага и внесли смятение в его ряды. Мы продвинулись вперед по всему фронту. Отсюда наш тогдашний преувеличенный оптимизм, наш, так сказать, первородный грех. Мы думали, что фашистский мятеж будет очень скоро подавлен. Победа, одержанная в Мадриде, заставила нас думать, что то же самое будет и в других местах. Энергия, мужество и инициатива мадридских милиционеров были грандиозны. Все казармы были в их руках, точно так же, как и часть авиации. В казармах было 12–14 000 человек — солдат, гражданской гвардии и фашистов. Только часть казармы Пасифик, где имелись коммунистические ячейки и где коммунисты и социалисты были в большинстве, вместе с офицерами, имела возможность получить оружие. Таким образом мы постепенно получили до 4000 винтовок, из которых приблизительно 2800 были использованы. И вот с этим-то оружием и с револьверами в руках брали казарму за казармой, восстание в Мадриде было ликвидировано.

Военный мятеж был очень умело подготовлен. Так, например, в Мадриде у мятежников было около 45 000 винтовок в различных казармах. Как они устроили склады оружия? Например, в Ретамарес хранились патроны — только патроны; в другой казарме — только винтовки, в третьей только затворы, и таким образом, захватив винтовки, ими нельзя было пользоваться. Например, в Мадриде была взята казарма Монтанья, где были винтовки, но не было затворов, и оружие оказалось бесполезным. Пришлось тотчас же отправиться с достаточным количеством бойцов в другую казарму, чтобы ее взять, найти там недостающие затворы и т.п. После этого пришлось проделать то же самое в отношении казармы, где хранились патроны. Однако, несмотря на все это, героизм масс был так велик, что наводил страх на врага, и после нескольких часов борьбы мятежники сдавались. Совершенно ясно, что это было возможно потому, что в армии был большой разброд. Большинство солдат были с народом. Чтобы напугать их, в казармы за 2 дня до восстания были посланы фашистские шпионы в солдатской форме. Уста-

новили слезку, и как только кто-нибудь проявлял солидарность с народом, его убивали. Так было убито в одной из казарм более 200 солдат.

Как видите, мятеж готовился заранее, и были приняты все меры для того, чтобы не дать народу вооружиться. Как оказалось позднее*, оружие было распределено таким образом, что большинство попало в провинции, находившиеся на стороне реакционеров. Враг действовал по плану, выработанному заблаговременно сообща с Гитлером. Франко и Мола ездили в Германию⁸. Генерал Санхурко гостил у Гитлера за несколько месяцев до восстания, а известно, что как раз Санхурко и должен был взять на себя военное руководство мятежом. С другой стороны, монархистские генералы, друзья Гойкочоа⁹ и Альфонса XIII¹⁰ были связаны с Италией. Мятежники составили план и пытались систематически проводить его в жизнь. Помимо плана у них было единое командование. Зная, какое сопротивление они встретят в стране, они приступили к организации мятежа в Марокко, на Канарских и Балеарских островах. Там они начали с того, что стали подкупать некоторых националистических вождей. Они рассчитывали, что, завоевав эти области, они смогут вывести и Испанию. Но они руководствовались и другими соображениями: они надеялись превратить эти пункты в базы для материального снаряжения, которые они будут получать из Германии и Италии.

План их был ясен: подняв** восстание в Марокко и завладев этой территорией, они распространят движение на Севилью, Малагу и Кадикс¹¹, чтобы завладеть важными позициями в Андалузии, после чего прибрать к рукам и остальную часть страны. Для этого они намеривались перебросить в Испанию марокканские войска. Северный фронт — Памплону, Бургос и т.д. — они себе обеспечили. Они считали также несомненным, что могут положиться и на Галисию. Что касается Астурии, то ее они надеялись покорить с помощью войск, которые придут из Галисии. Оставался Мадрид, где их ждал — в этом они были уверены — сильный отпор, но они все же рассчитывали на часть армии и на быстрый подход со стороны Сиерры войск, которые будут отправлены с севера. Остальную часть страны они думали временно оставить в расчете, что когда Мадрид окажется у них в руках, это вызовет деморализацию в рядах верных правительству войск, и мятежники смогут обеспечить себе победу.

Как видите, у врага был план, который он сумел в значительной части выполнить. У правительства, к сожалению, не было единого плана контрнаступления, как не было и единого руководства движением. При такой ситуации в первый момент каждый действовал на свой риск и страх, что требовало громадной затраты сил, давая вместе с тем ничтожные результаты. Правительственный декрет о роспуске армии и призыв к солдатам восстать против начальства и перейти на сторону республики, правда, отвлек некоторую часть солдат от восставших генералов, но и дезорганизовал армию. С другой стороны, правительство

* Слова "Как оказалось позднее" вставлены от руки сверху вместо зачеркнутых.

** Слово "подняв" вписано сверху вместо зачеркнутого "развязав".

не приняло никаких предупредительных мер к тому, чтобы дать отпор подготавливавшемуся государственному перевороту и оказалось совершенно изолированным, потому что за исключением штурмовой гвардии и части гражданской гвардии, да и то не во всех местах, – вооруженные силы обанкротились. Армия, полиция, государственный аппарат – все развалилось. При такой обстановке пришлось организовать милицию. Наша партия, социалисты, профсоюзы начали создавать отряды милиции, дисциплинировать их, посылать их на фронт, но без всяких директив, без общего плана. Вот как организовалась милиция – в форме добровольческих отрядов. С другой стороны поскольку милиция не была объединена, не было и возможности контролировать, кому давалось оружие. Каждая партия и каждая группа вооружались сами как могли. Каждый старался отправиться на самый опасный участок фронта. Так например, как только в Мадриде восстание было ликвидировано, военно-фашистские мятежники попытались через Гуададррамский фронт приблизиться к Мадриду. Они подходили на расстояние 35–40 километров. Никто не думал о том, чтобы организовать оборону Мадрида. Все мысли были направлены на то, чтобы послать все силы на помощь другим.

Такое положение было почти повсюду. Так было и в Кордове. После того, как было ликвидировано восстание в Картахене, Малаге войска двинулись на Гренаду, Валенсию, Теруэль, Каталонию, Сарагосу, Бадахос и т.д. Войска посылались в провинцию. Таким-то образом создавался целый ряд фронтов. Последствия такой тактики дают себя чувствовать теперь, но тогда это делалось стихийно: в тот момент надо было разбить врага. Это было нерациональное распределение сил, каждый дрался с врагом и, поскольку не было регулярной армии, которую можно было бы бросить в тот или иной пункт, иначе поступить было невозможно.

Часто создавалось такое положение, когда мы окружали врага, но, так как мы не могли продвинуться вперед, то враг в то же время окружал нас. Он был недостаточно силен для того, чтобы выйти из своих позиций, а мы были слишком слабы, чтобы нанести решающий удар.

Как создавалась такая ситуация? Дело в следующем: мы думали, что мы достаточно сильны, чтобы своими средствами разбить испанских фашистов.

В самом деле, в начале мы перешли в наступление, взяли Альбасете, Сиуда Реаль¹² и смогли установить связь с югом и с Барселоной, а затем организовать осаду нескольких городов.

Но когда положение изменилось, когда мятежники стали получать самые современные средства вооружения, мы могли добиться только того, чтобы своим флотом не подпускать суда мятежников к испанскому побережью, не давать им перебрасывать на нашу сторону марокканские войска. Однако в один прекрасный день гидропланы Капрони, трехмоторные самолеты начали бомбардировать наши суда и перебрасывать войска по воздуху, поднимаясь на 3000 метров, чтобы ускользнуть от снарядов наших зенитных орудий. Таким-то путем каждый самолет перебрасывал в Севилью 20–25 человек, а всего было перевезе-

но 8–10 тыс. марокканцев и 10–12 тыс. легионеров. Эти войска сейчас же были посланы на фронт, получив предварительно самое современное военное снаряжение, танки, пулеметы, бронемашины и иностранные самолеты.

После этого мятежники приступили к организации колонн в Севилье и Бадахосе, т.е. именно в тех пунктах, где мы были наиболее слабы. Правда это объяснялось не только нашей слабостью в этих пунктах, но и тем, что города эти расположены неподалеку от португальской границы, откуда мятежники снабжались всем* необходимым. Например, когда они пришли в Бадахос, генерал Ягуа в перехваченной нами депеше, адресованной Франко, говорил: “попроси наших севильских друзей прислать самолеты. Что касается танков, то их мы получим от португальских друзей”. После этого моторизованные колонны, поддерживаемые авиацией, предприняли форсированный поход на Мадрид. Как защищалась здесь наша милиция? Я уже говорил, что между рабочей милицией и милицией крестьянской есть разница. Так, например, рабочая милиция не боится техники, она умеет бороться современными техническими орудиями войны, она умеет защищаться, между тем как крестьянская милиция при встрече с моторизованными колоннами, авиацией и т.п. сопротивляется очень слабо. Только тогда, когда мы стояли рядом с нею, удавалось увлечь ее в бой, но стоило ей остаться одной, как она не сопротивлялась.

Это было в связи с попыткой моторизованных колонн марокканцев и легионеров после взятия Бадахоса и Мерида направиться через Меделин к Мадриду. Против этих колонн были выставлены рабочие отряды вперемешку с крестьянскими, и они отбили врага.

Зато, когда борьба ведется небольшими группами, когда борьба носит партизанский характер, крестьяне оказываются очень сильны. Отряд из Бадахоса ожесточенно защищал Бадахос и Мерида. Это сопротивление крестьянских масс вторжению войск, состоявших в своем большинстве из марокканцев и легионеров, выбило из колеи этих палачей, которые затем жестоко отомстили, организовав массовую бойню. История не знает таких преступлений, как совершенные в Бадахосе. После боя, когда мятежники вошли в город, они стрельбой из танков очищали улицы. Затем по доносу нескольких шпионов и предателей они осматривали руки у людей, находившихся на улице, чтобы убедиться, нет ли у них на руках каких-нибудь следов от винтовки, т.е. распознать, не являются ли они милиционерами. Потом они собрали 1500 человек на площади Торос, куда они пригласили всех видных лиц города; они велели пленникам выйти вперед и перестреляли их из пулеметов. Должен сказать, что все эти зверства не деморализовали крестьян. Те, которым удалось спастись, образовали отряды и примкнули к нам.

Это показывает, что, когда крестьяне идут вместе с рабочими, они сильны. Та же колонна мятежников попыталась пробраться к Мадриду по Меделинской дороге. Мы выслали против них рабочие колонны. Частью этих сил руководил депутат Бадахоса Картан. Отряды были объ-

* Слово “всем” вставлено от руки.

единены и при участии авиации им удалось из 300 неприятельских грузовиков уничтожить 60. Мятежники были рассеяны, 300 человек было убито, 150 было взято в плен.

Отсюда видно, что в той мере, в какой мы можем противопоставить противнику свои силы, мы можем его разбить. Так, например, мятежники сделали все возможное, чтобы задержать нас в Сьерре, т.е. в горах. Там нам пришлось сосредоточить свои лучшие силы, я имею в виду коммунистов: 60% этих бойцов были либо сами партийцами, либо находились под руководством коммунистов. Это была колонна генерала Мангада, который и сам член партии. В начале борьбы на Сьерра Гуадаррама все усилия милиции были бесплодны. Невозможно было продвинуться вперед или же продвижение стоило больших жертв. Положение создалось довольно затруднительное. Враг подготовил укрепления и установил пулеметные гнезда и орудия на наилучших позициях, лишая наши войска возможности продвинуться. Но когда отряды милиции были реорганизованы, когда они прошли военное обучение и во главе стали коммунисты, социалисты и обученные республиканские милиционеры, они не только смогли устоять перед натиском врага, но даже сумели вынудить его к отступлению. Фашисты очень сильно укрепились и подготовились. Еще несколько месяцев тому назад в этих горах были устроены маневры под видом обороны Мадрида. Это была подготовка к взятию Мадрида.

Бои идут каждый день и подчас носят ожесточенный характер, но до сих пор мятежники не смогли продвинуться вперед и потерпели ряд поражений. Так, например, в одной нашей колонне на том фронте было 500 человек и 380 винтовок. Теперь в ней 5800 человек, вооружившихся за счет фашистов самыми современными боевыми средствами: пулеметами, винтовками и т.п. и даже обеспечивших себя продовольствием. Но это удастся не повсюду.

Какова тактика неприятеля в настоящий момент? Враг понимает так же, как и мы, что Мадрид – это центральный нерв всей страны. Однако, если ему удастся взять Мадрид, это не будет еще означать, что борьба в Испании закончилась, хотя это и внесет деморализацию в массы. И поэтому фашисты всеми силами стараются подойти к Мадриду. Бои, которые идут в районе Талавера де ла Реина в долине Тахо, это исторические бои в том смысле, что все завоеватели, вторгавшиеся* в Мадрид, шли этим путем. Это место является как бы воротами долины Тахо, ведущей к Мадриду. Стоит пройти Талаверу, как путь к Мадриду оказывается почти открытым и поэтому-то наши войска были сконцентрированы в Оронесе. Но у нас было недостаточно сил для того, чтобы противопоставить их врагу.

Вообще в других городах, осажденных нами, – например, в Овиедо и Кордове – неприятель не предпринимает вылазок, а укрепляется и остается в стенах города, время от времени высылая вперед несколько своих колонн, чтобы убедиться, не ослабла ли наша бдительность. Но до настоящего времени эти вылазки были безуспешны, и мятежники

* Слова “завоеватели, вторгавшиеся” вставлены от руки.

остаются в городах, сохраняя силы. Сейчас это имеет место в Сарагосе, Кордове и Овьедо.

Наоборот, из войск, доставленных на материк из Марокко — легионеров, марокканцев и т.п. — сосредоточенных в Севилье, мятежники сформировали моторизованные колонны и, оснатив их современным вооружением, отправили на фронт в те пункты, где мы всего слабее. Таким путем им удалось отрядом в 6000 штыков занять долину Тахо, прорвать фронт и заставить нас отступить на 35 километров.

По полученным недавно сведениям, нам снова удалось укрепиться, и есть много шансов на то, что мы сможем перейти в наступление.

Но так или иначе, опасность еще очень велика. В долине Тахо в настоящее время разыгрывается историческое сражение, и от его исхода может зависеть окончательная победа республиканцев или мятежников.

С другой стороны, во всех местах, где мы ведем осаду, опять-таки налицо опасность того, что наши войска могут, не скажу деморализоваться, но потерять ту боеспособность, которая необходима им в этой борьбе. Так обстоит дело вокруг тех городов, которые я только что называл. Вот почему генеральный штаб, образовавшийся после того, как было сформировано новое правительство, одним из первых вопросов выдвинул необходимость болсе рационального распределения сил, даже если при этом нужно будет оставить некоторые позиции, и чтобы одержать победу, сосредоточить огонь в других пунктах. Из этих соображений наши войска были уведены с Балеарских островов и с Майорки.

Надо также сказать, что там была устроена демонстрация итальянской национальной политики: туда были посланы 10 гидропланов Капрони, которые бомбардировали нас два дня, пока мы брали другие Балеарские острова. Что касается Майорки, то они сосредоточили здесь весь свой огонь, чтобы помешать нам занять этот остров.

Потеряв несколько сот человек, мы увезли войска в Валенсию, а затем в Мадрид, после чего они были посланы на Талаверский фронт.

Почему мы не можем продвинуться вперед в тех местах, где мы осаждаем врага? Положение таково: у нас недостаточно войск не только для того, чтобы занять эти города, но и чтобы оставить резервы вокруг городов. Почему это так? Потому что мы можем взять город, например, Кордову, но надо тотчас же послать войска в Севилью, а если у нас не будет резервов, то мы можем оказаться отрезанными. Тогда положение изменится: осажденными окажемся мы.

Откуда враг черпает свои силы? Вам, товарищи, лучше, чем нам, известно, какую помощь мятежники получают из Германии, Италии и Португалии, которая является естественной дорогой к Бадахосу. Прежде всего они помогают мятежникам самолетами. Не далее, как месяц тому назад, превосходство в смысле оснащенности авиацией было на нашей стороне, считая национальную авиацию до нескольких самолетов, полученных правительством из-за границы. Следует также отметить, что наши пилоты, несмотря ни на что, очень мужественны, очень активны. Так, например, в течение одного месяца они сбили 26 самолета

тов противника, в то время как мятежникам удалось сбить только 7–8 наших. Это показывает, что наши летчики, несмотря ни на что, дерутся довольно хорошо. Теперь на новых самолетах, как например на имеющихся у нас истребителях, они делают 280–300 и 310 километров, в то время как германские самолеты делают 380 и даже 400 километров. У врага таким образом ббльшие мобилизационные возможности. Так же обстоит и с самолетами Капрони и других систем.

В настоящее время перед нами стоит проблема: как можно скорее добыть оружие. Вопрос не только в том, чтобы добыть ТОЛЬКО оружие, а в том, чтобы получить ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ оружие. Проблемой это является потому, что до настоящего времени враг получает оружие в огромных количествах, а мы – в количестве почти ничтожном. Этот вопрос уже изучали и пытались разрешить в стране. Кое-что попытались сделать на севере, изучение возможности производить оружие в Барселоне и Мадриде, обсуждали вопрос о закупке за границей машин для производства оружия, но ясно, что это вопрос далекого будущего, а следовательно необходимо помочь Испании не только в том отношении, чтобы посылать оружие испанскому правительству, но главным образом в том смысле, чтобы помешать доставке оружия фашистам. Это очень серьезный вопрос, ибо мы нуждаемся в настоящий момент в оружии, чтобы исправить положение. Дело в том, что энтузиазм испанского народа – это не пустая фраза. Весь народ, не задумываясь, идет за правительством. Когда мы обращаемся к милиционерам* с призывом дать, например, 5 тысяч бойцов на фронт, тотчас же откликаются 50 тысяч. И повсюду происходит то же самое. У нас есть сейчас в казармах более 40 тыс. человек, несущих военную службу и проходящих военную подготовку, ожидая получения оружия. Мы даже сформировали колонны, которые должны отправиться в Андалузию и на север, но весь вопрос в оружии.

Что касается солидарности населения, то я должен сказать следующее. Крестьяне в провинциях Мурсия, Валенсия, Каталония и т.д. регулярно каждый день посылают на фронт 15–20–30 грузовиков с продовольствием. Пришлось даже издать декрет, запрещающий им посылку продовольствия, ибо иначе оно могло у них слишком скоро истощиться. По нашему мнению, все население на стороне правительства.

Энтузиазм и героизм населения огромны. Я не буду здесь рассказывать подробности, ибо этому не было бы конца. Расскажу только, как я однажды был в 5-м полку с тов. Диасом. В полк приехала мать одного павшего на фронте товарища в сопровождении жены другого товарища. Мы было подумали, что мать приехала, чтобы оплакивать павшего. Но она подошла к тов. Диасу, обняла его и сказала: “Карлино умер. Я явилась сюда не для того, чтобы плакать, я хочу на фронт вместе с моей дочерью”. Это свидетельствует об огромном героизме и преданности народа. Этим объясняется то обстоятельство, что, несмотря на все трудности, оптимизм и вера масс в победу неисчислимы. Я должен сказать, что такое настроение наблюдается не

* Слово “к милиционерам” вставлено сверху от руки.

только среди пролетариата и крестьянства, но даже среди масс мелкой буржуазии. Партия президента Асанья и он сам говорят: “Будем драться до последней возможности и мы победим”. Это еще не означает, что так оно и будет, но Асанья вместе с массами и не допускает возможности поражения.

Когда Мадрид подвергся бомбардировке, и ему угрожала газовая атака, массы дали такой же ответ, ибо ненависть к врагу велика, как велика и воля к победе.

С другой стороны, на какие силы опирается враг?

Мы пустили в обращение такую фразу: “они призвали марокканцев, потому что у них нет испанцев”. И это действительно так.

Бывают такие примеры: как только солдаты приходят с нами в соприкосновение на поле боя, где они нами были захвачены в плен, они переходят на нашу сторону.

Мятежники никогда не посылают на передовые линии солдат. Они сначала посылают марокканцев, легионеров, а потом уже солдат, окруженных фашистами с револьверами в руках. Либо же они посылают вперед разведчиков из Памплоны, людей, не знающих военного дела, но знающих методы борьбы в Испании: это охотники и фанатики. Вот пример их фанатизма: у них у самого сердца имеется татуировка, изображающая “сердце христово”. Когда их берут в плен, они говорят: “Ты со мною ничего не сделаешь, меня охраняет бог”. Они до такой степени фанатичны, что, попавши в плен, все говорят: “Это доказывает, что бог нас любит. Убей меня, но я не скажу ни слова”. Но в общем солдатские массы не с ними.

Как они применяют террористические мероприятия? Когда они замечают, что рабочие не доносят друг на друга, они берут списки профсоюзов, организаций, партии и т.п. и убивают рабочих массами. Так, например, по последним сведениям они убили в Севилье 5–6 тысяч наших товарищей и даже их жен. В Кордове такая же картина. Там секретарь нашей партии, депутат Кордовы, Гарсес, который перенес уже пытки в 1934 г., говорил, что в самые страшные моменты он “вспоминал о Димитрове”, не хотел никого выдать фашистам. Убедившись, что им не удастся у него ничего узнать, мятежники потащили его на кладбище, где лежали трупы его товарищей, а тем временем выпустили листовки, приглашая рабочих прийти посмотреть на казнь своего вождя.

Такая же вещь произошла в Саламанке с левым* социалистическим депутатом Мансо. Его привели на площадь Торос; женщины тут же сидели в ложах; на арене был инсценирован бой быков. При этом Мансо кололи кинжалами, но, не добившись от него ни слова, убили его. Я мог бы еще рассказать целый ряд таких случаев. Они вызвали в народных массах громадную ненависть. Но ненависть нашего врага к нам — это звериная ненависть, в то время как наша ненависть — классовая. Борьба становится все более ожесточенной. Это можно видеть на примере Толедо. В толедском Альказаре¹³ в течение двух с половиной ме-

* Слово “левым” вставлено от руки.

сяцев дрались винтовками и пулеметами, ручными гранатами и т.п. Но Альказар в Толсдо это старинный императорский дворец. Он расположен на горе, стены его толщиной в 5–6 метров, в нем три этажа и несколько этажей под землей. Мятежники засели в помещении военной школы. Там было немного фашистов, но также женщины и дети, а равно жены и дети наших товарищей, взятые заложниками. Мы несколько раз предлагали мятежникам выпустить женщин и детей. Мы испытали все средства, ибо с точки зрения международного убийство женщин и детей создает очень тяжелое положение. Они отказались. Тогда мы начали разрушать Альказар пушечными выстрелами камень за камнем. Бомбардировка продолжалась целый день, но к ночи они выставили пулеметы и стали нас обстреливать. Наши самолеты заставили их убраться в подвал. Жизнь в крепости стала невыносимой. В течение 5–6 дней мы старались войти с ними в переговоры, но они отвечали: “Это не ваше дело. Если у вас хватит мужества нас перебить – прикажите своей милиции”.

Расскажу теперь, какое положение в крепости. С нами был республиканец, бывший начальник Альказара. Он обратился к их чувству человечности, предлагая им выпустить женщин и детей. Ответ был один: “Нет! Если мы выдадим вам женщин и детей, вы нас уничтожите. Лучше погибнем все вместе. Если ты хочешь оказать нам услугу, пришли нам священника причаститься”.

Спустя полтора дня удалось найти священника – кстати нелегкое дело найти священника-республиканца. Его послали к ним для переговоров. Он вернулся оттуда форменным трупом. Он не похож был на себя. Он сказал: “То, что я сейчас видел, можно найти только в описании Дантова Ада. Более 200 трупов гниют непогребенными. Женщины тут же в муках рожают детей. Солдаты находятся в другом подвале. Они заперты и с ними часть мятежников, несогласных с фашистами, ибо у них идет внутренняя борьба”. Священник этот апеллировал к их чувству человечности, обещал, что их оставят в живых и отведут в иностранные посольства, если они захотят уйти. Они ответили отказом*. Такая борьба идет везде. Как только занимаешь город, приходится брать штурмом дом за домом. Так было в Уэске. Когда мы вошли в город, фашисты заперлись в казармах, в церкви, в замке (во всех этих городах есть большие феодальные замки). Они устанавливали пулеметы на колокольнях, на возвышенностях и здесь готовы были погибнуть. Такой свирепый характер борьба носит повсюду. Пленных милиционеров фашисты расстреливают. Когда им попадает в плен солдат, они его сначала допрашивают, а затем, если выясняется, что он левый, – его убивают; если он оказывается правым – ему оставляют жизнь. Пленных из гражданской гвардии не убивают никогда. Таков характер нынешней борьбы.

Прежде чем сделать общий вывод, я хотел бы остановиться на общем политическом положении и на позиции нынешнего правительства народного фронта.

* Слово “отказом” вписано от руки.

Вам уже известны, товарищи, те дискуссии, которые у нас были с анархистами и левыми социалистами по вопросу о характере революции в Испании, о движущих силах революции и о форме правительства. После 16 февраля мы, коммунисты, остались верны нашей идее народного фронта и решили укрепить левое правительство народного фронта, чтобы сохранить связь между буржуазными массами и пролетариатом, а также подорвать массовую базу фашизма. Между тем, левые социалисты, и в особенности группа Аракистайна, полутроцкиста – правда отрицающего это* – пытались поднять кампанию, иногда скрытую, иногда явную против правительства, которое, по их словам, не отражает соотношения сил, существующего в стране. В Испании, говорят они, положение не такое, как во Франции, где есть крупная мелкобуржуазная партия – радикальная партия, имеющая за собою большинство. В Испании буржуазия образует небольшие группы, но большинство в стране принадлежит коммунистам, социалистам и анархистам, а следовательно правительство должно отражать это соотношение сил.

Анархисты укрепляют свои позиции, ведут пропаганду в пользу объединения НКТ и ВРС, чтобы произвести социальную революцию.

После фашистского мятежа наша партия выпустила воззвание, в котором говорилось, что теперь больше, чем когда бы то ни было, надо сплотиться вокруг законного правительства, что все рабочие организации и партии должны образовать блок, чтобы помогать правительству, вести последовательную политику борьбы с фашизмом, ибо основной вопрос, это – ликвидация фашизма. В принципе все были с этим согласны, никто не осмелился выступить против этой позиции. Влияние партии росло с каждым днем, но на практике каждый раз, когда наша партия ставила какую-либо конкретную проблему, отвечавшую потребностям ситуации, сейчас же возникали разногласия. Так, например, спустя две недели после начала мятежа, наша партия сказала: героизм нашей милиции – вещь хорошая. Но мы должны теперь превратить народную милицию в регулярные отряды. Роздали оружие всем – это прекрасно, ибо необходимо было бороться с врагом, не было времени организоваться; но теперь необходимо организовать милицию на началах подлинной армии. Надо проверить каждого члена рабочей милиции, выяснить, какие у него способности, чтобы в случае надобности поставить его на руководящий пост. Нужна дисциплина, нужно военное руководство. Словом, мы предложили слить отряды милиции, образовать армию.

Ларго Кабальеро, не атакуя нас – ибо ясно, что не следует атаковать коммунистов, когда положение столь серьезно, – очень искусно сослался на цитату из Ленина, где говорится, что единственная гарантия республики – это оружие в руках народа. Затем он высказал такую идею: если мы создадим наемную армию, то дисциплина не удержится; нужна только сознательность, солдаты должны участвовать в борьбе

* Слово “правда отрицающего это” впечатаны сверху на машинке.

только, если это им подсказывает совесть и т.д. и т.п. И как только правительство издало декрет об образовании армии, “Кларидад”, орган левой социалистической партии, повел кампанию против этой регулярной армии.

Вербовка в армию производилась следующим образом: каждый желающий вступить в ряды армии должен быть рекомендован партией или организацией народного фронта и утвержден комиссией народного фронта. Таким образом фашисты лишались какой-либо возможности проникнуть в армию.

Вторая проблема. Мы сказали: “нельзя дальше продолжать борьбу при дезорганизованном хозяйстве”. Государство получило фабрики, землю и т.д. Теперь необходимо создать экономическую организацию, иначе все будет расхищено, и мы окажемся в затруднительном положении. Тогда группа Ларго Кабальеро ответила нам: да это правильно, надо организовать, но это должны сделать профсоюзы. Почему они взяли такую установку? Потому что они хотели польстить НКТ. На другой день вышел декрет каталонского правительства о национализации промышленности, о коллективизации земли и т.д., о рабоче-крестьянских и солдатских комитетах и т.п. Мы очень искусно боролись с этой позицией. Мы говорили, что теперь не время для таких мероприятий, что надо установить контроль над производством, а не национализировать и не социализировать его.

Левосоциалистическая группа ответила так: “мы берем пример с Каталонии”. Это был анархистский пример.

Третий вопрос – это вопрос армии вообще, проблема боевых фронтов. В то время, как наша партия, наши товарищи боролись за установление дисциплины в рядах рабочей милиции, за единое командование, за создание единого способного генерального штаба, контролирующего все силы, которые участвовали в борьбе, они нам отвечали: нет, мы создадим свою собственную милицию, свои собственные казармы и будем принимать всех без различия политических убеждений. Генеральный штаб каждый день хвалит нашу, коммунистическую, милицию за дисциплинированность и хорошую работу. Но анархисты говорят, что вопрос борьбы – это вопрос не дисциплины, а сознательности. Они говорят, что если милиция* чувствует, что надо бороться, то она должна идти на фронт, в противном случае в этом нет надобности. Так они и поступают.

Мы видели, например, колонну каталонских анархистов, прибывшую в Эстрададуру. Они получили приказ идти в бой, но отказались под тем предлогом, что они воюют только на ровной местности, после чего колонна отправилась на равнину. К счастью, враг этого не понял и не смог этим воспользоваться. Понятно, что такая система никуда не годится. Приведу другой пример: социалисты сформировали милицию имени Ларго Кабальеро и послали ее на участок фронта, занятый генералом Мангада. Колонна явилась на фронт, но не соединилась с нашими отрядами. Она получала снабжение от профсоюзов, которые доста-

* Слово “милиция” впечатано сверху на машинке.

вляли ей продовольствие, платье и т.п. Произошел бой. Наши товарищи дрались очень хорошо. Взяли 400–500 пленных, захватили 400 винтовок, пулеметы. Тогда милиция имени Ларго Кабальеро остановилась и таким образом помешала нанести на этот раз более сильный удар. Она бежала. Генерал Мангада, отличающийся вспыльчивым характером, воскликнул: я просил людей, а не зайцев.

Это снова вызвало довольно яростное выступление со стороны Ларго Кабальеро. Он сказал, что его милицию презирают. Но это был только предлог, чтобы убрать колонну с фронта.

Надо сказать, что армию построили на основе наших отрядов рабочей милиции. Весьма любопытен с точки зрения создания армии такой случай: я присутствовал на одном заседании генерального штаба милиции после поражения у Талаверы. На заседании изучалось положение на фронте в этом пункте. Здесь присутствовали товарищи коммунисты, которые до последних дней работали на предприятиях. Некоторые из них даже никогда не держали оружия в руках. Но было и несколько военных. Был сделан доклад о положении на фронте. Выступали рабочие. Тогда один лейтенант сказал: “Моя точка зрения рушится после того, как я выслушал товарищей”. Дело в том, что рабочие практически показали, как можно преградить путь к Мадриду не только со стороны Талаверы, но и со стороны Аренас де Сан Педро, пояснив, как следует распределить силы в разных пунктах. Надо сказать, что весь план был построен только на этой основе.

Как организовывались эти отряды? Я уже сказал, что колонна Мангада насчитывала в начале операции 600 человек, 380 винтовок, 1 пулемет и несколько грузовиков. Свои военные действия колонна начала с неожиданных нападений на расположения неприятеля. Тут она забирала оружие, амуницию и т.п. Мангада пользуется большой популярностью, особенно среди железнодорожников, которые создали специальный отряд железнодорожной милиции. Кроме того, они оборудовали бронепоезд, который называют “поезд-призрак”. Для этого они употребили склепанные металлические пластины в два слоя и пространство между ними заполнили цементом. Чтобы сделать поезд незаметным для врага, его замаскировали, покрасив под цвет земли и нарисовав на крыше рельсы. Поэтому самолеты ни разу не могли его заметить. Когда у них не хватало продовольствия, поезд-призрак отправляли в города, занятые неприятелем. Милиционеры разговаривали с крестьянами, делая подготовительную работу. После этого часть милиционеров выходила из поезда, а другая направляла пулеметы на фашистов. Получался большой скандал, фашисты думали, что милиционеров десятки тысяч и удирали. Тогда милиционеры забирали оружие и главным образом продовольствие, коров и т.п. Скота они набрали столько, что Мангада послал в Мадрид 180 коров, за что Мадрид был ему очень признателен.

Я спрашивал коммуниста тов. Эредиа: “Как можете вы оказывать сопротивление марокканцам, легионерами т.п.?” Он ответил: “Мы дали всем коммунистам лозунг – каждый должен оставаться на своем посту до последней минуты. Кто уйдет с поста, будет ликвидирован. В ре-

зультате мы производим впечатление огромной силы. Мы нагоняем страх* на врага, и он сдается". В этом районе у нас были очень небольшие потери.

То же самое и в отношении оружия. Мангада имеет 5000 человек, вооружившихся оружием, отобранным у врага. Они захватили более 500 противогазов. Это свидетельствует о том, что мятежники хотят применить газы. Забрано было много военного снаряжения, взяты в плен 140(?) марокканцев, и сейчас этот отряд так крепок, что Мангада смог послать часть своих сил к Талавере. Таких примеров много.

Так же действует отряд генерала Асенсио, который провел ряд блестящих операций. Асенсио – офицер-авантюрист. Он пришел в Сиерру, а до того был в Малаге, где хорошо организовал оборону и поход на Гранаду. Там находился наш депутат, коммунист Боливар, не отличающийся, правда, особенной энергичностью, но человек с тяжелым характером. Асенсио сказал ему: "У вас здесь достаточно бойцов. Я отправляюсь в Сиерру". Когда он явился на место, он спросил, где руководящие коммунисты? Найдя их, он имел с ними беседу. Он сказал им: "Послушайте, с точки зрения дисциплины я не офицер, но я хочу работать с вами". Товарищи согласились.

На этом участке Гуадаррамского фронта у нас были неудачи. Асенсио сказал: "Надо выбрать проверенных людей, для того чтобы можно было взять позиции и защищать их в любых условиях".

План этот был выполнен, и положение на Гуадаррамском фронте было улучшено на протяжении трех километров, а не надо забывать, что три километра в горной местности много значат. В результате положение коренным образом изменилось.

Другая операция была произведена в Сиерре на участке Пегеринос. Врагу удалось захватить наши укрепления и оттеснить нас на шесть километров. Тогда Асенсио снял бойцов с другого фронта, находившегося на расстоянии 500 километров. Он перебросил эти силы сюда и направился с ними в тыл неприятеля. Подойдя на 6 километров к врагу, он поджег лесную чащу, чтобы отрезать мятежникам отступление, и пошел в атаку. На следующий день были заняты эти 6 километров и удалось пройти еще на 8 километров вперед. Но опасность заключалась в том, что другой фронт был почти оголен, и если бы дело дошло до схватки с неприятелем, он мог бы прорваться. Однако Асенсио хорошо провел операцию.

После прихода к власти нового правительства Асенсио был назначен генералом. Он был послан в качестве командующего на Талаверский фронт, и надо сказать, что он организовал там защиту прекраснейшим образом и тем самым помешал врагу пройти к Мадриду. Но надо отметить, что армейских офицеров, способных приноровиться к ситуации, очень немного, и это относится также и к нашим товарищам. Почему это происходит? Потому что все военные взгляды меняются. Приходится спорить, приходится доказывать им, какой пункт надо взять в данный момент, между тем как раньше, когда они были офицерами ар-

* Слово "нагоняем страх" вписаны от руки вместо слова "мучаем".

мии, они брали солдат и прямо отправляли их туда, куда нужно. Теперь очень мало республиканских офицеров. Те из них, которые разбираются в обстановке, стараются придти к коммунистической партии. Они сразу же эволюционируют в духе того, что они называют классовой войной. Правда, из этого не следует, что больше уже нет республиканских офицеров. Но нужно сказать, что в военном отношении наши противники гораздо сильнее, особенно Франко. Мола только исполнитель, а голова – это Франко. Он недавно написал книгу, посвященную нынешней проблеме, где он говорит, что победа будет за тем, чья техника будет сильнее и кто лучше сможет ее использовать. Вопрос, говорит он, не в людях, а в технике. И эту технику он пустил в ход.

Анархисты

Кто же хорошо дерется на фронте? Всеми признано, что лучше всего дерутся коммунисты, а после них члены ВРС, т.е. организации, состоящей* опять-таки из коммунистов, а также социалистов. Социалистическая молодежь борется неважно – я имею в виду молодежь, руководимую социалистами, а не нами. Дело в том, что у мелкобуржуазных руководителей такое же понимание дисциплины, как и у анархистов. Среди анархистов есть две категории как с точки зрения политической, так и в смысле честности. С точки зрения политической есть тоже различные группы, например, Дуррути, Гарсиа Оливер, которые честно дерутся, чтобы через анархию установить коммунизм в Испании. Они обратились к трудящимся СССР с анархистским воззванием. Прочтя его, вы можете подумать, что в нем выражается одобрение политике Советского Союза. Между тем, дело обстоит как раз наоборот. Они говорят: “Вы произвели эксперимент, дайте теперь нам произвести свой опыт. Мы покажем вам, что мы установим анархо-коммунизм, не пойдя путем России”.

Эти менее опасны, ибо в ряде проблем они, несмотря на свои анархистские утопии, занимают позицию, очень близкую к нашей. По крайней мере они дерутся.

Но есть другая категория анархистов, возглавляемая Карбо, Комвина и др. и среди них не мало провокаторов, которые сознательно ставят себе целью подвести нас под поражение. Почему я говорю, что есть провокаторы? Потому что в ряды НКТ пробрались всевозможные элементы, которые ведут политику классового врага. Дело в том, что когда фашистские организации были запрещены, фашисты бросили лозунг – идите в НКТ. Арестованные нами провокаторы с членской книжкой НКТ служат этому доказательством. Мы предостерегли НКТ, которая и приняла решение проверить свои членские билеты.

Кроме того, в НКТ пошли люмпен-пролетарии и люди, не работающие 3–4 года. Контроля там никакого нет. Но, конечно, из этого не следует, что все анархисты предатели.

В первый момент все повалили на фронт. Составилась целая дивизия. Те, которые дрались на передовых линиях, плохо питались, те же,

* Слово “организации, состоящей” вписаны от руки сверху.

которые находились в тылу, крали продовольствие у крестьян. Так было, например, на Сарагосском фронте. Когда пришла первая колонна коммунистов, крестьяне говорили: “Мы с вами и мы могли бы договориться. Фашизм плох, потому что фашисты нас убивают; но когда нас обкрадывают, это тоже фашизм”.

В Барселоне анархисты ограбили не только крупных торговцев, но и мелких. Они попытались проделать то же самое в Мадриде. В первый день это удалось, на второй же день мы бросили лозунг: “Кто грабит и крадет, тот фашист, и его надо расстрелять”. Так как в рядах НКТ действительно были фашисты и один из них был расстрелян, то всем ясно стало, что фашисты использовали НКТ для своих провокаций.

Анархисты применяют неслыханные казни. Как только они кого-нибудь захватывают – буржуа или не буржуа – они его казнят, а затем отправляются к нему домой и уничтожают все имущество. Это форменный скандал.

Тогда мы образовали комиссию и сказали: “Если НКТ против актов грабежа, то давайте вместе бороться против таких насилий”. Таким путем мы восстановили население против грабителей.

На фронте анархисты дерутся очень слабо везде, за исключением Каталонии. Здесь они дерутся потому, что они хотят в Каталонии произвести свой анархо-коммунистический опыт.

Есть анархистские рабочие отряды, которые дерутся на фронте. Но большей частью анархисты любят воевать в городах, чтобы иметь возможность прогуливаться с женщинами, посещать рестораны и т.п.

Экономическое положение

В деревне мы в первый период борьбы бросили лозунг: урожай священен. Сельскохозяйственные рабочие и крестьяне должны собрать хлеб и вообще весь урожай. Под контролем комиссий народного фронта они должны получить часть продуктов, соответствующую их заработку, часть отдать своим организациям, а остальное должно быть предоставлено в распоряжение комитета по снабжению рабочей милиции, находившейся на фронте. Это было произведено повсюду.

Урожай был снят полностью, и теперь уже стоит вопрос о севе. Сев уже начался.

Должен сказать, что крупные помещики были ликвидированы на месте. Крестьяне расправились с ними на другой же день после фашистского мятежа. Часть их правда успела бежать.

Землю в общем начали обрабатывать коллективно. Это была старая установка социалистов. Впрочем среди сельскохозяйственных рабочих есть много неорганизованных. С другой стороны, среди крестьян, за исключением Валенсии, части Аликанте и Мурсии, есть уже мелкие собственники, принадлежащие к союзу.

Ясно, что арендную плату за землю никто не вносит. Сейчас как раз ставится вопрос о налогах. Случаев, когда земля остается необработанной, очень мало. Как правило, земля находится в ведении организаций – например, местных организаций союза сельхозрабочих, которые вместе с представителями муниципалитета и комитета народного фронта

образуют крестьянские комитеты. Это носит различные формы, но система в общем одна – коллективная обработка земли.

Что касается промышленных предприятий, то фабрики были почти везде, во всех городах заняты рабочими. Передо мною лежит список, из которого видно, что незанятых предприятий почти не осталось.

На заводах началась работа. Работали с тем сырьем, которое имелось в наличии. Каждое предприятие работало по собственной инициативе. Ряд заводов был превращен в военные, где вырабатываются броневики, гранаты и т.п. Анархисты выпустили 8–10 бронированных автомобилей, затем пришли в военный комитет и заявили: броневики обошлись нам в 30 тысяч песет, если вы хотите их получить, платите 30 тысяч. Им доказали, что цена этим машинам не больше 8–10 тысяч песет. Они ответили, что так-то оно так, но остальные деньги нужны им, чтобы накопить капитал для производства других предметов. Тогда им заявили: в таком случае работайте на кого хотите. Мы броневики не купим. Если вы хотите работать для правительства и под контролем правительства и рабочих, тогда пожалуйста. Фабрикой будут руководить рабочие, рабочие будут получить определенную и хорошую зарплату.

В Мадриде, отчасти в Валенсии и другом месте нам удалось создать генеральные комиссии, которые руководят производством. В эти комиссии входят представители от профсоюзов, от организаций народного фронта, от правительства, от министерства торговли и промышленности. Занятые предприятия работают под непосредственным контролем таких комиссий, которые выдают зарплату рабочим и закупают сырье.

Что касается промышленности в Каталонии, то она работает главным образом для снабжения Каталонии и Сарагосского фронта. Например, в Испании не хватает одеял и мануфактуры для обмундирования солдат, между тем как в Каталонии есть все, что нужно. В стране нет или почти нет сахара, так как весь сахар в Каталонии. Они заявляют: если вы хотите сахару, купите его на золото. Тогда правительство решило сказать анархистам так: если вам нужно сырье для ваших фабрик, для ваших заводов, то покупайте его за границей. Золото в Мадриде. Мы вам дадим его, но при условии установления правительственного контроля над производством и такой организации производства, чтобы продукция распределялась соответственно потребностям страны, а не по желанию анархистов. Некоторые анархисты на это ответили: это деспотизм со стороны мадридского правительства. Однако другие поняли, что доводы правительства правильны и что, раз фронт общий, то и работать нужно для всех его участков.

Выводы

Железные дороги находятся в руках правительства и функционируют под руководством комиссий в составе рабочих и железнодорожных служащих. То же самое и с трамваем во всех городах и с транспортом. Автомобили сменили владельцев. Что касается всех крупных* предприятий, то

* Слова “всех крупных” впечатаны сверху на машинке.

почти все они находятся в руках рабочих и служащих. Мелкой торговли это не коснулось, но анархисты снова грабили мелких торговцев.

Правительство стоит за национализацию основных отраслей промышленности, транспорта и т.п. Над другими отраслями промышленно-сти предполагается установить рабочий контроль. Так и нужно действовать. Что касается деревни, то теперь уже многие обрабатывают землю коллективно. Следовательно теперь надо развернуть кооперативное движение, проводить политику, обеспечивающую интересы мелкого собственника. Надо установить плату за сельскохозяйственные продукты, твердые цены, покончить с ненасильственными реквизициями, облегчить положение мелких крестьян и обеспечить неприкосновенность их собственности. Надо реквизировать, но платить. Нужно проводить политику, дающую гарантии крестьянской бедноте. И, наконец, в отношении экспроприации земли нет необходимости говорить об аграрной революции, но надо эту революцию проводить под лозунгом конфискации имущества мятежников, борющихся против республики. И, поскольку это относится к 95% помещиков, это уже будет равносильно разрешению вопроса.

Начинают возникать довольно значительные экономические затруднения. В хлебе пока еще нет недостатка, но ясно, что в занятой нами зоне нам в течение года понадобится 7 тыс. квинталов хлеба, ибо вообще в занятой зоне изменился жизненный уровень. Когда Асанье сказали, что расходуется слишком много хлеба, он совершенно справедливо заметил: "возможно, потому что впервые в истории Испании испанский народ не испытывает недостатка в хлебе". Милиционер получает 10 песет в день. Это выше средней поденной зарплаты рабочего, которая составляет 8 песет; кроме того член рабочей милиции получает обмундирование и питание, независимо от того, находится ли он на фронте или в казарме. Солдаты, которые дерутся вместе с рабочей милицией, получают столько же. Мы были против такой высокой платы, ибо она чрезмерна: раньше солдаты получали 50 сантимов, а теперь 10 песет. Ясно, что здесь немного переборщили, и это может вызвать серьезные осложнения.

Что касается экономической политики нового правительства, то существует план увеличения посевной площади. Она уже несколько увеличилась в Каталонии, Аликанте и т.п. Есть еще довольно большие запасы риса в Валенсии. Можно также увеличить и производство риса. Но так или иначе, некоторых продуктов уже не хватает: очень мало мяса, сахара, и их надо ввозить из-за границы. Мятежники до сих пор испытывают несколько меньшие затруднения, чем мы, потому что в занятой ими зоне были запасы хлеба и есть много мяса. Кроме того, населению в занятой мятежниками зоне дают очень мало продовольствия, и речь там идет только о снабжении армии. Что касается заработной платы, то она там невероятно снижена. Я читал фашистскую газету "Эль Кастельяно", где фашистская организация протестует, заявляя, что при таком снижении зарплаты невозможно завоевать рабочих. А ведь здесь речь идет о рабочих, более или менее близких диктаторскому режиму. Остальные же рабочие у них просто голодают.

Перехожу теперь к вопросу о правительстве. Вы знаете, товарищи, какова была наша позиция раньше: в Испании сейчас происходит буржуазно-демократическая революция как по внешним проявлениям, так и по внутреннему содержанию. Именно поэтому мы поддерживали правительство Хиралья, которое провело некоторые реформы. Нашей целью было укрепить и поддержать елико возможно это правительство. Позиция социалистов была совершенно иной. Они стояли на старой точке зрения. Некоторые из них действительно были убеждены, что это с нашей стороны маневр. Они говорили, что буржуазно-демократическая революция в Испании закончена и что надо перейти к социальной революции. Они выдвигали лозунги, направленные против левореспубликанского правительства.

С самого начала борьбы правительство прислушивалось к нашим советам, всегда разделяло наши установки в вопросе об экономической и политической жизни страны, соглашалось на образование всех комиссий, создания которых мы требовали, ничего не предпринимало, не посоветовавшись с нашей партией и другими партиями народного фронта. Коммунистическая партия занимала в отношении правительства лояльную позицию.

Партия Ларго Кабальеро

Я объяснил уже позицию партии Ларго Кабальеро в вопросе о предприятиях. Но есть факт еще более серьезный. Кабальеро сказал: мы всегда согласны с Прието и т.д. Прието всегда был согласен с нами в вопросе о наших отношениях с республиканцами. Но решающим фактором было то, что наши дискуссии до 17 июля это были дискуссии между невооруженными людьми. Можно было, конечно, составить резолюцию и т.д. Но, когда каждый из нас был уже вооружен, дискуссия приняла совершенно другой характер. Я упомянул об этом потому, что идея отказа от формирования единой милиции преследовала политическую цель. Партия Ларго Кабальеро опиралась на свои отряды милиции в проведении своей политики и она начала кампанию дискредитации политики правительства и военной политики.

Положение после мятежа было такое: лучшие офицерские кадры остались в рядах мятежников. Но у нас были республиканцы более или менее талантливые и тесно связанные с социалистами и коммунистами.

Республиканцы были профессионалами военными, которые хорошо умеют руководить армией, но плохо отдавали себе отчет в вопросе об отношениях между рабочими и крестьянами.

Кроме того были враги и в наших собственных рядах, которые производили операции не в наших интересах, а с целью попытаться перейти к врагу. Мы сказали тогда: нужно создать комиссии на фронте из представителей различных партий с целью контролировать все происходящее на фронте. Надо прислушаться к тому, что говорят члены нашей милиции, солдаты. Таким путем можно будет отобрать из них наиболее способных, устранить бездарных. Можно будет двигаться вперед.

Тогда левые социалисты ответили нам на это: "Зачем это? Мы не хотим терять времни на подобные дела. Этот вопрос касается правитель-

ства. Здесь речь не идет о том, чтобы поднять дух армии или изменить ситуацию. Все офицеры предатели. Одна только милиция чего-нибудь да стоит". И они начали рассыпать похвалу по адресу отрядов милиции. Всякий раз, когда мы терпели поражение, — а мы иногда продвигались вперед, иногда отступали, — они использовали положение, чтобы сказать рабочей милиции: "Конечно, так оно и должно было случиться, раз борьба идет в таких условиях, когда правительство ничего не стоит, офицеры бездарные и предатели. Ясно, что поражение неизбежно". Таким образом началась деморализация армии. Мы, коммунисты, пытались исправить это зло. Повсюду мы ставили в пример колонну Мангада, колонну Галан, дисциплинированных и не знающих поражений. Но, конечно, пропаганда Кабальеро и др. действовала деморализующим образом. Мы сказали своим отрядам: "Есть среди офицерства бесталанные, есть и предатели, но нельзя сказать, что таковы все офицеры. Наконец, если вы хотите, приставьте к ним политкомиссаров. Но если мы ликвидируем всех офицеров, если мы останемся только со своими отрядами рабочей милиции, то это кончится верным поражением, потому что у нас нет опыта". С Кабальеро у нас были очень продолжительные и яростные дискуссии: "Вы гораздо ближе к Прието, чем ко мне, — говорил он. — Вы и с левыми социалистами произвели маневр. Вы, коммунисты, становитесь большой партией, вы растете за наш счет. Это свидетельствует о том, что вы проводите политику, противоположную нашей". Потом он сказал: "Вы плететесь в хвосте у буржуазии. Как можно поддерживать левореспубликанское правительство?" И тут он стал развивать всю свою старую концепцию. На это мы сказали ему: "Это ваше мнение или мнение Аракис-таина?" Вначале он ответил нет, а затем сказал: "Да, я хочу покончить с этим положением". Мы сказали тогда: "Согласны вы образовать комиссии при правительстве?" — "Да". После этого мы отправились спросить мнение правительства. Правительство согласилось с нами, потому что оно поняло, куда мы идем. Я должен сказать, что ВКТ и НКТ вначале конфисковали все транспортные средства, заявляя: "Если правительство хочет иметь транспортные средства, оно должно требовать их у профсоюзов". После этого они конфисковали склады бензина и нефти. Одновременно с этим в Мадрид прибыла комиссия НКТ, чтобы договориться с социалистами о революционном альянсе.

Это означало, что Ларго Кабальеро ищет поддержки анархистов, чтобы оказать давление на нашу партию и создать у нас затруднительное положение, но это еще не самое серьезное.

Поражение у Талаверы было неизбежно. Почему мы потерпели его?

Во-первых. Моральное состояние рабочей милиции было весьма подавленное в результате пропаганды Кабальеро и деморализующего влияния других. Кабальеро каждый день ездил на фронт. Он человек очень методичный. Он разговаривал там с людьми и говорил: "Да, дела идут плохо, потому что правительство не проявляет никакой энергии. Так дальше продолжаться не может".

Во-вторых. Среди военных приказаний командования были неправильные. Так например, мы стояли у Оропеза. Это ключ к долине Тахо.

Здесь можно было защищаться с 3-4.000 людей. В это время подошли неприятельские колонны сильно механизированные, 7 крупных самолетов и 4 истребителя, которые начали бомбардировать нашу позицию. Два часа спустя наши самолеты сбили часть неприятельских самолетов. Но никакого приказа двигаться вперед не поступало. Отряды начали отступать под предлогом сильной жажды, и таким образом они отступили на 8-10 км. Увидев это, мы выслали вперед наши ударные отряды. Среди них находился наш товарищ Перес, который был представителем коммунистической испанской молодежи в КИМ и вождем колонны им. Пассионарии. Эти отряды должны были занять неприятельские позиции и приостановить наступление врага. В этот момент неприятель снова предпринял наступление, и вместо того, чтобы отдать здесь приказание: сопротивляться, кликнули клич, спасайся, кто может. Наша маленькая группка долго держалась, но в конце концов была полностью уничтожена. Неприятель же продвинулся на 65 км. В этот же вечер Мадрид подвергся воздушной бомбардировке. Как раз утром на следующий день к нам зашел один из руководителей социалистов и сказал нам: "Положение отчаянное. Надо поговорить с Кабальеро. Фашисты будут в Мадриде через 2-3 дня. Все это происходит потому, что народ не доверяет правительству. Отсюда вывод - надо организовать новое правительство, которое пользовалось бы доверием масс".

Мы спросили его: "Какое правительство? Мы согласны поддержать какое угодно правительство, которое пользовалось бы авторитетом и доверием широких масс". На что этот социалист ответил нам: "Какое же по-вашему правительство должно быть?". Мы сказали: широкое республиканское правительство. Правительство как можно более тесно связанное с Прието и Кабальеро, как с социалистами. Поговорили о Кабальеро. Он сказал, что он думал уже об этом и что он согласен взять на себя историческую ответственность руководить страной в столь трудный момент. Но он требует социалистического большинства и допускает в виде уступки вхождение Прието в правительство. Прието проводил свою линию. Он был полностью согласен с коммунистами. Он считал, что наша политическая линия правильна и был согласен взять какое угодно министерство и даже остаться вне министерства, только бы Кабальеро не был поставлен во главе правительства. "Скажу вам откровенно, - добавил Прието, - при нынешней ситуации ничего сделать нельзя. Я знаю Кабальеро, это упрямый человек. И если не дать ему правительство, он будет саботировать, он заключит союз с НКТ. Поэтому я и прошу вас принять участие в правительстве, поэтому я согласен участвовать в нем сам".

Я должен сказать еще одно: республиканцы также требовали присутствия коммунистов в правительстве. Они сказали, что их присутствие будет гарантией, ибо позиция коммунистов правильна. Мы настаивали на своем. В 3 часа Вайо нас вызвал в правительство: приходите тотчас же, случилось нечто экстраординарное. Товарищ, находившийся у нас, отправился в правительство вместе с руководителями рабочей милиции и социалистами, а также с руководителем республиканцев, Аракистаином и др. Ларго Кабальеро сказал им:

“Необходимо нынешнее положение изменить. Если не создадим нового правительства, фашисты завтра будут в Мадриде. Мы идем сейчас силой забирать в свои руки правительство”. Следует сказать, что за день до этого 25 000 рабочих милиции были уведены с фронта под предлогом посылки на другой фронт. Однако эти отряды оставались в Мадриде. Было ясно, что если еще один день не будет сформировано правительство, деморализация отрядов достигнет такой степени, что фашистам легко будет оказаться победителями. Ларго Кабальеро пользовался поддержкой профсоюзов. Все понимали, что наступил критический момент, и никто не видел выхода из положения. Что происходит, спрашивали все. На следующее утро левые социалисты пришли к нам, мы сказали им: “То, что вы сделали, это политический шантаж, это подлость. Но теперь положение иное. И если до сих пор вы ставили нам условия, то теперь мы будем ставить их вам. Вы требуете трех левых социалистов и трех представителей центра. Мы требуем, чтобы в правительство вошел Хираль, один националист, один каталонец для связи с Каталонией, чтобы вместо трех республиканцев было 5 левых республиканцев, и для нас, коммунистов, пост министра без портфеля, чтобы демонстрировать наше единение”. На эти предложения нам ответили отказом. “Конечно, — говорили нам, — вы остаетесь вне правительства, чтобы не компрометировать себя. Нет, вы войдете в правительство, и мы либо вместе победим, либо вместе умрем”.

Это был политический шантаж. Конечно, налицо были объективные противоречия. Армия была уже не та, что раньше, ибо на фронте было большинство рабочих и крестьян. Коммунистическая партия стала массовой партией. Коммунистическая партия и профсоюзы показали в Каталонии пример единства. Верно также и то, что коммунистическая партия Каталонии, это партия без центрального нерва. Но объединенная социалистическая и коммунистическая партии там насчитывают уже 24 000 членов, а ВРС — 31 тысячу. Почему это произошло? Потому, что массы начали понимать правильность нашей политики. Однако несмотря на это, существовали анархистские террористические группы, которые старались терроризировать трудящихся. Однако вернемся к прежнему вопросу. Профсоюзы ВРС чрезвычайно выросли. Коммунистическая партия стала массовой. Социалисты пользовались огромным влиянием в массах. Партия Асаньи потерпела крах. Это не была организованная партия. Она была сильна лишь личным влиянием Асаньи. Я должен сказать, что сам Асанья — это честнейший человек из всей его группы, сознательно идущий с нами. Он согласен не со всеми нашими мероприятиями, даже самыми глубокими. Но он убежден, что против фашизма можно применять все.

Однако факт тот, что группа Асаньи уменьшилась, а также и группа Мартинес Баррио. Именно поэтому правительство должно было связаться с силами страны.

Новое правительство было с энтузиазмом встречено массами. Этого факта отрицать нельзя. Это встретило отклик и на фронте. Нужны были люди для талаверского фронта. Правительство бросило клич и

уже собрало более 15 тыс. человек. Каждая провинция посылала своих людей – Валенсия, Каталония и др. Даже социалистам удалось собрать силы, чтобы послать на Талаверский фронт.

Что касается международных отношений, то мы вначале, не зная внешнего положения, думали, что правительство Кабальеро производит очень неблагоприятное впечатление за границей. Но: согласно полученным недавно сведениям, за исключением некоторых протестов в отдельных органах печати, различные представители правительств, кроме, разумеется, фашистов, встретили новое правительство неплохо. Так, например, новый посол Англии, надеясь на то, что правительство обеспечит внутренний порядок, сказал: “Мы хотим защиты порядка. До настоящего времени у вас царил хаос; если вам удастся установить порядок в стране, даже социалистический порядок, наше правительство не будет возражать против вас. Но если вы этого порядка не установите, дело не пойдет”. Может быть это маневр, но во всяком случае английская пресса улучшила свое отношение.

Выводы

Каково же сейчас положение в Испании. В начале своего доклада я говорил о нашем первородном грехе – оптимизме. Мы думали своими силами, при поддержке масс с первых же дней мятежа занять позиции, продвинуться по всему фронту, разбить врага и сосредоточить свое внимание на нескольких решающих пунктах, как Овиедо, Кордова, Уэска, взять часть позиций и удержать их. В начале мятежа соотношение вооруженных сил было такое. У врага было больше танков, чем у нас. Но у него не было ни боевого духа, ни такой возможности вооружить своих людей, как у нас. В отношении реакции некоторое превосходство имели мы. Летчики делали чудеса и внезапные смелые налеты. Мы не рассчитывали, что враг может получить оружие из-за границы. И хотя нас это не особенно застало врасплох, однако, это было больше того, что мы могли ожидать. Я должен откровенно сказать, что я ожидал не-что большего со стороны Франции, ибо было ясно, что эта борьба против народного фронта, против испанской республики и что борьба отразится на положении Франции. В интересах самой Франции было помочь нам, но конечно не в интересах Леона Блюма. Если он хочет спасти свое положение в нынешних условиях, он по меньшей мере должен оказать нам помощь в этой борьбе. Скажу открыто свое мнение. Я думал, что он придумал свою форму нейтралитета, чтобы помочь нам другими путями, не такими, какими фашисты помогали мятежникам. Гитлер и Муссолини оказали свою помощь тотчас же. В течение 5–6–7 дней мятежники получили автомобили, самолеты, бомбы и др. военные материалы, и уже спустя неделю они могли начать наступление в различных пунктах. Между тем как Франция, на которую, надо признать, правительство возлагало большие надежды, не только не оказала нам помощи, но помешала нам перевезти военные снаряжения с каталонской границы к баскской границе, где у нас были вагоны, оружие и снаряды еще за три дня до падения Ируна, и нам не дали возможности их доставить.

Некоторые товарищи говорили здесь о недостатках. Недочеты есть на всех фронтах. Но если бы у нас было оружие и снаряды, Ирун не пал бы. Мы говорили уже, что надеялись все ликвидировать очень скоро, потому что возлагали надежды только на собственные силы. Это верно.

Я должен сказать, что необходимо несколько поторопиться с международной солидарностью и не только в произнесении речей, а в нечто более конкретном. Я говорил здесь уже, что вопрос не идет столько о помощи, сколько о том, чтобы сделать все возможное, чтобы помешать нашим врагам получать оружие из-за границы. Мы думаем, что борьба будет продолжительной. Мы пытались начать производить военные материалы у себя в стране. Некоторые предприятия производят оружие и бомбы. Но два таких предприятия наиболее значительных находятся в руках врага, – у нас ни одного. Мы начали организовывать производство оружия несколько кустарным способом. Мы стараемся получить несколько машин за границей.

Партия сказала: “Нужно, чтобы мы вышли из положения собственными силами”. И никогда она не говорила: “Вот в том-то и том-то надейтесь на помощь из-за границы”. Но надо произвести чудеса организации, ибо теперь мы не получаем никакой помощи из-за границы. Все же я считаю, что если помощь фашистам будет продолжаться не такими темпами, как прежде, если удастся осуществить программу правительства, которая уже начала проводиться в жизнь: единое руководство операциями, единое командование, перемещение войск с одного фронта на другой, – фашизм в Испании можно будет разбить. Положение трудное, но не следует забывать, что на территориях, занятых нами, массы за нас, что население понимает характер борьбы. Оно знает, что это борьба не на жизнь, а на смерть, что вопрос стоит так: либо они, либо мы. Надо сказать, что несмотря на невысокий политический уровень испанского пролетариата, он прекрасно понимает политическое положение и важность международной солидарности. И каждый крестьянин, каждый рабочий, который выражает сожаление по поводу отсутствия помощи из-за границы, говорят: ведь мы боремся не только для себя, но и за международную демократию. Мы знаем, что если Испания потерпит поражение, борьба вспыхнет во всей Европе. Говорят о возможности вмешательства. Это возможно. Но пусть оно придет в тот момент, когда оно усилит нас, борющихся пролетариев, когда наш пример послужит образцом для других стран, в особенности для Франции. И если фашизм начнет войну, мы со своим энтузиазмом будем иметь больше шансов на победу, чем какими-нибудь другими путями.

Вверху документа штамп: “Возвратить через 7 дней”.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 270. Л. 13–51.

Подлинник, машинопись, рус. яз., перевод с фр.

¹ Кальво Сотело Х. (1893–1936) – политик и экономист, был министром финансов при Примо ди Ривера (1925–1930). В 1933 г. был избран депутатом кортесов. Основатель и лидер правого “национального блока” (1934), провозгласившего своим идеалом “новое интегральное государство” как альтернативу

- парламентско-конституционной системы. Его убийство 13 июля 1936 г. стало прологом гражданской войны.
- ² Хиль Роблес Х.-М. (1898–1980) – лидер Испанской конфедерации автономных правых (СЭДА), военный министр (1935), 16 июня 1936 г. на открытии кортесов заявил: “Сегодня Испания во власти анархии”, возложив таким образом вину на левых – КПИ и ИСРП.
 - ³ Касарес Кирога С. (1884–1950) – возглавил правительство в мае 1936. Социалисты отказались войти в правительство.
 - ⁴ Годел Люис М. – генерал, участник мятежа Санхурко (август 1932), близкий к Франко человек со времен пребывания в Марокко, был одним из руководителей мятежа. Арестован в Барселоне 18 июля 1936 г. и расстрелян по приговору суда в августе 1936 г.
 - ⁵ Провинция Овиедо – так в тексте. Правильно: Овиедо – столица провинции Астурия.
 - ⁶ Мартинес Баррио Д. (1883–1936) – председатель кортесов (май 1936). Сформированное им 19 июля правительство просуществовало несколько часов.
 - ⁷ Хираль Х. (1879–1962) – вместе с М. Асанья основал партию “Республиканское действие”, впоследствии переименованную в “Республиканскую левую”, стал главой правительства вечером 19 июля 1936 г., отдал приказ всем губернаторам раздать оружие рабочим организациям.
 - ⁸ Франко и Мола не ездили в Германию.
 - ⁹ Гойкочоа – так в тексте. Правильно: Гоикочеа А. – основатель и лидер монархической “Реновасьон Эспаньола”; входил в “Национальный батальон” Кальво Сотело.
 - ¹⁰ Альфонс XIII (1886–1941) – король Испании. После провозглашения республики 14 апреля 1931 г. покинул страну.
 - ¹¹ Кадикс – так в тексте. Правильно: Кадис.
 - ¹² Сиуда Реаль – так в тексте. Правильно: Сиудад Реаль.
 - ¹³ Альказар – так в тексте. Правильно: Алькасар. В нем помещалось пехотное училище, которое окончил Франко.

№ 36

Решения Секретариата ИККИ о кампании в защиту Испании

11 октября 1936 г.

Сов[ершенно] секретно.

1. Организовать в самой Испании популяризацию международной кампании помощи Испанской республике.

а) Ежедневно посылать в Испанию информационный материал о кампании помощи.

б) Информация должна проводиться главным образом через бюллетень “Зюдвест”.

в) Ответственный Мировой комитет.

2. Созвать в конце октября в Париже Всеевропейскую женскую конференцию для организации практической помощи испанским детям, женщинам и семьям.

а) Эта конференция должна носить как можно более широкий характер, причем инициатива должна исходить от представителей Мирового женского комитета, Женской лиги борьбы за мир и свободу, Жен-

ского комитета по разоружению, женских кооперативных организаций и по возможности от женских христианских организаций и от таких лиц, как Малатер-Селье, Корбет-Эшби, Анна Линдхаген, Эллен Хэруп, г-жа Рагац и др.

б) Конференция должна быть посвящена организации практической помощи.

в) Ответств[енный] Мировой комитет.

г) Надо дать соответствующие директивы коммунистическим партиям.

3. Оказать давление на Лигу наций¹ и на Лондонский комитет по вопросам невмешательства² в дела Испании.

а) Организовать посылку резолюций, телеграмм и делегаций из важнейших стран Лиге наций и Лондонскому комитету с требованием пересмотра политики невмешательства в дела Испании на основе нарушения нейтралитета Гитлером, Муссолини и Португалией, выступающими против испанского правительства. В особенности мобилизовать общественное мнение Англии, и прежде всего организовать давление со стороны средних слоев, профсоюзных масс и левых партий.

б) Создать профсоюзную комиссию Брюссельского конгресса мира при содействии Жуо³ и Мертенса и по договоренности с лордом Сесилем, дабы организовать прекращение перевозок для испанских мятежников, выдвинуть требования о свободе перевозок для испанского правительства и о помощи испанскому народу со стороны профсоюзного движения всех стран. Одновременно организовать давление профсоюзных организаций на Лигу наций и Лондонский комитет.

в) Использовать советскую ноту комитету по вопросам невмешательства для проведения серьезнейшей кампании в массах социал-демократов и профессионально организованных рабочих и среди всех трудящихся, особенно в тех странах, где социал-демократия участвует в правительстве, чтобы заставить правительства этих стран отказаться от своей прежней позиции в вопросе о невмешательстве, и эффективно поддержать мадридское правительство.

г) Послать коммунистическим партиям соответствующие директивы.

4. Брошюры.

а) выпустить в ускоренном порядке массовым тиражом: Речь Дель Вайо с выводами Лондонской следственной комиссии, речь Осиро и Гильярдо⁴ и речь Литвинова⁵ с нотой советского правительства Лондонскому комитету. Они должны быть изданы отдельными брошюрами и на нескольких языках.

б) Издать материал Лондонской следственной комиссии о нарушении нейтралитета фашистскими правительствами.

в) Опубликовать на нескольких языках "Красную Книгу" о злодеяниях испанских фашистов. Постараться достигнуть ускоренного опубликования испанским министерством иностранных дел, а если это представит затруднения, то министерством народного просвещения.

г) Ответств[енный] Мировой комитет.

5. Интерpellации в парламентах и обращения к правительствам.

а) Мобилизация буржуазных и соц[иал]-демократических парламентских деятелей, с тем, чтобы они, основываясь на материалах испанского правительства и Лондонской следственной комиссии, обращались к министрам иностранных дел в парламентах с запросами в смысле сохранения права свободной торговли за испанским правительством и с протестами против продажи испанским фашистам.

б) Провести это в Англии, Франции, Чехословакии, Голландии, Швейцарии, Бельгии, Швеции, США и Аргентине.

в) Дать соответствующим компартиям директивы по мобилизации их сил в парламентах.

г) Ответственным за кампанию в парламентах является Мировой комитет.

6. Выступления дипломатического порядка.

а) Склонить Дель Вайо⁶ к тому, чтобы он при помощи меморандума испанского морского министерства заявил протест против присутствия германских и итальянских военных кораблей в испанских портах и испанских водах.

б) Используя этот акт, но и независимо от него, развернуть вокруг этого вопроса кампанию в печати (главным образом буржуазной) во всех странах.

в) Склонить Общества друзей Лиги наций в ряде стран обратиться к лорду Сесилю с предложением о том, чтобы он от имени этих обществ предъявил к Лиге наций и к комитету по вопросам невмешательства требование об уходе германских и итальянских судов из Испании на том основании, что они представляют постоянную опасность войны.

г) В этой кампании конкретно выявить провокационную и шпионскую работу этих военных кораблей.

д) Через буржуазную прессу в Англии, Франции и др[угих] странах обратить внимание общественности на систематическое нарушение танжерским комитетом международного статута Танжера и на нарушение статута Марокко испанским фашизмом и его агентами в испанском и французском Марокко.

7. II Интернационал и Международное объединение профсоюзов⁷.

а) После запроса тов. Димитрова склонить партии испанского народного фронта или социалистическую партию и ВКТ Испании обратиться ко II Интернационалу⁸, МОП⁹ и КИ с просьбой немедленно созвать международную конференцию интернациональных рабочих организаций и организаций важнейших стран для организации практической помощи испанской республике в прекращении снабжения мятежников военными и иными материалами из других стран.

б) Такая конференция должна быть по возможности проведена в Испании.

в) Дать компартии соответствующие директивы.

8. Посылка испанских делегаций в Америку.

а) Добиться командирования Марселино Доминго¹⁰ в Юж. Америку в качестве официального представителя правительства.

б) Соответственно договоренности Мак Лауда в Мадриде добиться посылки в США и Канаду официальной правительственной делегации в

составе 2–3 лиц. Обеспечить официальное приглашение в США этой делегации рядом организаций.

в) Ответств[енный] Мировой комитет.

9. Франко-испанская граница.

а) Предпринять во французских правительственных кругах соответствующие шаги и поставить также в левой прессе вопрос об очистке французских пограничных областей от испанских фашистских шпионов и контрабандистов и о высылке из Франции испанских фашистов, связанных с французскими фашистскими организациями и вмешивающихся во французскую политику.

10. Внутреннее руководство кампании.

Тройка в Париже: Торез, Поллит, Мюнценберг¹¹.

11. Секретариат поручает гг. Мануильскому, Эрколи и Марти предпринять все организационные и персональные меры для проведения в жизнь настоящих решений.

Вверху документа штамп: “Утверждено на засед. секретариата от 10.X.1936. Протокол № 80”. “Original deutsch”. “Окончательный текст”.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 262. Л. 106–108.

Подлинник, машинопись, рус. яз., перевод с нем.

- ¹ Лига наций – международная организация, учрежденная в 1919 г. и имевшая целью развитие сотрудничества между народами и гарантию мира и безопасности. СССР вступил в Лигу наций в 1934 г. СССР представлял в Лиге посол в Лондоне И.М. Майский.
- ² Лондонский комитет по невмешательству в испанские дела (1936–1939) – международный орган для наблюдения за выполнением принятого в августе 1936 г. соглашения 27 европейских стран о запрещении ввоза оружия в Испанию.
- ³ Жуо Л. (1879–1954) – в 1909–1940 гг. и в 1945–1947 гг. лидер Всеобщей конфедерации труда Франции.
- ⁴ Осиро и Гальярдо – так в тексте. Правильно: А. Оссорио и Гальярдо (1873–1946) – гражданский губернатор Барселоны, председатель коллегии адвокатов Испании (1930), депутат Учредительных кортесов (1931), участник событий 1934 г. в Каталонии, министр правительства республики в изгнании.
- ⁵ Литвинов М.М. (настоящая фамилия и имя Валлах Макс) – с 1921 г. заместитель, а в 1930–1939 гг. нарком иностранных дел.
- ⁶ Дель Вайо – так в тексте. Правильно: Альварес дель Вайо.
- ⁷ Международное объединение профсоюзов – так в тексте. Правильно: Международная федерация профсоюзов (1919–1945).
- ⁸ II Интернационал – так в тексте. Правильно: Социалистический Интернационал (1923–1939), возобновил свою деятельность в 1951 г.
- ⁹ МОП – так в тексте. Правильно: МОПР – Международная организация помощи борцам революции (1922–1939).
- ¹⁰ Доминго М. (1884–1939) – один из основателей Радикал-социалистической партии Испании (1929–1929), министр народного образования, сельского хозяйства и торговли (1931–1933), избран депутатом кортесов 16 февраля 1936 г. по списку Народного фронта.
- ¹¹ Мюнценберг В. (1899–1940) – возглавлял Международную рабочую помощь (Межрабпом), основанную в 1921 г.

*Доклад тов. Андре Марти на заседании Секретариата ИККИ
о положении в Испании*

11 октября 1936 г.

Секретно.

В своем докладе я коснусь трех моментов: политической обстановки в стране, военного положения, а также ближайших перспектив.

1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Из Мадрида я выехал 2 октября, в момент очень напряженного политического положения в стране и на фронте.

Созданное 3 сентября правительство Кабальеро¹ было встречено с огромным энтузиазмом в тылу и на фронте. Сейчас это правительство почти так же дискредитировано, как в свое время правительство Хиралья. Правительство теряет свой авторитет также и в силу того, что оно не сумело добиться* никакого изменения в деле снабжения страны. В Мадриде, несмотря на то, что он сохраняет связь с наиболее богатыми областями Левана², недостает сахара, молока, кофе, картофеля, фасоли.

Правительство теряет свой авторитет в силу того, что оно проявляет слабость перед анархистами, разрушающими своими экспериментами производство. К этому нужно добавить тягостное впечатление у населения от военных поражений.

Прорыв под Талавера привел в свое время к падению правительства Хиралья. Теперь же положение на фронтах ухудшилось. В последние дни сентября пал Торикос, произошла сдача Толедо. 9 октября противник захватил два важных пункта – Навальпераль и Санто Крус де Тетамарре. Падение Толедо посеяло панику в Мадриде. Население было уверено, что враг через несколько часов вступит в столицу. И, если бы в этот момент фашисты бросили на Мадрид колонну бронированных автомобилей и отряд кавалерии, город мог быть взят ими без боя.

А) СЛАБОСТЬ И НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА

В правительстве Кабальеро не прекращаются внутренние раздоры. Кабальеро – это тип плохого профсоюзного бюрократа. Несомненно, Прието способный человек, но он весь поглощен мыслью о том, как бы напасть на своего “друга” Кабальеро. Газеты “Кларидад” (орган Кабальеро) и “Эль Сосиалиста” (орган Прието) изощряются во взаимных нападках. Остальные министры плывут по течению. Лишь оба коммунистических министра употребляют все усилия, чтобы спаять правительство на основе конкретных предложений, направленных к укреплению борьбы против фашизма. К сожалению, эти предложения, из-за противодействия Кабальеро, большей частью отвергаются, а если даже

* Слова “Правительство теряет свой авторитет также и в силу того, что оно не сумело добиться” вписаны от руки вместо слов “Причина этого кроется в том, что во-первых не наступило”.

и принимаются, то не проводятся в жизнь. Серьезный и полезный человек в министерстве – это левый республиканец Хуст (министр общественных работ). Очень энергичный человек – министр внутренних дел (социалист из группы Кабальеро). Ясные и правильные установки бывают всегда у министра иностранных дел Дель Вайо. Но методы работы этих людей чрезвычайно примитивны. Прието, министр по морским делам и авиации, выполняет сам всю техническую работу в министерстве: он звонит по телефону в различные учреждения, диктует машинисткам, разыскивает людей, – а это один из лучших организаторов.

В здание военного министерства может бесконтрольно и беспрепятственно входить кто угодно. В приемной министерства постоянная толчея: офицеры, командиры милиции, профсоюзные работники обсуждают здесь всякие, подчас весьма секретные дела. Тут же сотрудники министерства диктуют машинисткам. Секретарь министра, ведающий приемом – не военный, а профсоюзный работник. Сборщицы МОПР входят в кабинет министра без разрешения. Понятно, такая обстановка не ограждает безопасности министра и интересов его работы. И тот факт, что работы по укреплению Мадрида были возложены на министерство общественных работ под руководством Хуста, а не на военное министерство во главе с Кабальеро, мы все приняли с удовлетворением.

Президент Республики Асанья отдает себе полный отчет во всей обстановке, но власть его ограничена законом, а он человек, который никогда не позволит себе сойти с законной почвы.

Такова в кратких чертах характеристика работы правительства, которое не сумело использовать энтузиазм масс и создать подлинное антифашистское единство. Одна из причин этого разброда заключается, по моему, в том, что до сих пор массам не дали ответа на вопрос: за что же ведется борьба. Правительство говорит, что целью борьбы является победа над фашизмом. Такая формулировка может объединить все революционные элементы, но она оставляет в стороне остальную массу. С моей точки зрения такая формулировка недостаточна.

Б) О ПОЛОЖЕНИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АППАРАТЕ

Государственный аппарат либо уничтожен, либо парализован. В лучшем случае он не пользуется никаким авторитетом. Измена имеет место на каждом шагу. Совершенно очевидно, например, что губернаторы провинции и высшие кадры офицерства нас предают.

Так гражданский и военный губернаторы Малаги пришли к заключению, что для защиты города от врага необходимо подтянуть все войска возможно ближе к городу. Таким образом, они оставляют незащищенными все возвышенные места и дают возможность врагу отрезать пути в город. С самого начала фашистского мятежа рабочие организации Малаги просили правительство сместить обоих губернаторов, но ни Хираль, ни Кабальеро не согласились с этим требованием. В результате оба эти вредителя, не имеющие никакого авторитета среди населения, срывают защиту города.

Губернатор Валенсии разрешил “стальной колонне” анархистов, самовольно оставившей позиции, вступить в город. Анархисты стали ра-

зоружать республиканскую милицию и гражданскую гвардию; они во-
дили по городу раздетых до гола милиционеров. Только коммунистам
удалось прекратить это безобразие и разоружить распоясавшуюся бан-
ду. На этот раз губернатор был снят со своего поста.

Расхлябанность части аппарата, гнездившаяся в нем измена приво-
дят к тому, что преданные нам антифашистские элементы внутри гос-
аппарата остаются наполовину парализованными. Поэтому госаппарат
требует к себе очень серьезного внимания.

В) ПОЛОЖЕНИЕ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Анархисты установили повсюду рабочий контроль, превращающий
рабочих в хозяев предприятий. Движение за рабочий контроль нача-
лось в Каталонии, затем распространилось на Левант и охватило Мад-
рид. Даже иностранные предприятия, как, например, отделение фран-
цузского завода Рено, находятся в руках рабочего комитета. Почти все
частные предприятия, даже те, хозяева которых не ушли к мятежникам,
перешли в руки рабочих комитетов. В таком же положении находится
и все коммунальное обслуживание больших городов: трамваи, газ,
электричество. Все автомобили реквизированы рабочими организа-
циями.

Приведу для примера решение анархистской НКТ (Национальная
конфедерация труда) и ФАИ (Федерация анархистов Иберии), связан-
ных всегда между собой. Это решение гласит:

“Рабочие всех отраслей промышленности должны немедленно при-
ступить к секвестру всех предприятий путем их коллективизации. Это
должно быть проведено в кратчайший срок, после чего избирается Ра-
бочий совет, который будет управлять промышленностью при помощи
соответствующего технического персонала.

В случае отсутствия такого персонала обращаться с заявками в Тех-
нический контрольный комитет Национальной конфедерации труда.

В состав Совета должен быть привлечен представитель от Эконо-
мического совета”.

У меня в руках решения, показывающие, каким образом проводит-
ся эта социализация. Вот, например, копия акта о секвестре газовых за-
водов и электростанций. Этот документ небезынтересен.

“Члены Центрального комитета по осуществлению рабочего конт-
роля над газовыми заводами и электростанциями Каталонии, уполно-
моченные рабочими организациями, входящими в Национальную кон-
федерацию труда и во Всеобщий рабочий союз, и выражающие волю
всех служащих и рабочих этих предприятий и всего каталонского наро-
да, продолжающего с оружием в руках защищать свои политические и
экономические свободы,

ПРИСТУПАЮТ:

К секвестру, как к первому шагу по пути национализации данной
отрасли производства и всех его предприятий и филиалов, расположен-
ных на территории Каталонии. Секвестр этот необходим в переживае-
мый нами опаснейший момент для установления ПОЛНОГО контроля
над ЭКОНОМИЧЕСКИМ и ПРОМЫШЛЕННЫМ развитием. Обсуж-

дение же вопроса об интересах лиц, которые могут быть задеты этим секвестром, откладывается до более удобного момента.

Настоящий акт скреплен в Барселоне подписями и печатями: от Союза электриков Каталонии – Е.Е. Кречлей; от Каталонского союза рабочих газовых заводов и электростанций – Р. Маргарит; от кооператива по электроснабжению – М. Лосойя”.

В чем здесь опасность? Опасность в том, что эти решения затрагивают сплошь и рядом интересы средней и мелкой промышленности, средней и мелкой торговли и даже мелких лавчонок. В Барселоне национализированы все пекарни, маленькие булочные, шоколадные фабрики и т.д. Этим движением захвачены все провинции. В Мадриде национализируются даже парикмахерские. Хозяин парикмахерской переводится на равную зарплату со своими рабочими. Анархистская организация Мадрида, а за ней и все анархистские газеты выдвинули лозунг единой зарплаты. В Каталонии этот лозунг уже осуществляется.

А вот статья из анархистской газеты “СНТ”, рисующая яркую картину “перестройки хозяйства”. Статья снабжена подзаголовками:

Свободное соглашение между трудящимися ликвидирует классы
В алькойской металлопромышленности существуют только трудящиеся

Нет больше ни эксплуатируемых, ни эксплуататоров.

Привожу более подробные выдержки из этой статьи:

“Единый союз работников металлопромышленности г. Алькойя созвал на собрание всех предпринимателей. Явились все, за исключением одного, которого в тот момент не было в городе.

Нет сомнения, что предприниматели, пришедшие на это собрание, впервые в своей жизни увидели себя лицом к лицу со своими рабочими, да еще в профсоюзном помещении. Это было необычайное собрание. Представьте себе на минуту это собрание: тут и спесивые господа, тут и более скромные, тут и либеральные предприниматели, а вот и другие – с виду побежденные пролетарии. Впервые без насилия и принуждения с чьей бы то ни было стороны высшие, средние и низшие представители промышленности собрались, чтобы найти благоразумный выход из того отчаянного положения, в котором оказалась промышленность. Предрассудки были оставлены за дверьми, у входа в здание союза. Там же была оставлена спесь. В здании были только скромные ремесленники, кузнецы новой жизни. Самым знаменательным и символическим был тот факт, что все то, что существовало до 18 июля этого года, рухнуло, но остался лишь и сохранил свои силы единый союз работников металлопромышленности. Остальное умерло или умирало – так серьезно была болезнь. Единый союз работников металлопромышленности был олицетворением жизни, как и воплощением самой жизни являются все рабочие профсоюзы, идущие по верному пути, а жизнь есть закон преемственности, которого убить не в состоянии никакая сила”.

Открывая заседание, председатель профсоюза Гонсало Боу произнес следующую речь:

“Господа, капитализм погиб. Единственной основой сохранения его существования является фашизм, а фашизм в Испании на пути к

уничтожению. Вы знаете, что мы переживаем кризис труда. Мы не хотим обострять этот кризис, несущий голод и нужду. Для разрешения всех проблем, связанных с кризисом, наш союз выдвигает определенную программу. Но мы понимаем, что, несмотря на благоприятствующие нам обстоятельства, мы должны предоставить вам возможность наметить выход, который, по вашему мнению, нормализует положение.

Такой тон и такая умеренность, проявленные от имени союза его председателем, поразили предпринимателей, которые отнюдь не рассчитывали на подобное отношение со стороны рабочих, особенно в полосу насилий, чинимых капиталистическими зверями, фашистами. Это было самым наглядным уроком чувствительности и любви к ближнему, который когда-либо получали буржуа. Любовь и братство – такова победившая анархия.

Вначале предприниматели заявили, что у них нет никакого другого предложения. Но под конец представитель фирмы Братья Родес, Франсиско Родес сказал, что у него, собственно говоря, было предложение, которое он намеревался поставить на обсуждение предпринимателей еще при капиталистическом строе, но, принимая во внимание происшедшую в жизни страны перемену, он более не считает его своевременным. Тем не менее, он изложил свои предложения собравшимся, чтобы выяснить, нельзя ли из них что-либо извлечь для облегчения нынешнего положения. Его предложения имели в виду образование консорциума алькойской металлопромышленности”.

Затем председатель изложил собравшимся следующие предложения:

“Экспроприация или социализация всех предприятий, складов, фабрик, текущих счетов, с пассивом и активом каждой фирмы. Эксплуатация предприятий от имени единого союза работников металлопромышленности, который отныне будет называться единым союзом работников социализированной металлопромышленности. Образование административного совета из представителей бывших предпринимателей, рабочих, техников, коммерческих служащих и счетоводов. Уничтожение всяких социальных границ. Бывшим предпринимателям предоставляется работа на любом предприятии в качестве организаторов производства, причем они будут получать вознаграждение, равное тому, которое они получали при возникновении нынешней обстановки. Впрочем режим зарплаты будет подвергнут пересмотру и изменению.

Тем временем надо приступить к повышению зарплаты рабочих, пусть в небольших размерах, но с тенденцией к уравниванию зарплаты.

Для того, чтобы предприниматели вошли в среду рабочих, они должны вступить в рабочую организацию.

Предприниматели полностью приняли предложение профсоюза и в настоящий момент на предприятиях существует новый трудовой режим, а профсоюз с каждым днем все более совершенствует новые условия сосуществования. Можно сказать, что сейчас в алькойской металлопромышленности путем совместных действий предпринимателей и рабочих разрешена величайшая проблема. Вчерашние миллионеры, вчерашние

капиталисты сейчас почитают себя счастливыми, работая рука об руку с рабочими и являясь членами Национальной конфедерации труда.

Здесь запечатлено братство людей в промышленности – главная отличительная черта анархии. Сколь сладостным является это братство, этот плод анархизма, созревший после стольких упорных и жестоких боев!”

Таким образом, мы видим, что комитеты рабочего контроля не только занимаются урегулированием условий труда, но руководят всей жизнью предприятий. Такие комитеты существуют не только в Каталонии, но и в ряде крупных городов Леванта и даже в Мадриде.

Анархисты очень активны и пытаются провести ту же работу и на юге. Во время войны, заявляют они, нужно интенсифицировать производство и одновременно осуществлять социальную революцию. Анархисты не упускают случая, чтобы подчеркнуть свои созидательные способности. Об этом не устают писать все их газеты. Я остановился подробнее на этом вопросе, так как влияние анархистов имеет решающее значение для всей страны и даже для Мадрида, где находится правительство.

Г) АГРАРНЫЙ ВОПРОС

Очень популярны и анархистские лозунги перестройки сельского хозяйства. “Нужно уничтожить экономическую базу фашизма” – под этим лозунгом проводится вся анархистская агитация за коллективизацию и национализацию земли. Во всех своих решениях, во всей своей прессе они настаивают на необходимости коллективизации для того, чтобы “крестьяне могли наверстать то, что их отделяет от промышленных рабочих”. Они восхваляют все преимущества коллективизации.

В решении съезда каталонских крестьян, на котором присутствовали представители 200 союзов, сказано:

“Все секвестированные земли будут находиться под контролем и управлением союза и обработка их коллективным способом благоприятно отразится в первую очередь на союзах и на всех трудящихся вообще”.

В этом же решении, как и в целом ряде других документов и высказываний, они оговаривают необходимость осуществлять добровольную коллективизацию, необходимость относиться с уважением к мелкому собственнику, не задевать его интересов и т.д.

На деле же получается так, что даже в Каталонии, где мелкая собственность (Рабосайрес) весьма сильно распространена, анархисты ударяют по мелким собственникам. Их земли подвергаются реквизиции. Реквизированные земли либо совсем не оплачиваются, либо оплачиваются бонами, которые равным счетом ничего не стоят. Деревня часто облагается штрафами.

Каковы же результаты такой политики? Я лично посетил богатую область Мурсию, славящуюся своими садами. Заметив, что крестьяне при встречах не приветствуют друг друга республиканским приветствием, как это делается во всех других деревнях, я спросил секретаря провинциального комитета партии, чем это объяснить? Он мне ответил:

“Положение у нас очень тяжелое. Крестьяне говорят, что раньше они платили хозяину, теперь они платят профсоюзам, значит по существу ничего не изменилось”.

Д) ПРОБЛЕМЫ КАТАЛОНИИ

Товарищи знают, что новое каталонское правительство совершенно независимо от Мадрида. Но до последнего времени власть в Каталонии находилась, по существу говоря, не в руках Каталонского правительства, а в руках Центрального комитета милиции, руководимого анархистами. Этот Центральный комитет выдвинул лозунг создания комитетов рабочих, крестьян, солдат и милиционеров. Недавно этот Центральный комитет милиции был распущен, но все его члены вошли в правительство.

Нынешнее каталонское правительство состоит из трех левых республиканских советников, трех представителей от НКТ, двух от объединенной социалистической партии (образовавшейся в результате слияния коммунистической и двух социалистических партий в Каталонии), одного от крестьянского союза (Рабосайрес), одного от “Рабочей партии марксистского единства” (группа Маурина, объединившаяся с троцкистами, представитель ее в правительстве – Нин), одного от Независимой партии, одного представителя от мелкобуржуазной партии “Аксион Каталян”. Мы имеем в этом правительстве два портфеля: министерство коммунального хозяйства и труда и министерство общественных работ. Программа нового правительства ничем не отличается от программы анархистов, опубликованной 29 сентября в “Солидаридад обрера”.

Приведу основные положения этой программы.

“а) сосредоточить максимум усилий на войне, не останавливаясь перед применением всех средств, способствующих ее скорому доведению до победного конца. Ввести единое командование, координировать действия всех боевых единиц; создать милицию на основе обязательной воинской повинности; усилить дисциплину.

б) Провести экономическую реконструкцию страны, с этой целью немедленно осуществить программу экономического совета, содержащую следующие пункты:

1. Нормализация производства в соответствии с размерами потребления.

2. Контроль над внешней торговлей.

3. Коллективизация крупной земельной собственности и соблюдение прав мелких землевладельцев.

4. Частичное обесценение недвижимого имущества в городах путем снижения квартплаты или введения соответствующих налогов на домовладельцев, не желающих идти навстречу квартиронанимателям.

5. Коллективизация крупной промышленности, общественных предприятий и транспорта.

6. Секвестр и коллективизация предприятий, брошенных владельцами.

7. Усиление кооперативного принципа в области распределения продуктов и особенно эксплуатация оптовых торговых предприятий на кооперативных началах.

8. Контроль над банковскими операциями, вплоть до национализации банков.

9. Установление рабочего контроля над частными предприятиями.

10. Энергичное вовлечение в сельское хозяйство и промышленность безработных, возвращение в деревню тех рабочих, которые могут быть поглощены новой организацией [сельско]х[озяйственного] труда; создание новых отраслей промышленности, полная электрификация Каталонии и т.п.

11. Быстрое упразднение по мере возможности различных косвенных налогов.”

Такова в кратких чертах характеристика экономического положения страны. Рабочие владеют предприятиями, но не знают, как ими руководить. На деле руководят всем анархисты.

В Барселоне анархисты говорят: “Мы работаем на войну”. Они выпускают бронированные автомобили, но эти автомобили так тяжелы, что могут двигаться только по ровному месту и очень быстро портятся. А покуда анархисты непроизводительно израсходовали все то сырье и материалы, которые застали на предприятиях. Но запасы подходят к концу, поэтому они вынуждены делать закупки за границей, главным образом во Франции. Их миссии выезжают за границу с золотом и драгоценностями, которые они успели захватить. Закупают они нередко всякую дрянь. В Барселоне, однако, создается впечатление, что они очень деятельны и энергичны. Рабочие действительно много работают, и даже многих иностранных специалистов, которые не в состоянии понять весь этот сложный социальный переплет, подкупает огромный энтузиазм масс. Так, например, один инженер по авиации – Серре – технический директор французского Общества Эр Франс, пробывший в Барселоне три дня с целью изучения возможностей ремонта и производства аэропланов, заявил мне: “В Барселоне все обстоит благополучно. Я разговаривал с рабочим комитетом, с инженерами, они будут ремонтировать и даже выпускать новые машины”. При проверке оказалось, что раньше месяца завод ничего не сможет сделать. В рабочие комитеты повалили разного рода проходимцы и шарлатаны с самыми фантастическими предложениями. Инженеры не смеют возражать, они боятся, что их расстреляют, как саботажников. В результате каталонская промышленность почти парализована анархистами, а то немногое, что она производит, остается в самой Каталонии; анархисты ничего не дают Мадриду.

Е) О ПОЗИЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНАРХИСТОВ

Какие силы играют основную роль в нынешней обстановке? Налицо только две силы: анархисты и коммунисты. Социалисты отошли на задний план, вследствие внутренних раздоров и неспособности взять в свои руки инициативу.

Престиж анархистов заметно вырос. В самой Барселоне этому содействовала их активная роль в подавлении мятежа 18–19 июля, тогда же погиб видный анархистский вождь Оскасо. Сейчас один из вождей анархистов Дуррути руководит операциями на Арагонском фронте, другой анархистский вождь – Гарсия Оливер, командует силами милиции в

Барселоне. Оба они все время находятся на фронтах. Престиж анархистов вырос и в Мадриде. В общем анархистские профсоюзы пользуются не меньшим влиянием, чем профсоюзы Кабальеро. Выросло влияние анархистов и среди крестьянства. Но особенно сильны они среди матросов военного флота. Связаны с анархистами также многие офицеры, но часть офицеров идет с нами. Анархистская милиция вооружена лучше нашей, так как анархисты забирали оружие всюду, где могли. У них имеются не только ружья, но и пулеметы.

Тов. Кодевилла³ рассказывал на Президиуме, как в конце августа анархисты совместно с Ларго Кабальеро готовили переворот для свержения правительства. После прихода к власти Кабальеро они немного успокоились. На первых порах они поддерживали новое правительство, но когда они убедились, что Кабальеро не обеспечивает победы, они начали кампанию и против правительства Кабальеро. 18 сентября состоялся пленум всех областных организаций НКТ. Пленум принял резолюцию, требующую создания национального совета обороны, в который вошли бы представители всех политических организаций, борющихся против фашизма: пять делегатов от Всеобщего рабочего союза⁴, пять от Национальной конфедерации труда и четыре от республиканцев. Председателем совета обороны назначается Ларго Кабальеро. В этой резолюции нет ни звука о коммунистах. Но спустя два дня в центральный комитет компартии явилась делегация от анархистов, которая заявила, что они ничего не имеют против коммунистов, но так как коммунисты входят во Всеобщий рабочий союз, они могут через этот союз получить представительство в совете обороны: сговоритесь, мол, с социалистами и поделите меж собой места.

В этой же резолюции пленум областных комитетов НКТ выдвинул требование реорганизации министерств и превращения их в отделы, создания единой народной милиции на основе всеобщей воинской повинности, контроля над милицией со стороны советов рабочих и милиционеров, созданных Всеобщим рабочим союзом и Национальной конфедерацией труда, создания единого военного руководства в виде военного комиссариата, назначенного национальным советом из представителей трех секторов, борющихся против фашизма. В области экономической: резолюция предусматривает социализацию банков, социализацию церковного имущества, владений крупных земельных собственников, крупных промышленных предприятий, оптовой торговли, транспорта и всех тех предприятий, владельцы которых замешаны в мятеже; рабочий контроль над промышленностью и частной торговлей, использование рабочими союзами всех социализированных средств производства и обмена, свобода экспериментов в деревнях, осуществление которых не может помешать нормальному ходу хозяйственной жизни страны, планирование крупной промышленности и крупного сельского хозяйства. Одновременно они постановили через 10 дней снова созвать пленум областных организаций НКТ, чтобы обсудить вопрос о проведении в жизнь принятых решений.

20 сентября НКТ устроила 4 больших митинга в Барселоне, Мадриде, Валенсии и Малаге. Митинги имели большой успех, так как анархи-

сты пришли с конкретными предложениями. В Мадриде Лопес, очень популярный анархист из Валенсии, заявил в своем докладе, и это было напечатано всеми газетами: "Имеется одна партия, которая хочет монополизировать революцию. Если эта партия будет продолжать свою линию, мы решили ее раздавить. В Мадриде находится иностранный посол, вмешивающийся в испанские дела⁵. Мы его предупреждаем, что испанские дела касаются лишь испанцев". Это было первое открытое выступление анархистов против нас и против советского полпреда. Надо при этом сказать, что, нападая на "нелояльность" советского полпреда, Лопес ни одним словом не обмолвился о той разрушительной работе, которую ведут в Испании немецкий, итальянский и португальский послы.

Ни одна из организаций не решалась сразу дать ответ на резолюцию – ультиматум анархистов. Все ждали перемены на фронте, рассчитывая на то, что даже самая незначительная победа даст возможность уклониться от ответа. Президент республики отказался принять делегацию НКТ, не принял ее и Кабальеро. Единственная партия, одоббившая предложение анархистов без оговорок, была маленькая, не играющая никакой роли, федералистская республиканская партия. 25 сентября социалисты ответили отпиской: поставленные, мол, вами вопросы касаются правительства, и правительство должно на них отвечать.

Всеобщий рабочий союз ответил 26-го сентября. В ответе сказано, что профсоюзы согласны с постановкой вопроса об единстве, но что они не согласны менять конституцию и т.д. Наш ответ был опубликован в "Мундо обреро" от 29 сентября. Мы сказали, что приветствуем в предложениях анархистов все то, что содействует осуществлению единства, дисциплины и действительной координации всех сил. Мы согласны, что необходимо немедленно же привлечь все антифашистские силы для организации борьбы и победы. Полагая, что решения Пленума НКТ сплотят все организации, несущие ответственность перед массами и перед историей за окончательную победу над фашизмом, мы предлагаем созвать собрание представителей всех организаций и партий для того, чтобы придти к желаемому соглашению.

Наряду с этим мы внесли ряд практических предложений, предусматривающих вовлечение анархистов во все существующие важнейшие государственные организации, чтобы таким образом повысить их чувство ответственности за общее дело.

На следующий день газета НКТ опубликовала статью, в которой говорится, что коммунисты целиком и полностью согласны с предложениями анархистов. Это свидетельствует о том, что наш ответ о единстве, об использовании предложений, сделанных НКТ, нашел отклик в анархистских массах.

29 сентября анархисты опубликовали новое воззвание, менее задорное по тону. Но одновременно в их газете опубликована статья, в заголовке которой говорится, что против предложений НКТ могут быть лишь контрреволюционные партии. Начиная с этого дня, анархисты не устанно твердят: "Почему все медлят с созданием национального совета обороны? Это молчание помогает врагу". "Солидарidad обрера" уси-

ливаает атаку против правительства, нападает на баскских националистов-католиков и т.д.

Необходимо считаться со всем этим. Анархисты держат под своим контролем прямо или косвенно всю основную промышленность и отчасти сельское хозяйство страны. Создание национального совета обороны противопоставляется ими совету министров. Но мысль о создании такого совета находит широкий отклик даже в массах, не находящихся под влиянием анархистов. Надо найти правильный тон для дискуссий и разговоров с анархистами. Антагонизм между анархистскими и коммунистическими рабочими в Испании очень велик. Он особенно опасен теперь в связи с тем, что и те и другие вооружены.

Нельзя, однако, рассматривать всех анархистов как одну сплошную массу. Среди их вождей надо различать три группы. Такие, как Дуррути и Оливер, борются с оружием в руках против фашизма. Они понимают, что без единства они будут разбиты. Они за введение военной дисциплины, за единое командование, что противоречит анархистским "теориям". Эти вожди отражают настроение своих масс, понимающих серьезность настоящего положения вещей. Вторая группа представлена Лопесом, выступающим с речью против компартии и СССР. К этой группе примыкают и всякого рода иностранцы, как наш старый знакомый Пьер Бенар и выдающая себя за англичанку, в действительности русская еврейка – Эмми Гольдман. Надо сказать, что сейчас в Барселону стекаются анархисты со всех концов света. Эта вторая группа состоит из старых политиканов, людей, яшавшихся с Лерусом⁶, перешедшим сейчас официально на сторону Франко.

Наконец, третья группа – явные провокаторы, фашисты, называющие себя анархистами. Мы обнаружили в Мадриде секретные склады оружия, принадлежащего "анархистам-фашистам". Однако бороться с анархистами, публично доказывая, что среди них много фашистских провокаторов, опасно, так как анархистские демагоги попытаются натравить на нас свои массы.

В анархистской массе надо различать два слоя: в большинстве своем это честные испанские рабочие, оказывающие влияние и на "левых" социалистов и даже на коммунистов. Эти люди искренне верят, что они призваны совершить социальную революцию. С этими людьми нужно добиваться единого фронта, даже если для этого придется пойти на серьезные уступки. Второй слой – это люмпен-пролетариат: все воры, бандиты, проститутки заявляют о своей принадлежности к анархистам, ибо только тяжким путем они могут добыть оружие, необходимое им для их темных дел. Они расправляются с нашими людьми. Недавно они в Валенсии убили одного нашего рабочего транспортника. Похороны убитого товарища превратились в мощную демонстрацию, в которой участвовало 50 тыс. человек. В этот же день анархистская организация в Валенсии вынуждена была сообщить по радио, что анархисты ничего общего с убийцами не имеют. Это показывает, что под давлением масс вожди НКТ начинают понимать необходимость избавиться от темных, уголовных элементов. Это понимание облегчает задачу создания единого фронта между анархистскими и коммунистическими рабочими.

Ж) РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ КОМПАРИИ

Я уже говорил, что второй основной силой в Испании является наша партия. Политическое влияние компартии превосходит все ожидания. Уже месяц тому назад президент республики Асанья говорил: «Если вы хотите иметь правильную оценку положения, если вы хотите видеть людей, которые знают, чего они хотят, читайте “Мундо Обреро”». Приведу небольшой факт, характеризующий хладнокровие и выдержку нашей партии в обстановке, когда кругом нередко царит хаос, когда многие теряют голову из-за малейшего пустяка.

20 сентября в Мадриде происходила большая демонстрация, посвященная 5-му полку народной милиции, в связи с назначением нового командира полка – Листера. В три часа дня в центр демонстрации ворвался офицер генерального штаба с отчаянным воплем: “Фронт на Тахо прорван, все бегут. Дайте мне два батальона, иначе враг сегодня же вечером будет в Мадриде”. Присутствовавший на демонстрации политический комиссар 5-го полка, товарищ Каброс, дал отпор перепуганному насмерть офицеру и тут же успокоил демонстрантов, убедив их, что нет оснований для паники. Демонстрация продолжалась в строгом порядке.

Только наша партия знает, что нужно делать. Лозунги партии подхватываются и перепечатываются немедленно всеми газетами. Так например, после поражения на центральном фронте 16–17 сентября, когда для всех стало ясно, что создается непосредственная угроза для Мадрида, и никто не знал, что предпринять, наша партия единственная нашлась. Она немедленно выдвинула лозунг защиты Мадрида. 21-го сентября в Мадриде состоялся большой митинг, организованный нашей партией. На митинге выступил секретарь мадридского комитета партии тов. Антонио⁷, который уверенно заявил, что Мадрид можно отстоять, что Мадрид не будет взят при том условии, если на защиту его будут немедленно мобилизованы все партии, все население. “Мадрид должен стать могилой фашизма”, “Мадрид будет испанским Верденом” – таковы лозунги нашей партии. Эти лозунги приободрили массы. Все газеты опубликовали речь секретаря мадридского комитета партии и перепечатали из нашей прессы ряд статей, трактующих план защиты Мадрида.

Мы предложили партиям народного фронта выпустить манифест по поводу обороны Мадрида. 21-го сентября этот манифест в нашей редакции был принят всеми партиями. 22-го сентября вся печать, кроме газеты “Эль Сосиалиста” (орган Прието), опубликовала манифест. Мы выдвинули лозунг “«делать войну»” (“faire la guerre”) – умело вести войну». Мы взяли этот лозунг у Клемансо. Мы учитывали, что любая формулировка, предложенная коммунистами или левыми социалистами, вызовет нескончаемые дискуссии, лозунг же, взятый у Клемансо, будет принят президентом республики Асанья и другими. С тех пор “Мундо обреро” ежедневно публикует разные статьи под заголовком “делать войну”. В этих статьях мы останавливаемся на всех практических проблемах войны. Мы разъясняем, как организовать партизанское движение, как обороняться от атак авиации на фронте и в тылу, как организовать снабжение и питание бойцов, каковы задачи политических комиссаров и т.д.



Президент Испанской республики Мануэль Асанья



Сантьяго Каррильо – деятель испанского коммунистического движения



Витторио Кодовилья–секретарь Южноамериканского бюро Коминтерна, член Интернациональной Контрольной Комиссии Коминтерна. В 1938–1939 гг. работал в Париже по оказанию помощи республиканской Испании



Руководители испанской компартии (слева направо): Хосе Антонио Урибес, Хосе Диас, Мануэль Деликадо, Педро Чека



Иосиф Броз Тито – председатель Союза коммунистов Югославии. Организовывал отправку балканских добровольцев в Испанию



Джузеппе ди Витторио (в Испании его звали Николетти) – один из активистов итальянской компартии, комиссар 11-й интербригады



Марсель Кашен (слева) – деятель международного коммунистического движения; Морис Торез (в центре) – генеральный секретарь ФКП. Оба они принимали активное участие в деятельности Коминтерна и в заседаниях его секций по обсуждению положения в Испании



Генерал Я.К. Берзин. В 1936–1937 гг. был главным военным советником в Испании



Ганс Баймлер – один из руководителей компартии Германии. Политкомиссар батальона им. Тельмана. Погиб в Испании в битве за Мадрид



Хулио Альварес дель Вайо на встрече с М. Литвиновым



Долорес Ибаррури
во время встречи
с Джавахарлалом Неру
в Барселоне в 1938 г.



Долорес Ибаррури среди бойцов 5-го полка



Хуан Модесто – командир знаменитого 5-го полка, ставшего в годы Гражданской войны базой для подготовки руководителей интербригад (вверху слева)



Кароль Сверчевский – командовал 14-й интернациональной бригадой и 35-й интернациональной дивизией республиканской армии Испании (вверху справа)

Манфред Штерн (генерал Клебер) – командир 11-й интернациональной бригады



Некоторые общественные деятели европейских стран, выступившие в защиту республиканской Испании: Анри Матисс – французский художник; Хьюлетт Джонсон – настоятель из Англии, прозванный консерваторами “Красным настоятелем”; Альберт Эйнштейн





Секретариат ИККИ: сидят (слева направо) А. Марти, Г. Димитров, П. Тольятти, В. Флорин, Ван Мин; стоят: М. Москвин, О. Куусинен, К. Готвальд, В. Пик, Д. Мануильский

Издаваемые нашей партией в Мадриде иллюстрированные плакаты пользуются очень большим успехом. Эти плакаты образно и популярно отражают основные лозунги партии в вопросах ведения войны, в рабочем вопросе, в крестьянском вопросе и т.д. Начинаем выпускать массовые брошюры, посвященные элементарным правилам войны. Вот несколько названий выпущенных нами брошюр: 1. “Товарищ ружье!”. 2. “Как обороняться от вражеского огня”. 3. “Бомбометание”. 4. “Как продвигаться под огнем неприятеля”. 5. “Тактическое использование пулеметов”. 6. “Строительство траншей”. 7. “Часовые и патрули” и т.д. Мы перевели и напечатали устав французской пехоты, приспособив его к испанским условиям. Все эти брошюры издаются от имени министерства народного просвещения, во главе которого стоит наш товарищ Эрнандес.

Наша партия первая серьезно поставила вопрос о сближении с католиками. Мы привлекли бывшего министра, в прошлом монархиста, видного деятеля католического движения Оссарио-и-Гальярдо⁸, для выступления по радио с обращением к католикам. Впервые в Испании по нашему радио говорил священник, который начал свою речь с заявления: “С вами говорит священник. Я приветствую сжатым и поднятым вверх кулаком народ Испании. Да здравствует Республика! Да здравствует испанский народ”. Затем он вступил в полемику с папой, доказывая последнему, что тот плохо информирован о положении в Испании. Речь этого священника произвела сильное впечатление и вызвала большой отклик.

Наша партия взяла правильную установку по отношению к марокканцам. Все газеты ругали постоянно марокканцев. Мы сделали первую попытку привлечь на сторону народа марокканцев. С этой целью мы выпустили по радио одного оратора-араба. Возможно, что марокканцы не поняли его, так как он говорил на литературном языке, который отличается от народного арабского языка. Но первый шаг был сделан, и он имел значительные последствия. Анархистский орган стал писать “о наших братьях марокканских солдатах”. И мы добились того, что пленные марокканские солдаты могут свободно ходить по улицам Мадрида, не рискуя жизнью.

Наша партия снабжает кадрами полицию. Партия обеспечивает охрану и допросы арестованных.

Но главное усилие партии было направлено на создание того, что составляет гордость народной армии – 5-го полка милиции. 5-й полк, пользующийся заслуженной боевой славой, насчитывает 20 000 бойцов. Все командиры полка коммунисты, коммунистические рабочие или преданные нам офицеры старой армии.

Партия делает большую работу, но есть у нас, однако, и значительные слабости. В первый период после возникновения мятежа – до начала сентября огромная роль партии зачастую стиралась. Партия не выступала как самостоятельная сила. Вот почему НКТ мог выступить в роли спасителя положения со своей идеей национального совета обороны. Партия провела колоссальную работу, а массы не чувствовали, что наша партия – это та объединяющая сила, которая способна изменить положение вещей. Сейчас партия устраивает большие митинги, организует выступления своих министров. В первых числах сентября в Мадри-

де было созвано большое собрание коммунистов, которое, по сути дела, явилось первым внутрипартийным собранием после начала мятежа.

Руководство партии мало занималось военными делами, заявляя, что мы, мол, не военные. Бывали небольшие трения с военным руководством пятого полка, которое жаловалось на недостаток внимания со стороны партии. Партия забывала нередко о том, что кадры решают все, не уделяя большого внимания вопросу подготовки кадров. Не хватает опытных, знающих коммунистов. После вхождения наших товарищей в правительство мы дали коммунистов в Министерство земледелия, в Министерство народного просвещения. Но этот “расход” окупился, так как мы имеем возможность использовать аппараты этих министерств для нашей агитации и для других наших целей.

В Каталонии наша партия слилась с двумя существовавшими там социалистическими организациями. Объединенная партия недостаточно крепка, нередко она отступает перед анархистами и поддерживает их политические лозунги.

Руководство партии представлено одним лишь Политбюро. Кроме членов Политбюро и 4–5 других членов ЦК, остальные члены либо убиты на фронтах, либо в свое время были исключены из партии.

Несколько слов об отдельных руководящих работниках партии.

Генеральный секретарь партии тов. ДИАС – прекрасный товарищ, очень хороший большевик. Но он страдает чрезвычайно серьезной болезнью желудка, и врачи запрещают ему работать больше 1 часа в день. Конечно, он не подчиняется предписаниям врачей и работает очень много. Он на голову выше всех остальных членов ПБ. Он очень конкретен и практичен – весьма редкое явление среди испанцев. На заседаниях Политбюро он конкретизирует все предложения и тут же дает указания, как проводить в жизнь принятые решения.

Тов. МИХЕ очень перегружен работой. Он политический редактор “Мундо обреро”. На работу в газете у него уходит каждое утро не менее 1½ часов. Он поддерживает связь партий с военным министерством, где ему приходится бывать два раза в день для бесед с Кабальеро или с генеральным штабом. Он ответственен также за мадридский комитет партии, за мадридский комитет народного фронта. В общем он работает не меньше 20 часов в сутки.

Тов. ЧЕКА – оргсекретарь по стране и по армии, ответственен также за работу коммунистов в полиции. Он дает директивы для ведения допросов серьезных арестованных.

Оба министра, ЭРНАНДЕС и УРИБЕ, заняты работой по министерству, посещают фронты, ездят для пропаганды в провинцию.

Тов. КАРТОН – военный помощник начальника Эстрамадурской колонны. Он приезжает в Мадрид лишь раз в 10 дней, когда есть возможность отлучиться с фронта.

Тов. ПАССИОНАРИЯ ведет работу среди женщин и пропаганду.

На заседаниях Политбюро присутствует также тов. АНТОНИО, бывший секретарь комсомола и ныне секретарь мадридского комитета партии. Но его не было свыше двух месяцев в Мадриде, так как он командовал на фронте колонной молодежи.

Партия имеет, конечно, средние кадры, сформировавшиеся в борьбе. Есть среди них и энергичные организаторы. Надо добавить еще воинские кадры, которые формируются значительно быстрее. Но все-таки недостаток в людях ощущается большой.

Отличное впечатление производит генеральный штаб 5-го полка. В составе его имеется лишь один иностранец (политкомиссар), которого все, однако, считают испанцем, так как он давно живет в Испании. Генеральный штаб 5-го полка имеет Оперативный отдел, руководимый рабочим товарищем. Работа генерального штаба построена по типу работы генштаба нормальной армии. Офицер каждого батальона получает географическую военную карту своего сектора, изготовленную 5-м полком. Генеральный же штаб при военном министерстве не имеет Оперативного отдела и работает очень примитивно.

Генштаб 5-го полка тщательно подготавливает операции за месяц вперед. Командующий 5-м полком – Листер, рабочий-каменщик, прекрасный товарищ, настоящий военный руководитель. Но ясно, что нашим людям не хватает еще знаний, опыта, практики. Трудно за два месяца все изучить, а научились они многому. Военные товарищи тоже крайне перегружены работой. И здесь, конечно, людей мало. Людей надо в десять раз больше.

II. ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

A. Народная милиция

Милиция, к сожалению, по-прежнему не объединена. Силами 5-го полка мы начинаем создавать милицию единого фронта, в которую закрыт доступ всяким сомнительным, анархизирующим элементам. В этой милиции мы имеем уже несколько командиров-социалистов. Под контролем 5-го полка находятся 1-й и 13-й отряды, созданные объединенным союзом молодежи. С точки зрения военной 5-й полк не является единой воинской частью; его батальоны разбросаны по всем фронтам. К сожалению, фронтовые войска так слабы, что не всегда можно отозвать эти части в распоряжение полка. Мы ведем все же линию на создание из 5-го полка единой части.

Старая армия почти исчезла. Ее солдаты вступили в милицию, но они так же слабы и малоспособны в военном отношении, как и милиция. Сейчас поставлена задача объединить их в одну воинскую часть. Но покуда Мартинесу Баррио, которому поручена эта работа, удалось сформировать лишь два батальона; объявленная недавно мобилизация двух возрастов даст нам возможность пополнить армию людьми, прошедшими уже военную службу.

Правительственные войска насчитывают 120 тыс. человек, но боевых способных имеется максимум 30 тыс. человек. Остальные силы представляют собою разрозненные зачастую батальоны.

Командирские кадры, как правило, слабы, в лучшем случае, это просто честные рабочие.

Испанские товарищи требуют оружия, и они правы. Но надо сказать, что они имеют оружие, которое они плохо, неумело используют. Так, например, вначале раздавали хорошие маузеровские ружья девуш-

кам, не имевшим понятия о том, как с этими ружьями обращаться. В 9 случаях из 10 это оружие, розданное милиционерам, приведено в негодность. Кстати, многие из этих милиционеров разлагали армию.

После поражения 27-го сентября, когда еще больше усилилась угроза для Мадрида, правительство произвело переучет вооруженных сил. В течение трех дней в самом Мадриде и вокруг него обнаружено было 5000 человек, вооруженных винтовками, которых можно было использовать, не оголяя основных позиций. До сегодняшнего дня нам не удалось убедить партию и даже 5-й полк, что в армии не все солдаты обязательно должны иметь винтовки. Мы ссылались на пример французской армии, в которой четвертая часть всех пехотных единиц, бомбометатели, пулеметчики, саперы, гренадеры не имеют винтовок. Но в Испании каждый хочет иметь свою винтовку. Тот, кто не имеет, считает себя потерянным. Они не понимают необходимости распределения функций между стрелками, вольтижерами, гренадерами и саперами.

Недавно прибыл новый транспорт орудия. В южные порты поступают пулеметы и винтовки. Часть этого транспорта отправлена в Овидео. Но с прибытием нового оружия недостаток в обученных кадрах чувствуется еще больше. Товарищи не знают зачастую элементарных вещей. Так они отказываются устанавливать пулеметы на вышках, не понимая того, что эффективность действия пулемета зависит от места его расположения. Нерационально используются даже танки, которых у нас очень мало, и пушки. Потребовалось как-то в августе срочно перебросить из одной местности в другую, на расстояние 100 километров, стадо баранов. Для сопровождения этого стада по отвратительной дороге были затребованы два больших танка “Сэнт Шамон”, 4 пулемета и одно орудие “75”. В результате на ремонт испорченных танков потребовалось 15 дней.

Б) МОРСКОЙ ФЛОТ И АВИАЦИЯ

В начале войны мы были хозяевами на море. В настоящее время, несмотря на то, что мы сильнее врага, последний продолжает перебрасывать морем свои войска из Марокко в Испанию, и недавно ему удалось потопить один наш истребитель. Причиной всему этому – опять-таки недостаток подготовленных кадров. Командир крейсера “Хаиме 1” – молодой мичман. Командир по стрельбе – лишь унтер-офицер. Крейсер вооружен 8 пушками “405”. На таком крейсере во французском флоте обычно имеется офицер высшего ранга, командир по стрельбе, не менее чем с 15-летним стажем командования, и, по меньшей мере, 8 подчиненных ему офицеров.

Вначале мы имели преимущество в авиации. Мы получили новые истребители и бомбовозы. В настоящее же время неприятельские воздушные силы превосходят наши. Произошло это потому, что мы неправильно использовали авиацию; самолеты подымались без предварительной проверки действия моторов, среди пилотов были люди неспособные, не знающие своего дела, а что еще хуже – попадались и вредители.

Один испанский пилот разбил 3 самолета из-за неправильной посадки. Если бы в первый раз ему было сделано замечание, другие 2 маши-

ны, возможно, были бы спасены. Другой пилот занимался над аэродромом воздушной акробатикой, и в результате – столкновение в воздухе двух машин: одна сломана, другая серьезно повреждена.

Я лично предупреждал Прието об одном факте такого рода: французский писатель Мальро с группой пилотов, в большинстве своем контрреволюционеров и авантюристов, живут в городе, в гостинице “Флорида”. Ежевечерне в одной из зал ресторана, куда собираются все летчики, на черной доске пишутся имена пилотов и пулеметчиков, которые должны утром вылететь на операцию, и час их отправки. Женщины, окружающие этих пилотов, надо полагать, связаны с мадридскими фашистами, которые по радио информируют противника. Я предлагал, чтобы пилоты ночевали в лагере (в 20–25 километрах от Мадрида). Предложение было принято, но до сих пор не проведено в жизнь.

Кроме того, я советовал министру авиации, Прието, чтобы самолеты каждый вечер улетали с аэродрома и приземлялись на засекреченных площадках. И это предложение осталось на бумаге.

В) ПРОБЛЕМА ЕДИНОГО КОМАНДОВАНИЯ И ЕДИНОГО ПЛАНА

Неприятель не так силен, как об этом пишут. Фашисты опираются, главным образом, на силы иностранного легиона и рекете, части, составленные из наваррских реакционеров. Рекетисты отличные стрелки. Дерутся они, как фанатики. Марокканцы уже не так надежны, как в начале войны. Через пленных мы узнали, что в армии противника много молодежи, завербованной в Марокко лишь в августе месяце, что этих молодых бойцов вооружают лишь на территории Испании, а в Африке им боятся давать оружие. Гражданская гвардия тоже ненадежна; солдаты при первом удобном случае дезертируют.

Фалангисты с военной точки зрения очень слабы, у них постоянно возникают конфликты с фашистскими офицерами.

Но сила врага в том, что у него осуществляются единое командование и единый план. Если внимательно изучить их операции, можно сказать, что они проводят последовательно шаг за шагом превосходно разработанный план.

У нас в этом отношении дело обстоит пока плохо. Еще 23 сентября начальник генерального штаба, командир Страда заявил в Совете министров, что он не имеет плана. Больше того, из представленного им доклада выяснилось, что он не видит дальнейших перспектив. Он убежден, что война потеряна. Страда – доверенный человек Кабальеро. Если бы кто-нибудь из нас увидел его на улице, он подумал бы, что перед ним старорежимный лавочник. На заседании Совета министров Страда вынужден был признать абсурдность некоторых решений своего генерального штаба. Так, например, каждый раз, когда надо было где-нибудь заткнуть дыру, туда перебрасывали с других фронтов батальоны 5-го полка. В течение 12 дней 14 батальонов перебрасывались с места на место, всякий раз с потерями, бывали случаи, когда эти потери доходили до 70%.

Генеральный штаб и военное министерство вмешиваются во все мелочи фронтовой жизни, но не дают стратегических директив, не руково-

дят военными операциями. Из отдельных частей фронта звонят по телефону в военное министерство и требуют то аэропланов, то пулеметов. Через голову командного состава, не зная, кто просит и зачем, генштаб отправляет просимое. Короче говоря, генштаб является плохим почтовым ящиком. Нет единства в командовании. Бывают, например, такие случаи, когда начальник милиции, командующий сектором, требует шесть блиндированных автомобилей с пулеметами, которые находятся в одном километре от его фронта, а лейтенант штурмовой гвардии, командующий пулеметным полком, отказывается удовлетворить этот запрос, так как не получил приказа от своего офицера и т.п. Вместо того, чтобы заниматься созданием резервов, вербовкой, снабжением, разведкой, генеральный штаб разменивается на мелочи, забывая об основном. А когда милиционеры попадают в опустошенную войной зону, они подчас остаются без еды, без боевых припасов, без информации. Люди остаются неделями без руководства. Милиционеры не имеют лопат и кирок для рытья окопов. Все лето солдаты страдали от жажды из-за отсутствия фляг, между тем в Испании можно купить сколько угодно фляжек.

Существующие предприятия недостаточно используются для военных нужд.

Взаимная вражда и соперничество между Прието и Кабальеро не прекращаются. Посылка флота на север была вызвана стремлением Прието показать Кабальеро, что под его, Прието, руководством флот способен одержать победу. Все военные специалисты были против этой операции как бесполезной и опасной.

Относительно много на фронте случаев предательств. Неверно то, что Ирун был взят из-за недостатка оружия. Наши силы были там значительно меньше сил врага. Я лично знакомился с положением в Ируне. Наши 600 человек держали в страхе в течение 7 дней и 7 ночей 5000 человек противника. Несколько французских товарищей отрезали наступление фашистских бронированных автомобилей. Но Ирун был сдан потому, что командующий фронтом испанский капитан перешел на сторону врага. Если бы не это предательство, мы бы еще долго держались под Ируном.

Захват противником Навальперала и Санто Круца ставит Мадрид в очень тяжелое положение. Мадрид может быть зажат в тиски nepřательской армией.

Военная комиссия при ЦК и генеральный штаб 5-го полка обсуждали вопрос об организации защиты Мадрида и выработали конкретные мероприятия в этой области. Основной смысл этих мероприятий сводится к тому, что защита Мадрида может быть осуществлена лишь при условии мобилизации всего гражданского населения. Армия же должна защищать самые подступы к Мадриду.

Партизанское движение в тылу у противника до сих пор не получило широкого развития. Я лично разъяснил товарищам необходимость организации партизанской борьбы, но наши испанские товарищи как бы боятся того, что не все население пойдет с ними и что партизаны могут повернуть оружие против нас же. Я думаю, что эта точка зрения неверна, что партизанское движение организовать можно и нужно.

Вот пример одной удачной партизанской операции, проведенной под руководством члена Политбюро, помощника командира Эстрамадурской колонны в Дон-Бенито тов. Фолькона. Ему удалось взорвать железнодорожный мост в тылу у врага между Касерес и Севильей. Связь была прервана на 10 дней, ни один поезд с военным снаряжением не мог пройти.

Партия разработала план подготовки и переподготовки военных кадров. ЦК послал на места инструкторов для организации школ и курсов. В город, являющийся центром вербовки, была послана тройка в составе инструктора ЦК, прежнего командира 5-го полка в качестве военного инструктора и одного военного специалиста по организации школ унтер-офицеров и офицеров.

В восточном районе, кроме этих трех товарищей, работают еще два инструктора центрального комитета, которые проводят вербовку в армию; раненые офицеры используются в качестве военных инструкторов для обучения новичков. В Мадриде создана школа для младшего комсостава, вечерние курсы для офицеров мадридского гарнизона и, наконец, высшие курсы для товарищей, имеющих уже боевой опыт. К сожалению, создавшееся острое положение на фронте помешало довести до конца это мероприятие.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Наша партия работает в очень тяжелой обстановке. От нас требуется большой такт и умение, особенно в тех случаях, когда надо добиться чего-нибудь от Ларго Кабальеро. Приведу лишь два факта: 17 сентября на фронте Тахо создалось тяжелое положение. Командиры непрерывно требовали подкреплений, но Мадрид ничем не мог им помочь, так как у него не было тогда резервов. Михе пошел в военное министерство, чтобы поговорить с Кабальеро. Разговор происходил без свидетелей, так как Ларго очень самолюбив и обидчив. Михе внес следующие предложения:

1) Обратиться с воззванием к народу.

2) Немедленно создать военный комитет, который, находясь под общим руководством правительства, будет намечать и осуществлять в жизнь все необходимые военные мероприятия. Каждое решение этого военного комитета должно безоговорочно проводиться в жизнь как военный приказ.

В состав военного комитета должны войти:

ЛАРГО КАБАЛЬЕРО – в качестве председателя.

ИНДАЛЕСИО ПРИЕТО – ответственный за национальную оборону и оперативную часть.

АНТОНИО МИХЕ – ответственный за организацию резервов и военную промышленность.

ХУЛИО ХУСТ – ответственный за транспорт.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НКТ – ответственный за снабжение.

3) Организовать защиту Мадрида.

4) Мобилизовать весь тыл.

5) Немедленно создать в Леванте резервную армию и т.д.

Михе советовал, чтобы Кабальеро сам, по своей инициативе, провел в жизнь это мероприятия, обещая, что партия выступит со своими предложениями лишь в том случае, если он, Кабальеро, сам этого захочет. Михе внес также несколько предложений по вопросам авиации (децентрализация аэродромов и централизация руководства).

Кабальеро отказался даже обсуждать эти вопросы.

20-го сентября мы повторили наши прежние предложения, добавив к ним лишь предложение о создании укрепленной линии на полпути между Мадридом и фронтом Тахо и несколько новых предложений по авиации. В частности, Михе настаивал на необходимости осуществления ряда мероприятий по противовоздушной обороне. Люди бегут с фронтов, не зная как спастись от неприятельского огня, нужно научить их держаться, а не расстреливать каждого десятого, как это делается сейчас. Дайте людям кирки и лопаты, пусть начнут рыть окопы. Кабальеро изрек: "Испанцы слишком горды, чтобы зарываться в землю". Для постройки укрепленной линии вокруг Мадрида мы выделили одного французского полковника, военного инженера, участвовавшего в войне, который выработал соответствующий проект. Послали на место две тысячи рабочих. Кабальеро должен был мобилизовать еще 20 000 строителей из Мадрида, послать землечерпалки, экскаваторы и руководителей строительства. В три дня можно было бы вырыть основательные траншеи. Ларго Кабальеро, пообещав, однако, ничего не сделал, а к моменту начала работ он стал тянуть волюнку, под тем предлогом, что у него, мол, нет денег для экскаваторов, нет транспорта для переброски рабочих, нечем кормить рабочих и т.д. Поздравляя 5-й полк и выражая ему благодарность за отличную боевую работу, он предложил комсоставу полка организовать подобные же военные единицы по всей Испании. С большими трудностями мы в течение 8 дней подготовили тысячу человек. А Кабальеро тем временем уже забыл о своей просьбе и заявил нам, что у него нет средств на содержание новых частей.

На каждом шагу партия наталкивается на сопротивление со стороны Кабальеро. Он весь поглощен мыслью о своей политической карьере. Ему невдомек, что если фашисты победят, то вся его карьера полетит в воздух.

После поражения под Толедо он изменился к лучшему и стал к нам больше прислушиваться.

30-го делегация Центрального комитета партии в составе Диаса, Михе и обоих наших министров, Эрнандеса и Урибе, повторили наши предложения Кабальеро:

1. О создании военного комитета.

2. О немедленной чистке генерального штаба, который, в силу ли своей неспособности, в силу ли предательства некоторых его элементов, ответственен за неудачи и поражения на фронте.

3. О необходимости создания под председательством командующего Эстрада и в составе тов. Асенсио, Бурильо, Маркеса, Гайо, Листера, Гарсиа, Мангада, Галана и ряда других командиров такого органа, который мог бы руководить операциями на всем центральном

секторе. Этот орган должен отвечать за боевые операции на этом важнейшем фронте.

Предложение о создании военного комитета было отклонено Кабальеро без всякого обсуждения. Второе предложение он принял, согласившись на введение новых элементов и даже отдельных иностранцев в генеральный штаб.

Принял он также и предложение о создании военно-оперативного органа на центральном секторе, но оставил за собою право ввести туда тех людей, которых он сочтет нужным. Как бы он и этот новый оперативный штаб не превратил в дискуссионный клуб! Такова, к сожалению, участь большинства наших предложений.

Подхожу к выводам: энергичней, чем когда-либо, мы должны вести кампанию за осуществление единства рабочих и всего народа.

Необходимо укрепить дисциплину и осуществить единство командования, — с этим все согласны.

Втянуть в работу государственного аппарата не только Каталонии, но и всей страны, анархистов. Это повысит у них чувство ответственности и значительно сократит безответственную критику с их стороны.

Я убежден, что мы можем победить. Многим покажется, что это противоречит всему тому, что я здесь говорил. Но нужно смотреть на вещи диалектически. Кабальеро поворачивался к нам спиной 15 дней тому назад, сейчас он все больше прислушивается к нам. Анархисты нам угрожают, но они вносят немало предложений, приемлемых для нас.

Мои предложения:

а) Правительство и коммунистическая партия должны разъяснить народу цели войны, как это делалось во время империалистической войны во Франции. Республика народного фронта 16 февраля не та, что республика 14 апреля. Кабальеро говорил в парламенте, что мы должны дать этой республике социальное содержание, что мы должны создать Республику трудящихся, как это записано в конституции. Я думаю, что мы должны больше подчеркивать социальный характер Республики. Мы боремся не только за то, чтобы уничтожить фашизм, но за демократические права и жизненные интересы масс. Нужно напомнить, что мы уже имеем и что мы теряем, если фашисты придут к власти. Надо разрешить земельный вопрос. Необходимо добиваться того, чтобы каждый крестьянин получил собственный клочок земли и право на вечное пользование обрабатываемого им участка. Анархисты с трудом пойдут на это. А мы все-таки должны на этом настаивать.

б) Рабочий контроль существует. Не мы его создали, но раз он есть, надо легализовать его, сокращая его права и организуя защиту иностранных предприятий и т.д.

в) Мы должны заставить правительство провести в жизнь мероприятия по социальному страхованию (обеспечение по старости, по несчастным случаям на работе, пособия беременным женщинам и т.д.). Подобные мероприятия приблизят весь народ к республике.

Франко обнародовал свою программу. Нужно, чтобы и наша программа, программа народного фронта, стала известна всему народу. На-

до дать некоторые свободы марокканцам. До сих пор мы ничего не сделали в этом направлении. Кабальеро уклонялся от обсуждения этого вопроса, ссылаясь на то, что он не хочет портить отношений с французским правительством. Все эти мероприятия облегчат нашу работу по разложению сил врага. Правительство должно выступить с декларацией по поводу церкви, свободы религии для всех. Верующие должны знать, что мы арестовываем священников не за то, что не служат богу, а за то, что они служат фашизму, т.е. стреляют в народ и ведут фашистскую пропаганду.

Нужно внести коренные изменения в работу государственного аппарата; правительство не овладело госаппаратом, которым управляют безответственные комитеты, берущие на себя функции правительства. Не затрагивая демократических форм конституционного режима, можно найти средства для укрепления государственного аппарата. Низовые комитеты, комитеты народного фронта должны помогать гражданским губернаторам и правительственным органам на местах.

Анархистов надо втянуть в государственный аппарат, чаще встречаться с ними, прорабатывать совместно предложения и таким путем усиливать дифференциацию в их рядах. Надо бить их не угрозами расстрела, как это делают наши товарищи, а отличной массовой работой.

Анархисты имеют оружие, и с этим нужно считаться. Они это нам показали на деле, арестовав недавно политического комиссара 5-го полка, которого спас от смерти лишь приход нашей воинской части. Они арестовали одного из командиров 5-го полка, продержали его полчаса, чтобы показать его всем своим пистольерос. Борьба с ними перед лицом фашизма – это конец. Значит, не нужно останавливаться перед тем, чтобы уступить им кое в чем, а после победы мы с ними посчитаемся, тем более, что к этому моменту мы будем иметь сильную армию.

Несмотря на серьезность и трудность военного положения и на возможность новых частичных поражений на фронте в ближайшие дни, я думаю, что, благодаря принятым нами мерам, недели через три положение радикально изменится.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 270. Л. 103–139.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

¹ Правительство Ларго Кабальеро – председатель правительства и военный министр Ф. Ларго Кабальеро, министры: иностранных дел – Х. Альварес дель Вайо; внутренних дел – А. Галарса, финансов – Х. Негрин, флота и авиации – И. Прието, промышленности и торговли – А. де Гарсия (все они были социалистами), юстиции – М. Руис Фунес (левый республиканец), сельского хозяйства – В. Урибе (коммунист), народного образования – Х. Эрнандес (коммунист), труда и здравоохранения – Х. Томас и Пьера (каталонская “левая”), связи и торгового флота – Б. Хинер де лос Риос (республиканский союз), министр без портфеля – Х. Хираль (левый республиканец).

² Леван – так в тексте. Правильно: Левант.

³ Кодевилла – так в тексте. Правильно: В. Кодевиля.

⁴ Всеобщий рабочий союз – так в тексте. Правильно: Всеобщий союз трудящихся.

- ⁵ Иностраннный посол, вмешивающийся в испанские дела, — речь идет о М. Розенберге, полпреде СССР, который вручил верительные грамоты М. Асанье 31 августа 1936 г.
- ⁶ Лерус — так в тексте. Правильно: А. Леррус (1864–1949) — основатель Радикал-социалистической партии, глава правительства в 1933 и 1935 г.; в начале войны эмигрировал в Португалию.
- ⁷ Антонио — так в тексте. Правильно: Антон.
- ⁸ Оссорио-и-Гальярдо — так в тексте. Правильно: А. Оссорио и Гальярдо.

№ 38

А. Марти о положении в Испании

14 октября, 1936

В период с 18 июля и до первых чисел сентября членская масса партии была поглощена вооруженной борьбой. Таким образом вся работа партии сводилась к военным действиям, но в гораздо большей мере в индивидуальном отношении, чем с точки зрения политического руководства борьбой. В лучшем случае партийные комитеты обсуждали неотложные вопросы (сбор оружия и взрывчатых веществ, снабжение, квартирный вопрос и т.п.), но не ставя перспективы и еще менее руководствуясь общим планом.

Начиная с 18 июля многие руководители возглавили борьбу и остались на этой работе в дальнейшем, при образовании колонн. Например, Картон является помощником командира эстрамадурской колонны, депутат Валенции¹ Урибе занимает такой пост в тэрудьской колонне, а Ромеро — в колонне, находящейся под Малагой; Дельбаррио — в колонне под Сарагосой. Но надо сказать, что лишь очень немногие руководители обладают нужными для военных способностями (я не имею в виду личное мужество). Так из 4-х, только что упомянутых, Картон является блестящим руководителем, Дельбаррио довольно хорош, а остальные с военной точки зрения ничего не стоят.

Политическая деятельность партии свелась к работе руководства (редакция газеты, несколько ячеек, демарш перед министерствами). Агитация партии, если не считать той, что ведется в прессе, сошла на нет. Внутрипартийная жизнь свелась к обсуждению важных, но по существу практических и второстепенных вопросов.

Между тем вербовка шла и продолжается очень быстрым темпом. Приток новых членов в партию громаден. Впервые тянутся в партию интеллигенты и даже офицеры (я не говорю о таких, как Ассенио², чье заявление о приеме, по-видимому, продиктовано личным честолюбием).

Но зато партия не занималась военными делами. Товарищ КОДО заявил, что “не будучи сам военным, я не могу дать вам мое мнение”. Но наиболее активные элементы из средних кадров начали уже с июля месяца создавать милицейские единицы, которые впоследствии превратились в 5-й полк. Генеральный штаб 5-го полка, составленный из рабочих или офицеров коммунистов или симпатизирующих, — это самое лучшее, что мы имеем во всей борющейся армии. Так как Политбюро не

давало ничего кроме общих директив, ясно, что наступили трения. Впервые, в половине сентября Генеральный штаб заслушал политический доклад МИХЕ. Он был чрезвычайно удовлетворен.

Нет больше Центрального Комитета. Несколько членов ЦК были убиты, другие же были исключены или сняты по различным причинам. Вокруг Политбюро (см. подробности в докладе на секретариате от 10-X) осталось лишь несколько членов ЦК (УРИБЕС, РОМЕРО и т.д.).

Даже в момент формирования министерства концепция ПБ заключалась лишь в том, что нужно бить врага, нужно делать войну.

Таким образом, товарищ КАСТРО, который, будучи командиром 5-го полка, пользовался колоссальным авторитетом, был снят и назначен директором Института Аграрной Реформы. Мы потеряли на этом 10 дней, ища нового заместителя в полк ЛИСТЕРА. КПФ, с согласия секретариата КПИ, отправила товарища Геймана в распоряжение КПИ для работы в военной комиссии. В течение 20 дней секретариат партии, и в частности товарищ КОДО, не давали ему никаких указаний и не использовали ничего из его работ. К моему приезду в Мадрид он готов был уже уехать.

Начиная с первых дней сентября, начала прогрессивно развиваться внешняя агитация партии (митинги). Одновременно с этим, главным образом при помощи Гере, мы изменили линию МУНДО ОБРЕРО: вместо святого оптимизма мы начали кампанию о необходимости организовывать войну. Три инструктора ЦК отправлены в Левант для усиления организации партии и для политического руководства новыми военными единицами, сформированными 5-ым полком. В конце сентября мы поставили на ноги организацию партийных органов в военных частях на следующей основе: фронтовой комитет, с правами провинциального комитета, который руководит создающимися политотделами в новых частях и коммунистическими группами; за ними стоит провинциальный комитет, ответственный за политотделы и группы в частях, стоящих на его территории.

Это решение было очень хорошо принято партией и товарищами, находящимися в армии. Но все же эта директива еще не проведена, такая организация лишь начинается. Внутренняя активность партии: она продолжает быть очень слабой и ограничивается разрешением текущих вопросов, но политические проблемы не обсуждались и не обсуждаются сейчас.

РУКОВОДСТВО ПАРТИИ. Настоящее руководство существует лишь в Мадриде и Валенсии. К тому же руководство в Валенсии очень слабо политически, что отражается и на газете (ВЕРДАД). Во всей провинции Леванта наше влияние очень сильно как в городах, так и в деревнях. Но за исключением провинциальных комитетов АЛИКАНТЕ и МЕМЮРСИ, все остальные комитеты очень слабы. Картагенский комитет хорошо работает с практической точки зрения (благодаря влиянию рабочих морского арсенала и моряков, которые как первые так и вторые находятся под нашим влиянием. Командир крейсера Нунес – коммунист, морской механик в течение 28 лет). Во всей этой области наша партия еще очень молода и ей нужно еще всему научиться.

КАТАЛОНИЯ. Наша партия (Объединенная Социалистическая Партия Каталонии – РСУК³ – входит в Коминтерн) не сплочена. Она продолжает оставаться суммой четырех сложенных партий, из которых она создалась. С точки зрения коммунистической, несмотря на то, что руководство находится в наших руках, она не имеет идеологического позвоночника. Отсюда значительные трения. Несмотря на это, ее правильная политика по отношению к крестьянину и мелкой буржуазии увеличивают из дня в день и так сильное влияние ее. Можно сказать, что РСУК – это третья партия Каталонии (после Эсквера и СНТ). Члены партии в большинстве своем являются членами УХТ, который значительно увеличил количество своих членов. К сожалению, неровная политика партии, в особенности в вопросах кадров, дала возможность поднять голову УХТ. СЕССЕ⁴ – тип подозрительный со всех точек зрения (см. протокол Каталонской Комиссии на 7 Конгрессе Коминтерна в сентябре 1935 года). Арландис (см. тот же документ) продолжает оставаться в руководстве. Он постоянно находится во Франции, под предлогом закупки оружия и отказался выполнить постановление партии (ПБКПИ), отзывавшей его в Мадрид. Руководство социалистической партии МАДРИДА (рабочая партия Испании) продолжает работать в ПСУК и часто случается так, что местные группы обращаются с письмами к ней, вместо того, чтобы писать ЦК КПИ. С другой стороны, Кабальеро стремится захватить руководство. 15 дней тому назад он вручил в Мадриде сумму в 3 миллиона пезет КАМОРЕРУ⁵ генеральному секретарю РСУК, которого мы вызвали для обсуждения вопроса о Каталонии и информацию которого мы заслушивали.

Профсоюзная политика партии. Практически ничего не сделано. СНТ продолжает делать все увеличивающееся количество заявлений УХТ, но больше всего на политической почве. Наши фракции собираются, но не занимаются вопросами повседневных требований. Вообще же, наши активисты остаются в УХТ (более легкая работа). С моей точки зрения, борьба за профсоюзное единство становится актуальной задачей. Я предложил, чтобы профсоюзы, находящиеся под нашим влиянием, обратились с воззванием о единстве в двух целях: 1) Единство рабочего класса для защиты интересов рабочего против предпринимателя; 2) единство в работе по производству для того, чтобы разбить фашизм. Принятие в принципе этого предложения о единстве (не указывая целей) было сделано Михе на большом митинге, устроенном партией в Мадриде 27 сентября. Это предложение вызвало очень сильные аплодисменты, но я предпочел бы, чтобы это было сделано так, как я предлагал. С моей точки зрения, профсоюзная работа нуждается в коренной перестройке.

Это даст нам возможность сломить сектантское отношение со стороны партии к анархистам в рабочих комитетах.

Аграрная политика. В общем линия правильна (см. решения Министерства земледелия по вопросам о земле), но она не популяризирована в деревнях. Не показывают глубокой разницы между нашей линией и методами анархистов. И в этой области нужно проделать еще колоссальную работу.

Жизнь партии. Предусмотрена организация нескольких областных конференций. Астурийская конференция должна была состояться 4 октября. Политбюро не могло послать никого (Пассионария, которая была намечена, не могла получить аэроплан). Таким образом, я не имею никаких сведений о том, как она прошла. Но кажется, что МАНЗО, наш депутат (руководитель октября 1934 года) оказался целиком превзойден социалистами. Я не слышал нигде, чтобы обсуждался вопрос о будущем руководстве Астурии.

Работа ПБ. Ужасно примитивна. Мне удалось быть на трех заседаниях, к сожалению, эти заседания проводятся в такой обстановке, что приходящие товарищи остаются на заседании и слушают все, что там обсуждается. Такая же болезнь и ПБ, и во многих комитетах партии. Дискутируют один вопрос, к нему присоединяют тысячу других и в конце концов не выносят никаких точных решений, не дано ни методов проведения в жизнь этих решений, не указано, кто ответственен за их выполнение.

Несмотря на то, что масса секретных документов разбросана на столах, я никогда не встречал написанных решений секретариата или Политбюро.

Единственный человек, способный руководить ПБ и принимать решения – это ДИАЗ – генеральный секретарь. К сожалению, состояние его здоровья таково, что он не должен работать.

Предложения:

Необходимо уточнить политику партии по следующим вопросам:

а) Экономические мероприятия (промышленность и сельское хозяйство) и социальная политика в данных условиях (партия еще не сказала по таким мероприятиям как реквизиции, комитеты рабочего контроля, проводимые в жизнь анархистами; организации не получили никаких указаний по этим вопросам. Что нужно предпринять для выполнения этого и для популяризации (создание большого агитпропаганды).

б) Организационные мероприятия партии (1. Обычные организации в республиканской зоне и организации в воинских частях. 2. Нелегальные организации в зоне, занятой фашистами и 3. Финансы партии).

в) Усиление руководства по всей организации и назначение нового Центрального Комитета.

В настоящее время без сомнения очень трудно быстро созвать партийный конгресс, но зато можно сравнительно легко провести провинциальные конференции (включая и Каталонию) и партийную конференцию.

Замечания по поводу посылки представителей и инструкторов в Испанию.

Я был очень удивлен по приезде в Мадрид работой Кодо. Нет другого термина для этого как “ка”. Он делает все сам. Он работает в бывшем бюро Хилья Роблема⁶ (партия помещается в бывшем здании СЕДА). В 9 часов утра он принимает всех и тут же сам решает все вопросы. До своего отъезда в сентябре он сам писал много передовых статей для “Мунде обреро”.

Такое поведение мне кажется полностью противоречит директивам 7 Конгресса и товарища Димитрова. В результате это приведет к тому.

что члены партии превратятся в простых исполнителей, потеряют совершенно чувство ответственности и помешают формированию кадров. Так например, тов. Чека, на которого возложена ответственность за организацию полиции, проводит три четверти своего дня, подписывая пропуска, разыскивая комнаты и регулируя мелкие вопросы.

Кодо⁷ рассматривает партию, как свою собственность. По возвращении из Москвы он сделал очень сжатый доклад, я чувствую сейчас, что он был очень не полон. Он ничего, в частности, не рассказал о той критике, которая была проведена здесь.

По-моему такое поведение недопустимо. Или же он должен быть членом Испанской Компартии. В этом случае он может быть назначен Генеральным секретарем и то лишь в том случае, если он изменит методы работы.

Или же он остается представителем Коминтерна, а в этом случае он не должен подменять секретаря партии, должен действовать советами и ни в коем случае не подменять руководство партии.

Меня кстати не удивляет, что по приезде сюда, на пути сюда и на обратном пути он каждый раз просиживал в Париже по 5 дней, несмотря на серьезность положения.

В меньших размерах, но с одинаковыми настроениями ему подражает товарищ Гере. После отъезда отсюда товарищ Гере прибыл в Мадрид раньше меня. Он занял место и перенял методы работы Кодо, немножко может быть слабее. В частности он не писал сам статей в газету, но настраивал тех, кто их писал. Я ему указал в очень товарищеской форме, что нехорошо подменять членов ПБ. Так, например, он один заслушивал доклады секретарей районов, областей и т.д. и давал директивы. Товарищ Чека, секретарь организации, никогда не присутствовал на этих разговорах. На мои замечания товарищ Гере мне заявил, что сейчас не время заниматься опытами. Я считаю, что его методы, правда не такие авторитарные, как методы Кодо, тоже плохи.

Ясно, конечно, что когда находишься в Мадриде и видишь саботаж государственного аппарата, безусловное затягивание выполнения директив органами партии, пытаешься сам взять рычаг правления в свои руки. Я все же считаю этот метод нехорошим. Во-первых, потому что нельзя заменять руководство. Во-вторых, потому что мы уменьшаем авторитет политбюро, давая лично директивы областным секретарям и другим лицам. И наконец, потому что таким образом мы задерживаем развитие кадров.

Что касается меня, я удовлетворяюсь тем, что делаю свои предложения. В лучшем случае, около 40% были приняты. Я убедился, что самый лучший метод, это убеждать терпеливо. Этот метод, по-моему, даст больше результатов. Даже в Генеральном штабе 5-го полка я никогда не давал никаких директив и никогда не утверждал директив, даже если я и был с ними согласен. Я всегда просил, чтобы эти директивы были приняты ПБ или по меньшей мере ответственными членами политбюро.

Товарищ Гере, выполняя инструкцию, которая была получена отсюда, находится сейчас в Каталонии. Я думаю, что в Барселоне он не

подменит руководства партии, благодаря особенностям этой партии (группы руководства, составленные из бывшего руководства 4 партий), но в Мадриде дело обстоит далеко не так.

РГАСПИ. Из коллекции архива

- ¹ Валенции – так в тексте. Правильно: Валенси.
- ² Ассенио – так в тексте. Правильно: Т. Асенсио, генерал, назначен 15 октября 1936 г. главой секретариата военного министерства, фактически заместителем военного министра. Был командующим Центральным фронтом.
- ³ РСУК – так в тексте. Правильно: ОСПК – Объединенная социалистическая партия Каталонии.
- ⁴ СЕССЕ – так в тексте. Правильно: А. Сесе, лидер ВСТ (Всеобщий союз трудящихся) Каталонии.
- ⁵ Камореру – так в тексте. Правильно: Х. Каморере (ген. секретарь ОСПК).
- ⁶ Хиль Роблем – так в тексте. Правильно: Х. Роблес.
- ⁷ Кодо – В. Кодовилья.

№ 39

Луис (В. Кодовилья) о положении в Испании

24 декабря, 1936 г.

I. Проблемы войны

Товарищи! Товарищи Житон и Дюкло, воспользовавшись моим пребыванием здесь, просили меня информировать Политбюро о нынешнем положении в Испании. Я постараюсь рассказать вам о проблемах, которые стоят в настоящее время перед Испанией, так как разрешением этих проблем заняты сейчас все наши братские партии и, в частности, французская партия, оказавшая большую помощь борющейся в очень тяжелых условиях компартии Испании. Я хотел бы также знать ваше мнение по поводу этих проблем, стоящих перед нами и требующих немедленного разрешения.

Я думаю, что товарищи больше всего интересуются военным положением, перспективами нашей вооруженной борьбы, политической ситуацией, связанной с ней, перспективами расширения и укрепления народного фронта; товарищи хотят знать, вовлекаем ли мы новые социальные слои в борьбу против реакции и фашизма. Я буду говорить и об экономическом положении, создавшемся по истечении пяти месяцев гражданской войны, в результате политики, проводившейся различными политическими, партийными и профессиональными организациями.

Начну с описания военного положения.

В развитии военных событий после начала мятежа можно различать три этапа.

Первый этап мы считаем от начала военно-фашистского восстания до того момента, когда враг, понесший поражение в первых боях, реорганизовал свои силы и перешел в наступление. Вы знаете что после мятежа у правительства остались незначительные военные силы, сохранившие ему верность, и небольшое количество оружия, в то время, как мятежная военщина увела за собой значительную часть армии и боль-

шинство офицерства и обладала оружием. Позднее мы узнали, что подготовка военно-фашистского мятежа велась уже с октября 1934 г., что в этой подготовке участвовали не только национальные, но и международные фашистские организации. Уже в июле 1936 г. существовала прямая связь между Франко и генеральным штабом Гитлера¹. Представители различных реакционных военных групп уже долгое время были связаны с Германией и во время своих поездок туда они заручились обещанием помощи со стороны международного фашизма. Одновременно эмиссары Франко и реакционных испанских кругов вошли в соглашение с итальянскими фашистами.

Несмотря на это, в первый момент мятежа, благодаря героизму и революционной воле масс, нам удалось не только отбить атаку неприятеля, но и нанести ему многочисленные поражения. Враг был разбит в больших городах, и в ряде местностей он был отброшен назад на сотни километров.

Мы допустили тогда ту ошибку, что полагали, будто война может быть ликвидирована быстро. Мы действительно могли бы закончить войну в несколько недель, если бы враг не получил помощи оружием, танками и аэропланами от немецкого, итальянского и португальского фашизма.

Рационально используя все технические средства, осуществляя конкретный военный план и единое руководство военными операциями, враг сумел перейти в наступление.

Через месяц после начала войны наша партия, учитывая серьезность положения, выпустила свой первый программный манифест, в котором она настаивала на необходимости создания единой народной армии, обеспеченной всеми техническими средствами, для подготовки большого контрнаступления против неприятеля.

В этот момент было уже ясно, что для того, чтобы выиграть войну, нужна армия. Все усилия нашей партии были направлены на создание этой армии. В своем манифесте и в ряде других документов партия говорила: создание милиции партиями и профсоюзами было правильным и необходимым шагом в начале войны, когда нужно было немедленно собрать все силы, быстро вооружить их, чтобы дать отпор врагу. Но сейчас, если мы хотим победить, мы должны реорганизовать наши вооруженные силы, превратить их в единую народную армию.

Такова была позиция нашей партии. Каков же был ответ различных политических и профессиональных организаций? В общем отрицательный. В этот момент как раз наша партия обладала уже значительным влиянием в массах, но она не была еще настолько сильна, чтобы добиться быстрого разрешения этой проблемы.

Социалисты заявляли, что для победы совсем не обязательно иметь армию, что всякая армия будет реакционной. Ларго Кабальеро, наш военный министр, вместе со всем левым крылом социалистической партии был против создания армии. В личных разговорах, которые потом нашли отражение в их официальной прессе, социалисты полемизировали с нами, обвиняя нас в том, что мы хотим создать наемную армию, вместо того, чтобы опираться на сознательность масс. По их мнению,

драться против фашизма должна только верхушка, наиболее сознательная часть рабочего класса. Откуда эта точка зрения? Политические установки Кабальеро и его людей сводились к тому, что борьба против фашизма должна вестись только рабочим классом, а не всеми честными и прогрессивными элементами страны. В этом, по существу, отражалось его презрительное отношение к средним классам и, в частности, к крестьянству.

Такая позиция социалистов способствовала дезорганизаторской тактике анархистов. Каждый делал, что он хотел, не было никакой дисциплины в частях. И горькие плоды такой политики быстро сказались. Хорошие революционеры жертвовали собой, а трусы и провокаторы пытались использовать в своих интересах создавшуюся обстановку.

Социалисты не понимали также основной проблемы, проблемы использования кадров. Они не понимали того, что наиболее активные пролетарские кадры, вожаки рабочего движения, должны быть использованы не как изолированные ударные силы, но как организаторы и руководители, могущие спаять воедино вооруженные боевые части. Последствия этой разрушительной тактики сказались не в первый момент, когда фронт борьбы был очень узок, но несколько позднее.

Привожу в качестве примера решающий в настоящий момент участок борьбы – Мадрид. Лучшие профессиональные и партийные кадры дрались вначале под казармой Монтанья и в горах Сьера-Гвадаррама. Здесь мы не раз наносили врагу поражения, здесь мы всегда сдерживали его натиск. Но вот началось наступление врага в долине Тахо. Фронт борьбы расширился. Вместо того, чтобы использовать наши кадры в качестве организаторов новых сил, их оставили на фронте Сьерра, а нанятых крестьян отправляли на новый фронт без всякой подготовки, без крепкого пролетарского руководства.

Начиная с Оропезы, через Талаверу, Де ля Рейна, Толедо и Валькарнеро, идя от поражения к поражению, наши силы стягивались в направлении к Мадриду. Талаверский фронт поглощал значительные силы. Дезорганизация разлагала и деморализовала даже наиболее устойчивые отряды, посланные туда на подкрепление.

Каковы были причины этих поражений? Их было несколько.

С точки зрения субъективной это было результатом психологических настроений, созданных в милиции социалистами и анархистами; будучи противниками создания регулярной армии, они не боролись за дисциплину в частях. Каждая политическая организация, каждый профсоюз занимались и руководили собственными военными силами. Они сами решали, куда послать свои отряды, они сами определяли, где была наибольшая опасность, не считаясь с общим планом генеральского штаба. Такая армия не могла победить. С точки зрения объективной причина поражения таилась в том, что неприятель имел винтовки, пулеметы, самолеты и подготовленные военные кадры, в то время как даже наиболее сознательные и дисциплинированные части наших войск не обладали необходимыми техническими средствами современной войны.

Но многие из этих недостатков могли бы быть устранены, если бы социалисты были заинтересованы в поддержке правительства. Дюкло

был там, он видел как происходило дело. Беда была не только в том, что социалисты и анархисты держались неправильной концепции в вопросе организации армии. Надо прямо сказать, они не были заинтересованы в победоносном окончании войны под руководством республиканского правительства Хиралья, так как они целились дальше: они хотели навязать стране свои "экстремистские" теории. Видя, что коммунистическая партия становится все более массовой, народной партией, что она выступает как освободитель всех угнетенных слоев населения, что ее влияние распространяется и на мелкобуржуазные круги, социалистическая партия захотела быть более "левой" и "революционной", чем коммунистическая партия. Поэтому социалисты не только не помогали правительству Хиралья преодолеть все трудности в армии, но толкали его на эти трудности. Чем более ухудшалось военное положение, тем больше социалистическая партия пыталась изображать из себя спасителя масс.

Ларго Кабальеро.

(Дюкло: "Испанский Клемансо!")

Да, испанский Клемансо, он бросил лозунг "Власть социалистической партии и Всеобщему Рабочему союзу" в момент поражения под Толедо. Если этот лозунг не будет проведен в жизнь, грозил он, наступит катастрофа.

Это был политический шантаж! Мы отвечали, что согласны поддерживать правительство народного фронта под председательством левого республиканца, так как подобное правительство отвечает характеру и внутренней, и международной обстановки. Если вы, социалисты, хотите участвовать в таком правительстве, указывали мы, мы ничего не имеем против, но мы считаем, что для нас будет удобнее поддерживать такое правительство извне, так как участие коммунистов в правительстве может заострить международную обстановку. Наше предложение не было принято. Кабальеро настаивал на том, что он должен быть председателем нового правительства. Я вспоминаю, что по данному вопросу мы советовались и с т. Дюкло. Все наши возражения не привели ни к каким результатам. Социалисты угрожали, что начнут публично кампанию против правительства Хиралья, а это привело бы к полной дезорганизации фронта. Мало того. Если бы мы не приняли предложения о создании правительства Кабальеро, был бы государственный переворот, ибо Ларго Кабальеро прибегал не только к угрозам. Левые социалисты сконцентрировали уже в казармах от двух до трех тысяч молодых милиционеров с целью совершения переворота.

Остальное вам известно. Ларго Кабальеро пришел к власти и, к сожалению, он не оказался очень способным правителем. Мы сами думали, что он является умелым профсоюзным бюрократом, вроде Ситрина или Жуо. Он не показал никаких организаторских способностей. Больше того, с тех пор, как он пришел к власти, он оторвался совершенно от масс и даже от своих собственных профсоюзных друзей.

Что касается его способностей в деле руководства военным министерством, то надо сказать, что они равны нулю. Он не понял того, что в войне социального характера, которая происходит в Испании, надо

иметь на командных постах, наряду с военными специалистами, лучшие политические и профессиональные кадры руководителей. Он пытался руководить войной так, как будто бы это была обычная война. Он окружил себя людьми военной иерархии, не чувствующими народных интересов и зачастую являющихся даже саботажниками. Эти военные специалисты превозносят военного министра, обсуждают с ним большие военные планы, а на практике срывают или не желают вникнуть в те предположения, которые вносят наши товарищи, отдающие все свои силы борьбе за победу.

В правительстве Ларго Кабальеро мы получили два портфеля: народного просвещения и земледелия. Решающие посты находятся в руках социалистов. Ясно, что при таком положении вещей наш удельный вес в правительстве очень ограничен.

Несмотря на все это, мы взваливали на себя большую работу; мы стремимся проводить в жизнь ту политику, которую правительство неспособно осуществить, в области военных дел мы вынуждены работать в обстановке саботажа со стороны реакционных элементов.

Основной заботой партии с момента мятежа был военный фронт. Мы строили народную армию, насаждали в ней дисциплину и организацию. Благодаря своей политике в деле построения армии, наша партия расширила свои ряды и в настоящее время пользуется в армии решающим влиянием. Если наша армия становится крепкой и мощной, то только благодаря той работе, которую проделывают члены нашей партии. Защита Мадрида, героизм бойцов, борющихся на подступах к городу, известны всему миру. Со стороны можно подумать, что организатором защиты является генерал Миаха². На самом же деле подлинный организатор защиты Мадрида – это наша партия. Лучшие элементы нашей партии находятся на фронтах Мадрида и Сьерра Гвадаррама. Из 21 тысячи членов мадридской организации 20 тысяч находятся на фронте или заняты работами, непосредственно связанными с фронтом. Когда враг подошел к Мадриду, наш местный комитет партии организовал батальон коммунистов, который своим мужеством и героизмом увлекал милицию и сеял панику в рядах неприятеля. Эти товарищи, ранее почти никому неизвестные, как товарищ Антонио, секретарь Мадридского областного комитета партии – сегодня политический комиссар мадридского фронта, товарищи Хирон, Дигуэс, Чека и др. организовывали необходимые силы для защиты города. В наиболее решающие и критические моменты ударные группы коммунистов с пением Интернационала увлекали на борьбу наши военные силы.

Я должен отметить, что наиболее решающим фактором в защите Мадрида оказалась интернациональная бригада. Участие иностранных товарищей в борьбе за освобождение испанского народа имело исключительное значение не только в том смысле, что эти люди принесли с собой богатый военный опыт. Важно то, что в лице интернациональных бригад испанский народ почувствовал непосредственное проявление солидарности со стороны других народов. До прихода интернациональных бригад была тяжелая пора. Враг использовал в борьбе против нас самолеты, танки, пушки, пулеметы, а мы не были в состоянии отве-

тить тем же. Среди бойцов наблюдалось чувство подавленности, появлялся пессимизм. С горечью товарищи смотрели на Францию народного фронта. Ждали от нее более действенной помощи. Я должен подчеркнуть, что массы делали различие между правительством Блюма и французским народом, в особенности, его коммунистической партией. Наша партия понимала, что коммунистическая партия Франции делает все, что может, для испанского народа, это признавали даже реформисты, но все ждали большего от французского правительства. Наши бойцы, видя немецкие и итальянские самолеты и танки у врага, невольно задавались вопросом: Почему же не помогают нам? Нас принесли в жертву фашизму, добавляли они. Это чувство подавленности среди бойцов ослабляло и те небольшие возможности организации борьбы, которые у нас были.

6 ноября правительство покинуло Мадрид, не объяснив в политическом документе причины своего ухода. Это вызвало недоумение. Массы не понимали этого акта и думали, что все уже потеряно. В этот момент наша партия напрягла все силы, чтобы преодолеть пессимистические настроения масс. Так, партия созвала на 8 ноября большой митинг в Мадриде. Этот митинг транслировался по всему городу. Товарищ Пассионария от имени Центрального комитета партии обратилась к бойцам с призывом всеми средствами отстоять Мадрид. Она заверила массы, что наша партия вместе с правительством мобилизует все резервы страны для того, чтобы отразить наступление фашистских сил на Мадрид. Митинг и выступление на нем Пассионарии вызвали большое воодушевление. Вся социалистическая и республиканская пресса писала об этом митинге. Все вокруг говорили: “Мы нашли партию, которая нами руководит, партию, которая знает, куда она идет, партию, которая организует победу. Все должны выполнять директивы коммунистической партии”. С этого момента начинает расти упорство, мужество и героизм защитников Мадрида.

И, наконец, наши бойцы, которые не могли раньше устоять против самолетов, танков, пулеметов врага, увидели, что у нас тоже появились самолеты, танки, пулеметы. Они почувствовали себя не беззащитными. Панический страх перед танками, самолетами и огнеметами врага стал исчезать. Мы имеем уже группы отважных бомбометчиков-антитанкистов. Теперь вражеские танки, очутившиеся в расположении наших сил, уничтожаются, если они не успевают вовремя вернуться на свои базы.

Я хочу рассказать здесь один очень важный эпизод: одним из факторов, который помог нашим бойцам преодолеть страх перед танками, был фильм “Мы из Кронштадта”. Не раз в момент демонстрации этого фильма товарищи Диас и Пассионария призывали бойцов следовать примеру защитников Петрограда. И действительно, пример Красной гвардии, уничтожавшей танки, наступавшие на Петроград, оказался заразительным. Теперь каждого бойца, которому удалось разбить вражеский танк, называют у нас кронштадтским моряком.

Раньше наши бойцы бросали траншеи, как только начиналась воздушная бомбардировка. Они не чувствовали поддержки со стороны нашей авиации. Но после того, как мы создали значительный воздушный

флот, после того, как наши милиционеры увидели успешные операции наших самолетов, они не только перестали бояться воздушных бомбардировок, но и научились отражать их. Это относится не только к милиционерам, но и к гражданскому населению. Как только наши самолеты появляются над Мадридом, чтобы дать отпор вражеской авиации, бомбардирующей город и сеющий смерть среди мирного населения, толпы народа высыпают на улицы. Люди взбираются на крыши, они аплодируют каждому нашему самолету, сбившему фашистский аэроплан. Мы можем, далее, сказать, что в настоящий момент мы по количеству артиллерии и пулеметов не отстаем от врага.

Все эти факторы создавали новую психологию у бойцов, они рождали перелом. Теперь каждый из них заявляет: у нас есть средства для борьбы против врага. Тот, кто отступит хоть на один шаг, должен быть осужден как трус! Случаи самовольного ухода с фронта становятся все реже и реже, если они еще и имеют место, то только среди анархистов.

С начала ноября мы вступили во второй этап борьбы. Мы стали оказывать активное сопротивление и готовить контрнаступление против фашизма. В деле защиты Мадрида мы ставили себе задачу: идти на любые жертвы, чтобы не пропустить врага в Мадрид. Но при всех условиях оставить открытым выход на Валенсию, чтобы не очутиться взаперти в городе. Если случайно фронт будет прорван и врагу удастся захватить часть города, стремиться уничтожить врага на захваченной им территории, но при этом сделать все необходимое, чтобы не оказаться в ловушке, чтобы обеспечить отступление для своих кадров. К счастью, до этого дело не дошло. Первое подкрепление в 20 тысяч человек, прибывшее на мадридский фронт, хотя и не могло освободить город от осады, настолько однако усилило наши позиции, что враг наталкивается на сильнейший отпор и терпит значительные потери.

Для всех теперь ясно, что подлинным защитником Мадрида является наша партия, действующая в союзе с молодежью и опирающаяся на все остальные организации народного фронта. Анархисты поняли это положение и пытались ослабить популярность нашей партии в массах. Они отправили на мадридский фронт одного из своих вождей Дуррути во главе небольшой колонны с целью "спасти Мадрид". Прибытие этой колонны в Мадрид сопровождалось большой кампанией в анархистской прессе, изображавшей Дуррути как спасителя Мадрида. Колонна Дуррути пошла в огонь, но при первой же атаке врага она покинула фронт. Именно этот прорыв открыл фашистам путь в университетский городок. Поведение колонны нанесло большой удар самому Дуррути и анархистам. Дуррути пытался силой заставить своих людей вернуться на фронт. Он пожал плоды своей тактики. Милиционеры-анархисты, не подчиняющиеся никакой дисциплине и насчитывающие в своих рядах немало провокаторов, повернулись против Дуррути и убили его выстрелом из револьвера. Я должен здесь сказать, что всякий раз, когда у нас бывал прорыв фронта, это случалось именно на тех участках, которые занимали анархисты. Последний прорыв фронта в Боадилья дель Монте произошел в результате дезертирства колонны Паласиоса, последней колонны анархистов на мадридском фронте.

В настоящее время фронт под Мадридом и в Сьерра Гвадаррама более крепок, так как там нет анархистов, громадное большинство бойцов здесь представлено коммунистами, членами объединенного союза молодежи и товарищами из Всеобщего Рабочего союза.

Теперь после семи недель ожесточенной защиты Мадрида мы можем сказать, что вступаем в третий этап борьбы. Мы не имеем еще больших успехов в смысле завоевания новых территорий под Мадридом, но мы смогли нанести тяжелый удар врагу и заставить его исчерпать большую часть своих сил. Подсчеты, произведенные нами на основании различной информации, говорят о том, что в боях у стен Мадрида враг потерял убитыми и ранеными больше 12 тысяч марокканцев, 4–5 тысяч карлистов³ и фалангистов⁴. Наши потери составляют от 6 до 7 тысяч человек убитыми и ранеными.

Как вы видите, силы врага начинают таять. Между тем возможности вербовки в Марокко все более и более сокращаются. Что касается карлистов, то они заняты организацией защиты Наварры и не могут давать новых резервов на другие фронты. Вот почему Франко в конце ноября поставил перед Гитлером и Муссолини вопрос о том, что без помощи людьми и материалами с их стороны он не в состоянии продолжать свое кровавое дело. Были слухи о разногласиях между Гитлером и руководством рейхсвера по вопросу о помощи Испании. В конце концов как будто решили запросить у Франко, какое количество людей ему необходимо. Франко, говорят, потребовал 100 тысяч человек. 50 тысяч он надеется получить из Германии, 25 тысяч из Италии и остальное из Португалии и Марокко. Из этого контингента уже прибыло в Испанию от 10 до 15 тысяч человек. Одна группа немцев уже участвовала в боях под Мадридом, у Боадилья дель Монте, вторая группа сражается в окрестностях Овиедо. Несколько тысяч немцев сконцентрировано в Севилье. Известно также, что мятежники получили новую партию самолетов бомбардировщиков и истребителей из Германии. Говорят, что эти самолеты пролетают ночью над Швейцарией и Францией на высоте 4–5 тысяч метров, чтобы не быть замеченными, и утром садятся на аэродром мятежников.

В то время, как силы врага уменьшаются, наши силы все более и более увеличиваются. Мы продолжаем накапливать резервы. Мы имеем уже более 20 тысяч человек, которые через неделю будут готовы к наступлению. Если бы мы могли вооружить наши резервы за 15 дней до того, как неприятель получил подкрепление, мы имели бы сейчас иное положение на фронтах. Но из-за недостатка вооружения, мы не можем двинуть наши резервы в наступление с необходимой быстротой. Вот почему вопрос стоит сейчас не только о том, чтобы получать вооружение, но о том, чтобы получать его в возможно более коротких сроках. Тогда мы сможем без задержки пускать в ход наши резервы. Если мы будем иметь оружие, людей у нас хватит.

Нам удалось в настоящий момент добиться перестройки 60% всего воинского состава армии по принципу бригад, батальонов и рот. Части реорганизованной армии обеспечены средними кадрами и преданным делу народа офицерством. Фронт забрал лучшие наши кадры, но их

влияние в армии чувствуется. Мы можем утвердительно сказать, что на 80% армия руководится членами нашей партии. Почти во всей армии выполняются директивы нашей партии. Все наиболее честные и лояльные элементы среди офицерства, находившиеся ранее в республиканском лагере, перешли к нам. Генерал Миаха – военный руководитель защиты Мадрида, генерал Позас – начальник центрального фронта, генерал Рыкуэльме⁵ и ряд других виднейших офицеров и генералов являются членами нашей партии. Если раньше трудно было найти офицера-коммуниста, то сейчас трудно найти в республиканской армии офицера некоммуниста. Вот характерный пример: в министерстве авиации и морского флота из 42 служащих 39 человек организованы в комячейке, в том числе и секретарь министерства. Принадлежность к нашей партии офицеры считают честью для себя. Многие из них откровенно заявляют, что мало разбираются в коммунистическом учении, но они тут же добавляют: мы хотим быть членами коммунистической партии, так как только ваша партия способна обеспечить победу и защиту всего народа; мы хотим изучать коммунистическую теорию. Доверие к партии настолько велико, что военные руководители прежде чем обратиться по какому-либо вопросу в генеральный штаб, приходят за советом к нашей партии. Показателем этого исключительного влияния нашей партии в армии является тот факт, что именно по требованию нашей партии в армии вместо партийных и профессиональных колонн стали организовываться бригады, батальоны и роты. Правительство еще до сих пор не дало приказа по этому поводу. Ларго Кабальеро ставит здесь бюрократические рогатки нашей работе. Мы неоднократно просили его издать декрет о новом основном кодексе, но он до сих пор ничего не сделал, и наша антифашистская армия руководствуется военными законоположениями времен Альфонса XII.

Практика показала, что милиционеры в рядах регулярной армии дерутся гораздо лучше. Испанские бригады, борющиеся на мадридском фронте рука об руку со второй интернациональной бригадой, не отставали от нее в преданности, дисциплине и отваге. Сейчас создаются уже смешанные бригады из испанских и иностранных батальонов. Таким образом происходит все большее слияние национальной армии с интернациональными бригадами. Это приведет в конце концов к созданию единой большой антифашистской армии, которая сможет разить фашизм в Испании и явится крупнейшей силой в борьбе против международного фашизма.

В настоящее время испанская армия насчитывает 260 тысяч человек соответствующим образом вооруженных. По фронтам они делятся следующим образом: 80 тысяч на центральном фронте, 15 тысяч в секторе Теруэль, 20 тысяч в Астурии, 28 тысяч – в Бискайе, 11 тысяч – в Сантандере, 44 тысячи – в секторе Малага–Гренада–Эстремадура, остальные разбросаны на различных участках. Помимо этого, имеется 40 тысяч человек, состоящих в резерве и частично уже вооруженных, и от 40 до 50 тысяч человек, получающих военную подготовку. В результате мы будем иметь армию, насчитывающую свыше 300 тысяч человек. Эту колоссальную армию мы не сможем снабжать только извне. Нам

нужна национальная военная промышленность, иначе мы окажемся, быть может, с оружием, но без амуниции (такие факты уже имеются). Вот здесь-то мы чувствуем последствия политики Ларго Кабальеро, который не хотел создавать военной промышленности. Теперь же мы должны ее создавать наспех, спустя пять месяцев после возникновения войны. Армия, как и народ, сегодня отдают себе отчет в том, что если бы с первого дня проводилась политика нашей партии по вопросу о создании армии, о едином командовании, о военной индустрии, враг был бы уже, возможно, разбит. Вот почему массы бойцов так же, как и большая часть населения, все больше видят в лице нашей партии единственную силу, способную руководить войной и обеспечить победу. Нередко к партии обращаются делегации военных с жалобой на саботаж со стороны бюрократов генерального штаба, с требованием, чтобы наша партия вычистила “авгиевы конюшни” и приняла более активное участие во власти. Каждой из этих делегаций руководящие товарищи нашей партии объясняют нашу политику народного фронта, наше лояльное отношение к правительству. Но все же звезда Ларго Кабальеро тускнеет, и все настойчивей раздаются отовсюду голоса: способно ли нынешнее правительство обеспечить победу. Во всяком случае, ясно одно, что в настоящем правительстве должно быть обеспечено более решающее влияние коммунистов.

За истекшие пять месяцев войны правительство не в состоянии было обеспечить единое командование и единое руководство военными операциями на фронтах. Генеральный штаб руководит лишь операциями на центральном фронте и частично операциями на юге и в секторе Теруэль. Баски и астурийцы проводят свои операции по самостоятельным планам, очень мало связанным с планом генерального штаба. В Астурии идет ожесточенная борьба. Результаты могли бы быть лучше, но недостает способного военного руководства. Мы топчемся здесь на одном месте. Та же самая проблема стоит перед басками. В Бискайе имеется все нужное для более широкого наступления, но баскские националисты действуют очень медленно. Они хотят отвоевать постепенно свою территорию, и, судя по их планам, они мало интересуются тем, что делается в стране.

Арагонский фронт — худший из фронтов. Здесь свирепствует анархия. Операции проводятся в жизнь только с согласия анархистов, а так как анархисты никогда не бывают согласны, то и операций никаких нет. Вокруг Уэска сконцентрированы значительные силы. Время от времени идет перестрелка. Но нет ни плана, ни особого желания предпринять серьезную атаку против врага. Для снабжения всей бездействующей армии анархисты отбирают у крестьян скот, продукты питания. А когда крестьяне протестуют против грабежей, их причисляют к фашистам. В Арагоне было уже несколько случаев, когда целые семьи, ограбленные анархистами, забросили свои поля и перешли на сторону мятежников. Арагонская провинция была очень богатой провинцией, но анархисты ее полностью разорили. Они ничего не хотят слышать о реорганизации милиции в регулярную армию, так как боятся контроля. Из снабжения, отправляемого на фронт, половина пропа-

дает в дороге. То же самое происходит с амуницией. Анархисты накапливают продовольствие и амуницию в тылу с целью подготовки "своей революции".

Вот почему проблема создания единой армии и единого командования ставится с необычайной остротой. Враг концентрирует лучшие силы на мадридском фронте, он ослабляет другие фронты, а мы этого положения не используем. Этот вопрос ясен и для Кабальеро, но у него не хватает энергии, чтобы добиться решительного перелома.

Товарищи спрашивают, что делается во флоте. Есть ряд причин, обрекающих наш флот на бездействие. В начале мятежа отсутствие дисциплины во флоте мешало его использованию. Большинство офицеров оказалось связанными мятежниками и пытались вместе с кораблями перейти на сторону противника. Офицерство было ликвидировано без суда. После этого на каждом корабле был организован комитет моряков, находившийся в большинстве случаев под влиянием анархистов. Мало-помалу нашей партии удалось вновь установить дисциплину на кораблях, и теперь вопрос о дисциплине, можно сказать, разрешен. Нет техников, артиллеристов и морских офицеров, не хватает снарядов, амуниции вообще. Этот вопрос уже давно был нами поставлен перед военным и морским министерствами. Ничего, однако, не сделано для изменения положения. Сейчас мы можем достать амуницию, но это не решает еще всей проблемы. Более тщательное изучение вопроса приводит нас к мысли, что наш флот недостаточно силен для выполнения плана серьезного наступления. Существует диспропорция между скоростями отдельных единиц. Одни корабли делают от 12 до 16 узлов, другие — от 30 до 34. Таким образом, создается трудность для наступления. Между тем флот противника получил подкрепление в виде немецких подводных лодок и опирается на поддержку немецких и итальянских военных судов, находящихся в Средиземном и Кантаберийском морях. Вот почему до последнего времени наш флот выполнял лишь поручения по охране и сопровождению грузового транспорта. Для борьбы против вражеских сил нам нужны прежде всего маленькие крейсера, торпедные катера, глиссера и т.д. В стратегический план врага входит подготовка десанта на побережье Средиземного моря. С этой целью он продолжает концентрировать силы на Балеарских островах. Не исключена возможность неожиданного демарша. Это обязывает правительство создать необходимые силы и средства для защиты побережья.

Что касается авиации, то здесь есть чем похвастать. Вы знаете причины. Наша авиация, если не по количеству, то по качеству, скорости, подвижности, во многом превосходит фашистскую авиацию. Из опыта боев можно уже вывести такую пропорцию: на каждый сбитый неприятелем наш самолет мы сбиваем три. Фашистская авиация уничтожает мирное население, но она не могла всерьез бомбардировать наши аэродромы. Наша же авиация бомбит аэродромы и наиболее уязвимые для неприятеля места. Ясно, что мы должны увеличивать нашу авиацию, так как враг беспрестанно получает подкрепления из Германии и Италии.

Такова в общем и целом картина военного положения в настоящий момент.

Если нам удастся перестроить армию и флот, приспособить нашу промышленность к нуждам войны, снабдить всем необходимым фронт, то, несмотря на новые подкрепления, которые получает противник из Германии и Италии, мы сможем его разбить. Борьба тяжела, но сейчас у нас больше шансов на успех, чем когда бы то ни было.

II. Вопросы экономики

Победа в войне, как известно, достигается не только на поле сражения, но также и в тылу, на экономическом фронте. Та часть Испании, которая находится в руках республиканского правительства, имеет все необходимое не только для создания военной индустрии, но и для снабжения тыла. До последнего момента, однако, правительство вело очень легкомысленную политику: имеются деньги, а на деньги можно все купить. Вы помните, вероятно, историческое изречение Прието: у нас есть деньги, следовательно мы выиграем войну! С самого начала войны испанское правительство закупает оружие и сырье за границей.

(Дюкло: Подчас очень дорого и очень скверно!)

Да, это верно. Очень дорого и подчас плохого качества. Наша комиссия должна постараться прекратить это безобразие. Но до сих пор правительство не смогло создать военной промышленности в стране. В конце концов мы исчерпаем запасы золота, и если даже будем иметь оружие, то у нас не будет промышленности, способной снабжать армию амундией. К счастью, уже положено начало создания такой промышленности.

Что касается промышленности вообще, то здесь до сих пор каждый действовал по-своему. Наша партия вынуждена была заниматься, главным образом, фронтом и не могла уделить должного внимания тылу. Даже в тылу наши товарищи занимались подготовкой сил для отправки на фронт (Я должен сказать, что Кабальеро никогда не понимал необходимости организации резервов. Его эмпирическая концепция военных проблем приводила его к следующим выводам: зачем готовить солдат, если мы не имеем оружия для немедленного вооружения их? Будет оружие – будут и солдаты). О том, как много наша партия сделала в смысле организации резервов, свидетельствует такой факт: для десяти последних бригад, насчитывающих 35 тысяч человек, партия дала 22 780 человек, прошедших военную подготовку.

Эту ситуацию использовали анархисты. Находясь всегда в тылу, они совместно с несколькими профсоюзами, руководимыми социалистами, разделявшими их точку зрения в вопросах социализации промышленности, стали захватывать фабрики и организовывать производство. При этом они не считались с тем, причастен ли предприниматель к фашистскому мятежу или нет. Иногда предпринимателя приглашали даже в качестве служащего на фабрику. Но если он оказывал сопротивление, он подлежал ликвидации как контрреволюционер. В ряде случаев, благодаря энергичному вмешательству наших товарищей, удалось избежать этих эксцессов. Но там, где анархисты взяли руководство предприятиями в свои руки и организовали производственные комитеты, они насаждают неслыханный бюрократизм. В Каталонии члены

этих производственных комитетов ведут себя нередко как новоявленные богачи, по целым дням они разъезжают на машинах, носятся с места на место, и никто толком не знает, чем они заняты. Но это еще не самое страшное. Плохо то, что отсутствует какое-либо подобие планового руководства. Каждая фабрика производит то, что ей кажется полезным. Одни товары производятся с избытком, других не хватает. Текстильные фабрики продолжают, например, изготавливать ткани для экспорта, которого сейчас уже нет, и не производят зимней ткани для снабжения фронта.

(Вайян Кутюрье⁶: А где они берут деньги для того, чтобы оплачивать рабочих?)

Когда они захватили фабрики, они забирали склады, текущие счета и банковские кредиты данных предприятий. Этого хватило на несколько месяцев. Теперь там, где запасы уже израсходованы, начинается безработица. На некоторых предприятиях работают только три дня в неделю, а рабочим в ожидании работы платят за полную неделю. Ясно, что началось удорожание жизни, что не хватает необходимых продуктов. Все это ведет страну к экономической катастрофе, если всему этому не будет положен конец.

В сельском хозяйстве дело обстоит еще хуже. Вы помните, что еще перед октябрём 1934 г. наша партия боролась против концепции социалистов и анархистов о социализации и муниципализации земли. Партия, учитывая нынешний этап революции, выдвигала требования передачи земли крестьянам в индивидуальное или коллективное пользование, по их желанию. Там, где нашей партии не удалось воспрепятствовать насильственной коллективизации, мы ясно видели, что анархисты понимают под словом коллективизация. На практике анархистская социализация означает примерно следующее: профсоюз сельскохозяйственных рабочих забирает весь урожай; часть этого урожая распределяется между с.-х. рабочими и крестьянами, другая же часть продается. В последнем случае крестьяне, вместо денег, получают боны местного значения. Муниципализация же на деле означает, что земля объявляется собственностью муниципалитета, который продает всю продукцию; крестьянин же лишается урожая и должен за небольшую заработную плату работать под руководством анархистских организаций. В Валенсии было несколько случаев, когда анархисты забирали весь урожай апельсинов, продавали его на каталонском рынке, деньги оставляли себе, а крестьянам раздавали боны. В Хаэне они проделали то же самое с продукцией оливкового масла.

Но такая политика могла лишь вооружить крестьян против правительства, против рабочих организаций и поставить под угрозу исход войны. Там, где наша партия сильна, нам удалось избежать этих актов насилия. Но так как крестьяне неорганизованны, очень трудно спасти их от бесчинств и насилий анархистов. Вот почему наша партия, видя, что правительство неспособно положить конец разрушительной тактике анархистов, начала организовывать крестьянство. Партия заявляет, что собственность должна быть обеспечена за крестьянами, что никто не имеет права силой коллективизировать землю, если они хотят рабо-

тать индивидуально, что крестьяне имеют право продавать свои продукты по твердым ценам, которых все должны придерживаться. Эта проблема была поставлена со всей силой в ряде манифестов, в докладах наиболее известных наших товарищей, министра земледелия, тов. Урибе, тов. Хозе Диаса, тов. Пассионария, тов. Маттес и др. Мы послали несколько товарищей в провинцию, чтобы создать там местные организации крестьян. Сейчас существует уже несколько крестьянских федераций. Крестьянская федерация в Валенсии насчитывает 52 тысячи членов и является одной из наиболее крупных. Создана федерация в Аликанте, организуется федерация в Мурсии, в Альмерии и др. провинциях. Крестьяне встречают наших организаторов и агитаторов как братьев. Наша тактика находит поддержку не только в деревнях, но и в городах. Если бы не было других фактов для подтверждения ленинской концепции о том, что крестьянство является естественным союзником пролетариата, то мы имеем сейчас яркое доказательство этому в Испании. Несмотря на все злоупотребления анархистских и социалистических организаций по отношению к крестьянству, крестьяне, убедившись, что наша партия защищает их интересы, начинают ее поддерживать всеми силами. Авторитет нашей партии в деревне настолько вырос, что когда партия просит крестьян доставить 10 грузовиков продовольствия на фронт, они отправляют 20. Но этого не бывает, если приказ исходит от правительства. Крестьяне Валенсии, находившиеся раньше под влиянием католиков, посылают теперь ежедневно сельхозпродукты в подарок ЦК нашей партии.

Но эта правильная политика нашей партии, усиливающая фронт борьбы против реакции и фашизма, была плохо встречена анархистами и частью социалистов; они обвиняют нашу партию в том, что она восстанавливает частную собственность в то время, как они де борются за "революционную" политику, за социализацию земли. Но, будучи не в состоянии помешать политике нашей партии в деревне, они терроризируют наших товарищей и наиболее активных крестьян. Чтобы покончить с анархистским террором в деревне, мы предлагаем создать деревенскую полицию. С другой стороны, социалистические руководители профсоюзов, находившиеся под влиянием анархистской демагогии, начинают понимать, что таким путем они окончательно оторвутся от деревенских масс. Крестьянские федерации, организованные нами, остаются пока автономными. Они не могут войти во Всеобщий рабочий союз, так как существующая внутри Всеобщего рабочего союза федерация с.-х. рабочих требует, чтобы они предварительно вступили в ее ряды. Эта федерация обвиняет нашу партию в том, что она мол стремится разбить крестьянское движение. Делегация нашей партии направилась к руководителям Всеобщего рабочего союза и заявила им следующее: Будьте осторожны, вы занимаетесь демагогией, которая льет воду на мельницу анархистов. Если крестьяне не будут работать, не будут заботиться о земле, ответственность падет на вас.

Я уже говорил, что мы открыто и широко разъясняем нашу политику в деревне. Тов. Пассионария провела по этому вопросу несколько крупных митингов: в Альбасете, в Каспе, в Арагоне. Она заявила пуб-

лично, что наша партия будет всеми силами бороться против ограбления крестьянства. Она призывала крестьян защищаться с оружием в руках против преступных действий анархистских элементов в деревне. Это заявление Пассионарии вызвало подъем среди населения. Даже в Каспе, в анархистском центре, где крестьяне до последнего времени были терроризированы анархистами, тысячи крестьян пришли на митинг слушать Пассионарию. Присутствовавшие вооруженные анархисты не смели ее прервать, так как чувствовали, что массы повернутся против них.

Анархисты в ответ на рост нашего влияния усиливают террор против наших людей. Вы читали сегодня в прессе о покушении на товарища Ягуэ⁷. Знаете ли вы, почему это произошло? Тов. Ягуэ был комиссаром Комитета обороны Мадрида по организации снабжения армии и города. До того, как тов. Ягуэ занялся снабжением, правительство отправляло в Мадрид 180 тысяч пайков для армии. Количество же солдат, борющихся на центральном фронте, равняется 90 тысячам, тыловая милиция насчитывает от 20 до 25 тысяч человек, остальные пайки шли в пользу анархистских организаций, для их милиции. Тов. Ягуэ с согласия партии решил положить конец этому скандальному положению. Надо сказать, что в ряде случаев анархистские организации ищут контакта с нами и работают совместно с нами. По отношению к анархистам нужно вести очень ясную политику. Их нужно убеждать. Но когда они нападают, надо на насилие отвечать насилием. Иначе они вас сомнут. В подтверждение приведу один факт, имевший место в Валенсии. Там довольно долго бесчинствовала так называемая железная колонна анархистов, которая терроризировала крестьянство и городских мелких торговцев. Наша партия выступила против преступной деятельности этой банды. Усилились покушения на наших людей. Наши товарищи по Валенсии, не желая создавать трудностей в проведении политики единства, обратились к центральному комитету с просьбой дать им указания, как действовать в данном случае. Центральный комитет приказал защищаться с оружием в руках. Спустя несколько дней анархисты явились с танками и пулеметами к дому нашей партии. Наши товарищи, предупрежденные об этом заранее, ответили оружейной и пулеметной стрельбой. Анархисты вынуждены были отступить, оставив около 30 мертвых. Таким образом мы избавили Валенсию от этой террористической банды. А на следующий день местная организация анархистов пришла в партийный комитет с предложением подписать пакт о ненападении. Конечно, мы подписали этот пакт.

Анархистская милиция, покидающая фронт, организует банды, которые нередко становятся хозяевами положения в той или иной провинции. Так, например, на другой день после отъезда правительства из Мадрида вооруженные банды анархистов осели в провинции Куэнка, в гор. Таранконе. Для того, чтобы проехать через этот город, необходимо было запастись визой от их военного комитета. Они занялись реквизициями у крестьян, отбирая у них все, что они имели. Для развлечения они устроили обязательный конкурс голых женщин. Понятно то огромное возмущение, которое вызвали у населения эти безобразия. Мы по-

требовали от правительства, чтобы оно приняло серьезные меры против этой банды. Но Кабальеро, не желая ссориться с анархистами, отложил дело в долгий ящик. Тогда вмешался наш 5-й полк. Несколько бронированных автомобилей и сотня вооруженных людей обратили анархистскую банду в бегство.

Вы спросите, что представляют собою эти люди с социальной точки зрения? Имются разные типы. Есть банда, называющая себя группой Калабро. Они носят на голове красные с черным платки, завязанные узлом сзади. Среди них есть люди, которые наводят ужас своим видом. Откуда они набрали этих людей? Вы знаете, что в Испании за многие годы образовался огромный слой безработных, выброшенных совершенно с производства, не получавших ниоткуда никакой помощи. Многие из них превратились в люмпен-пролетариев. Немало среди них и уголовных преступников, выпущенных из тюрьмы после мятежа. А так как двери Национальной федерации труда открыты для всех желающих и так как для свободного передвижения по Испании после июля месяца необходимо иметь документы от какой-либо политической организации для профсоюза, то абсолютное большинство этих людей вступило в НКТ. У этих людей существует инстинктивная ненависть к обществу, изгнавшему их из своей среды. Они восстают против все и вся. Это объясняет поведение этих банд. Здесь не нужно рассказывать, до какой степени дошел профсоюзный либерализм анархистов. В Каталонии они организовали профсоюз проституток. Они называют его профсоюзом любви, и некоторые анархистские сутенеры зарабатывают на этом деле. Наш тов. Дютийоль видел это сам, когда он знакомился с положением в Барселоне.

Вы спросите, что делает анархистская милиция, чтобы положить этому конец? Ничего или почти ничего. Когда наши товарищи ставили этот вопрос на совете милиции, им ответили, что речь идет о группах, не поддающихся контролю, а так как они не хотят прибегать к силе, они оставляют вещи в прежнем положении. Но нужно видеть в этом и особую тактику. Анархисты входят уже теперь в правительство, но они не довольствуются этим. Они хотят захватить еще более ответственные посты. Вот почему они создают извне трудности правительству, полагая, что шантажом они добьются своего.

Таким образом, вы видите, что по отношению к анархистам одной политики убеждения и разъяснения мало, время от времени надо отвечать насилием на насилие.

В рядах анархистов происходит процесс дифференциации. Большая часть рабочих анархистов начинает понимать нашу политику. Тот факт, что анархистская Национальная конфедерация труда имеет 4 министров, что эти "аполитичные" люди вынуждены участвовать в правительстве, защищать законы – даже если они это делают формально – создает кризис внутри анархизма. Захватывая предприятия, анархисты обещали рабочим чуть ли не немедленный рай на земле. Эти обещания увлекали тогда на их сторону рабочих. Но сейчас положение вещей начинает меняться. Рабочие видят, что анархистская дезорганизация производства даст разрушительные последствия. Рабочие начинают себя

спрашивать, куда приведет их эта политика. Наиболее показательный факт постепенного ухода рабочих из-под влияния анархистов мы имеем в Каталонии. До фашистского мятежа наши позиции в каталонских профсоюзах были очень незначительны. В настоящее время профсоюзы, руководимые нашими товарищами, насчитывают 480 тысяч членов. Наша маленькая компартия после слияния с существовавшими в Каталонии социалистическими организациями выросла до 50 тысяч членов. Это еще пока не подлинная коммунистическая партия, но она становится большой массовой партией, она все более и более научается проводить в жизнь правильную коммунистическую линию. Между тем анархистская Национальная конфедерация труда не растет и даже теряет своих членов. Она насчитывает теперь в Каталонии не более 300 тысяч человек. Несмотря на это, руководящие посты в производстве она держит в Каталонии в своих руках. Наша партия в Каталонии должна приложить все усилия, чтобы обеспечить свое влияние в промышленности.

Как вы видите, перед нашей партией стоит ряд проблем, требующих немедленного разрешения. Должен быть ликвидирован хаос в промышленности. С этой целью мы предлагаем создать координационный комитет промышленности. Предприятия, находящиеся в руках профсоюзов или рабочих комитетов, владельцы которых изгнаны или ликвидированы физически, должны быть национализированы, т.е. государство должно взять в свои руки управление этими предприятиями. Ясно, что в национализированной промышленности и в промышленности вообще будет создан рабочий контроль. Трудность заключается в том, что нелегко заставить правительство приступить к решению этих задач. Оно будет это делать лишь под давлением масс. Вот почему наша партия для того, чтобы уточнить вопросы, стоящие перед испанским народом, опубликовала свой программный манифест. В этом манифесте партия говорит о необходимых условиях для победы. Вам известен французский текст этого манифеста. Поэтому я не буду останавливаться на его содержании. Он затрагивает вопросы, которые я уже перечислил в своем докладе.

III. Сдвиги в расстановке политических сил

Каковы взаимоотношения и расстановка политических сил после июля 1936 года? Начну с вопроса о том, как наша партия превращается в наиболее важный фактор политики в Испании. На правительственной территории наша партия насчитывает сейчас 175 тысяч членов; сюда не входит Каталония, имеющая 50 тысяч членов. Я говорил уже вам о росте нашего влияния в армии. В полиции мы имеем почти большинство руководящих постов. Тов. Раймонд рассказывал вам о положении среди молодежи. Вслед за руководителями национального комитета Объединенного союза молодежи в компартию вступили все местные руководители союза и большая часть молодых социалистов. Я должен сказать, что этот факт не таит в себе сектантской опасности. Наоборот, именно теперь Объединенный союз молодежи охватывает своим влиянием всю передовую молодежь. Недавняя речь вступившего в нашу партию руководителя Объединенного союза молодежи тов. Каррильо, обращенная

ко всей молодежи Испании, произвела громадное впечатление во всей стране и способствовала созданию более тесной связи между нашей молодежью республиканцев и анархистов.

Растет влияние нашей партии и в профсоюзах. В Мадриде большинство профсоюзов руководится нами. Руководство народным домом в Мадриде по традиции всегда принадлежало социалистам, теперь оно принадлежит нам и социалистам. А недавно имел место чрезвычайно важный факт. Руководство Всеобщего рабочего союза пригласило представителей Центрального комитета нашей партии, чтобы вместе обсудить практическую форму осуществления нашего манифеста, в особенности по вопросу о национализации промышленности, о роли профсоюзов в производстве и о роли крестьянской организации. Первая встреча дала уже удовлетворительные результаты, и переговоры будут продолжаться. Особенно важно добиться того, чтобы Всеобщий рабочий союз отошел от политики Национальной конфедерации труда по вопросу об организации промышленности.

Что касается республиканских партий, представляющих интересы мелкой буржуазии, то с ними у нас установились весьма дружеские отношения. Они поддерживают безоговорочно каждое наше выступление, заявляя, что наша партия является подлинным защитником всего народа.

Самый важный и новый факт последнего времени – это все более и более обнаруживающееся политическое стирание социалистической партии. Как центр, так и левое крыло социалистической партии не обнаруживают признаков политической жизни. Газета левых социалистов “Кларидад” стала органом Всеобщего рабочего союза. “Эль Сосиалиста” прозябает. Левое крыло социалистов из-за отсутствия четкой программы находится в состоянии возрастающего распада. Среди левых имеется тенденция немедленного вступления в компартию. Есть и другая тенденция, сторонники которой хотели бы вступить в компартию, но с “революционной” декларацией. Самое характерное однако то, что и среди левых, и среди центристов не прекращаются разговоры о слиянии с коммунистической партией. Обратите внимание, даже Прието, нынешний министр морского и воздушного флота, заявил, что он склонен поддержать слияние социалистической партии с коммунистической. В беседе со мной и с Эрнандесом он выразил нам свое восхищение коммунистической партией, а также и коммунистической партией Франции, указав, что наша партия является единой, однородной партией, способной спаять все силы, которые позволяют нам выиграть войну. Даже здешний посол Испании, наш друг Аракистайн, с которым я только что говорил, заявил мне, что необходимо быстро добиться слияния, чтобы создать большую объединенную коммунистическую партию. Факт таков, что идея объединения с коммунистами охватила все социалистические массы, и то здесь, то там эта идея уже воплощается в жизнь.

Неясен еще вопрос о том, на какой основе должно произойти слияние. Социалисты заявляют, что по программным вопросам у них нет разногласий с нами. Но они хотели бы осуществить слияние, сохранив все это, что они называют социалистической традицией. Отдельные со-

циалисты предлагают создать либо объединенную марксистскую партию, либо объединенную социалистическую партию, показывают еще некоторое сопротивление простому вхождению в коммунистическую партию. Недавно Жеромский, приехавший в Испанию, имел беседу с Ларго Кабальеро. В этой беседе участвовал и Петро Ненни⁸. Нам об этой беседе рассказала Маргарита Нелькен. Жеромский заявил, что нельзя так просто ликвидировать старую и славную социалистическую партию, что необходимо поставить некоторые условия слияния. Ненни говорил: Теперь, когда II Интернационал и Амстердамский интернационал начинают исправлять свою ложную позицию в отношении Испании и выражают намерение вам помогать, социалистическая партия хочет покинуть II Интернационал и войти в коммунистическую партию! Надо сохранить социалистическую партию и заключить пакт о единстве действий с коммунистической партией.

Во всяком случае проблема слияния социалистической партии с коммунистической встает перед нами со всей силой и ее надо решать. Дней через десять соберется центральный комитет нашей партии, который будет обсуждать вопрос о том, на какой основе должно произойти это слияние. Центральный комитет очевидно выступит с манифестом, который будет содержать призыв к социалистической партии осуществить это слияние. Основательно этот вопрос еще не обсуждался, но совершенно ясно, что никаких программных уступок с нашей стороны быть не может. Что касается названия партии, мы думаем, что надо сохранить наше название — коммунистической партии. В Испании коммунистическая партия является синонимом широкой, народной партии, защитницы интересов всего народа, защитницы родины, мира, труда и свободы. Социалистическая партия, наоборот, является синонимом сектантских и беспринципных группировок. Но если необходимо будет сделать уступку формального порядка для того, чтобы ускорить слияние, мы предложим название “объединенная коммунистическая и социалистическая партия, принадлежащая к III Интернационалу”. По вопросу об Интернационале ни у кого нет ни малейшего сомнения. Но совершенно ясно, что необходимо быстро достигнуть этого слияния, чтобы избежать разложения социалистической партии.

Другая проблема, которая становится в данный момент в Испании, это проблема франк-массонства. Я говорил уже, что большинство республиканских офицеров вступило в коммунистическую партию. Что касается роли франк-массонства в Испании, я думаю, что здесь надо учитывать полуфеодальный характер страны, находившейся под господством военной и финансовой олигархии, церкви иезуитов. Франк-массонство боролось против этих реакционных каст, стало быть, оно играло прогрессивную роль. Эти люди, которые были франк-массонами, борются теперь на фронтах и ежедневно рискуют жизнью для защиты демократической республики. Можно ли им ставить препятствия, когда они хотят войти в нашу партию? Мы думаем, что нет. Недавно мы узнали, что некоторые франк-массоны запрашивали свою соответствующую ложу, могут ли они вступить в коммунистическую партию. Ответ от франк-массонских властей был получен положительный. Факт

очень лестный для нас, но не является ли их вступление в нашу партию маневром с их стороны? Во всяком случае, Мартинес Барриос, великий мастер испанского франк-массонства, ведет себя чрезвычайно лояльно по отношению к нашей партии. Это именно он, иногда против воли правительства Кабальеро, дает нам деньги и необходимые средства для снабжения пятого полка и для подготовки резервных армейских частей. Когда наши люди приходят к Мартинесу Барриосу, они всегда получают у него все, что им нужно. Партия считает, надо разъяснять им, что невозможно быть членом компартии и в то же время принадлежать к секретной организации франк-массонов. Однако, нельзя принимать против них мер, которые бы им показались актом насилия.

Другой новый факт в истории рабочего движения Испании, показательный для усиления идеологического влияния коммунизма, это рост массовой ненависти к троцкистам. Вы знаете, что троцкисты в Испании – за исключением Каталонии – представляют ничтожные группочки. Но их функция – это снабжать анархистов аргументами для борьбы против коммунистической партии Испании, измышлять гнусную клевету против СССР, против партии большевиков и в особенности против товарища Сталина. Это троцкисты обвиняют нашу партию, что она якобы отказалась от революционной линии и превратилась в либеральную буржуазно-демократическую партию. Но ряд фактов в Испании говорит о том, что мы сможем ликвидировать контрреволюционную банду троцкистов, эту агентуру фашистов. Вы знаете, что в Каталонии троцкисты выброшены из правительства. Было ошибкой раньше, что партия согласилась участвовать в правительстве вместе с троцкистами. Центральный комитет заявил каталонским товарищам, что необходимо воспользоваться первым же случаем, чтобы выбросить троцкистов из правительства. Мы настаивали на том, что необходимо вести открытую кампанию против троцкистов, надо указывать, что мы не можем сотрудничать с контрреволюционерами. Наши каталонские товарищи исправили свою ошибку, они повели открытую кампанию против троцкистов и добились их изгнания из правительства.

О том, что борьба против троцкистов стала массовой борьбой, свидетельствует факт, имевший место на конференции, которую Каррильо проводил в Валенсии. Мы сказали Каррильо, что он должен от имени молодежи открыто выступить против троцкистов, ибо среди молодежи имелись прежде некоторые троцкистские течения. И вот, когда Каррильо в своем докладе заявил, что троцкисты борются против СССР и против коммунистической партии и пользуются для этого теми же аргументами, что и фашисты, и что, следовательно, троцкисты должны быть выкинуты из пролетарской среды, весь зал встал и в течение пяти минут непрерывно аплодировал. Неустанно раздавались приветствия: Да здравствует СССР! Да здравствует коммунистическая партия! Да здравствует Сталин!

Третий очень интересный факт в этом отношении дает газета “Кларидад”. Как вы знаете, уже больше трех лет в этой газете появляются высказывания троцкистского характера. 19 декабря “Кларидад” выступила с основательной атакой против троцкистов. Недопустимо, указы-

вает газета, что здесь, в Испании, находятся люди, которые позволяют нападать на СССР, на его великих людей, нападать на самую многочисленную и самую влиятельную среди трудящихся масс партию. Ни в одной стране в мире, добавляет “Кларидад”, не допустили бы подобный либерализм по отношению к вражеской партии.

Все эти перечисленные мною факты свидетельствуют об исключительном росте нашего влияния, о том, что партия является выразителем подлинных чаяний народных масс.

Как реагирует на всю эту ситуацию Ларго Кабальеро? Его отношение ко всем этим проблемам носит личный, мелкобуржуазный характер. Он, правда, говорит, что готов работать в тесном контакте с коммунистами и отчасти он это делает. Но он никогда не упускает случая, чтобы уколоть нашу партию. Поэтому он опирается иногда на анархистов в правительстве. Так, например, в день моего отъезда на заседании Совета министров обсуждался вопрос о необходимости установить во всей стране действительный республиканский порядок. Шла речь об организации общенационального и местных комитетов, обеспечивающих этот порядок. Наши товарищи предлагали, чтобы эти комитеты создавались из равного числа представителей от всех партий и профсоюзных организаций. Анархисты потребовали, чтобы большинство было сохранено за всеобщим рабочим Союзом и Национальной конфедерацией труда. Иначе говоря, они добивались профсоюзной гегемонии в политических органах. Наших товарищей поддержал Прието. Тогда Кабальеро поставил косвенным образом вопрос о доверии: либо будет принято предложение его и анархистов, либо произойдет отставка министерства. После этого Прието заявил, что он голосовал вместе с коммунистами, так как считает их позицию правильной, но что он берет обратно свой голос, чтобы избежать министерского кризиса. Анархисты вообще не перестают говорить о том, что политические партии обанкротились и что новая Испания должна быть восстановлена под руководством профсоюзов. По сути дела анархисты, несмотря на то, что они участвуют в правительстве, не отказались от своей идеи – организовать в Испании либеральный коммунизм. Все, что исходит от правительства, они принимают чисто формально. Решается вопрос об установлении твердого общественного порядка? Они согласны, но, по их мнению, это должны делать комитеты иберийской федерации анархистов. Национализация промышленности? Согласны, но руководство производством должно быть передано профсоюзам. Создание единой армии? Согласны, но в этой единой армии анархистской милиции должно быть предоставлено право поступать, как ей захочется. Наша партия все энергичней разоблачает перед массами эту двойственную политику анархистов.

Несмотря на все эти трудности, мы всегда стараемся сотрудничать с Ларго Кабальеро и избегать трений с ним. Он чувствует свою растущую изоляцию от масс и приходит все в большее раздражение. Он жаловался, например, что руководители союза молодежи решили вопрос о вступлении в нашу партию, не посоветовавшись с ним. Это неверно. Они много раз добивались разговора с Кабальеро об этом, но им не удалось, ибо каждый раз он переводил беседу на интересующие его как

председателя Совета министров вопросы. Мы потребовали от молодых товарищей, чтобы они зашли к Ларго Кабальеро. Это наше предложение совпало уже с аналогичным косвенным предложением с его стороны. Мы им посоветовали объяснить Ларго Кабальеро, что их вхождение в коммунистическую партию не свидетельствует об отсутствии у них уважения к нему, Кабальеро, но что они таким путем стремятся подготовить условия для слияния коммунистической и социалистической партий в единую партию, во главе которой все хотели бы видеть Кабальеро в качестве председателя. Они должны были ему также сказать, что мы хотим, чтобы война была выиграна под его знаменем, но для этого он сам должен теснейшим образом сотрудничать с нами. Проблема Ларго Кабальеро становится большой политической проблемой для нашей партии. Необходимо завоевать его на нашу сторону, но в то же самое время надо сказать, что влияние его среди масс чрезвычайно сильно упало в результате его замкнутой, упрямой политики.

Конечно, наша партия делает и будет делать все усилия, чтобы удержать нынешнее правительство народного фронта, возглавляемое Ларго Кабальеро. Но при этом наша партия должна систематически объяснить массам нашу позицию по отношению к важнейшим проблемам, стоящим перед правительством. Иначе наша партия может оказаться ответственной за ошибки, которые совершает правительство. После опубликования своего манифеста коммунистическая партия открыла среди масс разъяснительную кампанию по всем вопросам, затронутым в манифесте. Это заставит правительство осуществить наши предложения. Что касается лично Ларго Кабальеро, то необходимо добиться, чтобы он прогнал своего вице-секретаря по военным вопросам. Это либо саботажник, либо совершенно неспособный человек. По чести говоря, этот пост вице-секретаря должен был бы достаться коммунисту. Но наши требования не идут так далеко. Пусть Ларго Кабальеро поставит на этот пост такого, скажем, социалиста, как Дель Вайо. Если мы не добьемся этой уступки, мы еще встретимся с большими трудностями.

Товарищи, в заключение повторяю, что программа и лозунги коммунистической партии становятся программой и лозунгами широчайших масс и всего честного и прогрессивного в стране. Центральный комитет партии пользуется необычайным уважением среди масс, и его директивы проводятся в жизнь с энтузиазмом. Секретарь партии тов. Диас стал народной, национальной фигурой в стране. Пассионария окружена каким-то мистическим ореолом. Там, где она появляется, вырастает громадная толпа. К ней тянутся со всех сторон, чтобы лишь дотронуться до нее, чтобы чувствовать и слушать ее. Ее слова повторяет вся страна, ее призывы “Лучше умереть стоя, чем жить на коленях”, “Лучше быть вдовой героя, чем женой труса” становятся историческими. Перед каждым представителем нашей партии широко раскрываются повсюду двери.

С военной точки зрения уже имеются основные условия для достижения победы. Несмотря на все трудности, формируется мощная народная армия. Противник все сильнее чувствует сопротивление регуляр-

ных частей нашей армии. Ряд фактов свидетельствует о начинающемся разложении в лагере противника. Об этом свидетельствует переход на нашу сторону двух неприятельских самолетов, участвующие перебежки на мадридском фронте марокканцев, а на бискайском фронте кармитов. Партия решила усилить свою пропаганду среди войск противника, в частности среди немецких и итальянских частей. Если наша военная промышленность начнет скоро функционировать, по крайней мере наладит производство амунции, можно будет создать армию, которая сломит натиск войск Германии и Италии.

Совершенно ясно, что для победы необходимо еще больше усилить международную солидарность, необходимо всеми средствами помешать снабжению противника оружием и амунцией, необходимо продолжать отправку в Испанию иностранных товарищей для комплектования интернациональных бригад, необходимо усилить помощь Испании. Если все это будет сделано, налицо будут все условия для того, чтобы выиграть войну. Большое препятствие внутри страны – это анархисты. Но это препятствие будет преодолено, как только мы добьемся решающей победы на поле сражения.

Последний вопрос, на который я хотел бы обратить ваше внимание, касается позиции Второго и Амстердамского интернационалов. Они полагают, что их последняя резолюция о солидарности с испанским народом и посылка нескольких сот костюмов и пакетов с сахаром смывает с них их постыдное прошлое и прикрывает их нынешнюю пассивность. Этого нельзя допустить. Надо требовать от II Интернационала, чтобы он от резолюции перешел к действию, чтобы он занял позицию по отношению к интернациональным бригадам, чтобы он принял участие в вербовке волонтеров, в посылке продовольствия, в проведении шефства над добровольцами и т.д. Кстати, я только что узнал, что наша фирма уже дала директивы в этом направлении. Необходимо, чтобы Марти, Нснни, Дейч⁹ и др., которые занимаются вопросами интернациональных бригад, вели международную кампанию в подобном духе.

Я кончаю уверенностью, что если международная помощь будет нам оказана, мы выиграем войну. В Испании будет создана народная армия, не только способная отстоять демократическое государство нового типа, но и готовая также участвовать в борьбе против международного фашизма.

РГАСПИ. Из коллекции архива.

¹ Уже в июле существовала прямая связь между Франко и генеральным штабом Гитлера. 25 июля 1936 г. письмо Франко с просьбой о помощи было передано Гитлеру в Байрете; 26 июля был создан штаб “В”, формально особый отдел военного ведомства, но под строгим контролем Геринга.

² Генерал Х. Миаха (1878–1958) – сведения о том, что Миаха был членом компартии, не подтвердились.

³ Карлисты имели опору в традиционно консервативных областях Испании, прежде всего в Наварре, их военизированные отряды, называемые “рекете”, насчитывали к началу гражданской войны 9 тыс. человек. Они были наиболее архаичными в потоке испанских правых, ставившими целью восстановление

- монархии во главе с представителями ветви Бурбонов, которые безуспешно добивались трона с 30-х годов XIX в.
- ⁴ Фалангисты – члены Испанской фаланги, основанной 29 октября 1933 г. Х.А. Примо де Ривера; 4 марта 1934 г. объединились с организацией “Хунта наступления национал-синдикализма” и стали называться “Испанская традиционалистическая фаланга и ХОНС”. Фаланга имела военизированную милицию.
- ⁵ Рыкуэльме – так в тексте. Правильно: М. Рikuэльме – генерал, оставшийся верным Республике. В первые дни мятежа командовал войсками в районе Гвадаррамы.
- ⁶ П. Вайян-Кутюрье (1892–1937) – писатель, один из основателей ФКП (1920), член ЦК и Политбюро ЦК, главный редактор “Юманите” (с 1926).
- ⁷ Не путать с Х. Ягуэ Бланко – подполковник, позднее генерал, командир “Терсио” (“Испанского легиона”), один из сподвижников Франко со времен кампании в Марокко.
- ⁸ Пьетро Ненни (1891–1980) – член руководства социалистической партии Италии, член Исполкома II Интернационала.
- ⁹ Ю. Дейч – один из видных членов социал-демократической партии Германии.

№ 40

Андре Марти о положении в Испании (выдержки из доклада)

7 марта 1937 г.

I

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как известно всем здешним товарищам, основным политическим вопросом является концентрация всех экономических, военных, социальных, а стало быть и политических сил на борьбу против фашизма.

В этой области, в области объединения сил, можно констатировать весьма солидные успехи. Мы сделали весьма заметный шаг вперед, но развитие единства не идет достаточно быстрым темпом, и поэтому-то враг может регистрировать почти непрерывные военные успехи.

Во всяком случае относительно Испании надо отметить: 1) едва избавившись от полуфеодального режима, в силу которого население является довольно отсталым; 2) будучи в значительной степени разрозненной и расчлененной с точки зрения компактности пролетариата и в отношении социальной жизни, она 3) является разрозненной и расчлененной и с точки зрения национальной жизни.

II

ОБЩАЯ СИТУАЦИЯ

Предприятия. Кто ими руководит? Профсоюзы – каждый за себя, без плана, как заблагорассудится. Промышленность “синдикализована” по анархистскому образцу. Каждое предприятие работает не только без плана, но и без отчетности. Это организованная экономическая анархия.

Вывод: Единственным выходом из положения является энергичное применение правительственных мероприятий, вводимых в порядке декретирования: национализация предприятий. Национализация существующих

ет на бумаге, но почти не проводится на практике. Разумеется, можно не касаться предприятий, принадлежащих иностранцам, можно сохранить за ними некоторые права, но в общем и целом национализация является единственным средством для преодоления существующей анархии. Это тем более необходимо, что заводы в Каталонии не имеют более сырья и не располагают депозитами в банках; теперь они требуют, чтобы правительство авансировало их деньгами.

Продовольственное снабжение. Положение вообще заметно улучшилось. Продовольствия хватает для всего населения областей, находящихся в руках республиканцев, в том числе для беженцев и для армии. Однако налицо разбазаривание продовольствия и плохая организация его перевозок.

В деревне. Нет никакого основания беспокоиться о размерах посевной площади. Наоборот, засеяно даже больше, чем год тому назад. В деревне больше нет крупных землевладельцев. Проведен в жизнь – весьма удачный – декрет Урибе от 7 октября. На основе этого декрета конфискуются не все земли, а лишь земли помещиков, перешедших на сторону фашистов, поскольку же все крупные землевладельцы перешли в лагерь фашизма, этот декрет в демократическом порядке наделил крестьян землей.

В настоящее время положение лучше, чем в прошлом году. Лозунг партии: ПРОТИВ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ТЕХ СЛУЧАЕВ, КОГДА РАБОЧИЕ ЖЕЛАЮТ ЕЕ ПРОВЕДЕНИЯ В КРУПНЫХ ИМЕНИЯХ – пользуется большой популярностью, и в результате у партии в деревне громадное влияние. Но анархисты (и троцкистские группы) продолжают требовать и организовывать коллективизацию.

Надо подчеркнуть, что в деревне всем распоряжается крестьянский комитет и только он один.

Транспорт. Он в полном беспорядке (это относится к железным дорогам и в особенности к дорожному транспорту, являющемуся в Испании еще более важным). Достаточно привести два примера: в конце января, в момент, когда мы готовили наступление на фронте, у железных дорог не хватало угля, а спустя три дня не было больше бензина.

Армия. 27 февраля был выпущен декрет о мобилизации пяти возрастов и о введении обязательной воинской повинности. Надо учитывать старые испанские традиции, а следовательно, пройдет еще некоторое время, прежде чем мобилизация даст полный результат.

Строительство народной республиканской армии продвигается очень медленно. Коммунистическая партия подала пример, распустив 5-й полк милиции и влив в народную армию 70 000 бойцов. Правда, эта цифра была только на бумаге, ибо надо учесть убитых. В действительности партия дала 30 тыс. бойцов с прекрасными военными руководителями; в большинстве своем еще в июле месяце они были рабочими. Таким образом можно сказать, что одним из лучших военных руководителей, К ТОМУ ЖЕ ЕДИНСТВЕННЫМ, КОТОРЫЙ ДО СИХ ПОР ПОБЕЖДАЛ ВРАГА И ПРОДОЛЖАЕТ ИДТИ ВПЕРЕД (Хаен), является член Политбюро тов. Карльтон¹.

Армия строится почти по современному образцу. Она насчитывает уже с 20 регулярных бригад (включая 5 интернац.). 12 бригад были сведены в три дивизии. Но боеспособность армии еще весьма слаба, а применяемые ею методы очень старые, очень отсталые. Так, она применяет боевую тактику 1902 г., т.е. периода, предшествующего русско-японской войне.

Военный флот. Беспорядок, нежелание драться. Отсюда – Малага².

Авиация. Она превосходна.

Правительство. Для осуществления и форсирования скорейшего объединения всех этих органов наилучшим средством является, конечно, ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Кабальеро 25 февраля выступил с косвенной, но открытой атакой против коммунистической партии и против тех сил, которые помогают коммунистической партии в проведении всех лозунгов, о которых я только что говорил. 14 февраля по инициативе партии народный фронт организовал в Валенсии грандиозную демонстрацию. Она была устроена для того, чтобы дать Кабальеро и группирующемуся вокруг него ядру понять, что пора перейти к энергичным мероприятиям из генерального штаба армии неспособных, саботажников и предателей. Манифестация была исключительно грандиозна. На другой день Кабальеро делал вид, будто он все еще не понимает, и не далее, как 26 февраля он повторил в коммюнике, предназначенном для широкой гласности*, что эта манифестация имела своей целью обеспечить правительству безоговорочную поддержку, но он добавил: “Я не останусь у власти, если мое положение не будет твердым. Я считаю его прочным, но, если не все разделяют это мнение, то я не буду помехой”. Это значит, что он открыто во всей прессе поставил вопрос об отставке.

Три группы правительства

1. Группа Кабальеро – Галарса (министр полиции, левый социалист)³. Таким образом Кабальеро и Галарса опираются на следующие элементы: 1. На профсоюзные кадры всеобщего рабочего совета (УХТ), являющиеся не только руководителями профсоюзов, но и руководителями предприятий; 2) на генеральный штаб армии, состоящий из старых, неспособных и подозрительных генералов и из молодых честолюбивых, но опять-таки подозрительных генералов, вроде Асенсио; 3) через Галарса он опирается на массу функционеров, которых он привлек на полицейскую службу. Они отлично проводят кулуарную политику, но представляют фашистам делать в тылу все, что им заблагорассудится. С ними маневрирует Лопес – анархистский “теоретик” и конечно министр.

После взятия Малаги Прието снова примирился с Кабальеро⁴.

2. Ядро, стоящее за единство (это, правда, не означает, что оно представляет единый блок). Состав: 1. Оба коммунистических министра, анархисты – министр здравоохранения Федерика Монсени, Гарсиа Оливер, затем социалисты Дель Вайо и Негрин, синдикалист (отколовшийся от

* Слово “гласности” вписано от руки вместо “общественности”.

НКТ) Пейро, баскский националист и кроме всех этих людей, являющихся сплошь министрами, Вальдес – секретарь Национального комитета НКТ. Молодой каталонский рабочий, анархист, завоеванный уже на сторону ряда лозунгов, являющихся нашими. Помимо совета министров имеется Мартинес Баррио – председатель палаты депутатов, республиканец.

3. Наконец, в совете министров есть колеблющиеся. Особенно тревожным симптомом является относительное молчание президента Асанья. Впрочем, надо сказать, что у Кабальеро есть одно положительное качество: он всегда по всякому поводу открыто заявляет, что победа несомненна.

Международное положение и его оценка в Испании.

Фронт волнуют две проблемы: 1. Почему тыл не может посылать нам, что нам нужно? Почему, при наличии таких заводов, как в Валенсии и Барселоне, не хватает военного снаряжения, обуви, шаровар, вина? 2. Почему демократические страны не оказывают нам большей помощи (это не относится к СССР). Что касается интернациональных добровольцев, то для них к этим проблемам присоединяются еще вопросы, касающиеся приезда добровольцев, задерживаемого блокадой (ибо контроль равносителен блокаде), и вопрос о дальнейшей участи добровольцев.

Мадрид, конечно, ориентируется в международных проблемах в таком же направлении, ибо в Мадриде идет борьба. Мы не получаем ни от Испании, ни от тыла, ни из-за границы необходимого минимума помощи.

В Валенсии положение с интернациональной точки зрения совершенно иное. ПАРТИЯ говорит: несмотря на контроль, мы можем и должны победить. У нас есть все необходимое для этого: военные материалы, продовольствие, люди, нужна только организация. Часть АНАРХИСТОВ говорит то же самое, но добавляет: “Однако, для использования всех этих ресурсов надо немедленно совершить революцию”.

СОЦИАЛИСТЫ – Кабальеро и Прието блокируются друг с другом, и их идея сводится к следующему: нас покидают. Возможно, что мы все погибнем (политически, но тогда мы потянем за собою всех, даже если придется развязать всемирную войну).

РЕСПУБЛИКАНЦЫ. Мартинес Баррио сказал мне 21 февраля: “Что выйдет из этой блокады (ибо контроль ведь это же блокада)?” Но он говорил об этом, здраво рассуждая. Если хладнокровно рассматривать положение, то надо сказать, что у нас нет необходимых хозяйственных сил – инженеров, кадров – для производства того, что нам нужно. Ввиду этого я хочу у вас спросить, не знаете ли вы, что будет с решениями лондонского комитета, не знаете ли вы, будут ли они проводиться в жизнь, нельзя ли будет их обойти, ибо обойти их надо, надо прорвать блокаду, иначе мы не выдержим.

Интернациональные бригады. 5 укомплектованных бригад с пехотой, кавалерией, артиллерией, плюс две смешанных танковых бригады, которые не принадлежат к интернациональным бригадам, но более трети бойцов в которых составляют интернациональные добровольцы (150 французов). Сюда присоединяются несколько авиационных отря-

дов, которые тоже не подведомственны непосредственно интернациональным бригадам, но состоят из интернациональных добровольцев.

Эти 5 бригад и все, что к ним относится, – транспорт, санитарные учреждения и т.п. – должны составлять приблизительно 18 тыс. человек. Но на деле они не превышают в лучшем случае 9 тысяч, вследствие потерь – дезертиров, а также* убитых и раненых.

Германские добровольцы почти сплошь коммунисты. У французов коммунисты составляют немного меньше большинства. У итальянцев – $\frac{1}{3}$. У поляков и балканцев коммунисты составляют три четверти.

Сила интернациональных бригад в их единстве. Со своими командами, не являющимися профессиональными военными, а давно (очень давно) служившими в армии, эти бригады выдерживают натиск врага и наносят ему удары. Секретариату я могу сказать, – публично мы этого никогда не говорим, – что по мнению наших товарищей военных специалистов, без интернациональных бригад Мадрид был бы взят. Без них наступление мятежников 10 февраля было бы успешным. Это мы заткнули дыру при прорыве фронта, как например, в Андухаре в декабре месяце. Но мы этого никогда не говорим.

Главным дефектом является слабость военного руководства. Помимо командира 5-й бригады, командующие всех остальных бригад не являются профессиональными военными.

Санитарная служба, полностью организованная и получившая с января месяца в изобилии потребные ей материалы, обеспечивает прекрасный уход за ранеными и больными; во время боев в Мората после 10 февраля, по-моему, даже регулярная армия не могла бы похвалиться лучшей организацией помощи раненым и ухода за ними.

База. Она готовит приезжающих добровольцев (Альбасете), организует их. Когда у нее есть время, она их обучает и проводит военную проверку кадров; разумеется, по мере того, как формируются военные отряды, она создает и санитарные отряды. Наконец, она организует работу и в других областях: обслуживание самой базы, управление, отчетность, учебная команда для унтер-офицеров, для офицеров и комиссаров (с преподаванием на французском, испанском, немецком и русском языках). Она же организует транспорт, располагая для этого автомобильным парком и ремонтными мастерскими, она же ведает интендантством, для чего при ней существуют склады и мастерские платья и обуви (это единственная возможность одеваться); есть оружейные мастерские, ремонтирующие винтовки и пулеметы. База же производит и заряжает гранаты. Кроме того, при ней организовано обслуживание кадров, служба безопасности и школа для начальников батальонов (10 учащихся). Таким образом функции базы довольно-таки сложны: все находится в руках интернациональных добровольцев.

Руководство поставлено следующим образом: базой руководит Совет в составе 10 членов, в котором представлены все национальности. Это сплошь коммунисты.

* “А также” вписано сверху от руки.

С момента, когда бригада сформирована, она более не зависит от базы, а вливается в качестве регулярной боевой единицы в испанскую армию и, следовательно, ее начальник получает приказы от испанского генерала, ведающего соответствующим боевым сектором.

В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ каждая бригада имеет своего комиссара. БАЗА имеет двух ответственных комиссаров и четырех помощников разных национальностей, сплошь коммунистов.

Политический отдел базы получает директивы по линии ЦК КП Испании. Наконец, при центральном комитете партии имеется военная комиссия, состоящая из секретаря партии, председателя, затем Луиса и Морено, наконец, из товарищей Далема⁵ (Германия), Галло⁶ (Италия) и меня самого. Эта комиссия имеет своей целью наметку общей линии, ибо, конечно, не может быть и речи не только о ежечасном, но даже о каждодневном руководстве из Валенсии. Это невозможно.

Что касается политической работы на самой базе, то Политотдел создан в большом клубе, имеющем ресторан, кафе, бар, большой зал для читальни и библиотеки.

Интернациональные бригады три раза принимали официальные посещения: приезжала делегация английских профсоюзов, затем группа бельгийских социалистических депутатов и, наконец, секретарь КПФ тов. Торез.

ДИМИТРОВ: Сколько есть социал-демократов?

Вначале их было в общей совокупности не больше 1200, но много бельгийцев уехали после первых же боев, увидев, что фашисты "стреляют настоящими пулями".

Что касается социалистов, то итальянцев было вначале 200–250. Они составляют наиболее многочисленную группу. Французов почти столько же, но это все прекрасные военные кадровики, глубоко преданные делу; что касается англичан, то их было вначале 50, и приблизительно столько же было австрийцев (шницбундовцев).

ДИМИТРОВ: Что делает Юлийс Дейч?

Он работает в морском министерстве и ведает обороной побережья. С тех пор, как он там, враг взял Мальту и бомбардировал Валенсию и Барселону.

В общем и целом прибывшие в Испанию кадры хороши. К сожалению, имеется страшная помеха, крайне неудобная с военной точки зрения: язык.

Вопрос тов. Димитрова.

Проблема связи с испанской республиканской армией и перспективы в случае невозможности дальнейшего прибытия добровольцев в Испанию.

Я сам проверял на мадридском фронте 4 батальона, добавленных к первым двум бригадам. Эти испанские батальоны уже дрались на фронте. Они вышли на боевую линию и в первом же сражении все бежали (включая и коммунистов); из 4-х батальонов осталось 70 человек.

Но наилучшей системой является, на мой взгляд, не прикрепление к батальону испанской роты или испанского батальона, а слияние. Можно устроить интернациональные батальоны за счет испанцев-ДОБРО-

ВОЛЬЦЕВ для интернациональных бригад. В этом будет заключаться истинное слияние. Наши добровольцы остаются в качестве “островков”, в качестве ядра и руководят массой точно так же, как мы, коммунисты, в профсоюзах французской ВКТ.

Что касается испанских офицеров, то надо быть очень осторожным, когда имеешь дело с настоящими офицерами старой армии.

III

Нынешнее состояние сил

Анархисты: Громадная перемена. Целый фланг анархистского движения, фланг, о котором я только что говорил, со всеми его нюансами, идет с компартией под одними лозунгами.

Наиболее важным элементом, определившим сдвиг у анархистов, включая и каталонских, является* действенная помощь СССР, прибытие в Барселону и в Валенсию пароходов с продовольствием.

Хорошо обстоит дело с синдикалистами, расколовшими НКТ с Пестаньей и Пейро.

Социалисты. После взятия Малаги газета Прието “Эль Сосиалиста” четыре дня отказывалась поставить вопрос об ответственности.

Республиканцы. Большая политическая речь, произнесенная Мартинесом Баррио в Альбасете 13 февраля, превосходна во всех отношениях. Коммунисту нельзя придрать ни к одному слову из его речи; она была выдержана в чрезвычайно популярной форме.

ПОУМ. Вы знаете, товарищи, позицию троцкистов и ПОУМ, так что мне незачем ее развивать. Теперь они добавляют к своей общей позиции – по словам интервью, данного Горкиным, корреспонденту английской газеты “Нью Лидер” от 10 февраля – что они хотят организовать 1 мая в Барселоне Всемирный рабочий конгресс, а после него Международный рабочий конгресс.

По мнению товарищей из партии, они представляют ничтожную силу в Каталонии, у них есть несколько военных отрядов. Боюсь, что это не совсем верно, так как в Мадриде и Валенсии они дают себя чувствовать.

Коммунистическая партия. В районах, подвластных республиканцам, в партии 230 тыс. членов. Что касается территорий, занятых врагом, то никаких сведений нет. 125 тыс. членов партии (более половины всей массы) – в армии, и это, не считая Объединенной молодежи. Большое влияние в деревне и в армии, где, к сожалению, потери партии громадны, потому что партийные кадры командуют отрядами и являются комиссарами. Партия выдвинула несколько замечательных военных начальников.

Объединенная социалистическая молодежь: 250 тыс. членов. Ее газета “Аора” выходит в количестве 100 тыс. экземпляров. Она печатается на фронте в бронированном автомобиле. В рядах Объединенной социалистической молодежи преобладает влияние партии.

Объединенная социалистическая партия Каталонии тоже пережи-

* Слово “является” вписано сверху от руки вместо слова “что”.

вает полный подъем. На последней конференции этой партии три четверти делегатов заканчивали свои речи требованием о создании монолитной большевистской партии. В партию идут честные элементы, очень далекие от нас.

6 ноября, когда враг стоял у ворот Мадрида, одна только партия мобилизовала и вооружила 25 тыс. рабочих, чтобы не дать фашистам ворваться в Мадрид. Вот в этот-то момент прибыла первая интернациональная бригада. Тогда констатировали, что город был спасен совместными действиями двух сил: мадридской парторганизации и первой интернациональной бригады. Наконец, СССР всем тем, что он сделал для Испании, разумеется, повысил влияние партии.

Партия, начавшая со столь немногого в 1931 г., партия, столь быстро выросшая, теперь находится лицом к лицу с большой войной. Она ощущает повсюду громадную нехватку кадров.

Война. Многие наши товарищи стали военными, политическими комиссарами. Но их нужно в 100 раз больше. Центральный комитет еще не имеет настоящего военного органа, обладающего должными военными качествами.

Наконец, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ. В него могут посылать своих людей все партии. Мы можем командировать и командирuem людей в полицию, но и там они перегружены. Это молодые люди 20–25 лет; имея дело со старыми фашистскими полицейскими (итальянцами, немцами или французами), они теряются и арестовывают тех, кого не следует арестовывать.

IV

ПЕРСПЕКТИВЫ

Надо констатировать, что в антифашистской борьбе совершаются большие политические события: ОБЪЕДИНЕНИЕ СИЛ, СБЛИЖЕНИЕ С АНАРХИСТАМИ, ТЯГА В ПАРТИЮ. Ее политика единства, ее политика единого фронта привлекает все, что есть честного; силы объединяются в борьбе. Но на практике постоянно мешает разрозненность, которая наличио в низах, саботаж и всевозможное противодействие вверху и внизу.

Я УВЕРЕН, ЧТО МЫ ПОБЕДИМ. Есть много трудностей, но надо иметь в виду, что мы в Испании, в стране, выходящей из полуфеодализма, в стране, где энергия масс и их готовность к жертвам громадны. Вот почему, основываясь на достигнутых результатах, я полагаю, что, продолжая наше дело объединения, продолжая держаться на фронте так, как прежде, и развивать наши военные наступления – а в этом мы наверняка преуспеем, – я убежден, что мы победим.

РГАСПИ. Из коллекции архива.

¹ Карльтон – так в тексте. Правильно: А. Картон – кандидат в члены Политбюро ЦК КПИ (март 1937).

² Малага – имеется в виду падение Малаги 8 февраля 1937 г.

³ Галарса – министр внутренних дел.

⁴ 4 ноября 1936 г. Ларго Кабальеро, добившись не без труда согласия М. Аса-

нии, включил в правительство Х. Гарсия Оливера (НКТ–ФАИ) в качестве министра юстиции, Х. Пейро (НКТ) – министра промышленности, Х. Лопеса – министра торговли, Ф. Монсена (НКТ–ФАИ) – министра здравоохранения.

⁵ Ф. Далем (1892–1981) – член ЦК Компартии Германии, кандидат в члены ИККИ (1935).

⁶ Галло (псевдоним) – речь идет о Л. Лонго.

№ 41

Резолюция, принятая за основу конференцией политкомиссаров народной армии Испании (Конференция в Альбасте под председательством министра Альварес дель Вайо)

8 марта 1937 г.

Секретно.

НИЖЕПОДПИСАВШИЕСЯ КОМИССАРЫ, НАЗНАЧЕННЫЕ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ КОМИССИИ, КОТОРАЯ ДОЛЖНА СФОРМУЛИРОВАТЬ РЕШЕНИЯ ДЛЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИХ ВОЕННОМУ МИНИСТРУ, ВНОСЯТ НА РАССМОТРЕНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ СЛЕДУЮЩИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ:

1. Считать, что в проекте резолюции, представленной руководством комиссариата, учтена большая часть предложений, выдвинутых присутствующими на конференции комиссарами как результат их опыта, мы принимаем единогласно этот проект, выражая удовлетворение по поводу единодушия, отражающего понимание наших функций со стороны военного комиссариата.

2. В процессе прений выявилась необходимость конкретизировать некоторые предложения высшим органам, в данном случае руководству комиссариата, придав им более эффективную форму, и прося конференцию принять их в следующей форме:

а) Устранить недочеты, обнаруживающиеся в санитарной, транспортной и интендантской службе, и обеспечить назначение на должности комиссаров этих служб специалистов.

б) Уничтожить неравенство в обращении, которое наблюдается в бригадах, обеспечив снабжение всех одинаковыми боевыми припасами и обмундированием.

в) Уничтожить фаворитизм, наблюдаемый в отношении некоторых военных, вызывающий моральное разложение остальных.

г) Усилить пропаганду среди крестьян в тылу.

д) Унифицировать вооружение воинских частей, чтобы облегчить снабжение боевыми припасами.

е) Чистка командного состава должна проводиться не казарменными комитетами, а комиссарами.

ж) Произвести окончательный отбор среди национально-революционной гвардии, добившись в конце концов роспуска корпуса.

з) Изменить форму комиссаров, введя форму офицерского состава армии.

и) Снабдить все воинские части необходимым автоматическим оружием.

к) Не брать из воинских частей артиллерийских офицеров для назначения их в новые формирования.

л) Просить, чтобы имеющаяся в монастыре Эль Эскориаль типография была передана бойцам данного сектора.

м) Уполномочить комиссаров организовать рукопашные бои.

н) Организовать во всех бригадах физкультуру.

о) Создать во всех бригадах резервный пятый батальон для замены частей, идущих на отдых.

п) Создать группу комиссаров, которые ведали бы тылом и использовали бы ненадежных граждан для рытья окопов, ремонта дорог и т.п.

р) Организовать институт комиссаров при госпиталях для наблюдения над уходом за ранеными.

с) Создать при всех воинских частях сапожные мастерские.

т) Запретить на время войны переход дружинников милиции в войска политической безопасности.

у) Наладить информационную службу и поручить комиссариату организовать хранение всех получаемых документов как материала для истории войны.

ф) Обеспечить издание военного журнала.

х) Обеспечить типографиями все бригады.

ц) Не давать отпусков офицерам, если они не даются солдатам.

ч) Обеспечить все необходимое снаряжение новым рекрутам.

ш) Организовать военно-санитарное дело.

щ) Отпускать нам материальные средства для усиления пропаганды.

ы) Объединить военную промышленность и назначить на заводы военных комиссаров, которые практически содействовали бы усилению работы.

ь) Поручить совету комиссариата разработать проект работы и прав комиссаров и внести его на утверждение министра с целью введения в качестве обязательного во всей армии.

э) Ввиду обвинений, выдвинутых на Кастуэрсском фронте, военному министру следует поинтересоваться этим вопросом и посетить названный участок.

Альбасете 3 апреля 1937 г.

ФРАНСИСКО АНТОН-РАМОН ГОНСАЛЕС ПЕНЬЯ –

АЛЬБЕРТО Ф. БАЛЬЕСФЕРОМ –

ФЕЛИСИАНО БЕНИТО –

ТОМАС МОРА ИНБИГО –

БОБ ПРПИЧ / ФЕЛИПЕ ПРЕТЕЛЬ –

РГАСПИ. Ф. 545. Оп. 2. Д. 73. Л. 1в–1д.

Подлинник, машинопись, рус. яз., перевод с исп.

12 марта 1937 г.

Дорогие друзья!

Мы переживаем часы, самые опасные, самые критические, часы, когда решается судьба республиканского Мадрида, судьба республиканской армии, судьба народа Испании, судьба испанских коммунистов. Опасность катастрофы вполне реальна. Можно еще ожесточенно сопротивляться врагу и отбить его атаки и разбить его планы. Для этого существуют силы – и люди, и материалы, и оружие. Сумеют ли мобилизовать и использовать эти силы в несколько дней (2, 3, 4, 5 дней) – вот от чего зависит исход. Потому что мы находимся не накануне, а уже в начале практической реализации повторения в большом масштабе (на секторе Центр – Мадрид – Гвадалахара) катастрофы Малаги. Как вы знаете, враг начал наступление на фронте Гвадалахары с громадной концентрацией сил – 4 моторизованных итальянских дивизии (3 дивизии чернорубашечников и одна регулярной армии), плюс артиллерийский полк, плюс инженерная рота, химическая рота (газ иприт), плюс две смешанных бригады (итальянцы, немцы, португальцы, марокканцы, испанцы). Целый итальянский экспедиционный корпус от 35 до 40 тысяч солдат с офицерами, участвовавшими в нашем шествии на Абиссинию и захвате Аддис-Абебы. Сражения продолжаются два дня. Атаки врага наталкиваются на героическое сопротивление республиканской армии. Три республиканских танка, замаскировавшись, произвели, в течение первых дней боя, молниеносную атаку и уничтожили 35 (тридцать пять) танков врага. Враг понес большие потери убитыми и ранеными. Чтобы разбить атаку врага, надо немедленно, в 2–3 дня послать значительные подкрепления – от 20 до 30 тысяч солдат с необходимым вооружением и амуницией. Надо, чего бы это ни стоило, помешать врагу прорвать фронт Гвадалахары. Иначе не только Мадрид будет окружен и его прекрасное героическое население, более чем 300 000 человек, будет подвергнуто дикой, зверской расправе, но и большинство республиканской армии, сконцентрированной на Центральном фронте, очутится в невозможном положении. И потом будет почти невозможно удержать врага.

Невообразимые трудности в такие важные часы, трудности, особенно в отношении резервов, и трудности, которые возникают вследствие всей “политики войны”, проводившейся до сих пор – являются следствием предательства, организованного в большом масштабе в республиканской армии. Новое формальное доказательство существования такого организационного предательства и его роковой работы дано не только фактами (систематический саботаж формирования и обучения резервов и т.д.), но также показаниями плененных итальянских офицеров. Пленные итальянские офицеры утверждают, что штаб Франко и офицеры фашистской армии немедленно получали все самые подробные сведения о расположении сил республиканской армии – о ее бригадах и

батальонах, о ее оперативных планах, о перемещениях и передвижениях различных ее военных единиц и т.д. Они утверждают, что Франко и компания располагают большим количеством шпионов и агентов в аппарате республиканской армии и повсюду на республиканской территории.

Снова и очень остро стоит вопрос: чтобы выиграть войну, необходимо принять без задержки, срочно энергичные меры к радикальной чистке республиканской армии от предателей – шпионов – саботажников – неспособных. В то же время в течение 2–3 дней напирать все силы, найти и послать на фронт необходимые подкрепления.

Чтобы понять драматизм положения, надо знать, что происходит в правительстве. Надо знать, чем оно занималось в продолжение этих последних лет, начиная с 7 марта. Надо знать, каковы были и каковы в настоящее время его заботы. Надо знать, что делали и что будут делать различные организации и различные партии, которые составляют народный фронт: социалисты, анархисты, ВРС, НКТ, республиканцы, коммунисты.

В течение всех этих последних дней правительство, на деле – его вождь, дало новые доказательства своей слабости, бессилия, своей неспособности и пассивности. Оно даже не сумело реагировать с необходимыми твердостью и умом, чтобы ликвидировать “мятежи” анархистского бандитизма, имевшие место в десятках мест, даже в 4-х километрах от Валенсии. Кабальеро продолжал и продолжает проявлять себя очень энергичным и агрессивным лишь против компартии, увеличивая угрозы, интриги, маневры, закулисные комбинации против компартии. Но он показал себя слабым, пассивным, упорно сопротивляющимся в отношении мероприятий, необходимых для реализации обязательной военной службы, подготовки резервов и подкреплений, для чистки генерального штаба от предателей и неспособных.

Учитывая, что было бы преступным оставлять дальше подобное положение, партия приняла решение действовать энергично и добиться реализации своих требований, не останавливаясь и не давая себя запугать возможностью возникновения правительственного кризиса. Когда приближается смертельная опасность и когда фронт, бойцы и гражданское население обращают взоры к коммунистической партии и ожидают с лихорадочным нетерпением, что она предпримет, так как надеются лишь на нее – в таких условиях партия решила действовать и не считаться больше с тем, что ее действия могут вызвать открытый правительственный кризис.

Уже в своем докладе на Пленуме ЦК Хозе Диас поставил открыто вопрос: если правительство не желает или не может очистить свой собственный дом и весь военный аппарат от агентов врага и от неспособных; если правительство не желает или чувствует себя бессильным быстро провести организацию и обучение резервов, организацию руководства военной промышленностью и т.д. – тогда компартия чувствует себя достаточно сильной, чтобы взять на себя ответственность и обязанность по реализации всего этого. В этом же духе выступал в воскресенье 7 марта на большом открытом митинге т. Эрнан-

дес, коммунистический министр народного просвещения. Но на другой день утром, 9 марта, Эрнандес получил письмо от Кабальеро, в котором Кабальеро, отметив, что Эрнандес позволил себе, будучи министром, публичный выпад против главы правительства и что это неправильно и нелояльно, считает, что Эрнандес должен был бы проявить достаточно сознания, чтобы подать в отставку по собственной инициативе, но ввиду того, что он не подает в отставку, Кабальеро вынужден, пишет он, требовать от президента республики утверждения отставки Эрнандеса. В тот же день утром Кабальеро послал письмо в ЦК компартии с копией письма к Эрнандесу. В письме к ЦК Кабальеро повторяет свои жалобы на Эрнандеса и добавляет, что выступление Эрнандеса противоречит позиции партии, и заканчивает письмо, требуя от партии указать другого члена партии на вакантное место министра народного просвещения. ПБ после обсуждения решило, что Диас пойдет к Кабальеро и вручит ему письменный ответ ЦК. В ответе ЦК говорится, что Эрнандес только повторил требования, сформулированные на Пленуме самого ЦК, что эти требования и задачи, сформулированные ЦК, лишь представляют собою настроение и конкретизацию десяти лозунгов, выдвинутых большой народной манифестацией 14 февраля, требований, которые правительство торжественно признало, которые правительство обязалось осуществить, но которые оно еще не осуществило; что компартия настаивает на срочной необходимости реализации этих требований и что все это, вся деятельность партии и ее членов не только не ослабляют, но способствуют усилению авторитета правительства народного фронта. Во время чтения и разговора между Диасом и Кабальеро, последний после нескольких взрывов гнева и возмущения отметил, что ответ ЦК усиливает и углубляет все то, что сказал Эрнандес в своем выступлении, но закончил тем, что отказался от отставки Эрнандеса. Таким образом конфликт был ликвидирован. Надо сказать, что эта быстрая ликвидация конфликта была чрезвычайно облегчена поведением республиканцев и президента республики, которые противились всякой попытке министерских изменений за счет или против компартии. Надо сказать, что во время пленума республиканская печать писала в тоне восхваления и глубокого уважения к компартии. Самый распространенный и самый влиятельный печатный республиканский орган — “Ла политика де Мадрид” — написал даже, что коммунистическая партия Испании своей мощью и своей ролью могла бы быть поставлена в первые ряды больших политических европейских партий. Однако ликвидированный конфликт с Эрнандесом не означает, что дело улучшилось. Это только впрыскивание камфары больному.

События стремительно развиваются. Вчера, т.е. 11-го, утром после получения первых информации о наступлении, предпринятом итальянским экспедиционным корпусом, ПБ обсудило положение и поручило Урибе, министру земледелия и члену военного совета, сделать конкретные предложения. К сожалению, в военном совете предложения Урибе отклоняются. Кабальеро утверждает, что положение хорошее и что он сделает все, что можно сделать. Общие словесные заверения. Общие

обещания. Смехотворные практические мероприятия вносятся генеральным штабом! Удовлетворяются смехотворными мероприятиями, которые скорее имеют в виду распыление сил, чем действительную помощь!

ПБ вновь обсуждает положение. На этом ночном заседании ПБ решило поставить ультимативно все вопросы: о главе правительства, о военном министерстве, о методах работы правительства, о быстрой чистке генерального штаба и о радикальном пересмотре кадров армии и одновременно представить план предложений практических мероприятий (военного, политического и организационного характера), реализация которых должна начаться немедленно. И, чтобы предупредить возможные маневры, партия предварительно связалась и посоветовалась с республиканцами и с руководителями ВРС, НКТ, социалистической партии. Благодаря этому поведению КП и ее энергичной инициативе, добились, наконец, принятия, после ряда месяцев противодействий и саботажа, всех конкретных предложений коммунистических министров, предложений, которые заключаются в том, чтобы дать немедленно на фронт необходимые подкрепления, подготовить резервы, провести чистку армии от агентов врага и от неспособных. И – что всего любопытнее – это, что впервые Кабальеро принял предложения без взрывов гнева. Что бы ни было, с сегодняшнего дня, 12 марта, можно действовать и работать в духе наших предложений. Наши товарищи в министерстве и вся партия, ее лучшие кадры, с нынешнего утра имеют возможность развить максимум инициативы, чтобы помочь обеспечить фронт необходимыми подкреплениями. Партия дала указание – в два-три дня все задачи, касающиеся подкрепления фронта, должны быть выполнены на 100%. Таким образом, правительственный кризис избегнут. На сколько времени? – Неизвестно. Но по мере того, как даётся возможность работать для фронта, кризис будет кончаться. Если будут новые попытки задержать работу – тогда кризис разразится, потому что совсем не исключено, что некоторые политики попытаются маневрировать, чтобы прикрыть свою собственную ответственность и переложить недочеты и недостатки на других, т.е. на коммунистов. Партия, однако, бдительна и не создает себе иллюзий насчет возможностей нормального функционирования правительства в нынешнем его составе. Но, пока будет возможность работать, партия приложит все усилия, чтобы установить нормальные и все более тесные взаимоотношения с социалистами, с ВРС, с НКТ, чтобы обеспечить максимально единство действия и энтузиазма в работе в помощь фронту и производству для фронта.

Я должен добавить, что если правительственный кризис ныне избегнут, то это не надолго. Он может разразиться внезапно каждый день. В момент отправки этого письма уже имеются новые признаки, что он развивается.

И.

17 марта 1937 г.

Дорогие [товарищи!] друзья!^{2*}

Я намеревался начать серию моих информационных писем общим обзором положения здесь и проблем, которые ставятся. Такой обзор мог бы послужить основой моих информаций об актуальных вопросах. Однако я должен отказаться в настоящий момент от намерения послать вам подробный обзор. Исключительная серьезность положения вынуждает меня ограничиться в настоящем письме самыми жгучими вопросами сегодняшнего дня. Впрочем, я пришлю вам скоро, самое позднее, через неделю, большой доклад, подготовленный Диасом для ЦК, доклад, который является серьезным, подробным и основательным обзором положения, который дает анализ хода^{3*} событий, начиная с июля 1936 г., который дает оценку деятельности партии, отношения коммунистической партии к другим партиям и организациям народного фронта и рассматривает и объясняет встающие проблемы, анализирует трудности настоящего момента, дает самые ближайшие перспективы, формулирует самые ближайшие задачи партии.

Самый жгучий вопрос, который занимает здесь всех, это острый и сложный^{4*} правительственный кризис. Его характерная особенность состоит в том, что кризис как будто почти неразрешим, в то время как положение на фронтах настоятельно^{5*} требует быстрого разрешения этого кризиса.

Правительственный кризис существовал уже в конце января в латентном состоянии. В начале февраля он неожиданно обострился. В начале февраля Кабальеро уже сделал попытку войти в соглашение с анархистами и разорвать народный фронт. Он даже предложил официально Асанье реорганизовать правительство на основе синдикалистского блока, союза ВФС и НКТ^{6*}, исключая коммунистов и республиканцев. Асанья энергично отверг такую комбинацию, угрожая со своей стороны подать в отставку от поста президента республики, чтобы не брать на себя ответственности за подобное правительство, так как подобное правительство, по мнению Асаньи, означало бы разрыв народного фронта и допущение авантюры.

Несколько дней спустя правительственный кризис вспыхивает снова и самым острым образом. На этот раз падение Малаги является поводом для правительственного кризиса. Народные массы дали себе отчет в связи с ужасной катастрофой в Малаге, что дело не должно дальше идти, как до сих пор. что нужно быстро провести энергичные ради-

^{1*} Документ подписан одной буквой "В".

^{2*} Слово "друзья" вписано сверху слова "товарищи".

^{3*} Слово "хода" вписано сверху вместо слова "развития".

^{4*} Слово "сложный" вписано сверху.

^{5*} Слово "настоятельно" вписано сверху.

^{6*} Сокращения "ВФС и НКТ" стоят сверху вместо слов "УЖТ и СНТ".

кальные изменения в правительственной политике ведения войны. Они* почувствовали и убедились, что, если необходимые изменения не будут проведены, последуют другие катастрофы.

Все поняли, что катастрофа в Малаге – дело измены. И это действительно так. И еще хуже, трагедия в Малаге только частный случай в системе измен. Случай в Малаге выявил перед удивленными глазами народа цинизм и безнаказанность, с которым измена** орудует, измену, которая заседает и работает в самых недрах верховного штаба и которая имеет своих людей и вдохновителей в штабах почти всех секторов фронта; измена, которая орудует в смысле благоприятствования операциям врага; измена, которая заседает в штабах республиканской армии и вырабатывает планы операций, становящиеся тут же известными врагу и даже непосредственно подсказанные врагами; измена, которая организует саботаж транспорта, амуниции, винтовок, пулеметов, людей и подкреплений, которая посылает амуницию туда, где она не нужна; измена, которая юридически прикрывается тем, что военные приказы подписываются министром войны; измена, которая часто для того, чтобы не демаскироваться, принимает хорошие советы лояльных компетентных военных, письменно издает соответствующие приказы, но эти приказы не доходят по назначению или же доходят с большим опозданием; измена, которая организует неправильную информацию о действительном положении на фронтах, уверяя центр, что на таком-то стратегически важном месте имеются укрепления, в то время как этого нет; измена, которая даст приказы атаковать в таких местах и таким образом, где и какой враг буквально косит республиканских солдат, причем офицеры, командующие этими частями, организуют панику среди своих милиционеров.

Все это подтвердилось на секторе Малаги. Подобные вещи наблюдались и до падения Малаги и после падения ее и на других фронтах. Все гражданское население и бойцы на фронтах, лояльные и верные республиканские офицеры, компетентные военные, честные и преданные народному делу – все отдали ясный отчет в том, что на высших командных военных постах имеются люди из организации офицеров-предателей, систематически проводящих гнусную предательскую работу. Все поняли это – факты такого рода очень многочисленны и чрезвычайно наглядны – за исключением министра войны¹. И как не отдать себе отчет, когда узнаешь почти ежедневно новые случаи измены и саботажа, слишком бьющие в глаза? Как не думать об измене, когда имеешь такие факты, как например:

1. Было решено начать к концу января большое наступление на мадридском фронте. Дата наступления систематически переносилась на первые дни февраля, на 6 февраля, потом на 8 февраля, потом на 10 и 11 февраля. Подготовка к наступлению началась уже в декабре, однако, противник знал ежедневно о ходе подготовки к наступлению. Он знал планы. Впрочем, здесь говорили очень свободно о готовящемся на-

* Слово "Они" стоит вместо слов "народные массы".

** Слово "измена" вписано сверху вместо слова "предательство".

ступлении. Довольно широкие круги знали много подробностей из этого плана. После принятия оперативного плана наступления сейчас же началась кампания против плана со стороны высшего офицерства, которое также подписалось под планом и на обязанности которого лежало выполнение его. Но самым характерным было то, что, когда должно было начаться наступление, остановились железные дороги из-за отсутствия угля. Все предвидели, исключая отсутствие угля для железных дорог!

Я не говорю о множестве других фактов организованного саботажа для того, чтобы помешать наступлению. Дело кончилось так, как это было предвидено понимающими и верными военными: неприятель концентрировал своих людей и оружие как раз на тех пунктах, где должна была начаться республиканская атака. Не ожидая пассивно, враг берет на себя инициативу и переходит в наступление как на мадридском, так и на южном фронтах. Падение Малаги – катастрофа, подготовленная врагом, который воспользовался услугами своих агентов в штабе республиканской армии, отражающая предотвращение и поражение при предполагаемом наступлении на центральном фронте.

2. Случай в Малаге. Вы, знаете, вероятно, все подробности. Я только хочу напомнить несколько моментов. За несколько дней до падения Малаги, уже в конце января, генерал Кабрера из верховного штаба, начальник оперативной службы, ответил одному ответственному военному, требовавшему подкрепления и предполагавшему ряд мероприятий легко осуществимых для обеспечения защиты Южного фронта, что: “Бесполезно делать все это, так как падения Малаги неизбежно и фатально”. Пять дней спустя после падения Малаги этот же самый Кабрера, посланный в Альмерию для принятия мер по приостановлению наступления врага, заявил там перед множеством людей, среди которых был и один из коммунистических министров, что падение Малаги, откровенно говоря, является с точки зрения военной стратегии даже благоприятным для республиканской армии, так как – сказал он – таким образом фронт сокращается и исправляется.

Однако все это ничего не говорит министру войны!

3. Была декретирована, впрочем под нажимом масс, обязательная военная служба 15 дней тому назад. Издан приказ организовать несколько бригад из призывников на основе обязательной службы, но раньше, чем осуществить это, прекращается сейчас же набор добровольцев! Больше того, т.е. еще хуже, вот уже 15 дней как декретирована принудительная военная служба, но еще не издан декрет о сборах людей. Однако, когда рабочие организации и партии проявили инициативу в этой области, им сказали: не вмешивайтесь в правительственные дела.

4. Рабочие приготовили бронированные автомобили в довольно большом количестве. Рабочие, в большинстве анархисты, работали с большим энтузиазмом. Эти бронированные автомобили, по мнению специалистов-техников, великолепны. Они смогли и смогут оказать большие боевые услуги, но их не используют. И это уже продолжается больше месяца и даже больше двух месяцев! Рабочие возмущены.

5. Нужно восстановить одну железную дорогу, весьма необходимую для фронта. Нужно отремонтировать дороги для автомобильного и грузового транспорта для фронта. Это важнейшие стратегические дороги. Имеется много безработных, которых можно было бы использовать. Имеется много каменщиков и строителей, которые могут быть использованы, особенно в Мадриде и в Мадридских окрестностях – эти строители и эти безработные могли бы быть использованы для улучшения укреплений и т.д. Однако, нет! На протяжении двух заседаний Совет министров занимается проблемами безработицы в Мадриде и изучает проекты по разрешению безработицы, привлекая рабочих к тому, чтобы расширить и украсить некоторые бульвары и сады, построить новые здания для министерств и т.д. Это необъяснимо. Это было бы очень смешно, если бы не было так печально.

Причина большой трагедии Малаги кроется не в большой мощи врага (можно было отбросить все атаки врага), но в беспомощности в сопротивлении предательской деятельности, подготовлявшейся, руководимой и осуществлявшейся начальниками высших штабов республиканской армии. Предупреждения и тревожные крики не отсутствовали. Усилия и меры товарищей по их собственной инициативе, так как они чувствовали, видели предательство, также не отсутствовали. Увы! все эти усилия, вся эта инициатива, вся преданность и все самопожертвование, которое товарищи проявляли, не могли остановить чертовой предательской деятельности. Почему? Потому что правительство, или точнее говоря, председатель Совета и министр войны фанатично противопоставляли себя всему, что может соприкасаться с верховным штабом и, в особенности, с его начальником; потому, что министр войны отвергал всякие предложения, которые не исходили от начальников высшего штаба; потому, что министр войны подписывал лично все приказы чисто военного содержания, не думая о том, чтобы проверить как выполняются приказы, ибо часто приказы, которые соответствуют интересам врага, выполнялись быстро, а приказы, содержащие мероприятия или указывающие на действенные операции против врага, не выполнялись, а оставались в архивах или выполнялись наоборот, пропадая в пути, не доходили до места назначения или, когда выполнялись, то с таким опозданием, что выполнение их, как бы случайно, соответствовало интересам врага.

Народ почувствовал большую и срочную необходимость в радикальных изменениях во всех областях. Народные массы и бойцы на фронтах представили свои требования и предложения под видом десятка лозунгов, из которых самые важные – “Вся власть правительству” и “Чистка штабов и армии от офицеров-изменников, неспособных или не преданных делу республики и народа”, “Усиление армии преданными и способными офицерами и выдвижение офицеров из среды бойцов”, “Обязательная военная служба и мобилизация промышленности для целей войны” и т.д.

Если народные массы и бойцы на фронтах потребовали всех этих мероприятий, то это потому, что все отдали себе отчет в том, что правительство показало себя слабым и почти беспомощным, что опыты

синдикализации промышленности, транспорта, так же, как и опыты социализации и коллективизации в деревне, завели хозяйство страны в трагический тупик, угрожающий фронтам и тылу, что политика организации и обучения резервов, которая проводилась до сих пор, провалилась, что снабжение продовольствием и оружием, амуницией и т.д. недостаточно и преступно проводится, что в высшем штабе и в штабах секторов имеются офицеры-предатели, которые действуют организованно в интересах врага, и что в тылу имеются довольно активные фашистские организации и группы. Однако правительство показывает себя пассивным, медлительным и неспособным, беспомощным вести энергичную политику, которая требуется обстоятельствами. Больше того, вождь правительства, Кабальеро, сопротивляется категорическим требованиям народа и бойцов, вследствие этого – правительственный кризис. Это страх перед массой и презрение к ней со стороны Кабальеро, это увеличивающееся недоверие со стороны масс бойцов и военных к Кабальеро, к правительству как оно организовано сейчас. Продолжать это положение – это катастрофа на фронтах. Это не должно быть допущено. Компартия думает, что она должна сделать все, чтобы не допустить поражения народа, сделать все, чтобы обеспечить победу над фашистами, и она продолжает напоминать ежедневно о необходимости принятия мер для обеспечения победы. Она продолжает ставить в известность народные массы и бойцов, так как путем нажима со стороны самих масс она надеется принудить правительство управлять и руководить серьезно войной.

Способности правительства управлять очень ограничены. Все отдают себе отчет в необыкновенной слабости правительства. Все, широкие народные массы чувствуют необходимость в сильном правительстве, правительстве, которое действительно управляет. Народные массы и все газеты повторяют ежедневно общий лозунг: “Вся власть правительству”. Никогда нигде в истории не найти подобного странного положения, когда народ един в своем требовании: чтобы правительство управляло, чтобы оно было сильно, чтобы вся власть была в руках правительства. Однако правительство очень слабо, в особенности, вследствие общей правительственной политической линии. Не хватает единой правительственной политической линии, которой следуют, которую пытаются применять. Нет единой правительственной перспективы, единой правительственной воли. Применяемая правительством практическая политика – это эмпиризм, впрочем, весьма разносторонний. Но основной источник слабости правительства это то, что оно лишено средств управления, ему не хватает государственного аппарата. То, что осталось от старого госаппарата, превратилось после 18 июля 1936 г. в активную силу для борьбы против народа, против республики. Большинство функций госаппарата перешло в руки профсоюзов, УЖТ и СНТ, в руки различных комитетов, советов, местных партийных организаций и иногда (хотя это уменьшилось) просто в руки бандитов и “бесконтрольных”. Промышленность, торговля, транспорт, дома еще и сегодня находятся в руках профсоюзов. До крайности децентрализована экономическая жизнь. Руководство экономической жизнью поделено даже не ме-

жду двумя профсоюзными организациями, а между тысячами профсоюзов и федераций, принадлежащих двум профсоюзным организациям. Понемножку, медленно и только по мере развития боев на фронтах и вследствие горького опыта и множества поражений, которые испытала республиканская армия, исчезают, хотя еще есть многие следы, милиция, батальоны, полки, организованные различными профсоюзными организациями и партиями. Несмотря на все это, Республиканская армия представляет сегодня сектор государственного аппарата самый мощный и самый организованный. Но этот инструмент госаппарата — армия, занят на фронтах. Правительство не может использовать его для управления в тылу.

В тылу имеется все время официальное правительство, или вернее, три официальных правительства — Валенсия, Каталония и Бискайя. Около этих трех правительств имеются и проявляют свою власть множества больших и меньших правительств, более или менее автономных. Все это обуславливает слабость правительства. Но все это можно было бы сравнительно быстро изменить, если бы правительство могло применять единую линию и имело бы волю действовать так, как нужно действовать, особенно в теперешних условиях, когда народные массы сами требуют энергичной правительственной деятельности. Теперь настал такой момент, когда первыми, кроме бойцов на фронте, массы переросли в своей политической зрелости правительство и вождей профсоюзов, особенно после падения Малаги.

Правительство состоит из 18 министров. Военный совет состоит из пяти министров, но правительство не управляет, а военный совет также не руководит войной, не принимает необходимых мер в отношении войны, или же, когда принимает какие-нибудь решения, не контролирует их выполнения, не имеет средств или воли, чтобы заставить их выполнять. Каждый министр администрирует в своей области в большинстве случаев на свой страх и риск, по своей собственной инициативе. Не существует практической политики правительства в целом. Обследование проблем, вопрос законопроектов в различных областях делается на заседаниях Совета министров в большинстве случаев только формально. Однажды министерство финансов пыталось поставить на рассмотрение различные мероприятия и проект, имевший целью навести некоторый порядок в финансах государства и оздоровить пезету. Председатель Совета прерывает его резко и говорит ему: «Ваше дело как министра финансов состоит в том, чтобы платить. Когда вы не будете иметь денег, вы скажете. Остальное вас не касается». 13 февраля министр Хираль, бывший председатель Совета и в настоящее время министр без портфеля, выразив мнение председателя республики², попросил с возможно наибольшей учтивостью, чтобы председатель совета и министр войны дал ему некоторые сведения о том, что делается на фронте. Ответ: «Как, вы не читаете газет? Читайте газеты, пожалуйста, и вы будете знать все, что вас интересует». Каждый раз, когда на обсуждение ставится серьезный вопрос, председатель Совета министров разрешает его таким образом: «Мое мнение таково. Я придерживаюсь его и так как я его разделяю, оно правильно. И, так как оно правильно, его нужно при-

нять". Вот метод, который применяется ко всем министрам и министерствам, исключая министерство войны. Вопросы из области министерства войны, как правило, не обсуждаются в совете министров. Если министр осмеливается поднять подобный вопрос или требовать объяснения или дать предложение, председатель напоминает ему: "Не вмешивайтесь в такие дела, которые не касаются вас". В лучшем случае отвечают ему, что вопрос будет обсужден в военном совете. Если же министр настаивает, как это делают два коммунистических министра как представители партии, то председатель вспыхивает, заявляя: "Здесь нет представителей партии, вы министры такой-то отрасли, и больше ничего. Я не хочу знать ни о каких партиях".

Положение исключительно серьезное. Нужно очистить армию от офицеров-предателей и неспособных офицеров и заменить их преданными, верными и способными офицерами, которые уже имеются, но Кабальеро действует наоборот. Предателям он протезирует, неспособных он хвалит, верных и способных он заменяет или не дает возможности их использовать максимально. Компартия разоблачила Асенсио и Кабреро – и Кабальеро взбесился против партии. Он дико упрям и сопротивляется требованиям расследовать ответственность за катастрофу в Малаге. Обязательная военная служба, декретированная под нажимом масс, саботируется тем же самым министром войны.

Мобилизация военной промышленности идет очень медленно. Вместо того, чтобы прислушаться к предупреждениям коммунистической партии, к предупреждениям фронта, к петициям офицеров с фронта, к предупреждениям республиканцев, к крикам мужественной и искренней печати, он сердится и набрасывается на всех тех, которые осмеливаются критиковать, которые осмеливаются проявлять инициативу.

В ответ на предупреждения коммунистов, Кабальеро шантажирует министерским кризисом. При каждом случае он провоцирует коммунистических министров, разрешает себе и говорит вещи недопустимые, ожидая, чтобы коммунистические министры потеряли самообладание и подали в отставку. Он третировал также и республиканских министров. Он третировал также Дель Вайо. Обидами и провокациями он думает достигнуть того, чтобы спровоцировать министров, которые осмеливаются выразить и защищать свое мнение, на подачу в отставку. Он ведет кампанию посредством своих людей, чтобы принудить печать и организации, а также все партии, безусловно, подчиняться его личным приказам. Он требует клятвы в личной верности ему. Между тем, он и его самые близкие люди делают усилия к тому, чтобы добиться соглашения с СНТ, чтобы заключить пакт между УЖТ и СНТ для формирования правительственного блока УЖТ и СНТ и исключить коммунистов и отстранить республиканцев. Печать УЖТ и СНТ в этом смысле проводит систематическую кампанию. Но подобное поведение Кабальеро возбуждает сильное недовольство среди военных, порождает и растит беспокорство и недовольство среди бойцов на фронтах. Самые лучшие элементы, самые искренние и самые активные из самого руководства УЖТ начинают также протестовать. С другой стороны не все из УЖТ готовы поддерживать мелочные политиканствующие комбинации Кабалье-

ро по отношению к СНТ. В СНТ также существует глубокое течение против этих низких комбинаций. Республиканцы, терроризированные шантажем и призраком блока СНТ и УЖТ, сначала колебались, но сейчас заявляют, что они солидарны с коммунистической партией. Кабальеро делает отчаянные усилия, чтобы изолировать коммунистов. Чем объясняется это антикоммунистическое бешенство у Кабальеро? — многими причинами, а именно

- тем, что влияние и авторитет коммунистической партии увеличивается,

- тем, что фронт доверяет единственно коммунистам,

- тем, что коммунисты в своей кампании против офицеров и предателей, непосредственных сотрудников Кабальеро, поставили Кабальеро в такое положение, когда он сам должен был сказать: “Если я не предатель, то я дурак?”

- тем, что молодежь работает вместе с коммунистами,

- тем, что республиканцы выражают большое расположение к коммунистической партии,

- тем, что развитие событий подтверждает, что коммунисты правы и что он, Кабальеро, ошибается.

Острота кризиса увеличивается также вследствие решения о контроле и, в особенности, вследствие нажима одного иностранного государства. Кто это государство, которое оказывает помощь или обещало помогать Кабальеро? В какой мере вмешательство этого иностранного государства благоприятствует правительственному кризису, помогает или вдохновляет странное поведение Кабальеро? Без всякого сомнения, Кабальеро получает поддержку или надеется на поддержку одного иностранного государства. Он, несомненно, договорился. Какова же эта договоренность? За счет чего и против чего? Некоторые признаки говорят о том, что это иностранное государство — Англия. Ряд странных совпадений и вещей остался бы необъясненным, если не думать о руке Англии. И ряд странных вещей начинается как раз (странное совпадение!) со времени недавнего посещения, в конце января, английских военных судов, после свидания Кабальеро и Прието с английским адмиралом и с британским поверенным в делах. Весьма широко известна фраза Прието, которую он сказал английским гостям: “Если бы ваше посещение не было протокольным посещением, еще можно было бы вам предложить рынок — возьмите Картаген, возьмите еще что-нибудь, но помогите нам выгнать фашистов, немцев и итальянцев”.

Однако с конца января (просто совпадение!) начинается обдуманная, но и систематическая кампания против интернациональных бригад, против Советов, против коммунистов, против коммунистических политических комиссаров на фронте. Уже с первых дней февраля Кабальеро пришел к Асанье и сделал ему предложение выбросить Дель Вайо и организовать министерство на синдикалистской базе, т.е. сделать министерство УЖТ и СНТ без коммунистов и без республиканцев. На это предложение Асанья ответил, что он предпочитает подать немедленно в отставку как председатель республики, чем принять подобную комбинацию.

Предложение выбросить Дель Вайо приобретает особое значение, если иметь в виду циничную фразу, сказанную Прието на недавнем совете министров после того, как Дель Вайо сделал доклад по поводу решения комитета о невмешательстве, а именно: “Все то, что вы говорите и предлагаете, я это слышал сегодня утром теми же словами из уст советского полпреда. Мы хотели бы знать ваше собственное мнение и ваше предложение как министра Испании”... После этого Прието выступил с инсинуациями по адресу СССР в том смысле, что СССР, так сказать, оставляет Испанию и не интересуется ею больше, потому, что не может добиться своих целей. Потом (это также новое совпадение!) – с первых дней февраля начинается кампания с большим шумом по вопросу о помощи Мексики и мексиканской солидарности с таким оттенком – сначала оценить одинаково солидарность СССР и Мексики, а потом попытка противопоставить “беспристрастную” мексиканскую помощь “пристрастной” помощи СССР. Потом приглашение пришло республиканскому правительству участвовать в церемонии коронации английского короля. Потом начинается систематический флирт, увеличивающийся все больше и больше, у испанских социалистов и троцкистов (ПОУМ). Чувствуется также разрастание темной общей кампании социалистов других стран плюс троцкистов, плюс гестапо против Коминтерна, против СССР, против испанской коммунистической партии. Одновременно проводится большая реклама II Интернационала и амстердамцев в связи с некоторой продовольственной помощью испанским рабочим. Потом цензура, которая вычеркивает в статьях “Фронте Рохо” каждое нападение на троцкистов, в особенности аргументы, которые показывают контрреволюционную работу, фашистскую вредительскую работу этих людей в Испании. Потом – предложение УЖТ (чьим председателем является Кабальеро) созвать эту международную конференцию, из которой коммунисты исключены и которая, по намерениям руководителей УЖТ, должна иметь некоторый антикоммунистический отпечаток. Поток – настоящая инсценировка, невероятная (scenarío) дьявольская инсценировка прямой помощи Англии республиканской Испании с согласием Германии (Я не говорю подробно, предоставляя подателю сего рассказать вам устно).

Принимая во внимание все эти совпадения, приходишь к заключению, что Англия начинает играть очень активную роль во внутренней политике республиканской Испании. Мы, следовательно, начинаем думать, что энергичная и разрастающаяся кампания, которую Кабальеро и его ближайшие друзья начали против коммунистов, частично вдохновляется и поддерживается Англией и, вероятно, Детердингом из Ройал Датч.

Происходит ли торговля между Кабальеро и Англией из-за Картагена или других территорий и других экономических концессий? И только ли это? Имеется ли договоренность пожертвовать компартией? Разрушить компартию? Но разрушить компартию – это разрушить фронт, т.к. 130 тысяч коммунистов находится на фронтах или выполняет функции, прямо или непосредственно связанные с фронтом. Душа и мускулатура армии – это коммунисты. Разрушить компартию, партию,

к которой крестьяне имеют почти фанатичное доверие, No, no passaràn!, компартия представляет большую политическую силу рабочую, крестьянскую и военную. Она вселяет страх и уважение, а, впрочем, партия уже имеет достаточно опыта и гибкости, чтобы не дать себя спровоцировать, чтобы не изолировать себя от масс. Она сможет разоблачить антикоммунистическую кампанию, расстроить планы врага. Только, чтобы неприятные неожиданности не пришли с фронта. Только, чтобы не повторилась катастрофа как в Малаге. Вот почему прежде всего и выше всего партия ставит фронт, армию, уделяет им главное свое внимание, делает героические усилия, чтобы обеспечить и ускорить победу республики против фашизма. Фронт знает партию, ее людей, ее работу, ее линию, ее предложения. Фронт доверяет партии, больше доверяет, чем самому правительству, и это злит Кабальеро и социалистических вождей и некоторых анархистов. Это факт. Это результат последовательной работы народного фронта и партии. Республиканская партия "Эскерра Республикана" и республиканский союз признают часто и публично, что компартия самая сильная партия, самая лояльная и самый энергичный борец народного фронта как на фронте, так и в тылу.

Вот каково положение. Положение трудное, критическое, самое сложное, самое противоречивое, а события спешат, сменяются с быстротой молнии. Здесь обстановка меняется три раза в день. Кто не меняется – это профсоюзные и социалистические политики, которые делают и будут делать еще много плохого народу.

Общее резюме: чтобы выиграть войну, чтобы помешать новым поражениям на фронте, фронт требует радикальных быстрых изменений в смысле чистки штабов, организации военной промышленности, обеспечения транспорта на фронте, обеспечения продовольствием на фронте, обеспечения организации и обучения резервов, обеспечения осуществления принудительной военной службы. Наша партия сделает все возможное, чтобы все это было осуществлено потому, что это жизненно необходимо. Она сделает все возможное, чтобы это было осуществлено правительством во главе с Кабальеро. Но если Кабальеро и его друзья будут продолжать сопротивляться этому, новая катастрофа может прийти, и чтобы ее избежать, нужно форсировать реорганизацию министерства при другом министре войны или создать министерство без Кабальеро. Нужно сделать это вопросом нескольких дней, десятка дней. В этом смысле общественное мнение фронта подготавливается. В этом смысле ведутся переговоры с республиканцами, с анархо-синдикалистами, с УЖТ, с социалистами, с Асанья ... на основе усиления народного фронта. Для этого нужна положительная программа, конкретная программа народного фронта с жгучими немедленными задачами, которые немедленно нужно осуществить. Партия убеждена, что она успеет. Партия – большая сила. Только в 22 провинциях она имеет 250 тыс. членов, из которых 135 тыс. находится на фронте. С партией идет молодежь – около 250 тыс. членов, кроме того, объединенная социалистическая партия Каталонии, имеющая 45 тыс. членов, идут крестьяне, которые имеют к компартии фанатичное доверие. С помощью республиканцев. Имея в виду, что массы УЖТ в большинстве защищают пози-

ции коммунистической партии. Положение исключительно тяжелое и сложное, но мы уверены, что коммунистическая партия может все эти трудности преодолеть и дело народного фронта восторжествует, что дело народного фронта закончится победой.

Сердечный привет:

РГАСПИ. Из коллекции архива.

¹ Министр войны – так в тексте. Правильно: военный министр.

² Председатель республики – так в тексте. Правильно: президент республики.

№ 44

Письмо И. Степанова (Морено) в связи с проблемой политического и профсоюзного единства испанского пролетариата

28 марта 1937 г.

Дорогие товарищи, в сегодняшнем письме я остановлюсь более или менее подробно на вопросах, касающегося внутреннего положения компартии, как в связи с только что прошедшим пленумом ЦК КПИ, так и в связи с проблемой политического и профсоюзного единства испанского пролетариата. Однако, для того, чтобы дать точную информацию по данному вопросу, нужно прежде всего описать настоящее положение как с точки зрения военной, так и в связи с развитием назревающего правительственного кризиса.

1. Схематическая картина военного положения. Положение на фронтах стало благоприятным. После поражения, понесенного на Гвадалахарском фронте армией итальянцев, республиканская армия одержала значительные победы на фронте Хирамы¹, на фронте Пособланко и некоторые успехи имеются на Южном фронте. Судя по информации, которыми мы располагаем, о положении на отдельных фронтах, ясно, что победы на Гвадалахарском фронте дают возможность некоторой передышки для республиканской армии, да и к тому же они создали возможность для перехода в наступление. Операции, проходящие в настоящее время, открывают перспективу наступления для части республиканской армии. Но для того, чтобы мы могли перейти к большому наступлению, которое могло бы нанести сокрушительный удар армиям неприятеля, необходимо возможно быстрее иметь в течение ближайших 15–20 дней новый контингент хорошо подготовленных резервов солдат как для того, чтобы заменить потери убитых и раненых, так и для того, чтобы послать на отдых бойцов, уставших в последних боях. Нам нужно в течение ближайших полутора месяцев иметь в своем распоряжении контингент резервов в 60 000 солдат.

Во-вторых, для того, чтобы гарантировать успех больших наступательных операций, нужно увеличить производство снарядов для артиллерии. Это значит, что нужно радикально изменить все положение в части военного производства. Недопустимо повторение таких фактов, которые имели место на Гвадалахарском фронте, где батарея располагает лишь

50 снарядами в день, в то время, когда предприятия, которые могут производить снаряды, большую часть своего времени отдают на производство игрушек, кроватей, потому только, что комитеты этих предприятий заявляют, что игрушки и кровати можно продать, в то время как неизвестно, будет ли правительство оплачивать производимые снаряды.

В-третьих, необходимо принять быстрые энергичные меры для улучшения снабжения и обмундирования армии, находящейся на фронте (одежда, обувь). Все необходимые материалы для снабжения имеются в стране в складах – вопрос только в том, чтобы обеспечить их доставку и рациональное распределение. Это означает, что нужно изменить и активизировать коренным образом весь аппарат военного интендантства. В-четвертых, необходимо немедленно приступить к эвакуации солидной части гражданского населения Мадрида. На сегодняшний день в Мадриде живет от 800 до 900 тыс. гражданского населения. Нужно обеспечить снабжение остатков гражданского населения Мадрида, не желающего покинуть город.

Нужно, наконец, принять ряд энергичных мер для организации немедленного строительства стратегических дорог, расширения и увеличения существующих дорог, также нужно быстро закончить строительство нескольких железнодорожных путей. Нужно внести порядок и усилить использование автомобильного – грузового транспорта (вещь абсолютно возможная при условии лучшей организации и руководства).

В-пятых, (по важности этот вопрос занимает первостепенное место) – нужно добиться возможно быстрее создания верховного центрального штаба в составе способных офицеров, верных республике; генерального штаба, подготавливающего и руководящего всеми военными операциями на всех фронтах. Нужна также проверка всего военного аппарата республики. Но для того, чтобы все это провести в жизнь с необходимой быстротой и твердостью, нужно, чтобы правительство действительно правило страной, чтобы правительство вело политику войны, правительство, которое бы осуществило максимально объединение всех народных сил, организовало бы единство действий всех народных сил, входящих в единый народный фронт. Нужен настоящий министр военных дел, работающий на войну, обеспечивающий фронт всем тем, что ему нужно. Военная проблема, вопрос наступления, обеспечение всех тех условий, которые помогут быстро и успешно покончить войну – вновь встанут перед нами не только как чисто военные проблемы, но как и вопрос в основном политический. Уже имеется налицо республиканская армия, которая, несмотря на все свои слабости и недостатки, доказала свою большую выдержку и боеспособность, боеспособность, превышающую силы армии врага, несмотря на то, что вражеская армия, с точки зрения военно-технической и вооружения, стоит выше республиканской армии. Налицо также все объективные условия (люди, вооружение и возможность производства амуниции). Можно в очень короткий срок подготовить необходимые контингенты резервов. Трудности настоящего времени объясняются отсутствием твердой политической правительственной линии, в отсутствии министерства войны, которое бы занималось исключительно военными вопросами.

2. Слабости правительства, отсутствие твердой правительственной политики в вопросах войны – и все это в тот период, когда положение на фронтах требует немедленного перехода в наступление, а значит, и твердой политики в вопросах войны – все это создает условия для назревания правительственного кризиса, который выявляется в очень заостренной форме. Этот скрытый правительственный кризис, его частые острые проявления не составляют секрета ни для населения, ни тем более для действующей армии. Повсюду создается настроение ожидания и нервозности. Полемика в газетах, дискуссии на собраниях и митингах, разговоры и переговоры, политиканские комбинации и интриги – все это нарастает изо дня в день. Очень тревожные настроения создаются в связи с этим среди военных на фронтах. Военные, находящиеся на фронтах, не только настойчиво требуют разрешения правительственного кризиса с точки зрения благоприятного усиления боеспособной мощи республики, но на некоторых участках фронта повторяются случаи коллективных угроз против правительства и лично против Кабальеро. Люди с фронта формулируют прямые обвинения против военного министра, давая ему отрицательную политическую оценку. Требуют со всех сторон быстро покончить с саботажем, с небрежностью, с неспособностью, бюрократическим произволом, царствующим в министерстве военных дел.

С другой стороны, увеличивается недовольство экономической политикой и административной политикой правительства в широких народных массах – недовольство, которое свидетельствует о росте дискредитации экспериментальной синдикалистской политики – политики, которая подчас не только поддерживается, но и поощряется правительством. Нужно добавить еще одно обстоятельство, которое увеличивает этот скрытый правительственный кризис: это усиление трудностей на фронте снабжения. Перспективы все более реальной возможности выиграть войну и отсюда нарастание тревоги за то, каким образом разделить между собой добычу, славу, политический кредит, вырастающий из победы; усиливающееся давление со стороны Франции и, в особенности, со стороны Англии, которая выдвигает и требует “линии, которая могла бы разрешить испанскую проблему”; давление и расширяющаяся кампания со стороны II, социалистического и Амстердамского интернационалов². Каковы новые факты, доказывающие обострение правительственного кризиса? – Прежде всего, ужасная кампания со стороны Кабальеро и поддерживающих его друзей, со стороны прессы против коммунистической партии. Ежедневно газеты Кабальеро – “Аделанте”, “Ла корреспонденсия де Валенсия” (Валенсийский орган), “Ла Кларидад” (Мадридский орган) – публикуют статьи против коммунистической партии, против Эрнандеса, против руководителей объединенного социалистического союза молодежи. Одновременно военный министр продолжает настоящий погром против коммунистов. После того, как он изгнал коммунистов, работавших в центральном генеральном штабе, он продолжает погром против политических комиссаров-коммунистов. Некоторые из них разжалованы, освобождены от занимаемых должностей и замещены социалистами или анархо-синдикалистами. В военную

школу, подготавливающую кадры, по декрету принимаются в качестве учеников только люди, посылаемые профсоюзами. Позавчера были арестованы во флоте два коммунистических комиссара и два комитета моряков только потому, что в их состав входят коммунисты. Назначены 15 политических комиссаров социалистов в авиации, несмотря на то, что в авиации нет ни одного солдата социалиста, политические же комиссары авиации, коммунисты, вынуждены играть роль сторожей аэродромов. Прекратили выпуск техническо-политического органа авиации. Назначили 8 инспекторов армии с очень высокими окладами, с правом пригласить к себе 5–6 помощников на каждого. Из этих 8 инспекторов – 6 социалисты и 2 троцкисты, исключенные несколько лет тому назад из коммунистической партии.

В начале марта был проведен в жизнь декрет о милитаризации транспорта; организован транспортный батальон, во главу которого поставлены политические комиссары – все социалисты. В союзе транспортников, подавляющее большинство которого состоит из коммунистов, руководителями которого являются коммунисты, назначены политические комиссары – все социалисты. В то же время делаются попытки и невероятные усилия для того, чтобы разбить каталонское УХТ, так же, как и федерацию транспортников Каталонии. Эта операция идет на пользу лишь анархо-синдикалистам. Руководители УХТ (председатель Кабальеро) ведут усиленную кампанию против коммунистов в профсоюзах. Хуже того: Шевенельс, Штольц и другие руководители Амстердамского интернационала и II Интернационала разъезжают по Испании и, судя по словам Претеля (один из секретарей УХТ, человек очень прямой и искренний, связанный с коммунистической партией), они приехали для того, чтобы предложить свои услуги Кабальеро и руководству УХТ для борьбы против коммунистической партии.

Одновременно с этим большая работа проводится Кабальеро, его сторонниками и руководителями УХТ для того, чтобы расколоть объединенный союз социалистической молодежи и создать новую федерацию социалистической молодежи, органически связанную с УХТ и социалистической партией. Ожесточенная борьба в Мадриде за мадридский муниципалитет. Этот муниципалитет должен иметь 35 советников; кабальеристы требуют 20 постов для УХТ, а остальные 15 должны быть распределены между коммунистической партией, социалистической партией, анархистской федерацией труда и республиканской партией. Это требование предъявляется ими, несмотря на то, что они прекрасно знают, что коммунистическая партия Мадрида политически и количественно самая сильная партия и, что, если бы были проведены выборы, то мы получили бы 50%*, а то и больше всех голосов.

Одновременно с кампанией, направленной против коммунистов, социалисты (сторонники Кабальеро) ведут кампанию против республиканской партии и, главным образом, против Асаньи. Но в данной кампании роли разделены: наиболее ожесточенную и систематическую кампанию против республиканской партии ведут анархисты, главным

* Слова "получили бы 50%" подчеркнуты карандашом от руки.

образом через свою газету “С.Н.Т.” – ежедневный орган анархистов в Мадриде. Нужно сказать, что эта газета, с тиражом от 100 до 150 тыс. экземпляров, стала газетой, преимущественно читаемой (как и все другие газеты СНТ и анархистов) всеми антиреспубликанскими элементами, всеми фашистами или полуфашистами, называющими себя независимыми или аполитичными, но которые ждут и надеются на победу врага. Чтобы не забыть, нужно здесь сказать о тех попытках и маневрах, которые ведутся у них в целях создания правительства синдикального типа – УХТ и СНТ. Эти попытки, однако, оказались неудачными. Органы СНТ и УХТ вынуждены были последние 10 дней забить отбой и занять защитительную позицию в этом вопросе. Они вынуждены были заявить, что они никогда не придерживались и не защищали такую концепцию.

В этих условиях, в этой обстановке в полном согласии с советами, полученными из дому, для того, чтобы дать отпор всем попыткам изолировать коммунистическую партию, коммунистическая партия должна была открыто поставить вопрос о политическом объединении и объединении профсоюзов, вопрос о слиянии коммунистической партии с социалистической партией в единую партию пролетариата.

Мы имели беседу с Кабальеро, с Аракистаином и с Дель Вайо. До последнего момента эти переговоры не дали положительных результатов. Кабальеро, заявляя, что он не будет противодействовать объединению пролетариата, проводит бесстыдную политику против партии, против военной компетенции “русских”. Но он не хочет ничего ни слышать, ни принимать из тех предложений и замечаний, которые партии кажутся необходимыми, ни в вопросах реорганизации аппарата генерального штаба, ни министерства военных дел, ни всех тех организаций, которые непосредственно связаны с обслуживанием военных действий. Из дому нам советуют найти пути, чтобы убедить Кабальеро в необходимости улучшить положение в этих организациях. Но было бы иллюзией думать, что Кабальеро согласится с каким-нибудь из данных нами советов и предложений в этой области. Он не желает принимать даже самых простых мероприятий, самых безобидных, но вместе с тем практических. Все предложения, все советы, в какой бы осторожной форме они ни были высказаны (даже без всякой критики), принимаются Кабальеро, как попытка уменьшить его власть и как самые отвратительные маневры. Он говорил, заявлял и подчеркивал: что до тех пор, пока он останется хозяином правительства и военным министром, он будет полностью и энергично использовать свои права, назначать своих сотрудников, в которых он нуждается. Он даже несколько раз заявлял о том, что он использует “свое право” выбирать и назначать лично министров, которые ему понравятся, и, как следствие этого, он продолжает вести кампанию против Эрнандеса, требуя, чтобы его заменили, так как это единственный министр, требующий разъяснений о военном положении и делающий конкретные предложения, могущие помочь армии.

Некоторые “левые” социалисты из фракции Кабальеро, как Дель Вайо, Претель, старик Карильо³, встречают с энтузиазмом идею объединения двух пролетарских партий. Другие социалисты, кабальеристы,

как Аракистан (республиканский посол в Париже), заявляют о том, что они поддерживают эту мысль. Несмотря на эту оригинальную и очень характерную позицию, они заявляют: “Что новая объединенная пролетарская партия должна войти во II интернационал, несмотря на то, что II интернационал, по словам Аракистана, представляет собой клику, руководимую коррумпированными людьми, жуликами и заведомо реформистами бюрократами”. С другой стороны, судя по информации, данным Дель Вайо, фракция Кабальеро примет предложение об объединении двух партий при условии, если будут исключены центр и правое крыло социалистической партии, это значит исключение Негрина, Прието, Ламонед⁴ и др. Это обозначает, что кабальеристы представляют себе политическое объединение пролетариата, или вернее идею политического единства, как оружие для фракционной борьбы против других фракций социалистической партии. На деле же получается следующее, и нужно принять это во внимание, что в течение нескольких последних месяцев существует практическое регулярное сотрудничество между коммунистической партией и “центристами”-социалистами (Негрин и др.) для проведения в жизнь мероприятий, полезных для армии. Кстати, покажется странным, но это факт, доказывающий восьмью месяцами совместной работы в процессе войны, что это бывшее разделение терминологии “левых” и “центристов” социалистической партии не оправдывает себя.

Социалисты, принадлежавшие к “центристской” фракции, показали себя значительно лучше, чем “левые”. Они себя лучше держали с точки зрения оказания активной помощи армии и несравненно лучше в своих взаимоотношениях с коммунистической партией так же, как и в своих отношениях и оценке военной компетенции “русских”.

Коммунистическая партия не может рассматривать проблему политического единства, дискредитируя эту идею, приняв политиканские комбинации, предлагаемые некоторыми лидерами, называющими себя “левыми”. Аргумент, часто употребляемый руководителями коммунистической партии в разговорах с Ларго Кабальеро о том, что он представляет собой центральную фигуру Испании, что он является символом испанского народа, что он может играть роль человека, под знаменем которого объединятся все рабочие силы, что коммунистическая партия Испании и Коммунистический интернационал являются единственными силами, сделавшими его имя универсальным, создавшими ему симпатии во всем мире – на все эти аргументы Кабальеро отвечает следующей репликой: “Я знаю все это, я знаю, что все это верно, но я знаю также и то, что чем больше вы меня восхваляете, чем больше вы меня выдвигаете, тем быстрее и легче вы меня сбросите с пьедестала, на который вы меня воздвигли”. Ясно, что Кабальеро будет продолжать свою политику в том же духе. В лучшем случае он согласится с некоторыми комбинациями, изменениями в составе министерств, но только в том случае, если эти изменения не внесут никаких улучшений, а, наоборот, приведут к ухудшению. Какие могут быть комбинации: Кабальеро оставит пост военного министра и останется лишь председателем совета министров, но на пост военного министра он поставит такого челове-

ка, как Барайбар⁵ или Аракистан. Друзья Кабальеро – Аракистан, Барайбар, Агирэ согласились на то, что единственной приемлемой кандидатурой для Кабальеро и для других участников народного фронта может быть лишь кандидатура Аракистаина. В этом смысле была опубликована статья в газете “Тан”, полностью подготовленная Аракистаном вместе с корреспондентом “Тан”. Но предоставить пост военного министра Аракистану или Барайбару, это значит не внести никаких улучшений. Больше того, это приведет к новым неожиданностям и осложнениям, еще более неприятным и опасным, чем то положение, в котором мы находимся сейчас.

Я забыл сказать, что Диас и Долорес имели частную беседу с Асанья. Асанья тоже думает, что дело не может продолжаться так, как оно идет в настоящий момент, и что при данном положении вещей выиграть войну нельзя. Асанья думает, что нужно уменьшить количество министров (18 министров это маленький парламент), что нужно отделить министерство военных дел от председательства в совете министров; что в процессе войны в министерстве военных дел достаточно работы, с которой не может справиться министр военных дел, если он занимается другими делами, что, больше того, нужно было бы, чтобы и другие министры занимались больше военными вопросами.

Асанья заявил, что коммунистическая партия является наиболее могущественной партией, наиболее дисциплинированной, что они видят положение лучше других и что поэтому они имеют право на большее представительство в правительстве, чем в настоящее время, что они должны иметь официальную возможность более широко влиять практически и политически на правительство. Он также сказал, что коммунистическая партия Испании может объединить вокруг себя большинство испанского народа. Но он склоняется к тому, что с точки зрения международной ситуации нужно было бы, чтобы главой правительства был сейчас не коммунист, несмотря на то, что он сам готов активно сотрудничать с коммунистической партией во всяких условиях, принимая во внимание то, что коммунистическая партия является центральной силой и гарантирует успех в борьбе испанского народа.

Принимая во внимание все вышеизложенное, как и все то, что я писал в моих предыдущих письмах; принимая во внимание факт военных побед в последние дни, дающих возможность передышки, но и то, что эта передышка используется Кабальеро для ведения погромной политики против коммунистической партии, вместо того, чтобы концентрировать все усилия для более тесного сотрудничества с коммунистической партией в целях подготовки резервов необходимого вооружения для обеспечения нового наступления; принимая во внимание то условие, что враг не будет спать эти две–три недели, но что он будет подготавливать свои силы; принимая во внимание тот факт, что Кабальеро приписывает себе все военные успехи, пытается изолировать коммунистов и создать свой собственный военный аппарат, не в интересах войны, а в интересах борьбы против коммунистической партии; принимая, наконец, во внимание отрицательное отношение Кабальеро к предложениям коммунистической партии об объединении двух пролетарских пар-

тий; принимая во внимание основной факт, что время является фактором большой важности и в военной и в политической обстановке, в том смысле, что через две недели – 20 дней, не позднее, нужно, чтобы правительственный кризис был целиком разрешен и превзойден – все эти обстоятельства ставят перед нами вопрос, должны ли мы остаться наблюдателями разворачивающегося кризиса, не вмешиваясь энергично, с тем, чтобы ускорить его разрешения?

Можно себе поставить вопрос, правильна ли позиция коммунистической партии, которая из осторожности, из-за нежелания осложнять создавшееся положение, удовлетворяется лишь несколькими статьями в газете, несколькими выступлениями и речами? Правильна ли позиция партии, не отвечающей на продолжающийся погром против нее? Правильно ли будет, если партия не прекратит безобразную кампанию против “русских”? Правильно ли будет, если партия, которая требует терпеливо, но энергично чистки армии от изменников, саботажников и неспособных людей, останется пассивным наблюдателем, который с внутренней горечью и злобой будет следить за разжалованием лучших офицеров, лучших командиров, лучших политических комиссаров, замещаемых неспособными людьми, выскочками, сомнительными и подозрительными элементами и даже реакционерами и монархистами? Если бы партия заняла такую позицию, она бы попала в двойную опасность: с одной стороны, она скомпрометировала бы условия победы, с другой стороны, – она компрометирует самое себя. Если бы партия приняла такую позицию, то фронт и армия пострадали бы в первую очередь, армия очутится перед большой опасностью как изнутри, так и извне. Партия окажется дискредитированной.

За последнее время, в особенности после малагской катастрофы, обнаружившей слабости правительства, глаза бойцов, так же как и глаза большей части гражданского населения, обращены в сторону коммунистической партии. От партии ждут, что она скажет, что она сделает. Партия сказала свое слово. Партия указала путь, по которому нужно идти. Партия выдвинула задачи и указала мероприятия, которые нужно принять. Позднее, в критические дни страшных волнений, когда реальная опасность угрожала Мадриду – партия вновь спасла положение. Должна ли партия молчать сейчас? Может ли партия, для того, чтобы избежать министерский кризис, не отразить погром, направленный против нее самой, против ее лучших офицеров и политических комиссаров? Может ли партия молчать, когда она видит, что вся металлургия, все предприятия, которые могут выпускать лучшие снаряды, занимаются производством игрушек и кроватей? Может ли партия молчать, видя сотни аналогичных фактов, молчать перед актами, которые даже в мирное время заслуживают самого серьезного наказания? Может ли партия бездействовать, когда офицеры – бойцы некоммунисты очень большой ценности, абсолютно преданные делу народа, протягивают к ней руки и открыто заявляют о том, что глава военного министерства ведет политику разрушения армии? Может ли она молчать только для того, чтобы избежать министерского кризиса? Вот перед какими вопросами, друзья, стоит сейчас партия.

Руководство партии отдает себе полный отчет в том, что министерский кризис не является развлечением. Партия знает, что ставить вопрос об изменениях в правительстве, созданном на базе народного фронта, вещь нелегкая; что есть здесь игра с неизвестными, это ясно, ясно и то, что будет много борьбы, много внутренних трений, что это создаст и недоразумения и некоторую внутреннюю опасность. Партия изучала этот вопрос с максимальной осторожностью. И все же я должен вернуться к лейтмотиву этой песенки: [нужно разбить яйца]* нужно использовать передышку для проведения в жизнь всех мероприятий, обеспечивающих успешное окончание войны и возможность перехода в наступление [Ясно, что для того, чтобы сделать яичницу, нужно разбить яйца]**. В данном конкретном случае нужно добиться необходимых изменений в военном министерстве и в политике правительства. А это не может быть проведено в жизнь без изменений в составе правительства. Я настаиваю на этом вопросе, причем не только от моего собственного имени, но от имени всего руководства партии. Я продолжаю вас умолять изучить этот вопрос и сказать нам ваше мнение. Мы не хотим прийти к такому положению вещей, когда вы с полным правом могли бы нам заявить: вы себя вели не как активные коммунисты, ответственные за свою партию, но как школьники, рассматривающие директиву из дому, как карикатуру, которую вы проводите в жизнь буква в букву даже при тех условиях, когда обстановка изменилась. Здесь все согласны с тем, что директивы – советы из дому абсолютно правильны во всех вопросах, только в одном вопросе они превзойдены событиями, это в вопросе, касающемся возможности найти общий язык с Кабальеро***. Здесь все согласны признать, что дальнейшее согласие невозможно, что все возможности исчерпаны, что нужно взять руководящую позицию, заставить Кабальеро отказаться от поста военного министра и, если это понадобится, то и от поста председателя совета министров. Это ни в коем случае не значит, что мы хотим отказаться от продолжения персональных переговоров с ним и с его сторонниками.

Как партия объясняет политические позиции Кабальеро, его ожесточенную кампанию против коммунистической партии, его ожесточенное сопротивление всем мероприятиям, рекомендуемым ему для обеспечения победы? Партия готовит следующее. Здесь дело идет о законченной политической концепции Кабальеро. Нельзя объяснить себе все, что происходит, личными качествами Кабальеро, его слабостями, его индивидуализмом, его личной амбицией. Нельзя объяснять индивидуализм характером Кабальеро, в то время, когда все остальные его сторонники, за исключением Дель Вайо, поддерживают и усиливают все ужасные выходки политики Кабальеро. Кабальеро не хочет поражения, но он боится победы. Он боится победы, так как эта победа невозможна без активного участия коммунистов. Победа означает еще

* Слова "нужно разбить яйца" зачеркнуты карандашом.

** Эта фраза вычеркнута.

*** Слова "касающемся возможности найти общий язык с Кабальеро" подчеркнуты карандашом.

большее укрепление позиций коммунистической партии. Окончательная военная победа над врагом обозначает для Кабальеро и для всего света политическую гегемонию Коммунистической партии Испании. Это вещь естественная и неоспоримая. Но вот эта безусловная перспектива приводит в ужас Кабальеро. Только ли Кабальеро? Нет, эта перспектива наводит страх также и на анархо-синдикалистов. И больше того, перспектива окончательной победы над врагом (победы, которая может быть одержана лишь благодаря роли коммунистической партии, победы, которая обеспечит первенствующее положение для партии) наводит страх также на реакционную французскую буржуазию, а в особенности на Англию. Англия, по-видимому, таким образом объясняет себе положение: большим злом было бы в перспективе иметь фашистскую Испанию под кулаком Германии и Италии. Это нельзя допустить. Но республиканская Испания, воздвигнутая на пепле фашизма, руководимая коммунистами, свободная Испания, республиканская, Испания нового типа, организованная при помощи компетентных техников, будет экономической и военной силой большой величины, которая будет проводить политику, солидарную и тесно связанную с Советским Союзом. Вот это-то и не нравится Англии. Англия стремится навязать свою линию. Это значит, маневрировать таким путем, чтобы война в Испании закончилась компромиссом, который бы не означал полного военного поражения фашистов. Англия готова помочь, в особенности обещаниями, правительству Кабальеро, но при том условии, что он сделает все возможное для того, чтобы приостановить рост коммунистической партии, уменьшить роль и влияние коммунистической партии в Испании.

В том же духе проходила профсоюзная конференция в Лондоне, с такими же планами была проведена конференция II Интернационала. Это не случайность, что в Лондоне делегаты занимались изучением лишь одного вопроса, о том, как объяснить рост коммунистической партии Испании и какие мероприятия можно было бы принять для того, чтобы прекратить этот рост. Возможно, что благодаря этому центральному вопросу организаторы категорически высказались против участия в этой конференции представителей коммунистических партий и Коммунистического интернационала. Много новых фактов подтверждают правдоподобность этой гипотезы. В Коммунистической партии Испании, в ее руководящих кругах существует мнение об органической, интимной родственности между политикой Кабальеро и политикой английского правительства, а также политикой II Интернационала в вопросах об условиях дальнейшего хода войны и продолжения борьбы против коммунистической партии.

Таким образом, мы переживаем сейчас критическую полосу в эволюции событий в Испании, момент поворота в политике Кабальеро, поворотов в политике ведения войны, когда все внимание Кабальеро занято не фронтом, не армией, не борьбой против врага, а борьбой против коммунистической партии. Этот вопрос был бы не так страшен, если бы у нас была малейшая доля уверенности в том, что, несмотря на кампанию и погром, проводимый Кабальеро против партии, Кабальеро

твердо решил вести войну к победному концу. Этой уверенности у товарищей нет. Товарищи начинают опасаться, что, если мы оставим вещи в таком же положении, как сейчас, то нас ожидают новые неожиданно-сти и опасности. Каждый проведенный день без обеспечения необходимой подготовки резервов, без увеличения военной продукции представляет потерю для нас и поддержку для врага. Что делать? Вот приблизительно та линия, которую партия приняла:

Продолжать разговоры и переговоры с руководителями различных социалистических фракций, включая и Кабальеро и его сторонников, с целью добиться соглашения в вопросах политического единства и слияния двух пролетарских партий.

Продолжать публично в прессе и докладах кампанию за политическое единство, за объединение двух партий в единую партию, так же, как продолжать кампанию за профессиональное единство, за объединение двух профессиональных центров.

Продолжать кампанию мобилизации масс и массового давления для проведения в жизнь основных мероприятий, обеспечивающих военную победу: чистка военного аппарата, генерального штаба; назначение на высшие командные офицерские посты офицеров, вышедших из народа, отличившихся на фронтах своей способностью и преданностью; мобилизация, организация, интенсификация военной промышленности и потенциально военной промышленности; обеспечить снабжение фронта и правильное распределение продуктов; обеспечить количественную и военную подготовку необходимых резервов; усилить и рационализировать работу по строительству укреплений и стратегических дорог; обеспечить общественный порядок; создать единое командование на всех фронтах и гарантировать народам Каталонии и баскам обеспечение их национальных интересов.

Продолжать лояльную и братскую связь с республиканской партией.

Продолжать контакт с президентом республики.

Попытайтесь улучшить связь с руководителями, ответственными работниками анархистских профсоюзов.

Продолжать, сохраняя по-прежнему необходимую вежливость, ставить вопросы и требовать разъяснений, вносить конкретные предложения в совете министров и лично Ларго Кабальеро.

Одновременно с этим публично предупредить в твердой форме внутренним порядком весь партийный актив о создавшемся положении, о политической линии Кабальеро, о выходящих отсюда перспективах, с тем, чтобы партийный актив, в случае необходимости, был готов к возможным изменениям в составе правительства.

Предупредить всех политкомиссаров-коммунистов и симпатизирующих, находящихся на фронте, о политике и мероприятиях Кабальеро.

Начать открыто, с осторожностью, но уверенно критическую кампанию против отрицательной линии вождишек, окружающих Кабальеро. Разоблачать скандальные факты смещения преданных и способных военных работников и их замещение выскочками, неспособными людьми и подозрительными элементами. Взять под свою защиту бойцов и

лучших организаторов санитарной службы, интендантства, неправильно смещенных.

Разоблачить кампанию и маневры, предпринятые для раскола объединенного социалистического союза молодежи.

Разоблачать кампанию и маневры, которыми пытаются дезорганизовать профсоюзы Каталонии, некоторые федерации и само УХТ. Продолжать разоблачать маневры, ведущие к ослаблению народного фронта.

Усилить работу профсоюзов среди молодежи. Организовать по всей стране, в каждом городе публичные собрания для объяснения в популярной форме необходимости политического единства, единства профсоюзов, которое усилит значительно народный фронт, создаст боевое единство испанского народа.

Вся эта кампания должна проводиться одновременно с постановкой вопроса в совете министров и пред главой государства о необходимости проведения внутренних изменений в правительстве.

Одним словом, идти решительно и сознательно на борьбу против Кабальеро и всего его окружения, состоящего из нескольких руководителей УХТ – это значит не ждать пассивно “естественного” развязывания скрытого правительственного кризиса, но ускорить его, и, если это будет необходимо, спровоцировать его для того, чтобы добиться разрешения этих проблем. Не ждать наступления критического момента на фронте, чтобы потом бить себя кулаком в грудь, рвать волосы на голове и упрекать себя в том, что нужно было предвидеть, что это будет трудно, что нужно было знать раньше и освободиться заблаговременно от людей, ведущих к разгрому. Мы все более и более приходим к убеждению, что с Кабальеро и его окружением мы придем к поражению, несмотря на все условия, обеспечивающие победу. Мы все больше и больше приходим к убеждению, что Кабальеро и его окружение представляют собою правительственную группировку, к которой примыкают все элементы, противодействующие проведению в жизнь всех мероприятий, необходимых для успешного ведения войны, всех элементов, которые боятся победы, всех элементов, желающих поражения республиканской армии. Я вас прошу продумать еще раз, мои дорогие друзья, все эти вопросы и помочь нам советами. Положение очень сложное, очень серьезное, и ваша точка зрения будет для нас исключительно ценной.

3. Несколько строчек о положении КП Испании будут необходимы, в особенности в связи с прошедшим недавно пленумом ЦК КП Испании. Партия стала действительно большой партией (вы должно быть получили уже материалы пленума, я вам послал полный доклад Хосе Диаса, неисправленные выдержки из выступлений некоторых делегатов, список членов ЦК с краткими характеристиками, список делегатов и приглашенных на пленум и статистику членов партии). Партия насчитывает 245 532 члена, из них: 89 669 – городских рабочих; 64 285 – сельскохозяйственных рабочих; 10 096 – крестьян; 6455 – интеллигентов (в эту рубрику включены также офицеры); 15 025 – из средних классов (мелкие производители, мелкие коммерсанты). В партии имеются 18 329 женщин. Из всего состава партии 143 000 человек мобилизованы, из ко-

торых абсолютное большинство находятся на фронтах или непосредственно связаны с работой в прифронтовой полосе. Если добавить к количеству членов Коммунистической партии Испании (включающую количество членов партии 22 провинций страны – из 48 провинций) также количество членов объединенной социалистической партии Каталонии (45 000 чел.), то мы достигнем цифры приблизительно в 300 000 чел. Под руководством объединенной социалистической партии Каталонии находится каталонский профсоюзный центр с 450 000 членов. В тесной органической и политической связи с Коммунистической партией Испании работает объединенный союз коммунистической молодежи (входящий в КИМ), насчитывающий 250 000 чел. Невозможно дать цифру удельного веса Коммунистической партии Испании внутри УХТ, но по указанию наших активных работников (я думаю, что они не преувеличивают) влияние партии внутри профсоюзов УХТ очень сильно среди профсоюзно-организованных. Партия имеет 4 ежедневных органа: “Мундо обреро” (Мадрид), тираж 60 000 экз.; “Френте Рохо” (Валенсия), 25 000 экз.; “Нуэстра Палабра” (Мурсия) – 15 000 экз.; “Бандера Роха” (Аликанте) – 10 000 экз. Прибавим к этому ежедневные газеты объединенной социалистической партии Каталонии: “Требаль” – 32 000 экз.; “Ла Рамбла” – 15 000 экз.; “Лас Нотисиас”, орган УХТ в Каталонии – 40 000 экз. Прибавим к этому газеты объединенной партии социалистической молодежи: ежедневный иллюстрированный орган “Аора”, печатаемый в блиндированном автомобиле, находящемся в 200 метрах от передовых траншей, с тиражом в 100 000 экз. Я здесь не называю маленьких ежедневных и еженедельных газет так же, как и газет, издаваемых военными группами на фронте.

О социальном составе партии я буду говорить в другой части моего письма. Здесь же я хочу обратить ваше внимание на один момент: это на вопрос об интеллигенции и служащих. В партии много служащих, учителей, интеллигентов. Кстати, очень оригинальная, объяснимая и интересная вещь – служащие, торговые служащие, служащие железных дорог и учителя показали большую боеспособность, революционную преданность и дисциплину. Батальоны, сформированные из служащих или учителей, на фронте являются наиболее боеспособными и наиболее героическими. Группа в 200 учителей, прибывших с фронта и освобожденных для отдыха, добровольно пошла в мадридские траншеи, для того, чтобы посвятить свой отдых работе по ликвидации неграмотности среди солдат. Партийные организации в городах ведут активную жизнь, но почти исключительно посвященную работам, необходимым для армии, для фронта, для войны. Коммунистическая партия является самой могущественной в Испании, пользуется огромным политическим и моральным авторитетом в массах. Она в основном военная партия, позвоночный столб, нервы и мускулатура армии. Для того, чтобы охарактеризовать активность партии, нужно описать военную жизнь партии.

Военная жизнь партии. Вся политическая жизнь в Испании, внутренняя политика, экономическая жизнь, культурная жизнь, внешние связи и т.д., все это развивается уже 8 месяцев под знаком войны. Центральный политический вопрос, доминирующий над всеми остальными,

это военный вопрос. Выиграть войну – это фундаментальный лозунг партии. Выиграть войну – вот категорическая воля, основная характеристика всех занятий, всей активности партии. Отсюда ясно и нормально, что основные усилия партии направлены на военную работу. Успехи в работе очевидны. Сегодня существует республиканская народная армия. Она еще недостаточно велика количественно; она страдает еще многими слабостями и недостатками; но все же она существует. И эта республиканская армия, несмотря на недостатки, на слабости, показала большую боевую способность, в особенности в боях, прошедших на фронте Харамы и на фронте Гвадалахары. Но создание этой армии в большей своей части является безусловной и непосредственной заслугой партии. Только благодаря ей бывший 5-й полк, организованный и руководимый партией, смог подготовить и влить в республиканскую армию 75 000 дисциплинированных и подготовленных солдат. В начале марта в армии было больше 130 000 членов партии. Большая часть бойцов центрального фронта состоит из коммунистов. Одна лишь мадридская организация отправила на фронт 30 000 членов (из 45 000 насчитываемых ею). Количественно и политически главенствующая роль партии в армии признана всеми.

Также признано всеми влияние партии на офицерство. Огромное большинство офицеров, командующих на фронтах, непосредственно руководящих боевыми операциями, являются членами партии и симпатизирующими. В общем, все то, что есть смелого, активного и честного среди офицеров, вошло в компартию или симпатизирует партии. Мы знаем много фактов, когда офицеры, очень уважаемые, превозносимые за их героические поступки, считают себя счастливыми, когда они могут заявить в ответ на похвалу за их заслуги и героизм, что они являются членами коммунистической партии и имеют партийный билет. Иметь партийный билет, это значит иметь самую высшую награду, наиболее желанную, наиболее дорогую. Для большинства офицеров возможность сказать: “Я имею партийный билет” или “Я являюсь членом партии” является исполнением самых сокровенных желаний. К тому же очень редко говорят: “Член коммунистической партии”. Говорят просто и коротко – “я член партии”. “Я член партии” – для всех, для общественного мнения значит – я член коммунистической партии. Вхождение в партию большого количества офицеров, среди которых много и генералов, увеличивающаяся симпатия среди офицерства к партии является социально-политическим и историческим моментом, очень интересным и требующим серьезного изучения. Но об этом в другой раз. Нужно здесь остановиться лишь на одном. Этот оригинальный политический феномен – прокоммунистические симпатии офицерства тесно связан с колоссальнейшим ростом партии во всем народе Испании. И в связи с этим возрождением (которое разрывает старые цепи угнетения со стороны церкви, помещиков, военной касты, старую провинциалистскую рутину и многочисленную паразитическую бюрократию) этот факт в настоящее время является демонстрацией в международном масштабе превосходства социалистического мира над миром капиталистическим и также борьбы между фашизмом и демократией, – в этих усло-

виях, я говорю, все это большое освободительное движение, народно-освободительное движение под глубоким влиянием Советского Союза и влиянием коммунизма. Это движение не может не носить на себе отпечаток того социалистического мира, который установлен на шестой части земного шара. К тому же, все то, что я говорил здесь об офицерах, в одинаковой мере относится к ученым, к интеллигентам Испании.

Влияние партии в армии расширяется, растет и консолидируется главным образом благодаря деятельности и роли политических комиссаров. И здесь превосходство партии безусловно. И все это, несмотря на систематические усилия центральных властей и, главным образом, несмотря на усилия военного министерства уменьшить количество политических комиссаров-коммунистов. Факты показали и признаны всеми, что политические комиссары-коммунисты (комиссары батальонов, бригад, дивизий, фронтовых секторов, инспектора армии) себя показали исключительно преданными, наиболее дисциплинированными, наиболее храбрыми, наиболее честными и лучшими сторонниками “народного фронта”. Если признано всеми, что среди военных начальников, среди известных командиров-героев почти все принадлежат к коммунистической партии (Листер, Кампесино, Модесто, Ортсга, Бурильо, генерал Миаха, генерал Посас, Картон и т.д. и т.д.), также наиболее известные политические комиссары являются коммунистами-активистами. В армии имеется около 300 политических комиссаров-коммунистов. Я не говорю уже здесь относительно политкомиссаров интернациональных бригад. Для того, чтобы вы имели ясное представление о том, что я пишу, нужно принять во внимание следующие цифры: на мадридском фронте до конца февраля было убито 32 политкомиссара, из них – 21 коммунист, 7 членов объединенного союза социалистической молодежи, 1 социалист, 1 левый республиканец, 1 член республиканского союза, 1 беспартийный. Раненые политкомиссары: 31 коммунист, 15 членов объединенного союза социалистической молодежи, 3 социалиста, 1 член УХТ. Роль политкомиссаров коммунистов действительно огромна, а задачи, возложенные на них, являются самыми трудными и самыми разнообразными. Очень часто в процессе боев они замещают убитого или раненого командира. Они обеспечивают регулярную связь с центральным комитетом партии. Более или менее регулярно они делают устные или письменные доклады центральному комитету и провинциальным комитетам, они являются лучшими проводниками на фронте линии народного фронта и партии.

Можно сказать без преувеличения, что военный аппарат фронта находится в руках партии или под решающим влиянием партии. Вот почему фронт подвергается меньшей опасности от разлагающей деятельности предателей-саботажников. Также и поэтому является фактом то, что правительство, или вернее сказать Ларго Кабальеро предпринимает невероятные усилия, чтобы сохранить в своих руках центральный военный аппарат и центральный генеральный штаб. Кампания партии, требующей очистки партии от саботажников, изменников и неспособных людей, понята Кабальеро в правильном смысле. Он думает, и он это сказал, что оборотной стороной этой кампании является желание

партии захватить в свои руки центральный военный аппарат. А так как он не может найти среди своих сторонников социалистов, способных и компетентных, которые могли бы занять соответствующие посты в центральном военном аппарате, они окружают себя профессиональными офицерами, верность которым республике больше чем сомнительна. Чистка военного аппарата проводится Кабальеро и Барайбар (его личный секретарь в военном министерстве после снятия с этого поста Асенсио) в смысле изгнания из военного центрального аппарата всех офицеров коммунистов или симпатизирующих партии людей и даже технических служащих — членов партии или симпатизирующих. Он назначил 6 инспекторов для министерства войны, все они социалисты и ученики Кабальеро, которые до последнего времени проявили единственную лишь способность получать крупные ставки и хвастаться своими чинами. С согласия Прието (несмотря на то, что они его сильно ненавидят) было назначено 15 инспекторов по авиации, все социалисты. В момент писания этого письма я получил известие о назначении двух новых инспекторов, двух паршивых троцкистов, исключенных из партии несколько лет тому назад. В качестве руководителей отдельных отделов центрального генерального штаба он назначает своих сотрудников, неспособных и сомнительных настолько, что Барайбар и Агуире⁶, правая и левая рука самого Кабальеро, заявляют, что половина сотрудников военного министерства и генерального штаба составлена из сумасшедших, а вторая половина — скоро сойдет с ума.

Но я вижу, что я отдаляюсь от вопросов, касающихся военной работы партии. В центральном комитете, так же как и в провинциальных комитетах партии, существуют и работают военные комиссии или комитеты. Они не только следят за военными операциями, но и за требованиями, исходящими с фронта, следят за всем тем, что фронту необходимо. Эти военные комиссии следят за проведением в жизнь всех мероприятий по подготовке резервов, вооружений, продуктов, транспорта, за снабжением, вербовкой и т.д. Старый аппарат партии, занимавшийся исключительно вербовкой волонтеров, не был распущен, а лишь реорганизован. Благодаря тому, что он не был распущен, благодаря тому, что партия имела специальные органы связи (группы мотоциклистов и т.д.) партия смогла мобилизовать в течение 48 часов необходимые силы для отправки подкрепления на Гвадалахарский фронт в момент наступления итальянских моторизованных частей. Эта часть работы партии никому неизвестна, и мы не имеем возможности много говорить об этом, но нужно, чтобы знали, что приостановление наступления на Гвадалахарском фронте, поражение врага (вместо катастрофы республики) было на 90% проделано благодаря партии, благодаря ее военному аппарату, что дало возможность нанести сокрушительный удар врагу. Если бы мы доверились центральному аппарату и его бюрократическим методам работы, характеризующимся саботажем, беспорядком, откладыванием в долгий ящик, катастрофа была бы неизбежна. Если я подчеркиваю эту часть активности партии, это не для того, чтобы ее восхвалять, а только лишь для того, чтобы сигнализировать, что в военной части работа партии лучше организована.

Без сомнения, и здесь имеются еще много недостатков, слабостей в области организации. Много стихийности. Объективным источником всех этих слабостей и трудностей является тот факт, что ежедневно мы встречаемся с противодействием, связанным с “официальной” политикой бюрократических кругов правительства и в частности с “политикой”, методами аппарата военного министерства. Примером этого является недавно объявленная мобилизация 5 годов. В первый же день мобилизации на сборные пункты явилось 80% призывников, колоссальный фактор для Испании, показывающий энтузиазм населения, готового пойти драться на фронт. Но в первый же день из нескольких тысяч человек, прибывших со всей провинции Валенсии на соответствующие призывные пункты, было пропущено лишь 250 человек. Люди, пришедшие с большим энтузиазмом, не встретили даже самого элементарного организованного приема со стороны властей. Партии, и в частности коммунистическая партия, не имели права заниматься новобранцами. Практический проект, представленный открыто партией, и даже Дель Вайо, для организации кампании братских встреч новобранцев был категорически отвергнут Кабальеро.

Работа и влияние партии в армии настолько велики, что можно сказать, что армия находится в руках коммунистов. Это относится не только к пехоте. Еще более коммунистические, на 90%, специализированные части – артиллерия, противовоздушная артиллерия, танкисты, авиация. Командующие кадры и солдаты этих частей составлены почти исключительно из коммунистов или людей, связанных с партией.

Пленум ЦК Коммунистической партии Испании имел место, как вам известно, от 5 до 9 марта. Он должен был быть созван в январе месяце. Резолюция ИККИ была опубликована в “Юманите” 11 января. В конце января состоялся пленум центрального комитета объединенной социалистической партии Каталонии. Пленум ЦК КП Испании был вначале назначен на начало февраля, но он должен был быть отложен в связи с подготовкой большого наступления, проектируемого на начало февраля. Вы понимаете, что было невозможно и непозволительно созывать пленум в тот момент, когда руководители и ответственные работники должны были находиться на фронте. Наступление не началось в феврале. Затем наступила малагская катастрофа и наступление врага на харамском фронте, на Арганда и необходимость проведения кампании за очистку армии и т.д. и т.д. По всем этим причинам пленум мог быть созван лишь с 5 по 9 марта. На пленуме присутствовали 94 делегата, 18 персонально приглашенных и 25 представителей иностранных партий. Среди делегатов, помимо членов политбюро, было 14 делегатов от мадридской организации; 6 из Каталонии; 5 из Валенсии; 4 из Малаги; 2 из Бискайи; [?] из Санатанберо; 3 из Аликанте; 3 из Мурсии; 3 из Сиудад Реаль; 3 из Куента; 3 из Севильи; 3 из Хаена; 2 из Кордовы и т.д., и также 8 делегатов от объединенного союза социалистической молодежи. Среди делегатов от братских партий нужно отметить: Дюкло, Бийю, Мове, Колен, Моке (Франция); Галло, Эстелла, Николетти, Кантони Федиши (Италия); Корп (Чехословакия); Герхард, Далем (Германия); Леманс, Лао (Бельгия) и т.д. и т.д. Кроме этого присутствовали де-

легации коммунистических и социалистических депутатов Франции и Бельгии. Кроме этого, на заседаниях пленума, на галерке присутствовали постоянно от 150 до 200 активных рабочих, членов валенсийской организации партии. Эти цифры показывают, что по существу это был не пленум центрального комитета, но настоящий партийный съезд. Помимо докладчиков (Диас и Чека), было 63 выступления.

В процессе работы пленума были получены сотни телеграмм и поздравительных писем, большая часть которых приходила с фронта за подписями офицеров и солдат. Большинство этих писем и телеграмм являются настоящими резолюциями, наказами, подбадривающими партию и требующими от нее, чтобы она взяла в свои руки ответственность за проведение необходимых мероприятий для обеспечения победы. Выступления делегатов носили характер скорее выступлений на конгрессе, чем на пленуме. Физически невозможно описать и анализировать все выступления и останавливаться на отдельных из них. Все выступления, без исключения, говорят о высоком политическом уровне делегатов, о большом энтузиазме, большом чувстве ответственности и дисциплинированности. У всех одна твердая политическая линия (Я только что сказал, что все выступления, без исключения. Я должен поправиться: выступление Михе, члена политбюро, и Маргариты Нелькен, бывшей социалистки, мне не понравились. Слишком много пышных фраз, без здорового содержания). Отчетный доклад Хозе Диаса хорошо обдуман и подготовлен на основе предварительного обмена мнений в политбюро, произвел очень большое впечатление по всей стране. Ларго Кабальеро вынужден был заявить в очень сердитой форме, что доклад Диаса представляет собою настоящий правительственный доклад, дающий правительственную линию, и что он удивлен, как после этого программного доклада коммунистическая партия не заявила открыто о том, что она хочет взять власть в свои руки. Политическая роль пленума ЦК была огромна. Еще один раз коммунистическая партия предстала перед народными массами и перед фронтом с правильной оценкой положения, с точным предвидением перспектив, с указанием задач, стоящих перед народом.

Пленум еще более ярко отразил могущество партии. Это, по-видимому, разозлило некоторых социалистов и, главным образом, кабальеристов и анархо-синдикалистов. Но скрыть силу партии нельзя было. То, что пленум превратился в настоящий конгресс, неплохо. Отрицательной стороной превращения пленума в конгресс было то, что благодаря тому, что он был так широк и почти открыт, невозможно было превратить работы пленума в изучение практических задач, стоящих перед партией. К концу работы пленума был назначен центральный комитет (исключительная процедура в связи с войной) в составе 45 членов и 20 кандидатов. Центральный комитет (вы имеете список и краткие характеристики) выбрал единогласно политбюро в составе 7 членов и 4 кандидатов: Диас, Долорес, Эрнандес, Урибе, Михе, Картон, Чека и кандидаты: Каррильо, Антон, Деликадо, Урибес.

Слабости партии. Из наиболее слабых сторон партии нужно отметить следующие:

1. Отсутствие ясной позиции в вопросах жизненно-экономических проблем. А эта проблема, которая интересует все слои населения – рабочих, крестьян, мелкую городскую буржуазию, интеллигентов, армию. Вопрос идет об организации экономики страны. Эта проблема организации индустрии торговли. Это вопрос о торговле, о рынках, о ценах, о дороговизне жизни, о продовольственном снабжении. Это вопрос о жилищах, о квартирной плате, о коммунальном обслуживании. Это вопрос о банках. Это вопрос о государственных финансах. Все это глубоко интересует все население. Все эти вопросы постоянно дискутируются анархо-синдикалистами и реформистами-синдикалистами. Анархо-синдикалисты и реформисты – это значит два центра профсоюзов, которые по существу руководят большей частью экономики страны. Результаты их руководства и экспериментов очень печальны. От этих экспериментов страдают все. Если это будет продолжаться также, то перспективы очень затуманены. Нужно изменить это.

Коммунистическая партия критиковала и продолжает критиковать, осуждала и продолжает осуждать синдикалистские эксперименты (организовать и руководить экономикой страны). Эта критика партии известна всем. Позиция партии известна среди крестьянства, среди мелкой промышленной буржуазии и городских торговцев. Но то, что никто не знает (и даже руководство партии), это, какова позитивная, практическая, конструктивная позиция партии в вопросах организации, руководства промышленностью, руководства торговлей, рынками, ценами, квартирной платой, банками. Не знают этих позиций партии, потому что партия не имеет этих позиций. А в то же время эти вопросы являются жизненными вопросами. Всем известно, что имеются товары, что имеется достаточно продуктов и т.д. Но цены становятся все более и более недоступными для широких масс, цены возрастают, спекуляция проводится оригинальным способом, организованным самими профсоюзами и комитетами. Появляются “новые богачи” – это некоторые комитеты и некоторые профсоюзы. Растет количество “коммерсантов” и посредников “коллективных”, существует целая гамма различных коммерческих предприятий. Частные магазины, магазины, находящиеся под контролем, бесконтрольные магазины, секвестрированные, смешанные магазины, магазины-кооперативы, различные кооперативы, магазины того или иного профсоюза или комитета и т.д. и т.д. Но обогащение всех этих магазинов отражается на бюджете потребителя, покупателя. Несколько миллионов людей, женщин, домашних хозяек ежедневно сталкиваются с вопросом ненормальности торговли и т.д.

Ежедневно анархо-синдикалистская и анархистская пресса печатает статьи, философские рассуждения по данному вопросу. Псевдоэкономисты, реформаторы и философы сеют невероятную путаницу, пропагандируют теории, планы, проекты организации экономики страны. Почти еженедельно анархисты организуют публичные конференции, посвященные этому вопросу, в то время, как наша партия не говорит ничего и не может ничего сказать, потому что она не знает, что сказать. Однако недостаточно ограничиваться лишь отрицательной позицией по отношению к экономическим экспериментам синдикалистов. Необхо-

димое после критики и осуждения неправильных позиций синдикалистов указать позитивный, практический, конструктивный путь и указать необходимые мероприятия. Продолжать так, как это делалось до сих пор, становится опасным. Мы оставляем монополию синдикалистам, СНТ и УХТ в дискуссии и разрешении этих проблем и в организации экономики страны. Хаос и путаница нарастают. Я настаивал неоднократно и продолжаю настаивать на том, чтобы руководство партий занялось этими проблемами. Мне обещали. Создается комиссия. Но, к сожалению, до настоящего момента не сделано ни одного шага вперед.

2. Партия не имеет ясных позиций о роли рабочих профсоюзов в настоящий период в деле организации экономики страны. Этот вопрос также повседневно дискутируется как в прессе, так и на собраниях СНТ и УХТ. Наша партия и ее пресса не принимают определенных позиций. Не только рабочие массы, но даже члены партии не знают, какую позицию защищает партия. Какова должна быть роль, практические задачи профсоюзов по отношению к руководству деятельностью предприятий? Каковы должны быть взаимоотношения между заводскими комитетами и административным руководством предприятий? Взаимоотношения между предприятием и властями? Вопрос: руководство предприятий, производство, сырье, рынок, продажа, заработная плата, условия работы и т.д. и т.д.? По всем этим вопросам анархо-синдикалисты ежедневно нагромождают горы всяких глупостей. По временам, когда читаешь статьи анархо-синдикалистов, ставишь себе невольно вопрос, написаны ли эти статьи сумасшедшими, заключенными в сумасшедших домах? Но, к несчастью, эти статьи имеют некоторое влияние на рабочих.

3. Жизнь на предприятиях, жизнь рабочих, вопросы заработной платы, дороговизна жизни, жизнь и работа профсоюзов – занимают сравнительно слабое место в нашей прессе и в занятиях наших активных товарищей. Читая нашу прессу, изучая публикуемые доклады ответственных товарищей, редко встречаешь что-нибудь по данным вопросам. Даже “Мундо обреро”, мадридская газета, лучшая газета партии, страдает этим недостатком. Создается впечатление, что жизнь рабочего, специфически пролетарские вопросы, жизнь профсоюзов, жизнь на предприятиях – если не совсем заброшены, то, во всяком случае, не занимают необходимого места. Опасность такого систематического недостатка интереса к исключительно жизненным пролетарским вопросам, о которых не говорят и не пишут, очевидна. Мы рискуем, что все те сплетни анархо-синдикалистов, которые хотят изобразить коммунистическую партию не как коммунистическую партию пролетариата, а как политическую партию мелкой буржуазии – могут найти почву. Проблема очень серьезная. Тем более серьезна, что социальный состав партии очень тревожен. На первое марта 1937 г. (исправленные цифры) было 245 532 члена партии (не включая Каталонии) для 22 провинций. Эти члены партии разбиваются следующим образом: 89 669 рабочих, 64 285 сельскохозяйственных рабочих; 70 096 крестьян, 6455 интеллигентов (включая офицеров); 15 025 – из средних классов.

Даже если считать, что эти цифры абсолютно правильны, выходит, что пропорция рабочих очень слаба и недостаточна. Эта вещь становится все более серьезной, если мы примем во внимание следующие обстоятельства. Вначале в документ-проект орготдела центрального комитета партии сельскохозяйственные рабочие и крестьяне не были разделены, так что была общая цифра — “крестьян 134 000”. Я заметил товарищам, что удивительно то, что мы не имеем сельскохозяйственных рабочих в партии, и вот после нескольких дней подсчетов, очень сложных для того, чтобы я мог их понять, они пришли “к разделению” сельскохозяйственных рабочих и крестьян и, таким образом, родились эти две категории. Как бы то ни было, количество рабочих членов партии недостаточно. Быстрый рост членов партии за последний год произошел главным образом за счет крестьянства, интеллигентов, средних классов* и, в меньшей степени, за счет рабочих. В то же время неоспоримым фактом является рост влияния партии среди городских рабочих.

Я утверждаю, что, если бы сегодня мы произвели перевыборы руководства профсоюзов УХТ, кандидатуры коммунистической партии получили бы солидное большинство. Не нужно забывать, что социалистическая партия, вожди которой руководят УХТ, насчитывают не более 50—60 тыс. членов (цифра, безусловно, преувеличенная). Таким образом, это вопрос не о политическом влиянии партии на рабочий класс, но вопрос относительно диспропорции. Поэтому необходимо срочно, чтобы партия радикально расширила свою** рабочую базу, чтобы партия консолидировала с организационной точки зрения свое большое влияние на пролетариат. Это требует не только большого внимания со стороны партии и ее прессы, ее пропагандистов, агитаторов к материальным вопросам рабочего класса, жизни предприятий и т.д., но, главным образом, интенсифицированной работы в профессиональных союзах.

4. Слабость работы в профсоюзах связана, как я уже сказал, с большой слабостью партии. Коммунисты работают в профсоюзах, главным образом, в профсоюзах УХТ. Они пользуются там большим влиянием. Существуют профсоюзные фракции коммунистов, так же, как и профсоюзные фракции социалистов. Как одни, так и другие работают официально, открыто, это разрешено. Но коммунистические фракции в профсоюзах не руководятся. Профсоюзная комиссия в центральном комитете работает плохо и очень медленно. Руководство партии не помогает ей и в недостаточной мере ее толкает. Ее кадры (профсоюзные комиссии) относительно слабы и с малой инициативой (Лучшие руководящие профсоюзные кадры партии находятся на фронтах: товарищ Картон, например, командует бригадой на Хаенском фронте). Только сейчас в течение нескольких дней руководство партии начало интересоваться этим вопросом, пытается усилить профсоюзную комиссию и проработать практические мероприятия для активизации профсоюзной работы.

* Слова “за счет крестьянства, интеллигентов, средних классов” подчеркнуты карандашом.

** Слова “радикально расширила свою” подчеркнуты карандашом.

Нужно сказать, что некоторые федерации в профсоюзах УХТ и несколько крупных профсоюзов проводят целиком партийную линию. Несколько дней тому назад конгресс профсоюзов в Хаене, объединяющий 150 000 членов, принял единогласно (1500 делегатов) резолюцию, основанную на всех лозунгах коммунистической партии в той части, в которой идет речь относительно требований, связанных с необходимостью победы на фронтах, и в части требований о созыве экстраординарного конгресса УХТ для переизбрания руководящего органа (исполком УХТ настоящего был избран 3 года тому назад, и руководители его категорически возражают против созыва экстраординарного конгресса и переизбрания исполкома УХТ. Они возражают, потому что отдают себе отчет в том, что перевыборы дадут большинство коммунистам). В общем, имеются большие возможности, и очень благоприятные, для успешной работы коммунистов в профсоюзах. Нужно только заняться этой работой.

5. Слабости в организации партии являются наиболее серьезными. Безусловно, и нужно это повторить, организационная работа партии в армии хороша. Партия может ею гордиться. Если сегодня существует республиканская народная армия, боеспособная и дисциплинированная, это благодаря организационной работе коммунистической партии на 90%, а, может быть, и на все 100%.

Правильно было бы сказать без всякого преувеличения, что организационным аппаратом армии на фронте является аппарат коммунистической партии. Аппарат по вербовке солдат – это аппарат партии. Это известно всем, несмотря на то, что кабальеристы и анархисты прилагают невероятные усилия для того, чтобы обмануть общественное мнение и забыть этот факт. К сожалению, за исключением чисто военной работы, во всех остальных областях организационная работа партии очень слаба. Коммунистическая партия насчитывает в своих рядах 245 000 членов.

Как я уже сказал, большая часть этих членов вошла в партию после 19 июля 1936 года, это значит в продолжении 8 мес. войны. Очень мало членов партии, имеющих несколько лет партийного стажа. Новые члены партии вошли в партию с энтузиазмом, с большим желанием бороться, с большой преданностью, с революционной волей, готовые на всякие жертвы. Выросли новые кадры, превосходные кадры, верные, энергичные. Помимо всего, перед партией [перед великой коммунистической партией Испании]* стояли и стоят невероятно большие задачи. И действительно, партия, которая не имеет в своих руках правительство, вынуждена руководить войной, вынуждена заниматься самыми различными проблемами: подготовкой военных кадров командования, подготовкой организации батальонов и полков, организацией, подготовкой и обучением резервов; вооружением; подготовкой авиаторов, танкистов, артиллеристов; производством оружия и амуниции; организацией общественной безопасности; снабжением фронта; контролем и ревизией генерального штаба и всего военного аппарата; политически-

* Фраза в квадратных скобках вычеркнута карандашом.

ми кампаниями внутреннего и международного характера; ответом на разрушительные эксперименты по социализации и коллективизации, проводимой синдикалистами и т.д., и т.д., и т.д.

Но принимая во внимание все это большое количество вновь вошедших в партию, новые кадры, новые гигантские задачи – было бы естественно, чтобы организационная работа партии соответствовала положению, чтобы методы организационной работы партии менялись в связи с обстановкой, чтобы был организован аппарат партии. К сожалению, этого не произошло, мы продолжаем работать старыми методами и тем же аппаратом, который существовал несколько лет тому назад, когда партия с трудом насчитывала десяток тысяч членов.

Без сомнения, во всех городах, во всех крупных деревнях имеются организации партии: ячейки, и каждая ячейка имеет, по меньшей мере, одного секретаря; имеются районы, где имеются комитеты партии; имеются провинциальные комитеты партии. Эти комитеты имеют свой аппарат, составленный из различных комиссий, но все эти комиссии работают немного рутинным методом. Для того, чтобы представить себе более ясно, что представляет собою организация партии, нужно дать вам картину аппарата центрального комитета. В центральном комитете имеются несколько комиссий: кадров; административная и статистическая; информационная комиссия и комиссия бдительности; инструктора ЦК; военная комиссия; профсоюзная; крестьянская; агитпроп; женская комиссия и т.д. Но вот сравните две следующие цифры: кадровая комиссия составлена из трех человек (из них двое иностранцы) и нескольких технических сотрудников, в то время, как агитпроп руководится пятью товарищами и имеет приблизительно 500 сотрудников!

Военная комиссия (ответственный Михе) перестала функционировать благодаря халатности и некомпетентности руководителя. Мы сейчас ее реорганизуем. Тем более это необходимо и полезно, что мы имеем сейчас около десятка высоких военных специалистов (членов партии), которые с удовольствием предлагают свои услуги. Профкомиссия работает очень слабо (я говорил об этом выше): ответственный Деликадо, прекрасный работник, но страдает недостатком инициативы и быстроты решения. Крестьянская комиссия: ответственные Урибе, Кастро и Хозе Сильва, работают не очень хорошо, благодаря тому, что первые двое перегружены работой в министерстве земледелия и в центральном генеральном штабе (они оба работают с начала последних операций на Гвадалахарском фронте в центральном генеральном штабе). К счастью, что слабость работы крестьянской комиссии центрального комитета партии компенсируется прекрасной, неутомимой работой тов. Матео, руководителя крестьянской федерации Валенсийской провинции. Матео имеет целый аппарат, аппарат “дома крестьянина” Валенсии.

Несколько слов о работе агитпропкомиссии. Как я уже сказал, она насчитывает около 500 сотрудников. Ответственный руководитель Хозе Эрнандес. Они имеют 3 издательства: издательство “народного

фронта"; специальное издательство партии; издательство классической литературы. Они имеют несколько книжных магазинов в крупных городах, они организывают и руководят агитацией и пропагандой на фронтах; имеют семь кинопередвижек с громкоговорителями; труппы артистов и музыкантов, которые организуют для солдат концерты и театральные представления; семь радиостанций в различных городах; они имеют блиндированные автомобили, снабженные радио-громкоговорителями, действующими на расстоянии 10 км, используемые для пропаганды среди солдат в траншеях неприятеля. Они имеют и используют все необходимые аппараты для распространения листовок и прокламаций в траншеях неприятеля. Устраивают выставки ("Музей гражданской войны"). Они имеют керамические мастерские, кожаные, скульптурные, фотографии. Все это используется для пропаганды. Они имеют специальные ателье для производства кинофильмов, производства, имеющего большой успех, т.к. отвечает задачам фронта. И, несмотря на все это, на большую работу, эта комиссия, если бы она была лучше организована и лучше руководима, могла бы работать в три раза лучше.

Комиссия кадров: очень слаба, почти не существует. Пришли к убеждению, что нужно быстро изменить положение вещей. Мы предполагаем взять с фронта 5-6 товарищей, показавших большие организационные способности, подвижность и оперативные способности, которых можно поставить во главе комиссии кадров. В других комиссиях аналогичная слабость.

Для того, чтобы дать вам представление относительно недостатков в организационной работе партии, недостатков ЦК и его аппарата, достаточно будет сказать, что меня, которого всегда справедливо считали как неоперативного работника и не организатора, здесь считают идеалом организатора. Когда вы себе представите, что все мои советы и вмешательства в работу товарищей на 99% касаются организационных вопросов и вопросов аппарата партии, этого достаточно, чтобы измерить организационную слабость партии. Только благодаря моим неоднократным настояниям, удалось поставить в порядок дня пленума специальным вопросом вопрос об организационном состоянии партии и о кадровой работе партии. Это было решено, но не было проведено в жизнь. Был подготовлен специальный доклад по этому вопросу, но очень абстрактный и общий, и перед самым закрытием пленума, без всякой дискуссии, без всякого проекта резолюции, без каких-либо практических предложений. И в результате пленум не принял никаких решений по данному вопросу. И только сейчас, после 10-дневной индивидуальной пропаганды каждого члена политбюро, было принято предложение созвать специальное заседание политбюро, чтобы поставить серьезно данный вопрос, подготавливается даже проект резолюции, но все это идет очень медленно. Эта медленность приводит меня в бешенство, меня, который представляет собою олицетворение медленной работы. Но, следуя некоторым правилам своего поведения, я отказываюсь написать сам эту резолюцию (Прошу извинить меня за эту часть письма, где так часто повторяется "я", "меня" и т.д., но этим необходи-

мо было иллюстрировать некоторые слабости в организационной работе и методах работы)*.

Несколько примеров о методах работы. Вот, например, Долорес. Она проявляет колоссальнейшую активность, энциклопедическую, главным образом, как крупный массовый оратор, в особенности, как организатор колоний эвакуированных детей, подчас выезжает на фронт. Посещает передовые позиции. Ежедневно пишет статьи для газеты партии (некоторые передовые статьи в “Френте Рохо” написаны Долорес). Произносит речи для радио Латинской Америки. Принимает рабочие делегации. Организует пошивочные мастерские женщин, эвакуированных из Мадрида. Подчас принимает делегации консулов и советников посольств различных стран. Поддерживает корреспонденцию с большим количеством товарищей из разных городов. Она вынуждена посылать статьи в Ленинград, даже в Туркестан, отвечать на письма пасторов Северной Америки и сотни других работ. Но Долорес не имеет никакого помощника. Она сама пишет на машинке свои заметки, выдержки из газет. У нее нет даже технического помощника. Нужно было десять дней ежедневных протестов для того, чтобы ей дали девушку для вырезок из газет. Она не имеет времени не только для того, чтобы читать брошюры и документы, но и для того, чтобы просматривать прессу. Нет специальной организации, которая подготавливала бы материалы и самую элементарную информацию.

Почти также проходит работа Диаса. Он имеет двух технических помощников, но это ужасно. У него огромная работа, гигантские задачи, необходимость быть постоянно информированным и вооруженным во всех вопросах, необходимость быстро реагировать и отвечать сейчас же, а не на завтра. Люди изматываются от колоссального напряжения, и качество работы очень низкое. Почему? Потому, что аппарат и методы работы изнуряющие. К сожалению, товарищи сами не видят значения этих недостатков. Если бы они это видели, можно было бы очень быстро и легко провести радикальные изменения. Существуют кадры, исключительно хорошие кадры, чувствуешь себя счастливым зная всех этих людей, очень преданных, энергичных, невероятно честных, полных энтузиазма, прекрасных революционеров. Но мы не умеем рационально использовать.

РГАСПИ. Из коллекции архива.

¹ На фронте Хирамы – так в тексте. Правильно: Харамы. В сражении при Хараме (11–18 февраля 1937) участвовали XI, XII, XIV и XV интербригады.

² Амстердамский интернационал профсоюзов (1919–1945).

³ Старик Карильо – так в тексте. Правильно: В. Карильо, отец С. Карильо.

⁴ Р. Ламонеда – секретарь ИСРП.

⁵ К. Барайбар – член Национального комитета ИСРП, назначен руководителем секретариата военного министра (февраль 1937).

⁶ Агуире – так в тексте. Правильно: Агирре.

⁷ Куэнта – так в тексте. Правильно: Куэнка.

9 апреля 1937 г.
Барселона

9-го марта состоялся внеочередной митинг ПОУМ в театре “Олимпия”, присутствовало около 4500 человек.

Первое слово берет председатель митинга **Бонетт**:

«Вчера был митинг (имеется в виду митинг от 8/IV-47 г., организованный ПСУК в “Гран Прис”) под лозунгом “план победы”, это план, по которому они хотят уничтожить “Патрулес де Контроль”, рабочие комитеты, пролетарскую милицию; этот “План победы” – план помощи буржуазии».

Мартин (Из Хероны – Хувентуд Коммуниста Иберика).

“Конечно движение назад: мы спрашиваем солдат, которые дрались на улице на фронте, которые отдают свою жизнь для революции: Вы хотите чтобы у вас отняли революцию, что Вы должны сказать, когда буржуазия поднимается в лице буржуазного парламентаризма: что Вы должны сказать, когда видите, что формируется армия без контроля рабочих организаций. Контрреволюция движается вперед, что видно по факту ареста Маротто и местного комитета СНТ в Эускади: первые это были мы, вторые наши товарищи анархисты”.

Кауе. “Наши синдикаты имеют силу революции, т.к. имеют помощь со стороны рабочих, союз всех синдикатов это есть наш лозунг, союз синдикатов и рабоче-крестьянское правительство, это доказательство революционного духа, это правительство победы войны и революции”.

Нин. “Сейчас происходит глубокий кризис правительства и трудно дать какую-либо оценку. Почему рабочие не признают декретов правительства, потому что рабочий народ не чувствует, что это свое правительство, а видит, что это правительство буржуазии. Почему эти люди из ПСУК называют себя марксистами; все, что они делают, говорят и пишут, доказывает, что они идут против марксизма. Все что они говорят, есть слово буржуазии.

Нельзя, как они говорят, установить правительство, которое помогало всем – помогать всем – значит помогать буржуазии, и такого правительства народ не хочет. Мы теперь на революционной позиции и только народ может разрешить дела правительства. Раньше рабочие имели все, но теперь потеряли часть своих позиций, но рабочий класс еще довольно силен, чтобы взять правительство в свои руки.

Если сегодня это они не делают спокойно, то завтра они сделают это* силой”.

* Слова “сделают это” вписаны сверху от руки.

Примечание: 1. Среди присутствовавших на митинге на этот раз было несколько десятков человек членов ПСУК (в целях ознакомления) и до 500 человек просто зрителей. В общем масса, бывшая на митинге, вела себя очень активно, голосовали и аплодировали почти все (Пумовцы)* (с энтузиазмом). Необходимо обратить внимание на речь Нина: на пумовское “завтра”, пумовский “народ” и пумовский “рабочий класс, который еще довольно силен чтобы взять власть в свои руки”. Сравнивая предыдущие митинги и работу ПОУМ вообще, можно установить кризис роста деятельности и активности по четырем основным пунктам: 1. Установление союза ПОУМ с анархистами, при активной инициативе первых: это можно видеть из последних совместных митингов ПОУМ и анархистов, из совместных листовок и выпущенной новой погромной газеты “Голос Лениниста”, испанской секцией т.н. “большевиков ленинцев” (входящей в IV Интернационал).

2. Активизация борьбы против ПСУК, втягивая в эту активную борьбу против ПСУК своих “товарищей” анархистов. Называя чл. ПСУК фашистами, призывая “пролетариат” к борьбе против “поднимающей голову буржуазии”, которую представляет в первую очередь ПСУК, лев. Республиканцы и правительство.

3. Очень замаскированная политика дискредитации СССР: начиная от “Сталинизма” через “Сталинскую бюрократию” к приравниванию тов. Сталина – Носке. От частного к целому; от тов. Сталина к отождествлению СССР к Англии и Франции, что СССР страна бюрократии и нарождающейся буржуазии. Все это преподносится чрезвычайно осторожно, вскользь, между прочим, но при каждом удобном случае и все более и более резкой и открытой форме.

4. Невероятная демагогия, апеллирование к “народу”, к «“революционному” пролетариату», к “борцам революции”; что “Вы не потерпите, чтобы у Вас отняли Вашу революцию” и т.д.

(Малков)

Приложение:

Один экземпляр “La voz Leninista” (“Голос Лениниста”).

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 211. Л. 83–84.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

* Слово “Пумовцы” вписано сверху от руки, имеются в виду поумовцы.

*Материалы, представленные А. Марти в Секретариат ИККИ
по вопросу о кампании против интернациональных бригад*

29 апреля 1937 г.

Сов[ершенно] секретно

ИСПАНСКИЙ ВОПРОС*

Кампания против интернациональных бригад

При сем прилагаются два документа.

Оба письма, опубликованные в “Эко де Пари” от 19 апреля 1937 г., являются резюме кампании, проводившейся в течение четырех месяцев “Эмансипацион Насиональ” Дорио. 10 апреля организация С.Д.Н. передала в “Юманите” письмо из Валенсии от 3 апреля 1937 г., отправленное по почте из Тулона 7 апреля 1937 г. Можно убедиться, что это письмо идентично со вторым письмом, опубликованным в “Эко де Пари”.

Организация С.Д.Н. одновременно с этим письмом передала декларацию, присланную отделом пропаганды интернациональных бригад. Эта декларация исходила от французских борцов на передовых позициях, бывших моряков, которые 16 апреля, в день годовщины черноморского восстания, отправили специальное письмо Андре Марти.

“Юманите”*** ответила организации С.Д.Н., что только руководство партии может опубликовать как то, так и другое письмо. Ничего сделано не было.

Девять дней спустя “Эко де Пари” опубликовала эти два письма, на которые не было дано ответа.

А между тем с февраля месяца проводится такая же кампания во многих организациях партии – в Париже и провинции. Не было дано никакого ответа.

Одним из результатов этой кампании является то, что некоторые члены КПФ, дезертировавшие из интернациональных бригад, в тылу, занимая свои ответственные политические посты (комиссар XIII бригады), сохраняют свои ответственные посты в КПФ. В противоположность этому, товарищам, давшим прекрасные образцы скромности и мужества и находящимся в Париже на излечении, не был даже оказан официальный прием.

В тот момент, когда кампания началась во Франции, та же кампания проводилась и в Испании, в рядах интернациональных бригад. 14 апреля по радио из Бургос было передано, что “французский коммунистический депутат Андре Марти вынужден был бежать с фронта”. А через 15 дней во всех интернациональных частях разнесся слух, что Марти был в виде санкции отозван из Испании. Даже в самом старом и солидном французском батальоне “Парижская Коммуна” хорошие бойцы за-

* Под грифом “Испанский вопрос” подпись неразборчива.

** 3, 4, 5 и начало 6 абзаца отчеркнуты на полях.

явили: “Даже человек, которому верили, как Андре Марти, изменил нам, покинул нас”.

Вся эта работа проводится непосредственно пропагандистской сетью фашистов, несомненно германских. Они опираются на всю сеть французских консульств в Испании.

АНДРЕ МАРТИ

29.IV.1937 г.

Помета: *сверху в правом углу документа от руки*: “тов. Димитрову, Юманите, Сергеев”.

Испанский вопрос

Документ I

Письмо, отправленное из Тулона 7 апреля 1937 г. члену КПФ Луи Ансери, проживавшему в Париже (XVIII район). – Автор письма – бывший член С.Д.Н. XIII района Морис Марро.

Товарищ Ансери!

Посылаю тебе это письмо, чтобы поставить тебя в курс того, что делается в Испании в связи с Андре Марти, который изменил нам – добровольцам интернациональной бригады. Вот факты. Нас 152 товарища из 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16 дивизий, которые вот уже 5–6 месяцев сражаются против фашистов, – мы решили просить отпуска, среди нас имеются негодные к военной службе и еще не выздоровевшие раненные. Мы явились к Марти, который лично нам ответил, что мы приехали сюда и что мы никогда не вернемся во Францию. Потом он отправил нас в концентрационный лагерь в Альбасете, где нас охраняли беспартийные боши.

Нам удалось бежать. Нас 152 человека, мы обратились за помощью и защитой к французскому консулу, который очень любезно поместил нас* в безопасное место... Ниже я попрошу тебя обратиться к тов. Торезу и Ивон Дельбос, чтобы они вернули нас обратно на родину. Поверь мне, Луи, мы расскажем народу поведение Марти, когда в Испании имеются лишь Марти и его жена, которые задают тон, и мы, подставляющие свою грудь. Он знает, что если мы вернемся на родину, это будет означать конец ему, а если никто из нас не вернется, то слава достанется ему. Кроме того в Альбасиетском лагере находится один английский журналист – камера 3 – который заключен до Х. Наконец, Луи, я рассчитываю на тебя в смысле оказания нажима для нашего возвращения, что ты объяснишь наше дело Торезу. Надеюсь, что ты предпримешь необходимые шаги перед партией или, в случае необходимости, перед самим Торезом. Вернувшись во Францию, мы расскажем ему о всех этих организациях, созданных в Испании в интересах Марти, что в Мадриде, Валенсии все испанцы вежливы, напомажены, галантны, настоящие девочки, а не военные.

До свидания, старина, товарищ Луи. Привет твоей жене.

Морис

* Слово “нас” вставлено сверху вместо “меня”.

“Эко де Пари” от 19.IV.1937 г.

“Тысячи французов, включенных в состав интернациональной милиции, страдают и умирают в Испании ради мировой революции и советов”.

“Там у многих открылись глаза. Молодые люди, увлеченные безумными, но все же благородными иллюзиями, встретили там ужасы и позор красной диктатуры, вместо атмосферы братства, о которой они мечтали.

Они встретили там палача в образе человека их расы, француза, ужасного Андре Марти, единственным оправданием которому, пожалуй, может послужить то кровожадное полубезумие, которое, по-видимому, преследовало его на протяжении всей его мрачной карьеры.

Сейчас в красной Испании сотни уцелевших, в том числе многие, являющиеся не чем иным, как увлечшимися мальчишками, исполнены лишь одного желания: вернуться во Францию, избавиться от той каторги, где Марти является главным надсмотрщиком.

Оба письма принадлежат перу французских дружинников милиции, коммунистов, не отринувших еще своих людей, не смотря на все, что они – бедняги! – видели и вытерпели. Но они заявляют о своем недовольстве и провозглашают свою волю положить конец кошмару”.

“Жизнь невыносима... Марти хочет диктатуры...

Прочтите это письмо в ячейке...

...так выражается дружинник милиции Б. из Тулона”.

Валенсия, 2 апреля 1937 г.

“Дорогие тесть и теща.

То, что происходит в бригадах, военная жизнь в них невыносима.

Руководителям на нас наплевать; в генеральном штабе на всех высших командных постах только немцы и поляки и ни одного француза. Диктатура – вот как надо назвать это командование. На передовой линии командиром нашего батальона был фашист (? “Э.де. П.”), в первый же день после первой атаки из 580 человек осталось только 150; все прочие были убиты или ранены; форменная бойня; мы были почти беззащитны; по истечении 8 часов командир был убит (расстрелян? – пер.), но на всех других фронтах происходила бойня, резня из-за плохого командования.

Морис Торез приехал в Испанию, он увидел и понял: с Марти надо драться, и только Видаль их разнял. Почему? Потому что Торез не соглашался с Марти в вопросе об организации интернациональных колонн. Марти хочет диктатуры. Марти честолюбив и хочет сыграть в Испании большую роль. Марти сказал нам, французам, что, когда война в Испании закончится, надо, чтобы в интернациональных колоннах не осталось ни одного француза. Вот почему нас посылают на убой. Вот почему здесь есть товарищи, которые, сделавшись негодными для несения военной службы, не могут вернуться во Францию.

Мы все или почти все – коммунисты, мы знаем, что руководителям коммунистической партии неизвестно, что здесь происходит, это известно только Торезу”.

“Все французы хотят вернуться домой – да, все без исключения и, если во Франции с нами станут обращаться, как с дезертирами, мы ответим: поезжайте-ка вы туда – мы оттуда возвращаемся – и сделайте то, что сделали мы, а тогда говорите”.

“Приписка: это письмо не пройдет цензуру, потому что консул передаст наши письма начальнику одного французского военного корабля”.

“Дорогой папа, прочти это письмо в ячейке и, если можешь, дай его прочесть С. Это необходимо, и ты можешь заявить, что все французы требуют его репатриации”.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 272. Л. 35–37. 41

Подлинник, машинопись, рус. яз., перевод с фр.

№ 47

Письмо И. Степанова (Морено) об обстановке в Испании

4–7 мая 1937 г.

Дорогие друзья! Искренно прошу вас не ругать меня очень за то, что в течение целого месяца я оставил вас без всякой информации. Я начинал писать несколько раз, но, к сожалению, не мог закончить начатых писем. Причины: прежде всего, был перегружен – много текущей работы и настолько серьезной, что отделаться от нее трудно. Затем мне необходимо было выехать в провинцию. И, наконец, так как беда никогда не приходит одна, я заболел. В течение 3-х недель я страдал от проклятого приступа *chole cystide**, и все это на ногах, работая. Сейчас я чувствую себя значительно лучше и даже появляются утешительные симптомы полного выздоровления. Начиная писать это письмо, я уже чувствую себя достаточно наказанным за задержку. Значительно легче информировать о событиях за 10 дней, чем за месяц, и притом таких событий, которые мы переживаем здесь сейчас. Право не знаю, с чем и как начать. Чтобы выйти из положения, придется прибегнуть к некоторой систематизации, а от этого пострадает описательная и хронологическая часть письма. Извините меня за это, но иначе ничего не выходит. Извините меня также и за то, что, будучи вынужден сразу писать и отправлять письмо без поправок и корректур, я иногда пишу не совсем складно, повторяюсь, да и вообще в моих письмах много подобного рода недостатков. Но мне не хочется терять времени на улучшение формы и структуры, т.к. важно, чтобы это письмо попало скорее к вам.

* Слова “chole cestide” вписаны от руки.

1. Военное положение и ближайшие военные перспективы

Я не собираюсь давать конкретной информации по этому кардинальному вопросу, доминирующему над всеми остальными. Достаточно будет подчеркнуть несколько аспектов и выводов общего порядка. Как вы уже знаете, ожесточенные бои в секторе Харамы, продолжавшиеся более месяца, закончились серьезной победой республиканской армии. Враг был серьезно разбит: он потерял в этих боях более 12 тыс. убитых и раненых. Он лишился своих лучших войск: нескольких марокканских частей и частей иностранного легиона. Не успели закончиться бои на Хараме, как началось наступление неприятеля на секторе Гвадалахары. Это наступление велось экспедиционным итальянским корпусом. Задача наступления: окружение Мадрида и освобождение [свободного*] прохода на Валенсию. И это наступление было разбито. Итальянцы получили заслуженный удар. Почти одновременно неприятель начал наступление на секторе Пособланко. Задачи наступления: прорвать южный фронт и начать операцию по окружению. И это наступление неприятеля было разбито. Больше того, республиканская армия перешла в наступление на фронте Пособланко, и сейчас ее войска находятся в окрестностях Пеняройя. В боях Пособланко – Пеняройя неприятель потерял от 5 до 6 тысяч человек. Эти победы (Харамы, Гвадалахара, Пособланко и т.д.) показали быстрый рост боеспособности республиканской армии; возможность и реальную перспективу перехода в наступление почти на всех фронтах.

В результате этих успехов: общее воодушевление и вера в возможность победы республики. И даже больше того, среди ответственных людей и даже среди министров появились большие иллюзии, которые они высказывали публично, о том, что окончательная победа будет одержана через 3 недели – через месяц. Успехи дали возможность некоторой передышки республиканской армии. Эту передышку нужно было бы использовать для пополнения бойцами тех единиц, которые сильно потрепались во время боев. Эту передышку нужно было использовать для усиления подготовки и военного обучения резервов, для накопления необходимых военных припасов и т.д. и т.д. с тем, чтобы немедленно перейти к наступлению на всех фронтах, не дав возможности врагу оправиться после полученных ударов и реорганизовать свои силы. Однако враг начал тут же ожесточенное наступление на северном секторе с целью взять Бильбао. Это наступление велось армией, насчитывающей около 15 000 солдат. Большинство бойцов принадлежит к фалангистам и рекетистам (рекрутам двух фашистских и монархистских организаций). Они располагают большой артиллерией, и что самое главное – в их распоряжении многочисленная авиация. Во время второго наступления на Бильбао бомбардировка в некоторых местах производилась 35–45 трехмоторными “Юнкерсами”. Чтобы помочь северной армии и спасти Бильбао, республиканская армия должна была начать наступательные бои на мадридском фронте, на фронте Теруэль и Арагон. Наступление неприятеля на Бильбао было временно прервано. Враг выну-

* Слово “свободного” зачеркнуто.

жден был отозвать часть своих войск, в особенности авиацию, с северного фронта.

Но однако, как вы уже знаете, через некоторое время враг снова начал наступление на Бильбао. Это произошло в тот момент, когда республиканская армия начала проводить свои большие наступательные операции. Сейчас мы получили сведения о том, что новая итальянская армия, приблизительно в 40 000 солдат, готовится ко второму наступлению на гвадалахарском фронте. Что же случилось? Совершенно очевидно, что после установления международного контроля над границами и побережьем Испании итальянцы высадили в Малаге армию в 15 000 солдат. Одновременно с этим они реорганизовали и приступили к новой вербовке испанских сил. Новые военные испанские фашистские части находятся под командованием итальянских офицеров и унтер-офицеров. За последний месяц враг получил огромное количество военных материалов: пушек, снарядов, пулеметов, аэропланов, танков и т.д. Но нужно отметить, что военные силы неприятеля не имеют прежней боеспособности. Деморализация продолжается и расширяется. Это происходит в особенности на южном секторе, среди новобранцев. То же наблюдается и среди итальянцев. Но врагу удалось усилить свое вооружение, в частности артиллерию и авиацию. Таким образом он готовится к новому наступлению.

Таким образом опять республиканская армия вынуждена на некоторое время защищаться. Ближайшая перспектива таким образом снова будет оборонительной. Причины? Вы их знаете хорошо. Должен ли я их повторять? Основное: отсутствие единого командования, единого центрального генерального штаба для всех фронтов; медлительность подготовки оперативных планов, бесконечные изменения этих планов; колебания и пассивность вместо решительных шагов; непонятная политика в вопросах резервов и военной промышленности; непроведение в жизнь чистки генеральных штабов и военного аппарата и, более того, погромная кампания и гнусные попытки чистки армии от лучших политических комиссаров, лучших, преданнейших народу офицеров, действительно знающих военное дело и т.д. и т.д., в то время, когда республиканская армия уже достаточно крепка для того, чтобы отразить новое наступление врага, да, я повторяю: республиканская армия представляет собой такую силу, которая может отразить наступление неприятеля и перейти к наступлению. Эта армия уже довольно многочисленна.

В настоящее время мы имеем около полумиллиона вооруженных солдат. Эта армия прекрасно настроена, это революционная сила высшего качества, сила, которая хочет драться. Кроме того, помимо сотен тысяч молодежи, которая хочет пойти на военную службу, быстро обучиться владению оружием и немедленно отправиться на фронты, имеются большие возможности производства всякой амуниции, в которой мы так нуждаемся. Мы имеем возможность производить снаряды всех калибров, мы можем производить пулеметы в большом количестве. Нет недостатка также в командующих, проверенных в боях, и политических кадрах. И вот, несмотря на все это, общее положение чрезвычай-

чайно тревожное и более критическое, чем когда бы то ни было. Я бы сказал даже больше этого: испанская революция, революционная испанская армия находятся перед огромной опасностью. Республиканская армия, это вызывающая восхищение живучая сила испанской революции, способная отбросить фашистскую армию и перейти в наступление, эта республиканская армия находится под угрозой удара ножом в спину со стороны элементов, групп и организаций фашистов или контрреволюционеров, которых демонстративно терпят и даже защищают и подбадривают некоторые члены правительства. Военные перспективы снова затуманиваются, благодаря вредной и преступной политике Ларго Кабальеро и его клике, которые, будучи ослепленными болезненной амбицией, становятся бюрократами, касиками, реформистами и, совершенно не стесняясь, собирают вокруг себя все контрреволюционные, фашиствующие и фашистские элементы, уклоняющиеся от участия в войне.

2. Военная политика Кабальеро

Говорить о военной политике правительства, правительства народного фронта – это значит втирать очки. Практикующаяся официальная военная политика, это – политика Ларго Кабальеро, роковая политика. Он защищает только ту политику, которая ведет к катастрофе. Кабальеро хочет играть сейчас роль маршала. Он считает себя самым крупным стратегом мира, величайшим военным гением. Он не упускает с некоторого времени ни одного случая, чтобы сказать с большим самодовольством: “Теперь я знаю, как делать войну, вы скоро увидите результаты!”. А на деле, вот уже три недели, как готовятся наступательные операции. Он назвал сам себя вождем этих операций, их военачальником. Он не счел нужным посоветоваться с генеральным штабом центральной армии о плане этих операций. Конечно, он не советовался с “мексиканскими друзьями”. Во главе отдельных военных единиц, которые должны были участвовать в боях, он поставил средних и большей частью подозрительных офицеров. План этот бесконечно переделяется. А когда наконец после долгих переделок, колебаний наступил решительный момент для начала действий, оказалось, что неприятель знает прекрасно этот план, что он не только принял ряд предохранительных мер, но что он подготавливается сам к началу нового наступления.

То, что враг был информирован своими агентами, это ясно. Но ему совсем не нужно было прибегать к помощи своей агентуры. Анархистская пресса, анархистская газета в Валенсии “Фрагуа Сосиаль”, с которой Ларго все время кокетничает, в конце апреля опубликовала статью, в которой давались все детали приготавливающегося наступления. Нет все еще настоящего центрального генерального штаба. Имеется несколько офицеров генерального штаба в распоряжении военного министерства, но, в лучшем случае, эти офицеры исполняют обязанности личных адъютантов Кабальеро. Кабальеро ненавидит солдат, в особенности он ненавидит офицеров и командиров, вышедших из народа, закалявшихся в боях. У него появляется какая-то зоологическая ненависть,

безотчетный страх перед всеми офицерами и командирами, коммунистами или симпатизирующими коммунистической партии. А ведь эти люди составляют 9/10 офицерского состава всей центральной армии. Он дал распоряжение газетам не печатать имен военных-коммунистов, выделяющихся своими героическими поступками на фронтах. Он преисполнен бешеной ненависти к генералу Миаха, Бурильо, Листеру, Модесто, Галану, Картону и др. Сейчас он подготавливает огромнейший, грязнейший и опаснейший маневр против всего офицерства центральной армии. Он усиливает интриги и угрозы против них. Он жадно ищет материалы, доказательства, документы для того, чтобы разоблачить какие-нибудь грехи офицеров центра и, главным образом, Миаха. Он обвиняет их в автономизме, в независимости, в неподчинении военному министру.

Цель этой кампании – разбить офицерское ядро центральной армии, то ядро, которое выкристаллизовывалось в настоящих героических боях. Он хочет разбить центральную армию, потому что она является чересчур компактной, чересчур единой, слишком революционной и мало расположенной к тому, чтобы служить инструментом фракционных интересов клики Кабальеро. Она слишком коммунистична, на его взгляд. К несчастью для Кабальеро, все эти преследования дают совсем обратный результат. Когда недавно он разжаловал десяток офицеров-коммунистов, снял их с занимаемых ими постов в центральном штабе центра и отправил их на южный фронт, то получилось неожиданно для него, что южная армия стала коммунистической или прокоммунистической. Как видно, личная трагедия Кабальеро состоит в том, что, снимая коммунистов-офицеров, ему не удастся заместить их социалистами-бюрократами, совершенно не приспособленными, или старыми офицерами бывшей армии, окаменелыми мумиями. Военная политика Кабальеро, являющаяся настоящим несчастьем для народной республиканской армии, эта политика 40–50 полковников старой армии, сумевших пробраться в аппарат республиканской армии. И эти полковники заставляют Ларго Кабальеро проводить их точку зрения. Кабальеро выпустил приказ, которым он запрещает начальникам дивизий назначать даже сержантов, если в процессе боев какой-нибудь сержант оказывается раненым или убитым. Все назначения должны проходить через самого военного министра.

Абсолютно редкой вещью является повышение в чинах высоко отличившихся в боях офицеров. Кабальеро не любит, чтобы военные кадры выбирались из состава бойцов. Он назначает руководителями частей офицеров, формирующихся бюрократически в тылу, в школах. Эти молодые офицеры большей частью, приходя на фронт, не имеют ни опыта, ни храбрости, предъявляют большие претензии и в течение 24 часов дискредитируют себя, становятся предметом насмешек и ненависти бойцов. Одновременно с этим Кабальеро невероятно заострил борьбу и преследования политкомиссаров, военных комиссаров и, в особенности, против комиссаров коммунистов, находящихся в действующей армии.

Эта подчеркнутая кампания началась тотчас же после конференции военных комиссаров, происходившей 5-го апреля в Альбасете. По-

чему? Потому что эта конференция под председательством Дель Вайо показала всем, что политкомиссары в армии играли и продолжают играть основную роль по укреплению дисциплины. Это они поддерживают настроение бойцов и усиливают их боеспособность, вскрывают саботаж, предохраняют армию от предателей, шпионов и провокаторов, превращают республиканскую армию в могущественную революционную силу народа, силу, разоблачающую бюрократизм. Кабальеро прекрасно понял, что благодаря политкомиссарам, он не сможет использовать народную армию, как послушный инструмент для политических и эгоистических целей своей клики и тем менее в целях укрепления своей личной диктатуры касика.

Вот почему через несколько дней после альбасетской конференции Кабальеро опубликовал приказ (по мнению многих, этот приказ был не только инспирирован, но и написан Асенсио), целью приказа являлся разгром военного комиссариата и политкомиссаров. Он хотел ограничить их роль, превращая их в обычных служащих. Он стремился к очистке армии от политкомиссаров-коммунистов и членов объединенного социалистического союза молодежи. По этому приказу Кабальеро хотел навязать батальонам, бригадам, дивизиям, армейским корпусам* в качестве комиссаров служащих, не имеющих никакого отношения к армии. Он хочет провести проверку комиссарского состава, снять с постов всех тех, кто ему не нравится и заменить их своими марионетками и подхалимами. Он хочет снять с интернациональных бригад Галло и заместить его Пьетро Ненни. Он хочет ввести в бригады Дельвиня, Дейча и других социалистов, не взирая на тот факт, что в интернациональных бригадах количество социалистов среди бойцов равняется 1–5 процентам. Но чем больше он обрушивается на коммунистов в армии (офицеров и комиссаров), тем сильнее, глубже и шире растет влияние коммунистов. Мы имеем данные, которые говорят о доминирующем влиянии коммунистов также и во флоте.

Однако нужно отдать себе отчет в том, что антикоммунистическая политика и злостные преследования Кабальеро в армии представляют огромнейшую опасность и для армии и для ведущихся военных операций. Эта опасность становится еще более серьезной, если принять во внимание то, что Кабальеро старается все больше и больше использовать некоторые военные части анархистов, как, например, железную колонну Росаль де Куенка (колонна бандитов, насквозь состоящая из врагов). Эту колонну он хочет использовать для борьбы против бригад, во главе которых стоят коммунисты или симпатизирующие. Эта опасность становится еще большей, т.к. Кабальеро продолжает препятствовать быстрому развитию военной индустрии, производству снарядов, подготовке резервов. Я не хочу впадать в детали, но мобилизация и подготовка пяти наборов новобранцев на действительную военную службу представляет собою наибольший скандал из существовавших когда-либо в военной истории всех стран, всего света. Не только то, что 50% новобранцев были отправлены обратно, но даже те, кого приняли и разместили по казармам, неделями оставались без обучения и даже без питания.

* Зачеркнуто стоящее здесь слово "принять".

3. Антикоммунистическая кампания

Борьба против коммунистической партии никогда не прекращалась. Однако после гвадалахарской победы, давшей возможность некоторой передышки, открывшей перспективы наступления против врага и перспективу победы, борьба против коммунистической партии приобрела характер настоящей концентрированной и руководимой кампании. Эта кампания стала еще более ожесточенной после воззвания партии, предлагавшего немедленное политическое единство пролетариата и слияние двух пролетарских партий. Относительная передышка в апреле месяце была использована совсем не для того, чтобы энергично подготовить силы и средства для перехода в наступление против врага, против фашистов. Апрель месяц, относительная передышка, был использован для усиления кампании против коммунистической партии. Кампания эта ведется через прессу, на митингах, собраниях, в профсоюзах.

Руководящую роль в этой кампании прессы играет “Аделанте”, ежедневная социалистическая газета Валенсии, орган социалистической федерации Валенсии и орган самого Кабальеро. Передовые антикоммунистические статьи без подписей пишутся двумя личными секретарями Кабальеро и им самим. В унисон с “Аделанте” антикоммунистическую кампанию ведет “Кореспонденсия де Валенсиа”, ежедневная газета УХТ. Одновременно включилась в антикоммунистическую кампанию социалистическая пресса Мадрида “Кларидаль”, “Эль Сосиалиса”, “Энформасионес”¹, а за нею и вся социалистическая пресса других городов.

В полном согласии с социалистической прессой в антикоммунистическую кампанию включилась анархистская и анархо-синдикалистская пресса: “С.Н.Т.” и “Кастилья Либре” из Мадрида, “Солидаридаль обрера” из Барселоны и “Фрагуа Сосиаль” из Валенсии. Естественно, что в этой антикоммунистической кампании в хоре и соперничая ожесточенностью выражений приняла участие поумистская (троцкистская) пресса. Были дни, когда “Кастилья Либре” в Мадриде отдавала четыре страницы большого формата ожесточенным нападкам на коммунистов.

В течение апреля месяца социалистическая, анархистская, анархо-синдикалистская и поумистско-троцкистская пресса не видели другого врага, кроме коммунистической партии, занимались одной лишь темой — антикоммунистической кампанией. Вместо подготовительной кампании по подготовке материалов и укреплению настроений масс и армии для предстоящих боев, шла кампания подготовки погрома коммунистической партии. В чем же обвиняли в период этой кампании коммунистическую партию? В заинтересованности, в прозелетизме, в желании все поглотить, в нелояльной вербовке и т.д. Нападали и нападают на партию за то, что она стала массовой партией, что она имеет первенствующее влияние в армии. Нападают на партию за то, что она выпускает лозунги. Нападают на партию за то, что она вносит предложения, что она ведет кампанию за укрепление резервов, армии, военной промышленности. На нее нападают за то, что она ведет кампанию против пассивности, против самодовольных иллюзий и уверений, что война уже выиграна. Ее атакуют за то, что она проявляет инициативу. Нападают на до-

клад Диаса на пленуме центрального комитета, говоря, что этот доклад имеет нахальство указывать политическую государственную линию в деле ведения войны. Ее атакуют за лозунг политического и профсоюзного единства, говоря, что за этим лозунгом скрывается желание партии завоевать гегемонию в рабочем движении и ликвидировать другие политические течения. Ее атакуют за лозунг парламентарной республики нового типа, говоря, что партия защищает буржуазию и буржуазный строй. Обвиняют партию в том, что она стала партией контрреволюции. Партию атакуют за ее кампанию против маневров, стремившихся создать “правительство профсоюзного типа”. Атакуют партию за ее “план победы”, благодаря тем мероприятиям, которые партия выдвигает для того, чтобы выиграть войну. На нее нападают за ее деятельность в Мадриде, за ее требование профсоюзной демократии. Атакуют Урибе и всю аграрную политику партии. Атакуют Эрнандеса и т.д. и т.д. Нападают на партию за ее влияние в объединенном союзе с социалистической молодежью.

Под прямым внушением Кабальеро несколько типов социалистической молодежи демонстративно уходят из объединенного союза социалистической молодежи, обвиняя Карильо и руководство молодежи за то, что они, якобы, “отказались от марксизма-ленинизма”, от классовой борьбы и стали придатком коммунистической партии. Но нападают на коммунистическую партию главным образом за ее кампанию против фашистов, затесавшихся в рабочие организации и, главным образом, в профсоюзы СНТ. Вы не представляете себе, с какой пеной бешенства у рта выступают анархо-синдикалисты против тов. Касорла из Мадрида. И все из-за того, что он ведет борьбу против фашистов, забравшихся в организации СНТ.

Анархо-синдикалистская пресса отпечатаала портрет Касорла с подписью: “Товарищи, запомните это лицо. Этот портрет, это лицо провокатора-фашиста”. Что же сделал Касорла? Он просто-напросто открыл целую фашистскую нелегальную организацию, члены которой были членами СНТ. Касорла угрожают убийством, такие же угрозы направлены против ряда других активистов коммунистов.

Аналогичная история произошла в Мурсии. При поддержке, и подбадриваемые Галарса, министром внутренних дел, принадлежавшим к фракции Кабальеро, анархисты Мурсии организовали уличную демонстрацию в защиту арестованных фашистов и против гражданского губернатора Мурсии, члена коммунистической партии. История эта длилась несколько недель, были беспорядки самого скандального характера. Галарса снял гражданского губернатора-коммуниста, предложив ему пост губернатора в другой провинции. Нападают на партию за ее критику военного министра и его приказов. Нападают на интернациональные бригады. Ведут кампанию против коммунистов в профсоюзах и даже, больше того, против УХТ Каталонии, т.к. он находится под руководством объединенной социалистической партии.

Ведут скрытую кампанию против Советского Союза. Демонстративно глупо делают большой шум и создают рекламу Мексике, в прессе говорят о том, что Советский Союз, если и помогает Испании, то ис-

ключительно в целях своей эгоистической материальной политики. “Аделанте” выпускает специальный торжественный номер, посвященный Мексике. Организуются торжественные митинги в честь Мексики. И все для того, чтобы уколоть булавкой СССР. Несколько дней тому назад, накануне 1-го мая, в “Аделанте” от 29-го апреля (орган Кабальеро) помещена была статья в интернациональной хронике, в которой на одну доску ставятся Иден, Блюм и тов. Сталин. А когда “Френте Рохо” отвечает на эту статью для того, чтобы разоблачить эту грязную попытку “Аделанте”, цензура вычеркивает всю статью, включая заголовки.

В своем бешенстве против коммунистической партии Ларго Кабальеро зашел настолько далеко, что купил несколько т.н. “независимых” республиканских газет, как “Либераль”, “Либертад” и “Воз”², выходящих в Мадриде. К несчастью для него, эти газеты, получив бумагу, обещанную им Кабальеро, не стали вести антикоммунистическую кампанию. Кампания против партии и самые дикие маневры были проведены в связи с назначением “аюнтамиенто” (муниципалитет) Мадрида, в связи с профсоюзным конгрессом в Астурии, по поводу коммунистических фракций в профсоюзах и т.д. и т.д. У нас есть доказательство того, что все эти кампании, так хорошо организованные, руководились из бюро председателя совета министров, секретариатом Ларго Кабальеро. Мы также убеждены, что руководители II Интернационала и Амстердамского интернационала, бывшие здесь (часть которых остается и сейчас), как Адлер, Шевенельс, Дельвинь, Ненни, Абрамович (он здесь с прошлой недели), бундовцы и польские пепезовцы, австриец Дейч и т.д. и т.д. оказывали и оказывают максимальную помощь в ведении кампании против Коммунистической партии Испании. Я уже говорил выше, что эта бешеная антикоммунистическая кампания не влияет на рабочие массы и на армию.

Нужно добавить к этому еще кое-что. Не все социалисты одобряют эту кампанию. Есть много социалистов, руководящих товарищей, членов исполкома социалистической партии и членов исполкома УХТ, которые энергично осуждают эту кампанию. Амаро де Росаль из секретариата УХТ высказывается против антикоммунистической кампании. Энергично восстают против этой кампании также: Дель Вайо, Претель, старик Каррильо, Льянос (которого вы знаете). Все они из “левого” крыла социалистической партии; против антикоммунистической партии высказывается также Негрин (один из руководителей “центра” социалистической партии и министр финансов), Бугеда³ и т.д. Некоторые из этих руководителей социалистов и профсоюзников, как например, Претель, даже угрожали “Аделанте” и Кабальеро, что, если они не прекратят антикоммунистической кампании, то они публично выступят в прессе для того, чтобы разоблачить цели этой кампании. Претель угрожал выходом из военного комиссариата в случае прекращения антикоммунистической кампании. Другие руководители социалистических и профсоюзных организаций пришли в ЦК коммунистической партии с просьбой дать им совет, как держаться для того, чтобы отбить эту антикоммунистическую кампанию. В армии, в результате этой антиком-

мунистической кампании, не только выросла симпатия к коммунистической партии, но она вызвала возмущение среди большого количества комиссаров и офицеров – честных социалистов.

Республиканцы, показывая всю свою симпатию компартии, были серьезно встревожены. Мартинес Баррио говорил с большой тревогой, видя, как разворачивается кампания против партии и как отвечает партия, боясь подвергнуть опасности народный фронт, принимая во внимание то, что две рабочие партии – коммунистическая и социалистическая – составляют костяк народного фронта. Особенно тревожило его то, что, зная характер Кабальеро, он предполагал, что Кабальеро в припадке бешенства готов на безответственные акты, могущие скомпрометировать армию и нанести удар безопасности страны.

Эта антикоммунистическая кампания закончилась в общих чертах лишь к 1-му мая. Естественно, что закончилась она временно и в своей открытой форме, так как, по правде говоря, она продолжается другими методами, скрытыми, замаскированными. Доказательством этого является хотя бы такое выступление, как выступление Ламонеда и Льюписа на митинге 2-го мая в Мадриде. В своей речи Ламонеда косвенно полемизирует с коммунистической партией. Мы не хотим, говорит он, как это делают другие, красть чужих членов партии, мы не стремимся к количеству, мы предпочитаем качество, правда мы теряем членов, но мы выигрываем на их качестве; мы не хотим, как другие партии, сделаться массовой партией. Мы молчим в то время, как другие ведут пропаганду. Мы же хотим подчиняться правительству. Мы хотим, чтобы единственными лозунгами были лозунги, выходящие в форме декретов, публикуемых в "Гасета Офисиеле"⁴, в то время как другие ведут кампании под демагогическими лозунгами и т.д., и т.д., и т.д. Но уже накануне первого мая, первого и второго мая руководители УХТ и социалистической партии, в особенности люди Кабальеро, опять начали свои маневры против партии. Несмотря на предварительную договоренность между ЦК компартии и Исполкомом социалистической партии, исполкомом УХТ об организации одного центрального общего митинга всех трех организаций, антикоммунисты из социалистической партии и из УХТ, не предупредив компартию, вошли в соглашение с исполкомом СНТ об организации второго митинга, причем организовали это дело так, чтобы сорвать первый митинг.

Во всей этой антикоммунистической кампании Кабальеро показал свою неутомимую способность к маневрам. Его не отталкивали никакие средства. Он связывался с группами анархистов-экстремистов, с поумистами-троцкистами для того, чтобы натравить их и использовать против компартии. Он пытался использовать этих людей для раскола в объединенном союзе социалистической молодежи. Он приложил невероятные усилия для того, чтобы посеять террор и возбудить волнения в рядах социалистической партии и УХТ. Он пытался оторвать республиканцев от коммунистической партии. Он приложил нечеловеческие усилия для того, чтобы изолировать коммунистическую партию и натравить всех против нее. Ему это не удалось. Он попал в собственную ловушку. В течение месяца анархисты пели хвалебные гимны Ларго

Кабальеро. Сегодня же, с болью в душе, он вынужден был отдать распоряжение вооруженным силам для борьбы против восставших анархистов.

4. Анархистский и поумистско-троцкистский путч в Каталонии

Антикоммунистическая кампания Кабальеро, анархистов и поумистов-троцкистов, ожесточенная контрреволюционная кампания, сигнализовавшая об активизации и генеральной мобилизации всех фашистских элементов и скрытых контрреволюционеров, всех агентов, провокаторов и шпионов, посланных врагом, кампания, которая странно совпадала с наступлением фашистов в Бильбао и с подготовкой к новому наступлению на гвадалахарском фронте, закончилась анархистским вооруженным путчем в Каталонии. Этот путч подготавливался давно. Уже в конце марта, во время правительственного кризиса в Каталонии, чувствовалась новая грандиозная подготовка анархистов и поумистов к путчу. В середине апреля в течение нескольких дней можно было ожидать каждую минуту возникновения анархо-поумистского путча.

Вы, конечно, знаете, что, начиная с прошлого лета, анархисты то и дело воровали оружие, винтовки, пулеметы, направляемые на фронт. В то время, когда народная республиканская армия сражалась на фронтах, анархисты занимались лишь воровством и скоплением оружия. За девять месяцев войны они украли и спрятали несколько сот пулеметов. Говорят даже, что они прячут около тысячи пулеметов. Они украли и спрятали большое количество пушек различного калибра, много блиндированных автомобилей, огромное количество бомб. На многих военных предприятиях анархисты забирали себе $\frac{2}{3}$ всей продукции. Это было известно всем. Сам Кабальеро приводил несколько конкретных примеров в этом духе. Когда начали проводить регистрацию оружия, находящегося в тылу, и когда обратились к рабочим организациям и партиям с просьбой сдать оружие на дело войны – все подчинилось, за исключением анархо-синдикалистов и поумистов. Не приняли никаких мер. И вот в настоящее время мы находимся перед “естественными” результатами политики, проводившейся в отношении анархистов и поумистов-троцкистов. После убийств в конце апреля нескольких солдат пограничников, после убийства Ровдана, личного секретаря Компаниса, после угроз убийств по предварительно намеченному списку 12 руководящих товарищей коммунистической партии, УХТ и правительственных политических деятелей, они объявляют войну правительству, УХТ, объединенной социалистической партии и правительству Валенсии. Они выходят на улицу с ружьями, пулеметами, бомбами, пытаются разоружить агентов охраны порядка, стреляют в коммунистов, в пограничников. Они пускают в ход артиллерию и бомбардируют здания, в которых находятся пограничники. Они “делают социальную революцию”. Они отзывают с арагонского фронта свои “батальоны”. Ни капельки не задумываясь над тем, что таким образом они открывают дорогу фашистской армии. Можно сказать, что они хотят убедить всех, что нет разницы между ними и открытыми фашистами, заявляющими об этом (только сейчас мне сообщили, что генеральный секретарь УХТ и член

объединенной социалистической партии Каталонии тов. Сесе убит и что другой член ЦК объединенной социалистической партии Каталонии тов. Эскоба тяжело ранен). Это положение, ухудшаясь из дня в день, продолжается в Барселоне с 1-го мая.

Но что же делает центральное правительство, правительство республики? Оно изучает положение, принимает меры с опозданием на три дня. Опять Кабальеро проявляет нерешительность. Под впечатлением кровавой вакханалии анархистов в Каталонии, организующих вооруженный путч, дезорганизуя часть арагонского фронта, Кабальеро не мог продолжать свои маневры. Он согласился принять суровые военные меры против восставших. Эти абсолютно необходимые мероприятия он не мог не принять, так как их настоятельно требовало все население и вся армия, находящаяся на фронте. Несмотря на это, проведение в жизнь этих мероприятий затягивается, и сами мероприятия далеко не отвечают тому, что необходимо было сделать. Но он боится. Он принимает эти меры из страха. Из этого же страха он не хотел принимать нужных мер. Из страха он принимает предложение послать вооруженные силы для немедленного восстановления порядка в Барселоне. Тоже из страха он продолжает братские переговоры с министрами анархо-синдикалистами, которые формально осуждают путчистов в Барселоне, но при этом заявляют, что, несмотря на все, все анархо-синдикалисты путчисты Барселоны были вызваны на этот путч неправильным отношением к себе. Анархо-синдикалистская и поумистско-троцкистская пресса продолжает выходить; остаются на свободе руководители анархо-синдикалистских и поумистских организаций. Даже здесь, в Валенсии, разрешают анархистам свободно пользоваться телефоном, телеграфом, радиостанциями, вести шифрованные и кодированные переговоры и переписку и т.д. Больше этого, в то время как всем известно в малейших деталях все происходящее в течение пяти дней в Барселоне, прессе запрещают об этом говорить, запрещают партиям и рабочим организациям высказывать свое мнение. Это значит, запрещают осуждать анархо-поумо-фашистов, которые в разгар революционной войны за национальную независимость и борьбы против вооруженной иностранной фашистской интервенции организуют вооруженные путчи, наиболее варварские и кровавые, в столице Каталонии. Это значит, организывают, согласно планам врага, вооруженный удар в спину республике. Вот к чему пришли с политикой и антикоммунистической кампанией, с попытками создать правительство профсоюзного типа, исключая политические партии. Вот к чему привел месяц политического конкубинажа между Ларго Кабальеро и анархо-поумисто-троцкистами.

Чем кончатся дела в Барселоне, еще неизвестно. Все указывает на то, что проведение в жизнь энергичных мероприятий положит конец этому путчу, но нужно, однако, чтобы это закончилось не позже, чем в два дня, так как неожиданно могут возникнуть серьезнейшие опасности: или молниеносная атака врага на арагонском фронте или десант немецко-итальянских войск в Барселоне, приглашенных, так сказать, анархо-поумистскими властями для восстановления и гарантии общественного порядка. Это последнее предположение меня очень беспокоит.

так как мы знаем, что среди 500 итальянских анархистов, прибывших в Барселону 19 июля 1936 г., имеется не меньше 200 агентов итальянской фашистской разведки, не говоря уже о том, что среди испанских анархистов имеется большое количество агентов всех полиций, профессиональных провокаторов, частных агентов Мартинеса Анидо⁵, Франко, Марча⁶ и, в особенности, гестапо. Нужно отметить, что министры-социалисты Прието и Негрин (из бывшего "центра" социалистической партии) и республиканские министры поняли немедленно положение и являются сторонниками энергичных и быстрых действий, считая анархо-поумистов отрядом врага, работающим в тылу республиканской армии.

5. Политическое значение антикоммунистической кампании и анархо-троцкистского путча в Каталонии

Каково политическое значение антикоммунистической кампании, ведущейся с таким ужасным озлоблением всей анархистской, анархо-синдикалистской, поумистско-троцкистской и социалистической прессы? Во-первых, нужно сказать, что эта кампания не отражает ни настроения масс рабочих социалистов и анархо-синдикалистов, ни настроения солдат. Во-вторых, эта кампания показывает большущее влияние, которое имеет коммунистическая партия в массах. Она показывает растущую боязнь социалистических бонз, синдикалистов, анархо-синдикалистов перед партией. Нужно, наконец, сказать, что эта сконцентрированная антикоммунистическая кампания, соединенная с политикой саботажа военной индустрии, резервов, снабжения и связанная с поддержкой скрытых фашистов, говорит об определенной политической линии, о линии капитуляции и компромисса с врагом, о линии решительного отказа от победы над врагом. Иначе говоря, дело идет, по-видимому, о серьезном повороте в развитии войны, в развитии народной революции в Испании. Дело идет о начале собирания вокруг Кабальеро групп, словес фашистских элементов, фашиствующих контрреволюционных пассивных и активных элементов. Идет перегруппировка сил новой контрреволюции до окончательного уничтожения военных сил испанских и иностранных фашистов и, именно для того, чтобы помешать разгрому этих сил. Дело идет о глубокой перегруппировке сил внутри народного фронта, изменении специфического веса и роли различных партий и организаций, входящих в народный фронт. Обостряется борьба за влияние внутри народного фронта. Кстати, эта борьба никогда не прекращалась, но сегодня она стала очень острой. В особенности остро почувствовали ее в момент, когда создались реальные условия для победы в войне.

Все более и более глубоко ставится вопрос о содержании испанской революции, о перспективах и социально-политических и экономических задачах войны, ведущейся народом против фашистов и интервентов. Война еще не выиграна, война продолжается, встречая на своем пути огромные трудности. Не исключены военные сюрпризы. Но уже начинается борьба среди участников народного фронта за политическую добычу на следующий день после победы. Этот вопрос совсем не анало-

гичен с человеком, который продает шкуру еще не убитого медведя. И здесь, как мне кажется, дело иное. Мы имеем дело с феноменом, который мы еще мало наблюдали и изучали, с феноменом политической и классовой дифференциации, возникшей в процессе девяти месяцев войны. Как только немножечко почувствовали, что опасность быть раздавленными общим врагом уменьшилась, начали задавать себе вопрос, не представляет ли опасности также и военное положение врага. Барселонские троцкисты заявили об этом даже открыто; по их мнению, военная решительная победа республиканской армии представляет большую опасность для испанской революции. Нужно добавить по этому поводу, что все фашисты и агенты Франко, раскрытые в Мадриде, Мурсии и др. местах, прекрасно маскировали свои гнусные дела, декларируя о победе "испанской революции". Начинают бояться за республиканскую народную армию, за ее революционные настроения, за ее дисциплину и боеспособность. Кто эти элементы и социальные группы, о которых я говорю "начинают"? Если мы примем во внимание все описанные факты, перечисление которых далеко не полно (так же, как и те факты, которые я вам передал в предшествовавших письмах), если попытаться проанализировать их более глубоко, проанализировать их значение и политическое классовое содержание, мы могли бы придти к следующим выводам:

1) В войну втянуты широкие народные массы: рабочие, крестьяне, служащие, часть интеллигенции, часть городской мелкой буржуазии. Война носит характер гражданской войны против крупных помещиков, феодалов, крупного финансового капитала, против фашизма и иностранной интервенции. Это революционная народная война за национальную независимость и территориальное единство. Народная война, народная революция, война за независимость. Все это различные названия, различные аспекты одной и той же вещи. Фронт борьбы равняется основному полю развития народной революции, полю борьбы, где решается судьба народной революции, судьба национальной независимости. Народная армия является живой фундаментальной силой, основной боевой силой народной революции. Народная армия это наиболее организованная, наиболее последовательная, наиболее дисциплинированная сила революции. Народная армия это наилучше организованный фундамент аппарата нового государства, нового политического строя. Это гарантия общественного порядка. Это наиболее могущественный фактор для организации политического строя и национальной экономики после войны. Народная армия это могущественная сила против произвола профсоюзных комитетов, против грабежа, бандитизма и бесконечных убийств со стороны "бесконтрольных" элементов. Это противостояние против бюрократизма и профсоюзных бонз.

2) Но война тянется уже довольно долго, скоро уже год. Из-за тяжести войны в результате беспорядков, авантюристических, коллективизаторских экспериментов, в результате ряда решений и т.д. — некоторые слои чувствуют себя уже усталыми от войны. Они мечтают о мире, каков бы он ни был. Они согласны принять любой мир, даже

мир, обрекающий на рабство. Другие слои – рабочая профсоюзная аристократия, “комитеты”, использовавшие войну в своих скандальных интересах, создавшие себе баснословные материальные богатства, занимающиеся спекуляцией, организованной с благословения синдикалистов – все эти элементы боятся решительной победы над врагом, т.к. такая победа сделает из коммунистов и армии силу, которая предопределист политический режим и экономическую и социальную политику страны. Таким образом, решительная победа откроет перед этими людьми перспективу потери привилегированного положения “новых богачей”, “мародеров войны и революции”. Эти люди – против победного конца войны.

Еще одна категория людей, которая боится решительной победы, состоит из ограниченных мелкобуржуазных политиканов, которые силою исторических народных событий были выдвинуты на важные государственные посты, но которые всегда боялись больших народных боев и приходили в ужас от больших революций. Эти люди, среди них находятся и Кабальеро, Ламонеда* (секретарь социалистической партии), Кордеро и др., охвачены ужасом, и они неоднократно высказывали это при обсуждении задач, которые будут поставлены на следующий день после военного поражения врага. Они уже сейчас терроризированы объемом этих задач. Эти люди страдают болезнью, которую я бы назвал “agoraphobie”, что значит испуг перед грандиозностью пейзажа, открывающегося перед глазами путешественника, спускающегося с вершины горы.

Против решительной победы, естественно, настроены многочисленные буржуазные элементы, капиталисты, адвокаты, банкиры, коммерсанты и т.д., которые остались республиканцами, но которые прекрасно отдают себе отчет в том, что война – революция зашли слишком далеко и сильно изменили материальное и социальное положение. Наконец, просто против победы, какой бы она ни была, скрытые фашисты, жадные и злостные контрреволюционеры, провокаторы, шпионы, изменники и вся социальная гниль, собранная паразитическими классами, господствовавшими раньше в Испании.

Синдикал-реформизм и анархистский экстремизм так же, как и троцкизм-поумизм – тоже против решающей победы. Они сами об этом заявляли в своих газетах, говоря о том, что победа регулярной армии является “опасностью для революции”. Против решительной победы над врагом и Англия и Франция. Они, кстати, говорят об этом довольно открыто и довольно часто в своей прессе, ведут систематическую кампанию и дипломатические переговоры для того, чтобы заставить любой ценой испанскую республику пойти на компромисс с фашистскими силами. Франция и Англия продолжают “работать” в этом направлении. И когда я говорю о Франции и Англии, я не подразумеваю здесь только партии и фракции капиталистов и империалистов этих стран, но также и социалистическое руководство этих стран. Кстати, большинство руководителей II Интернационала и Амстердамского интернационала кажется тоже занимает позицию компромисса.

* Над фамилией поставлен от руки восклицательный знак.

3) Все эти элементы перегруппировываются, собираются, щупают почву, зондируют. Все эти элементы (из которых большая часть, начиная с апреля 1931 г., после объявления республики, входила в соглашение с буржуазией, боролась против народных масс, отказывалась давать землю крестьянам, отказывалась разоружать офицерство и уничтожать их касту, оставляла нетронутой материальную базу и политические привилегии церкви, касиков, фашистов и т.д., отказывала в требованиях пролетариата, мешала уничтожению политического военного аппарата крупных помещиков) были втянуты, независимо от их желания, в войну вместе с народом. Но они ее ведут всегда "оборонительно", ожидая, что какое-нибудь чудо или компромисс заставят закончить войну. Многие из этих элементов часто произносили зажигательные "революционные речи". Но они ужасаются и дрожат от страха перед мельчайшим революционным фактором. Они терроризированы с того момента, как поняли, что война, народ, народная армия, борющаяся на фронтах, все это есть народная революция. И вот начинается перегруппировка, почти естественная политическая дифференциация. Процесс дифференциации на этой базе происходит внутри социалистической партии, и в республиканской партии, и в СНТ, и среди анархо-синдикалистов. Отсюда вытекает желание Кабальеро играть в Кавеньяка, в бонапартизм или в керенщину после июля. Как бы он ни был изолирован и ненавидим политически, он имел довольно твердое положение, потому что слишком сильны были трения, противоречия и слишком многочисленны партии, организации, группы и группировки, потому что, как бы сильна ни была коммунистическая партия, как бы быстро ни росло ее влияние в массах, она еще не имеет возможности ни политически, ни организационно быть политическим действительным гегемоном внутри народного фронта.

6. По вопросу о слиянии социалистической и коммунистической партий

Прошло полтора месяца с тех пор, как партия внесла предложение о слиянии коммунистической и социалистической партий. В течение целого месяца партия вела кампанию за политическое единство пролетариата. Результаты еще очень не значительны. Как вы знаете, до начала публичной кампании за политическое и организованное единство пролетариата, ЦК КПИ считал нужным начать вести частные переговоры с руководителями социалистической партии и УХТ. Прежде всего мы хотели иметь частную беседу с Кабальеро. С Кабальеро мы имели несколько разговоров: две беседы Диаса, один разговор Луиса, один разговор Дюкло, дважды говорил с ним Урибе и ряд разговоров других товарищей. Такие же разговоры о единстве, о слиянии двух партий были с Аракистаином, Дель Вайо (довольно часто), с Барайбаром (правительственный секретарь министра военных дел), с Паскуаль Томас (вице-секретарь УХТ), с Амаро Росаль (один из секретарей УХТ), с Претелем (член исполкома УХТ), со стариком Каррильо. Все эти люди принадлежат к старинной "левой" фракции социалистической партии. Все они, без всяких оговорок, стоят за единство двух партий: Дель Вайо,

Престель, Льянос, Росаль, Каррильо, Аракистаин – за слияние двух партий, но предлагают, чтобы будущая единая партия вошла во II Интернационал. Барайбар высказался за слияние, но это, к сожалению, не имеет никакого значения, т.к. Барайбар старый иезуит, который, кажется, и сегодня поддерживает связь с римским папой, это беспринципный журналист. Он себя называет абсолютным сторонником слияния, заявляет, что он почти коммунист, считает социалистическую партию трупом, говорит, что он готов оказать все необходимые услуги коммунистической партии, а через 24 часа после этих заявлений пишет, не подписывая, злобную, грязную, сплетническую статью в газету “Аделанте”, затем снимает лучших коммунистических сотрудников с их постов.

Паскуаль Томас энергично выступает против объединения двух партий, несмотря на то, что он пытается маскировать свои мысли и клянется, что он никогда не был антикоммунистом. Кабальеро решительно против объединения двух партий. Он пытается в разговорах с членами политбюро ЦК коммунистической партии не высказываться открыто против политического единства, заявляет, что принципиально он – сторонник политического единства пролетариата. Но дает понять, что он считает момент для слияния не подходящим. В лучшем случае он мог бы согласиться с политическим единством и слиянием двух партий, но при условии, если он будет гарантирован и убежден, что будущая единая партия будет чем-то беспринципным, бесхребетным, партией, принадлежащей ему лично, инструментом, сделанным по его заказу.

Уже на следующий день после первой беседы Диаса с Кабальеро, последний начал свои маневры и попытки к расколу объединенного союза социалистической молодежи. Мы имели беседы с исполкомом социалистической партии, составленным, как вы знаете, из людей, принадлежащих к старой фракции социалистического “центра”, или, иначе говоря, с фракцией приетистов.

Прието лично скептичен. Он не высказывается ни за, ни против. Вообще он не верит в эту возможность. Он хотел бы поехать на север, несколько раз он заявлял, что хочет уйти с поста министра авиации и морского флота. Жалуется на то, что он не может работать с Кабальеро. Собирает материалы и документы против Кабальеро точно так же, как Кабальеро собирает материалы против Прието. Интригуют один против другого, но при сложной обстановке маневры Прието направлены к тому, чтобы оказать услугу Кабальеро и блокироваться с Кабальеро. Из приетистов, более решительно настроенных на слияние двух партий, нужно отметить Негрина (министр финансов) и Бугеда.

Секретари социалистической партии Ламонедра и старик Кордеро официально заявили, что они против политического единства пролетариата, не верят в него и не хотят его. Они являются типичными представителями старой реформистской социал-демократии, очень довольны тем, что знают наизусть несколько стереотипных формул, но они не обладают ни одним граммом правильного политического чутья, ни капелькой революционной идеи, ни капелькой смелости для того, чтобы ориентироваться и понять, что сейчас происходит в Испании. Кордеро, например, впадает в патетические припадки отчаяния перед ужасами,

как говорит он, происходящими по обе стороны фронта, когда умирают испанцы, убивая друг друга. Он себя спрашивает, когда же кончится наконец это саморазрушение Испании? Оба, Кордеро и Ламонед, в беседе с представителями политбюро коммунистической партии просили, точно так же, как и Паскуаль Томас, чтобы обе партии создали комитеты связи между партиями, один центральный комитет связи и комитеты связи во всех провинциях и городах, которые бы объективно, по-братски и конкретно разрешали все случаи трений, недоразумений, конфликтов и ссор, могущих произойти между социалистами и коммунистами, для того, чтобы эти случаи не попадали бы в прессу и не могли бы послужить предметом для полемики и дискуссий. Наши, конечно, согласились с этим предложением, но руководители партии социалистов Ламонед и Кордеро так же, как и руководители УХТ, как Паскуаль Томас, предлагали членам политбюро ЦК коммунистической партии организовать комиссию, которая должна будет подготовить программу марксистского правительства, которое придет к власти после победы.

А до победы вещи должны идти таким же порядком, как сейчас. До победы максимум, что можно сделать, это создать вышеозначенные комитеты связи. Вот итог и характер всех бесед, которые мы имели с руководителями социалистической партии и УХТ. Нужно добавить к этому, что в течение всего апреля месяца испанские социалисты имели много возможностей для бесед с руководителями II Интернационала и Амстердамского интернационала, проживших здесь довольно долго и продолжающих оставаться здесь: Адлер, Шевенельс, Дельвинь, Абрамович, Пьетро Ненни и др. Ясно, что эти гости не работали в пользу идеи единства.

Что же касается кампании за слияние двух партий, нужно сделать одно замечание: она имеет большое влияние среди рабочих и бойцов. Рабочая масса хочет единства, но сотня профсоюзных бонз, "руководителей" центральных и провинциальных объединений оказывает дикое сопротивление слиянию двух партий. Какова причина этих диких сопротивлений? Две основных причины: во-первых, потому, что эти люди терроризированы быстрым ростом количества членов, роли и влияния коммунистической партии, последовательной революционной политической линией партии, ее дисциплиной и задачами; во-вторых, и это решающая причина — они боятся, что проведение в жизнь слияния двух партий, создание единой партии пролетариата будет реально угрожать их личному положению. Они боятся за свои посты бонз, функционеров в профсоюзах, руководителей центральных и провинциальных организаций. Они боятся, что создание единой партии положит конец их привилегированному положению.

Нужно сделать несколько критических замечаний о том, как велась до сих пор кампания по слиянию. Коммунистическая партия ведет эту кампанию очень плохо. В прессе помещают несколько статей, несколько фраз или общих формул за политическое единство. То же самое в воззваниях и манифестах. Не было еще ни одной статьи, которая бы серьезно и конкретно поставила этот вопрос. Нет еще ни одного официального документа партии, в котором бы вопрос о слиянии был по-

ставлен во всей своей широте. Нет ни платформы, ни проекта платформы, который бы определял основу, на которой должно произойти это слияние. Не было еще ни статей, ни дискуссий по “практическим” подобным вопросам, но которые интересуют и волнуют массы. Другими словами говоря, нужно признаться, что мы вели эту кампанию очень плохо. Попытаемся исправить это.

Как я уже говорил выше, практическим результатом этой кампании было создание комитетов связи. Существует центральный комитет связи, в который входят два члена политбюро центрального комитета коммунистической партии. Этот комитет выпустил два циркуляра-инструкции по вопросу о том, как и почему нужно создавать комитеты связи между всеми организациями коммунистической партии и социалистической партии. Подобные комитеты связи уже созданы в следующих городах: Валенсия (провинциальный комитет и 30 местных), Мадрид (1 городской комитет и большое количество местных), Картахена, Гранада, Эстрамадура, Хаен, Сиудад Реаль, Кастильо, Толедо, Куэнка, Гвадалахара, Аликанте, Альмерия, Альбасете, Астурия. Ясно, что социалисты пытаются использовать комитеты связи, чтобы помешать коммунистической партии проводить свои собственные политические кампании и критиковать неправильные позиции социалистической партии. Нужно сказать, что существование комитетов связи не мешало социалистам и руководителям УХТ заниматься своими низкими маневрами против коммунистической партии и в момент назначения мадридского муниципалитета, и во время организации первомайского митинга, и когда происходили преследования коммунистов в профсоюзах.

7. Несколько замечаний о положении на севере

Два следующих одно за другим наступления врага на севере, в особенности на Бильбао, открыли всем нам, включая руководство КП Испании, вещи, о которых мы ничего не знали. Долгое время мы верили легенде, что на севере все обстоит благополучно. Два делегата на пленум ЦК, приехавшие из Бильбао, тт. Аранага и Лараньяга, представили положение на севере как очень хорошее. Оказалось, что все это было неправильной информацией. Когда необходимость заставила нас серьезнее поинтересоваться тем, что делается на севере, когда мы подошли ближе к вещам, мы вынуждены были констатировать, что положение на севере очень тяжелое, болезненное и даже трагическое как с точки зрения политической, так и с точки зрения военной, экономической, с точки зрения работы самой партии.

В течение более шести месяцев в Бискайе не было боев. Баскская милиция оставалась неактивной, привыкла к относительно тихой жизни и даже не задумывалась над тем, чтобы строить укрепления. Незнакомая с вопросами войны, без военной подготовки, эта милиция успокоилась на том, что выкопала несколько жалких окопов, оставаясь все время уверенной в том, что естественный рельеф местности является лучшей военной защитительной позицией. А после первого наступления неприятеля баскская милиция вынуждена была отступить на 40–50 километров. Произошло это благодаря ее слабой подготовке, слабой

организации военных единиц, слабому командованию, слабым укреплениям. Они не могли удержать горную цепь. Были большие и маленькие измены. Начальник строительства укреплений перешел на сторону врага за 15 дней до начала наступления. Враг наступает как раз в тех местах, которые оказались неукрепленными. Трудно представить себе, насколько слаба и недостаточна организация баскской армии. Она еще более примитивна, чем испанская милиция в октябре 1936 г. Баскская армия составлена из 6 различного рода милиций, более или менее независимых от партии: коммунистическая милиция, милиция националистическая, анархистская милиция, республиканская милиция, милиция "народного фронта". Каждая милиция имеет свое независимое руководство, свое командование, свое интендантство, свою собственную дисциплину. Не признают общих военных приказов. Уходят и приходят с фронта, когда им хочется. Есть конфликты, дискуссии, недоверие. Существует недоверие между баскскими националистами и социалистами. Каждый хочет оставить свою собственную вооруженную силу для "после войны", так как социалисты и националисты разрешают свои споры применением оружия. Такие настроения наносят большой ущерб организации настоящей регулярной армии басков. Люди хотят бороться, готовы на самопожертвование.

Наиболее преданными и боеспособными являются коммунистические батальоны. В коммунистических батальонах, несмотря на 50% убитых и раненых, царят храбрость и героизм. Нет бригад. Еще хуже обстоит дело с командованием. Кто же командует армией в Бискайе? Прежде всего, приказы исходят от президента баскского правительства, являющегося одновременно военным министром Бискайи. Часто эти военные приказы отдаются секретарем президента. Этот секретарь, не советуясь ни с кем, руководит иногда операциями через голову генерального штаба. Затем, руководителем операций является генеральный штаб, составленный из генерала Энкоменда и одного капитана (коммунист). Военные приказы также дает военный комитет националистической партии басков. Военные приказы даются также комитетом объединенной милиции (народного фронта без СНТ)... Сам черт ногу ломает, но не будет знать, какому же военному органу нужно подчиняться.

Вопрос об авиации. Все обсуждают этот вопрос, т.к. враг ведет наступление с большим количеством аэропланов, а у басков почти нет авиации. Баскские националисты вместо того, чтобы ускорить военную подготовку милиции и строить укрепления, ведут капитулянтскую, пораженческую кампанию, обвиняя правительство Валенсии, что оно не хочет дать авиацию. Рассказывают повсюду, что СССР помогает Испании, но не хочет помогать баскам. Нет политкомиссаров ни на фронте, ни в секторах, ни в отдельных воинских единицах. Вместо этого националисты несколько недель тому назад послали в милицию 60 попов. Националистская пресса пыталась вести кампанию под следующими лозунгами: "Мы просим авиацию, а нам предлагают политкомиссаров! Милиционеры, скажите, что вы предпочитаете: авиацию или политкомиссаров?" Националисты упорно сопротивляются созданию командо-

вания, подчиненного центральному правительству и центральному генеральному штабу. Они мечтают о создании баскской армии, абсолютно независимой от испанской армии. Отказываются от военной помощи из Астурии, говоря: “Вместо того, чтобы предлагать нам помощь, астурийцы сделали бы лучше, если бы забрали Авиеду”.

В Астурии дела не лучше. Состояние организаций милиции тоже очень посредственно. Люди очень боеспособны, но не хватает организации и единого командования. В то время, как один батальон ожесточенно борется против врага, другой, соседний батальон, остается пассивным или уходит “на отдых”. Для всей Астурии имеется 15 профессионалов военных (все данные о Бискайе, Астурии и Сантандер относятся к 25 апреля. С этого времени произошли быстрые серьезные изменения).

Нет политики командных кадров. Были две школы, выпустившие несколько десятков офицеров. Но этого очень мало. Нет выдвижения среди самих бойцов. Социалистический и синдикальный касикизм проходит даже в назначении командиров. В Астурии организованы бригады, но все они отличаются друг от друга. Имеются бригады, составленные из 2–3 и 4-х батальонов. Нет хорошего командования и нет связи между ними. На всем севере имеется от 180 до 190 тыс. вооруженных людей, разбитых на 90 батальонов в Бискайе и 80 батальонов в Астурии. Это значит, что имеется армия в 120–130 тыс. винтовок и артиллерия, имеющая больше 300 пушек. Имеются в достаточном количестве снаряды, патроны и пулеметы. Налицо все, что необходимо для создания большой, хорошо вооруженной армии, сильной и способной к большим наступлениям. Проблема командования в Астурии аналогична Бискайе. На всем севере имеются три политических органа, считающих себя правительствами: правительство Бискайи, Астурийский совет и совет Сантандера. Эти “правительства” имеют своих представителей в Испании, в Каталонии, в Париже, во всех других городах Франции, в Бельгии и т.д. Каждое из этих “правительств” говорит следующим языком: “Моя армия”, “Мои войска”, и “Мои пушки”. Каждое из этих трех “правительств” имеет свои деньги, свою пограничную охрану и т.д. и т.д.

Очень тяжела проблема снабжения на севере и в особенности в Бискайе. Они находятся на голодном положении в течение нескольких месяцев. Уже несколько месяцев не хватает хлеба и мяса. В фабричных районах исчезли все ослы, кошки и начинают исчезать собаки. Однако нужно признать и правильно оценить это: в Бискайе существует суровая рациональная организация распределения продуктов питания, которые они получают и которыми они располагают сами. Благодаря продолжительному голоду и плохому питанию, среди рабочих очень развит туберкулез. Сильная усталость отражается на работоспособности рабочих. Но, что достойно восхищения, это то, что рабочие, народные массы очень стойко переносят эти недостатки, нет ни протестов, ни недовольства против правительства, но зато ужасно растет ненависть к фашистам. Один только пример. В середине апреля в Бильбао на улицах можно было увидеть большущие хвосты женщин, ждущих свою пор-

цию гороха. Два дня подряд горох не поступает. Женщины уходят, вновь приходят и ждут, ослабленные и больные. Одна женщина-фашистка пробирается в их ряды и начинает их побуждать к протесту. И вот, женщины, стоявшие в хвосте, хватают зачинщицу, бросают ее в реку, и зачинщица под аплодисменты всех тонет.

Голод и недостаток военной организации отражаются на индустрии и, главным образом, на военной индустрии. Как вы знаете, в Астурии имеется довольно сильная металлургическая промышленность, и в Сантандере и Бильбао. В Астурии знаменитые военные заводы Трубия (2400 рабочих, из них 45 коммунистов). Эти заводы работают на войну, но работают очень мало. Из-за бомбардировок работают только ночью. В деревнях и в окрестностях Трубии никто не живет. Рабочие и деревенский люд живут в окрестных городах. Работают только 6 часов в день. А можно было производить в четыре раза больше снарядов и т.д.

Другой металлургический завод, производящий военные припасы, находится под руководством коммунистов. Здесь производство интенсивнее, и результаты прекрасны. Завод Рунаса в Сантандере дает прекрасные образцы работы и организации, работает лучше, чем все остальные заводы Бискайи, готовит к выпуску 20 артиллерийских батарей, снаряды и патроны. Настроение рабочих прекрасное. Хорошо работает коммунистическая партия. Все то, что коммунисты постановляют, немедленно проводится в жизнь рабочими. Партия там имеет очень большой авторитет. Они работают 12 часов в день, значит на 4 часа больше, чем это установлено контрактом работы. Рабочие получают за 8-часовой рабочий день 18 пезет. За сверхурочные 4 часа работы они не получают ни одного сантима, т.к. не отменен закон, запрещающий сверхурочную работу. Для того, чтобы их не обвинили в том, что они ломают старый контракт, рабочие работают четыре часа в день бесплатно. А так как они работают на войну, как они говорят, они не хотят ставить вопрос об увеличении заработной платы.

На судостроительных заводах рабочие также получают ту же заработную плату, что несколько лет тому назад. Квалифицированные рабочие получают зарплату меньше, чем 4 года тому назад. Хозяева и старые директора остаются на месте, руководят предприятием и проводят в жизнь все старые контракты, заключенные 4 года тому назад. Бискайя. Возможности военной продукции огромны: пулеметы, автоматические ружья, противовоздушные пулеметы, мортиры, патроны. Каждый 15 дней выпускают 25 мортир, а все же промышленность работает замедленным ходом. В старое время металлургическая промышленность Бискайи занимала от 35 до 40 тыс. рабочих. В настоящее время работают не более 12 тыс. На доменных печах в старое время работало 10 тыс. рабочих, сейчас только 1800.

Большинство металлургических предприятий закрыто. Те, которые работают, работают не каждый день. Не хватает рабочих. Большинство металлистов на фронтах. Но это не основная причина. Основная причина простоя заводов и фабрик следующая: заводы и фабрики Бискайи остаются в руках хозяев, под руководством тех же директоров

и чиновников*, что и десять лет тому назад. Хозяева получают баснословные прибыли. Народная революция не прошла еще здесь. Нет фабричных комитетов, там, где они существуют, они не признаны властями. Фабричные комитеты существуют только на маленьких и средних фабриках. Вся военная промышленность находится под руководством националистов, которые покровительствуют хозяевам капиталистам. На крупных предприятиях даже заводская охрана состоит из тех же людей, что и 10 лет тому назад.

Несколько слов о деятельности коммунистической партии на севере. Слабая активность, общего характера. Как и всюду, большинство членов партии находится на фронтах. Из Бискайи 10 тыс. коммунистов ушло на фронт; из Сантандера из 10 тыс. коммунистов – 8 тыс. на фронте; из Астурии из 18 тыс. членов партии – 13 тыс. на фронте. Очень тяжела проблема кадров. Коммунистические кадры нужны для милиции, для профсоюзов, для политической работы, для руководства самими организациями партии. Помимо всего, существующие кадры плохо использованы. Нет просветительной работы. Верно, что в Бискайе существует центральный комитет коммунистической партии басков. Центральный комитет занимает большой дом, имеет более многочисленный аппарат, чем аппарат ЦК КП Испании; большое количество комиссий, но работа не двигается вперед, а в особенности политическая работа.

В Астурии 4–5 руководителей партии – Мансо, Гонсало, Гонсалес (вы его знаете под именем Артуро), Аньело и т.д. – работают до изнеможения, но они не умеют заставлять работать других, создавать вокруг себя актив. В действительности, в Астурии абсолютно нет руководства и политической работы. Политические вопросы преподносятся массам по-сектантски. Принятые решения редко проводятся в жизнь.

В Бискайе тенденция ярко выраженных оппортунистическо-националистических уклонов, сопровождаемая чрезмерным сектантством и бюрократизмом методов работы. Партия не вербует новых членов среди рабочих. Широко распространена астигариабия – “теория неудобств” и “трудностей”. В Бискайе с 18 июля 1936 г. не было ни одного митинга под тем предлогом, якобы, что существует соглашение с правительством не устраивать никаких митингов и публичных собраний все время, покуда будет длиться война. “Неудобства” состоят в боязни рассердить и восстановить против себя националистов-иезуитов из правительства и вызвать правительственный кризис. А эти иезуиты-националисты из правительства имеют от имени правительства 2 млн.ф. стерлингов и 60 млн. французских франков в Англии и во Франции в запасе. Это происходит в то время, когда страна погибает от голода. Иезуиты-националисты занимают наиболее высокие посты в баскском правительстве: в военном министерстве, в министерстве финансов и промышленности, в министерстве внутренних дел. Почти не было конфискации имущества фашистов, за исключением только тех, которые предавались суду, получали приговоры и были расстреляны.

* Слово “чиновников” вставлено вместо зачеркнутого “функционеров”.

Социалисты тоже не организуют митингов, ни даже собраний рабочих профсоюзов. "Идет война, и не нужно никаких собраний". Очень слаба работа нашей партии на фабриках и заводах. За исключением 4–5 примеров хорошей работы, в остальных случаях работа или незначительна или ее совсем нет. На 12 тыс. металлистов насчитывается не больше 300 коммунистов. На некоторых металлургических предприятиях меньше коммунистов, чем было в 1932 г. На крупном заводе "Эскульдуна" на 1500 рабочих только 9 коммунистов. Руководитель, генеральный секретарь коммунистической партии Бискайи, тов. Астигабия страдает самодовольством, любит произносить большие общие речи, чтобы избежать говорить о проблемах и конкретных задачах. В Астурии продолжают вести дискуссии сектантского характера с анархистами и социалистами, не затрагивая и не объясняя конкретных проблем дня. На всем севере существует настоящая волна увлечений хождения на фронт. Есть такие случаи, когда мэр маленького города – коммунист собирает всех коммунистов и вместе с ними уходит на фронт, оставляя город на самого себя. Все или почти все учителя Астурии (большинство из них коммунисты) ушли на фронт, и в городах некому заниматься с детьми. Вот поэтому у нас нет кадров ни для предприятий, ни для профсоюзов, ни для деревенских муниципалитетов, ни для городов. Хотят показать, что коммунисты – лучшие солдаты.

РГАСПИ. Из коллекции архива.

1 "Энформасионес" – так в документе. Правильно: "Информасьонес".

2 "Воз" – так в документе. Правильно: "Вос" (Voz).

3 Бугеда – так в тексте. Правильно: Бухеда.

4 Так в документе. Правильно: "Гасета Официаль".

5 С. Мартинес Анидо (1862–1938) – генерал, шеф Управления безопасности и министр внутренних дел националистической зоны.

6 Х. Марч и Ординас (1880–1962) – крупнейший испанский финансист, оказывал финансовую поддержку Франко в годы гражданской войны.

№ 48

Письмо И. Степанова (Морено) о политической обстановке в Испании

11 мая, 1937

Сов[ершенно] секретно.

Дорогие друзья! Четыре дня тому назад я вам отправил длинное письмо. Сегодня спешу использовать редкую оказию, чтобы сообщить вам дополнительные сведения о политическом положении последнего момента. Как вы уже знаете, каталонский путч был ликвидирован относительно быстро. Я говорю "относительно", потому что этот путч мог бы быть ликвидирован значительно быстрее, если бы этого хотело центральное правительство. Правительственный декрет, устанавливающий срочные меры, необходимые для ликвидации путча, был подписан президентом республики уже 2 мая, но председатель совета минист-

ров Кабальеро держал этот декрет в своем кармане 48 часов. А в течение этих 48 часов путчисты-анархо-троцкисты использовали все для мобилизации своих вооруженных групп и сконцентрировали их на самых важных стратегических пунктах, чтобы закончить свое братоубийственное дело. В течение трех дней (2, 3 и 4 мая), когда нужно было действовать с максимальной быстротой и энергией, Кабальеро проявил максимальную пассивность и отеческие чувства к министрам-анархистам. Вы, безусловно, получили уже подробную информацию непосредственно от наших друзей из Барселоны о путче, поэтому я не буду останавливаться на описании его. Все знают, что инспираторами, вдохновителями, организаторами и руководителями путча были троцкисты (поумисты), либертарная анархическая молодежь (среди которой много троцкистов) и экстремистская фракция ФАИ (анархистская федерация Иберии) с помощью некоторых группировок и руководителей СНТ.

Помимо профашистской деятельности троцкистов, вся их литература, воззвания, манифесты, публичные декларации, все это, включая путч в Каталонии, является иллюстрацией самых разрушительных задач фашистов. Имеются очень интересные документы, доказывающие связь испанских троцкистов с Франко. Бывший начальник общественного порядка в Каталонии тов. Вальдес, с которым я имел вчера длинную беседу, утверждает, что имеются документы сенсационного характера, доказывающие связь и активность троцкистов. Он мне обещал через 2–3 дня прислать все эти документы сюда. На заседании совета министров 8 мая министр внутренних дел Галарсо¹ заявил, что он имеет доказательства, что поумисты-троцкисты поддерживают регулярную связь с фашистской шпионско-провокационной организацией, находящейся в Марселе, работающей на Франко. Нет сомнений ни для кого в том, что испанские троцкисты представляют собой организованный отряд пятой колонны Франко. И каталонский путч доказал это еще один раз. Подготовка к путчу началась еще за два месяца. Это тоже доказано. Если бы даже не было всех этих доказательств, достаточно было бы послушать радио Бургоса, Саламанки и Севильи. Ежевечерне после 11 час. это радио занимается пропагандой. И почти каждый вечер вот уже два месяца это радио не забывает отпускать несколько комплиментов по адресу троцкистов-поумистов, ободряя их, призывая сохранить свои силы для борьбы против “красных большевиков Испании”. Очень часто фашистское радио из Бургоса, Севильи и Саламанки повторяют следующую формулу: “Внимание, товарищи поумисты, красные большевики решили вас уничтожить, а после вашего уничтожения они начнут уничтожать членов ФАИ”.

В барселонском путче массы СНТ не участвовали. Количество вооруженных участников путча равняется приблизительно 8–10 тыс. человек. Основная вооруженная сила путчистов состояла из контрольных патрулей, около 2000 чел., имевших блиндированные автомобили. Во время боев 8 блиндированных автомобилей были разрушены бомбами. Общественные силы были захвачены врасплох путчем. У них не было даже патронов. По словам Вальдеса, наша братская объединенная социалистическая партия Каталонии в начале путча не имела ни техниче-

ского материала, ни нужных людей для того, чтобы быстро ответить путчистам. Не было случаев ухода частей с фронта (за исключением маленьких групп). Я это добавляю для того, чтобы внести поправку в информацию, посланную мною 7 мая. В тот момент, когда я писал, утверждали, что были анархистские военные части, оставившие фронт и перешедшие на сторону путчистов. Выходит, что это было неверно. Но нужно однако отметить, что если этого не было, то это не зависело ни от анархистов, ни от троцкистов. Потому, что по имеющимся у нас сведениям, даже в самом Мадриде были некоторые элементы и анархистские группы, которые готовились уехать в Каталонию, но они не смогли этого сделать.

Ближайшие политические последствия путча очень велики. Прежде всего следующее: троцкисты-поумисты разоблачили себя перед народом как люди, целиком принадлежащие пятой колонне Франко. Народ питает невероятную злобу к троцкистам. Массы требуют энергичных и беспощадных репрессий. Этого требуют народные массы всей Испании, Каталонии и Барселоны. Они требуют полного разоружения, ареста руководителей, создания чрезвычайного военного трибунала для троцкистов! Вот требования масс.

Внутри самих поумистов возникли острые разногласия. Один из членов руководства ПОУМ, нский д-р Тусо, сразу при возникновении путча связался с объединенной социалистической партией Каталонии, работал по указанию объединенной социалистической партии Каталонии и заявил, что Нин провокатор и т.д. Поумистская организация в Сабадель, имеющая радиостанцию, огласила по радио манифест, осуждающий путч и ПОУМ. Поумисты Тарагоны против директивы своего центра, дали себя разоружить, не произведя ни одного выстрела. Таким образом, мы видим внутреннее разложение в ПОУМ. Однако, несмотря на доказательства, на очевидные факты о том, что ПОУМ является организацией фашистов, провокаторов, шпионов, бандитов и убийц, несмотря на ненависть всего народа к ПОУМ, эта организация находит защитников. В первую очередь их защитники и соучастники — это фашисты.

Анархистская пресса делает невероятные усилия, занимается головоломкой и софистикой, желая защитить поумистов. В особенности отличается газета “СНТ”, выходящая в Мадриде, и “Кастилья Либре”, тоже мадридская. Известно, что среди редакторов этих двух газет имеются несколько троцкистов и профессионалов-провокаторов. Но даже центральный орган СНТ “Солидарidad Obrera” берет под свою защиту ПОУМ и его газету “Баталья”. Нужно сказать, что министр внутренних дел Галарса, “левый” социалист из фракции Кабальеро, который много раз говорил и публично повторял, что ПОУМ это организация провокаторов, связанная с фашистами, “конспиративно” становится защитником поумистов. Но нужно сказать нечто большее, — ближайшее окружение Кабальеро и сам Кабальеро не собираются принимать энергичных мер против ПОУМа. Кстати, совсем не так давно Кабальеро и его секретарь Льюпис публично заигрывали с одним из руководителей ПОУМа, с Горкиным.

Каталонский путч, с другой стороны, оттенил и углубил разногласия, конфликты и противоречия внутри СНТ. Во время путча, в то время как одна часть анархистов-экстремистов из руководства СНТ приняла очень активное участие в путче, другая часть руководства СНТ, как секретарь областного каталонского центра СНТ – Мас, как Васкес, генеральный секретарь СНТ, и другие, приложили большие усилия, чтобы помешать рабочим массам участвовать в путче. В том же духе, однако со значительно меньшей энергией, работали, как говорят, министры анархо-синдикалисты: Гарсия Оливер, Ледерика Монсени и Пеиро (это – по информации тов. Вальдеса; сведения же, которые мы имеем здесь, говорят о том, что эти три министра до и во время путча играли двойную игру).

Как бы то ни было, ясно одно, что внутренние разногласия и борьба внутри СНТ очень заострились сейчас. Кстати, одной из причин, толкнувшей часть руководства ФАИ к участию в подготовке и руководстве путчем, были большие потери членов СНТ. Вы знаете, что большое количество членов профсоюза и профсоюзных организаций остаются в СНТ лишь благодаря террору со стороны фашистов. Теперь, после ликвидации путча, в особенности после разоружения ФАИ (если это удастся провести), после роспуска террористических бесконтрольных групп, после разгрома террористической системы анархо-синдикалистов – можно ожидать быстрой потери влияния СНТ.

Ненависть к анархистам, к фашистам стала массовым, крупнейшим фактором. Население Барселоны и других городов Каталонии горячо, с овациями встречает военные силы, посланные центральным правительством для восстановления общественного порядка. Очень часто массы кричат штурмовикам: “Беспощадно давите этих бестий анархо-бандитов”. Чтобы отпарировать опасность потери и влияния СНТ и своих членов, руководители СНТ пытаются обмануть народ* и ослабить ненависть масс. Если в первые дни путча, увидев, что “дело” проиграно, руководители СНТ сделали несколько пацифистских деклараций и признавались, что рабочие были обмануты агентами и провокаторами, осуждали группу “друзей Дуррути” и т.д., то после они начинали маневрировать. Они изображают (в своей прессе) каталонский путч уже не как путч, и не как “восстание, вызванное провокаторами и агентами врага”, а лишь как несчастное недоразумение, вызвавшее братоубийство между двумя антифашистскими силами! В своем цинизме они идут дальше и заявляют, что виновником путча является твердая политика, чересчур жесткая и желание гегемонии коммунистов. Они развивают “теорию”, что, несмотря на то, что формально борьбу начали вооруженные силы поумистов, анархистской молодежи и фашистов против власти и т.д. – на самом деле эта вооруженная борьба означает ни больше, ни меньше, как законную попытку поумистов и анархистов защищаться от будущей опасности, а именно, против попыток коммунистической партии захватить в свои руки движения и организации рабочих; что коммунисты-де хотят отстранить все другие политические течения, установить свою гегемонию и диктатуру.

* Первоначально было “обмануть мнение народа”. Слово “мнение” зачеркнуто.

Как себя держали и держат по отношению к путчу другие партии, как они себя держат по отношению к поумистам и анархистам? Я уже говорил об их позиции по отношению к поусмистам и троцкистам. Кстати, я забыл отметить тот факт, что большинство профсоюзов и профсоюзно организованных в УХТ Валенсии в конце апреля принимали резолюции, в которых говорилось о недопустимости быть одновременно членом профсоюза и членом профнацистской организации, называемойсся ПОУМ.

Вернемся к анархистам. Республиканская партия решительно осуждает анархистов. Они их осуждают за путч. Они их осуждают за их поведение на фронтах (дезертиры, дезорганизаторы, воры и т.д.). Они их осуждают за организованный бандитизм в городах и деревнях. Они их осуждают за то, что анархисты беспрерывно угрожают выгнать из республиканского правительства буржуазные партии. Но кто проявляет наибольшее озлобление против анархистов, против всех анархистов, это – социалисты из бывшей фракции, называвшейся “центристской”, из фракции Прието. Прието бешено настроен против анархистов. То же самое – Негрин. Нужно кстати отметить, что инцидентом, предшествовавшим началу путча, было вооруженное столкновение между анархистами и пограничниками Негрина в Пуэгарда. Это столкновение произошло потому, что карабинеры по решению центрального правительства отправились для занятия прифронтовых постов и таможен, где до последнего времени контрабандным путем властвовали анархисты.

Совсем другим было и остается отношение Кабальеро и его окружающих к путчу и к анархистам. Два секретаря Кабальеро продолжают высказывать почти ту же точку зрения, как и анархо-синдикалисты. Агире и Льюпис (два секретаря Кабальеро) несколько раз заявляли следующее: “Собственно говоря, мы не понимаем, почему так много шума, почему так трагически воспринимают каталонский инцидент. Дело лишь в простом вооруженном столкновении между анархистами и коммунистами. Если одни и другие надавали подзатыльников друг другу, это не приносит никакого вреда, наоборот, это приведет к хорошим результатам, т.к. ослабит и тех и других экстремистов”. Это показывает, что существует некоторый контакт, обоюдное соглашение между руководителями ФАИ, СНТ и Кабальеро. Еще одно доказательство, бросающее луч света на антикоммунистическую кампанию, которую вели сообща анархисты и кабальеристы, начиная со второй половины марта месяца.

Но есть и другие доказательства. На совете министров 8 мая выявилось совершенно открыто следующее: четыре министра анархо-синдикалиста – Оливер, Монсени, Лопес и Пеиро – занимали те же позиции, что Кабальеро и Галарса. Они защищали те же позиции. Против них, а значит и против позиции Кабальеро, выступили (с решительным осуждением путча, путчистов, троцкистов и анархистов) Дель Вайо (большое и очень сильное выступление), Урибе, Эрнандес, Хираль, Ирухо, Негрин. Прието не выступил, объясняя это невыступление в последовавшей дискуссии следующими аргументами: критика и осуждение были направлены исключительно против троцкистов-поумистов, в то вре-

мя как я придерживаюсь той точки зрения, что нужно было концентрировать удар на анархистах.

Все ждали, что совет министров закончится правительственным кризисом. Тем более, что в предшествовавшие дни, 7-го мая, были беседы между социалистической партией и республиканцами. Кроме того, президент республики беседовал с Диасом и Долорес (от компартии), Ламонеда, Кордеро и Видарте (из исполкома социалистической партии), с Дель Вайо, Негриным, Хиралем и др. политическими деятелями. Все эти беседы были посвящены вопросам о событиях в Каталонии, военной политики и т.д. И все они заканчивались единодушным выводом: такая политика не может больше продолжаться, ее нужно изменить, а значит нужно изменить состав правительства, но оставаясь в рамках и на основе народного фронта! Однако, как я уже говорил выше, совет министров закончился, не приведя к кризису. После нескольких часов дискуссии, во время которой Ларго Кабальеро не произнес ни одного слова, он заявил, что все согласны, и сформировал решение компромиссного характера.

Назавтра, в воскресенье 9-го мая, в нескольких городах были устроены митинги, организованные коммунистической партией. Митинг в Валенсии, на котором выступал Вальдес от объединенной социалистической партии Каталонии, Хосе Диас, Урибе, Пассионария, Эрнандес и Життон (от КПФ), можно считать крупнейшим политическим событием, которое будет иметь огромнейшие последствия. Митинг был прекрасно организован. Было занято 4 театра для этой цели. Речи произносились в одном театре, публика в других театрах слушала радио. Кстати, речи транслировались по всей стране. Мы еще не знаем, почему и каким образом случилось, что не было трансляции в Мадрид. Кроме того, речи транслировались через громкоговорители, поставленные на трех больших площадях города Валенсии. Тема докладов: "Отношение партии к войне и революции". Это было ответом на кампанию анархистов, обвиняющих партию в том, что партия ставит на первый план задачу "выиграть войну", а значит, как они говорят, партия забывает революцию.

Но конкретное, основное содержание докладов давало политическую оценку путча в Барселоне, оценку политики правительства. Партия указала путь, по которому нужно идти. Вальдес в своем выступлении описал путч, подчеркнув тот факт, что в то время как на фронтах часто не хватает ружей, пулеметов и амуниции, враги республики захватили это оружие и амуницию для борьбы против республики. Он дал характеристику троцкистам-поумистам. Урибе говорил об аграрной политике партии, о демократическом народном содержании испанской революции, критикуя в очень популярной форме разбой и грабежи анархистов в деревнях под видом коллективизации и т.д.

Но гвоздем митинга была речь Диаса. Прежде всего он коротко остановился на линии и деятельности партии с октября 1934 г., чтобы показать роль партии в деле создания народного фронта. Затем он показал, почему не удалось помешать восстанию фашистов и генералов. Затем он приводил конкретные факты для характеристики социального

содержания испанской революции как в городах, так и в деревне. Он проанализировал социальный состав республиканской армии, социальный состав армии врага, командный состав, классовую роль двух армий, подчеркивая, что республиканская армия является жизненной силой, вооруженной силой революции. Выиграв войну, мы выиграем революцию. Другие заголовки доклада Диаса: троцкисты – союзники фашизма, инспираторы каталонского путча; необходимо обезоружить тех, кто хочет нанести удар в спину народной армии и революции. Затем Диас критиковал поведение ФАИ и одной фракции руководства СНТ, отделяя тех, кто принимал участие в путче, от тех, кто боролся против путча. Формулируя требование о том, чтобы СНТ провел быструю чистку своих рядов от троцкистов, провокаторов, фашистов, замаскированных и открытых и т.д. и т.д., он объяснял, что партия не против СНТ и что, несмотря на разногласия, партия всегда готова сотрудничать возможно теснее с СНТ в борьбе против фашизма и т.д. Затем Диас сделал анализ и критиковал политику правительства, разоблачая пассивность в проведении самых необходимых вещей, отсутствие единого командования, непроведение в жизнь чистки военного аппарата, непроведение в жизнь централизации и интенсификации военной промышленности, вопрос о резервах. Он критиковал “Аделанте”, которая пытается недооценить помощь Советского Союза. Те, кто делает это, сказал Диас, должны отправиться на фронт и посмотреть марку на том масле, которое едят солдаты, чтобы убедиться в той помощи, которую нам оказывает СССР. Затем он говорил о необходимости быстрого осуществления единства двух партий рабочего класса, о профсоюзном единстве, о еще большем укреплении народного фронта, о единстве народов Испании. Он закончил свое выступление разоблачением значения политики той кампании, которая ведется против коммунистической партии.

Я даже не даю короткого резюме доклада, т.к. уверен, что вы его уже знаете, благодаря телефонным сводкам прессы. Основные моменты критики в его докладе относились к тому, что настоящее правительство не выполняет своих обязательств, по сравнению с той борьбой, которую необходимо вести против агентов неприятеля, по сравнению с той необходимостью, которая вызывается ведением войны и обеспечением победы. Он заявил, что это правительство может уйти, что найдется другое правительство народного фронта, которое сможет выполнить свои обязанности.

Этот митинг произвел большое впечатление по всей стране, среди всех слоев населения. Вот уже три дня как все говорят об этом митинге. Люди разных партий согласны и заявляют в один голос, как будто бы сговорившись: это замечательно! Уже давно мы не слышали таких слов. Теперь мы все понимаем! Мы сами часто чувствовали, что что-то не в порядке, теперь все понятно! и т.д. и т.д. Одним словом, этим митингом партия завоевала симпатии большинства народа. А союзники? Союзники, которые еще вчера проявляли большие колебания и заботы, быстро и крепко сплотились вокруг партии.

Конечно, с маневрами для изоляции коммунистической партии, проводившимися Кабальеро и его компанией в течение двух месяцев.

Это значит, что кончены перспективы благоприятного окончания этих маневров. Партия опять стала центром притяжения, наиболее сильной, наиболее могущественной силой в народном фронте. Налицо уже некоторые результаты. Руководители социалистической партии пришли в ЦК компартии, как для того, чтобы поздравить с удачным окончанием митинга, так и для того, чтобы предложить тесное сотрудничество в проведении в жизнь общих мероприятий с тем, чтобы покончить, наконец, с политикой пассивности, проводившейся до сих пор. Они ждут, что через несколько дней в результате этого митинга компартии, произойдет министерский кризис. Они уже вносят конкретные предложения о составе будущего правительства из тех же организаций и партий народного фронта, которые участвуют в данном правительстве, но без Кабальеро. Проект состава нового правительства (как и все проекты, но не имеет решающего значения): председатель совета министров и министр финансов: Негрин (социалист); министр иностранных дел – Дель Вайо; министр национальной обороны (включая флот и авиацию): Прието; министр внутренних дел: Эрнандес (коммунистическая партия); министр земледелия – Урибе (компартия); министр индустрии, торговли и труда – Паскуаль Томас (вице-секретарь УХТ); министр народного просвещения – Хираль (республиканец). Кроме того, проект предвидит три поста для СНТ (Оливер, Монсени, Пеиро); еще один пост для республиканцев; два министра без портфелей – один для басков, другой из Каталонии.

В министерстве обороны по проекту будут назначены несколько правительственных секретарей для руководства основными отраслями, одно место, по меньшей мере, должно быть дано представителю коммунистической партии. Республиканцы, как будто, согласны с этим проектом. Как я уже сказал, это только проект. Все верят, что через несколько дней мы будем иметь новое правительство. Сегодня Паскуаль Томас имел длинную беседу с Диасом и Чека. Речь шла о митинге в воскресенье. Паскуаль Томас говорил как посланник Кабальеро. Он хотел знать, чем “дышит” руководство партии, что значит этот митинг, как объяснить крепкие слова, произнесенные против правительства. Диас ничего не изменил из своего доклада, заявив, что его выступление не было импровизированным, что, наоборот, это был зрело продуманный и взвешенный доклад. Паскуаль Томас дал понять, что доклад этот значит, что партия отзывает своих министров и становится в оппозицию к правительству. Диас заявил, что – нет, что партия стоит за народный фронт, что партия – за активное сотрудничество с правительством, но что правительство не правит так, как нужно править. Чувствуется, что Кабальеро маневрирует. Он готовит какой-то трюк. Вообще же, начиная с воскресенья, люди, окружающие Кабальеро, очень встревожены. Они боятся, что коммунистическая партия заключит единство исключительно с “центристами”. Говорят, что Аракистан написал письмо Кабальеро, в котором он ему советует сговориться с коммунистами и быстро провести слияние двух партий, иначе существует опасность, судя по мнению Аракистана, что Прието захватит знамя единства и проведет слияние с коммунистической партией. Возможно поэтому окружение

Ларго Кабальеро заявляет повсюду, что единство без Кабальеро не будет настоящим единством, длительным единством, или что единство может быть достигнуто только с Кабальеро, или же – его не будет совсем!

Я извиняюсь, что рассказываю вам все эти мелочи, но поскольку они могут охарактеризовать настроения людей, я думаю, что полезно будет вам об этом сообщить. Без сомнения, партия не пойдет на эти ограниченные, маленькие политиканские штуки. Для цели единства партия не откажется от соглашения с Кабальеро (в особенности, когда он не будет председателем совета министров), и даже больше того – она предоставит ему почетный пост в будущей единой партии. С другой стороны, партия очень осторожно подходит к УХТ, чтобы не восстановить его против себя. Сближение с согласием с исполкомом социалистической партии очень велико. Да, это дело идет быстро и успешно. В то же время идет сближение и соглашение с руководством УХТ. Вот правила поведения коммунистической партии в конкретных и практических разговорах как с одними, так и с другими.

Я забыл вам сказать, что партия готовит к изданию через два дня доклад Диаса на митинге в 300 000 экз. (брошюра). Курьезом является то, что исполком социалистической партии просил, чтобы им оставили 50 000 экз., так как они хотят распространить эту брошюру среди членов социалистической партии. Вот, дорогие друзья, самые свежие сведения. Я их передаю таковыми, как они нам переданы, немножко в беспорядке.

Все, однако, говорит об улучшении, по меньшей мере, о возможности улучшения. Не думайте, однако, что мы питаемся иллюзиями. Нет, здесь дела идут и меняются очень быстро. Мы убеждены, что “те” не сидят, скрестивши руки. Если в течение ближайших дней мы увидим радикальное усиление кампании против партии, это, безусловно, будет означать подготовку новых сил для борьбы против нас, так как неизвестно до каких пределов Кабальеро связан с анархо-синдикалистами, какие обязательства он дал им.

Симптоматичным является то, что анархистская пресса в Мадриде вышла сегодня под заголовком: “Да здравствует правительство народного фронта под председательством Кабальеро”. Может ли старик Кабальеро взять себя в руки в последний момент и не стать политическим заложником анархистов? Это вопрос, на который невозможно ответить. Положительным симптомом является то, что впервые за три месяца “Френте Рохо” вышла сегодня без цензурных помарок. Цензура (прямой орган Кабальеро) не вычеркнула ни одной строчки. Но возможны неожиданности. Совсем не исключена возможность, что завтра Ларго Кабальеро сделает какой-нибудь безответственный жест.

Прежде, чем закончить – два слова о положении на фронтах. В общем оно хорошее. Если бы отряды анархо-синдикалистов хотели провести в жизнь приказ, который они получили, и если бы глупые приказы не были даны командованием отдельных* секторов, можно

* Слово “отдельных” вписано вместо слова “различных”.

было бы сегодня взять Толедо. Возможно, что Толедо будет взят через несколько дней. Начинаем себя чувствовать лучше во всех отношениях. Открываются очень хорошие перспективы на арагонском фронте, в особенности, если удастся окончательно освободиться от анархо-бандитов Каталонии. Прилагаются усилия к тому, чтобы радикально реорганизовать с точки зрения военной, экономической и политической всю Каталонию. В этой связи можно вспомнить старинную поговорку: нет худа без добра. Если нам это удастся, мы сможем трансформировать военные, экономические, потенциально огромные силы Каталонии. Это поможет реализовать колоссальные возможности действий и военных наступлений, т.е. до сегодняшнего дня Каталония и анархисты создавали лишь трудности, неожиданности и напрасное расходование сил.

П.С. Почему вы мне ничего не пишете? Я был бы очень рад получить хотя бы несколько слов. Если это вам кажется невозможным, скажите несколько слов хотя бы по телеграфу. Ясно, что я и мои друзья очень интересуемся вашим здоровьем. Несколько слов об этом, мне кажется, было бы не много. Я лично интересуюсь больше всего вашим мнением о посылаемых мною информациях. Может быть, вас не удовлетворяет то, что я вам посылаю. Может быть, у вас есть замечания и советы по тем вопросам, о которых я пишу. Во всяком случае, я бы предпочел ваши замечания, критику, упрёки и т.д. получить сейчас, с тем, чтобы я мог показать вам, что я могу исправиться, если это нужно. Получаете ли вы газеты и здешние издания? Несколько раз я уже спрашивал, посылают ли вам газеты и наши издания? Мне отвечали утвердительно, что я все же не знаю, получаете ли вы их? Во второй половине мая выйдет номер теоретического журнала партии. Журнал выйдет – таково, по крайней мере, решение ЦК – и будет выходить два раза в месяц. Через несколько дней начнет выходить сатирический журнал (в Мадриде). В Мадриде партия стала хозяином газет “Эль Соль” и “Ла Воз”. Партия издает военный журнал “Тьерра, мар и айре” и много других журналов. Меня уверяют, что все это регулярно посылается вам.

Я забыл вам сказать очень важную вещь, а именно, что было решение созвать на 11 мая внеочередной пленум ЦК для изучения политической ситуации и принятия мер для отпора систематической бешеной антикоммунистической кампании, ведущейся с апреля месяца. В связи с военным положением, а также в связи с событиями в Каталонии, пленум отложен на вторую половину мая.

Горячий братский привет от меня и моих друзей.

Диас просит его извинить за то, что не пишет лично.

Вверху в центре документа помета: “Тов. Димитрову”, ниже стоит штамп: “просьба вернуть в секретариат. тов. Мануильского”.

РГАСПИ. Из коллекции архива.

¹ Галарсо – так в тексте. Правильно: Галарса.

*Инструкция Секретариата ИККИ
для делегации Коммунистического Интернационала*

11 июня 1937 г.

Секретно

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ДЕЛЕГАЦИИ “КИ”

1. Делегация должна добиваться опубликования **совместного политического обращения** (либо в форме воззвания, либо декларации, подобной, напр., декларации семи иностранных коммунистов и социалистов, находящихся в Испании) **о поддержке борьбы испанского народа против мятежников и фашистских интервентов**. В этом обращении должны быть намечены и выставлены общие для Коммунистического и Социалистического интернационалов очередные требования, как-то: удаление германских и итальянских войск из Испании; увод из испанских вод военных судов Германии и Италии; прекращение снабжения оружием мятежников; прекращение блокады испанской республики и восстановление международных прав законного республиканского правительства Испании.

2. Делегация должна добиваться решения об организации **совместных** или, где это невозможно, **координированных выступлений** социал-демократических и коммунистических партий в защиту испанского народа (митинги, демонстрации с приведением профсоюзов, выступления парламентских и муниципальных фракций, кампания в печати и т.д.).

3. Делегация должна добиваться **совместной организации материальной помощи** в пользу испанского народа.

Делегация должна заявить, что Исполком Коммунистического интернационала считает наиболее желательным и действенным для максимального развертывания единого движения в пользу Испании заключение **соглашения** между обоими Интернационалами о единстве действий в деле защиты испанского народа и создание в этих целях **постоянного контактного комитета**. В случае отклонения этого предложения представителями II Интернационала, нужно добиваться по крайней мере соглашения о периодических встречах представителей обоих Интернационалов для взаимной информации и обмена мнений о наилучшем проведении согласованных действий в защиту испанского народа.

Надо вообще всячески избегать разрыва переговоров и добиваться положительного решения хотя бы в отношении одной части наших предложений или принятия приемлемых для нас предложений делегации II Интернационала. В этом случае важно также добиться установления общности взглядов хотя бы по отдельным пунктам и зафиксирования этой общей позиции в особом коммюнике, подписанном обоими делегациями. В коммюнике нужно было бы отметить и предложения нашей делегации и делегации II Интернационала, по которым не было достигнуто единодушия обеих делегаций.

Штампы: *Вверху документа в левом углу: "ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ УТВЕРЖДЕН Секретариатом ИККИ от 11 июня 37 г. прот. № 152. Язык оригинала русский. Утвержд. текст русский"; в правом углу: "Сборник"; «"5" 7840/5/СФ 20.VI.37 г.»; в центре: "01503 22 июня 1937".*

РГАСПИ.Ф. 495. Оп. 20. Д. 262. Л. 175–176.

Копия (?), машинопись, рус. яз.

№ 50

Письмо Н. Степанова (Морено) о политическом моменте

18 июня 1937 г.

I. Месяц правительства Негрина¹

Через несколько дней будет ровно месяц с момента создания нового правительства. В настоящих условиях в Испании месяц – это такой период, который достаточен для того, чтобы составить себе мнение о данном правительстве, а это мнение – положительное. Без сомнения, новое правительство имеет свои недостатки и свои слабости. Иначе и быть не может, принимая во внимание то обстоятельство, что это правительство неоднородное с точки зрения политической и классовой, но оно является правительством коалиции, правительством народного фронта. И именно, как правительство народного фронта, революционного народного фронта, это правительство во всех отношениях выше предшествовавшего. Оно не только выше его, но правительство Негрина уже доказало, что оно имеет генеральную политическую линию, принципиально отличную от политики Кабальеро.

Политика Кабальеро была политикой капитуляции: компромисс с врагом, капитуляция перед "посредническим" нажимом Англии, скрытая антисоветская кампания, ожесточенная, враждебная кампания против коммунистической партии, политика поддержки офицеров-изменников и саботажников и "аполитизация" армии, поддержка троцкистов, пассивность к "бесконтрольным" элементам, терпимость к элементам и группам "5-й колонны", терпимость к "экстремистским" элементам анархизма, капитуляция перед авантюристической практикой "синдикализации" промышленных предприятий, "синдикализации", провозглашенной и практикуемой НКТ как "новая экономическая система", "синдикализацией", проводимой ВРС, и т.д. и т.д. Во всех этих областях, по всем этим вопросам политика правительства Негрина, я повторяю еще раз, принципиально отлична. Практика за прошедший месяц это уже показала. И ясно, что шантажистские обвинения, брошенные вначале троцкистами, фаистами и кабальеристами, в том, что правительство Негрина является поворотом направо, – все это отброшено и разоблачено практической политикой правительства.

Сегодня все, друзья и враги, признают, что правительство Негрина проводит народную политику, революционную, последовательную и

* Слова "Секретариатом ИККИ", дата, № протокола и слово "русский" вписаны от руки.

энергичную. Все согласны сегодня с тем, что новое правительство решило принять все необходимые меры, чтобы в кратчайший срок увеличить военную боеспособность республики для того, чтобы возможно скорее нанести решительный удар военным силам неприятеля. Новое правительство и, в особенности, его председатель проводят политику, не допускающую, чтобы английский и французский империализм наложил свою руку на независимость страны, политику ведения борьбы против национального фашизма и против германо-итальянских интервентов, политику тесного сотрудничества и органической солидарности с СССР, политику активного постоянного сотрудничества с коммунистической партией, политику революционного политизирования народно-республиканской армии, политику борьбы против троцкистов, деятельность которых, как это было доказано и официально признано, является деятельностью фашистских бестий, проникнувших в ряды рабочего движения и занимающихся шпионажем, саботажем и систематическими провокациями в пользу Франко и гестапо, политику очистки тыла от "бесконтрольных" элементов, занимающихся грабежами и убийствами под флагом либертарной революции.

То же и в области экономики страны. Новое правительство начинает принимать ряд методических мероприятий для того, чтобы изменить экономическое положение в стране и покончить возможно быстрее с разрушительными опытами "синдикализации". То же самое в области сельского хозяйства. И здесь правительство принимает ряд энергичных мер. Декретом 9-го июня легализованы созданные сельскохозяйственные коллективы, одновременно с этим идет защита интересов мелкого и среднего крестьянства, которое индивидуально руководит своим хозяйством; новое правительство еще более и еще крепче приблизило трудящихся земли к народно-революционному делу и очень сильно обезоружило, морально и политически, анархистов, спекулирующих без конца псевдореволюционной фразеологией.

В настоящее время начинается проводиться в жизнь ряд практических и конкретных мероприятий по организации и рациональному руководству военной индустрией, по оздоровлению финансов страны, по реорганизации внешней торговли. Проводится реорганизация и телефонных, телеграфных и радиостанций (станций, которые до последнего времени в большинстве своем находились в руках анархистов). Правительство продолжает свои усилия с целью восстановления и консолидации сурового общественного порядка, продолжает проводить разоружение групп и организаций в Каталонии и Арагоне, которые доказали своим словом и делом свою ненависть к народно-республиканскому делу. Тот факт, что пост директора охраны и пост начальника всех полицейских сил, ответственного за общественный порядок в Каталонии, переданы членам коммунистической партии, означает симптом и гарантию воли правительства, выражающего волю народа, и что общественный порядок будет сохранен, несмотря на тысячи и одну трудность, на тысячу и одну попытку врага спровоцировать волнения и беспорядки.

Несомненно и то, что настоящее правительство имеет ряд недостатков и слабостей. Коммунистическая партия совсем недовольна тем фак-

том, что настоящее правительство очень медленно проводит в жизнь решение о коренной очистке военного аппарата от подозрительных людей, изменников, саботажников, неспособных и что оно недостаточно энергично выдвигает на командные посты командиров, вышедших из народа, испытанных в боях. Коммунистическая партия также недовольна той медлительностью и сомнениями, которые проявляются рядом министров в вопросах борьбы против элементов и групп из “пятой колонны” и троцкистов. Нужно, однако, сказать, что персонально Негрин держится очень хорошо. Он кажется очень энергичным, смелым и активным, и без оговорок поддерживает все предложения коммунистической партии, поддерживает и вызывает инициативу и сотрудничество коммунистической партии. Я говорю об этих вещах совсем не для того, чтобы расхваливать правительство Негрина. Я хочу только подчеркнуть несколько моментов, показывающих, что новое правительство совсем не похоже на старое, что оно работает и дает возможность работать всем тем, кто хочет активно участвовать в борьбе и в победе.

Новое правительство с каждым днем все больше консолидируется политически. Его непосредственные противники – взбешенные кабаляеристы, фаисты, анархистские руководители НКТ, уже не говоря о троцкистах – после угроз, шантажа генеральной забастовкой и путча переменили тактику и сейчас занимаются упрашиваниями, переговорами, торговлей за тот или иной министерский пост, затем опять переходят к новому шантажу восстанием и т.д. и т.д. И несмотря на это, этим врагам не удалось ослабить авторитет правительства.

2. Отношение Ф.А.И. и Н.К.Т.

Во время правительственного кризиса анархисты и их пресса (включая и прессу НКТ) проводили “тактику” угроз и шантажа восстанием и генеральной забастовкой в том случае, если правительство не будет находиться под председательством Кабаљеро. Нужно сказать, что они были уверены, так же, как и кабаляеристы, что удалить Кабаљеро из состава правительства будет невозможно. Вся анархистская пресса и пресса НКТ в течение всего апреля и мая месяцев, параллельно против коммунистов, вели кампанию похвал и славословия личности Кабаљеро. Но ни шантаж, ни угрозы не привели ни к каким успехам. Все предвидения оказались неоправдавшимися. Создалось новое правительство без Кабаљеро, и ничего не произошло. Легенда о “правом курсе” не пустила корней. Несмотря на чрезвычайные усилия настроить членов НКТ, находящихся на фронтах, против нового правительства, большинство бойцов из НКТ не поддались этому влиянию. Рабочие из ВРС выразили свое доверие новому правительству и осудили позиции исполкома ВРС.

В этих условиях начали и продолжают углубляться и обостряться разногласия внутри НКТ. Потеря иллюзий. Недовольство профсоюзно-организованных масс в НКТ, недовольство средних кадров НКТ. Недовольство руководством НКТ, благодаря оппозиционной политике последнего и его враждебного отношения к правительству. Недовольство, вызванное авантюристической политикой путчей, беспорядков, волне-

ний, общественной опасности даже для самих профсоюзно организованных и в самом НКТ.

Все более и более четко начинают раздаваться в НКТ голоса протеста, говорящие:

- Мы сделали глупость, отказавшись участвовать в правительстве.
- Кабальеристские политиканы обманули нас, как детей.
- Мы сделали большую ошибку, связавшись с Кабальеро.
- У нас нет революционной теории, мы не видим конкретных перспектив.
- У нас нет революционной программы.

Внутри НКТ и ФАИ начинается дискуссия о необходимости реорганизации ФАИ в открытую политическую федерацию.

Все более и более становится реальной опасностью для ФАИ оказаться изолированной от профсоюзно организованных в НКТ масс и все более и более трудно для НКТ удержать своих членов и сохранить свое влияние. Все более и более реальна опасность того, что лучшие анархо-синдикалистские элементы, наиболее честные из них сблизятся с коммунистами и даже перейдут в ряды коммунистической партии. Все чаще и чаще раздаются голоса протеста в НКТ, против “бесконтрольных”, которые на деле руководят НКТ, руководят и контролируют ее прессу, которые навязывают террором свою волю руководству НКТ, показавшему себя более или менее умеренным.

Видя и понимая значение таких факторов, руководство НКТ начало маневрировать. Они временно прекратили угрозы, они мобилизовали четырех бывших министров-членов НКТ для отчетной кампании о деятельности бывшего правительства на широких митингах. На одном из этих митингов присутствовал демонстративно Кабальеро, которого встречали овациями анархисты. Затем делегация из руководства НКТ сделала визит Негрину и выпрашивала у него несколько министерских портфелей. Через несколько дней после этого национальный комитет НКТ опубликовал свою “программу”. Этой программой НКТ пыталась сманеврировать и спровоцировать “правительственный кризис”. Одновременно с этим она думала дать духовное удовлетворение членам НКТ. Опять новые упрасивания, письма Негрину о том, чтобы он дал несколько министерских постов НКТ. Однако все эти маневры настолько прозрачны, что ими трудно скрыть ту методическую работу, которую проводит НКТ против правительства, против компартии, против СССР. Национальный комитет НКТ пишет официальное письмо, полное угроз и шантажа, грубо сформулированное против министра национальной защиты² – Прието.

НКТ ведет безобразную кампанию против СССР, против тов. Сталина и против руководителей коммунистической партии. Она ведет кампанию против “инострального” вмешательства в испанскую революцию. Она устраивает большой шум против лозунга “Испания – испанцам”. Пресса НКТ регулярно воспроизводит все антикоммунистические и антисоветские статьи из двух газет Кабальеро. Пресса НКТ ведет ожесточенную кампанию за 4–5 типов Кабальеро, проводящих фракционную, дезорганизаторскую работу против объединенного союза соци-

алистической молодежи. Она берет под защиту троцкистов, спекулирует на разногласиях внутри ВРС и испанской социалистической партии, ведет специальную клеветническую кампанию против сближения и объединения коммунистической и социалистической партий. Пытается вести фальсификаторскую кампанию, изображая путч в Каталонии как дело рук объединенной социалистической партии Каталонии и каталонских националистов. Систематически издевается над секретарем объединенной социалистической партии Каталонии тов. Коморера. Продолжает прятать оружие и сопротивляться разоружению. В одной из деревень Валенсийской провинции местная организация ФАИ, в результате анархистской кампании против политики правительства, вынесла решение о том, чтобы сжечь весь урожай, и провела в жизнь это решение. По приказу директора охраны, фаистские преступники, решившие и уничтожившие урожай, были арестованы и будут преданы суду как преступники и фашисты.

Опять фаисты угрожают вооруженной борьбой против правительства. Мы имеем уже официальные документы о том, что НКТ и ФАИ в Каталонии и в Арагоне совместно с поумистами лихорадочно готовят новый вооруженный путч. Они пытаются всеми силами втянуть в это дело военные части НКТ и ПОУМ, находящиеся на арагонском фронте. Конечно, правительство не будет застигнуто врасплох, т.к. оно знает точно деревни и пункты концентрации путчистских, анархо-троцкистских сил, количество и род оружия, которым они обладают, так же, как и людей, на которых возложена задача руководства этим путчем. Среди этих людей находится бывший министр анархист Гарсия Оливер. Это дело может оказаться серьезным. Путчисты отдают себе отчет в том, что их действия будут правильно оценены всеми как акция непосредственной помощи фашистской армии, что они будут беспощадно разгромлены правительством, поддерживаемым народом.

3. Троцкисты после путча (конец апреля – начало мая)

Троцкисты после путча в конце апреля – начале мая не прекращали свою подчеркнутую антикоммунистическую, антиправительственную провокационную кампанию. С каждым днем прибавляется все больше и больше новых документов, новых доказательств, новых фактов, показывающих, как 1:1, что троцкистская организация в Испании, ПОУМ³, является филиалом шпионского аппарата генерального штаба Франко, организацией агентов гестапо и агентов Муссолини, организацией, в ряды которой входит также и агентура интилидженс сервис и французской охраны. Эта троцкистско-поумистская организация продолжает самую регулярную, самую тесную связь, путем переписки и живой связи, с Троцким⁴. Недавно найденные документы и раскрытие шпионской организации Франко, так же, как и документы, говорящие о подготовке нового путча, показывают, что троцкистские руководители лично участвуют в организации шпионажа, занимают ответственные посты на этом участке работы.

Очень интересными являются новые сведения, имеющие специальное значение: многочисленные руководители-социалисты сами да-

ли ряд документов, заявлений и свидетельств о разрушительной контрреволюционной деятельности троцкистов. Верхилио Льянос, социалист, политкомиссар армии в Каталонии, на основе своих личных наблюдений, утверждает и констатирует, что среди троцкистов насчитывается большое количество прямых агентов гестапо, что испанские троцкисты не пытаются организовывать массовых организаций, но главным образом подготавливают кадры, которые они посылают в ФАИ, профсоюзы НКТ, в редакции газет НКТ, в организации анархистской молодежи, в группы кабаьеристов и даже в коммунистическую партию. На одном из последних заседаний совета министров министр иностранных дел республиканец Хираль поднял вопрос о троцкистах, упрекая министра внутренних дел в том, что он слишком терпеливо относится к троцкистам, и потребовал, чтобы немедленно были приняты самые энергичные меры против агентуры Франко. На этом же собрании Прието и каталонский министр Айгуаде выразили удивление, изъявили протест против медлительности, проявлений по отношению к заключенным в тюрьму руководителям троцкистов. После этого, имея на руках ряд доказательств, правительство подошло наконец к арестам всех руководителей троцкистов. Ясно, что эти необходимые и элементарные мероприятия против агентов Франко еще недостаточны.

Недостаточно также ограничиться роспуском ПОУМ. Нужно рассчитывать на то, что часть троцкистов, спасшихся от властей, перейдут на нелегальную работу, попытаются непосредственно связаться с некоторыми кабаьеристами, глубоко антикоммунистическими и антисоветскими элементами, с фашистскими элементами, с экстремистами и "бесконтрольными". Кажется, что, как это нам рассказывал тов. Коморера, некоторые организации местного характера поумистов в Каталонии заявили после путча, что они против ПОУМа и осудили провокационную и путчистскую "политику" ПОУМ и попросили, чтобы их приняли в состав объединенной социалистической партии.

Троцкисты пытаются проникнуть и в авиацию. Им удалось включить около 20 человек в ту группу, которая должна была поехать в СССР для обучения летному делу. Нам удалось вовремя обнаружить это и выбросить этих людей из авиации. Поумисты продолжают покупать оружие и аммуницию во Франции. Пытаются, правда безуспешно, проникнуть в интернациональные бригады. Нужно сказать, что руководство коммунистической партии часто напоминает партийному активу, как на фронте, так и в тылу, о необходимости максимальной систематической бдительности против троцкистских элементов. Однако, несмотря на все это, мы ни в коем случае не можем сказать, что все то, что должно и могло было быть сделано для того, чтобы сделать борьбу против троцкизма более решительной, было сделано. К сожалению, наши слабости и недостатки в этой области еще очень велики. Мы часто упускаем прекрасные возможности, факты воспитательного значения для проведения серьезной разъяснительной кампании и разоблачения разрушительной роли троцкизма.

4. Взбешенные кабальеристы

Их немного. Но это карды. Журналисты, профсоюзные бонзы, политиканы с большим опытом, но беспринципные и бесстыдные. Сила, цементирующая их, это – ненависть к коммунистам, к коммунистической партии и к СССР. Кабальеро сам днем и ночью страдает от кошмаров, вызываемых враждой к коммунистической партии. Как он держался на закрытом заседании национального комитета ВРС, вы, должно быть, знаете. В течение шести часов подряд он расхваливал свою собственную деятельность, говоря о своей стратегической военной гениальности, причем вскрывал до мельчайших деталей все то, что касается военных сил, вооружения и т.д. Он не постеснялся в присутствии 48 человек раскрыть все те военные тайны, которые были ему известны как бывшему министру войны. Вещь настолько недопустимая, что Негрин заявил, что он предаст Кабальеро военному суду.

На этом собрании Кабальеро вновь повторил всю клевету на коммунистическую партию и подчеркнул свою концепцию сопротивления любой ценой политике единства пролетариата. Кабальеро и его ближайшие друзья ведут кампанию против объединения двух рабочих партий, ведут фракционную работу, подготавливают раскол социалистической партии и прилагают невероятные усилия, чтобы сохранить свои руководящие посты в ВРС, и в том случае, если это не удастся, они пойдут даже на то, чтобы произвести раскол в ВРС. В особенности они набрасываются на объединенный союз социалистической молодежи, и здесь и там создают группки “социалистической молодежи”, ушедших из объединенной организации. Пытаются уже проводить скрытую кампанию для использования возможного падения Бильбао, как аргумент борьбы против правительства Негрина.

Представители II Интернационала, находящиеся в Испании (Ненни, Юлиус Дейч, Дельвинь) держатся как самые бешеные кабальеристы. Они несколько раз пытались взять под свое влияние Негрина, говоря с ним следующим языком: “Куда вы идете? Возьмите себя в руки! Разве вы не понимаете, что вы стали и станете узником коммунистов, Коммунистического интернационала и СССР? Почему вы поддерживаете кампанию за объединение партий, разве вы не понимаете, что вы стоите перед ужасной опасностью быть проглоченным коммунистами самому как и всей социалистической партии?”

Кабальеро сегодня более, чем вчера, является доверенным человеком II Интернационала, последним резервом II Интернационала в Испании для борьбы против коммунистической партии, против СССР. Последние факты, сообщенные нам Оссорио и Гальярдо, имевшие место во время официальной церемонии, по утверждению Оссорио и Гальярдо, как посланника во Франции, что Леон Блюм тоже не питает симпатии к Негрину.

5. Социалистическая рабочая партия Испании и вопрос о слиянии социалистической и коммунистической партий

Во время последнего правительственного кризиса Исполком социалистической партии и Политбюро ЦК Испании поддерживали ежедневные постоянные контакты. Руководители социалистической партии часто приходили в здание ЦК коммунистической партии для того, чтобы информироваться, так и для того, чтобы согласовать единство действий. Как только новое правительство было создано, руководители социалистической партии были охвачены борьбой за посты, за государственный аппарат. Центральные комитеты связи и провинциальные между социалистической и коммунистической партиями увеличили свою активность. Все требования, все недоразумения разрешались этими комитетами связи.

Наша партия старалась всеми силами избежать каких-либо конфликтов с социалистической партией из-за постов в правительственном аппарате. Но по мере того, как правительство консолидировалось, по мере того, как социалистические аппетиты на посты оказались удовлетворенными, уменьшилась и любовь к единству со стороны социалистических руководителей. Уже на собрании национального комитета ВРС большая часть социалистических делегатов перестала поддерживать до конца линию, принятую предварительно коммунистами и социалистами по вопросу об изменении состава исполкома ВРС, состоящего главным образом из кабальеристов. Социалисты блокировались с кабальеристами с целью помешать назначению новой исполнительной комиссии, т.к. они были уверены в том, что в состав этой новой комиссии войдут коммунисты, которые, опираясь на “левые” элементы, порицающие Кабальеро, могут создать большинство в новом исполкоме.

Другие факты в том же духе. Они возникли после выступления 28-го мая Эрнандеса, выступления, в котором он объяснял причины и обстановку, вызвавшие правительственный кризис, доклад, в котором он давал критический анализ политики Кабальеро. Кабальеристы мобилизовались, чтобы на сентиментальной почве использовать остатки симпатий к Кабальеро. В результате этой “работы”, посыпались протесты руководства (кабальеристского) социалистической организации Мадрида, Валенсии и Кастильянской. И вот, вместо того, чтобы реагировать на эту безусловно антиунитарную, антикоммунистическую работу кабальеристов, один из секретарей социалистической партии старик Кордеро посылает письмо центральному комитету коммунистической партии, в котором он солидаризируется с этими протестами и тоже требует “прекращения критики политической деятельности Кабальеро”. Когда это письмо показали Негрину и Прието, они были глубоко возмущены им. Нужно сказать, что люди, вроде Кордеро или Ламонед (генеральный секретарь социалистической партии и бывший секретарь – в 1921 г. – коммунистической партии) или же как Видарте и т.д., не продвинул вперед политики единства. Таково мнение Негрина и Прието. Но Негрин не является членом исполкома социалистической партии, в то время как Прието – член исполкома и действительный руково-

дитель социалистической партии, будучи безоговорочно за единство, почему-то в этой области не проявляет никакой энергии.

Мы ждем, чтобы Пенья⁵ (из Астурии), который является председателем социалистической партии и очень энергичным сторонником объединения двух партий, приехал в Валенсию и взял в свои руки всю работу по единству. Я забыл сказать, что некоторые активисты из бывшей социалистической “левой”, как Дель Вайо, Филиппе Претель, Амаро Росаль и т.д., работают в согласии с коммунистической партией, защищают единство и пытаются захватить в свои руки руководство “левым” крылом социалистической партии и этим помешать кабальеристам и антикоммунистам увеличивать трудности для осуществления единства.

Нужно добавить еще один факт, имеющий капитальное значение. Социалистические рабочие все более и более выявляют свое твердое желание и волю провести возможно быстрее политическое единство пролетариата. Несмотря на все это, будет слишком смело заявить, что единство произойдет без всяких болезней и трудностей. Нужны чрезвычайный такт, умение и осторожность. Но мы уверены в том, что, несмотря на все трудности, это политическое объединение произойдет.

6. Несколько замечаний по поводу коммунистической партии

Численный рост партии продолжается непрерывно. 10-го июня коммунистическая партия Испании насчитывала 301 600 членов, не считая 24 тысяч членов Бискайе и 64 тыс. членов объединенной социалистической партии Каталонии. Если мы сложим все, то мы достигнем приблизительно цифры в 400 000 человек. Мадридская организация партии насчитывает более 60 000 человек. Самое большое количество членов, вновь завербованных, падает на фронтовиков и рабочих. На фронте было несколько случаев, когда группы социалистических солдат просили о коллективном приеме их в коммунистическую партию.

Я уже информировал вас о том, что доклад Хозе Диаса на митинге 9-го мая был издан брошюрой с тиражом в 300 000 экземпляров. Нужно исправить эту цифру: было издано 500 000 экз. в Валенсии и 500 000 в Мадриде (последние главным образом для солдат и для фронта). Доклад-брошюра Эрнандеса (от 28 мая) издан в 500 000 экз., и через некоторое время это издание было целиком распродано.

Нужно отметить значительное улучшение прессы партии. В Мадриде, помимо двух изданий “Мундо обреро”, партия имеет утреннюю газету, а именно “Эль Соль”. Партия политически контролирует газету Мадрида “Ла Вос”. Кроме того, партия имеет ряд возможностей для использования нескольких правительственных газет, которые начнут выходить теперь. Несмотря на то, что партия издает целый ряд специальных ревью, до сих пор еще не проведено в жизнь решение пленума ЦК от марта месяца, а именно: издание политическо-теоретического ревью центрального комитета. Возможно, что это удастся сделать к концу июня. Такое ревью становится первоочередной политической необходимостью, даже жизненной необходимостью. Так как очень многочисленны проблемы и важные срочные политические вопросы, которые требуют серьезных разъяснений, то если мы этого не сделаем, то опасность бес-

принципных идеологических ошибок увеличится. Так как, с другой стороны, перед партией стоят огромные задачи быстрого формирования кадров для всей партии.

Что касается вопроса о политическом единстве и слияния в одну единую партию коммунистической и социалистической партий, то я посвящу этим вопросам специальное письмо. Сегодня начался как раз пленум центрального комитета, первым пунктом повестки дня которого стоит вопрос о слиянии двух партий. Докладчик Долорес Ибаррури. Хозе Диас не может участвовать в работах пленума, вследствие серьезного ухудшения в состоянии его здоровья. Уже более 15 дней он не встает с постели. Из Парижа приезжал крупный специалист в сопровождении медика-хирурга коммуниста. По мнению этих двух врачей, состояние здоровья Пепе очень и очень серьезно. Они констатировали, что та операция, которую делали Пепе несколько лет тому назад, операция желудка, была сделана преступно плохо. Оба врача настаивают на том, что как только Диас сможет предпринять поездку, его немедленно нужно направить в Париж для проведения новой операции. Следующей почтой мы пошлем вам подробные протоколы, составленные двумя парижскими врачами, и их заключение по болезни Диаса, чтобы вы сами смогли посоветоваться с вашими врачами. Мы очень и очень обеспокоены. Нужно предвидеть минимум 4 месяца абсолютного отдыха и лечения Диаса, а это значит, что он не сможет участвовать в работе партии.

К сожалению, состояние здоровья других членов руководства партии, по меньшей мере наиболее активных из них, тоже не особенно хорошо. С тем, чтобы облегчить немножко их работу, каждому из них мы назначили помощника или заместителя. Одной из причин такого скверного состояния здоровья руководителей партии является не только их активность в работе, не только то, что в течение многих лет никто из них не пользовался отпуском, но главным образом варварские, рутинные методы в организации работы аппарата партии. Эти вопросы, так же, как и вопросы организации и кадровой политики партии, также стоят в повестке дня настоящего пленума ЦК партии. Все товарищи согласны с тем, что этот вопрос должен быть проработан глубоко и под практическим углом зрения. Давно было пора. Помимо этих вопросов, в повестке дня пленума стоит вопрос о роли профсоюзов и о профсоюзной работе коммунистов. Стоит также вопрос о лучшей организации работы партии в армии и на фронтах. Но обо всем этом, о решениях и о работе пленума я вам напишу позже, по окончании пленума.

Горячий привет.

Морено

РГАСПИ. Из коллекции архива.

¹ Месяц правительства Негрина – 17 мая 1937 г. Х. Негрин представлял президенту Республики новое правительство: Х. Негрин – глава правительства и министр финансов, Х. Хираль – министр иностранных дел, И. Прието – министр обороны, Х. Суарес Гойтия – министр внутренних дел, В. Урибе – министр сельского хозяйства, Х. Эрнандес – министр народного образования, М. де Уркихо – министр юстиции, Х. Айгиаде – министр труда, Б. Хинер де лос Риос –

- министр связи и общественных работ, Альварес дель Вайо не получил портфеля министра, продолжал исполнять обязанности шефа Генерального военного комиссара и представителя Испании в Лиге наций.
- ² Министр национальной защиты – так в тексте. Правильно: министр национальной обороны.
- ³ ПОУМ – Рабочая партия марксистского единства, убежденная в том, что “Победа рабочих и крестьян Испании возможна лишь как победа социалистической революции”, не была и не могла быть филиалом шпионского аппарата Франко.
- ⁴ “Живой” связи с Троцким у руководителей ПОУМа не было. А. Нин был противником приезда Троцкого в Испанию. Так называемые “документы”, о которых идет речь, были сфабрикованы.
- ⁵ Гонсалес Пенья Рамон – председатель Исполкома ВСТ, член Исполкома ИСРП. Во втором правительстве Негрина получил пост министра юстиции.

№ 51

*Письмо члена интербригады
Антонина Биршерта*

1 сентября 1937 г.

Пособланко
Кордова
Антонин Биршерт
13 Интер. Бригада
2-ой батальон 3-ья рота
Санитар

Я, Антонин Биршерт, доброволец в 13-ой Интернациональной Бригаде во 2-ом Батальоне 3-ей роты. Был и исполнял должность санитара в этой роте. 26 июня сего года был арестован по приказу одного лейтенанта (фамилию не знаю) после спора, который я имел с ним. Был отправлен в штаб бригады. После разбора моего дела бригадным политическим комиссаром был переведен в саперную роту нашей бригады. На следующий день был вторично арестован и опять доставлен в штаб бригады. Где на мой вопрос, почему я арестован, никто не мог мне дать ответ, ибо бригада уходила с фронта “Пеннаррот” на отдых. 27 июня был доставлен в военную тюрьму “Пособланка”, где и нахожусь до сих пор, ни разу меня не допрашивали, и сами испанские власти не знают, что со мной делать; ибо нет никакого распоряжения на счет меня. Будучи арестован был доставлен в тюрьму без моих вещей и без копейки денег, которые остались на фронте. И в данный момент не знаю, сохранились ли или нет. Вчера, 31 июля, прибыли в нашу тюрьму 4 политкома для разъяснения, кто не получал последнее время денег. Я последнюю получку получил 20 июня сего года, будучи на фронте. Когда я объяснил мое дело, то мне ответили, что я не нахожусь в распоряжении здешнего судьи и что я должен обратиться в штаб нашей 13-ой бригады. Но так как бригада в настоящее время расформирована, то я должен обра-

титься в главный штаб всех Интернациональных бригад для скорейшего разбора моего дела и для высылки мне причитающихся денег, которые я не получал с 20 июня сего года. Находясь в Испании с начала февраля месяца сего года, куда я прибыл добровольно, чтобы сражаться в рядах Испанской республиканской армии и будучи на фронте непрерывно в течение 5 месяцев, нахожу, что мой арест был произведен самовольно одним из чинов нашей бригады без всяких объяснений причин, и потому обращаюсь к Вам, если возможно, чтобы Вы произвели расследование, и если нужно, то я могу представить свидетелей, которые находились во время моего ареста. Кроме того прошу выслать причитающиеся мне деньги с 20 июня. Надеюсь на исполнение моей просьбы, удостоверяю это письмо начальником здешней тюрьмы и шлю Вам антифашистский привет.

Антонин Биршерт

Antoine Birchert
Prision Militar
Posoblanco
"Cordoba"

Вверху в левом углу штамп: «"5" 7840/5/СФ 20.VI.37 г.»

РГАСПИ. Ф. 545. Оп. 2. Д. 142 Л. 58, 58 об.

Подлинник: рукопись, рус. яз.

№ 52

Вопросы, переданные Чека и Луисом в ИККИ

8 сентября 1937 г.

Перевод с французского

Вопросы для разрешения

Принимая во внимание соображения, сделанные в нашем докладе о настоящем положении в Испании в национальном и международном отношении, мы передаем для обсуждения ИККИ следующие вопросы, чтобы ИККИ дал нам свои советы и помощь в их разрешении:

I. В международном отношении. Как достигнуть разрыва блока, существующего в настоящее время против республиканской Испании, и как достигнуть изменения в политике демократических стран?

Мы думаем, что, во-первых, надо усилить интернациональную кампанию помощи, но не только материальной помощи, а также посредством массовых действий, чтобы демократические правительства обязали фашистские правительства прекратить* их политику вооруженного вмешательства в Испанию.

Принимая во внимание враждебное отношение Англии и Франции в отношении испанской республики, какого рода уступки можно сде-

* Слово "прекратить" вставлено от руки.

лать в отношении них – уступки, совместимые с сосуществованием демократической республики – чтобы изменить их отношение?

Мы не имеем ясной мысли по этому поводу.

2. Принимая во внимание, что наиболее реакционные элементы II-го Интернационала сотрудничают с империалистической политикой правительств их стран, какого рода предложения можно сделать II Интернационалу в целях разоблачения их реакционных лидеров и завоевать для совместных революционных действий массы, которые сочувствуют делу испанского народа?

Коммунистическая партия Испании, совместно с социалистической партией и УГТ (Всеобщий рабочий союз)¹, подписала воззвание, результатом которого была Аннемастская конференция, в последнее время она сделала новое воззвание в том же духе. Что еще она должна сделать в этом направлении? Что могут сделать в этом отношении братские компартии?

3. Фашистские правительства Германии и Италии ведут открытую войну в Испании, используя войска своих национальностей и колоний; в этих условиях мы думаем, что интернациональные бригады имеют огромную роль – не только по их политическому значению – но также по их пользе с военной точки зрения. Мы думаем, что необходимо усилить пять интернациональных бригад, которые существуют в настоящее время в Испании, новыми иностранными товарищами, и в то же время усилить набор добровольцев-иностранцев, чтобы создать новые бригады.

Система смешанных бригад, испанско-иностраннных, дала очень хорошие результаты в борьбе, посредством этой системы, мало-помалу, нам удалось добиться внедрения в испанскую армию интернациональных бригад (В настоящий момент, можно сказать, что в действительности интернациональные бригады составляют часть испанской армии).

В целях поднятия боеспособности интернациональных бригад им необходимо дать военных начальников, более способных, чем большинство тех, которые в настоящее время ими командуют. ИККИ может нам помочь, чтобы получить таких офицеров?

4. В настоящее время тактика врагов Народного фронта, приводящая к созданию оппозиционного блока, направлена в целях саботажа действий настоящего правительства и провоцирования кризиса для удаления компартии от правительства и изоляции ее от масс. Коммунистическая партия прилагает усилия для поддержания Народного фронта и делает все для расширения его базы. Но до сих пор она не достигла той цели.

Какую тактику нам советует ИККИ для достижения полностью этой цели?

5. Несмотря на то, что в Испании существует демократическая парламентская республика нового типа (народная демократия), демократическая жизнь масс в целом почти не существует (за исключением политической активности нашей партии, митингов, печати и т.д. нет других возможностей для масс выражать их готовность посредством демократических форм).

Парламент не функционирует, но даже в том случае, если бы он функционировал, депутаты, которые в настоящее время существуют, в большинстве не представляют воли народной Испании. В России во время революции массы выражали свою демократическую волю посредством советов, в других демократических странах посредством выборов (муниципальных, кантональных, общих и т.д.). В настоящих условиях в Испании не считают допустимым производить выборы, т.к. наиболее активная часть населения находится на фронте. После выборов 16 февраля 1936 г. по всей стране были созданы комитеты Народного фронта, которые служили противодействием реакционным муниципалитетам и которые мало-помалу концентрировали в своих руках всю политическую и административную жизнь в данной местности. После июля все реакционные муниципалитеты были упразднены, новые муниципальные советы были созданы сверху приказом министерства внутренних дел. Эти муниципальные советы взяли в свои руки функции комитетов народного фронта – за исключением нескольких – и на практике упразднили деятельность этих комитетов.

Какую форму органов можно создать в настоящий момент, чтобы массы могли выразить их демократическую волю? Мы еще не нашли разрешения для такой проблемы. Мы спрашиваем совета ИККИ по этому поводу.

6. Принимая во внимание, что необходимо усилить авторитет правительства народного фронта и увеличить состав правительства, чтобы оно могло достигнуть большей помощи со стороны всего трудящегося населения, а также принимая во внимание, что для проведения политики, способствующей выигрышу войны, необходимо, чтобы решающие посты правительства находились в руках партии пролетариата, наша партия предлагает создать условия для усиления настоящего правительства (Конечно, без того, чтобы произошел кризис). Мы думаем, что, создав единую партию пролетариата, необходимо обеспечить большинство для нее в правительстве народного фронта, привлечь в правительство представителей УГТ и СНТ (Национальная конфедерация труда), особенно СНТ (принимая во внимание, что УГТ представлена в правительстве социалистами и коммунистами). Мы также думаем, что настоящий министр юстиции (Ирохо)² – который своей реакционной политической отталкивает массы и дискредитирует правительство, – должен быть отстранен как можно скорее из правительства. Баскские националисты должны быть представлены в правительстве лицом, связанным с народным крылом баскского национализма (из среды “Аксон Насионалист Баск”, или “Баскской Солидарности”).

Считает ли правильной такую позицию партии ИККИ? Во всяком случае, мы просим совета ИККИ, какой тактике следовать, чтобы поднять авторитет существующего правительства и расширить его базу? С другой стороны, если политическая ситуация ухудшается, как следствие военных поражений, и правительство потеряет свой авторитет в массах, оппозиция против правительства усилится, какой выход может быть в таком положении?

7. До сих пор мы не встретили никаких трудностей – по принципиальным вопросам, программным, вопросам структуры и т.д. – для образования единой партии. Социалисты принимают в общем наши предложения. До сих пор еще не пришли к обсуждению того, как должна называться единая партия и к какому Интернационалу должна она принадлежать. ЦК нашей партии такого мнения, что единая партия – до съезда – должна называться Объединенной Социалистической и Коммунистической партией. Почему? Потому, что это название даст удовлетворение социалистам старых традиций, т.к. партия сохранит название социалистической партии, лишь прибавив название Коммунистической. С другой стороны, название Коммунистическая удовлетворит громадные массы героических бойцов, которые находятся в нашей партии и которые глубоко привязаны к ней и к Коминтерну.

Что касается проблемы присоединения ко II Интернационалу, наш ЦК считает допустимым, чтобы объединенная партия поддерживала одновременно отношения с III и II Интернационалами, борясь за объединение этих двух организаций (Впрочем, в программе действий двух партий, уже принятой, установлена необходимость борьбы за объединение двух Интернационалов).

Считает ли ИККИ правильным наше мнение? Каковы его мнения по этому вопросу?

8. Наша партия правильно боролась против различных попыток скороспелых революционеров в городах и деревнях (против социализации, принудительной коллективизации, против уравнительного коммунизма). Но надо принять во внимание, что большинство этих фактов произошли, т.к. гражданская война в Испании приняла глубоко классовый характер и массы, в общем, хотели производить и руководить производством по-своему. Надо иметь в виду, что огромное большинство помещиков – крупных и средних, крупных предпринимателей, представителей финансового капитала и т.д. приняли активное участие в борьбе на стороне фашизма, часть сбежала, бросив землю и фабрики, другая часть была ликвидирована физически народными массами. В настоящее время подавляющее большинство индустрии руководится профсоюзами, фабричными комитетами, в некоторых местах выборными, в других созданными по приказу профсоюзов – или наконец рабочими, совместно с бывшими владельцами.

Производство не координировано, не руководится на базе национального или окружного плана, а также плана по отраслям производства. Каждая фабрика или группа фабрик производит согласно своего желания для неизвестного рынка (производятся товары, которые не необходимы, и не делают товаров, которые очень необходимы). Но так или иначе фабрики работают, и, в общем, рабочие при той или иной форме руководства ведут фабрики и некоторые среди них довольно хорошо.

В таком положении партия ставит целью национализацию крупной индустрии, проведение принципа планирования, создания координационного комитета производства, а там, где фабрики работают нормально, признания существующей системы руководства, созданной рабочими.

Мы просим совета Коминтерна по поводу этой проблемы.

В настоящее время в деревне существует различная система обработки земли: коллективы сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян, которые совместно эксплуатируют землю, плантации, принадлежавшие раньше крупным помещикам; коллективы крестьян, которые обрабатывают землю совместно общим сельскохозяйственным инвентарем; сельскохозяйственные кооперативы, правда очень мало развитые, за исключением Каталонии — охватывающие производство, покупку, продажу, кредит для своих членов; обработка земли при совместном участии в прибылях (муниципальные земли, земли хозяина-республиканца и т.д.). Те, кто обрабатывает эти земли, получают поденно, и в конце сельскохозяйственного года участвуют в прибылях, в очень разнообразных размерах; фермеры республиканских владений, работающих со своими семьями (согласно декрету, изданному в последнее время министром земледелия, фермеры не будут платить налог за этот год, в ожидании, что правительство даст окончательную структуру земельных владений); наконец крестьяне-единоличники, которые получили бесплатно земли, принадлежавшие бывшим владельцам-помещикам, церквям и т.д., и которые работают индивидуально, иногда с помощью нескольких поденщиков.

Еще не существует точной статистики различных форм землепользования. Система меняется, соответственно с округом (в Каталонии, Валенсии, Мурсии, Аликанте, Кастилии большая часть земли принадлежит индивидуальным крестьянам; наоборот, в провинциях: Хаен, Сиудад-Реаль, Альбасете, Экстремадура, Толедо, Мадрид, сельскохозяйственные владения, в большей части, коллективизированы).

Политика нашей партии и нашего министра земледелия в настоящее время следующая: помощь существующей коллективизации, созданной добровольно сельскохозяйственными рабочими и крестьянами; реорганизация коллективов, которые были созданы насильственными методами, предоставив крестьянам и рабочим свободу участия или неучастия в них; демократизация коллективов (выборы советов, отчеты и т.д.); установление цен на главнейшие сельскохозяйственные и промышленные продукты и контроль за проведением этого решения правительственными органами.

10. Мы еще точно не знаем настоящего военного положения на севере после переброски части вражеских войск, которые должны были быть посланы на Арагонский фронт. Мы думаем, что если количество вражеских войск, отведенных от Астурийского фронта, значительно, то теперь, когда начинается зима в Астурии и вражеская авиация и ее армия не сможет быть использована в крупном масштабе, Астурия может защищаться в течение многих месяцев, это позволит республиканским частям оказать им помощь силами других фронтов. Для этого необходимо обеспечить вооружение для бойцов и припасы для них и для гражданского населения Астурии. Вооружение может быть послано в Астурию различными способами: морем, воздухом, со стороны Валенсиjsкого правительства, а также со стороны нашей интернациональной закупочной комиссии. Что касается посылки продовольствия в Астурию,

мы думаем, что тут может быть использован Международный комитет помощи Испании для посылки продовольствия из стран Европы и Америки. В случае нападения со стороны фашистского флота это вызовет сильное негодование со стороны народных масс этих стран и еще большее действие солидарности.

Другой срочной проблемой Севера является эвакуация населения, бежавшего в Астурию. Если немедленно не осуществить эту эвакуацию, сильно ослабится способность к защите Астурии. Для этого можно использовать пароходы, зафрахтованные Комитетом международной солидарности.

Приблизительно насчитывают для эвакуации из Астурии по меньшей мере 200 000 человек. 50 000 уже находятся во Франции. Правительство этой страны постановило в последнее время репатриировать их в Испанию через Каталонию. Возвращение этих беженцев, терроризированных и деморализованных поражением, в тыл Каталонии и Леванта представляет очень серьезную проблему не только с точки зрения жилищ и питания, но также потому, что они могут стать элементом разложения нашего тыла. Поэтому мы считаем, что коммунистическая партия Франции, опираясь на силы народного фронта, должна вести кампанию за право убежища для беженцев и одновременно организовать помощь для них. Кроме того, надо организовать посылку беженцев в разные демократические страны.

Мы также просим – если это возможно – чтобы Советское правительство разрешило въезд на свою территорию части беженцев.

11. Запасы продовольствия, которые имеются в настоящее время на республиканской территории, для снабжения армии и гражданского населения, достаточны только до середины этой зимы. Согласно приблизительному подсчету, для питания армии и населения необходимо, чтобы республиканская Испания импортировала 3 миллиона кинталов³ хлеба, 1,5 миллиона кинталов зерновых (горох, чечевица и т.д.), 1 100 000 кинталов сахара, 7 миллионов кинталов картофеля. Кроме того, надо иметь в виду, что в республиканской зоне за исключением скота, дающего шерсть (уже довольно малочисленного), почти не существует скота. Нужно мясо, особенно для полмиллионной армии, молоко, масло и т.д. для гражданского населения (12 миллионов человек). Сверх закупок, которые правительство делает официально для армии и для активной части населения. Надо иметь в виду, что женщины и дети не получают достаточного питания. Международная помощь, которая – за исключением СССР – до настоящего времени не была большой, почти окончилась, из-за отсутствия активности со стороны нашей партии, а также из-за преступной кампании, ведущейся троцкистами и реакционными элементами II Интернационала против помощи.

Мы считаем, что необходимо усилить деятельность международного комитета для посылки питания для женщин и детей Испании.

12. Принимая во внимание, что международные троцкистские шпионы, совместно со всеми контрреволюционными элементами, которые еще связаны с международным рабочим движением, Броквей, Мэкстон, Пивер и т.д., развивают мерзкую кампанию против правительства на-

родного фронта, обвиняя его в проведении контрреволюционной политики, под нажимом КП Испании и Советского Союза; принимая во внимание, что эти элементы пытаются обмануть некоторую часть масс, находящихся под их влиянием, говоря, что в Испании разбивают “революционные” организации (ПОУМ, организация троцкистских шпионов, бесконтрольных групп, связанных с анархистами и т.д.); принимая во внимание, что они требуют от масс отказа от помощи и защиты демократической политики испанской республики, что по-ихнему, республика находится в периоде Термидора; мы считаем необходимым международную кампанию для борьбы с политическими позициями всех этих элементов, связанных с троцкизмом (в этих целях наша партия публикует на днях книгу с материалами, показывающими контрреволюционную и шпионскую деятельность, проводимую троцкистами в Испании).

13. Принимая во внимание продолжающий рост нашей партии и необходимость поднятия ее идеологического уровня, наш ЦК просит Коминтерн прислать ему несколько профессоров, способных работать в партийных школах, а также для помощи в создании кадров преподавателей-испанцев.

ЧЕКА
ЛУИС*

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 209. Л. 25–33.

Подлинник, машинопись, рус. яз., пер. с фр.

¹ УГТ – так в тексте. Правильно: ВСТ.

² Ирохо – так в тексте. Правильно: М. де Ирухо.

³ Кинтал эквивалентен 100 кг.

№ 53

Письмо Эрколи в ИККИ

13 сентября 1937 г.

Дорогие товарищи!

Несколько слов о том, что было сделано за последнее время для проведения в жизнь ваших советов и директив.

Сегодня появится в партийной прессе декларация ПБ, в которой Политбюро намерено сделать первые шаги для исправления тактической линии партии по целому ряду вопросов.

Документ был подготовлен после отъезда Луиса. Позднее я вам объясню, почему этого нельзя было сделать раньше: Первые критические замечания открытые были сделаны вашим другом Альфредом¹ на заседании Политбюро накануне отъезда Ч.² и Л.³ Но, к сожалению, не последовало никаких практических действий. Я хочу добавить, что я был очень недоволен выступлением и позицией Л. на этом заседании. В то время, как информация Чека, выступление Эрнандеса и в особенности Урибе направили дискуссию на правильный путь самокритики и на

* Помета от руки: “нет в копии”.

изыскание путей, каким образом улучшить тактику и работу партии, выступление Л., в котором он поднял ряд проблем, так сказать практических, по вопросам деятельности правительства в различных областях, полностью дезориентировало товарищей и затушевало основные проблемы о необходимости проведения партией последовательной политики народного фронта. После отъезда Л. мы продолжали беседы и дискуссии в секретариате и Политбюро, и я остался очень доволен методом обсуждения этих вопросов. В процессе этих дискуссий и бесед я сам убедился в том, что нужно радикально изменить метод работы находящихся здесь ваших "советников". Не говоря о Диасе, которого здесь нет, как вы знаете, и Чека, на месте имеется группа товарищей (Урибе, Долорес, Эрнандес, Хиорла), которые могут сами руководить партией, причем руководить хорошо. Но для этого необходимо:

1. Чтобы ваши "советники" не дезориентировали товарищей, толкая их на неправильный путь, путем импровизации неправильных теорий или внесением ненужной нервозности в политику, что кончается благодаря нервозности и испанских товарищей постепенным расшатыванием тактики партии. Эта критика относится к Л., а также к Педро⁴;

2. Чтобы ваши "советники" перестали считать себя "хозяевами" партии, чтобы они на деле перестали рассматривать испанских товарищей, как людей ни на что неспособных, и под предлогом сделать лучше и [лучше]* не подменяли бы их и т.д. Эта критика главным образом относится к Л. Если последний не может изменить методов своей работы, пусть он лучше не возвращается. Я с каждым днем все больше и больше убеждаюсь в правильности этого.

Опубликованный сегодня документ является действительно результатом коллективной работы всего Политбюро. Члены Политбюро, поставленные перед необходимостью критического подхода к деятельности партии, показали свою зрелость и способность и даже взяли на себя инициативу сделать соответствующие выводы из сделанных коллективно критических замечаний. Документу Политбюро предшествовала статья Долорес (написанная ею самой по собственной инициативе, без всякой помощи и поправок с нашей стороны). Эта статья сделала много шума и оказалась очень хорошей. Две статьи Хиорла вызвали большое удивление благодаря измененному тону, и сегодня же утром две анархические газеты ответили на них в очень сердечном тоне. Но я лично считаю это, и самый документ, как только подготовку, необходимую для разрядки атмосферы от накопившегося электричества ожесточенной полемики последних месяцев. Действительная политическая работа начнется с началом переговоров с анархистами из НКТ, что произойдет, как я думаю, через несколько дней. Трудности будут большие, так как нужно будет осуществить сближение с НКТ, не рвя и не расхолаживая взаимоотношений с социалистами и другими партиями народного фронта. При некоторой гибкости можно достичь желаемых результатов.

Опять-таки по вопросу об анархистах. Положение стало более тяжелым из-за распространившихся за эти дни слухов о готовящемся

* Зачеркнуто. Сверху вписано "быстрее".

анархистском путче. Нужно было работать так, чтобы товарищи не потеряли хладнокровия. Вот, что произошло (я останавливаюсь на деталях, так как факты очень знаменательны). Несколько дней тому назад мы получили секретную информацию о том, что анархисты совместно с элементами из 5-ой колонны подготавливают на 14–15 сентября восстание. Одновременно такую информацию получили наши товарищи в Барселоне. Источник: французская полиция из Перпиньяна, которая перехватила телеграммы и письма. План восстания: Анархистские группы должны были войти в Испанию через французскую границу одновременно с восстанием в городе, организованным силами НКТ. Ясно, что партия приняла все необходимые меры предосторожности, но я посоветовал нашим товарищам, в отличие от того, что делалось в других подобных случаях, не подымать открытой тревоги и не говорить ничего об этом в прессе. Давая этот совет, я руководствовался мыслью, чтобы такого рода тревога не помешала начавшейся кампании сближения с анархистами. На деле же получилась очень странная вещь. Оказалось, что одновременно с предупреждением нас о неизбежности анархистского восстания, были предупреждены и анархисты о том, что коммунисты готовят восстание тоже на 14 или 15 число этого месяца. Они принимают тоже свои меры предосторожности, и в ночь с 14-го на 15-е, в то время, как все коммунисты собрались в зданиях партии в ожидании событий, анархисты тоже собрались в зданиях своих организаций. К счастью, все ограничилось одной бессонной ночью. Но малейший пустяк мог вызвать кровавое столкновение. Отсюда вывод, что есть люди, заинтересованные в том, чтобы мы дрались с анархистами, и что эти люди, зная настроения с одной и другой стороны, научились очень хорошо их использовать, в то время, как партия не всегда стоит на страже от подобных провокаций.

Для того, чтобы объяснить характер поправок к различным пунктам документа, нужны были бы конкретные длинные комментарии, но у меня сейчас нет времени, да к тому же я думаю, что дискуссия с Чека и с Л. внесет ясность во все эти вопросы. Я бы хотел подчеркнуть лишь, что, с моей [точки зрения]*, в деятельность партии должны быть внесены исправления с двух точек зрения: с одной стороны – в направлении проведения последовательной политики народного фронта (документ Политбюро является первым шагом в этом направлении), с другой стороны – в направлении уделения значительно большего места во всей деятельности партии защите неотложных требований и стремлений рабочего класса, сельскохозяйственных рабочих и беднейшего крестьянства. Все это конечно в рамках политики народного фронта. Здесь ставится вопрос о работе в профсоюзах, в которой мы очень отстали и где дела идут довольно плохо. Вот уже больше месяца, как я здесь, и за это время профсоюзный вопрос ни разу не обсуждался на секретариате. Нет никакого сомнения в том, что имеется ряд жгучих вопросов профсоюзного характера, как например: заработная плата рабочих и т.д. – вопросы, которыми партия не может не интересоваться. В партийной

* Зачеркнуто. Сверху вписано "стороны".

прессе нет профсоюзной рубрики, нет корреспонденций с заводов, что подтверждает, что профсоюзная работа все еще остается на задворках и связь с рабочей массой на фабриках слаба. Товарищи главным образом интересуются политической борьбой различных направлений внутри профсоюзов (завоевание постов в руководстве и т.д.), но и в этой борьбе они все еще ориентируются больше в сторону комбинации верхушки, а не мобилизации масс, организованных в профсоюзы, на основе защиты их интересов. Это является одной из причин того, что Кабальеро до сих пор сохраняет значительные позиции в профсоюзах, и кадры его в профсоюзах остались [почти]* нетронутыми. Возьмем, например, Валенсию. Кабальеристы имеют в своих руках руководство областным комитетом профсоюзов этого города. Поэтому они имеют возможность издавать ежедневный орган "Корреспонденсия де Валенсия" – орган профсоюзов Валенсии. Эта газета является сейчас органом Кабальеро, ведущим самую грязную кампанию против коммунистической партии. Этот вопрос стоит перед секретариатом с тех пор, как я приехал сюда: товарищи ежедневно убеждают меня, что они выгонят кабальеристов из руководства областного комитета профсоюзов и из редакции газеты. Товарищи хотят войти в соглашение с социалистами (центристами), находящимися в руководстве областного комитета, что даст им большинство, а затем сделать нечто вроде полулегального переворота в газете, выгнав редакторов кабальеристов и поставив на их место новую редакцию. Они уверяют, что это вещь возможная, что ее можно проделать с помощью властей и обещают каждый день, что все будет сделано в 24 часа. Луис их вдохновляет и энергично толкает по этому пути.

Видя, что дело не движется, я наконец обратился к товарищам с просьбой еще раз серьезно проработать этот вопрос, подвергнув его обсуждению на заседании секретариата. В результате этой дискуссии оказалось: что власти никогда не обещали оказать нам помощь в деле захвата журнала, что такое вмешательство недопустимо ни с точки зрения закона, ни с точки зрения традиций рабочего движения, что единственное возможное вмешательство (после решения судей!) это вмешательство министра труда, который является врагом партии и не согласится на это, что социалисты-центристы не захотят пойти на такой переворот и что, если настаивать на этом, то остается сделать одно – повести наступление на газету людьми и средствами партии, рискуя при этом вооружить против себя общественные силы, и что такое действие приведет к сплочению рядов фракции Кабальеро, затруднит изоляцию Кабальеро и ухудшит наши взаимоотношения с анархистами, правительством и с частью рабочих масс.

Таким образом потеряли целый месяц на переговоры с руководителями социалистов, властями и т.д. и т.д., и за тот месяц совершенно забыли вести самую элементарную работу среди масс, мобилизовать рабочих на предприятиях через профсоюзные собрания против газеты и против редакции, посылку протестов, делегаций, резолюций собраний и

* Зачеркнуто.

т.д. и т.д. По-моему, это значит, что забыли самое основное, а это дало возможность Кабальеро организовать свое выступление против нас, исключив различные местные организации и собрав общее совещание профсоюзов, на которых мы рискуем очутиться в меньшинстве, если не сделаем большую работу снизу. А эта работа снизу не сделана.

Эти же недостатки проявляются в деятельности партии в масштабе всей страны, направленной на оказание сопротивления раскольническим действиям Кабальеро. Вся работа проводится сверху и почти совершенно остается забытой: а) профсоюзная работа в низовых организациях; б) не делается необходимых усилий для того, чтобы поднять хотя бы часть кадров против его политики (кадров бывшего “левого” крыла социалистов). Но здесь начинается новая глава. Изучение положения в различных местах заставляет меня придти к выводу о том, что во многих случаях партия делает ошибку, объединяя в один блок все кадры бывшей “левой”, давая им одинаковую оценку и борясь против них, не проводя дифференциацию. Говорят: кабальеристы-контрреволюционеры – враги партии и т.д., что во многих случаях не соответствует действительности. Не подлежит сомнению, что более гибкая политика могла бы привести к глубокой трещине даже в тех группах, которые стоят более близко к Кабальеро. Выступление Каррильо (старика) во многом, например, отличается от других выступлений.

На последнем заседании исполкома ВРС Галарса предложил, чтобы ВРС настоял на приглашении Коммунистического интернационала на заседание в Париже. Это предложение вызвало сильный гнев со стороны Кабальеро, неправильная тактика по отношению к кадрам Кабальеро может привести к очень серьезным последствиям среди молодежи, так как еще много руководителей местных организаций молодежи остаются связанными с Кабальеро и, конечно, никогда не отойдут от него, если мы их будем считать врагами. Центральный комитет молодежи увидел сейчас эту опасность и начинает проводить работу, состоящую в том: а) чтобы исправить ошибки (некоторые из них очень серьезные: в Мурсии, например, молодежная организация стоит на пороге раскола, она имеет два руководства: одно – кабальеристское, в “Доме молодежи”, и другое – коммунистическое, работающее в здании партии) и б) систематически завоевывать на свою сторону кадры “кабальеристов”, сближаясь с ними на почве специфической работы молодежи. Но и партия должна глубоко изменить свои взаимоотношения в этой плоскости с кабальеристами.

Один из вопросов, которым мы занимались эти дни, является вопрос о дисциплине коммунистических кадров в армии (к сожалению, лучших). И здесь положение очень опасно. Оставим в стороне детали. Основное это то, что коммунистические кадры в армии не чувствуют авторитета центрального комитета. Отсюда – недопустимая борьба между ними, подрывающая дисциплину, самореклама и т.д. Партия именем центрального комитета решила обратиться с закрытым письмом к коммунистическим кадрам в армии. Одновременно ЦК предпринимает ряд других соответствующих мер.

Все сделанные мною замечания отражают также мнение Морено⁵, которого, я повторяю, мне не в чем упрекнуть, за исключением того, что он ничего не сделал до последнего времени, чтобы ориентировать товарищей в сторону правильной самокритики, чтобы не допустить этим довольно серьезных ошибок и т.д. С согласия Морено я поднял вопрос о том, чтобы не возвращался обратно Луис. Я не хотел судить его работу наспех, но сейчас я могу сказать убежденно, что его присутствие вредит партии. Причины: а) Без сомнения он является главным виновником того, что за последние месяцы партия не проводила последовательной политики народного фронта, связи с анархистами и изоляции Кабальеро. Метод постановки принципиальных вопросов мог лишь дезориентировать партию. б) Я считаю его главным виновником непоследовательности, с которой освещалась политика партии в прессе (частично также и на митингах), нанося удары то налево, то направо, без всякого плана, что приводило к абсолютной невозможности последовательной политической деятельности, для того, чтобы изолировать открытых врагов и укрепить народный фронт. в) Так как его присутствие мешает работе Центрального комитета, лишает товарищей чувства ответственности и критики и т.д.

Я знаю, что когда вы получите это письмо, вопрос уже будет разрешен вами, но я хотел бы, чтобы вы знали также и мое мнение, принимая во внимание серьезность проблемы. Мне думается, что мы сделали серьезную ошибку, оставив испанскую компартию в данном положении под опекуном Л.

Самый сердечный привет.

РГАСПИ. Из коллекции архива.

¹ Альфред – точнее Альфредо, один из псевдонимов Тольятти.

² Ч. – имеется в виду Чека.

³ Л. – имеется в виду Луис, т.е. Кодавилья.

⁴ Педро – один из псевдонимов Гере.

⁵ Морено – псевдоним Степанова.

№ 54

Доклад о поездке в Испанию Финнер Броквея¹

15 сентября 1937 г.

Среда, 23 июня.

Получил телеграмму от Симона Кана, из Французского комитета защиты Испанской революции, в которой он сообщает, что в Испанию отправляется делегация, составленная из депутатов парламента, и что необходимо включить в эту делегацию представителей Английского парламента. Одновременно с этим нам сообщили через Ассоциацию прессы о том, что испанское правительство начало преследования против Мак Нейра. Побеседовав с Мекстоном, который обменялся мнениями с Стэфеном, я решил поехать в Испанию. Обеспечил визу. Позднее

получил телеграмму от Мак Нейра, указавшую на то, что находится на французской стороне границы.

Четверг, 24 июня.

Полет в Париж. Меня встретили представители Французского Комитета, Немецкой С.А.П.² и Итальянской социалистической партии. Сообщили, что вряд ли делегации удастся выехать в эту же ночь. Получили французские визы. Говорил по телефону с Мак Нейром из Перпиньяна. Условились встретиться там. Встретился с Французским Комитетом, но неуверен в поездке делегации.

Пятница, 25 июня.

Пошел в Исполком Второго интернационала. Видел Жана Лонге, который обещал поставить вопрос о запрещенном ПОУМ. Созвонился с Робертом Лонге (сын Жана Лонге), который согласился присоединиться к делегации, в качестве адвоката. По телефону передал в Лондон заявление для прессы по поводу Мак Нейра. Встретился с представителями Итальянской социалистической партии, между ними был и Мартини, только что вернувшийся из Барселоны. Он будет новым секретарем Интернационального Бюро молодежи, которое будет переведено из Барселоны в Париж. Встретил мисс Эскадор, жену американца, редактора "Ла Баталья"³. Муж ее в тюрьме. Встретился с Французским комитетом. До сих пор еще нет уверенности в поездке делегации. Лонге вынужден выйти из делегации. Поль Ривс обещал прийти, но его не было в Париже и т.д. Решил поехать в Перпиньян, не дожидаясь делегации, и ждать там инструкций. Этой же ночью поехал в Перпиньян.

Суббота, 26 июня.

В Перпиньяне меня встретили Мак Нейр и Стаффорд Коттман из контингента независимой Лейбор Партии⁴. Позже встретил Эрика и Эйлина Блера, живущих в небольшом приморском городке не далеко отсюда. Видел Германа, который был в тюрьме с Смили. Подтверждается заявление о болезни Боба. Послал их статьи с информацией в Н.Л. Договорился о работе Мак Нейра и Коттмана в Лондоне. Условились, что Мак Нейр сосредоточил свою деятельность на кампании интернационального протеста против запрещения ПОУМ и на работе Интернациональной Испанской Комиссии, будет вести эту работу из Парижа или из Лондона. Должен будет съездить в Лондон, чтобы сделать доклад и выступить на митинге в память Смили.

Воскресенье, 27 июня.

Получил телеграмму от Симона, сообщающую, что делегация вылетает во вторник в Марсель. Инструкции будут присланы позже. В полдень обедал у Форгаса, энтузиаста ПОУМиста. Занимал выжидательные позиции.

Понедельник, 28 июня.

Телеграмма из Парижа не получена. Встретил Эрика и Эйлин Блера. Узнал, что большинство из контингента хотят вернуться. Подумать об отправке Э. и Э. в Лондон.

Вторник, 29 июня.

Ни слова из Парижа. ПОУМовские посты в Портбу. Возбуждение в поезде из-за выхода из правительства Каталонии НКТ. Большая поддержка ПОУМа. Остановился в Барселоне в отеле Континенталь. Возмутительно буржуазный.

Четверг, 1 июля.

Завтракал с Давидом Круком. Он член Фабиановского госпиталя, вступил в Интернациональную бригаду, был ранен, остался в Барселоне в качестве журналиста. Связал меня с полезными людьми. Пошел в НКТ. Встретил СОУЧИ, секретаря Интернационального отдела. Встретился с областным комитетом и редактором "Соль" – газеты НКТ. Искал причины для встречи с ними. Отнеслись очень хорошо и согласились, чтобы Соучи, который прекрасно владеет английским языком, сопровождал меня в Валенсию на автомобиле НКТ.

Встретил скрывающихся Ландау (немец, поддерживает ПОУМ), Еву Ситтиг (немка, член оппозиции КП), муж ее в тюрьме и Моленса, один из двух членов Исполкома ПОУМ не арестованных. Второй Макс Петел (который приезжал на конференцию Независимой Лейбор партии, под именем Хуана Маттео (все здесь были встревожены, так как вот уже два часа как он не вернулся). Моленс заявляет, что настроение членов ПОУМ "прекрасное". Несмотря на то, что Исполком и 250 руководящих работников Барселоны совместно с 30 поддерживающими их иностранцами арестованы, партия продолжает работать. Были проведены конференции представителей ПОУМ по всей Каталонии и отделений в Кастилии, на них был выделен новый Исполком. Выделены новые местные руководители организации. На предприятиях распространено 80 000 листовок и т.д. Рассчитывают выпускать "Ла баталья" нелегальным путем.

Запрещение ПОУМа произошло по указанию и настоянию коммунистической партии. Проведение в жизнь этого постановления было поручено полиции, составленной в большинстве своем из коммунистов и находящейся под контролем коммунистов. Правительство не знает многого из того, что они делают. Когда подвергаются допросу в полиции иностранцы, поддерживающие ПОУМ, при этом присутствуют члены коммунистической партии данной национальности и пользуются случаем, чтобы подвергнуть аресту противников их партии в их стране.

Ходят слухи о том, что Нин расстрелян⁵. Он, Горкин и Андраде перевезены в Мадрид.

Из важных авторитетных источников узнал, что все не члены коммунистической партии из Каталонского правительства протестовали в Валенсии против запрещения ПОУМ, и в частности против ареста Нина, являющегося крупным каталонским писателем. В числе протесто-

вавших: Компанис, президент, либералы, Крестьянский союз, представители НКТ и даже Видиелла из ВРС. Миравислес – либерал, стоящий во главе Каталонского отдела пропаганды, повез этот протест в Валенсию. М. заявил в Валенсии, что Каталонскому правительству известно о том, что документ, найденный якобы в Чилийском посольстве, является фальшивкой и во всяком случае подпись “Н” не означает Нина.

Запрещение ПОУМ насковзь необдуманно. Силы правительства заняли все здания ПОУМа, включая помещения Красной помощи, библиотеки и книжного магазина, Наурина и Института. Забираются здания во всех местностях. Отель Фалкон, бывший штаб ПОУМ, превращен правительством в тюрьму, в которой помещаются все арестованные члены ПОУМ. Приняты меры против Барселонского Административного Комитета Ленинского дивизиона, находящегося на фронте. Ровира, начальник дивизиона, и капитан Георг Копп арестованы. В результате большие недовольства.

Видел представителей прессы. Встретился с представителями норвежской и швейцарской социалистической прессы (девушки, сопровождаемые одним немцем и одним американцем), они подозреваются в троцкизме. Позже узнал, что швейцарская корреспондентка и сопровождавший ее немец арестованы. Другие двое перебрались за границу. Был в типографии “Соли”. Это старый монастырь, принадлежащий НКТ. Современные машины и чистое помещение. Тираж 200 000 – самый большой тираж в Испании. Дал интервью, которое будет напечатано после моего отъезда. Весь редакционный состав налицо.

Между прочим нужно заметить, что Областной комитет НКТ занимает прекрасное помещение в 7 этажей, монументальное здание с тремя лифтами и т.п. 19 июля это здание было отобрано у крупнейшего испанского капиталистического концерна. Это досталось НКТ, потому что он является сейчас крупнейшим промышленным концерном Испании.

В два часа дня уехал с Соучи в Валенсию. Ехали по отлогой дороге, сумасшедшей скоростью. Двадцать или тридцать раз нас останавливала милиция для проверки паспортов.

Французская делегация приехала как раз перед нашим отъездом из Барселоны. Они прибыли в Перпиньян на следующий день после моего отъезда. В состав делегации вошли два журналиста, один адвокат, имеющие полномочия от Сенской федерации социалистической партии, Испанского комитета защиты испанской революции, Лиги прав человека и т.д. и т.д. Условились встретиться в Валенсии.

Перед отъездом из Барселоны послал спешное письмо Министру внутренних дел, в котором сообщил ему о приезде делегации, требующей, чтобы немедленно были приняты меры для защиты заключенных ПОУМистов.

Пятница, 2 июля.

Был в Национальном Комитете НКТ. Прекрасное помещение, экспропрированное у маркиза. Генеральный секретарь Васкес. Занимает 29 помещений для рабочих профсоюзов. Васкес прекрасный человек.

Обещал полную поддержку. Отправил Правительству очень тонко отредактированный протест. Опубликование этого протеста в прессе не было разрешено, несмотря на то, что коммунисты печатают в своих газетах озлобленнейшие статьи против ПОУМистов, называя их фашистами и требуя применения к ним смертной казни. НКТ назначил своего адвоката, С. Пабона, члена кортесов в Сарагосе, адвокатом защиты. Васкес подтвердил приглашение рабочей английской делегации и обещал от имени НКТ оказать ей поддержку и гостеприимство в Испании.

Васкес рекомендовал мне обратиться к Британскому поверенному в делах, чтобы последний устроил мне встречи с министрами. Он согласен с тем мнением, что преследования организованы коммунистической партией, которая хочет освободиться от оппозиционных политических группировок, и сказал мне, что К.П. руководит полицией в этом вопросе, что арестованы также члены НКТ и ФАИ.

Видел британского поверенного в делах, г-на Лече. Обещал устроить мне интервью с министрами и сопровождать меня в качестве переводчика. Последнее немного не устраивает меня, так как трудновать просить Поверенного в делах быть также граммофоном, передающим слова защиты ПОУМ.

Узнал, что министр внутренних дел (С. Эугазойта) поехал в Мадрид, чтобы узнать о положении Нина и других арестованных ПОУМистов и об обвинениях, предъявляемых им полицией Мадрида. Негрин – премьер-министр тоже находится в Мадриде. Поэтому я попросил повидаться с секретарем Министерства по иностранным делам (Хираль).

Прибыла французская делегация.

Суббота, 3 июля.

Ночной полет на аэроплане. Французская делегация пошла со мной к Кабальеро. Лично он отнесся очень симпатично. Сказал, что К.П. пользуется всеми средствами для того, чтобы уничтожить своих политических противников, не брезгуя манипуляциями “юстиции”, власти и давлением на полицию. Его последователи тоже арестованы из-за мелочей и сняты с административных и военных постов.

Он не мог так легко как НКТ дать советы о том, что предпринять. В ВРС имеется оппозиция КП, направленная против него (за ним идет большинство Исполнительной комиссии и большинство членов профсоюзов) – 900 000 против 600 000, но в Национальном Совете компартия и правые социалисты имеют легкое большинство. Он заявил, что получил гору протестов против преследователей, которым подвергается ПОУМ, исходящих, как от секций ВРС, так и от заграничных рабочих организаций. Во время нашей беседы прибыла как раз телеграмма от Нормана Томаса, от имени Американской социалистической партии. Он настаивал на необходимости широкого давления в международном масштабе, включая и профсоюзы, против действий Правительства. Дискуссировали с Кабальеро вопрос о единстве на базисе классовой борьбы, ведущем к социальной революции. Он говорил, что НКТ и ВРС пытаются найти почву для немедленных совместных действий. Я ему рассказал точку зрения Васкеса, уже изложенную мною раньше. Он стоит

за единство НКТ и ВРС и ведет переговоры относительно совместных действий на основе программы требований. Включение левых социалистов в ПОУМ было труднее. Самый легкий метод обеспечения классового единства может быть на основе профсоюзов. Невозможно было установить совместную работу с левыми социалистами через ВРС, что же касалось ПОУМ, прежде всего нужно предпринять меры для ее легализации. Васкес говорил, что в противовес требованию единства профсоюзов, выдвигаемому НКТ, компартия выдвинула предложение о политическом единстве социалистической и коммунистической партий на территории всей Испании, на той же основе, как это сделала Объединенная социалистическая партия Каталонии. Коммунистическая партия будет конечно доминирующей силой в таком политическом единстве, но она останется в меньшинстве при осуществлении профессионального единства.

Впоследствии я узнал, что ПОУМ работал по осуществлению единства действий между НКТ и ВРС и созданию впоследствии правительства НКТ-ВРС.

Вечером встретился с корреспондентами Рейтер и "Таймс".

Воскресенье, 4 июля.

Ничего не вышло с интервью, поэтому поехал с Соучи посмотреть коллектив в Сегорбе. Это другая, но очень интересная история. Две связанные между собой вещи. В Сегорбе НКТ имеет 2000 членов; ВРС имеет намного меньше – 200. Валенсийское же правительство предложило, чтобы ВРС имело одинаковое с НКТ представительство в муниципальном совете.

Второй вопрос. В городе не было коммунистической партии (7000 жителей), но был организован митинг силами со стороны, на нем было принято обращение к хорошо обеспеченным крестьянам и лавочникам, призывающее их войти в коммунистическую партию на основе борьбы против коллективизации и защиты их прав на собственность. Это подтверждает то, что писал по этому вопросу Г.Н. Брайлсфорд.

Понедельник, 5 июля.

Видел секретаря по иностранным делам – Хиралья. Был совместно с Поверенным в делах Англии. Я вынужден был поставить вопрос с английской точки зрения, это значит с точки зрения Независимой рабочей партии, скорее чем от имени Интернационального Бюро. Поверенный в делах старался внести ясность в вопрос о понимании ПОУМ. Я начал с рассказа о том, что сделала Независимая рабочая партия в борьбе против фашизма, затем сказал, как нам помешал арест и смерть Боба Смитли, обвинения против Мак Нейра и высказывания испанских коммунистических газет против Независимой рабочей партии, обвинения ее в связи с фашистами. Я заявил откровенно, что Независимая рабочая партия помогала ПОУМ, так как она наша братская партия, и мы не верим в то, что ПОУМ является фашистской партией, так же как мы не поверили бы, что Независимая Лейбор партия стала фашистской партией. Хираль (либерал и типичный буржуазный государственный дея-

тель) сожалел о неприятных обстоятельствах, вызвавших смерть Смилли, выразил сожаление по поводу того, что Мак Нейр замешан во внутренние дела Испании, и поблагодарил Независимую рабочую партию за оказанную ею помощь, заявив, что никто ее не считает фашистской партией.

По вопросу о ПОУМ он сделал важное заявление, сказав, что никто ее не считает профашистской партией (однако цензура разрешает прес-се коммунистической партии ежедневно об этом писать). Обвинения против ПОУМ сводятся к двум пунктам: фашисты провели в эту организацию своих шпионов и лидеры этой организации побудили каталонский путч, “восстание” в Барселоне и подбадривали рабочих, чтобы они не сдавали оружия. Он не сказал и не объяснил, почему если нет обвинений против ПОУМ, как организации, были сделаны попытки уничтожить ее именно как организацию.

Я также поставил вопрос о членах контингента Независимой рабочей партии, которые хотят вернуться домой. Я просил, чтобы не делали препятствий их уходу из армии и получению разрешений на переход границы. Секретарь по иностранным делам принципиально не соглашается с этим, но допустим, что в отдельных случаях можно будет это сделать (Позже я узнал, что 8 человек, пожелавших уехать за границу, получили увольнение и визы).

В то время как я беседовал в Министерстве иностранных дел, французская делегация связалась с министерством юстиции и Министерством внутренних дел, через адвоката защиты. Они устроили интервью с С. Пабоном, на котором я присутствовал. Он нас заверил, что министр внутренних дел заявил ему, что Нин и другие лидеры ПОУМ живы.

Пятеро из них находятся в Мадриде: Нин, Горкин, Андраде, Боннет (казначей) и Эскадор (редактор “Батальи”).

В этой дискуссии выявился один очень важный момент о том, что адвокат защиты ничего не знает об инкриминируемом письме “Н”, которое, как говорили, было найдено в Чилийском посольстве в Мадриде. В разговорах, которые он вел с министром юстиции по поводу выдвигаемых против арестованных обвинений, этот пункт никогда не фигурировал. Позднее вечером, во время разговора с корреспондентом “Таймс” мистером Лоуренсом Фенсвортс, я узнал нечто очень важное об этом таинственном документе. Когда Правительственный отдел печати (под руководством коммунистов) передал это для прессы, то было сообщено, что сведения эти передаются не официально от имени правительства, но что использование их прессой встретит одобрение. При этих обстоятельствах корреспонденты иностранной, некоммунистической прессы решили не опубликовывать этот документ. Они пожертвовали хорошей новостью ради принципа; они не хотели способствовать распространению такого обвинения, когда само правительство не хочет брать на себя ответственности за это дело.

Но вернемся к интервью с адвокатом. Мы решили просить министра внутренних дел, чтобы он дал письменные заверения. Нам сказали, что он вернется в Валенсию на следующее утро и что мы сможем тогда его интервьюировать совместно с министром юстиции.

Вторник, 6 июля.

Министр внутренних дел не вернулся из Мадрида, но говорил по телефону с адвокатом защиты по вопросу о заверениях, которые мы у него требовали. Он заверил нас в следующем:

1. 5 лидеров ПОУМ, находящихся в Мадриде, живы.
2. Через три дня их повезут в Валенсию.
3. К концу недели все выдвигаемые против них обвинения будут сообщены адвокату защиты.
4. Суд будет открытым.
5. Судиться они будут обычным методом – Народным Трибуналом, а не специальной сессией Военного трибунала.

Это заявление отвечало на все поставленные нами требования, за исключением одного пункта, а именно просьбы разрешения присутствовать на суде иностранным адвокатам в качестве наблюдателей.

Министр согласился, чтобы это его заявление было передано на следующий день нашей делегации и что в письменной форме это должно быть представлено адвокату.

В эту же ночь я вернулся в Барселону, перед моим отъездом я написал письмо министру юстиции, присоединяясь к французской делегации и повторяя требования, согласованные между нами.

В этот же день я имел три других интервью, о которых надо рассказать: первое с мисс Нин и мисс Боннет (мисс Горкин и мис Андраде тоже в тюрьме). Второе интервью было с Исполкомом Валенсийской организации ПОУМ (очень активной и хорошо настроенной организации) и третье – с председателем Правительства Арагона. Мисс Нин и мисс Боннет остались очень благодарны Интернациональному Бюро, Независимой Лейбор партии и французскому комитету за посылку делегации. Валенсийский ПОУМ (вернее его Исполком) сделал доклад о тех мероприятиях, которые были предприняты в Барселоне, что позволило обеспечить функционирование партии. Арагонский председатель дал новые доказательства тому, как Валенсийское правительство старается сменить революционеров на буржуазных демократов. Как выборный председатель Арагонии он работал в качестве делегата Валенсийского правительства. Но так как он являлся членом НКТ, то его заменили умеренным из ВРС, назначенным Правительством. Он докладывал, что коллективизация в Арагоне идет хорошо, что ее поддерживают большинство крестьян, но что Компартия против коллективизации и ищет связей с зажиточным крестьянством для борьбы против коллективизации.

Затем делегация занималась еще одной проблемой – вопросом об иностранцах-заключенных. Мы убедились, что посольства и Министерство иностранных дел готовы считаться с мнением нашей делегации только по вопросам двух национальностей, так как делегация наша представляет только две страны: Францию и Англию, но не хочет считаться с нами по вопросам, затрагивающим другие национальности. Напрасно мы доказывали, что я являюсь секретарем международного бюро, французские товарищи, что они являются интернационалистами – это не произвело никакого впечатления. В конце концов мы согласи-

лись рассматривать вопрос об иностранных заключенных на этом ограниченном базисе, потому что 1) нужно приветствовать даже ограниченные улучшения, 2) каждое освобождение, которого мы добьемся, будет являться прецедентом для будущего, 3) мы рассчитывали, что вслед за нашей делегацией пойдут другие, более широкие из других стран, которые займутся вопросами других национальностей.

Я узнал только о двух английских подданных, арестованных по политическим причинам – Вильям Крем из Торонто – неотроцкист и об Этель Мак Дональд из Глазгова – анархистке. Я попросил британского поверенного в делах представить меня министру внутренних дел, но так как его не было в Валенсии, он был в Мадриде, его первый секретарь дал мне письмо к Валенсийскому делегату общественной безопасности в Барселоне. Оба британских арестованных находятся в Барселонской тюрьме.

Мы встретили делегацию от двадцать девятого дивизиона, посланную для передачи протеста Валенсийскому правительству против ареста одного из своих командиров – полковника Ревира. Солдаты послали свою делегацию в Совет, представляющий дивизион, последний же решил телеграфировать Прието – министру военных дел. Они показали нам ответную телеграмму Прието, в которой сообщалось, что арест прошел без его ведома и без его разрешения и что никто в Министерстве военных дел не знает ни самого факта ареста, ни причин его. Обещал расследовать это дело. Совершенно неслыханная вещь, чтобы командующий офицер на фронте был арестован полицией, не посоветовавшись с военным министром. Будучи недоволен 29 дивизион в лице его Солдатского совета решил послать делегацию к Правительству.

Среда, 7 июля.

В 4 часа дня мы решили с Соучи поехать на автомобиле в Барселону. В 3 часа дня я зашел к Васкесу, секретарю НКТ, работающему до настоящего времени, чтобы попрощаться с ним. Он был страшно зол из-за выпущенной листовки, призывавшей к генеральной забастовке в невоенной индустрии и к солидарности НКТ и ПОУМ. Он согласился, что эта листовка могла быть провокационным шагом со стороны коммунистической компартии, но предупредил меня, что НКТ должно отмежеваться от нее и разъяснить, что так как НКТ хочет справедливого отношения к ПОУМ, то поэтому не надо ее идентифицировать с ПОУМ.

Я попросил мне показать копию этой листовки. Листовка была подписана: “Издано Большевиками-Ленинцами (4-ый Интернационал)”.

Я был также зол как и Васкес. Листовка призывала к разрушению той работы, которая была проделана, чтобы прийти к созданию сотрудничества с НКТ. Я не оспариваю права Большевиков-Ленинцев писать что они хотят; но я был зол на их глупость, которая приведет к ненависти страны, населенной полуумными детьми.

Я разъяснил Васкесу разницу между большевиками-ленинцами и ПОУМ, и злоба его немного прошла. Заявление, опубликованное в ответ НКТ, было обдуманно, хотя я уверен, что коммунисты не будут его

рассматривать как отмежевку НКТ от ПОУМ. Я оставил письмо Исполкому ПОУМ, требуя от них, чтобы они немедленно сообщили Васкесу происхождение этой листовки. Затем я узнал, что ПОУМ тоже отмежеввался от этой листовки большевиков-ленинцев.

Вернулся в Барселону к чаю, и здесь начало новых осложнений. В Барселоне находились 8 человек из контингента Независимой рабочей партии в ожидании отправки домой. Причина отъезда dvojки: а) арест Боба и его смерть, б) “ликвидация” революции, выражающаяся среди других фактов, в репрессиях против ПОУМ. Я был очень обрадован, когда узнал, что все 8 человек официально отчислены от армии, получили временные удостоверения личности и визы. К счастью я был в Барселоне. Несмотря на то, что Джон Мак Нейр сделал все нужное с британским консулом для покрытия финансовых расходов, возникли ряд непредвиденных требований. Только два члена остались из контингента на фронте – Мари Вилтон и Джек Ритчи.

Посетил убежище, в котором скрываются члены ПОУМ и их иностранные сочувствующие. Вдохнул облегченно, узнав, что Макс Петал с ними. Был у делегата Валенсии и представил ему письмо, полученное мною от министра внутренних дел. Он обещал сообщить мне к 8 часам вечера, будут ли освобождены Крем и Этель Мак Дональд. Если их не освободят, мне разрешат навестить их. Вернулся в 8 часов, прождал до 9 ч. 30 м. Мне сказали, что, по всей вероятности, их завтра освободят.

Дискутировал о политике ПОУМ с Максом Петель и руководителями Барселонской организации ПОУМ. Был обрадован, узнав, что они отмежевываются от неосуществленных предложений и считают своей основной линией – стремление к созданию правительства НКТ–ВРС. Это будет правительство рабочего фронта и будет шагом вперед. Это даст возможность легализации ПОУМа. Это требование имеет то преимущество, что оно реально. Такое правительство может стать фактом – и хорошо то, что ПОУМ при помощи своих нелегальных листовок может продвигать эту идею. Это имеет еще и то преимущество, что они обращаются к НКТ и некоммунистической части членов ВРС.

Четверг, 8 июля.

Из Валенсии приехала французская делегация. Они рассказывают самые чудовищные вещи из революционной истории, но к сожалению сейчас их еще нельзя распространять. Они встретились с министром юстиции, кто подтвердил заверения, данные министром внутренних дел, и также включил их в письмо, данное адвокату защиты. Только по одному пункту мы не получили удовлетворения, это по пункту о допущении иностранных адвокатов в качестве наблюдателей. Правительство ответило, что не считает ни нужным, ни удобным присутствие таких наблюдателей, ввиду нормальной процедуры суда. Таким образом письмо это неудовлетворительно, с точки зрения установления судебной процедуры. По телефону нас заверили, что дело будет разбираться в Народном

трибунале. В письме же говорится, что дело пройдет нормальную судебную процедуру и может быть, что в вопросах шпионажа и заговора дело подлежит не “нормальному” суду. Французская делегация сговори-лась, что адвокат выяснит это дело и что они созвонятся по телефону с адвокатом, до отъезда из Испании, по обоим вопросам, по вопросу об этом и о том, чтобы убедиться, что обещания, данные по поводу возвра-щения арестованных в Валенсию, и определение обвинительного за-ключения даны адвокату. Министр юстиции в отчете делегации почти не скрывал своей точки зрения о том, что все эти аресты и преувели-ченные обвинения являются делом рук полиции – а это значит комму-нистов. Он ясно дал понять, каким образом они захватили такую власть в свои руки. Одна из сказанных им фраз: “Мой дорогой друг, полиция это враг для вас и для меня”. Этот министр – баск, либерал.

Не хочу переоценивать значение сделанных уступок. Они могут свидетельствовать об иллюзиях. Обещание открытого процесса, напри-мер, будет иметь небольшое значение, так как существует цензура, ко-торая будет проверять газетные статьи как для Испании, так и для за-граничных газет. Беспокоит также неопределенность письма по вопро-су о процедуре суда. Коммунисты имеют сильную руку в судебном ап-парате и используют это очень широко.

С другой стороны, заверения ясно отразили сомнения в головах са-мих министров и влияние давления, как внутри страны, так и извне. На-конец, можно сказать, что если это давление будет продолжаться и рас-ширяться, то результаты будут лучше тех, что мы ожидали. Повели-тельное требование, это чтобы наша делегация рассматривалась, как временная. Другая и более представительная делегация должна воз-можно быстрее поехать в Испанию.

Пошел в отель Фалкон, раньше помещение ПОУМ, теперь тюрьма. До сих пор на стене висит фотография Хоакина Маурина. Видел Этель Мак-Дональд. Я должен повсюду описать сцену этой встречи. Встретил там Стиввенс, датского анархиста. Он заявил что условия в доме пред-варительного заключения исключительно скверные. 150 человек в од-ной большой комнате с одной уборной и умывальником на всех. Ис-пражнения, вши, грязь. Духота и жара. Порция питания голодная для тех, у кого нет родственников или друзей, которые могли бы принести пищу с воли. Два раза в день по тарелке супу и два кусочка хлеба в день. Условия 30 членов Интернациональных бригад особенно тяжелы. У них нет друзей, ни политических, ни личных. Они полуголодны и бук-вально гниют. Сюда входят люди разных национальностей.

Позже вечером узнал, что Этель Мак-Дональд освобождена. Фран-цузская делегация получила разрешение навестить всех французских арестованных, но ничего не удалось сделать для других националь-ностей и не удастся, пока не приедут представители других националь-ностей и стран. В особенно скверных условиях находятся немецкие и итальянские заключенные.

Пошел посмотреть два фильма НКТ, с целью их дальнейшего исполь-зования в Независимой рабочей партии. Нехорошие. Они обещали по-казать мне лучшие завтра в 9 часов вечера.

Пятница, 9 июля.

Пошел на просмотр фильмов в замечательный павильон НКТ. Лучшие фильмы, один из них “Бомбардировка Апуис” действительно хорош. Хочу взять этот фильм для использования в Англии и попытаться приспособить другие два.

Узнал, что Крем освобожден. Хорошо. Значит, что два английских заключенных, за которых я хлопотал, освобождены. Но узнал также и о том, что 21 политзаключенный в Корсиге – полицейский штаб – объявил голодную забастовку. Они не англичане, и потому я не могу вмешаться непосредственно. Послал телеграмму министру внутренних дел. Некоторые из них французы. Французская делегация займется ими.

Поехал на границу с Соучи на автомобиле, который уезжает в Швецию. Условились, что он будет мне посылать фильмы. Много говорили о продолжении сотрудничества между Независимой рабочей партией и НКТ.

Возвратился с границы, так как на моем паспорте не было штемпеля из Барселоны. Соучи вынужден ехать дальше. Вернулся в Барселону в 10 ч. вечера и спал в бюро Соучи.

Суббота, 10 июля.

Рад, что вернулся. Пошел повидаться с делегатами Валенсии по охране общественного порядка, он позвонил на границу, чтобы разрешили мне беспрепятственный проезд. Захватил с собой Макса Петела. Он легко перешел границу. По плану он должен был поехать в Париж, чтобы помочь организовать международную кампанию для помощи ПОУМ.

Этот доклад я писал по пути в поезде, ночью. Я не писал в Испании ни одной строчки и хотел записать по свежей памяти все, что произошло.

Воскресенье, 11 июля.

По недоразумению Мак Нейр разошелся со мной. Вынужден повидаться с ним и поэтому задержусь до завтра. Буду его искать во французском комитете после обеда.

Понедельник, 12 июля.

Полезно провел день в разработке плана с Мак Нейром и Петелем. Предложено следующее:

1) Создание на широком базисе национального комитета, координированно работающего с Международным комитетом для борьбы за требование справедливого отношения к ПОУМ.

2) Подготовка сильной представительной комиссии, включение социал-демократов и тред-юнионистов, для заслушивания доклада о работе нашей делегации.

3) Посылка в Испанию постоянной международной комиссии, составленной по возможности из представителей национальностей для защиты интересов иностранцев социалистов, находящихся в Испании. Срочно послать немецкого и итальянского представителей.



Полковник Игнасио Идальго де Сиснерос – командующий республиканской авиацией



Хуан Негрин – премьер-министр республиканской Испании



Военные советники – полковник Родионов (Р.Я. Малиновский) и комдив Максимов (К.А. Мерецков)



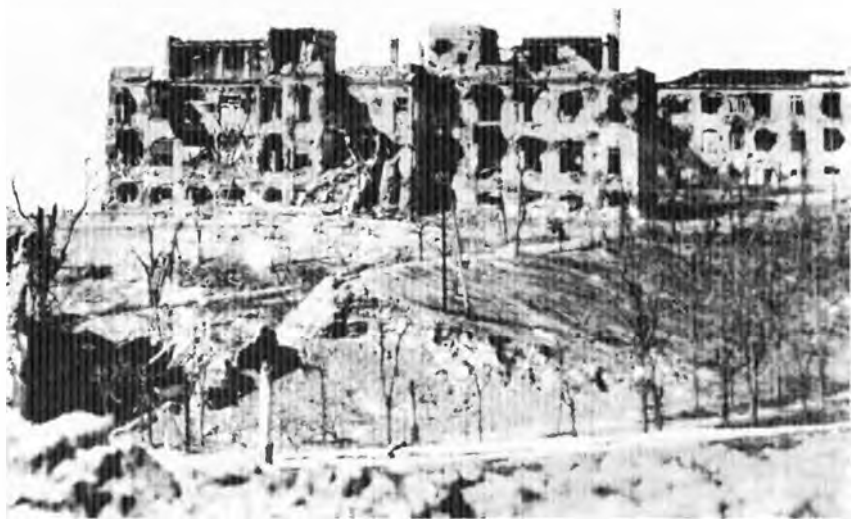
Лозунг на улице Мадрида:
 "Они не пройдут.
 Фашизм хочет завоевать
 Мадрид.
 Мадрид станет могилой
 фашизму"



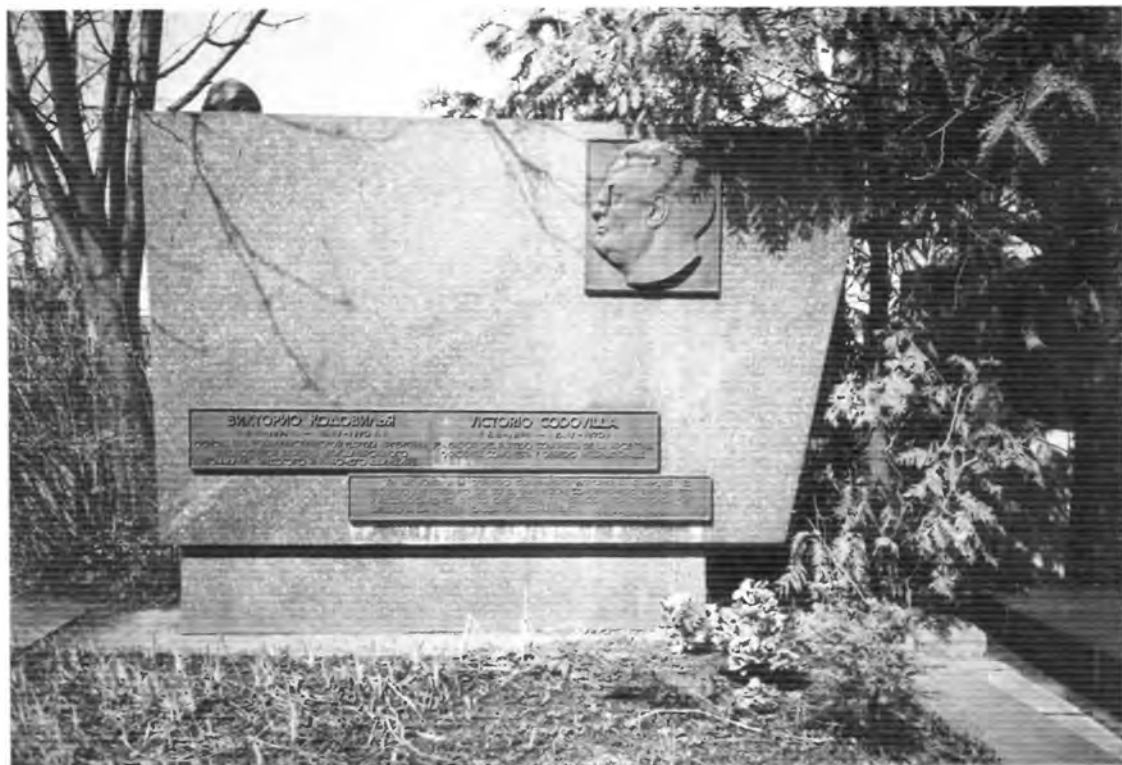
Известная фотография
 Роберта Капы "Убитый
 республиканский солдат"



Так выглядела столица Страны Басков – Герника после бомбардировки в апреле 1937 г.



Развалины университетского городка в Мадриде



Могила В. Кодовильи на Новодевичьем кладбище в Москве

4) Распространение идеи через британских и французских представителей в Полномочной Лиге о защите в Испании итальянских и немецких беженцев. Ясно, что нельзя в данном случае действовать через официальный государственный аппарат. Имеется ведь специальная комиссия при Лиге Наций, ответственная за защиту эмигрантов, и логично, чтобы эта комиссия распространила свою защиту на беженцев-эмигрантов, проживающих в Испании.

5) Немедленно подготовить делегацию рабочих от станка для изучения положения в стране, используя приглашение от НКТ.

6) Стимулировать кампанию протеста во всех странах и от всех организаций, посылающих протесты в адрес Валенсийского правительства.

Обсуждал с Мак Нейром и Петелем, как технически провести это в жизнь. Советовал, чтобы Мак Нейр остался в Париже и подготовил эффективные мероприятия для агитации, после чего он должен вернуться в Лондон, оставив для работы Петеля.

Имел два интервью с правой оппозицией к Коммунистической партии, включая Тальгеймера. Их теперешняя политика приближается к политике Независимой рабочей партии и Интернационального Бюро. Обсудили вопрос о созыве позже в этом году конференции. Тальгеймер обещал приехать к летней школе на второй неделе августа месяца, когда будет обсуждаться план такой конференции. Видел американского товарища, который может быть хорошей кандидатурой для постоянной Международной комиссии в Испании.

Поеду в Лондон ночным поездом.

Общие выводы из этого доклада.

1) Запрещение ПОУМ было стимулировано коммунистической партией и проведено в жизнь полицией, руководимой коммунистами.

2) Не коммунисты члены правительства Каталонии и Валенсии недовольны тем размахом, который приняли коммунистические заговоры.

3) НКТ единодушно против преследований ПОУМ. Ларго Кабальеро и левые социалисты в ВРС против преследований ПОУМ, но сила коммунистов в ВРС затрудняет их позиции.

4) Собираются силы для возмущения против политики коммунистической партии. Со временем это может вылиться в создание правительства НКТ-ВРС.

5) Так как нашей делегации удалось добиться уступок в связи с процессом, чрезвычайно необходимо поддержать международное давление по вопросу о ПОУМ.

6) За иностранных социалистов могут заступаться только их страны. Поэтому необходимо срочно послать в Испанию парламентскую международную комиссию. В первую голову необходимо немедленно послать представителей немцев и итальянцев. Полномочная Лига должна представлять в Испании интересы немецких и итальянских эмигрантов.

7) Провести международную Агитационную кампанию, как было договорено между мной, Мак Нейром и Петелем. Интернациональная

комиссия должна поехать в Испанию, чтобы продолжить работы нашей делегации.

8) ПОУМ прекрасно работает в нелегальных условиях. Она высоко держит голову и ведет реальную политику.

9) Политика коммунистов разделяет антифашистский фронт в Испании и наносит большой ущерб антифашистской борьбе.

П.С. Два пункта не вошли в мой дневник, но оба они произвели на меня очень большое впечатление в процессе обоих разговоров. Первое, что люди, находящиеся на фронте и революционные по своим настроениям, очень огорчены атмосферой легкой жизни, использования положения, царящими в тылу, и чувствуют разрозненность сил в антифашистском фронте. Они хотели бы, чтобы в результате борьбы они были бы решающей силой, которая проведет социальную революцию.

Во-вторых. Отход от революционных позиций со стороны правительства усиливает потерю иллюзий и создает индифферентное отношение к войне. Испанский опыт показывает, что действительная война против фашизма должна быть одновременно и войной за социальную революцию. Это динамика энтузиазма и с успехом контрреволюции ослабла вера в борьбу против Франко.

РГАСПИ. Из коллекции архива.

¹ Ф. Броквей – депутат парламента от Независимой лейбористской партии. По каким каналам Коминтерн получил доклад Броквея, выяснить не удалось.

² Немецкая С.А.П. – имеется в виду Социал-демократическая партия Германии.

³ “Ла Баталья” – печатный орган ПОУМ.

⁴ Независимая Лейбор Парти – так в тексте. Имеется в виду Независимая лейбористская (рабочая) партия Великобритании.

⁵ П.А. Судоплатов, один из руководителей разведки органов госбезопасности СССР, подтверждает версию А. Орлова (настоящая фамилия Фельдбин, резидент в Испании), что А. Нин был им похищен из тюрьмы и убит недалеко от Барселоны. Согласно утверждениям Судоплатова–Орлова, последний создал принятую официальными властями версию о содействии немецких спецслужб побегу Нина из-под стражи. Об успешных дезинформационных действиях Орлова и ликвидации троцкистов в Испании Ежов непосредственно докладывал Сталину (*Судоплатов П. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 54*).

№ 55

Письмо члена интербригады Антонина Биршерта

20 октября 1937 г.

Военная тюрьма “Пособланко”

Антонин Биршерт

13 Интернациональная Бригада

2-ой Батальон. 3-ья рота

Товарищ Казначей.

Сегодня шеф тюрьмы получил Ваше письмо, в котором Вы заявляете, что я и находящиеся со мной здесь товарищи нашей бригады лише-

ны права получения причитающегося нам жалования. Дело в том, что ни Шеф тюрьмы и никто из здешнего начальства, а также я не понимаем, на каком основании подвержены такому взысканию. Жалование мне причитается с 20 июня сего года, был же я арестован 27 июня и доставлен сюда в Пособланко, где и нахожусь до сих пор без всякого суда и следствия. Ввиду того, что все арестованные (Интернациональных бригад) считаются и судятся на основании Испанских Республиканских Законов, я имею полное право получения денег на таком же основании, как и испанские товарищи, находящиеся под следствием или простым арестом. Ибо нет такого закона, в котором одному бы разрешалось, а другому нет. Мы, находящиеся здесь 13-ой бригады, брошены на произвол судьбы без денег, без одежды, без обуви и производим собою на всех отталкивающий вид – вроде каких-то нищих и попрошаек. Что очень вредит авторитету наших бригад среди здешних заключенных. Ибо их посещают их начальство, семья и видно, что об них заботятся. Нам же даже отказывают в том, что нам полагается. Многоуважаемый Товариш Казначей, я думаю, что Вы ответите на мое личное письмо и дадите объяснение, на каком основании мы лишены нашего права после пяти месяцев фронта, ибо придется обратиться к жене, находящейся во Франции, с просьбой присылки денег, нужных для покупки одежды и обуви. Надеюсь на Ваш ответ и шлю Вам горячий антифашистский привет.

Антонин Биршерт

Antoine Birchert
Prision Militar
Posoblanco
Cordoba

РГАСПИ. Ф. 545. Оп. 2. Д. 142. Л. 60–61.

Подлинник, рукопись, рус. яз.

№ 56

Письмо члена интербригады А. Рыжкова комбригу

29 октября 1937 г. Benicasim

Товарищ Белов!

Убедительно прошу вас не отказать мне в моей просьбе. Я прошу разрешения поехать во Францию увидеть мою семью. Я женат уже 7 лет на французке и имею 3-х детей, последнего сына я еще даже не видел – ему 6 месяцев. Мне очень тяжело переживать такую долгую разлуку. Мне 43½ года, приехал я в Испанию 6-го января 37 года по болезни, был два раза эвакуирован, но каждый раз ненадолго, я все остальное время был на фронте 10 месяцев. Сейчас я эвакуирован во второй раз в Benicasim по болезни (острая дизентерия с кровью). Должен сказать, что я во Франции на положении француза, так как я служил во французской армии и имею военную книжку. В настоящее время нахожусь в 13 Бригаде Домбровского 1-го Батальона 4-ой роты в пулемет-

ной команде. Товарищ, еще раз прошу дать мне возможность увидеть мой дом, мою жену и детей.

Товарищ Рыжков

Мой адрес:

Ryjkoff Alexandre

Hopital Militaire de Benicasim par Castellon de la Plana.

РГАСПИ. Ф. 545. Оп. 2. Д. 61. Л. 209–210.

Подлинник, рукопись, рус. яз.

№ 57

Отчет М. Фреда¹ о работе в Испании

14 декабря 1937 г.

Тов. Мануильский, побеседовав со мною после моего возвращения из командировки, предложил мне написать доклад, характеризующий общее военное положение в Испании и вопросы, связанные с Интербригадами.

На моментах, касающихся моей личной работы, он советовал останавливаться в отдельном докладе.

Я решил, на основании полученных указаний, написать три отдельных доклада, из коих первый, – поскольку Отдел Кадров интересуется, в первую очередь, этим вопросом, – это отчет о моей работе.

Ниже мною излагаются с максимальной подробностью и в хронологическом порядке все важнейшие моменты, с которыми мне пришлось столкнуться за время моего годичного пребывания в Испании.

Сентябрь–октябрь 1936 г.

До выезда на новую работу я числился политпомощником в Секретариате товарища Куусинена². Отправляя меня в путь, тов. Мануильский сказал слова, которые я за все время не забывал: Вам нужно явиться в распоряжение ЦК компартии Испании и вы будете делать любую работу, которую вам доверят товарищи. Но знайте, не надо сидеть в аппарате, а идти на фронт, и чем скорее вы завоюете себе положение в армии, как боец, как командир, тем лучше. Это то, что от вас требуется в Испании.

Через несколько дней, встретив предварительно тов. Люиса в Париже, который ехал домой с докладом, я явился в ЦК компартии в Мадриде (15 сентября 1936 г.). Тов. Гере представил меня членом Политбюро и поехал со мной на квартиру товарища Диаса, который болел и редко выходил из квартиры. Тов. Хозе Диас определил круг моей будущей работы: помогать ЦК по военным вопросам и работать в тесном контакте с руководством Пятого полка. Тов. Фрид (погибший впоследствии в бою под Мадридом), который прибыл днем раньше, уже приступил к работе в Пятом полку, с задачей – обучать кадры военному делу. Я застал в Пятом полку итальянского товарища, которого раньше не знал, – Карлоса*, который говорил мне, что он работал в Москве в МОПР³е,

* Здесь и далее подчеркнуто карандашом.

а также одного венгерца под именем Де Пабло, который представлял в стране "Общество друзей Сов. Союза". Там же работала секретарем польская еврейка Хуанита и ее муж, тоже польский еврей.

Я скоро вошел в курс дела в Пятом полку, где мне поручена была военно-оперативная и организационная работа в штабе руководства. Активнейшими работниками руководства были испанские коммунисты Листер³, Модесто⁴, Кастро, Гарсия, Ортега и итальянский товарищ Карлос⁵.

Деля свое время между работой в ЦК, где тов. Марти вместе с французским товарищем Видаль (Гейман) уже работали по военной линии, и работой в Пятом полку, мне почти ежедневно приходилось присутствовать на заседаниях Политбюро, принимать участие в прениях или делать доклады о военном положении и об очередных военно-организационных вопросах, то по поручению самого Политбюро, то по поручению руководства Пятого полка.

С военным атташе, т. Горевым⁶ (с которым я был знаком по прежней зарубежной работе по линии IV Управления) я встречался в посольстве, будучи выделен, совместно с членом Политбюро Михе, для связи с Горевым и с Гайкисом, тогдашним секретарем посольства.

В распоряжение партии стали прибывать отдельными группами товарищи извне. Прибыл также т. Альфред из Коминтерна и через некоторое время немецкий тов. Ц, по новой кличке Гомес. Тов. Альфред стал работать при ЦК по кадрам.

Тов. Фрид, не сработавшись с руководством Пятого полка, был послан в Альбасету с задачей обучать там кадры. На его место стал тов. Гомес. Но и он не сработался с руководством и впоследствии, перед критическими для Мадрида днями, получил разрешение выехать в Альбасету.

Венгерский тов. Де Пабло как-то скрылся со сцены и разными правдами очутился в Париже. Хуанита, по подозрению в связях с польским посольством, и ее муж были удалены из Пятого полка.

Вместе с тов. Альфредом и членом Политбюро Чека мы распределяли прибывающих извне новых товарищей на разные работы, одних – в Экстремадуру на развертывание партизанских отрядов, (т. Курт и других югославских и болгарских товарищей), других – в мастерские Пятого полка по изготовлению подсобного оружия, ручных гранат, минометов (тов. Карл и другие), третьих посылали в Альбасету к интернационалистам, собиравшимся там постепенно в первые батальоны будущей Интербригады.

По ходу своей работы я часто выезжал на разные участки фронта, сопровождая Модесто, Листера, Карлоса и Гарсия, проверять на месте отдельные единицы Пятого полка и знакомясь с положением на фронте. Так я познакомился в течение первого месяца с фронтовыми командирами: Пако Галан, Бурилью, Маркес, Кавада, Морионес, Арреги, Эскобар, Мангада, Барсело, Арельяно, Лопес Тьенда, Эредия и многими другими водителями колонн, честными офицерами, которые уже были в Пятом полку или стали тяготеть к нему, разуверившись в правильности руководства армией со стороны всесильного тогда командующего

армией центра, генерала Асенсио. С положением дел на фронте центральной армии – от Сомосьеры – Гвадаррамы до Толедо я уже успел ознакомиться лично на месте и по информации отдельных командиров. И у меня сложилось определенное мнение, что генерал Асенсио опасный вредитель. Это мнение подтверждалось с каждым днем, изучая операции до и после Талаверы и фактами, сообщаемыми командирами Пятого полка. Об этих фактах и о мнении руководства Пятого полка доводилось до сведения Политбюро, которое, в свою очередь, по собственным данным также считало, что ген. Асенсио опасный человек.

В самом Мадриде Пятый полк столкнулся с фактами вредительства: взорвалась мастерская ручных гранат, где погибли рабочие и главный инженер, сочувствующий нам американец; на улицах стали арестовывать командиров Пятого полка и обезоруживать его караулы; для мастерской по изготовлению минометов не удавалось добиться разрешения; запрещались фортификационные работы в окрестностях Мадрида, на которые по мобилизации партии и Пятого полка шли тысячи добровольцев, мужчин и женщин; оружие, которое имелось на складах, удавалось получать для батальонов Пятого полка с большим трудом, не иначе, как за несколько часов перед уходом на фронт; силы Пятого полка на фронте разбрасывались по-ротной, по-батальонно в разные концы, чтобы не позволить собрать мощный кулак на определенном участке фронта и т.п.

На одном из заседаний Политбюро было решено довести об этих фактах до сведения т. Розенберга, полпреда, и добиться согласованных шагов перед Кабальеро в отношении Асенсио и других, более мелких его сообщников. Социалисты, в свою очередь, также не доверяли Асенсио, и люди, как Претел, Виргилио Льянос, Альмендрос – все из ближайшего окружения Кабальеро – стали искать связи в Пятом полку, чтобы совместным дружеским нажимом на Кабальеро помочь ему освободиться от Асенсио. Тов. Михе и министрам-коммунистам Урибе и Эрнандесу Политбюро поручило оказывать давление на Кабальеро в этом смысле. Показываться на фронте Асенсио нельзя было, так уже его ненавидели там командиры и бойцы.

В связи с вопросом Асенсио я однажды был вызван к Розенбергу в посольство. Там мне стали доказывать, что нам нужно идти вместе с Асенсио и что нужно делать все, чтобы поддержать его авторитет. В этом смысле Розенберг успел уже переговорить с тов. Михе и, кажется, также с тов. Марти. Я старался объяснить Розенбергу и Гореву, почему этого нельзя делать и что при том глубоком недоверии, которое фронт питает по отношению к Асенсио, этого делать нельзя. Если бы Асенсио даже был честнейшим человеком, то лучше не навязывать его армии, которая не питает доверия к командующему.

После этой встречи с Розенбергом я оставался еще некоторое время в кабинете Горева, он продолжал убеждать меня в необходимости “подчиняться”, как будто от меня зависело то, что армия настроена против Асенсио. Присутствовали при этом секретарь посольства Гайкис и тов. Орлов (работающий по линии соседей). Я указывал Гореву и Гайкису, что дело не от меня зависит и не от Пятого полка, а что и Хозе Ди-

ас мне высказал свое недоумение по поводу заступничества Розенберга, употребляя следующие слова: “Не знаю, считает ли он (Розенберг) нужным защищать Асенсио по требованию Ларго перед партией или защищать партию от этого предателя?”

Это было моей первой размолвкой с нашими товарищами. Правда, там же я сказал, что Розенберг говорил со мной не так, как большевик должен был бы говорить... Эта моя фраза, которая стала известной Розенбергу, конечно, была лишней. Т. Орлов, который не одобрял тогда тона, с которым говорили со мной Розенберг и Горев, мне впоследствии несколько раз напоминал, что я дал себя спровоцировать на лишнее слово и что это стало причиной недружелюбного в дальнейшем отношения ко мне со стороны Розенберга.

Тем временем партии удалось добиться у Ларго Кабальеро назначения пяти товарищей, по списку партии, на работу в генеральный штаб, чтобы хотя бы этим путем иметь свой глаз в центральном руководстве армии. Я попал по этому списку, как генерал Клебер, на работу в оперативный отдел штаба, тов. Гейман, как майор Видаль, в орготдел штаба, остальные три – испанские товарищи. Я получил официальное назначение по министерству.

Нужно остановиться на том, почему я стал “генералом”, ибо и это вызвало у Розенберга недовольство и насмешки. Должен сказать, что и я удивился, когда Хозе Диас и Эрнандес вернулись с очередного визита у Ларго и сказали, что нужно было представить нас с определенными чинами, т.к. иначе нас в министерстве стали бы саботировать. Ларго, сопротивлявшийся предложению товарища Диаса, все ссылался на то, что у партии нет генералов, полковников и т.д., чтобы занимать такие посты. Тогда т. Диас ему ответил, что у партии такие имеются. Так я стал генералом, чтобы больше импонировать сотрудникам штаба. Этот скачок через лестницу, пожалуй, был лишний. Можно было поскромнее, стать полковником или майором, чем я вполне был бы доволен. Но шаг уже был сделан, назначение состоялось. Прыгать назад уже нельзя было. Тов. Гомес, кажется, тоже фигурировал в списке как генерал, но Ларго отказался принять в генштаб больше, чем пять коммунистов, т.к. и от других партий кандидаты принимались по определенной пропорции.

До этого моего нового назначения я успел побывать в боях под Толедо, куда я поехал вместе с Листером, чтобы помогать (негласно) ему и подполковнику Бурильо, вновь назначенному командующему Толедской группой. В Толедо мы, т.е. Бурильо, Листер и я, вновь убедились, что мы являемся жертвой плохо замаскированного предательства со стороны Асенсио. До этого назначения честный и преданный нам подполковник Бурильо командовал в Мадриде силами полиции, “Гвардиа де Асальто”. Его партия выставляла, как кандидата, на случай, если Ларго согласится расстаться с Асенсио. Асенсио, зная об этом, решил “угробить” Бурильо, назначая его в Толедский хаос за три дня до взятия Толедо противником. Те же виды Асенсио имел с Листером, который, как командующий Пятым полком, имел слишком большую силу в Мадриде. Уже сам факт изъятия Бурильо и Листера из Мадрида должен был насторожить партию насчет планов Асенсио в самом Мадриде.

А в Толедо? Внутри города шла осада кадетов⁷ в Алькасар. причем анархистские части и части регулярной армии саботировали каждый раз попытки штурма Алькасара людьми Пятого полка. Каждый раз штурмующие откатывались назад, будучи встречены насмешками равнодушных анархистов и армейцев, которым неплохо жилось в Толедо, ими разграбленном.

Со стороны Талаверы быстро приближалась колонна Ягуэ, состоявшая из отборных марокканцев и легионеров. В создавшейся обстановке нужно было бы прекратить бесполезное штурмование Алькасара, ограничиться осадой кадетов и бросить максимум сил против приближавшейся к городу колонны противника. Так и решили Бурильо и Листер по моему предложению. Однако, брать Алькасар во что бы то ни стало, в противном случае Бурильо и Листер будут отданы под суд, — так гласили все приказы, письменные и по телефону, полученные от Асенсио. Вход в город контролировался постами ПОУМ-овской банды. За день до потери города эта банда арестовала Листера и меня, задержав наши машины при въезде в город. Не будь наши маузеры и проскочившая в город машина товарищей, которая оповестила наших людей, поспешивших нам на помощь, наш земной путь кончился бы тогда в Толедо.

Мы сделали все, что могли, чтобы задержать противника извне и брать Алькасар новым штурмом. И то, и другое было уже поздно. Мы остались еще один день в городе, ведя бой с колонной Ягуэ и с кадетами в тылу, начавшими делать вылазки из Алькасара. Связь с Мадридом прервана. Там, в сводке генштаба, Толедо уже значится за противником. Мы еще держимся целые сутки. В 15 часов дня Бурильо и Листер советуют мне оставить город по единственному мосту, который, неизвестно, занят или не занят противником. Я со своим переводчиком Дуран (теперь комдив и начальник Особого Отдела армии Центра) даем полный газ и под пулеметным огнем мчимся через мост в южном направлении. Проскочили. Мчимся дальше и — машина слетает с насыпи дороги на полном ходу и мы кувыркаемся несколько метров ниже насыпи в виноградник. У меня только незначительные ушибы. Дуран и шофер невредимы, и даже машина цела. Можно продолжать бегство. Вслед за нами прорвался Бурильо, не знаю, как. А Листер остался еще внутри города, чтобы под покровом темноты прорваться из кольца со своим отрядом. В уличном бою поздней ночью Листер вывел остатки своего отряда.

В Мадриде Асенсио отдает приказ — арестовать Листера и Бурильо. Они должны предстать перед полевым судом... за сдачу Толедо противнику. О моем пребывании в Толедо Асенсио, по всей вероятности, не знал.

Я вернулся в Мадрид и стал работать в оперативном отделе штаба. Саботаж кругом. Начальник главного штаба, социалист и честный работник Эстрада, бессилен против Асенсио и его ставленников. Всякое предложение майора Эстрады, согласованное с т. Горевым и с нами, встречает отпор со стороны Ларго Кабальеро, который совещается только с Асенсио, предложения которого он принимает без всякого.

Встречаясь с Горевым и другими советскими товарищами в штабе, мы делаем вид, что друг друга не знаем. Меня потом представляют официально русским товарищам. Военмину делается предложение – штабом и нами разработанное о создании первых бригад. Ларго долго не соглашается дать своей подписи. Тем временем, другой явный случай предательства Асенсио: пятитысячная группа Мангада, которой командует боевой командир Маркес, почти полностью обойдена противником в горах. Соседи отступили. Маркес просит помощи или разрешения на отступление на ближайшие хорошие позиции, пока не поздно. Он просит разрешения у Асенсио вывести, по крайней мере, свои батареи, к которым нет больше ни одного снаряда (надежды на получение снарядов нет). Асенсио отказывает Маркесу во всем, приказывая держаться на месте до последней возможности. В отчаянии Маркес является в штаб Пятого полка. Дело ясное – надо отступать, пока не поздно. Излагаем дело тов. Диасу и советуем Маркесу отойти на позиции в ту же ночь. Так была спасена пятитысячная группа. Противник повел на рассвете атаку со всех сторон, но уже ударил по пустому месту. Отряд Маркеса появился неожиданно с тыла и имел сравнительно крупный успех, заставив противника несколько замедлить темп стремительного наступления на Мадрид. Результат – командир Маркес снят с должности и должен предстать перед трибуналом. От Маркеса Асенсио хочет получить одно признание: получил ли он приказ на это от штаба Пятого полка, в частности, от Клебера.

Все эти факты, о которых знали товарищи из ЦК партии, вызывали глубокое возмущение. Розенберг же продолжал играть роль примирителя, считая меня виновником за настроения против Асенсио. К тому времени т. Марти в Мадриде уже не было. Оставшись один, т. Гейман-Видаль⁸ все настаивал на своем отъезде в Париж, чем вызвал негодование Политбюро. Тов. Диас предложил довести об этом до сведения компартии Франции и требовать исключения Видаля из партии за трусость. Тов. Марти уехал по вызову домой, однако он оставил Мадрид скорее под впечатлением бесед с Розенбергом, нежели с оценкой положения дел, которая имелаась тогда в Политбюро.

В ЦК партии являлись делегаты со всех фронтов с информацией о положении и с просьбой о помощи. Приезжал член ЦК т. Картон из Эстремадуры, т. Урибес с Теруэльского фронта, т. Коморера из Барселонны и Арагонского фронта, товарищи из Малаги и многие другие товарищи, в том числе беспартийные командиры и комиссары-социалисты. Работая одновременно в генштабе и в военном отделе ЦК, я имел гораздо более полную информацию с фронтов по линии ЦК, нежели по линии генерального штаба. На основании этих данных и частых распросов живых людей я оценивал наши силы и возможности, силы и возможности противника куда точнее, нежели генеральный штаб, который слабо поддерживал связь с фронтами. Продолжение своей работы в штабе я, как и другие коммунисты, посланные вместе со мной на работу в штаб, считал напрасной тратой времени. Я просил тов. Диаса освободить меня от неприятной обязанности – оставаться пленником у саботажников в штабе. Я просился на фронт, где нужны были люди. С та-

кими настроями застал меня тов. Луис, тем временем вернувшийся из дому в Мадрид. Он не одобрял уход из штаба, пожурил меня и сказал, что надо продолжать работу в штабе, какой бы неприятной она ни казалась.

Я разработал план операций и доложил его на заседании Политбюро, на котором этот план был принят. Было решено, чтобы Михе, Урибе и Эрнандес добились приема у Ларго Кабальеро. Я должен изложить военному плану операций, на реализации которых партия настаивает, предварительно я согласовал этот план с т. Горевым. Ни до этого времени и еще долго после этого штаб никакого плана действия вообще не имел. Он просто регистрировал события и то делал это плохо, никогда точно не зная, что на фронте делается.

По моему плану вытекало, что мы можем и должны предпринять в середине октября 1936 г. одно многообещающее наступление на Теруэльском участке, другое в Эстремадуре, в тылу противника, наступающего на Мадрид, а третье, спускаясь с гор, в направлении на Талаверу, угрожая, таким образом, открытому флангу противника, наступавшего на Мадрид. С товарищем Урибес, военным руководителем у Теруоля, с тов. Картон, руководителем Эстремадуры и с другими товарищами, приславшими по вызову ЦК, все вопросы были изучены и они возвратились на места, чтобы подготовить свои операции.

С тов. Михе я был принят у Ларго Кабальеро и изложил ему этот план. Ларго очень неохотно выслушал мой устный доклад и дал свое заключение, что план нереальный. Такого, по крайней мере по его словам, было мнение Асенсио, которому он дал мой письменный доклад на заключение.

С неделю спустя мне пришлось докладывать военному министру другой план. На сей раз – план возможной защиты Мадрида. Предварительно этот план был согласован в посольстве. Розенберг очень скептически отнесся к возможности защиты города.

В дополнение к силам Пятого полка в Мадриде и к отрядам рабочих, мобилизуемым партией для защиты Мадрида, я просил добавить две бригады из тех девяти бригад, формирование которых все же удалось добиться у военного министра.

Установка у товарищей из посольства сводилась к тому, что нельзя бросать в Мадрид часть новых бригад, а нужно собрать большой кулак, хотя бы к более позднему времени, т.е. ударить с большой силой – после потери Мадрида, если бы он оказался тем временем потерянным. Против такой установки я категорически возражал, считая, что в основном верный принцип – ударить с максимумом сил, в данном конкретном случае хотят применять неверно. Потеряв Мадрид, мы его не вернем себе и двадцатью бригадами, а просто будем вести лишь арьергардные бои, которым очень скоро настанет конец, т.е. полное поражение республики.

Тов. Диас настоял на выделении новых бригад для защиты Мадрида. С нашим министром Урибе мне пришлось докладывать план защиты Мадрида военному министру. Кабальеро просто махнул рукой и называл план “литературой”. Тогда я сказал моему переводчику, тов. Дура-

ну, заявить военному министру, что Мадрид будет защищаться, но правительство, которое не приняло все меры, потеряет авторитет в стране и в армии.

На этом наша аудиенция окончилась. Партия мобилизовалась лихорадочно, посылала лучших товарищей на фронт, чтобы повлиять на стремительно отступающие части. Весь состав Политбюро проводил эти дни на фронте, возвращаясь вечером в ЦК на заседания и работу по мобилизации масс. Новые товарищи-советники приехали из дому, и они отбросили вредную установку, имевшуюся раньше в посольстве, насчет использования новых бригад.

Тов. Марти вернулся с Гейманом-Видалем в Мадрид и на следующий день уехал в Альбасету, чтобы начать формирование Интербригады.

Появились в бою с нашей стороны первые танки. Проявляя чудеса храбрости, они, и только они, задержали на несколько дней стремительное наступление противника.

В бой вступила одна из новых бригад, первая бригада Листера, в формировании которой оставшиеся в руководстве Пятого полка товарищи Карлос, Кастро и я ему деятельно помогали.

Тов. Модесто и тов. Маркес со своими отрядами вели арьергардные бои на подступах к Мадриду. Отряды Лопес Гьенда и Эскобара отступали разбитыми из Навалькарnero. С тов. Дуран, моим переводчиком, я обьезжал все эти отряды, давая советы по ходу операции и намечая рубежи, на которых спешно воздвигались рабочими батальонами Мадрида окопы в тылу.

Ночью стекались в Пятый полк до сотни разных фронтовых командиров для совещания с нами (Кастро, Карлосом и мною) о возможных действиях.

Штаб Асенсио выпускал из своих рук руководство операциями и занимался тайной передачей оставшегося в артскладе оружия всем, кроме батальонов Пятого полка и отрядов компартии.

На ночных совещаниях командиров в Пятом полку, куда Политбюро делегировало своим представителем тов. Михе, возмущение против Асенсио не знало границ. Некоторые вызывались пойти и арестовать Асенсио. Надо полагать, что кое-кто из присутствовавших на этих совещаниях регулярно информировал Асенсио обо всем этом.

В бою под Сосенья я участвовал с отрядом Бурильо, наступая со стороны Аранхуеса. Противник доходил уже до Хетафе.

Бригада Листера и другие, брошенные навстречу противника прямым фронтальным ударом, успеха не имели. Тут, между прочим, погиб тов. Фрид, вызванный из Альбасете, чтобы принять должность начальника штаба в бригаде Листера.

Мадриду нужна была помощь, и товарищ Диас добился у Кабальеро моего назначения командовать Интернациональными частями, которые формировались в Альбасете под номером – одиннадцатая бригада.

В последних числах октября я выехал в Альбасету, имея в кармане мандат ЦК и подписанное Кабальеро предписание.

В Альбасете я явился к тов. Марти. Я познакомился тут с тов. Николетти – комиссаром бригады, с тов. Галло⁹ и другими. Видаля исполнял должность начальника штаба. До моего прибытия тов. Марти назначил одного француза, который, после Ируна, приехал в Альбасету с группой своих людей. Тов. Марти, как и другие товарищи, не особенно доверяли этому командиру, ими же назначенному. Подозревали в нем, кажется не без основания, агента французского “Второго бюро”.

Встал вопрос, как избавиться от этого командира и как помочь мне вступить в должность, не задевая самолюбия у ребят из французского батальона, где комбриг имел своих людей.

Тов. Марти предложил созвать совещание с командирами и комиссарами батальонов, на котором он меня представит, как назначенного правительством командира бригады. Для того, чтобы выступить с большим весом против друзей прежнего командира, тов. Марти предложил мне сообщить ему некоторые даты из своей биографии. Сообщая данные о себе тов. Марти, в присутствии комиссара Николетти, я предупредил его о том, что не все, о чем я ему говорю, может быть сообщено на собрании командиров. Командиры уже стали собираться в соседней комнате.

Имел встречу со своим соперником наедине и убедился, что опасности с его стороны нет, т.к. он собирается уступить мне место без боя и хочет уехать к анархистам в Барселону, где ему предлагают формировать крупный отряд.

Тов. Марти, восхваляя меня на собрании, все же держался в рамках и не сказал все, что знал обо мне.

Потом я выступил перед командирами и поправил тов. Марти в тех местах его речи, где он зашел слишком далеко в непомерных и мною незаслуженных похвалах. Я тут же перешел к задачам, которые перед нами стоят, и назначил время на следующий день, когда буду проверять состояние каждого батальона на тактическом учении в поле.

Вместе с тов. Марти мы за два дня побывали в каждом батальоне и проверили его на тактическом учении. Первым, немецким, батальоном командовал тов. Ганс (Кале), о котором мне заявил комиссар, что германская компартия ему особенно не доверяет. Батальон оказался хорошим. Вторым, французским, батальоном командовал Дюмон, которого я знал из Мадрида, где он показал себя не с хорошей стороны (будучи назначен Пятым полком командиром пулеметной роты в бригаду Листера, он в последнюю минуту перед боем отказался идти в бой и без ведома Пятого полка и Листера он добился у тов. Марти разрешения уехать со своими людьми в Альбасету, где его тут же назначили командовать батальоном).

Третьим, польским батальоном командовал замечательный боевой товарищ Болек, при котором комиссаром работал тов. Матушак, один из скромных героев будущих боев.

Четвертым, итальянским батальоном командовал приехавший из Америки итальянец Гальяни, честный человек, но неспособный командир и романтический болтун.

Оружия бригада еще не имела. У президента кортесов Де Баррио, имевшего наряд на оружие, я на четвертый день пребывания в Альбасете добился выдачи оружия – одних винтовок – для бригады.

Приехали русские советники инспектировать бригаду, и они остались довольными проведенными мною учениями и ночными маневрами.

Мы добились необходимых жел. дор. составов, чтобы перебросить бригаду в Мадрид.

Хочу сообщить здесь один момент, который, по-моему, сыграл некоторую роль в недоразумениях, вставших впоследствии между первой интербригадой и мною с одной стороны и товарищами, оставшимися в Альбасете – с другой.

Когда дело дошло до погрузки бригады в вагоны, на товарища Марти стали влиять люди, которые ему доказывали, что батальоны к бою еще не готовы, что надо дольше обучаться и что надо ждать получения пулеметов. Раз мы тронемся с места, нам, мол, дополнительного оружия больше не дадут.

В то время, как люди, зная трагическое положение фронта под Мадридом, рвались скорее туда в бой, нач. штаба моей бригады Видаль и с ним комиссар Николетти и Галло тянули назад и колебали в свою очередь и товарища Марти. В торговле с этими товарищами я должен был уступить, в конечном счете, в том что забрал первые три батальона на поезда и оставил четвертый батальон на месте с уговором, что он будет грузиться позже на два дня. Итальянские товарищи ждали прибытия из Парижа нового командира, республиканца Паччиарди, который должен был сменить неспособного Гальяни. Паччиарди прибыл и при мне он провел учение со своим батальоном. Не успев познакомиться с батальоном как следует, он, пожалуй, склонялся отправиться на фронт вместе с нами. Однако комиссар Николетти убедил его, что лучше остаться еще два дня.

Третьего ноября три батальона отправились в сторону Мадрида. Начальник штаба бригады Видаль – неимоверный трус – маскирует это пусканием пыли в глаза. Он всегда все знает лучше, чем кто-либо. Так, он в свое время придирался ко всему и сделался невыносимым для тов. Диаса и других в ЦК. Уехав демонстративно в Париж с мнением, что все уже потеряно, он потом вернулся в Испанию с тов. Марти и со своей женой. Уходить из Альбасете от своей жены ему не хотелось. На тов. Марти Видаль оказывал большое влияние.

Бригада уехала на фронт без Видаль. На его место тов. Марти рекомендовал мне отставного майора французской службы, Висенте, который по контракту с испанским правительством прибыл в Испанию. По этому контракту он получил в испанской армии чин подполковника и ему платили крупное жалованье в валюте. К Интернациональным бригадам этот старичок никакого отношения не имел и в Альбасету он попал (по ошибке!?), так как правительству, выписавшему его из Фран-

ции, не до него было в эти дни. Тов. Марти его подобрал в пути из Мадрида и привез его в Альбасету.

И вот у меня начальник штаба Висенте, начавший ставить под своей подписью слово “полковник”.

Замечательного человека, интеллигентного и преданного партии молодого члена партии, товарища Дурана, который служил мне переводчиком в течение всего времени в Мадриде и на фронтах, я сделал своим адъютантом и фактическим начальником штаба. Полковник Висенте был просто лишним “украшением” нашей бригады, который держался подальше от фронта. В знании военного дела Висенте отказывать нельзя. Но он был чуждый нам человек, с большими, к тому же, претензиями и обидчив, Дурана он ненавидел, но по отношению ко мне сдерживался и внешне показывал дисциплинированность.

Видаль остался на месте в Альбасете с задачей организовать ожидавшихся интернационалистов и отправлять их вслед за нами, отчитываясь передо мною рапортами, присылаемыми курьерами, и получая от меня инструкции.

На автомобиле я прибыл в Викальваро под Мадридом, раньше, чем мои батальоны. Встретив и разместив их предварительно, я выехал в Мадрид, где, с помощью наших товарищей из посольства, получил долгожданные пулеметы. Отправляю курьера в Альбасету с приказом – прислать немедленно итальянский батальон.

В Мадриде хаос. Правительство и штаб сбежали, не передав никому полномочия по защите Мадрида. В Чинчоне анархисты арестовали Кабальеро и Асенсио, но скоро освободили.

В штабе Пятого полка и в провинциальном Комитете партии лихорадочная работа – руководят устройством баррикад, рытьем окопов, разоружением одних и вооружением других, ликвидацией известных очагов пятой колонны и т.д.

Настроение у партийцев бодрое, они не дают увлекать себя общим потоком бегства. Отдельных товарищей, смелодушничавших вначале, партия возвращает обратно на места.

При помощи партии образовалась “Хунта де дефенса”¹⁰. В нее входит генерал Миаха. Начальником штаба у него майор Рохо. В остальном – здание министерства и штаба пусто. Прежняя жизнь замерла.

Представляюсь генералу Миаха и Рохо и последний приказывает двинуть бригаду в город.

6-го ноября. Мадрид горит после последних бомбардировок неприятельской авиации. Ночью картина жуткая. Мои три батальона утром вступили в Мадрид и я, после короткой речи, отправляю их в направлении на Университетский городок. О противнике известно, что он готовится к торжественному вступлению в Мадрид. К полудню мы уже в Университетском городке. Мой штаб, т.е. я и Дуран, разместился в факультете философии и литературы. Правее меня – французский батальон, в центре польский, левее – немецкий батальон, – спускаемся до реки Мансанарес и частично входим в Восточный парк и в Каса де Кампо, по ту сторону реки, где тут же завязывается горячий бой с марокканцами.

Прилетает авиация противника и бомбит нас основательно. Артиллерия противника берет прицел на Университетский городок. Мои люди держатся спокойно. Проходит первый день и так все остальные без счету... Бригаде нужна помощь. Боевой состав спускается постепенно до 45% прежней численности. В отдельных ротах осталось не больше 25 человек. Командир польского батальона ранен, на его место вступает тов. Петров (из Коминтерна). Многих командиров рот и взводов недосчитывается. Люди, измотанные, засыпают перед противником даже в жаркие моменты боя, на ходу. Им становится все равно. Приказывать нельзя. Можно лишь напоминать им, что они коммунисты, и просить их напрячь еще разик последние свои силы.

Прибыл Дуррути с нестойкими частями. Дуррути убит, дело становится еще хуже. Где же наш итальянский батальон, почему он не едет? Отправили уже трех курьеров в Альбасету — не возвращаются. Прибыл ко мне тов. Боймлер. Его посылаю четвертым курьером к тов. Марти в Альбасету.

Мой комиссар Николетти и начальник штаба Висенте отсиживают где-то в Викальваро и на фронте не появляются. В Викальваро имеется шампанское и Висенте очень любит вкусно поесть. В записочках, которые до меня доходят, он и Николетти все ссылаются на какие-то дела.

С фронта исчезает командир второго батальона Дюмон. Думаю, что он убит, а он, как выясняется потом, сидит в Викальваро. Нет командиров, которые могли бы принять второй батальон. Берусь командовать ротами этого батальона непосредственно, пока с визитом не приезжает Людвиг Ренн, которому передаю командование французским батальоном.

Возвращается из Альбасете Ганс Боймлер злой и ругается. Его тов. Марти и Видаль встретили с упреками, почему приехал, почему он лезет не в свое дело. Итальянский батальон входит во вновь организованную 12 интербригаду и ею командует товарищ Лукач¹¹. Клебер не имеет права давать приказы базе в Альбасете.

Боймлеру не хотели выдать бензину на обратный путь, так как он приехал в Альбасету по собственному почину, без вызова.

Прошло еще несколько дней. Все мы выбились из последних сил. Противник стал обходить фланги. Нужно было бросить немецкий батальон с левого фланга на правый. Доверили испанской части позиции немецкого батальона, а эта часть — давай отступать, и противник проскакивает в Восточный парк, захватывает Французский клуб и другие здания и вклинивается вплоть до Образцовой Тюрьмы. Бросаю французский батальон слева направо (комбат Дюмон тем временем вернулся в строй), чтобы заштопать зияющую дыру. Противник вклинивается в центре у Французского моста, у Ветеринарного Института и у Паласете.

Я должен перенести штаб назад, в здание клуба Гольфа. Пятый полк посылает ко мне свои батальоны. Батальон астурийцев во главе с коммунистом Эредия дает нам первую поддержку. Эредия убит и батальон дрогнул... Опять беда.

Неизвестно откуда появляются группы испанских коммунистов и включаются в нашу бригаду. Мы обрастаем на наших флангах новыми, уже более стойкими силами. Слева появился Пако Галан, но его скоро ранили. На его место прибыл Ортега, который прочно закрепляется. Справа – новая бригада карабинеров и дальше отряд анархистов с энергичным комиссаром Мера¹².

Постепенно наш фронт принимает контуры и стабилизируется. Интербригада же окончательно выбилась из сил.

Приехал Николетти с фотографом – снимать нас. Он принес весть, что 12-ая бригада, после неудачного штурма горы Анхелос (где она себя показала не с лучшей стороны), должна скоро прибыть, чтобы сменить нас. Отдельные группы бойцов, бежавших из-под Анхелос, уже до этого прибыли к нам и включились в бой. Ничего, дерутся хорошо.

Тов. Петров, командир польского батальона, еле держится на ногах. Беру его к себе помощником, а на его место назначаю прибывшего француза Ривьера. Замечательный человек, буржуа, но честный антифашист. Идет с батальоном в опаснейшее место, чтобы отобрать у противника часть здания Паласеты. Завязывается бой – самый жуткий боевой эпизод за все это время. Ручными гранатами и штыками польский батальон столкнулся с марокканцами. На лестнице и в этажах дома идет жуткая схватка. В польской роте, в которой один взвод – болгары и югославы, остается из 60 человек всего пять–шесть в живых. Комбат Ривьер застрелился, не побывав в Испании и трех дней.

Ноябрь идет к своему концу (Пишу это по памяти и замечая, как невольно события тех дней встают передо мной в не совсем строгой хронологии. Ошибки в днях вполне возможны).

Прибыла в мое распоряжение 12 бригада. Прибыла антитанковая батарея. К батарее, которая была со мной, прибавилась еще другая. Теперь – две, батарея имени Тельмана и имени Либкнехта. На них вся опора наша в ближнем бою, так как они непосредственное обслуживают пехоту, в то время как испанская артиллерия действует только централизованно, не связываясь с пехотой.

Бойцы 12-ой бригады, а именно, немецкого батальона имени Тельмана, итальянского батальона имени Гарибальди – не уступают нашим бойцам. Несколько хуже дело обстоит с франко-бельгийским батальоном. Случайно мы напали на след фашистской организации, руководимой из Бельгии. У бельгийца, командира антитанковой батареи, перехвачено компрометирующее его письмо, адресованное Дегрелю. И действительно – в бою имели место явные акты саботажа с антитанковыми орудиями, обслуживаемыми преимущественно бельгийцами. Подобное положение и в полевой батарее, где имеются также бельгийцы. Эта батарея все стреляет коротко, по нашим. Пришлось расстрелять командира батареи и принять соответствующие меры.

Я стал командовать обширным сектором, в который, кроме двух интербригад, входили еще шесть-семь бригад, реорганизованных мною на фронте из числа прежних разношерстных отрядов.

Не имея возможности командовать непосредственно своей 11-ой ин-тербригадой, я доверил командование товарищу Гансу¹³, командиру немецкого батальона имени Эдгара Андре.

Обо мне заговорили мадридские газеты. Если не ошибаюсь, первой начала газета правых социалистов, орган Прието "Социалиста". В пере-довице, говоря о едином командовании, газета указывала на Клебера. Шумиху подхватили и другие газеты. Коммунистические газеты стояли вначале в стороне от этого.

Нужно добавить к тому же, что до этого вышел (то ли в Мадриде, то ли в Альбасете) первый номер нашей бригадной газеты, которую со-с-т-ряпал тов.Николетти.

Николетти оказал мне медвежью услугу, расписав меня, как карти-ну. Мало того, что он выболтал все то, что слышал в Альбасете, когда я исповедовался товарищу Марти, он переврал к тому же и разукрасил факты так, что получилась просто скандальная история. Эту историю стали газеты перепечатывать.

Ко мне являлись всякие корреспонденты, но я их не принимал. Мне просто некогда было. Однако в одном случае я уступил просьбам своего адъютанта Дурана, к которому изо дня в день зачастил знакомый ему корреспондент газеты "Кларидад", тогдашнего органа Ларго Каба-льеро.

Чтобы рассеять бредни нашего Николетти, я стал отвечать на воп-росы так, чтобы замазать и отвлечь внимание о своем прошлом в СССР. Отсюда получилось интервью генерала Клебера.

Прошло еще некоторое время, и в Мадрид приехала английская парламентская комиссия. Николетти, который вечно околачивался где-то, но не в самой бригаде, приехал и сказал, что нужно будет принять эту комиссию, которая добивается свидания со мною. Я наотрез отка-зал, по той простой причине, что боялся, что моим английским языком я перед англичанами вряд ли сойду за канадца, за которого меня прини-мали газеты. Кроме того, в Канаде генералы на перече-те и вряд ли ока-жется кто-либо из них на стороне коммунистов.

Прошло два дня после того, как я изложил Николетти свои доводы. Смотрю – в комнату вваливаются люди, отрекомендовавшиеся моему адъютанту – один – представителем министерства иностранных дел, а другой – председателем английской парламентской комиссии. Вошли они в комнату, где я сидел за обедом, одновременно со своими визитны-ми карточками. Скрываться уже было поздно. В передней стояла груп-па с десятков человек – делегация. Я просил их войти и сесть за стол. На-чались вопросы. Я отшучивался, избегая серьезного разговора. Прово-жая делегацию к двери, я попал под обстрел нескольких фотографов, которые быстро крутили ручку аппаратов. Так я попался второй раз.

Когда все это разнеслось по газетам, причем в перевранном виде, понятно, что дома стали недоумевать и считать меня каким-то авантю-ристом.

На месте же товарищи, поскольку знаю, не придавали сначала осо-бого значения, считая, что это не вредно для пропаганды нашего дела. Лишь тов. Горев пожурил меня за всю эту шумиху. После этого снова

вышел ляпсус. Это было у гроба Ганса Воймлера. Постоял я в почетном карауле с тов. Горевым, фотографам было указано, что снимать нельзя. Потом я еще остался в здании ЦК около часа. При выходе меня снова включили в почетный караул у гроба. На следующий день я увидел себя в “Мундо обреро”. Я не заметил, когда фотограф нас снял.

На этих моментах я останавливаюсь здесь подробнее, потому что знаю, какой ущерб вредная шумиха нанесла моей репутации в глазах товарищей. Не желая оправдываться, я все же должен заявить, что целиком избегать гласности никому не удалось бы в той обстановке, в которой я тогда находился. Можно было, конечно, интервью не давать. Я же пошел на это лишь потому, что хотел рассеять вздор, нагороженный нашей бригадной газетой. Избегать случаев попадания на пленку фотографов никак не удалось бы. Помню случай, когда один немец-фотограф комсомольской прессы подкараулил меня в генеральской фуражке. Я приказал часовому прогнать фотографа. Между прочим, недавно выяснилось, что этот фотограф был агентом гестапо.

Ко мне долго добивался с визитом английский военный атташе в Мадриде. Он приезжал в Эль Пардо, где был расположен мой штаб. Отдавая свою визитную карточку, он каждый раз получал ответ, что меня нет дома. Я выставил особого часового, обязанность которого состояла в том, чтобы предупредить меня в случае приближения машины с английским флагом.

С командованием подчиненной мне 12-ой интербригады у меня, как мне казалось, установились хорошие отношения. Товарищи Лукач – командир бригады, Белов¹⁴ – начальник штаба, Фриц¹⁵ – данный им русский советник (и фактический командир бригады) подчинялись мне и моему штабу. Все мои мероприятия по повышению боеспособности они принимали после разъяснения необходимости той или иной меры. Например: в 11 бригаде имелся кав. эскадрон и в 12 бригаде – другой. Условия борьбы требовали объединения этой силы для совместных операций на фланге. Также пришлось объединить нашу артиллерию в одну единицу и управлять ею в бою централизованно, обслуживая то 11-ую, то 12-ую бригаду, в зависимости, кто из них занимал ответственные участки.

И все же, несмотря на сознание необходимости таких мер со стороны командования 12-ой бригады, у некоторых из них заговорили тенденции “мелкособственнические”, мол, это моя батарея, мой эскадрон и т.п.

На беду случилось так, что мой начальник штаба – полковник Висенте, которому я дал указания разработать инструкции по лучшей работе службы тыла, подписал эту инструкцию так: по поручению командира Интернациональных бригад генерала Клебера – начальник штаба полковник Висенте.

Слово Интернациональных (во множественном числе) стало предметом первого протеста со стороны тов. Лукача. Напрасно я разъяснял, что я не давал таких указаний своему начальнику штаба и что, читая готовую инструкцию, я не обратил внимания на эту подпись. Я приказал начальнику штаба исправить ошибку и думал, что дело этим кончится.

Но нет, об этом сообщено было в Альбасету, где, по всей вероятности, стали регистрировать действительные и мнимые грехи Клебера.

Тем временем 12-ая бригада в боях постепенно дошла почти до того низкого уровня по своей численности, что и 11-ая бригада. Вместе с т. Лукачем и Гансом (временно командующим 11-ой бригадой) я, как командир и начальник сектора, обсуждал положение наших бригад и мы стали просить пополнения из Альбасеты. В течение всего времени, до января 1937 г. и после, когда меня уже не было в Мадриде, никакого пополнения из базы мы не получили. Ряды таяли, численность батальонов доходила до двухсот человек и даже меньше. Тылы же обеих бригад, не имевшие значительных потерь, сохранялись в своей численности, так что пропорция между боевым и обслуживающим составом стала 1:1 и даже больше в пользу тыла.

В Альбасете же, как мне передавали, тем временем увлеклись формированием новых бригад – 13-ой, 14-ой и т.д.

Получилось опасное положение, по которому первые две бригады, за неимением пополнений, могут окончательно сойти со сцены, что было бы крупным ударом по престижу Интербригад.

После смерти Ганса Боймлера, учитывая обстановку, я формулировал свой взгляд перед ответственными товарищами в посольстве:

Мы пожертвовали до сих пор в боях лучшими кадрами коммунистических партий, особенно кадрами нелегальных партий, что является большим уроном для революционного движения соответствующих стран. Наша роль в Испании – не только воевать, но учить воевать и помогать строить испанскую народную армию. Драгоценные наши кадры нужно беречь. Достигнуть этого можно следующими мерами: принять в состав Интербригад испанские пополнения; пересмотреть наши разбухшие тылы на предмет замены одних товарищей другими, которые истрепались в боях на первой линии; особенно окутать кадры наших нелегальных партий, не посылая их в бой компактными единицами и в качестве рядовых бойцов.

Мой опыт совместной работы с испанскими частями мне показал, что опасения потери боеспособности от разделения состава интернационалистов – чего боялись в Альбасете – не оправдываются.

Далее я указывал, что формирование в Альбасете новых бригад по мере прибытия людей извне приводит к вавилонскому столпотворению в каждой из бригад и батальонов, где представлены десятки разных языков. Управлять такими бригадами почти невозможно. Полагаться на объективность переводчиков в бою не приходится. Штабы не могут издавать приказы на нескольких языках. Общим для всех должен стать испанский язык по многим причинам, хотя бы потому, что этот язык все могут легко усвоить.

Для товарищей в Альбасете мой план казался тогда большой ересью. Заговорили мелкие страсти, даже национально-шовинистические, от которых далеко не свободны иногда и хорошие коммунисты.

Я попытался связаться по прямому проводу с тов. Марти, что мне в конце концов удалось. Но каково было мое разочарование, когда тов. Марти на том конце провода заявил, что слушать не хочет. Я повесил трубку.

Не знаю, почему никто из ответственных товарищей в Альбасете: ни т. Марти, ни Видаль, ни кто-либо другой ни разу не соизволил приехать в Мадрид, чтобы на месте познакомиться с нашим положением, с нашими нуждами и запросами, т.е. с запросами первых двух интербригад.

В наши бригады не только не посылалось пополнение, но в то время перестали даже снаряжать в наш адрес одежду, обувь, папиросы и т.п., уходившие в первую очередь на снабжение новых бригад. Такое отношение к нам со стороны Альбасеты возмущало не только меня, но и Лукача, Ганса и вообще всех товарищей из 11 и 12 интербригад.

Наши раненые, попадавшие после госпиталя в Альбасету, насильно направлялись в другие единицы и они, нередко, с бою брали там грузовики, чтобы добраться к своим старым бригадам.

По многим вопросам фронт не понимал "политику" своей базы, а база не хотела считаться с законными требованиями и запросами фронтовых частей.

В полном согласии с т. Лукачем и Гансом, командирами обеих бригад, мы приступили к обмену батальонов между бригадами с целью покончить с многоязычностью в каждой и ликвидировать наметившиеся в отдельных случаях трения между немцами, французами и другими. В каждой из этих двух бригад имелось по одному немецкому и по одному французскому батальону. Если нач. хоз. бригады оказывался французом или немцем, то они, естественно, подбирали себе аппарат из представителей своей нации, что вызывало в батальонах соответствующие нарекания. Бойцам-немцам казалось, без основания, а иногда с основанием, что французский начхоз обсчитывает их в пище, в одежде, белье и т.п. и фаворизирует своих французов, и наоборот. Поляки и другие считали себя обиженными с обеих сторон. Была и другая, более важная причина, почему я распорядился передать из 12 бригады немецкий батальон в 11-ую и французский батальон из 11 в 12-ую бригаду – в чем Альбасета узрел преступление, которое не должно пройти безнаказанным. Причина эта – коренное различие в тактике и в построении боевого порядка по немецкому и французскому образцу. Действия мелких подразделений в групповой тактике одних и других имеет существенные особенности. Переучивать одних по методам других было бы вредно для дела, а главное – поздно.

Итак, с полного согласия командиров бригад я сгруппировал немцев к немцам, французов к французам. Польский батальон был передан 12-ой бригаде, потому что он составлен был преимущественно из польских эмигрантов во Франции и польская тактика – ближе к французской. К тому же, поляки понимают и русский язык, единственный язык, на котором тов. Лукач мог объясняться со своими людьми.

Также я передавал этим интербригадам отдельные испанские роты и батальоны, поступавшие в мое распоряжение.

Тяга в Интербригады со стороны лучшей части испанской молодежи была громадна. После смерти Ганса Боймлера я решил воспользоваться развернувшейся кампанией сочувствия и выставил лозунг (с одобрения партии): «Десять бойцов из каждого батальона в Интербригаду

“Ганс Боймлер”». т.е. Интербригады приветствуют посылку по десяти человек добровольцев из каждого батальона всей республиканской Испании, с целью создания бригады имени “Ганс Боймлер”.

Все эти меры не были поняты в Альбасете. По оценке положения на Мадридском фронте, я в течение декабря 1936 г. считал, что нам нужно воспользоваться потрясением, которому подверглись силы противника в течение ноября, и перейти в наступление на крайнем правом фланге, т.е. в районе Эскориала. Используя время зимы, когда проходы через хребет Гвадаррамы можно охранять слабыми силами, стянуть с гор бездействующие там части к Эскориалу, чтобы обрушиться мощным ударом на тыльные коммуникации противника, осаждающего Мадрид. Боевые части Гвадаррамы—Сомосьерры — свыше 40 000 чел., были в то время самыми крепкими, т.к. состояли из первоначальных добровольцев, не подвергшихся деморализующему бегству, как другие части южнее Мадрида. По крайней мере, хотелось мне заменить постепенно части с горного участка фронта другими частями, подвергшимся деморализации и большим потерям. Там, на спокойном фронте, они могли отсиживаться и приводить себя в порядок, давая возможность собрать с гор мощный кулак-резерв. Мне казалось, что наше крохоборство и желание штопать фронт в самом Мадриде приводит нас к созданию слишком большой густоты, нснужной, если мы хотим ограничиться в Мадриде одной лишь обороной.

Нерешительность командования вытекала из неверия, что мы действительно одержали крупную победу над противником, — победу, вернее, первую половину победы, за которой должна последовать вторая половина. Дело в том, что противник в ноябре был потрясен и обескровлен под Мадридом. В этом состояла первая половина нашей победы. Второй половины можно было достигнуть, не дав противнику выиграть время и подтянуть новые силы. И на самом деле, противник лишь со второй половины декабря стал проявлять новую активность в большом масштабе, т.е. лишь после знаменитой встречи Геринга—Муссолини, после которой стали прибывать в Испанию свежие силы интервентов.

Эти свои взгляды на наши операции я доводил до сведения товарищей, имевших влияние на ход операции.

Чем же мы в действительности занимались на Мадридском фронте в течение декабря и после? Мы выходили (а часто и не выходили) из окопов прямо перед собой, чтобы штурмовать неприступную гору Гарабитас или дома Карабанчейлей, платя большой кровью за пяди земли, которые, в конечном счете, никакого значения для хода войны не имели.

В одном из таких боев части моего сектора должны были штурмовать гору Гарабитас. Нам было дано около двух десятков танков. Назначено время штурма. Пехота готова — танков нет и нет. Прибывают, наконец, танки. Пехота, пошедшая сначала без танков и ничего не достигшая, уже второй раз не хотела идти, даже с танками. Получился разнобой — одни пошли, а другие не идут. Случилось это как раз с бригадой анархистов, которых вообще нелегко было двинуть вперед. И вот танки застряли перед окопами противника, и ни вперед, ни назад. Оказыва-

ется, танки вышли в бой, не заправленные горючим. Противотанковые орудия противника расправлялись с неподвижными танками, как хотели. После боя виновник этой преступной халатности, командир танков, строчил донесение, что танки пострадали потому, что Клебер неправильно поставил задачи танкам. Впоследствии действительная причина выяснилась и виновник был отозван домой. Так возникали у меня трения с отдельными товарищами из состава советников.

Другой случай: противник одним батальоном марокканцев атакует пункт Каса Кемада. Требую по телефону открытия артогня. Даю все данные, куда стрелять и как стрелять. С артиллерийского наблюдательного пункта все видно, как на ладони. К телефону подходит русский товарищ. Я ему повторяю все на русском языке, а он мне отвечает, что это наш батальон, а не батальон противника. Говорю – откройте немедленно огонь, беру все на свою ответственность, я не знаю, мой ли батальон или батальон противника. А он все твердит свое и советует мне послать разведку, чтобы выяснить. Ну, как тут не выругаться? Я его послал к матери. Лишь час с лишним спустя, мне удалось добиться открытия огня, и то, только минуя этого товарища. А этот товарищ дома был комкором – тов. Кулик. Я этого не знал, не узнав голоса в телефоне. Через некоторое время является этот товарищ ко мне в штаб, чтобы познакомиться с положением. Даю ему все данные. А он, вижу, все ищет, к чему бы ему придраться. Наконец, нашел, когда я ему объяснил, какую я произвожу реорганизацию Интербригад, выведенных мною в резерв (Обмен немецкими и французскими батальонами между бригадами, о чем говорилось выше). Товарищ пришел в ярость. Он всяческими словами, в том числе “вредитель! Я вас арестую и под конвоем отправлю домой”, обрушился на меня в присутствии сотрудников моего штаба. Если знать, каким авторитетом я пользовался в армии, то понятно будет, какое это произвело впечатление на присутствовавших. Тов. Дуран, тогда мой адъютант, спросил меня по-английски, прикажу ли я выбросить этого товарища. Я сдержал себя (что, между прочим, не всегда мне удавалось) и сказал товарищу, что все эти вопросы у меня согласованы с тов. Горевым и даже с тов. Гришиным, главным советником. Это заявление привело товарища снова в ярость. Он кричал: “не Гришин, а я здесь главный советник. Почему мне об этом не говорили? Я запрещаю вам передать батальоны. Кто вы такой? Кто вас назначил начальником сектора? Я бы вам роту не доверял”, и т.д. в том же духе.

Между тем, не он, а я был прав с начала до конца: Гришин был главный советник, а не он. Передача батальонов была мерой, диктовавшейся всей обстановкой. Согласие я получил на проведение этой меры. Все были довольны. К тому же, все уже было сделано и закончено. Этот товарищ долго не проработал, к счастью, он был отозван домой, после нескольких инцидентов, на сей раз, не со мной.

С испанским командованием, т.е. с Миаха и с Рохо¹⁶, трений у меня не было. Наоборот. Миаха, который в то время много не вмешивался в дела, обычно встречал меня приветливо. С начальником штаба, Рохо, установились товарищеские, даже дружеские, отношения и взаимное уважение.

Среди командиров испанских бригад, мне подчиненных, я пользовался несомненным авторитетом. Им нравилось, что прежде, чем отдавать письменные приказы, я их созываю и выслушиваю мнения, а потом лишь отдаю приказ.

Однажды присутствовал Николетти на одном таком совещании командиров и комиссаров в моем штабе, в Арабака. Не помню точно, по какому поводу выступил анархист Мера, комиссар анархистской бригады, против Николетти, который в своем слове все говорил: мы, коммунисты, мы, коммунисты...

Анархист Мера был задет словами Николетти и в свою очередь обрушился на коммунистов с обвинением, что они думают много о себе, что они думают лишь о своей пропаганде и т.д. Оба комиссара были не правы, но больше Николетти. Я прекратил их пререкания и сказал: "Я не знаю и не хочу знать, кто здесь коммунисты и кто анархисты. У меня бойцы, командиры и комиссары. Все антифашисты одинаковы".

Впоследствии т. Антон, комиссар фронта, меня спросил, ссылаясь на это собрание, верно ли, что я солидаризировался с анархистами против коммунистов.

Были еще инциденты. Вот один из них. Начхоз бригады т. Дюпре, француз, вообще неплохой работник и товарищ, позволил себе бросить грубую, нетактичную фразу начальнику штаба армии Рохо.

Дело было так. Дюпре явился к Рохо, чтобы получить подпись под заявку на 10 000 порций масла. Рохо спросил его, сколько у него человек. Дюпре соврал, называя преувеличенную цифру, и тут же сказал – "Как могут испанцы отказывать интербригадам в масле? Когда интербригады гибнут на фронте, никто не спрашивает цифр, а когда речь идет о масле, спрашивают точных цифр. Мы приехали помогать вам, а вы...". Несчастный Дюпре показал неуместное рвение начхоза, который добивается побольше масла для своей части. Рохо мне позвонил об этом, и я дал Дюпре выговор в приказе за недисциплинированность и нетактичное поведение перед начальником штаба Рохо. Дюпре потом сознавал свою ошибку и принял наказание. Однако т. Марти, приехавший все же один раз в Мадрид, выставлял случай с Дюпре и другой случай – отстранения командира батальона Дюмона от должности и назначения Людвиг Ренна, немца, на место Дюмона – как доказательство... моей нелюбви к французам. О том, что Дюмон сбежал с поля боя и оставил на произвол свою часть, тов. Марти умолчал.

До этого приезда Марти в Мадрид, в декабре месяце, на который я здесь указываю, мне стало известно, что Альбасете рассылает разные циркуляры в 11-ую и 12-ую бригады, адресуя их Лукачу, Гансу, моему комиссару. Для Альбасете Клебер, как адресат, перестал существовать. Зато стали прорабатывать Клебера. Мне передали, что в штабе Лукача, за обедом, один товарищ, советник по делу войсковой разведки, позволил себе пренебрежительные замечания по моему адресу. Некоторые товарищи возмущались этим и ему указывали, почему он это делает за спиной. Был пущен слух, что я... троцкист.

Однажды комиссар батальона Эдгар Андре накрыл нескольких бойцов своего батальона в момент, когда они собирались уходить на

службу в соседнюю часть, к анархистам. На вопрос, кто им разрешил самовольно уходить из части, один заявил, что генерал Клебер им разрешил, что, конечно, было ложью. При обыске у этих бойцов нашли анархистские листовки на немецком языке. Так я стал, вдобавок, и анархистом.

Все эти инциденты, подозрения, недомолвки рассчитаны были на то, чтобы ошельмовать меня перед партией и подорвать авторитет, которым я пользовался в своих частях.

Я не знал, что тем временем в Валенсии Ларго Кабальеро, желая расправиться с “Хунта де дефенса”, требовал, между прочим, и отозвания Клебера из Мадрида, якобы, за то, что они интригует с пятым полком против правительства. Такие обвинения Кабальеро выдвигал не только против Клебера. Против Антона Карлоса Кастро и других, даже против Миаха, выдвигались аналогичные обвинения.

У Ларго Кабальеро все же имелся один формальный повод – это собрания командного состава. Но речь не шла, как думали тогда, о собраниях командного состава в моем штабе, которые носили характер узко организационный, военно-тактический, инструктивный. На этих собраниях никем, никогда не говорилось ничего против правительства или членов правительства. Ларго Кабальеро имел в виду собрания в штабе Пятого полка, которые проводились под председательством члена Политбюро тов. Михе. На эти собрания приглашались высшие командиры, преимущественно коммунисты, и тов. Михе, как член “Хунта де дефенса”, информировал о положении, о мероприятиях Хунты и правительства. На одном из таких собраний стало известно, какие натянутые отношения существуют между Мадридом и Валенсией и почему это происходит. Очередное требование Валенсии, т.е. помощника военмина Асенсио, было – отдать шесть бригад из состава армии центра на другие фронты. В то время делать этого нельзя было. Имелись сведения, что противник замышляет новое крупное наступление на Мадрид. Ослаблять защиту Мадрида на целых шесть бригад, с правом рисовалось всем присутствующим как акт предательства. Собрание приняло резолюцию против этой меры, диктуемой из Валенсии. Резолюцию составили Карлос и Кастро. Я пришел на это заседание с большим опозданием. Я не выступал на нем и не принимал участия в составлении резолюции. Не знаю, почему ЦК, считавшее эту резолюцию ошибочной, считал и меня соавтором ее. Поскольку я знаю, у товарищей из руководства Пятого полка никогда не имелось тенденции противопоставить себя Центральному Комитету партии. Товарищей Кастро и Карлоса одно время ЦК крыл за такие тенденции и считал, что я с ними в союзе. Прямо меня никто не обвинял.

Возвращаясь к визиту тов. Марти в Мадриде в декабре месяце. Обе интербригады стояли тогда в Эль Пардо в резерве. Там же был мой штаб и я, которому эти бригады подчинялись. Тов. Марти оставался целый день в Эль Пардо, посещая бригады. Он устраивал совещания командиров и комиссаров, не извещая меня об этом и не приглашая присутствовать. В обычной жизни не пришлось бы обижаться на это, в ус-

ловиях же жизни войсковой и на фронте, считаю, это было непрости-тельным подчеркиванием его отношения ко мне, что немедленно долж-но было передаваться и частям. Командира, которого нужно снимать, — снимают, но пока это не сделано, относятся к нему, как к командиру, ибо завтра же он будет вести части в бой и отдавать приказы. Какова будет дисциплина, когда командира лишают авторитета?

К счастью, мой авторитет этим не был поколеблен. Приходили ко мне командиры и комиссары и отзывались с неуважением о т. Марти за его демонстрацию.

Тов. Лукач, который, быть может, больше всего имел основания быть недовольным мною, так как я неоднократно критиковал его дей-ствия в бою, мне говорил впоследствии, что он жалеет, что и он поддал-ся настроениям против меня.

Ночью же, после визита т. Марти в Эль Пардо, было созвано в Мад-риде совещание по вопросам об интербригадах. Был приглашен и я. Т. Марти выступал с критикой против амальгамации интербригад с ис-панскими частями, против приведения бригад к языковому единству и т.д., т.е. против всей моей работы. На руках у присутствующих имелись разработанные тов. Марти напечатанные тезисы. Бегло пробежав ли-стки глазами, я был изумлен одной фразой, где говорилось: "...Интер-бригады в республиканской Испании играют такую же роль, что ино-странный легион у Франко..." — довод в защиту тезиса, почему нас нель-зя перемешивать с испанцами.

Я выступил против таких тезисов и просил тов. Марти послать в Москву один экземпляр этих тезисов, чтобы дома знали суть наших споров.

Близился к концу декабрь. На моем секторе противник успеха за все время не имел. Покойный Нино Нанетти, командовавший тогда батальоном в одной из испанских бригад на правом фланге моего се-ктора, правильно заметил, что на участке его батальона у Вильянуе-ва можно с успехом начать наступление во фланг противника (Это то самое место, где в июле 1937 года нами была предпринята операция на Брунете). Я посоветовался с Рохо. Он разрешил пустить не больше трех батальонов и сам выделил на это три батареи. Мы захватили по-зиции противника, заняли Вильянуева де Каньяда, разбили батальон противника и вошли в Брунете. Бой развивался очень удачно, у нас потеря почти не было. И вдруг командир бригады получает приказ прямо от Асенсио (через голову Рохо и минуя меня)... что он должен отступить и что приданные три батареи должны немедленно прекра-тить огонь и сняться с позиций. Отказываюсь дать разрешение вы-полнить этот приказ. Тогда получаю от Рохо подтверждение, что ба-тареи снимаются с позиции, ибо в Валенсии не дают разрешения на наступление "а фондо", т.е. на глубокое наступление. Дело для меня ясно. Мои батальоны, получив приказ не продолжать наступление и оставить Брунете, требуют расследования и расстрела виновника этого явного агента фашистов, отдавшего приказ о прекращении на-ступления. Этот агент — помощник военного министра. А батальо-нам говорить, кто он, — нельзя.

Сообщил мне тов. Горев, что приехал тов. Гришин¹⁷ (Берзин), главный советник, и хочет со мной говорить. Являюсь. С тов. Гришиным в комнате Горев, Гайкис и товарищ, который некоторое время тому назад назвал меня вредителем и обещал отправить меня домой под конвоем. Думаю, разговор зайдет, наверное, об этом и о том, что он тогда говорил, что он, а не Гришин, является главным советником. Я ошибся. Тов. Гришин начинает с моих грехов: мол, я разыгрываю из себя какого-то Наполеона, интригую против правительства, я направляю Пятый полк против ЦК, я не подчиняюсь указаниям Альбасете, я создал себе незаслуженно рекламу и что, если Мадрид защищался, то я тут не при чем. А посему, он предлагает мне уехать в Малагу, таково также решение партии.

Малага? Невольно припоминаю, как несколько дней тому назад, подслушав радио-Севилья, я слышал слова генерала Кейпо-де-Льяно¹⁸, что “этот генералишка Клебер, который от пули все равно не уйдет, снят со своего поста и назначается в Малагу...” Вспоминаю и другое. В свое время, перед Толедо, генерал Асенсио предложил кандидатуру Листера на пост гражданского губернатора в Малагу. Бурильо тоже хотели отправить в Малагу.

Я спрашиваю тов. Гришина, что я буду делать в Малаге.

“Будешь советником”.

Каким советником, при ком? Ведь, назначить меня советником, значит, открывать карты и показывать, что я русский. На это пойти я не могу и считаю, что товарищи не подумали об этом. Тогда тов. Гришин поправляет себя и говорит, что буду советником при партии в Малаге. И тут возражаю Гришину, заявляя, что человек, который обвиняется в таких грехах, как направление членов партии против ЦК, советником быть не может. Тогда кто-то из присутствующих говорит: “Смотрите, он боится ехать туда, трусит”.

“Поеду в Малагу, – заявляю я, – но только в качестве рядового бойца”.

“Это театральный жест”, – говорит тот же голос. Молчу, ибо доказывать обратное трудно.

С должности меня никто не снимал. Было бы это тогда несколько неразумно для военного министра в Валенсии. Как назло, в Валенсии городская дума тогда переименовала какую-то улицу именем “героического генерала Клебера”. Народный Фронт в Кастильоне посылал Клеберу в подарок новую машину, а Рафаэль Альберти составил поэму: “Клебер – защитник Мадрида”.

К новому году стали образовывать из бригад дивизии. Из бригад моего сектора сформировали три дивизии. Штаб сектора перестал существовать, а в новом списке командиров дивизии Клебер не значился.

Тайком от своих частей я уехал в Валенсию. При прощании с Рохо мне казалось, что он искренно жалеет о моем уходе с мадридского фронта.

Архив документов 11-ой и 12-ой интербригад и Первого Мадридского Сектора, начиная с 7 ноября по конец 1936 года, я передал штабу советников для пересылки в Москву.

Прибыв в Валенсию, я явился в ЦК партии. К помвоенмина Асенсио, как требовал этикет, я не являлся с визитом. Может быть, с моей стороны тогда это было ошибкой, вернее недипломатичным поступком. Тогдашний начальник генштаба, ген. Кабрера, при случае сказал мне, что Асенсио этим “обижен”. Я просто не мог заставить себя подать руку этому врагу народа.

Будучи не у дел и на известном расстоянии от событий, я мог спокойно оценивать пройденный в Мадриде этап. Мне и до этого было ясно, что на моем посту в Мадриде мне дольше оставаться нецелесообразно. Могли бы возникнуть некоторые неудобства для партии.

Если говорить о моем отношении к тогдашнему правительству Ларго Кабальеро, то никто лучше не знает, как тов. Хозе Диас и Луис, как дело в действительности обстояло. Еще в ноябре и в декабре в Мадриде, куда Диас, Пассионария и другие члены политбюро часто приезжали, я изложил свой взгляд на правительство, примерно, следующими словами: правительство — это правительство Народного фронта. Ларго имеет большой вес в массах. Мы не можем и не должны идти против него. Основная задача правительства — это выиграть войну. Однако этот основной вопрос не может быть разрешен, пока помощником военмина, и единственным, которому Ларго верит, остается генерал Асенсио. Не будь даже основательных причин подозревать Асенсио в предательстве, факт его повышения с должности командующего армией центра на должность помощника военмина, т.е. фактического главнокомандующего, есть вызов всему народному фронту и, в первую очередь, компартии и армии. Факт пребывания Асенсио на новом посту прямо разлагает армию. Ларго Кабальеро, нуждаясь в Асенсио для борьбы против компартии, фактически находится в плену у Асенсио, вернее, становится ширмой, за которой собираются силы чанкайшизма против партии, против революции и против народа. Что нужно делать нам, коммунистам? Идти против Кабальеро? Нет. Перед партией стоит не эта задача, и будь она — для этого у партии нет достаточно сил. У Ларго еще сохранился значительный, хотя быстро падающий, вес в массах. Вес Ларго Кабальеро в массах падает именно из-за того, что он становится пешкой в руках Асенсио. Нам нужно направить огонь против Асенсио так, чтобы разъединить его с Ларго и помочь последнему освободиться от пагубного влияния Асенсио на армию, на войну и на правительство. Компартии не только дороги интересы войны и революции, но она также и друг Ларго Кабальеро, которого она спасает от политического самоубийства. Через правительство Народного фронта, единственно возможного правительства в Испании, компартия связана с Ларго Кабальеро “католическом браком”, т.е. трудно расторгаемым. Верно, что в свое время, после правительства Хиралы, партия поспешила с Ларго Кабальеро. Была разыграна, если так можно выразиться, последняя карта. Было создано самое “левое” из возможных правительств Народного фронта, после которого, в случае военной компрометации этого правительства, не останется больше варианта для правительственной комбинации в рамках Народного фронта. Остались две возможности: или

власть окажется в руках анархистов, на что последние охотно идут, но что нельзя допустить нам, коммунистам; или же ходом событий мы, против своей воли и понимания всей обстановки, окажемся у власти, что противоречило бы установкам VII Конгресса КИ. Раз мы оказались связанными ранним “католическим браком” со “спасителем” Ларго Кабальеро, мы должны поддерживать его, поскольку за ним еще идет левое крыло социалистов, профсоюзы и молодежь.

С другой стороны, партия не хочет подписываться под политикой самоубийства, куда тянет дружба Кабальеро с Асенсио. Нужно поэтому всеми мерами расстроить эту дружбу. И это должно нам удаваться, ибо позиции наши в армии сильны, а положение правительства Кабальеро, очутившегося после бегства в Валенсию (где его приняли с несприкрытым холодком, даже с враждебностью) – незavidное. Если Ларго Кабальеро раньше, чуть что, выкидывался осетром на берег и угрожал компартии уходом в отставку, то теперь в Валенсии он шутить не будет и побоится грозить партии своим обычным шантажом. Нам нужно суметь окружить Ларго Кабальеро своей поддержкой (а она кое-что значит), так, чтобы к нему не имели доступа люди, вроде Асенсио. Ларго должен стать пленником тех, кто его спасает от Асенсио и контрреволюции. С нами пойдут на это социалисты, профсоюзы и вся молодежь, имеющая в Испании большой вес и которую Ларго не заподозрит во враждебности к себе. Итак, активными толкачами в желаемом направлении должны стать молодежь и армия, без того, чтобы компартия преждевременно ангажировалась в акции “санации” правительства и его линии поведения.

То, что я говорил товарищам из Политбюро, конечно, не было каким-либо открытием Америки. Фактически, партия с октября 1936 года шла именно по этому пути. Шла глухая борьба в министерской передней. Лично Кабальеро каждый такой демарш партии выносил потом на Совет министров. Там он грозил отставкой и стремился загнать компартию в оппозицию к правительству, как таковому. Товарищам Урибе и Эрнандесу туго приходилось в их роли министров. С одной стороны, нужно было добиться практического разрешения очередных вопросов, с другой стороны, нельзя было давать повода для взрыва правительства изнутри. Обычно Кабальеро выходил из этих стычек “триумфатором”, а потом он уже глумился над министрами-коммунистами и позволял себе пренебречь голосом компартии.

Кто, по-моему, плохо секундировал нашим министрам – это член Политбюро тов. Михе. Тов. Михе официального поста в правительстве не занимал. Отсюда выгодность его положения. Через него, в основном, осуществлялась связь компартии с Ларго Кабальеро, как с председателем министров. Тов. Михе представлял также партию в профсоюзах. Облеченный и этим весом, он мог также говорить с Кабальеро, как с председателем Исполкома профсоюзов. Тов. Михе, кроме того, был главным представителем партии в Генштабе на положении негласного, а потом официального комиссара. Свою работу по представлению и отстаиванию интересов партии тов. Михе плохо выполнял. Он говорил много, а за словами дела не шли. Происходило это, примерно, так: на

Политбюро поручают Михе протолкнуть перед Ларго определенный вопрос. Михе заверяет Политбюро, что он это сделает в два счета. Для него, Михе, это дело пустяшное, Ларго, мол, ему не откажет. Иная картина – это Михе у председателя министров. Там на него нападает странное благоговение перед его превосходительством. Михе жметса, чувствуя себя бедным родственником, просящим милостыню у всесильного дяди.

Может быть, я ошибаюсь в оценке товарища. Оценка моя сложилась при виде Михе то в Политбюро, то на приемах у Кабальеро, или на его работе в генштабе. Михе напоминал мне “Фигаро”. Думаю, что Политбюро, в конечном счете, по достоинству оценило эту работу тов. Михе, который к моменту расширенного Пленума весной 1937 г. уже не играл той всеобъемлющей роли, что раньше. Рядом с Альварес дель Вайо, на своем комиссарском посту, тов. Михе также принес партии одни лишь разочарования.

Мои мадридские ошибки, о которых в Альбасете любили говорить во множественном числе, Политбюро – поскольку я знаю – не формулировало конкретно, как обвинение мне – члену партии. Во всяком случае, если и был разбор дела Клебера, то это было сделано без меня, и я не могу сказать точно, в чем именно мог обвинить меня ЦК компартии Испании.

Поэтому хочу проверить себя на том, как относились ко мне отдельные члены ЦК.

В товарище Хозе Диас я всегда видел товарища, который ценит мою работу и обычно солидаризируется с моим мнением по тому или иному, военному вопросу. В вопросах, касающихся Интербригад, я определенно могу заявить, что он бывал по большей части на моей стороне, нежели на стороне тех, которые критиковали мою работу. Даже после моей стычки с тов. Марти в его декабрьский приезд в Мадрид (по вопросам амальгамации Интербригад с испанскими контингентами, упрощения языковой неразберихи в бригадах, политики сохранения драгоценных кадров, в первую очередь, нелегальных партий, и т.д.) тов. Хозе Диас, приехавший в Мадрид, выслушав и другую сторону, т.е. меня, сказал, что я совершенно прав и что он и партия питают ко мне полное доверие. Также по вопросу Асенсио с самого начала двух мнений между ними и мною не было.

Относительно моей оценки военного положения и вытекающих отсюда предложений и планов действия, могу с гордостью заявить, что тов. Диас меня всегда внимательно выслушивал, поправлял, когда нужно было; но в основном принимал мои предложения.

В оценке роли Ларго Кабальеро он мог иногда промолчать, когда я слишком резко формулировал свои определения. Он, конечно, лучше знал, как трудно бороться с этим человеком.

Тов. Урибе, которого я лично ценю высоко, относился ко мне, примерно так, как Хозе Диас.

Товарищи Долорес и Эрнандес, – оба более импульсивные характеры – еще меньше, чем я, стеснялись давать выражение своим чувствам, когда заходил вопрос о какой-нибудь очередной гадости со стороны

Асенсио и Ларго Кабальеро. Меня они всегда тепло встречали и приветствовали.

Товарищу Михе я был несколько неприятен, как толкач, с одной стороны, свидетель его слабых минут перед министром и генералом, с другой. Мне было больно смотреть, как Асенсио иногда в коридоре министерства снисходительно похлопывал по плечу тов. Михе, выражая при этом и ехидство, и неуважение, а он, Михе, прямо-таки расплывался от радости за оказанную ему "честь". Я не стеснялся обратить внимание на это товарища Михе. Возможно, что это корбило его самолюбие.

Товарищ Чека, всегда молчаливый, никогда не отказывал мне по делу в чем-либо, и отношения установились хорошие, товарищеские.

Товарищи Антон и Диегес, руководя Мадридской организацией, сталкивались со мной часто и в ЦК, и в Пятом полку в вопросах подготовки партийной организации и рабочих Мадрида к предстоящим трудным дням и во время этих дней. Они делали все, что могли. Мне же иногда казалось, что можно было делать еще больше.

Мы иногда могли поспорить по деловому вопросу, скажем, медленно идет выделение определенных специалистов; слабо идет руководство субботниками по рытью окопов и т.п. Следов неприязни это не оставляло ни у меня, ни, думаю, у них.

Остается говорить об отношениях между мною и тов. Гере, который после приезда тов. Луиса уехал потом в Барселону. Тов. Гере вдумчивый, серьезный человек, работал с обычным спокойствием и в горячие дни — с большим хладнокровием. Мою работу по военной специальности он ценил и с ним мы неоднократно имели возможность видеть, как на работе Политбюро вредно отражаются интервенции товарища Марти или Розенберга. Тов. Марти, вдруг осиянный какой-нибудь "гениальной" идеей, делал один день из мухи слона, а на следующий день из слона муху. Это очень дергало и нервировало Политбюро. Все мы с большим облегчением регистрировали, как важное событие, телеграмму о его вызове домой. В конечном счете, это не был товарищ Марти, против которого насторожились товарищи, а его злой гений — Видаль-Гейман, взгляды которого тов. Марти всячески протаскивал.

Товарищ Люис, после приезда, внес свой стиль в работу. Заседания Политбюро стали менее демократичными. И это было хорошо. Однако он, — опять по моему личному мнению, никому не высказанному, — перегибал палку в другом конце. Он привык раньше работать с товарищами из ЦК, когда партия была еще молодая, численно слабая и руководство осуществлялось лично и непосредственно. В те времена установки для представителей Коминтерна также были иные. Теперь обстановка уже была совершенно другая. Партия выросла и брала на свои плечи судьбы своего народа в самый сложный момент его истории. С ростом партии и ее задач выросли также люди, руководившей партией. Прежние методы уже не годились. Лично тов. Луис давно сработался с товарищами из Политбюро и его авторитет ими не оспаривался. Будь на его месте другой товарищ с методом тов. Луиса — все делать самому и собой заслонять личности товарищей из Политбюро — он давно потерпел бы

крах и вызвал бы неприязнь к себе, даже в случае объективно правильного руководства.

И вот в Валенсии тов. Луис, единственный из всех товарищей, в беседе со мной однажды формулировал, в чем именно состояли мои грехи в Мадриде. Основное, по его словам, не столько факт как содержание моего интервью. Вся подоплека с интервью ему была известна, и мне вину он не мог ставить разглашение данных из моей жизни. В отношении содержания он порицал “пророчество” о крупной победе к началу нового года. Верно, что марксисты не должны заниматься пророчествами.

Далее он сказал, что никто не оспаривает моих заслуг, но партия должна была принять меры, ибо в руководстве Пятого полка создавалась нездоровая обстановка по отношению к партийному руководству. Застрельщиками, якобы, были товарищи Карлос и Кастро, с которыми, как известно было, я работал в тесном контакте.

Упомянутые товарищи из Пятого полка ни тогда, ни теперь не нуждались в моем заступничестве. На последовавшем потом расширенном пленуме их чествовали, как героев. Они выступили с докладами, и тов. Кастро был избран кандидатом в ЦК. Я же считал нужным заявить – и теперь повторяю – что, поскольку мне известно, такой обстановки в Пятом полку не имелось и что ни Карлос, ни Кастро со мной никогда не говорили о каких-либо разногласиях между ними и ЦК.

В отношении Ларго Кабальеро он мне показал статью “Правды” и сказал, что хотя я давал свою характеристику правительства на узком совещании, он не может согласиться с моим определением роли Ларго Кабальеро.

В вопросах, возникших между мною и Альбасете, ни он, ни Политбюро меня не обвиняют, пожалуй, согласны со мною.

В целом партийное руководство не считает нужным принимать какие-либо санкции против меня и Политбюро, в частности тов. Диас, не согласны с тем, чтобы меня отправили домой. Могу остаться при ЦК в Валенсии и работать в военной комиссии. Партия считает, что вопрос Клебера и его результаты – это часть общего вопроса похода сторонников Ларго Кабальеро против людей компартии.

Во время этого разговора со мной товарищам из Политбюро было известно, что из Мадрида приезжала делегация в Валенсию просить возвращения Клебера на работу в Мадрид. Дело в том, что спустя несколько дней после моего отъезда из Мадрида, противник начал наступление на моем бывшем секторе и прорвал фронт в районе Лас Розас–Махадаонда–Аравака. То, что противнику ни разу не удалось до этого времени, ему удалось на сей раз. Кто-то из товарищей в ЦК предложил, чтобы я поехал вновь в Мадрид. Руководство партии на это не пошло.

Будучи в Валенсии, я являлся также к тов. Гришину, который принимал меня с некоторым холодком, т.к. считал, что подозрения в связи с Пятым полком не лишены основания.

Странно было в Валенсии отношение ко мне тогдашнего министра финансов доктора Негрина. Еще в Мадриде я однажды получил письмо

от него, переданное мне одним из командиров бригады карабинеров Сабиво. Этот Сабиво особого доверия не внушал, я сообщил об этом факте тов. Гореву. Сообщил ему также содержание всех разговоров, которые я имел с этим Сабиво. Сабиво все время зондировал у меня почву и, наконец, сообщил мне, что он лично знаком с генералом Мола по прежней службе в армии, что Мола – франк-массон и что при известных условиях Мола мог бы повернуть свою армию против генерала Франко. Тов. Горев, посоветовавшись, должно быть, с кем следует, поручил мне интересоваться этой историей. Состоялась потом встреча тов. Горева и Сабиво в моем присутствии. Тут Сабиво повторил историю о Мола. Он развивал нам также планы относительно корпуса карабинеров (погран. охраны), подчиненного министру финансов Негрину. Это все было еще в бытность мою в Мадриде.

Приехав в Валенсию, ко мне явился Сабиво и пригласил меня на обед в один ресторан на пляже, где меня будет ждать министр финансов Негрин. Встреча состоялась. За обедом велась интимная беседа о том и о сем и д-р Негрин, выражая “свое удовольствие познакомиться со мной”, пригласил меня на следующий день к себе на ужин, устраиваемый в мою честь в министерстве финансов.

Я сообщил об этом т.т. Луис, Хосе Диас и Гришину. Все советовали мне принять приглашение и развивать это новое знакомство. С доктором Негрином беседы шли на немецком и английском языках. Он иногда щеголял своими знаниями и русского языка, рассказывая мне о своем путешествии в СССР в качестве делегата на международный конгресс биологов, и о том, что жена у него – русская.

Четыре–пять раз я гостил у д-ра Негрина. Он мне высказал свое разочарование Юлиус Дейч’ем, услугами которого он пользовался по вопросам организации карабинеров. Меня он просил принять его предложение – стать руководителем организуемого им корпуса карабинеров и рассказывал о возможностях, которые он имеет, как министр финансов, покупать во Франции оружие, независимо от военного министра.

Зная, что я от военного министерства жалования не беру, он предложил мне пользоваться услугами Министерства финансов, в мере, которую сочту нужной. Последнее предложение я отклонил. В остальном же я, с ведома и согласия партии и т. Гришина, продолжал считаться в связях с д-р Негрином. Когда я намекнул ему, что встречи со мною могут стать предметом подозрений со стороны людей Кабальеро, он выделил одного из своих сыновей для связи со мной.

В бытность мою в Валенсии я был приглашен в дом ученых “Каса де Культура”, где был дан обед в честь генерала Клебера. Ученые, литераторы и художники – Бергамин, Мачо, Прадос и другие – курили фи́миам “защитнику Мадрида” и дарили мне свои произведения с соответствующими надписями посвящения.

С поэтом Рафаэль Альберти и его женой, Марией Тересой Леон, у меня установилась дружба. Они познакомили меня с бывшим директором сегуридад, видным членом левореспубликанской партии Мануэлем Муньос, занимающим высшую степень “33” в организации франкмасонства в Испании. Муньос выразил перед Альберти свое возмущение

по поводу того, что при каком-то случае, когда разговор зашел о генерале Клебере, полпред Розенберг многозначительно сказал, что “этого господина” он не знает. Отсюда, по словам Муньоса, министр внутренних дел и оруженосец Кабальеро – Галарца – вывел, что в отношении Клебера можно не стесняться и он набрался наглости заявить, что этот Клебер – никому неизвестный проходимец и авантюрист и что он, Галарца, его скоро посадит за решетку. Муньосу было также известно, что люди Асен시오 готовят покушение на Клебера.

Однажды, когда я пришел в ЦК, там с удивлением смотрели на меня, заявляя, что в этот день был по городу распространен слух, что Клебер убили на улице.

Радио фашистов не переставало заниматься мною и выдумывать всякие небылицы.

Я жил за городом в предоставленной мне валенсийским муниципалитетом даче. Занимался изучением военной обстановки для очередных докладов на военной комиссии при ЦК, руководил краткосрочными курсами военных партийцев и писал статьи для военного журнала Агитпропа ЦК, который мы стали издавать под названием “Тьера-ай-рэ-мар” (Земля-воздух-море).

Однажды приехал ко мне посланец от д-ра Негрина с просьбой явиться к нему. Негрин представил меня приехавшим с севера представителям баскского правительства и Астурии – Агирре, Пеня и др. Они предложили мне полететь с ними на Север и поступить там на военную работу.

В связи с угрожающим положением в секторе Малага приехавшие в ЦК малагские товарищи договорились с тов. Хозе Диасом, что он пошлет меня в Малагу. Наконец, он добился у Ларго Кабальеро официального назначения командовать сектором Малагского фронта. Я был вызван к начальнику штаба, генералу Кабрера. Тов. Хозе Диас, а также тов. Гришин предварительно мне сказали, чтобы я, изучая по имеющимся данным частную обстановку на Юге, потребовал от Кабрера выделения из партии прибывшего оружия 8000 винтовок и отряд броневиков для Малаги. Тов. Гришин обещал поддержать это требование со своей стороны. От партийцев, приехавших из Малаги, я узнал, что штаб Малагского фронта политически ненадежен и что необходимо будет просить о назначении других сотрудников для штаба.

Генерал Кабрера, к которому я явился, повел разговор не о Малаге, а об интербригадах. Вы, мол, имеет влияние в интербригадах. И чем объяснить неподчинение приказам со стороны 12-ой бригады в таком-то случае в Гвадалахаре, а 13-й бригады в таком-то случае под Теруелем... и все в этом духе. Я ответил, что не имею никакого отношения к интербригадам с тех пор, как уехал из Мадрида, что мне ничего неизвестно о неподчинении этих бригад приказам командования. Перевели разговор на тему о Малаге. Кабрера делает вид, что о моем назначении ему ничего неизвестно. Он предлагает мне явиться еще раз к нему в течение дня. При втором визите Кабрера подтверждает распоряжение Кабальеро. Старюсь перевести разговор на нужные винтовки и прошу его назначить ко мне адъютантом Дурана – моего старого перевод-

чика. Кабрера об этом и слушать не хочет. Говорит, что я должен выехать ночью же и делает мне замечание, что дисциплина испанской армии требует выполнения приказов без всяких условий и оговорок. Чтобы получить время для предупреждения тов. Гришина о новом обороте, я говорю Кабрера, что, отправляясь на такую ответственную работу, я бы хотел предварительно изучить обстановку по имеющимся у него материалам и получить от него директивы. Кабрера прерывает нашу беседу, уходит на время из комнаты. Полчаса спустя (наверное, побывав у Асенсио), он возвращается и дает указания своему адъютанту заготовить мне предписание и дорожные документы. Получив бумаги на руки, читаю: господин Клебер назначается в распоряжение штаба Малагского сектора для использования его в одном из подсекторов по усмотрению. Значит – не командовать Малагским фронтом, как гласил уговор товарища Диаса с Кабальеро. При данных условиях, конечно, и речи быть не может об отпуске оружия для Малаги. Бывший при Кабрера русский советник Иван уговаривает меня принять назначение. Я еду к тов. Диасу сообщить ему о случившемся и спросить, как поступать. Он возмущен оборотом и советует не ехать. Также и тов. Гришин не советует ехать в Малагу. Кабрера был уверен, что я, взяв документы, отправился в Малагу.

В следующую ночь, настроив свой приемник на волну радио-Севилья, я снова имею удовольствие слушать Кейпо де Льяно, который изощряется по поводу хода дел в Малаге и генерала Клебера, который выехал “спасать Малагу”... Какая осведомленность!

Спустя несколько дней Малага была потеряна. Штаб армии во время боя сбежал к противнику. Позже обо мне газеты заграницей писали, что я был взят в плен при попытке бегства из Малаги.

После падения Малаги я решил написать письмо Кабальеро, объясняя ему причины, почему я не мог согласиться принять переданное мне его начальником генштаба назначение. С проектом составленного письма т.т. Диас и Луис были согласны.

Ларго Кабальеро не замедлил ответить на мое письмо, вернее не замедлил дать свою собственноручную подпись под ответ, составленный от его имени генералом Асенсио. После иезуитского введения: “Дорогой друг и товарищ”, шел подлый текст письма, примерно, так: В вашем назначении в Малагу не было никакого недоразумения, о котором вы говорите в своем письме. Мой помощник военного министра и начальник ген. штаба меня информируют о малейших деталях и я принимаю решения. Верно, что я назначил Вас на высокие посты в Мадриде. Однако отсюда не следует, что я утвердил вас в должности генерала (Примечание: у меня имеется на руках первое назначение, подписанное тем же Кабальеро, где он обращается к его превосходительству генералу бригады дон Эмилио Клебер). «Назначаемые на работу в генштаб, говорится далее в письме, пользуются правами и жалованьем капитана. А посему предлагаю вам не показываться в форме генерала. Надеюсь, что вы будете впредь дисциплинированным и что вы дадите мне возможность пользоваться вашими ценными услугами в славной армии, которую я возглавляю, как верховный ее

вождь, и я также надеюсь, что впредь не буду иметь случая сомневаться в искренности вашего антифашизма. Вам в деле антифашизма: Франсиско Ларго Кабальеро.

Примечание: Что касаются жалования, то я никогда не получал такого, ни генеральского, ни капитанского. Вообще, не думал об этом на фронте. Когда прибыл в Валенсию и надо было жить в отеле и прокормить себя, шофера и его семью, эвакуированную из Мадрида, то в министерстве ответили моему адъютанту, что Клебер в списках не значится. Министерство запросило базу Интербригад в Адыбасете, не платит ли база жалование “так называемому генералу Клеберу”. Видаль-Гейман ответил на запрос министерства, что таковой в списках Интербригад не числится с декабря 1936 г.»

Не только мне, но Модесте, Листеру, Карлоу и другим командирам и комиссарам-коммунистам Кабальеро—Асенсио оказывали особое внимание. Пошла полоса гнусных выпадов против института комиссаров и лично против т.т. Антона, Карлоса и других. После знаменитой демонстрации пролетариата Валенсии по поводу потери Малаги удалось добиться отстранения Асенсио от должности. Кабальеро дал в печать гнусное письмо, в котором он извинялся перед Асенсио за то, что его вынуждают расстаться с лучшим помощником. После отстранения от должности, Асенсио остался анонимным человеком за спиной Ларго Кабальеро, что было еще опаснее. Генерал Кабрера уехал на Север... помогать сдавать противнику страну Басков.

Еще раз, при Кабальеро, зашел разговор о возможном назначении меня на военную работу. Тов. Гришин спросил меня, готов ли я поехать на Север. Я, конечно, был готов. Кабальеро как будто согласился дать свое согласие. Проходили дни ожидания самолета, на котором я должен был полететь на Север. Тем временем в ЦК мне предложили съездить на Теруельский фронт вместе с тов. Кастро, чтобы познакомиться с положением и доложить ЦК. Приехав на фронт, мы застали там странное положение. Командир 22-ой бригады тов. Пако Галан жаловался на то, что ему приказано отступить назад, в то время, как по всем данным, противник впереди его участка слаб и о наступлении помышлять не может. Пако Галан рассказал, что недавно одна партизанская группа его бригады пустила под откос военный эшелон противника, после чего из главного штаба из Валенсии последовал приказ, в котором Галану ставилось на вид за то, что он предпринял операцию, не спросив на это разрешение главного штаба.

На вопрос т. Галана (с которым я подружился в первые дни еще на фронте Гвадаррамы), что ему делать, я ответил, что на его месте я бы наступал, вместо того, чтобы отступать без всякого на это основания. Галан тут же дал приказ своим войскам наступать на деревню Селядес. К концу дня он окружил и занял деревню, захватив в ней 500 человек пленных, 400 винтовок, два десятка пулеметов, 4 полевых, 2 тяжелых, 3 зенитных орудия и свыше миллиона патронов.

Я вернулся на следующий день в Валенсию. А там меня уже ожидало следующее: из генштаба позвонили, на каком основании Клебер поехал в Теруель? За то, что Клебер вмешивался в дела командования,

министр отказал дать разрешение на поездку Клебера на Северный фронт. Значит, снова испортил “дружбу с Кабальеро”. На сей раз мне было вдвойне больно – раз за то, что не смогу принять участие в защите Бильбао, к которому уже готовился мысленно, переговорив с т. Горевым перед его полетом туда; два – за то, что на сей раз т. Гришин остался мною недоволен, поверив сообщению, что я вмешивался в командование под Тереулем. Т. Фриц, советник на Теруельском фронте, отсутствовал в те дни на фронте, выехав с докладом в Валенсию. Встретив его, я спросил, чем именно вызвано было недовольство старшего товарища Гришина. Он ответил, что он готов засвидетельствовать, что мой совет Галану был правильно дан и что, будь он на моем месте, он действовал бы именно так, как я действовал. Товарищ теперь комкор и заслуженный командир. Его оценкой я был доволен. О поездке на Север, однако, больше речи не было.

Тов. Хозе Диас еще раз во время эры Кабальеро пытался протолкнуть меня на фронтовую работу. На сей раз шла речь о принятии командования дивизии имени Карла Маркса на Арагонском фронте. Тов. Коморера, генсек объединенной соц. партии Каталонии, несколько раз ставил этот вопрос перед ЦК в Валенсии. На благоприятное разрешение нельзя было надеяться, пока военмином оставался Кабальеро.

Смысл и требования внушительной всенародной демонстрации в Валенсии, которая благодаря только политической силе компартии прошла в рамках лояльности к правительству Кабальеро, председатель совета министров Кабальеро понять не хотел. Обманывая себя, он истолковал смысл этой демонстрации, как выражение силы, идущей за ним лично – за Ларго Кабальеро. После демонстрации Кабальеро, закусив удила, помчался безудержно по пути ликвидации силы компартии в армии и в массах. Требование масс – очистить армию от предателей – Кабальеро старался превратить в противоположность – в чистку армии и ее политаппарата от коммунистов. Компартия, которая в целях сохранения единства в течение долгих месяцев войны шла на уступки в личных вопросах, касавшихся коммунистических кадров, дальше не могла позволить Кабальеро произвольное хозяйничанье в вопросах армии. Хотел этого или не хотел Ларго Кабальеро, его действия прямо вели к “объятию Вергары”, т.е. к примирению с генералом Франко. И даже на последовавшем потом митинге, созванном компартией, критика коммунистов не зашла еще так далеко, чтобы требовать отставки Ларго Кабальеро. Этот митинг ставил себе целью напомнить Кабальеро действительный смысл Валенсийской народной демонстрации. Последнее момент! Кабальеро, толковавший все по-своему, ухватился за речь Хезус Эрнандеса, который в пылу полемики несколько вышел из концепта других речей предыдущих ораторов. Кабальеро потребовал от компартии дезавуировать своего пылкого министра. Кабальеро уже не грозил своей отставкой, а требовал от компартии вывода из состава правительства своих двух министров-коммунистов. Привыкший к уступкам со стороны компартии, он на сей раз не рассчитал границы возможного – и на этом сорвался. Майский путч в Барселоне был, помимо всего про-

чего, путем Ларго Кабальеро против своего собственного правительства. Этот путч должен был освободить руки Ларго Кабальеро от стеснительных рамок союза с коммунистами и, как думал Кабальеро, повести его к возглавлению правительства синдикалистского типа. Куда пошел бы его такой путч в случае успеха, это особая статья и такого вопроса Ларго себе не задавал. Компартия, считавшая, что лучше иметь Кабальеро в правительстве, нежели в оппозиции к правительству, после майского путча должна была говорить себе, что хуже быть не может. Хотя она еще строила “золотые мосты” для сохранения Кабальеро в новом правительстве, новое правительство “создавалось без него, благодаря непомерным аппетитам самого Кабальеро.

Итак, политическая история Испании, после десятимесячной интерлюдии с Кабальеро, вернулась, в отношении физиономии правительства, к той ситуации, которая казалась естественным разрешением кризиса в последние дни правительства Хираля еще в августе 1936 г.

Образовалось, наконец, правительство партий народного фронта, в котором центральным стержнем стали силы правых социалистов Негрин—Прието.

Если продолжать злоупотреблять словом, я в дальнейшем изложении своего отчета хочу вспомнить дни, когда, после разрешения правительственного кризиса, прекрасная Долорес, радуясь, как ребенок, зашла в комнату военной комиссии, где я работал, и приветствовала меня словами: Ну, Клебер, теперь и ты будешь работать. Т.т. Эрнандес, Урибе и другие, даже Луис, сочли нужным сказать мне, что я могу радоваться новому обороту дел. Тов. Степанов в беседе со мной сформулировал заключение по “вопросу Клебера” так: в общем ты был прав, но ты выступил рано и был горяч, поэтому был неправ. За это тебя крыли.

Июнь—октябрь 1937 г.

В руководстве партии речь шла о назначении меня на должность командира прекрасной дивизии коммунистов — дивизии имени Карла Маркса, прежний командир которой ушел руководить профсоюзами в Каталонии. Я считал это лучшим разрешением своего “личного” вопроса. Мне не нужно было снова начинать работу на мадридском фронте, где генералу Миаха уже надоело слушать радио фашистов, вечно подогревающее историю Клебера. Фашистская пропаганда по радио умело играла на национальных чувствах и на самолюбии республиканских офицеров. Для этой злой пропаганды Клебер был находкой. Не будь вообще такого Клебера, они выдумали бы его. Так они вечно возвращались к избитой теме, что не Миаха руководит в Мадриде, а Клебер, стоящий за его спиной. Это особенно в те месяцы, когда я вообще никакого отношения не имел к делам армии ни в Мадриде, ни где-либо в другом месте. Дивизия Карла Маркса — это каталонская дивизия на Арагонском фронте. На Арагонском фронте я мог бы с успехом работать потому, что анархисты не сочли бы мое назначение вызовом для себя со стороны коммунистов. Дело в том, что еще в бытность в Мадриде, я лучше других коммунистов умел ладить с анархистами. Начиная со встреч с

Дуррути, я потом продолжал дружбу с Мера и Паласиос, анархистская бригада которых постепенно дисциплинировалась под моим общим руководством и стала допускать к себе офицеров, мною назначенных.

В трудные дни в Мадриде однажды анархисты замыслили переворот. Партия мне дала задание сблизиться с анархистами и повлиять на них. Случай представился нам на похоронах Волпянского, одного убитого в бою интернационалиста (между прочим, политически сомнительного типа), которого я назначил начальником штаба в анархистскую бригаду. На похоронах этого начштаба комиссар Мера меня свел с руководителями Конфедерации и ФАИ. Не желая преувеличивать своей роли, я, кажется, не ошибусь, заявляя, что руководители анархистов искренно рады были моей товарищеской беседой с ними. Анархистские газеты тепло отзывались обо мне и ни разу не позволили себе выпадов против меня, как против других командиров-коммунистов. Для Арагонского фронта теперь, после майских событий, было очень важно иметь командиров, против которых не направлялась неприязнь анархистов. В то время, как я ожидал окончания формальностей по назначению в дивизию имени Карла Маркса, которыми занялась партия непосредственно, меня вызвал к себе т. Григорович¹⁹, ставший главным советником после Гришина, и сказал мне, что он добивается в министерстве назначения меня командиром одной из бригад. Признаться, я не очень был обрадован этим шагом т. Григоровича. Не потому, что речь шла здесь о бригаде, в то время, как партия добивалась для меня командования дивизией, а потому, что, по всей вероятности, меня назначили бы в одну из бригад Мадридского фронта. А этого я стремился избегать, чтобы не давать повода для новой шумихи. Т. Григоровичу, который принял меня по-товарищески и который мне впервые заявил, что дома "хозяин доволен моей работой и что все эти кляузы в конечном счете — чепуха", я изложил свой взгляд на вещи. Я сказал, что я безусловно рад тому, что меня вообще допускают к работе на фронте и что я благодарен ему за его помощь. Амбиции тут ни причем, хотя, между прочим, нужно учесть и эту сторону. Товарищи, которые были командирами рот и батальонов в группе бригад, которыми я раньше руководил, ныне командуют уже бригадами и дивизиями. Даже мой переводчик и адъютант Дуран, безусловно достойный командир, командует дивизией. Будет нецелесообразно назначать меня комбригом в одну из таких дивизий. Для партии Клебер представляет с правом или без права известный капитал, которым нужно пользоваться, сходясь с интересами партии. Если товарищи советники сомневаются в моих командирских способностях во главе больших соединений, то нетрудно будет придать мне крепкого товарища — советника, указания которого я безусловно буду выполнять. Если бы я напомнил о себе Негрину, то он несомненно доверил бы мне теперь руководство корпусом карабинеров, который он мне раньше предлагал. Считаю, что назначение меня командиром дивизии им. Карла Маркса — лучший для всех выход из положения.

Пришла весть, что тов. Лукач, командир 12-ой интербригады, погиб на фронте под Хуеской²⁰. Бригада осталась в бою без командира. Узнав об этом, партия решила послать меня в 12-ую бригаду. Так я снова ока-

зался во главе одной из интербригад. Этого я меньше всего хотел. Во-первых, потому, что назначение получил на место убитого товарища, во-вторых, потому, что это была 12-ая бригада, в которой когда-то говорили, что партия меня снимает за троцкизм, в-третьих, я знал, какую репутацию эта бригада имеет в глазах испанского командования. Полковник Рохо, новый начальник генштаба, неоднократно хотел расформировать эту бригаду и снять тов. Лукача, которого он ненавидел. А главное, я знал, что товарищам из Альбасете, считавшим меня конченным человеком и относившимся ко мне соответственно, не понравится то, что партия меня снова подпускает к интернациональным частям.

На всех этих подробностях я должен останавливаться потому, что легче будет потом разобраться в делах моего последнего этапа работы в Испании.

В ЦК партии меня известили о том, что меня вызывает полковник Рохо к 21 часу. В генштабе я увидел Рохо впервые после того, как в Мадриде мы расставались теплыми друзьями. Тогда в Мадриде он говорил, как ему было приятно работать со мной, что на мое место станут старые дураки, которые мало понимают в военном деле. Теперь Рохо встретил меня сухо-официально и без лишнего слова вручил мне предложение от имени министра Прието, что я назначен командовать 12-ой интербригадой, которая становится основой для формирования новой дивизии.

Надо знать, что Рохо, при жизни Лукача, всячески препятствовал развертыванию 12-ой бригады в дивизию. На вопрос Рохо, рад ли я своему назначению, я ответил, что стать на место погибшего товарища — не может меня радовать особенно. Когда отправляюсь я на фронт? — спросил он. Я ответил: сегодня же.

Зашел в ЦК прощаться с товарищами. Тов. Луис дал мне напутственное слово: Ты не особенно старайся лезть вперед (имелась при этом в виду смерть Лукача). Что касается товарищей в бригаде и Альбасете, им будут даны указания, что авторитет Клебера нельзя ронять. Партия имеет к тебе полное доверие. Ты, конечно, сам знаешь, что никаких интервью давать не нужно. Бригадная же газета должна популяризировать своего нового командира.

В следующую ночь я прибыл в штаб генерала Посас, командующего восточным фронтом. Генерала Посас я знаю со времени Мадрида, когда, до Миаха, он был командующим армией центра. Он несколько раньше, чем Миаха, вступил в компартию. На генерала Миаха Посас очень обижен, так как он считает, что не без помощи Миаха он был отстранен от командования армией центра. Еще в бытность в Мадриде Посас дважды в приказе поздравлял генерала Клебера за успехи его частей — это он делал “в пику” генералу Миаха. Он считает Клебера, как и себя, невинно пострадавшим от козней национального героя Миаха. Отсюда у Посаса особое расположение ко мне.

Посас, с места в карьер, назначает меня командовать группой пяти бригад, наступающих с севера на Хуэска. Я прошу помиловать меня, мол, сейчас 24 часа ночи, а наступление назначено на 6 часов утра. Об-

становки не знаю, не знаю, какие у меня части, кто командир, где они, местности не видел, не был еще в своей бригаде, у которой нет командира и т.п.

Посас возражений не любит.

Бегу к тов. Леонидову, главному советнику при Посас. Он меня знакомит с обстановкой. От него узнаю, что завтра на рассвете наше наступление будет в сущности точным повторением неудавшегося несколько дней до этого наступления на укрепления противника у Чемильяс и Алерре. Все приказы уже отданы, части уже готовятся. Я возражаю. Спрашиваю, нельзя ли отсрочить на 24 часа, чтобы я познакомился при дневном свете с местностью. Ведь нельзя же повторять неудачно пройденное с теми же частями и на том же месте. Если мы раньше позиций противника не взяли, то теперь, имея уже до 30% потерь, также не возьмем. Нужно перестроить план и выбрать другое место для атаки. На это требуется отсрочка начала атаки минимум на 24 часа.

Тов. Леонидов согласен с моими доводами, но помочь не может.

Иду к комиссару – Вергилио Лянос⁺, которого знаю по Мадриду. Он тоже со мной согласен, но.

Это НО – было Бильбао, которому нужно было помочь, оттягивая на себя силы противника. Бильбао переживал последние критические дни перед своим падением. Перед этими соображениями должны были отпасть все мои доводы.

Бой развернулся неудачно для нас. На правом фланге мы имели некоторый успех в 98-ой бригаде, захватив доминирующее над противником плато. На остальных участках атака успеха не имела. 12-ая интербригада (которой после смерти Лукача командовали два болгарских товарища Петров и Белов), потеряв около 700 бойцов и много старшего и среднего комсостава, снова откатилась назад от бетонных укреплений противника у Чемильяс и Алерре. Южная группа нам совсем не помогала. Дралась в основном одна лишь северная группа под моим командованием. В этом бою под Хуэской было еще много других привходящих обстоятельств, обусловивших наш неуспех. Рядом с нами и в нашем тылу были ПОУМовские части, разъяренные майскими событиями в Барселоне. Их подстрекали свои командиры на то, чтобы они стреляли в тыл интербригадам, что они и делали. Когда наши части, не выполнив своей задачи и потеряв много сил, откатывались на прежние позиции, их встречали враждебный холод и злорадство отсиживающихся в окопах ПОУМовцев.

Другой причиной нашего неуспеха было вредительство со стороны начальника штаба Восточной армии подполковника Гварнера. Он и его

⁺ Вергилио Лянос – социалист из группы Кабальеро. После астурийских событий в 1934 г. жил в СССР. Начало войны застало его в Барселоне. Оттуда он прибыл на Мадридский фронт в качестве комиссара колонны Лопес Тьенда. Вместе с Лопес Тьенда, погибшем на фронте, он скоро примкнул к 5-му полку. Пользуясь личной дружбой с Кабальеро, Вергилио Лянос безуспешно умолял его расстаться с Асенсио. В дальнейшем Кабальеро назначил Ляноса комиссаром частей, где нужно было бороться с влиянием коммунистов. Этих надежд Лянос не оправдал. Оставаясь социалистом, он стал работать в тесном контакте с компартией (сноска автора документа. – *Сост.*).

брат, капитан Гварнер, выработали первый план операции. Они же настаивали на повторении операции без всяких изменений в плане. Они нацеливали именно интербригаду для лобовой атаки на бетонные укрепления и проволочные заграждения. По окончании операции они всю вину сваливали на несчастную интербригаду, в которой осталось около 50% состава.

Братья Гварнер впоследствии и были сняты с поста по требованию комиссара Ляноса. Они теперь преспокойно работают в Валенсии в штабе. Старший из них является начальником оперативной части, т.е. одним из ближайших помощников Рохо. На арагонском фронте ни для кого из товарищей секрета не было, что братья Гварнер фашисты, или в лучшем случае, проходимцы, в союзе с тем, кто спровоцировал майские события в Барселоне.

Со своей бригадой я познакомился в этом бою в трагических условиях подавленности из-за потери командира Лукача, комиссара Густава Реглера (тяжело ранен), комбата Нибурга (прекрасного старика-венгерского коммуниста, убитого под Чемильяс), комбата Батистелли (итальянского республиканца, умершего потом в госпитале) и многих других товарищей.

С остатками бригады я вышел из-под боя под Хуэска и погрузил части на поезд. В городе Тортоса я должен был получить новое пополнение из состава новобранцев, обучить и вооружить их и развернуть бригаду в дивизию. На всю эту работу мне дано было лишь несколько дней.

В ожидании пополнения я взялся прежде всего за реорганизацию штаба, оставленного покойным Лукачем.

О погибших товарищах нельзя говорить ничего плохого. Т. Лукач был прекрасный человек, заботившийся о своих людях, за что они его любили. Но т. Лукач был слабый командир, неоднократно вызывавший справедливые, по большей части, нарекания со стороны вышестоящих инстанций. Бригада под командованием Лукача научилась “барахолить”. Ездили на лучших машинах, которые добывали себе всякими неправдами. Имели большие склады одежды и продовольствия, никем не учтенные. В денежных делах – никакой отчетности, а отсюда и достаточно злоупотреблений. Все это создало бригаде Лукача дурную славу среди других частей. Много сходило им с рук, т.к. имели за собой и хорошую боевую славу, особенно, за Гвадалахару.

До тех пор, пока при бригаде был тов. Фриц советником и фактически негласным командиром, все шло хорошо. После ухода т. Фрица вся боевая работа легла при жизни Лукача на плечи товарища Белова, начальника штаба. Ко времени моего прибытия т. Белов окончательно выбился из сил. У него начались в бою нервные припадки. Нужно было ему основательно полечиться. Прибыл из госпиталя после ранения т. Петров, другой болгарский товарищ, хороший боевой командир. Однако, у т. Петрова был один существенный дефект – он мог изъясняться с людьми бригады только на русском языке. В остальном штаб был многочисленный, но работников в нем было мало.

Начав реорганизацию штаба, я столкнулся с понятной настороженностью со стороны т.т. Петрова и Белова, которые еще не знали о мне

нии партии в отношении к ранее “проработанному” Клеберу. Съездив в Валенсию, т. Белов, после встречи с т. Степановым, вернулся с полным желанием помогать мне в работе. Также т. Петров. Однако Белову нужно было дать отпуск, а Петрова в Валенсии уже намечали на другую работу. Остался я один. Оставшиеся работники штаба неохотно подчинялись вводимому мною порядку, считая, что я стремлюсь ликвидировать традиции покойного Лукача. В конце концов штаб стал работать, но молодой и неопытный начальник штаба, заменивший временно Белова, не мог справляться с задачами.

В формировании новой, 150-ой бригады мы столкнулись с саботажем одного комбата, испанца Пардо, который оказался связанным с троцкистами. Покойный Лукач оставил этого Пардо в тылу с задачей принять и обучить ожидавшихся новобранцев. Пардо скрыто повел гнусную кампанию против интербригад, настраивая испанских новобранцев против другого комбата, хорошего болгарского товарища и боевого командира, Христова (Малинова). Ко времени моего возвращения из Хуэска негодяй Пардо уже успел договориться в Валенсии о назначении его командиром 150-ой бригады, о передаче ему всех новобранцев и всего занаряженного для дивизии оружия. Играя на национальных чувствах офицеров, ближайших помощников Рохо, Пардо добился приостановления приказа по формированию дивизии на базе 12-ой бригады. Пришлось арестовать Пардо, отнять новобранцев и оружие и протестовать перед Рохо по поводу его сотрудников, помогавших Пардо в деле разложения бригады. Рохо – националист и недруг интербригад (особенно бригады Лукача). Он дезавуировал своих сотрудников и Пардо. Благодаря этой возне, с новой 150-ой бригадой, мы потеряли несколько ценных дней из тех немногих, которые предоставлены были на формирование дивизии и на обучение новобранцев.

Когда получен был приказ грузить дивизию на поезда и отправляться в Мадрид, в распоряжение Миаха, новая дивизия отправилась в путь с необученными новобранцами и плохо сколоченная.

С руководством базы интербригад в Альбасете вышла у меня стычка по вопросу о комиссаре. После ранения комиссара Густава Реглера, комиссаром 12-ой бригады стал комиссар итальянского батальона Баронтини. С развёртыванием бригады в дивизию (12 + 150 бригады) Баронтини надеялся стать комиссаром дивизии. Т. Галло, инспектор интербригад, обнадёжил Баронтини в этом.

Учитывая, что дивизия на 70% испанского состава, я просил ЦК компартии содействовать назначению испанского товарища, знающего и иностранные языки. Был назначен хороший комиссар, испанец, товарищ Видаль (не смешивать с французом Видаль-Гейманом в Альбасете). Товарищи Галло и Баронтини остались недовольны моим шагом. Политаппарат в Альбасете и комиссар 12-ой бригады, Баронтини, стали саботировать нового комиссара дивизии. Когда моя новая 45-ая дивизия прибыла на мадридский фронт, операция под Брунете уже началась. Дивизия стала в резерв сил, действующих под Брунете.

Представляясь командующему армией генералу Миаха, я застал у него приехавших на фронт министров, Негрина, Прието и Эрнандеса.

Доктор Негрин, которого я не видел после образования нового правительства, встретил меня, как старого знакомого, и представил меня Прието.

Дивизия вступила в бой. Один батальон, помогший другим частям окружить и занять Вильянуева дель Пардильо, отличился в бою и был отмечен приказом по армии. Остальные части 45-ой дивизии в развернувшихся боях особого успеха не имели. Сказывалась на всем неподготовленность новобранцев и подрывная работа троцкиста Пардо, о котором говорилось выше. Имели место переходы на сторону противника отдельных новобранцев, оставивших после себя стереотипные записки, в которых они излагали мотивы своего поведения; "не желаем служить и драться, потому что нами командуют иностранцы". Нужно было принять крутые меры и обнаруженных вожаков расстреливать. О слабости части и политическом состоянии говорил также факт невероятно большого количества самострелов среди новобранцев. Имел место случай увода к противнику насильным путем группой перебежчиков-новобранцев одного польского товарища, чтобы там передать его фашистам, как русского. Одним словом, троцкисты и фашисты лучше поработали над нашими новобранцами, нежели мы и наш политаппарат. Интернационалисты, опасаясь предательства или просто слабости новобранцев в бою, не действовали так решительно как прежде. А под Брунете развернулись труднейшие бои! Дивизия, вступив в бой, сразу же столкнулась с неожиданной обстановкой – бегство одного батальона соседней части перед противником. Пришлось прежде, чем выполнить собственную задачу, восстановить положение на соседнем участке 11-ой бригады. Стали мы атаковать знаменитую гору "Моча", сильно укрепленную противником. Перед этой горой и проволочным заграждением противника глубокий овраг с обрывистыми берегами. Наши танки доходят до обрыва и дальше идти не могут. Тем временем антитанковые орудия противника стреляют метким огнем. Моя пехота дошла до проволоки противника и дальше продвинуться не могла. Чтобы не сидеть в овраге под огнем противника, батальоны ночью вернулись на исходное положение.

Командованию я донес о положении и предлагал на следующий день повести атаку не прямо на гору Моча, а левее ее, на деревню Манилья, указывая, что туда подступы куда более выгоднее и что с занятием Манильи мы получим выигрышное положение и по отношению к проклятой горе Моча.

Командование не согласилось и приказало повторить атаку на Моча, причем всем командирам приказано было выйти вперед своих батальонов и повести людей и штыковую атаку. Время было назначено к 11 часам, к каковому времени обещана была поддержка нашей артиллерией и авиацией. Батальоны пошли дружно, командиры впереди, а поддержки никакой, ни авиации, ни артиллерии. С новыми жертвами, особенно в командном составе, батальоны снова откатились назад от проволочных заграждений противника. Вернувшись с поля боя на свой командный пункт в 13 часов, я узнал, что только что получен приказ командования о том, что назначенная на 11 часов атака отменяется из-за

невылета авиации и что она будет повторена в 19 часов, к каковому времени обеспечено участие авиации. Слишком поздно получено было извещение об отмене утренней атаки. Она уже состоялась. Неточность приказов и понесенные потери крайне раздражали весь боевой состав дивизии и делали проблематичными шансы на успех при повторении атаки, назначенной к 19 часам. Об этом положении вещей и о больших возможностях атаки на Манилья, нежели при новой попытке атаковать Моча, я по телефону снесся с корпусным советником тов. Ивоном, который до этого был советником при генштабе в Валенсии. Тов. Ивон, подходя по-фельдфебельски ко всем вопросам, узрел в моем докладе попытку вообще уклониться от новой атаки. Он соответственно повел со мною разговор по телефону. Прочитав мне совсем неуместную нотацию, он просил подождать у телефона, т.к. со мною еще будет говорить комкор Касадо⁺. Телефон остался неразъединенным. И вот я слышу, как т. Ивон говорит через переводчика с комкором Касадо, чтобы он не допускал самовольничанья Клебера, чтобы он указал Клеберу на законы военного времени – за неподчинение предстанет перед полевым судом и т.д. в этом духе. Комкор Касада, взял потом трубку телефона, добросовестно выложил все, что Ивон ему подсказал и вдобавок он еще пожаловался на Клебера перед генералом Миаха.

Миаха меня вызвал на следующий день к себе, чтобы дать объяснения. Тем временем, к 19 часам мои части снова штурмовали злосчастную гору Моча и штурм окончился с теми же результатами, что предыдущие две атаки.

На следующий день Миаха, основываясь, по-видимому, на докладе комкора Касадо, снова потребовал повторения штурма на Моча. Я стал доказывать генералу Миаха, почему повторная атака результатов не дает. Миаха настоял на своем, сказав, что нужно атаковать во что бы то ни стало (Предыдущие атаки уже стоили моей дивизии 700 человек убитыми и ранеными. Командный состав на 50% был выбит. В дивизии осталось еще 1800 чел.). Чтобы предотвратить окончательный разгром дивизии, я возразил генералу Миаха следующими словами: “Я понимаю, что бывают случаи, когда нужно жертвовать целыми дивизиями, чтобы прорвать фронт на определенном участке, через который пойдут потом свежие резервы, чтобы развить удар в глубину. Однако в данном случае я знаю, резервов для этой цели не имеется. Если моя дивизия даже захватит гору, – что при ее теперешнем состоянии еще менее вероятно, чем в начале, то за ней нет никого, кто воспользовался бы успехом. При малейшем контрударе

⁺ Касадо Зигизмундо – кадровый офицер, работавший в генштабе при генерале Асенсио. В начале войны республиканские органы имели подозрения, что Касадо связан с противником. Брат Касадо был арестован, как активный фашист. Касадо же сам избег ареста тем, что вступил в анархистскую организацию ФАИ. Благодаря связям он остался работать в генштабе и окружил себя подозрительными типами, якобы анархистами. Во время Брунетской операции он командовал XXI корпусом. Во время неприятельского контрнаступления на Брунете он саботировал и помощи корпусу Модесто не оказывал. Теперь он командует XVIII корпусом на арагонском фронте. Некоторые товарищи считают, что Касадо может быть приближен к компартии. Я считаю ставку на Касадо опасной ошибкой со стороны наших товарищей (сноска автора документа. – *Сосм.*).

ре противника мои ослабленные части откатятся назад и противник воспользуется этим, чтобы нанести глубокий удар в наш тыл. Если генерал приказывает повторить атаку, то я, зная физическое и моральное состояние своей части, должен его предупредить, что не могу его обнадежить в успешном выполнении полученного приказа". Генерал Миаха на это раздраженно сказал: "Что же, Вы подаете в отставку? Никакой отставки я не принимаю, я сам знаю, когда лишить командира его должности". На этом наш неприятный для обоих разговор окончился. Приказа на новый штурм горы уже не последовало. Однако генерал Миаха сообщил об этом товарищам из руководства компартии, указывая на недопустимость, чтобы Клебер не выполнял приказы и подавал в отставку...

Тов. Ивон, который мне все это состряпал, имел в тот же день другой инцидент – с одним финским товарищем, советником в соседней дивизии. Этот товарищ, очень храбрый и волевой командир РККА, указывал Ивону на невозможность выполнения несуразных приказов комкора Касадо. Товарищ (?) Ивон, в ответ на это, вызвал охрану штаба, велел обезоружить командира РККА и потом стал избивать его в присутствии охраны. Ивона за это убрали и отправили домой. Отношения между генералом Миаха и мною стали натянутыми. А главное, товарищи из ЦК действительно поверили тому, что я не хотел подчиняться приказам генерала Миаха. Оставаясь дальше со своей дивизией на позициях, я предпринял атаку неприятельского форта, расположенного между Махадахонда и Манилья, т.е. в направлении, на которое я с самого начала указывал, как на направление, обещающее больше результатов, нежели направление на гору Моча. С частью своих ослабленных сил форт был захвачен на рассвете. Не получив нужной поддержки, мы не смогли закрепить за собой обозначившийся успех.

В следующие дни комкор Касадо, вопреки указаниям высшего командования и наших советников, задумал сложную и ненужную смену одних частей другими частями по всему фронту нашего корпуса. Эта ничем не оправдываемая мера лишила все части корпуса боеготовности в течение пяти дней, пока вся процедура смены не будет закончена. На созванном по этому поводу совещании командиров дивизий я указывал комкору на опасность в случае контратаки противника на Брунето²¹. Комкор настоял на своем. На третий день противник повел свое контрнаступление на стыке между корпусом Касадо и корпусом Модесто. Дивизия Листера дрогнула. Отход Листера вылился в общее бегство нескольких дивизий. Собрав спешно три батальона и свои эскадроны, я занял рубеж и стал задерживать бегущих с фронта. Насколько трудно было бороться с массовой паникой, можно судить хотя бы по тому факту, что мои эскадроны, занятые водворением порядка, имели трех человек убитыми и 14 человек ранеными в "бою" с панически бегущими назад толпами вооруженных людей.

При виде такой неслыханной паники среди частей, командование решило начать закрепление на тыльном рубеже. Это повлекло бы за собой сдачу противнику почти всей, недавно завоеванной, территории в районе Брунете, в том числе и населенных пунктов Вильянуева де Каньяда и Кихорна. Другого, казалось, выхода из создавшего положения не было.

Я послал один батальон в Вильянуева де Каньяда и закрепился на выдвинутом рубеже, другой батальон поставил уступом за ним, а остальными силами, собранными в кулаке, стал ждать противника. Действиями моей дивизии и дивизии Вальтера в районе Кихорно общая паника была локализована и передовой рубеж был сохранен за нами. Могу заявить, что этого достижения удалось добиться, благодаря тому, что я не выполнял приказов своего комкора. Комкор Касадо, в дни паники, потерял всякое руководство над частями. Он “заболел” и уехал в Валенсию.

Тридцать девять дней мои части оставались бессменно на этих позициях. Дивизии Листера, Вальтера, Кампесино и других вытягивались одна за другой в резерв и на отдых. Моя дивизия оставалась на позициях. Тяжесть боев, трудность с питанием и водой, постоянные бомбежки авиации и артиллерии противника, неимоверная жара – все это, вместе взятое, вымотало мои части до конца. Бывали дни, когда отдельные бойцы буквально сходили с ума. Вдруг они срывались с позиций и бежали в безумном ужасе, куда глаза глядели. Врачи констатировали явное сумашествие на почве пережитых ужасов, лишений и физической усталости.

В таком состоянии застал нас новый приказ, по которому моя дивизия должна была грузиться на грузовики и отправиться на Арагонский фронт для участия в операции под Сарагосой. Прежде, чем изложить события на Арагонском фронте, хочу еще остановиться на некоторых моментах, связанных с периодом пребывания дивизии под Брунете.

Командира одной из моих бригад – 150-ой – пришлось сменить во время боя. Этот товарищ, по фамилии Херасси, художник по профессии, был назначен покойным Лукачем на должность комбрига, хотя он никакого опыта не имел в военном деле и в командовании частей. В бою под Хуеска я уже видел, что Херасси, при всех его других хороших качествах, оставлять во главе бригады нельзя будет. В Брунетском бою его несостоятельность снова подтвердилась. Генерал Миаха потребовал снятия его с бригады. Вся бригада была довольна, узнав, что на место Херасси назначается польский товарищ Янек – командир батальона имени Домбровского. Снятием Херасси остались недовольны некоторые русские товарищи, советники, которые дружили с ним и его женой, работавшей переводчицей в аппарате советников. Т.т. Горский и Лоти (советники по транспорту и по разведке) заступились за Херасси и приписывали мне вину за снятие его с командования бригадой. Вопрос скоро был исчерпан, когда другие, более ответственные товарищи согласились с моими доводами по делу Херасси.

Более трудный вопрос встал с командиром 18-ой бригады Паччарди. Паччарди, итальянский республиканец, неплохой командир, завоевал себе крепкое имя, как руководитель 12-ой бригады имени Гарибальди. При дивизии Лукача комбриг Паччарди, крайне капризный и самолюбивый человек, делал все, что ему нравилось, не считаясь с мнением т. Лукача. С коммунистами-итальянцами в 18-ой бригаде Паччарди совсем перестал считаться. Хотя в бригаде было коммунистов подавляющее большинство, Паччарди создал свой штаб из одних республи-

канцев, анархистов и социалистов и повел линию против коммунистов. Поведение Паччарди и натравливание одних против других угрожало срывом единого фронта среди представителей разных партий итальянской эмиграции, боровшихся под знаменем бригады Гарибальди. Правы были итальянские коммунисты в своей настороженности по отношению к Паччарди. Ошибки их начались там, где они по-сектантски, немудело, боролись с влиянием Паччарди, потеряли товарищескую связь с социалистами и анархистами и оттолкнули их от себя. Получилось странное положение в 18-ой бригаде: с одной стороны – коммунисты (и то не все, ибо часть из них попала под влияние Паччарди); с другой стороны – Паччарди со всеми республиканцами, социалистами, анархистами и беспартийными – в едином фронте против коммунистов. Чтобы бороться с засильем Паччарди, тов. Галло, инспектор интербригад, назначил начальником штаба бригады коммуниста Платоне. Комбриг Паччарди еще больше обозлился на коммунистов, на комиссара Баронтини и на инспектора Галло за то, что они назначили к нему начальника штаба, не спросив его мнение. Будь новый начальник штаба, Платоне, на своем месте, как начальник штаба, все, может быть, обошлось бы без скандала. К несчастью, Платоне, хороший товарищ, оказался никуда негодным начальником штаба. Паччарди совсем перестал считаться с Платоне. Все эти истории уже имели давность и лежали в прошлом, когда я, после смерти Лукача, принял дивизию.

Во время Брунетских боев “вопрос Паччарди” снова стал актуальным. На сей раз Паччарди стал рупором демобилизационных настроений среди итальянцев своей бригады. После майских событий в Барселоне настроения среди итальянских анархистов стали явно враждебными по отношению к коммунистам. Начальник оперативной части штаба 18-ой бригады, анархист Брачеларге⁺, стал самым доверенным лицом комбрига Паччарди и оба они развивали перед итальянцами своей бригады следующую теорию: “Мы, итальянцы, создали бригаду Гарибальди. Нас теперь осталось всего-навсего 300–350 человек. Испанское пополнение – новобранцы – только роняет доброе имя и традиции бригады Гарибальди. Вместо того, чтобы дожидаться развенчания былой славы бригады Гарибальди, нам, итальянцам, следует делать свои выводы, а именно: Мы все выходим из состава бригады и снимаем с нее славное имя Гарибальди. Мы поедем на отдых во Францию. Мы все очень устали и нуждаемся в длительном отдыхе. Во Франции, в Марселе. Ницца и Париже итальянская антифашистская эмиграция нас будет чествовать, как героев-гарибальдийцев, и там мы сможем повести новую кампанию вербовки. Так мы вернемся обратно с новыми свежими силами и бригада Гарибальди снова станет грозной боевой единицей в борьбе с фашистами. Если коммунисты, связанные своей партийной дисциплиной, не согласны с таким планом, то мы, анархисты, социалисты, республиканцы, католики и беспартийные все равно уедем во Францию, чтобы проводить наш план без коммунистов”.

⁺ Брачеларге – сын известного редактора фашистских газет в Италии (сноска автора документа. – *Сост.*).

В этой концепции Паччарди–Брачеларге отображено и стремление уклониться от боя (чем они привлекали к себе и многих коммунистов, усталых от боев), и хитрая пропаганда против коммунистов, и фашистская агитация (сознательно и бессознательно), и личные амбиции Паччарди, и многое другое.

Поскольку итальянский состав всецело представлял собою кадры бригады, командиров, комиссаров, политруков и хозяйственников, то план Паччарди сводится к тому, чтобы уничтожить 18-ую бригаду, как боевую единицу.

В бою Паччарди всячески стремился к сохранению своих кадров, чем он навлек на себя подозрения со стороны испанских товарищей (ко мне явились рядовые бойцы – испанцы из пулеметной роты 18-ой бригады и просили снять итальянского командира роты и итальянских командиров взводов за то, что в бою они прячутся и сдерживают боевой порыв испанских товарищей). Если в бою кто-либо из итальянцев был ранен или убит, то этот факт использовался как доказательство необходимости уехать скорее во Францию, как предлагает Паччарди.

Я вызвал Паччарди к себе и указывал на недопустимость такой агитации перед лицом врага. Передо мной Паччарди, ссылаясь на объективные условия общей усталости, стремился доказывать, что виноваты коммунисты, которые своей сектантской политикой оттолкнули от себя всех честных антифашистов и хотят сами заправлять 12-ой бригадой.

Паччарди, видя, что со мной он не может поступать так, как с покойным т. Лукачем, подал рапорт об отставке, надеясь при этом, что после него все, им обработанные командиры, последуют его примеру и также подадут рапорта об отставке. Дело грозило стать политической демонстрацией против коммунистов и против единого фронта с коммунистами.

Я не принял рапорта Паччарди и предложил ему просить отпуска по болезни, что он и сделал. Так политический вопрос был сведен к личному вопросу больного Паччарди. Паччарди уехал в отпуск, а остальные командиры остались на своих постах, дожидаясь возвращения Паччарди из отпуска.

История с Паччарди потребовала серьезного анализа. Нужно было найти новый путь к поднятию боеспособности интербригад. Дело в том, что не только итальянская бригада, но и другие, особенно 14 бригада, состоящая из французов, 11-ая бригада, состоящая из немцев, все переживали в то время свой кризис в большей или в меньшей степени. На фоне общей усталости и больших потерь бойцы-интернационалисты стали задавать себе вопросы: до каких пор будет юг страдать и нести потери? Повоевали год – и хватит. Пусть другие придут на наше место.

Письма жен из Франции, в которых эротика играла большую роль (мол, если не приедешь скоро, то я больше не выдержу и отдамся другому...), очень много содействовали упадочным настроениям. Поскольку интернациональные кадры занимали в бригадах все командные посты и рядовой боевой состав были исключительно испанцы, то кризис в кадрах стал общим кризисом всех интербригад. Трудность общения, из-за языка, между командиром-интернационалистом или комиссаром и политруком-интернационалистом с рядовыми армейцами-испанцами породила много других нежелательных и прямо опасных явлений, а именно – националь-

ный антагонизм. Фашистская пропаганда и троцкистская демагогия уцепились за эти тенденции и еще больше их разжигали.

В этих условиях я решил смелее, чем прежде, выдвигать новых командиров из испанского состава. Хороших бойцов, преданных партии и делу антифашизма людей я стал выдвигать на командные посты командиров отделений, взводов и рот. От Объединенной соц. партии Каталонии я попросил послать мне проверенных испанских товарищей из окончивших офицерские курсы в Барселоне. Тов. Коморера, генсекретарь этой партии, прислал мне 30 человек, им лично отобранных. Этих товарищей я стал назначать на роты, батальоны и в штабы бригад и дивизий. Кроме того, я создал дивизионную школу кадров, где в непосредственном тылу за фронтом, под моим наблюдением и руководством готовилась сотня новых кадров – испанцев. Все командные и политические должности в дивизии и в бригадах дублировались, т.е. рядом с интернационалистом назначался заместитель-испанец. Интернациональному составу я дал директиву, что наша задача в Испании не только воевать непосредственно, но также помогать испанскому народу создавать свои собственные боевые кадры. Поскольку наши интербригады на 80% состоят из испанцев, мы не имеем права занимать все ответственные командные посты. Некоторые интернационалисты-командиры свысока смотрели на своих бойцов-испанцев и относились к ним, примерно, так, как относятся офицеры империалистских армий к солдату в колониальных армиях. За подобного рода поступки я снимал командира-интернационалиста и на его место назначал его заместителя-испанца.

Все эти меры очень быстро дали желаемые результаты: боеспособность интербригад повысилась. Упаднические настроения стали все реже и реже. Испанский состав нашел новый стимул и стал сражаться в бою не хуже интернационалистов. Национальная рознь сглаживалась. Новые испанские кадры росли на глазах и почувствовали свою ответственность за боеспособность бригад. Командный язык стал испанский язык. Фашистско-троцкистская пропаганда по разложению интербригад лишилась своей почвы и скоро выплывала наружу. Бороться с ней стало гораздо легче.

Все эти меры, предпринятые мною в двух интербригадах моей дивизии, по-видимому, не были поняты товарищами из Альбасете. Проездом через Валенсию я был в ЦК партии и там изложил суть затруднений с интербригадами и докладывал, какими мерами нам следует бороться с опасным положением. Товарищи из ЦК были полностью со мной согласны. Они, по мере моих просьб и их сил и возможностей, стали посылать в мою дивизию политработников-испанцев и товарищей, могущих стать командирами, если над ними поработать.

В Альбасете же некоторые товарищи считали, что проводимые мною меры приводят к “ликвидации интербригад, как таковых”. На меня, как выяснилось потом, эти товарищи пожаловались в ЦК. Об этом я расскажу позже.

Во время Брунетских боев имел место скандальный случай с 13-ой интербригадой, которая прибыла с южного фронта под командой тов. Гомеса (немецкий товарищ, работал в ИККИ и МЛШ). Эта бригада, всегда оторванная от всех остальных интербригад, прибыла на Мадридский фронт в

плачевном состоянии физической измотанности и усталости от предыдущих боев в знойном Юге. Тов. Гомес: по прибытии на фронт под Брунете, докладывал об этом, рисуя, может быть, состояние своей части в слишком мрачных красках. Его сняли с командования бригады. Бригаду повел в бой другой командир. В течение операции назначили потом товарища Кригера (итальянский товарищ, ныне в Москве) командовать этой бригадой. На долю 13-ой бригады выпал один из труднейших участков, участок под Романильос, и она, при всей ее усталости, дралась в общем не хуже других частей. Все же случилась беда – один батальон этой бригады, не выдержав натиска противника в обрушившейся на него авиации и артиллерии противника, побежал с фронта. В этом отношении данный батальон не был исключением в этой операции. Случалось и с другими бригадами, пользующимися хорошей боевой репутацией.

Полковник Рохо решил, в наказание, расформировать 13-ую интербригаду.

Узнав об этом, я, хотя никакого прямого отношения не имел к 13-ой бригаде, добился встречи с инспектором интербригад, тов. Галло, и просил его принять все меры, чтобы это позорное наказание отменили. Следующие выводы я приводил тов. Галло, который, казалось, согласен был санкционировать предполагаемый шаг полковника Рохо по отношению 13-ой бригады: Галло ведь знает, не хуже меня, как Рохо относится к интербригадам в целом. Рохо и вообще все министерство обороны считают, что интербригады – это одна из крепких опор компартии в армии. Они не прочь вообще ослабить силу партии в армии. Нельзя создать прецедента. Нужно отстаивать существование 13-ой интербригады. Будет крупной политической ошибкой согласиться с расформированием одной из частей интербригад. Противник использует этот факт, как крупную победу. Можно отстоять существование бригады, если связаться с т. Антоном и с советниками и попросить ген. Миаха, чтобы эту жестокую меру не применять. Нужно добиться разрешения, чтобы отвести бригаду в тыл, а там приступить к ее реорганизации. Т. Галло выслушал меня, но из его ответных слов я вынес впечатление, что он внутренне согласен с Рохо и что на его интервенцию полагаться не приходится. Он стал развивать мне “план” расформирования 13-ой бригады. Мол, немцев отправим в 11-ую бригаду, поляков – в 160-ую бригаду, французов – в 14-ую бригаду, а испанцев отдадим Листеру и Кампесино. И все будет в порядке.

Я снова возразил и просил т. Галло учесть, что боевая единица – это организм, имеющий боевые традиции (13-ая бригада имела хорошие традиции), это организм со своим оружием, хозяйством и т.д. “Примерная” расправа с одной бригадой вредно отразится на других бригадах. Эта бригада не заслужила такой расправы. Я прошу отдать мне эту часть (поскольку по штату у меня должны быть три бригады) и я ручаюсь, что 13-ая будет драться не хуже остальных. Вообще опыт показал, что на данной стадии войны отдельно действующие интербригады являются затычкой, которую любой командир испанской дивизии, куда такая бригада попадет случайно и временно, старается использовать всюю, загнать ее в труднейшее положение и вдобавок понажить за ее счет оружием, транспортом, санитарным имуществом и т.д. Действуя же в рамках орга-

нической дивизии (как моя дивизия – 45-ая, или 35-ая дивизия тов. Вальтера), отдельные интербригады легче переносят невзгоды, они чаще сменяются между собой, они могут лучше отдыхать, лучше питаться. Их крепче можно взять в руки политической обработкой.

На это предложение – включить 13-ую бригаду в одну из существующих интердивизий – тов. Галло возразил тем, что он принципиально против интердивизий, хотя таковые уже существуют. Я всячески старался доказывать т. Галло, что он многого не учитывает, если он в принципе против органической дивизии. Взять хотя бы вопрос с артиллерией. Интербригады, существующие в рамках дивизий, имеют поддержку со стороны дивизионной артиллерии и других боевых средств дивизии. Отдельно действующие бригады не всегда могут рассчитывать на свою артиллерию. В конце концов, дело не в названии. Пожалуй, лучше будет переименовать существующие дивизии в бригады, т.к. они, в сущности, по своей численности бойцов, включая испанские контингенты, не превышают численности полнокровной бригады. Лучше меньше шума и больше дела. Вместо шести слабеньких интербригад, которые многим колют глаза и вызывают внешнеполитические осложнения, лучше иметь две интердивизии, каждая из трех бригад, и переименовать эти две дивизии в бригады. То, что теперь называется бригадой, может называться батальоном. Будем скромнее, дел больше и шуму меньше.

Выше я старался изложить один из коренных организационных вопросов, по которому товарищи из Альбасете, в частности, т. Галло, со мной не были согласны. Сотни раз я передумывал этот вопрос и проверял свой взгляд, учитывая обстановку и боевой опыт. И каждый раз я все больше убеждался в том, что товарищи из Альбасете в этом вопросе неправы.

Что же случилось с 13-ой бригадой? Полковник Рохо приказал опечить расположение бригады карабинерами и разоружить ее. Приехали т.т. Франц Далем²² и Галло, и они стали проводить в жизнь приказ о расформировании бригады. Все, кому ни лень, стали растаскивать отнятое у 13-ой бригады оружие, пулеметы, противотанковые орудия, автотранспорт, санитарное имущество и т.д. Дележка живого трупа приняла безобразный характер. Как коршуны набрасывались на имущество несчастной интербригады со всех сторон прощенные и непрощенные “наследники”. Наследники стали обвинять друг друга в жульничестве. Одним словом – развернулась противная картина на глазах у всех в нескольких километрах от передней линии фронта.

Товарища Кригера, командира расформированной бригады, то арестовывали, то опять освобождали из-под ареста. Славяне интербригады стали посмешищем для тех, кто зуб точил на интеровцев. Ведь ни для кого не является секретом, что определенные, даже влиятельные, круги в министерстве не стеснялись высказывать свою политграмоту в том смысле, что итало-германская интервенция вызвана... существованием интербригад. Другими словами, не будь интербригад, не было бы также итальянских и германских войск на стороне Франко. Таких “друзей” у нас немало в Испании.

Отдельные группы бойцов из 13-ой бригады являлись ко мне и, плача, говорили: десять месяцев фашисты на фронте не сумели разбить на-

шу бригаду, а теперь нас разбили наши “друзья”. Некоторые из них прятали свое оружие, чтобы не сдать приемщикам.

Я считаю, что расформирование 13-ой интербригады и способ проведения этой меры – это одна из крупнейших ошибок, допущенных ответственными товарищами из Альбасете.

Будь тогда в Мадриде товарищ Долорес или кто либо другой из ЦК компартии, они своевременно заступились бы у генерала Миаха за эту бригаду и ее не постигла бы такая участь. Ведь бригада, действительно, не заслужила этого. По сравнению с другими она в Брунетском бою имела самый высокий процент потерь.

Товарищи Франц Далем и Галло твердили одно: немцев нужно послать в 11-ую бригаду, французов – в 14-ую бригаду и т.д. В конечном итоге получилось, что все было растаскано в разные стороны. Моей 45-ой дивизии достались 81 человек обезоруженных поляков и чехов из бывшей роты имени Мицкевича. А № 13 по приказу перешел на 150-ую бригаду моей дивизии, которая этим подарком не была обрадована. Товарищи считали, что у 160-ой бригады имеются свои боевые традиции, а с № 13 она унаследует всю “славу” последних дней расформированной бригады.

Прошло некоторое время, и в мой штаб в Торрелодонес приехали т.т. Франц Далем и Галло. Раньше, чем они объяснили словами сущность своего визита, по их лицам я уже догадывался, что дело неладное. Они потребовали от меня объяснений по вопросу моей “кадровой политики”, которая – по их словам – ведет к ликвидации интербригад. За это – они сказали – мне в скором времени придется предстать перед лицом партии. Но это не единственный мой грех. В других вопросах, как, например, вопросе почты, они считают, что я умышленно срываю работу базы в Альбасете.

Что же случилось с почтой?

Оказывается, что комиссар дивизии и я совершили новый грех. Дело было так. Вся почта интербригад, входящая и исходящая, собиралась в Альбасете для просмотра цензурой. База интербригад имела, по договоренности с главной цензурой, свой собственный аппарат цензуры и почты. В этом аппарате работал свыше 100 человек под руководством одного полковника, двух подполковников и других высших чинов Альбасетской почты*. Тем не менее почта работала из рук вон плохо и в бригадах на фронте вечно бывали справедливые нарекания насчет работы почты. Письма “неизвестных” адресатов скоплялись на полочках в Альбасете. Рассказывают, что однажды тов. Марти поинтересовался этим вопросом и зашел на почту проверить ее работу. На полочке под буквой М он нашел кипу писем и газет, адресованных ему, Марти. Они лежали там в ожидании, пока отыщется неизвестный адресат.

* В Альбасете осело очень много антифашистов, которые остерегались фронта и его опасностей. Говорилось, что в те дни, когда Гейман-Видаль руководил базой в Альбасете, там имелось около 1800 человек внутренней охраны, составленной из интернационалистов. Аппарат Санитарного Упр. состоял из 800 чел. и т.п. На фронте же в отдельных бригадах оставалось от 300 до 400 чел. интернационалистов боевого состава (сноска автора документа. – *Сост.*).

Комиссар дивизии и я, получая вечные жалобы бойцов на работу почты, решили предложить альбасетской почте кое-какие улучшения. Предложения сводились к тому, чтобы выделить полевое отделение альбасетской цензуры в Мадрид (все интербригады были в Мадридском фронте). Это отделение цензуры должно было собирать все письма и классифицировать их: адресованные за границу – отправить для цензуры в Альбасету; адресованные внутри страны рассматривать на месте и с отметкой “просмотрено цензурой” сдать почтовым органам для доставки адресатам. Ведь до этого все письма, адресованные с фронта в город Мадрид, отправлялись сначала в Альбасету, а оттуда они уже возвращались (если вообще возвращались) в Мадрид с опозданием на 14–80 дней. Если учесть что большинство в интербригадах – это испанцы, а среди них опять большинство – это жители Мадрида и его окрестностей, то понятно будет, насколько предложенная мною и комиссаром мера устраняла одну из причин недовольства бойцов и их семей.

Станным образом, цензура в Альбасете согласилась с этим предложением. Полевое отделение было выделено и оно стало функционировать в Мадриде. Казалось бы, что все могут быть довольны.

Не так-то было. Ставшие “безработными”, почтовики в Альбасете запротестовали и пожаловались начальству, на каком, мол, основании Клебер вмешивается в наши альбасетские дела.

Вот как получился новый грех Клебера, за который, по воле т.т. Далема и Галло, придется отвечать перед партией. По словам Далема и Галло эта перестройка работы цензуры и почты кроет в себе опасность и доказывает, что дивизия стремится уклониться от цензуры в Альбасете.

Другая мера, вызывавшая подозрения у т.т. Далема и Галло – мое распоряжение централизовать отправку и получение почты для всей дивизии. На самом деле, до этого распоряжения каждая бригада ежедневно отправляла одну машину с почтой в Альбасете. И вот, я решил сэкономить бензин и, чтобы не гнать лишних машин взад и вперед, я распорядился, чтобы почта всех частей дивизии собиралась в штабе, откуда одна машина регулярно будет отправляться в Альбасету.

Такая централизация противоречила “принципиальной” установке т.т. Галло и Далема, по которой бригада, а не дивизия должна являться той единицей, с которой Альбасета хочет иметь дело. Я же, по словам Далема и Галло, хочу протащить всяческими способами именно дивизию, как единицу.

Вот с какими обвинениями против меня выступили т.т. Далем и Галло и потребовали вмешательства партии.

Приехал ко мне на фронт тов. Степанов, чтобы разобраться, в чем дело. Проверив все на месте, тов. Степанов посмеялся от души и не жалел эпитетов по адресу жалобщиков. “Ну, и дураки” – были его слова в заключение. Тов. Степанов спросил меня, верно ли, что в последние дни я находился в своем штабе в Торрелодонес, а не на передовом командном пункте. Я подтвердил, что я, действительно, большей частью находился в Торрелодонес, в 3 километрах позади фронта, т.к. на фронте наступило затишье и я занят обучением кадров в дивизионной школе. С

командным пунктом я связан телефоном. Там днем и ночью дежурят работники штаба. Чуть что, я в 10–15 минут могу быть на фронте и руководить своими частями. Тов. Степанов снова посмеялся и сказал: “А нам, в Валенсии, пожаловались, что Клебер сидит в тылу и на фронт не выезжает”.

Заглянул ко мне в штаб т. Вальтер, который знал о новой “войне” между мною и Альбасете. “Что могу делать, спросил я его, когда приезжают и ищут, к чему бы придаться, и потом уезжают жаловаться в ЦК. Как будто нет у партии и у всех нас других дел, поважнее”. Тов. Вальтер ответил: “А ты делай так, как я делаю. Я просто всех таких визитеров гоню в шею”. Нет, подражать Вальтеру в этом я не собирался.

Вот, какими добавочными дразгами и неприятностями были заполнены те тридцать девять дней пребывания моей дивизии на Мадридском фронте.

От полковника Рохо получено было распоряжение отправить все три батареи (“Тельман”, “Либкнехт” и “Грамши”) в артиллерийский парк, где им будет заменена материальная часть. Прекрасных трех батарей – гордости нашей дивизии – мы лишились навсегда. Отняв батареи, Рохо потом распорядился, чтобы они в дивизию больше не возвращались.

Итак, без артиллерии, с сильно ослабленными бригадами (до 1000 человек потерь) и с физически измотанными людьми я снялся с позиций под Брунете и погрузил свои части для отправки на Арагонский фронт. Предстояло участвовать в операции под Сарагосой.

Отправляя свои части к новому месту назначения, я оставил на месте дивизионную школу кадров. По окончании курса обучения эти новые кадры должны были принять и обучить две тысячи новобранцев, прибытия которых я ожидал со дня на день.

Проездом на фронт я заехал в Альбасету, чтобы договориться с тов. Беловым (который сменил Геймана-Видаля), о кое-каких делах. База интербригад тогда выработала новое соглашение с военным министерством о статусе и режиме интербригад. Было решено содержать пять интербригад, в коих база обязывалась довести состав интернационалистов до 40% общего состава.

В связи с новым соглашением предстояли кое-какие организационные изменения в составе интербригад, в частности, батальон “Андре Марти” должен был быть передан из 13-ой бригады (бывшей 150-ой бригады) в 14-ую бригаду, а из 15-ой бригады должен был быть передан в мою дивизию батальон “Димитров”, состоящий из балканских славян.

В Альбасете я встретился с тов. Эрколи, с которым имел короткую беседу о наших делах. Поскольку я должен был торопиться с отъездом, мы договорились, что я ему напишу письмо. К сожалению, последующие события мне не позволили исполнить обещания. Об этом я очень жалею, ибо мне кажется, что будь тов. Эрколи лучше информирован о сути моих предыдущих споров с Альбасетой, он не допустил бы такого развития дел, какое имело место впоследствии.

Продолжая путь, я в Валенсии мог убедиться, что в ЦК компартии товарищи не разделяют мнения т.т. Далема и Галло в отношении поднятых ими против меня жалоб.

Одновременно с нами в Валенсию прибыл комбриг Паччарди, вернувшийся из отпуска из Франции. С комиссаром бригады Баронтини я раньше договорился, что, в случае возвращения Паччарди из отпуска, я его не допущу к командованию итальянской бригадой, а возьму его к себе в штаб, чтобы не дать ему возможности продолжать дело разложения бригады. Тов. Галло считал, что на место Паччарди мне следовало бы назначить командиром бригады комиссара Баронтини. Я не был согласен с Галло по следующим мотивам: во-первых, Баронтини, не имея командирских знаний и навыков, не справится с новой задачей. Во-вторых, о тов. Баронтини все знают, как он в бою дрожит и трусит. Под Гвадалахарой Баронтини, плачущий и дрожащий от испуга, представлял собою жалкое зрелище и стал предметом насмешек и злых шуток собственных бойцов. В-третьих, коммунист Баронтини, с такими неважными качествами командира в бою, скомпрометировал бы компартию, в то время, как вся клика вокруг Паччарди старается доказать, что коммунисты стремятся захватить в свои руки все руководство бригады и отстранить с постов всех остальных антифашистов. Назначение коммуниста Баронтини на место Паччарди лишь усилило бы имеющиеся тенденции и привело бы к демонстративному разрыву единого фронта с коммунистами. Исходя из этих мотивов, я допустил беспартийного командира Пенкенати, старшего из командиров батальонов, к временно исполнению обязанностей командира 18-ой бригады. А т. Баронтини я дал задание – усилить свою работу, как комиссара, чтобы изжить настроения, оставшиеся в бригаде после Паччарди.

Так, в течение месяца комбат Пенкенати руководил бригадой. Теперь Паччарди после отпуска снова появился на сцене. Что мне было с ним делать? Просто выгнать его из дивизии – на это я не имел формального права. Нужно было также иметь в виду, что Паччарди – секретарь итальянской республиканской партии, что он вернулся из Парижа вместе с Пьетро Ненни, членом Исполкома II Интернационала, который уже успел побывать с Паччарди у министра обороны Прието (Прието – личный друг Паччарди еще со времени их совместного пребывания в эмиграции в Париже). Выгоняя Паччарди из дивизии, я мог заварить неприятную кашу не только для себя, но и для компартии. Нужно знать, как Прието использует малейшую оплошность со стороны коммунистов, чтобы бороться с влиянием компартии в армии. В этом отношении Прието куда умнее, а поэтому куда опаснее для компартии, нежели был в свое время Ларго Кабальеро.

Т. Баронтини, встретившись первый с вернувшимся Паччарди, тут же ему все изложил, что знал. Он ему сказал, что он, Паччарди, не может быть допущен к командованию бригады и что Клебер имеет в виду использовать его на работе в штабе дивизии. Паччарди, вместе с Пьетро Ненни, отправился ко мне требовать объяснений. Я успокоил обоих и сказал, что это досадное недоразумение. Я, мол, не имел в виду лишить Паччарди командования, а только, учитывая то, что в его отсут-

стве Пенкенати хорошо справлялся с порученным ему делом, я имел в виду просить у министра утверждения Пенкенати в должности, а Паччарди повысить в должности, оставляя его со мною на правах помощника командира дивизии до тех пор, пока министр его не назначит на должность командира отдельной дивизии.

Весьма вероятно, что в тот же день Пьетро Ненни все это донес министру Прието и полковнику Рохо.

Когда я зашел в ЦК, я там застал уже т.т. Баронтини, Роазио и других коммунистов, которые пришли к т. Люису спросить, как поступать с Паччарди. Вопрос достаточно щекотливый. Я изложил товарищам суть моей беседы с Паччарди и с Пьетро Ненни. Т. Луис одобрил мой вариант. Этим самым мы лучше всего избегаем столкновения с Прието по вопросу Паччарди, а главное, не даем ему возможности продолжать работу по разложению 18-ой бригады.

В министерстве обороны я был принят полковником Рохо, который, учитывая состояние моей дивизии, сказал, что дивизия будет временно в резерве фронтового командования и что ей будет дана возможность пополниться новым составом. Во всяком случае, до боя в состав дивизии будет дана свежая бригада и ей будут приданы артиллерия и танки.

Прибыв на фронт под Сарагосой²³, дивизия поступила в распоряжение комкора Модесто. Выяснилось, однако, что одна из дивизий, на которую командование рассчитывало, что она прибудет своевременно, где-то задержалась в пути и она не сможет участвовать в операции, как было предвидено планом. Взамен ее включили мою дивизию в первый эшелон атакующих войск. На Сарагосу должны были наступать одновременно три группы. Правая группа – дивизия “Карл Маркс”, составлявшая кулак в 16 000 человек с приданными ей танками и артиллерией; левая группа – дивизии Листера, Вальтера Гайо и другие, общей численностью свыше 85 000 человек с приданными им максимум технических сил танков, авиации и артиллерии. Третью группу составляла в центре моя 45-ая дивизия – всего-навсего 8400 человек, прибывших сюда с позиций под Брунете и лишившихся к тому же своей артиллерии. Взамен этой артиллерии мне были даны 9 орудий одной из местных анархистских дивизий. Для переброски моей дивизии с участка корпуса Модесто на новый ее участок обещано было дать 160 грузовиков. На самом же деле, было дано всего-навсего 40 грузовиков и то с опозданием на 84 часа, так что сбор дивизии на новом участке еще продолжался в то время, как передовые ее части уже должны были вступить в бой.

При встрече с т. Вальтером он никак не хотел согласиться выделить из состава подчиненной ему 16-ой бригады батальон имени Димитрова, который по решению партии и базы интербригад должен был быть передан в мою, 45-ую дивизию. Он ссылаясь на то, что выделение этого батальона нарушит уже состоявшиеся расчеты и план действия. По окончании боя он обещал выделить этот батальон в мое распоряжение.

С большими трудностями, из-за транспорта, дивизия сосредоточилась в своем районе на исходном положении. Район – на редкость пус-

тынный, ни капли питьевой воды. Питьевую воду приходилось доставлять в цистернах на сотню километров.

В городе Лерида имел встречу с т. Леонидовым, советником при генерале Посас. На сей раз у ген. Посас уже был другой начальник штаба – подполковник Гордон, член компартии. Тов. Гордон из всех офицеров-профессионалов, пожалуй, самый ценный для компартии человек. Он знает свое дело, имеет авторитет в армии и является искренним коммунистом, ставящим дело партии выше всего.

Тов. Гордон объяснил задачу предстоящих действий, и я уехал на фронт. Произведя рекогносцировку местности вместе со своими командирами, я убедился, что местность повелительно требует произвести одну основную поправку в первоначально задуманном плане наступления, а именно – повести наступление своим левым флангом, вместо указанного раньше направления на правом фланге. Вся местность на правом фланге представляла собой гладкую, на целые километры обозреваемую и простреливаемую степь, над которой высились отдельные холмы-курганы, занятые противником и укрепленные цементными установками и убежищами фортами. На левом же фланге местность, холмистая и частично покрытая зарослями терников, позволяла нам лучше укрываться от авиации и незаметнее продвинуться к объектам атаки. Я решил перегруппировать все свои силы на левый фланг, прикрываясь на правом фланге одним лишь батальоном. Об этом решении я поставил в известность высшее командование.

Кроме того, когда я увидел местность, у меня возникли сомнения насчет возможности применения моторизованного отряда, как это было предвидено общим планом. По плану имелось в виду, что каждая из трех наступающих групп будет держать часть своих сил на грузовиках, которые, после прорыва неприятельского фронта, ринутся внезапно с трех сторон прямо на Сарагосу.

На моем участке единственная дорога, к тому же узкая, которая вела к Сарагосе, обстреливалась косым огнем неприятельских тяжелых батарей, которые набрасывались метким огнем даже на отдельные машины, появлявшиеся на дороге. Учитывая, что водителями на грузовиках являются штатские шофера местной анархистской организации, у меня были сильные сомнения, поведут ли они машины под артогнем. Случись попадание артиллерии в одну хотя бы машину, то вся колонна застопорилась бы на дороге, с которой нельзя было свернуть ни вправо, ни влево. Попадания в голову колонны задержали бы всю колонну; попадания в хвост колонны не дали бы остальным машинам возможности повернуть назад, попадания в середину разрезали бы колонну пополам. Кроме того, был большой риск – держать колонну из двух батальонов на грузовиках на единственной дороге, открытой для взоров неприятельской авиации.

В силу этих соображений я попросил т. Леонидова, который приехал на мой участок, согласиться на некоторые отступления от первоначального плана. Эти отступления, в конечном счете, ничем не отразятся на ходе наступления других наступающих групп, наоборот, еще больше будут содействовать выполнению общей задачи.

Тов. Леонидов в целом согласился с принятым мною решением, и я начал отдавать приказы и распоряжения на предстоящее наступление.

Через несколько часов я поехал в штаб своих бригад, чтобы проверить ход подготовки к наступлению. К моему крайнему удивлению, я застал т. Леонидова в штабе 12-ой бригады, где он на карте доказывал комбригу Пенкенати выгоды наступления правым флангом, т.е. как раз наоборот тому решению, которое уже было принято.

Т. Леонидову я указывал на недопустимость такого вмешательства. Лучше одно решение, если оно и кажется плохим, нежели два противоречивых решения. Кроме того, т. Леонидов должен был бы знать, что такое вопросы он должен обсудить со мною, а не с подчиненными мне командирами. Т. Леонидов замялся и сказал, что он, пожалуй, ничем не возражает против моего решения.

Ночью начали наступление дивизии. Я пропускал мимо себя один батальон за другим, стоя на 10-ом километре дороги, где они должны были свернуть влево от дороги и наброситься на форты противника. К моему крайнему удивлению, я узнал через некоторое время, что 12-ая бригада, отойдя на полкилометра от меня, свернула не влево, а вправо от дороги, т.е. пошла так, как советовал т. Леонидов комбригу Пенкенати.

Тов. Янек, командир 13-ой бригады, точно выполняя мой приказ, прорвался через укрепления противника и ночью, работая только штыком, продвинулся в глубину неприятельского расположения. К утру выяснилось, что между 12-ой и 13-ой бригадами, подошедшими по расходящим направлениям, образовалась зияющая дыра. Мне удалось еще задержать один батальон 12-ой бригады и нацелить его правильно. Другие же два батальона очутились к утру в ложбине, открытой со всей сторон. По ним противник с холмов открыл сильнейший огонь, и до следующей ночи оба батальона, оставаясь в ложбине, несли потери, не будучи в состоянии ни продвинуться вперед, ни отступить назад.

Комбриг Пенкенати на мой вопрос, кто дал ему право не выполнять моего приказа, ответил, что оба батальона... заблудились ночью, что это досадная случайность, а не умышленное невыполнение приказа.

Тем временем 13-ая бригада, забравшись двумя батальонами в тыл противника, оказалась слишком слабой, чтобы прорвать остальными силами форты противника на следующей гряде высот. Со стороны 12-ой бригады, как видно, никакой помощи последовать, пока, не могло. В течение целого дня приходилось направлять огонь своей артиллерии по целям противника, которые мешали двум батальонам 12-ой бригады выбраться из трудного положения, в которое они попали в проклятой ложбине. При этом, из 9-ти орудий вышло из строя 6 орудий*. Подать артиллерийскую помощь 13-ой бригаде средств не было.

* Артиллерию я получил от анархистской дивизии, оставшейся на позициях. Я стал расследовать причины порчи орудий, т.к. были сильные подозрения на умышленный саботаж. Будучи уже в Москве, я в Правде от 24 октября прочел о раскрытии ПОУМ'овской организации, которая между прочими делами попортила орудия, приданные моей дивизии под Сарагосой (сноска автора документа. – *Сост.*).

Два батальона 13-ой бригады, а именно: батальоны имени Домбровского и Палафокс*, развивая ночной полет, захватили местечко Вильямайор де Гальеро и дошли на 3 километра до Сарагосы. В Вильямайор они захватили штаб противника со 150 пленными, главным образом офицерами. Среди них были также четыре немецких советника с тремя переводчиками. В Сарагосе началась паника. Фашисты ударили в набат. Колокола церквей звонили всю ночь. Из Сарагосы появились на грузовиках сильные отряды войск. Польские батальоны встретили их дружным пулеметным огнем. Так бой длился в Вильямайор де Гальеро до 17 часов, когда противник, наступая с танками, выбил поляков из местечка. Патроны у них уже были на исходе. На рассвете следующего дня ослабленные на 60% оба польские батальона стали группами прибывать в наше расположение, таща с собой раненых и четыре десятка пленных. Остальных пленных офицеров они расстреливали, когда они отказывались идти с отступающими и пытались бежать под покровом ночи. Отдельные группы бойцов пробирались обратно через линию противника еще на четвертые и пятые сутки.

Противник из Сарагосы набросился на мою дивизию тремя таборами марокканцев, тремя батальонами пехоты, пятью скорострельными батареями и десятком танков. Поскольку моя группа ближе подошла к Сарагосе, чем остальные группы, противник считал, что отсюда ему грозит наибольшая опасность, поэтому он бросил свои резервы именно на мою группу. Завязались жаркие бои перед отдельными фортами и вся тяжесть этих боев легла на плечи 13-ой бригады и батальона моего резерва – батальона имени Джуро Дьякович, составленного из болгарских и югославских товарищей. В течение последующих дней в этом батальоне осталось всего 50 человек, а трупов марокканцев перед фортом, который был захвачен этим батальоном и им удерживался, несмотря на все контратаки, уже насчитывалось свыше 800.

Я бросил последний мой резерв – сотню спешенной кавалерии, составленной преимущественно из русских (бывших белогвардейцев). Этим кавалеристам еще удалось ночным броском выбить противника из самого важного форта на горе Петрусо.

Ночью мы стали закреплять за собой этот форт. Чтобы иметь свободный резерв для дальнейших действий, я вытянул ночью кавалеристов и в форт был послан батальон анархистов, приданных моей группе.

На рассвете противник повел контрнаступление с 10 танками на этот форт. Не прошло и 15 минут, как батальон анархистов в панике побежал из форта, оставив его почти без боя противнику.

Рядом с героями из батальона Джуро Дьяковича, в котором все офицеры и политработники были убиты и ранены, великолепно сражался батальон Андре Марти, не сдавая противнику захваченный форт, несмотря на тяжелые потери.

* По имени Палафокс мы называли один из батальонов, составленных из поляков и испанцев. Палафокс, народный генерал, был защитником Сарагосы при нашествии наполеоновской армии. В его отряде тогда сражались также поляки вместе с испанцами (сноска автора документа. – *Сост.*).

Высшее командование на мою просьбу стало обещать резервы и танки. Они стали прибывать разрозненно, в среднем, по одному батальону в день. Но это уже были анархистские батальоны и батальоны необученных новобранцев. Один командир такого батальона, прибыв на линию, тут же перешел с группой людей на сторону противника.

В конечном итоге мы противнику сдали обратно (кроме Вильямайор де Гальего) еще три из пяти нами захваченных фортов. И на этом положение стабилизировалось.

Правая группа – дивизия “Карл Маркс” продвинулась до пункта Зуера и дальше пройти не смогла.

В левой группе дивизия Листера застряла перед Фуэнтес де Эбро, оставляя позади себя Бельчите и Кинто. Дивизия Вальтера окружила эти опорные пункты и захватила их после пятидневного боя.

Ни в одной из трех групп моторизованные отряды себя не оправдали, именно по той причине, что водителями машин были штатские шофера.

Оценивая результаты всего боя под Сарагосой, я должен заявить, что 45-ая дивизия под моим командованием сделала все, что могла в этих условиях. Она навлекла на себя максимум противника, чем облегчила другим группам добиться успеха. Не желая умалять заслуги дивизий, которыми командовал т. Вальтер, я должен констатировать, что во взятии Кинто и Бельчите участвовало около 50 орудий и вся группа танков под прикрытием всей нашей авиации. Будь в моей группе хотя бы треть этих сил, мы удержали бы все захваченные форты и Вильямайор де Гальего. Между прочим, за взятие Кинто и Бельчите нужно благодарить в первую очередь батальон “Димитров”, именно тот батальон, который фактически принадлежал моей дивизии.

После четырнадцати дней боя под Сарагосой все наступающие группы перешли к обороне. Остатки моей дивизии, все немногим больше тысячи бойцов, были сменены и отведены в тыл для отдыха и реорганизации.

Следует остановиться на некоторых моментах боя за Сарагосу.

Для людей, знающих подоплеку дел под Сарагосой, не является секретом то, что начальник генштаба Рохо, мягко выражаясь, не содействовал развитию обозначившихся в начале успехов. Сказывалась “ревность” по отношению к начальнику штаба восточного фронта и фактическому его командующему – товарищу Гордону. Вся операция, задуманная в целях оттяжки сил противника от Сантандера, считалась в генштабе в Валенсии операцией, которой руководят и которую проводят силы коммунистов (Гордон, Модесто, Вальтер, Листер, Гайо, дивизия Карла Маркса, Клебер). Компартия напрягала здесь все свои маневренные силы. Она бросила сюда всех лучших политработников, организаторов и агитаторов. Сарагосская операция внутривнутриполитически имела также значение для компартии, что она давала возможность покончить с анархо-троцкистско-фашистским засильем в Арагонии. Неудивительно, что партия требовала от всех своих членов максимум напряжения сил. Понятно также, что партия не могла удовлетвориться достигнутыми результатами. Внешне могло казаться, что в числе других дивизия

Клебера не оправдала надежды, которые на нее были возложены. Ведь никому неизвестно, почему “заблудились” два батальона 12-ой бригады, почему противнику обратно был сдан Вильямайор де Гальего и два взятых в начале форта, почему артиллерия вышла из строя, почему противник так легко вернул себе форт Петрусо и т.д.

В следующий день после взятия и потери Вильямайор де Гальего прибыл полковник Рохо на мой командный пункт. После моего доклада о ходе операции он многозначительно сказал: “Вопрос еще, действительно ли были ваши части в Вильямайор?”. На такой вопрос я ничего не хотел ответить. Я его спросил, где эта бригада, что он мне обещал в Валенсии, и где мои три батареи, что были отняты у меня.

На это Роха сказал: “Если захватите Вильямайор, все будет”. Я перефразировал его слова: “Если все это было бы у меня своевременно, Вы сегодня говорили бы со мной не здесь, а в Вильямайор де Гальего”.

Следует мне остановиться и на других моментах, имевших место во время операции под Сарагосой.

Будучи на Командном пункте своей 13-ой бригады, откуда я все время руководил боем, я мог обзирать все поле боя. Я заметил в нескольких случаях, как мои распоряжения вяло выполнялись командиром 12-ой бригады, Пенкенати. Бывало, что он мне докладывал, что такой-то его батальон двинулся в атаку. В это же время я собственными глазами вижу, что батальон с места не тронулся. По телефону я выругал комбрига Пенкенати за ложную информацию и пригрозил ему неприятными для него последствиями. При Пенкенати был в это время тов. Галло, инспектор интербригад, приехавший на фронт*.

Впоследствии мне стало известно (докладывал мне это начальник штаба бригады, французский социалист Бернар), что Пенкенати вместо того, чтобы выполнять полученный от меня приказ, стал критиковать мои действия перед всеми и перед товарищем Галло. Пенкенати тут же нашел время написать жалобу на меня, которую он передал Галло. Галло заверил Пенкенати, что меня скоро снимут из дивизии. Галло, так же как и Пенкенати, высказывал свои сомнения по поводу того, были ли польские батальоны в Вильямайор де Гальего. Товарищи Галло и Баронтини стали спрашивать бойцов насчет Вильямайор де Гальего, явно стремясь доказать, что поляки туда не дошли. Узнав об этом, польские батальоны крайне возмутились поведением этих итальянских товарищей. Они, в свою очередь, при захвате пленного или перебежчика, спрашивали его насчет Вильямайор и, таким образом, собрали от двадцати разных пленных и перебежчиков показания, подтверждающие факт захвата этого местечка.

Для чего тов. Галло понадобилось поднять рознь между обоими бригадами, мне неизвестно. Могу лишь предполагать, что ему нужен был материал против Клебера.

* Если Галло когда-либо являлся в мою дивизию, то он посещал только 12-ую бригаду (итальянцы). За это крайне обижались другие интернационалисты (поляки, французы, болгары, югославы). Они окрестили Галло защитником итальянцев (сноска автора документа – *Сост.*).

Я об этом узнал, когда дивизия уже была вне боя и на отдыхе в местечке Сампер де Каланда. Этим заинтересовался комиссар дивизии, узнав все подробности от политруков рот и батальонов. На совещании старшего командного состава, делая разбор операции под Сарагосой, я просил высказаться Пенкенати и Баронтини. Они ничего не могли сказать против моего руководства операцией и против действий 13-ой бригады. Я указал на жертвы одной бригады и на жертвы другой, разбирая операцию по дням. В 13-ой бригаде выбыло из строя около 800 человек убитыми и ранеными, а в 12-ой бригаде около 250 человек, главным образом в тот день, когда “заблудившиеся” батальоны очутились в безвыходном положении в ложбине. Пенкенати, видя, что перед лицом этих фактов он не сможет защищать выдвинутые им в своей жалобе обвинения, заявил, что нервы у него пострадали в бою и что он просит отпуска на несколько дней в Валенсию. Кажется, что он хотел взять обратно свою жалобу, переданную им товарищу Галло.

О Паччарди, который во время боев околачивался в моем штабе, следует также сказать пару слов. Паччарди заявил мне и комиссару, что он, не имея определенной работы, считает нецелесообразным дольше оставаться в дивизии. Посоветовавшись со мною, комиссар дивизии попросил комиссара армии – Вергилио Льянос отозвать Паччарди для работы в штабе армии. Находясь уже там в штабе армии, Паччарди встретился с Прието и Рохо, которые его спросили, что он ничего не делает. Рохо возмутился тем, что Паччарди выставлен из дивизии и приказал ему вернуться обратно, сказав при этом: “Вопрос еще, кого нужно удалить из дивизии, Паччарди или Клебера”. Паччарди вернулся в дивизию и рассказал мне о своем разговоре с Рохо и Прието. При этом Паччарди заявил мне, что он, зная отношение Рохо ко мне, не желает оставаться дольше по двум причинам, а именно: из уважения ко мне, и также потому, что в случае моего устранения и назначения его на мое место, он не будет пользоваться поддержкой у коммунистов. По окончании боев Паччарди уехал во Францию, озлобленный на итальянских коммунистов, в частности, на Галло и Баронтини. О Пенкенати и его поведении в бою Паччарди сказал, что Пенкенати ему признался в том, что он жалеет, что он попал под Баронтини и дал себя использовать в интриге против Клебера.

Мне стыдно писать здесь все это. Мне стыдно было тогда говорить с Паччарди на эту тему. Однако последующие события подтвердили слова того же Паччарди, который, прощаясь со мною, “по-товарищески”, счел нужным предупредить меня о том, что собираются снять меня с командования дивизии и что он в этой игре участвовать не собирается.

Несмотря на понесенные потери, политико-моральное состояние дивизии улучшалось с каждым днем отдыха, полученного впервые после многих месяцев труднейших боев.

Из Мадрида я вызвал дивизионную школу кадров. Со школой прибыло еще свыше тысячи почти обученных новобранцев. Товарищ Гордон также направил в дивизию около двух тысяч новобранцев. Из Альбасете т. Белов направил несколько сот интернационалистов. Впервые дивизия собрала около 6000 человек. Закипела организационная и

учебная работа. Повели хорошую работу среди населения, запуганного прежними анархо-троцкистским засильем. Генерал Посас и подполковник Гордон приехали инспектировать дивизию и остались довольны.

Тем временем из Валенсии я стал получать странные телеграммы, вроде: “Командиру 45-ой дивизии предлагается сдать полученное им автоматическое оружие, а именно, 32 тяжелых и 72 легких пулемета”, или “Сообщите, куда вы дели противотанковую батарею, незаконно взятую вами от расформированной 13-ой бригады” (Никакой противотанковой батареи я ни от кого законно или незаконно не брал). В один прекрасный день нарядом из Валенсии направили мне 400 человек дополнительных новобранцев. Мои приемщики вернулись с новобранцами и с ужасом докладывали, что это не новобранцы, а собранные со всех концов кадры троцкистских организаций, выпущенные из тюрьмы, где они сидели за участие в майском путче. Хороший подарок для интернациональной дивизии! Я этих новобранцев отправил туда, откуда были взяты.

В дивизии начала работать крепкая парторганизация. Раньше коммунисты не были организованы в ячейках, а теперь каждая рота уже имела свою ячейку. Проведены были выборы парткомов в батальонах и в бригадах. Стали проводить дивизионную партконференцию. Проводились массовые смычки с населением. Дивизионная газета “Интернациональные штыки” была признана лучшей из существующих армейских газет. Одним словом, было чему радоваться – успехам, достигнутым за время двух-почти трехнедельного отдыха, выпавшего в первый раз на долю нашей дивизии.

Я стал добиваться возвращения в дивизию отнятых у нас трех интернациональных батарей. Стал развертывать свои два эскадрона до полного состава. Наконец, я стал осуществлять также старую мечту наших интернационалистов, в частности югославских и болгарских товарищей, – занялся созданием третьей бригады в нашей дивизии, которая должна была носить имя тов. Димитрова. Основой для этой бригады должны были стать: имевшийся в дивизии батальон “Джуро Дьякович” и батальон “Димитров”, которые я должен был получить из 15-ой бригады. По вопросу создания этой бригады я не встречал возражений ни у тов. Белова, ответственного за базу в Альбасете, ни у тов. Гордона, нач. штаба фронта, ни у других товарищей из ЦК партии или из аппарата советников. Из трех бригад 45-ой дивизии – “Гарибальди”, “Домбровский”, “Димитров”, последняя должна была стать самой крепкой и само боевой. Оружия для этой бригады я уже собрал в достаточном количестве, пользуясь тайными связями к складам анархистов, где мы получали винтовки и пулеметы взамен подарков папиросами.

В связи с вопросом о передаче батальона “Димитров” я уехал в 15-ую бригаду, чтобы повидаться с тов. Вальтер. В штабе я его не застал. Тогда я искал тов. Чопича, командира 15-ой бригады. Чопич всячески уклонялся от встречи со мною, причем делал это в грубой форме. Наконец, удалось мне поймать Чопича, уклоняющегося от встречи. Выяснилось, что батальона “Димитров”, вопреки всем решениям, он отдать в 45-ую дивизию не собирается.

В штабе 15-ой бригады вообще удивлялись моему прибытию и ходоатайству по делам 45-ой дивизии, т.к. у них имелись сведения, что Клебер снят с командования этой дивизии.

Оказалось, что приехавший из Альбасете Франц Далем рассказал товарищам из 15-ой бригады, что меня сняли с командования дивизии. Слух о снятии Клебера прошелся по всем интернациональным частям, и об этом стали поговаривать и в моей дивизии. Официально меня никто не известил о том, что меня снимают. В мою дивизию приехал т. Дубровин, заместитель т. Григоровича. Я его спросил, знает ли он что-либо о том, что меня снимают из дивизии. Он пожал плечами.

Но слухи упорная вещь.

Приехали т.т. Белов и Галло проводить совещание с командирами интербригад. Они пригласили на это совещание и меня и комиссара дивизии. После деловой части совещания я спросил т.т. Белова и Галло, в чем дело и правда ли, как говорят упорные слухи, что я снят с командования и что на мое место будто уже назначен тов. Ганс. Оба эти товарища, которые должны были бы знать действительное положение, заверяли меня в том, что слухи не имеют почвы.

На обратном пути мне комиссар дивизии сказал с возмущением, что “невинные глаза” тов. Галло — это ложь. Что слухи распространялись именно т.т. Галло и Францем Далем. Комиссар дивизии открыл мне, что он, когда слухи сгушались, стремился повидаться с кем-либо из ЦК партии, чтобы обратить внимание на слухи, опасные для политико-морального состояния части. Ему стало известно о какой-то летучке, написанной на итальянском языке, которая прошла по рукам среди политсостава 12-ой бригады. В этой летучке говорилось, что Клебер снят с командования. Мой адъютант, посланный мною по делам дивизии в генштаб в Валенсию, вернулся и доложил комиссару, что помощник подполковника Рохо спросил его, уйдет ли он из дивизии вместе со мною.

Прошло так с неделю. Все шушукались, а официально меня никто ни о чем не уведомил. Я себе представлял, какие последствия могли иметь эти слухи, если бы дивизии пришлось вступить в бой и слушаться приказов командира, о котором все знают, что не он, а кто-то другой имеет право отдавать приказы.

Я встретил т. Франца Далема и вызвал его на откровенный разговор. С неприятным ехидством Франц изложил весь список моих грехов: тут он упомянул старую историю “о кадровой политике” и о взятом мною курсе на испанцев. Сюда он прибавил новые грехи — мое стремление создать бригаду “Димитрова”, с чем он в корне не согласен. По мнению т. Франца, должны существовать пять отдельных бригад, а именно — немецкая, англо-американская, итальянская, французская и славянская. Я же, вместо того, чтобы слить вместе все контингенты славян в одну бригаду, стал выделять балканских славян, греков и румын в отдельную единицу. В этом моя ошибка. Вообще, моя дивизия переживает внутренний кризис, за который он считает ответственным меня (пример — дело Паччарди). За все эти дела я должен буду скоро дать ответ центральному комитету в Валенсии и Коминтерну дома. Вопрос уже решен в Альбасете и в генштабе.

При этом разговоре присутствовал т. Вальтер и т. Рихард, командир 11-й бригады.

Я указал т. Францу на следующее:

О кадровой политике и ставке на испанские кадры я считаю, а со мною товарищи из ЦК, что все принятые мною меры правильны. Ведь нельзя допустить тех нездоровых явлений, которые имели место в интербригадах, особенно в 11-ой бригаде, в отношении испанских контингентов, которые составляют от 70 до 85% всего боевого состава интербригад.

Относительно “славянской” бригады должен заявить, что явилось бы большой политической ошибкой сваливать все в одну кучу. Нужно учесть, какое значение имеет, например, польско-украинско-белорусская бригада имени Домбровского на развитие антифашистского единого фронта в Польше. Письма, газеты и сведения о “Домбровщаках” проникают в Польшу и имеют там громадный положительный отклик. Лишить эту бригаду своего ярко выраженного лица и сделать из нее просто славянскую бригаду, означало бы делать поворот в ложное русло. Боевой союз между поляками и испанцами стоит на здоровой политической формуле: мы помогаем вам бить фашистов в Испании. Когда покончим с ними здесь, домбровщаки-испанцы поедут с нами помогать бить фашистов в Польше.

Так нужно строить все единицы интербригад, начиная от рот и батальонов.

Приток новых бойцов интернационалистов лучше обеспечивается именно таким путем. Поляки идут в свою бригаду. Другие так же. Я, например, считаю ошибкой принцип, проводимый в 11-ой, так называемой немецкой бригаде. Нельзя довести в общем правильный принцип – язык – до абсурда. В 11-ой бригаде в общий котел смешаны немцы, австрийцы, швейцарцы, эльзасцы, фламандцы, норвежцы, шведы и т.д.

По-моему, следовало выделить судетских немцев из 11-ой бригады и составить из них, вместе с чехами и словаками, один батальон имени “Массарик”. В этом было бы больше политического смысла, нежели в том, чтобы забегать вперед расистов Гитлера–Генлейна и заранее в Испании присоединять судетских немцев к Германии и проводить аншлюс Австрии.

Что касается до бригады “Димитров”, то следует учесть, что батальон “Джуро Дьякович” был мною создан, выполняя решение, состоявшееся еще до того, как я вступил в командование дивизией. Батальон “Дьякович” – самый молодой в дивизии – оказался одним из лучших в бою. Он существовал на правах резервного батальона, под моим непосредственным руководством. Как командир дивизии, я имею право создавать резервную единицу.

Батальон “Димитров”, передаваемый из 15-ой бригады (англо-американской), ведь тоже уже существует. Этот батальон, пожалуй, самый лучший из всех батальонов интербригад. Имею в запасе 32 пулемета Максим и хочу создать запасный пулеметный батальон на основе теперешнего батальона “Димитров”. Для этой цели я уже выделил лучших новобранцев-испанцев, с которыми проходим усиленную учебу.

Имея такой пулеметный батальон в запасе, я всегда могу занять им большой участок фронта, а живой силе остальных бригад дать возможность отдохнуть и сконцентрироваться в кулак для мощного удара. Военные выгоды налицо, не говоря уже о политическом значении бригады “Димитров”, в которой будут собраны разбросанные по всей Испании болгары, югославы и т.д. В этой бригаде будут: батальон – болгаро-испанский, батальон – югославо-испанский, батальон – мадяро-испанский (последний тоже существует в составе 13-ой бригады по имени “батальон Ракоши”). В названных батальонах могут существовать рота румын и рота греков.

Приток новых бойцов обеспечен не хуже, а пожалуй, лучше, чем в немецкой или итальянской бригадах. Из французской эмиграции и особенно из Америки, Северной и Южной, прибывают балканские эмигранты, которые охотнее будут сражаться в бригаде “Димитров”, где им обеспечена культурная жизнь на своем языке, нежели в англо-американской или французской бригадах.

Относительно заявления Франца Далема о том, что 45-ая дивизия под моим командованием переживает внутренний кризис, я просил его пройтись по батальонам и ротам и познакомиться с бойцами и командирами. Никакого кризиса нет, именно потому, что мною проводится та кадровая политика, которую т. Далема считает ошибочной. Полученный отдых, усиленная политработа, занятия – все это высоко подняло настроение всех, в том числе и итальянских бойцов, которых лихорадила работа Паччарди и его борьба с коммунистами. “Вопрос Паччарди”, все знают, существовал еще до меня. Мы вышли из этого без скандала и 12-ая бригада подтягивается до уровня остальных частей. Если существовал за последнее время кризис в 12-ой бригаде, то это было лишь в головах некоторых товарищей в верхушке, но не в низах бригады. С удалением Паччарди и отпуском Пенкенати и этот “кризис” ликвидирован.

Т. Франца Далема я этими доводами не убедил.

В заключение я ему еще напомнил о том, что он должен был бы знать, какую борьбу приходится партии выдерживать от военного министерства в вопросе о коммунистических кадрах. После боев под Сарагосой лишили т. Модесто его прежних дивизий и передали их, в том числе и мою дивизию, новому комкору, известному Касадо (бывший комкор XXI в Брунетской операции). Т. Листера хотели снять с дивизии и партия с трудом его отстояла. Против Вальтера позволили себе гнусный выпад, объявляя в официальной сводке, что его части “занились грабежом” в Бельчите. Это была явная ложь, состряпанная троцкистами в целях дискредитации Вальтера и его частей. Против т. Гордона ведется кампания. Даже комиссара социалиста Льяноса хотят снимать с поста. Разные люди, которых Рохо посадит на их место, будут лучше этих товарищей?

Если бы товарищи Далема, Галло и другие считали нужным за какие-либо грехи снять Клебера с дивизии, то они не должны были бы делать это именно теперь, когда в этом заинтересованы, прежде всего, враги партии. Я, на месте т. Далема, не хотел бы играть на руку извест-

ной клике в министерстве и в генштабе, а выбрал бы для себя более удобный момент для снятия Клебера с дивизии.

Ты видишь призрак! – сказал Далем.

А ты думаешь, что ты правильно видишь настоящее положение? Спросил я его.

Комиссар дивизии, т. Видаль, вернулся из Лериды и передал мне, что т. Гордон хочет меня видеть. В Лериде т. Гордон мне сказал, что слухи подтверждаются. Полковник Рохо предложил генералу Посасу и ему снять меня с 45-ой дивизии. Посас, по словам т. Гордона, не согласился. Т. Гордон и Льянос советуют мне поехать в Валенсию и выяснить этот вопрос в партии.

Я отправился в Валенсию.

Тем временем в дивизии, по приезде комиссара из Лериды, собралась партийная организация обсуждать создавшееся положение. Парторганизация единогласно (при двух воздержавшихся от голосования – комиссара 12-ой бригады Баронтини и еще одного товарища) вынесла решение: отправить немедленно делегацию в Валенсию, в ЦК партии, чтобы разъяснить все дело и просить оставления Клебера в дивизии.

Делегация, составленная из трех партийцев интернационалистов и испанцев, прибыла почти одновременно со мною в Валенсию. От них я узнал о принятом на партийном собрании решении.

В ЦК меня приняли товарищи Долорес, Эрколи и Степанов. Не выслушав меня до конца, Долорес спросила, верно ли, что я натравливал поляков на итальянцев. Вместо ответа на заданный вопрос, я просил спросить товарищей, прибывших сюда от имени парторганизации дивизии. Я вышел из комнаты и трое прибывших из дивизии товарищей зашли в комнату. Около часа длилась их беседа с тов. Долорес. Когда они ушли, я опять зашел в комнату, чтобы узнать решение ЦК. Тов. Эрколи взял меня в сторонку и сказал мне: “В общем, ничего такого против тебя не имеется. А просто из дома получена телеграмма о том, что ты вызван на другую работу. Может быть, Китай...” Слова т. Эрколи звучали не очень убедительно.

Т. Степанов, вмешиваясь в разговор, посоветовал мне пойти в штаб т. Григоровича, где мне могут больше сказать. Я отправился туда, куда указал т. Степанов.

Т. Григоровича не было в штабе (он уехал в Москву). Не было также его заместителя т. Максимова. Его ожидали с минуты на минуту. Принял меня т. Дубровин. Тот ни о какой телеграмме из дома ничего не знал. “Видишь ли – слова т. Дубровина – тут Рохо, Прието... Товарищи из Альбасеты... Неудачная операция... Надо отдохнуть тебе... и мы решили...”. “Что же решили?” – спросил я т. Дубровина. “Как бы нам тут выйти из положения. Газеты анархистов могут ухватиться за это. Надо осторожно...”. “Что же надо?!” “Надо поговорить еще с Рохо. Мы хотим, чтобы он отдал соответствующий приказ, в котором Клеберу выносится благодарность за работу... Знаешь что, ты лучше сходи к Рохо”. “Что же я ему скажу?” – спросил я опять.

Вмешался тут другой товарищ, имени которого не знал: “Клебер, подай рапорт о болезни”.

Я подумал и сказал: “Никакого рапорта о болезни я теперь подавать не могу. После того, как раззвонили всюду, что я уже снят с должности, было бы даже по обычаям китайской церемонии неуместно подавать рапорт о болезни. Если бы товарищ Дубровин предложил мне это две недели тому назад, когда он был у меня в дивизии, я, может быть, сделал бы это”.

“Значит, что ты отказываешься. Ты, Братец, этим не шути!” – закипел мой собеседник.

“Поймите же, товарищ, что никому это не нужно, чтобы я высек себя, как унтер-офицерская вдова”.

Т. Дубровин довел этот неприятный разговор до конца: “Вот что, я поговорю с Рохо, и он тебя вызовет к себе”.

Прошел день – другой, жду вызова к Рохо.

Тем временем ко мне на квартиру приехали несколько командиров из моей дивизии. Оказывается – опять делегация. Командиры-испанцы, во главе с капитаном Дель Рио, приехали протестовать против удаления Клебера из дивизии. Они, как они мне объяснили, уже успели побывать в ЦК партии. Как члены партии, они просили, чтобы им сказали, в чем тут дело.

В военной комиссии ЦК им ответили, что там ничего неизвестно о том, что Клебера снимают. Клебер является командиром 45 дивизии.

И вот, после этих объяснений, полученных в ЦК, они пришли ко мне, чтобы просить меня вернуться обратно на свое место. Если нужно, они готовы пойти к Прието протестовать...

Что же мне нужно было делать?

Я им сказал: “Никаких протестов не нужно. Вы поезжайте обратно в дивизию. У меня здесь еще кое-какие дела. Закончу и вернусь в дивизию”.

Эти товарищи передали мне около десятка писем, привезенных ими из дивизии, в которых командный состав заверял меня индивидуально и коллективно в глубоком уважении и в сожалении по поводу “недостойных интриг”. В этих письмах была опасная нотка в том, что они заявляли, что они уйдут из дивизии, если я не останусь ее командиром. Пришлось ответить на эти письма и указать товарищам, чтобы они не делали глупостей и чтобы оставались на своих местах, выполняя приказы командования. Я прошу их оказывать новому командиру, если таковой будет назначен, такое же доверие, какое они мне оказывали.

Вызвал меня Рохо. Встретил он меня с подчеркнутой любовью: “Ми хенераль. Доложить ли министру о Вашем прибытии?”. “К чему беспокоить министра” – говорю я.

“Да, его превосходительство решил назначить Вас на должность с местопребыванием в Барселоне”.

“Жалею, что не смогу принять это назначение, так как я пришел просить разрешения выехать за границу”.

“Жаль, жаль. Непременно доложу об этом министру”.

Снабжением документов для поездки и деньгами занялся аппарат советников. Пошел прощаться с товарищами в ЦК. На мой вопрос, что мне сказать, если меня дома спросят, почему я приехал, т. Степанов мне

ответил: “Можешь сказать, что ЦК компартии Испании ничего против Клебера не имеет”.

Т. Максимов, оставшийся вместо Григоровича, также принял меня перед отъездом. По его словам, “Клебер поработал не плохо. Кто станет там разбирать, прав ли Клебер или товарищи из Альбасете. Поработал свыше года, дольше всех, стало быть, пора домой. Дома нужны люди с нашим опытом”.

Т. Дубровин (который только что вернулся из 45-ой дивизии, куда он поехал вместе с т.т. Галло и Эрколи представить нового командира, т. Ганса) сказал: “Дивизия прекрасная. Люди хорошие. Видел я письмо, которое ты написал комбригу Янеку. Ничего не скажешь, письмо, как должен писать большевик”.

В день отъезда я еще раз увиделся с тов. Эрколи. Он имел уже непосредственное представление о дивизии, т.к. посетил ее. Мне кажется, что это дало ему возможность видеть всю “историю с Клебером” в несколько ином свете. Он мне сказал, что Баронтини снят с должности комиссара бригады.

“Есть немного и твоей вины”, – сказал он на прощание – “она состоит в том, что ты лично привязывал к себе людей своей дивизии”.

Может быть. Однако делал это не умышленно и без всякого расчета.

Капитан Дель Рио приехал проститься со мною и просить передать привет его сыну, который учится в Москве в школе для испанских детей. Он передал подробности о ходе собрания командного состава, на котором выступал т. Галло. Т. Галло обрисовал историю интербригад, отдал дань покойному товарищу Лукачу и восхвалял будущего командира дивизии т. Ганса. Поскольку т. Галло ни словом не обмолвился о Клебере, выступил кто-то из командиров, чтобы поправить т. Галло. Весь зал демонстративно кричал: “Да здравствует Клебер”.

Упоминая здесь об этой подробности, я несколько не хочу рисоваться. Хочу только этим сказать, что, несмотря на все неприятности, у меня остается глубокое удовлетворение проделанной работой. Я удовлетворен и тем, что товарищи, которые вместе со мной дрались на фронте, меня действительно уважали и любили.

РГАСПИ. Из коллекции архива.

¹ Фред М. – Штерн Манфред (псевдоним Клебер), был арестован в 1938 г., погиб в лагере.

² Секретариат, которым руководил О.В. Куусинен, был ответственен за связи с компартиями Японии, Индии, Кореи, Сиам (1935).

³ Листер Э. – в то время командир 5-го полка.

⁴ Модесто Х. – один из организаторов 5-го полка, созданного КПИ, впоследствии командующий V корпусом республиканской армии.

⁵ Карлос Контрерос – настоящее имя и фамилия Витторио Видали, член компартии Италии, один из организаторов Пятого полка.

⁶ Горев В.Е. – военный атташе посольства СССР в Испании.

⁷ Кадеты – курсанты пехотного училища, именуемого Академией, основанного Карлом I (1500–1588) и размещавшегося в крепости Алькасар (Толедо). В 1910 г. эту академию окончил Франко.

⁸ Гейман (псевдоним Видаль) – член ЦК компартии Франции.

- ⁹ Галло – псевдоним Луиджи Лонго.
- ¹⁰ “Хунта де дефенса” – “Хунта обороны”, состояла из председателя – Миаха, заместителя – Фраде (ИСПП), восьми советников и восьми их заместителей, один из них – советник по делам фронта Л. Михе (КПИ), его заместитель И. Диегес (КПИ), советник по вопросам общественного порядка С. Каррильо (ОСМ), его заместитель Х. Касорла (ОСМ).
- ¹¹ Лукач – псевдоним Мате Залки, венгерского писателя, командира XII интербригады.
- ¹² Мера С. – в то время комиссар батальона, входившего в состав XII интербригады, впоследствии командующий IV корпусом республиканской армии.
- ¹³ Товарищ Ганс – Г. Кале.
- ¹⁴ Белов Г. – настоящие имя и фамилия К. Луканов, представитель компартии Болгарии.
- ¹⁵ Фриц – П.И. Батов, впоследствии генерал армии.
- ¹⁶ Рохо В. (1894–1966) – в то время подполковник, впоследствии генерал, в дни обороны Мадрида был назначен начальником генерального штаба республиканской армии, сыграл выдающуюся роль в сражении при Бельчите и Эбро.
- ¹⁷ Гришин – Я.К. Берзин (1889–1938), настоящая фамилия Катс П.
- ¹⁸ Кейпо де Льяно (1875–1955) – генерал, командующий войсками националистов в Андалусии.
- ¹⁹ Григорович – Г. Штерн, впоследствии генерал, стал жертвой необоснованных репрессий.
- ²⁰ Под Хуэской – так в тексте. Правильно: под Уэской.
- ²¹ Брунето – так в тексте. Правильно: Брунете.
- ²² Далем Ф. – председатель компартии Германии, член политической комиссии интербригад.
- ²³ Сарагосса – так в тексте. Правильно: Сарагоса.

№ 58

Письмо комдива Вальтера комбригу XV бригады тов. Чопичу

14 января 1938 г.

Комбригу XV т. Чопичу

В процессе занятия с бригадой истекшей ночью на новой линии обороны был обнаружен ряд фактов, гл[авным] образом в работе Штаба, которые д[олжны] служить очень серьезными, предостерегающими сигналами на будущее.

1) Выполнение приказа о смене. Штабриг¹ начал с того, что прежде всего приступили к свертыванию телефонной линии, чем бригада лишилась связи с дивизией и обратно. Существует азбучное правило, что старая связь выключается не раньше, чем будет организована и начнет функционировать связь на новом Р.М. бригады. Сравнительно недавно был также дан специальный приказ об этом, обязательный – как всякий приказ – к выполнению. Почему он не был выполнен вчера?

2) Отправка Канадского и 24-го б[атальо]нов происходила без всякого порядка. Каміоны стояли на дороге, и один б[атальо]н грузился

32, другой 54 минуты! Комбатов на месте не было, представителей Интербригад также, если не считать двух молодых лейтенантов, пассивно созерцающих толкотню и бестолочь при посадке.

3) Комбат Канадского явился ок[оло] 20.00 на РМ XI бригады не зная ни участка, который он должен занять; ни того, кто д[олжен] быть его соседями. Он даже не знал, будет ли и где второй б[атальо]н его же бригады! Разумеется, тем болс[е] у него не было и не могло быть никакого плана, хотя бы в своей голове, о распределении рот и пулеметов. Спрашивается, что он делал днем на рекогносцировке? имел ли он какой-либо план занятия участка и знало ли об этом раньше командование бригады? (а на рекогносцировке ему д[олжен] быть дан участок и комбат, после рекогносцировки, обязан представить командованию план распределения рот и огневых средств на том участке, и только после того, как последнее утвердит этот план, можно считать, что комбат подготовлен для смены).

Вряд ли нужно доказывать, что подобная “подготовка” к смене могла бы привести к очень нежелательным последствиям” и я вынужден был вопреки приказу комбата, сменяемый б[атальо]н XI-й бригады оставить на сегодня в резерве сзади Канадского.

Кроме того пришлось на всю ночь и на весь сегодняшний день оставить в б[атальо]не 2-х офицеров XI-й бригады, которые там находятся и по сей час.

Можно сомневаться, – лучше ли был подготовлен к смене комбат 24?

4) Начштаба т. Мериман совершенно не был осведомлен о положении наших линий в городе, т.е. об участке, который должна занять бригада, хотя об этом говорилось с Вами днем в Оггюс.

5) Начоперчасти бригады был в нетрезвом виде; он ничего не знал и ничего абсолютно не делал.

6) Несмотря на переполнение Штабрига офицерами, – в том числе есть и майоры, – ни один из них кроме Вас и Меримана не был в курсе вопросов смены, и поэтому никто из них ничего не делал. Привлечение их к работе состоялось только по моему требованию. Кстати, майору Шеверда в течение ночи пришлось побывать три раза в Теруэле и на левом фланге, чтобы помочь 24-му б[атальо]ну.

7) К-р 24 б[атальо]на утверждал, что на самом своем левом фланге у него есть две роты, а на проверке оказалось там всего 192 человека. Майор Мериман утверждает, что там есть 18 пулеметов (ст[анковых] и легких), а видно из всего только 9.

8) Б[атальо]ны (канадский, частично и другие) прибывали неорганизованно. Комроты – далеко не все – знали хотя бы в приближении задачи своих б[атальо]нов и еще меньше своих рот.

9) На Р.М. XI-й ночью прибывали подразделения Вашей бригады, прибыла б-рея антитанк, все спрашивали, что им делать, искали кого-либо из офицеров Штабрига, но ни от кого не было добиться им ответа. Утром оказалось, что на Р.М. XI-й был какой-то офицер XV-й (лейтенант с бородкой), но, во-первых, он ничего абсолютно не знал, во-вторых, спокойно спал.

10) Среди ночи явился ко мне 2 Jefe с каким-то комиссаром (англичанин, кажется). Майор Chespo получил от меня указания (кстати, он второй комбриг – явился потому, что ему Merimanом был дан письменный приказ!) и собирался уходить, а Комиссар хотел остаться, говоря, что ему там, т.е. в бригаде, при смене, – работы нет. Пришлось его просто выгнать.

Мое убеждение, что бригада ни в малейшей степени не была подготовлена к выполнению своей задачи. Никто ничего не знал, Штаб – кроме самого Начштаба – бездействовал, и даже майоры, в том числе и Ваш заместитель, ни к какой работе, – первоначально, – привлечены не были.

Вам нужно сделать из этого надлежащие выводы. Прежде всего разогнать добрую половину безработных офицеров Штаба, так, чтобы их осталось лишь строго необходимое количество (тогда будет для них нагрузка), распределив между ними функции и ответственность, и заставить их шевелиться, оставив за собой функции контроля за работой, а не работать за них, как это делаете и Вы, и Г. Meriman сейчас, в частности, как он это делал истекшей ночью.

Я посылаю Вам майора Шеверда, которого прошу использовать в помощь своей работе.

Комдив 35 Walter²

Помета: *вверху документа*: “Tortejada, 14.1.38, 12.30”.

РГАСПИ. Из коллекции архива.

¹ Штабриг – штаб бригад.

² Вальтер – Кароль Сверчевский.

№ 59

Письмо “Педро” (Э. Гере) в ИККИ с информацией о пленуме ЦК ОСПК

27 января 1938 г.

Дорогие друзья!

Я хотел бы вас коротко информировать о пленуме ЦК ОСПК (Объед[иненной] Соц[иалистической] партии)*, имевшем место 8 и 9 января, и о теперешнем положении партии.

Пленум, несмотря на довольно много слабостей, был относительно хорош, и партия после этого пленума начинает работать более активно и с большой самокритикой. Во всяком случае пленум послужил для того, чтобы поставить серьезно перед всей партией политические и организационные слабости, такие, как – недостаточная активность для кристаллизации в Каталонии народного фронта, неповоротливость в работе по завоеванию эффективного сотрудничества с СНТ, отсутствие систематической работы среди низов армии, слабость в борьбе против се-

* Слова “Объед. Соц. партии” вставлены от руки.

партизма, являющегося оружием фашистов при теперешнем положении^{1*}. Также были обсуждены внутренние проблемы партии, слабость ее политической жизни, медленность в выдвижении кадров и т.д. Я уже послал вам схему двух докладов, что даст вам приблизительное представление о поставленных вопросах.

Естественно, партия продолжает развиваться и ее работа ежедневно улучшается, однако, нельзя быть довольным темпами этого развития, так как положение требует большего, а, с другой стороны, положение теперь иное, чем то, что было 6–8 месяцев тому назад. Раньше партия здесь, как и КП в остальной части страны, была почти одна в решительной борьбе за осуществление жизненных лозунгов в войне, как, например, создание регулярной народной армии, единой в республике, или установление антифашистского общественного порядка. Сейчас уже все согласны с этим. Раньше эти большие лозунги собирали около партии, несмотря на слабую организацию, огромные массы сочувствующих, понимающих правильность этих лозунгов. Одновременно установление общественного порядка и укрепление перспективы победы республики дало возможность партии, которая долгое время из-за страха перед “бесконтрольными” и из-за отсутствия уверенности в победе не проявляла почти никакой массовой, политической и организационной работы, стать на ноги и начать действовать более систематически политически и организационно. Также и республиканские партии во всей стране, и особенно в Каталонии (где они до войны были самыми сильными), развивают огромную деятельность и ставят тысячи раз вопрос о необходимости гегемонии республиканцев в руководстве войной и страны (правительство). Это тем более опасно, что среди республиканских элементов имеется довольно значительное течение, благоприятствующее компромиссу с врагом, или – практически это то же самое – благоприятствующее такой политике более или менее открыто сепаратистской для Каталонии в отношении к испанской республике (ОСПК ведет очень сильную борьбу против этой тенденции)^{2*}.

Относительно СНТ нельзя отрицать, что эта организация осуществила большую эволюцию и, если нельзя утверждать, что она увеличилась численно и по своему влиянию, но очевидно она^{3*} смогла преодолеть непопулярность среди широких слоев населения, вследствие ее сопротивления созданию армии, укреплению общественного порядка и ее поведению в течение событий в мае месяце 1937 г. Кроме того, СНТ находится уже 8 месяцев вне правительства, что помогло тому, что массы забыли большую часть ошибок, сделанных раньше^{4*}. Ко всему этому нужно добавить, что СНТ занимается много проблемами рабочих и экономическими вопросами. Она организовала несколько дней тому назад национальный пленум для того, чтобы обсудить и решить эти пробле-

^{1*} Слова “в Каталонии народного фронта” подчеркнуты, далее отчеркнуто на полях до конца предложения.

^{2*} Текст со слов “Также и республиканские партии” и до конца абзаца отчеркнут на полях.

^{3*} Первые три строки абзаца отчеркнуты на полях.

^{4*} Фраза отмечена на полях тремя чертами.

мы, этот пленум имел огромный отзвук по всей стране. Бесспорно СНТ вообще (не только в Каталонии) снова завоевала часть авторитета, который она потеряла раньше^{1*}, как следствие совершенных ею ошибок.

Наконец, социалистическая партия, она тоже значительно реорганизовала свои силы в стране и имеет некоторый численный рост^{2*}. СП использует умно власть для усиления этих позиций, особенно в армии (военный комиссариат), в аппарате общественного порядка, в корпусе карabinеров и т.д. Также и внутренняя борьба в СП значительно стихла после устранения Кабальеро из УХТ. Естественно, эти партии, несмотря на то, что СП не имеет низовых организаций в Каталонии, имеют также некоторый отзвук и в Каталонии.

ОСПК, как впрочем и КП Испании, должна работать в этих новых условиях и очевидно, что только с очень значительным улучшением в работе двух партий (с точки зрения организационной и политической) будет возможно соответствовать новой ситуации. Что касается ОСПК, главная трудность, как я вам писал раньше, находится в руководстве^{3*}. Вам известно историческое образование этого руководства, вы знаете без сомнения, что ни его социальный состав, ни его личный состав не то, что должно было бы быть и что заслуживает партия, имеющая 60–65 тысяч членов, руководящая мощным профсоюзным движением и участвующая в довольно значительной пропорции в руководстве страны. Но я думаю, что несмотря на абсолютную необходимость изменить существующий порядок вещей, не нужно перепрыгивать этап и что необходимо, создавая новые кадры, работать со старыми^{4*}. Я не могу вам сказать, будут ли некоторые из последних с нами до конца, но единственно, что я думаю, это то, что, несмотря на все слабости, можно получить даже от этого руководства гораздо больше, если была бы более действенная помощь со стороны ПБ КПИ. Естественно, положение улучшилось немножко, но оно далеко не то, что должно было быть. Сейчас один из членов ПБ КПИ участвует на каждом заседании Исполкома ОСПК и наоборот^{5*}. Кроме того, много раз бывает взаимное участие на заседании секретариата. Однако это сотрудничество все еще немножко формально. Я бы хотел сообщить вам несколько фактов для того, чтобы подкрепить мое утверждение: двое членов, выбранных от ЦК ОСПК (Долорес и Пепе), до сих пор не участвовали ни на одном из заседаний ЦК (таких было пять с июня 1937 г.). Долорес, которая выступала в самых отдаленных уголках страны, не выступала в Барселоне в течение 18-ти месяцев войны, кроме одного единственного раза (последний раз это было ровно год тому назад), несмотря на все настаивания со стороны товарищей ОСПК^{6*}. Все эти факты, как и многие другие, не являются случайностью, но желаем мы этого или не желаем, имеют политическое зна-

1* Выделенные слова отчеркнуты на полях.

2* Предложение отчеркнуто на полях тремя чертами.

3* С начала абзаца и до конца второго предложения отчеркнуто на полях двумя чертами.

4* Выделенная в тексте часть предложения отчеркнута на полях.

5* Предложение отчеркнуто двумя чертами на полях.

6* Последние пять строк отчеркнуты на полях и поставлен знак вопроса.

чение. Естественно, все это затрудняет очень возможность добиться, чтобы политическая линия ОСПК была в полном согласии с политической линией КПИ. Очень ясно, что товарищи из ОСПК и ее руководство должны со своей стороны делать большие усилия для того, чтобы укрепить то ежедневное сотрудничество, и нужно сказать, что большинство среди них расположено к этому, но нужно, чтобы некоторые трудности, существующие еще, были преодолены. Я бы не хотел, чтобы вы думали, будто бы имеются конфликты или требования в отношениях между двумя партиями. Нет, этого нет, Отношения укрепились и улучшились. Но мне кажется, что когда ПБ КПИ находится в Барселоне, помощь, оказываемая ОСПК, должна была бы быть более действенной*.

Я думаю, что вы скоро будете иметь случай познакомиться лично с одним из наших здешних руководителей и вы сможете судить сами обо всех этих проблемах**.

Вот пока все, что я хотел вам сообщить.

С товарищеским приветом.

Педро***

Барселона, 27.1.1938 г.

Пометы: *Вверху документа в центре штамп: «22» 16.2.1938 г.»;*
слева на тексте инициалы Г. Димитрова.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 210. Л. 27–29.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

№ 60

Письма Ревьера в ИККИ

3 мая 1938 г.

Париж

Дорогой товарищ!

Мы должны еще раз Вас предупредить, что присланный Вами контингент очень плохой. Мы думаем, что Ваш аппарат, занимающийся этим делом, тоже плохой. Совсем непонятно, несмотря на то, что мы многократно сигнализировали об этом и говорили, что нужно проверить Ваш аппарат, Вы, несомненно, имеете в Вашем аппарате людей, специально занимающихся вредительством. Как можно быстрее примите решение по этому вопросу и сообщите нам.

С братским приветом

Ревьер

* Слово “помощь” вставлено сверху от руки, предложение отчеркнуто на полях двумя чертами.

** Предложение отчеркнуто на полях.

*** Подпись сделана от руки.

В Коммунистическую партию Англии

Дорогие товарищи,

Мы должны Вас поставить в известность о плохом состоянии при-
сланного Вами контингента. Очень много плохих элементов, пьяниц и
неубежденных. Мы Вас просим быть очень внимательными в этом воп-
росе, потому что, Вы понимаете хорошо, что один вредный индивиду
может навредить больше, чем 10 хороших товарищей могут принести
пользу. Нужно организовать серьезный контроль и мы надеемся, что
Вы дадите себе отчет о замечании, которое Вы получили с базы. Мы
думаем, что нет необходимости посылать БИГО в Ирландию, мы по-
просим применить все усилия с тем, чтобы работа была организована.

Примите, дорогие товарищи, наш братский привет.

Ревьер

РГАСПИ. Ф. 545. Оп. 2. Д. 39а. Л. 63, 65.
Подлинник, машинопись, рус. яз.

№ 61

*Практические задачи по линии систематической помощи
республиканской Испании
по обеспечению населения необходимым продовольствием.
Решение Секретариата ИККИ по вопросу*

28 августа 1938 г.

Секретно.

Для оказания эффективной помощи испанскому народу необходи-
мо приложить усилия к объединению и координации всей помощи как
в национальном, так и в международном масштабе, не отмечая инициа-
тиву отдельных лиц и организаций.

Объединение и координация помощи позволит закупать в широком
масштабе продукты, необходимые для питания испанского народа, и по-
зволит как можно скорее доставлять ему эти продукты.

Кампания должна быть организована таким образом, чтобы во-
влекать в дело помощи республиканской Испании самые широкие массы
населения (партии и профсоюзы, крестьянские организации, Народную
помощь, женщин, молодежь, интеллигенцию, благотворительные орга-
низации и т.п.). Кампания должна быть организована таким образом,
чтобы в ней могли участвовать все в любой форме: помощь деньгами и
натурой (золото, драгоценности). Для этого необходимо:

1. Немедленно развернуть во всех демократических странах широ-
кую массовую кампанию за предоставление кредитов для покупки про-
довольствия и платья для населения республиканской Испании под ло-
зунгом "Дайте кредиты на пропитание героического народа респуб-
ликанской Испании!"

2. Чтобы помочь женщинам и детям, которых итальянский и гер-

манский фашизм хочет обречь на голодную смерть, поставить вопрос о кредитах в парламентах, а также в профсоюзах, в массовых организациях, на публичных собраниях, чтобы оказать давление на правительства. Поставить этот вопрос перед Лигой наций на основе устава самой Лиги наций.

3. Для того, чтобы эта кампания имела успех, необходимо считаться с специфическими условиями каждой страны и ставить вопрос об открытии кредитов республиканской Испании для покупки тех продовольственных продуктов, которые имеются в изобилии в каждой данной стране.

Во Франции, проводя массовую кампанию за выдачу в распоряжение испанского республиканского правительства золота, которое несправедливо задерживает французский банк, и таким образом дать республиканской Испании возможность закупать продовольствие, необходимо одновременно вести кампанию за то, чтобы часть излишков зерна была продана испанскому правительству по тем же ценам, по которым зерно сдается для переработки (на перегонку спирта).

В Англии необходимо добиться кредитов для республиканской Испании на покупку одеял, теплых тканей и т.п., а также для покупки консервов.

В США, Канаде и Аргентине надо бороться за продажу в кредит республиканской Испании зерна, мяса в консервах или мороженого мяса и т.п.

В Мексике – получить кредиты на покупку сушеных овощей, турецкого гороха и т.п.

В Голландии получить кредиты для закупки молока, сыра и т.п.

В Скандинавских странах кредиты необходимы для закупки солевой рыбы, трески, консервов и т.п.

4. В каждой стране, где имеются кооперативы (в особенности в Англии, Бельгии и Франции), необходимо открыто поставить вопрос о кредитах на покупку продовольствия для республиканской Испании.

5. В этих же целях закупки продовольствия. Комитет координации помощи республиканской Испании должен выпустить интернациональный народный заем в пользу республиканской Испании, купюрами стоимостью не ниже 1 доллара. Надо по возможности добиться, чтобы республиканское правительство гарантировало этот заем, обеспечив его погашение после победы республики над фашистскими захватчиками.

6. Ввести для всех членов коммунистической партии специальный взнос в пользу республиканской Испании, который установить в каждой стране соответственно жизненному уровню рабочего класса. Поставить вопрос во всех профсоюзных организациях для принятия решений об установлении ежемесячного взноса в помощь республиканской Испании: например, ежемесячные отчисления от зарплаты в размере двухчасового заработка с перспективой отчисления полудневного и однодневного заработка; где возможно, вносить предложения о производстве сверхурочных работ с целью снабжения республиканской Испании.

Для населения вообще выпустить книжки “Друзей республиканской Испании” и специальные марки для месячных взносов.

Для сбора пожертвований натурой среди крестьянства организовать специальные склады в сельскохозяйственных районах (как практикуется во Франции) и проводить специальные кампании по сбору зерна, сушеных овощей и т.п.

7. Организовать зимнюю кампанию под лозунгом: “За пять миллионов фунтов до рождества!”

а) С этой целью необходимо в каждой стране принять конкретные меры, чтобы усилить специальную кампанию за немедленную посылку пароходов с продовольствием в центр республиканской Испании, по примеру американских, французских, аргентинских и английских пароходов.

б) Выпустить специальное обращение с призывом о посылке теплых тканей, необходимых для производства одежды, разъяснив, что производство одежды обеспечено в Испании мастерскими, где работают эвакуированные женщины.

в) Усилить работу по шефству над детьми, не имеющими крова, и сиротами, в соответствии с решением Международного бюро помощи детям, участвовать в расходах по поддержке детских городков по приему, питанию и воспитанию детей.

г) Организовать международный день солидарности во всех странах, назначив для всех стран дату 6 ноября 1938 г., за исключением Америки, для которой установить 12 октября (годовщина открытия Америки).

д) Организовать “рождественские праздники” для испанских республиканцев путем проведения недели солидарности в пользу Испании с 19 по 25 декабря.

е) В целях координации и усиления помощи испанскому народу, организовать в каждой стране в наиболее благоприятный момент национальные конференции помощи республиканской Испании.

ж) Для усиления политической и материальной помощи Испании посылать в различные страны делегации народного фронта, а также специальные профсоюзные делегации, делегации профессоров, артистов, ученых и т.д. (включать в эти делегации испанских делегатов).

Широко использовать печать и все другие средства агитации и пропаганды, в особенности кино, изготовив в Испании специальные фильмы (через “Фильм Популар”).

Но эта кампания продовольственной помощи испанскому народу не должна ни подменить собою, ни ослабить кампанию политической защиты испанского народа от германских и итальянских интервентов, поддерживаемых реакционными элементами английских консерваторов и французских националистов. Необходимо мобилизовать международный пролетариат и все антифашистские силы мира на борьбу за применение к Германии, Италии, а также Японии санкций государствами, входящими в Лигу наций. Нужно лишить фашистских агрессоров каких бы то ни было кредитов, закрыть источники сырья, прекратить торговлю с агрессорами, всеми мерами ускорить их экономическое, финансовое и политическое банкротство; необходимо развернуть во всех странах кампанию бойкота германских, итальянских и японских това-

ров, поднять транспортных и портовых рабочих, чтобы воспрепятствовать перевозке вооружений и товаров государствами-агрессорами. Одновременно необходимо усилить массовое движение, чтобы сорвать бойкот республиканской Испании капиталистическими правительствами, открыть границы, дать испанскому народу возможность закупать нужное ему вооружение, предоставить республиканской Испании на самых выгодных условиях кредита сырье и продовольствие.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1252. Л. 16–18.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

№ 62

Записка Файна в ЦК компартии Испании

19 января 1939 г.

Центральному Комитету испанской Компартии

Материалы к отчетному докладу о методах разрушительной работы врага в Интербригадах (конец 1936 по ноябрь 1937 г.)

I

Добровольцы интернациональных бригад присхали со всех концов земного шара, почти из всех государств. Более полсотни национальностей входило в состав наших бригад. Бригады представляли образец и огромную школу единого народного фронта и борьбы за прогресс, свободу и независимость героического народа Испании. Мы приехали оказать помощь, передать свой опыт борьбы трудящемуся и свободолюбивому испанскому народу. В то же время научиться у испанцев, как нужно и можно создать единство народного фронта и бороться за демократию, за свободу.

Подавляющее большинство состава добровольцев – это рабочие, крестьяне, передовая трудовая интеллигенция и разные лица свободных профессий. Принадлежат они к разным прогрессивно-революционным партиям, течениям, больше всего были беспартийные. Все разногласия, споры, разделяющие нас в течение многолетия, мы отложили в сторону и взялись за оружие, чтобы разгромить наипаснейшего врага для всех нас – фашизм. На этом мы все сходились и объединялись.

Однако враг не дремал, старался проникнуть в наши ряды, дезорганизовать нас, деморализовать, убить нашу боеспособность, оклеветать нас в лице испанского народа и уничтожить нас физически.

Способы проникновения врагов в наши ряды, методы деятельности их агентов среди нас.

В основном агенты врага проникали в наши ряды по трем линиям. Во-первых, через вербовочные организации, наравне с остальными добровольцами, попадали незаметно. Во-вторых, минуя вербовочные комитеты вливались в транспорты едущих в Испанию. В-третьих, приезжали самостоятельно, отдельно, совершенно легально, имея паспорта и визы; при содействии всяких организаций, личных связей, а иногда при помощи официальных дипломатических представителей своих и разных стран. Возможно иногда приезжали и другими путями.

Все они старались пробраться в нашу среду или иметь соприкосновение с добровольцами наших бригад. Маскировались всевозможными формами. Устраивались в разных государственных и частных учреждениях и предприятиях. Содержали всякого рода заведения, таверны, бордели, притоны, танцевальные залы и т.п., где привлекали людей из нашей среды, выпытывали всевозможные сведения, информации, нужные им, военного и политического характера. Вербовали людей для своих целей, служили явочным пунктом и т.п.

Иногда пробирались в наши ряды через отдельные госпитали, интендантские части, через представительства наших бригад, используя связи со своими людьми, находящимися в наших рядах. Но избегали оформляться через штаб бригад. Отдельные набирали в себя смелости и наглости, являлись в штаб и предлагали свои услуги организовать в бригадах контрразведывательную службу. Хвастаясь своим опытом, накопленным в германской армии в годы империалистической войны. Иные представлялись, как опытные полицейские агенты со стажем 15–20 лет, предлагали свои услуги организовать разведку и т.п. Отдельные даже показывали свои членские книжки, что принадлежат к полицейскому международному объединению.

Всех их можно разделить на три основные группы: агентов гестапо, итальянские разведчики, частично польские, выполняющие одновременно задания германского гестапо, и агентура Франко – это первая группа. Вторая, это из стран Балкана, Прибалтики и т.п., где рабочее революционное движение загнано в подполье. Из этих стран типичные агенты, которые* явились сюда, преимущественно были провокаторы, предатели или типы, находящиеся у службы гестапо и итальянского фашизма. Наконец, к третьей группе относятся агенты демократических стран, которые собирали сведения и информации военного характера для своих генеральных штабов или для других целей, одновременно вели разлагательную работу среди наших бригад, содействовали дезертирству и призывали добровольцев вернуться в свои страны, иногда обещали им за это не только помощь, но и награду до 7000 франков.

Используя многонациональный состав добровольцев, агенты врага непрерывно стремились вызвать столкновения между отдельными национальностями. Натравить немцев на французов и наоборот, немцев против англичан и американцев и наоборот, посеять вражду и натравить друг против друга остальные национальности. Использовали в своих целях всякие поводы от самых мелких повседневных бытовых вопросов: довольствия бойцов, обмундирования, снаряжения, санитарно-гигиенических условий бойцов, и включая крупные военно-политического значения вопросы: назначение командного состава, проведение тех или иных тактических операций, отдельные недочеты, непонимание языка меж бойцами друг друга – все пытались использовать для обострения неудовольствия по линии национальной и т.п.

В то же время враги старались использовать классовое разнообразие бригад. Вызвать недовольство различием материальных условий

* Слова “типичные агенты, которые” вписаны сверху.

между бойцами и офицерским составом. Выдвигали уравниловку. Навтраляли бойцов против командиров, причем как правило заостряли национальный момент в своих вылазках против командиров и комиссаров.

Пытались заводить разговоры и споры по программно принципиальным вопросам и проблемам среди добровольцев, принадлежащих к разным партиям и политическим течениям, ставя себе целью расколоть и посорить между собой добровольцев и этим вызвать дезорганизацию и деморализовать наши ряды.

Распускали всякого рода ложные и преувеличенные слухи: о положении на фронтах, о потерях и неудачах наших частей, о предательстве и измене отдельных наших руководителей, командиров и т.п.

Проводили диверсионные акты: взрывы предприятий военного характера, поджоги. Пристреливали наших лучших бойцов и командиров. Проводили саботаж при лечении раненых в больницах, чем вызывали смерть отдельных раненых, и т.п.

Как правило эти все подлые преступно-диверсионные вылазки, совершенные ими же*, пытались использовать против наших руководителей и командиров, чтобы вызвать недоверие среди бойцов к командирам и деморализовать наши ряды.

Организовывали дезертирство и перебежку от нас в другие части, преимущественно к анархистам, в их колонны, где находили приют все, кто хотел, без разбору. Дезертирам давали советы – как выехать из Испании, оказывали им помощь материальную и снабжали их документами на проезд и т.п.

Призывали переходить добровольцев на сторону Франко, обещали им отправку в свои родные места. Уходили на сторону неприятеля, где передавали сведения и информации, нужные врагу. Информации и сведения передавались через конспиративные радиостанции.

Собирали всякого рода сведения о вооружении и свойствах отдельных видов оружия, происхождении нашего снаряжения и военных материалов, количественный состав наших единиц, место их расположения и передвижения.

Значительный интерес проявляли они к личному, персональному составу добровольцев, особенно из стран, где рабочее движение загнано в подполье.

Вербовали через своих агентов в наших рядах людей для своей информации и выполнения всяких подлых дел. Пытались собирать деньги в так называемую “белую помощь”. Вовлекали отдельных добровольцев в местные подпольные организации фашистов: давали задания завербованным воровать и приносить им оружие и амуницию. Призывали воровать средства для “белой помощи” и на нужды их организации и т.п.

Привлекали добровольцев в притоны, таверны, где устраивали пьянство и бытовой разврат, где пытались узнавать** от добровольцев нужные им сведения. Пьяных и менее сознательных старались натра-

* Слова “совершенные ими же” вписаны сверху.

** Слово “узнавать” вписано вместо зачеркнутого “выжать”.

вить против испанцев и наоборот. Добивались завести скандал и дебоши среди добровольцев в публичных местах.

Очень большое место в работе врага занимали попытки оклеветать нас перед испанцами, направить испанский народ против нас. В то же время старались сеять вражду среди добровольцев против испанцев. Делали они это систематически. Распускали слухи, что интербригады приехали в Испанию, чтобы делать “вторую революцию”, “будут убивать всех анархистов и честных испанцев”. Что якобы “война продолжается лишь потому, что интербригады хотят поработить испанский народ” и т.п. бессмыслицу ширили. Среди добровольцев вели травлю против испанцев, называя их “трусами”, “вредителями”, объясняли потери наших борцов “предательством испанцев” и т.д.

Больше всего они пробивались в части, где преобладали анархические настроения, и пытались направить массу анархистов против наших бригад. Когда это им не удавалось, они распространяли слухи заведомо ложные, что наши бойцы якобы перенасыщены военным вооружением, техническими средствами войны, а анархистам якобы правительство не доверяет, поэтому их части мало насыщены вооружением, припасами и военной техникой. Агенты врага свили свои гнезда также в частях, где троцкисты имели свое влияние и оттуда сеяли вражду против нас беспрерывно.

Все намерения и попытки агентов врага нам удалось парализовать, вылазки их разоблачить. Им не удалось помешать нам выполнить величайшее, небывалое в истории человечества дело – оказание, в самый нужный момент, помощи великому испанскому народу, который сумел первый осуществить на деле единый народный фронт. В таких больших размерах и при таких условиях, беспредельных препятствиях, преодоленных добровольцами, чтобы приехать на помощь в борьбе, человечество еще не знало.

Одновременно мы получили огромную награду за кровь и жертвы наших героев – научились на практике, как можно и нужно объединяться, создавать боевой народный фронт. Нашу борьбу здесь признало все прогрессивное человечество полезным, и испанский [народ] убедился в наших бескорыстных намерениях.

Файн

РГАСПИ. Ф. 545. Оп. 2. Д. 40. Л. 137–140 об.

Подлинник, рукопись, рус. яз.

№ 63

Письмо товарищу Берия

9 марта 1939 г.

При сем посылаем Вам копии испанских материалов, которые уже отправлены тт. СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, ВОРОШИЛОВУ, а именно:

1. Сообщение из ЦК КП Испании в ИККИ от 17 марта 1939 года.
2. Письмо т. Альфредо (Эрколи), адресованное тов. Долорес и другим членам Политбюро, от 12 марта 1939 года, из Валенсии.

3. Обращение ЦК Компартии от 18 марта 1939 года, распространенное в Центральной Испании, напечатанное 1-го апреля в выходящей в Париже испанской газете “Ла Вос де Мадрид”.

С товарищеским приветом*.

Помета: “Отправлено 9/IV–39 пакетом”.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 226. Л. 1.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

№ 64

Письмо Монтиеля в ИККИ

17 апреля 1939 г.
Париж

Переворот Касадо не явился неожиданностью. Заговорщическая деятельность касадистской клики была известна, особенно после падения Барселоны¹. Этим я не открываю ничего нового, а хочу лишь сказать, что контрудар можно было предвидеть вплоть до деталей. Ссылаясь в этом отношении как на решения партии, так и на постановления правительства.

Более того: в течение 5-го марта – а может быть и раньше – стали заметны некоторые факты, указывающие на близость предательства. Например: Касадо распорядился сменить охрану в своем генеральном штабе (позиция Хака); производились явные переброски войск из Гвадалахары в Мадрид; тайком усилена была охрана некоторых официальных учреждений (при этом назначение и распределение людей поручено было Буэно, являвшемуся начальником 2-го корпуса; это мне сказал в воскресенье утром один товарищ, считавший это гарантией); наконец, были и другие неопределенные симптомы, в частности запрещение распространять бюллетень правительства Негрина о картахенских событиях.

После ужина я отправился в суб-секретариат пропаганды. Я предвидел уже, что должно произойти, но хотел быть на посту на случай поступления какого-нибудь интересного сообщения от правительства, какие обыкновенно получались и какие поступили также в тот вечер. Примерно в полночь по радио было объявлено, что Касадо выступит с речью; за несколько минут до этого прервали нашу связь с позицией Юсте; переворот совершился.

* * *

Той же ночью мы, несколько товарищей, собрались в “Вилья Элоиса” с Исидоро Дизгесом. Вырешено было несколько мероприятий; потрачено было много времени. У меня составилось впечатление, что намеченные меры были не особенно конкретными.

Прежде всего была сделана попытка организовать участие Буэно и предложить ему командование всеми верными Республике войсками в

* Подпись от руки.

Мадриде. Полковник Буэно ответил, что он неподходящий человек для таких целей. Когда наши товарищи еще были у него, его вызвал по телефону Касадо, и Буэно ответил ему в таких же выражениях. Он таким образом занял “нейтральную” позицию: попытка окончательно сорвалась. Произошло столкновение личного характера с комиссаром Молина; он отдал приказ задерживать наших товарищей (Артуро Хирона); в генеральном штабе – где они находились – никто его не послушался, и наши смогли ускользнуть.

Потом решено было сделать такую же попытку с тов. Барсело, и Хирону было поручено посетить его в командовании первого корпуса. Но Хирон случайно попал раньше в артиллерийское командование, был там задержан, и это помешало всему дальнейшему ходу дела. Пока это стало известно, прошло некоторое время. Были сделаны попытки связаться с Барсело иначе: с ним говорили по телефону с командного поста Асканио; к нему был послан Анхел Дизгес; позднее его посетил также Исидоро. Барсело тут же сказал, что он в распоряжении партии; не знаю, будет ли справедливым считать, что первоначально эта его покорность была не более, чем официальной. Во всяком случае только визит к нему Исидоро Дизгеса уже в понедельник утром стал давать кое-какие положительные результаты: Барсело прибыл в “Вилья Элоитса”, был отдан ряд приказов о мобилизации некоторых войсковых частей из I-го корпуса и подготовлен был арест Гальего.

Пока велись “переговоры” с Барсело, была сделана попытка установить связь с Ортегой. Ему были посланы две или три радиogramмы и кажется также записка с мотоциклистом. Ответы Ортеги были уклончивы. Прошла ночь с 5 на 6, наступил понедельник, а все еще не было начальника, в котором нуждались республиканские войска в Мадриде. До тех пор не было ни военного руководства, ни плана.

Надо добавить еще следующее:

1. Был подвергнут обсуждению вопрос о радиостанциях и нас завели – капитан Лоса – что все радиостанции армии центра находятся в наших руках и что мы к тому же можем лишить противника этого вида связи. Через несколько часов мы убедились, что все такие предложения остались без последствий.
2. В Алькала было послано несколько курьеров для мобилизации партизан и танковых частей. Им был дан конкретный и недвусмысленный приказ явиться в Мадрид, а в качестве непосредственной задачи было предложено занять позицию Хака. Точно также в воинских частях 3-го корпуса разъяснялась необходимость немедленно выслать какие-нибудь отряды для соединения с отрядами из Алькала с целью участия в указанной выше операции. Час шел за часом, а от 3-го корпуса не было удовлетворительного ответа. Из Алькала нам сообщили, что тамошние воинские части колеблются. Партизаны дали знать, что их начальство – командование корпуса в Леванте – приказало им отправиться в Барселону. Они колеблются, не подчиняясь ни своему начальству, ни партии.

3. Из командования саперных войск – последним надлежало выполнить довольно определенные задачи – поступали неблагоприятные сведения. Там был Молеро, там был и Хуан Сан Исидоро; Анхель Диэгес был с нами. Ардид колебался; более того (как там говорили), он “уваливал”. Пока шла борьба – четыре или пять дней – и они не выполняли конкретные указания партии – обеспечить за собою командование и таким образом оказать, быть может, решающее влияние в смысле победы – дело кончилось тем, что командование выскользнуло у них из рук.

Асканио оказался в конце концов человеком с революционной решимостью, настоящим боевым коммунистом: он решил выступать с теми силами, которые он сумел мобилизовать в Эль Пардо, отправился в Фуэнкарраль и проник к зданиям министерств. Позднее он нам сказал, что для борьбы с таким предательством, как совершенное Касадо, нечего ждать приказов ни от кого. Его слова явились таким образом ответом всем колеблющимся. Когда он сам явился к нам с отчетом о том, что им сделано, было уже утро (понедельник), но это был первый положительный момент, который мы могли зарегистрировать. Асканио уже был руководителем, но мы ожидали Барсело. Временно он взял на себя все дела.

* * *

Так прошла ночь с 5 на 6 марта. Что касается противника, то он не принял серьезных мер предосторожности; бдительность в Мадриде в момент провозглашения хунты обороны² была обычная, а в некоторых отношениях даже менее, чем обычная. Многие товарищи – и я в том числе – ходившие и ездившие в ту ночь по Мадриду, нигде не встречали патрулей. Мероприятия военного порядка заключались только в следующем: были введены две бригады 4-го корпуса. Одна из них, 70-я, расположилась на позиции Хака для защиты генерального штаба Касадо, а другая, кажется 14-я, в министерствах для защиты входов.

* * *

После первых попыток – попыток, как я выше указывал, бесплодных – и после того, как выступили войска Асканио, в понедельник днем был предпринят – правда с задержкой, даже с опозданием – действительный маневр. Произошло это приблизительно следующим образом:

Первые отряды Асканио заняли Фуэнкарраль и достигли ипподрома и министерств. Там к нам перешел целый батальон 14-й бригады, а другой батальон был отрезан. Осталась там только небольшая часть враждебного батальона, да и то мы занимали господствующее положение. Отряды из Алькала – партизаны и танковые части – без помощи Ортеги подошли к Мадриду и заняли позицию Хака: 70-я бригада была разбита. После этого был занят генеральный штаб 4-го корпуса (квартал особняков), где был взят в плен Молина и *il respeto*’а Буэно. Отряды, занявшие Хака, достигли Лас Вентас, всецело завладев шоссе между Алькала и Мадридом. Наконец, обе колонны – находившаяся у министерств и занявшая Хака – соединились на шоссе в Сиуда Линиаль, со-

вершенно обеспечив безопасность всей той зоны и следовательно также “Вилья Элоиса”, где мы находились.

В зоне генерального штаба 2-го корпуса имелась радиостанция, принадлежавшая флоту. Кое-кто утверждал, что это передающая радиостанция и ее можно использовать для пропаганды. Когда наступил соответствующий момент, я отправился туда с приказом Асканио. Мы передали несколько радиogramм на волне правительства для того, чтобы в Леванте могли поскорее получить конкретные сведения. Не знаю, приняли ли там наши радиogramмы, но полагаю, что к тому времени правительство уже выехало оттуда. Я припоминаю, что мы в числе прочих сообщений указали, что нами занята позиция Хака, а это при тогдашней ситуации казалось прелюдией к полной ликвидации хунты.

* * *

Во вторник рано утром к нам в руки попал франкистский подполковник. Возможно, что он был послан Франко для связи к Касадо, но заблудился. Натолкнувшись на враждебные Касадо войска, он выдумал какую-то историю о преследованиях. Нам он сообщил, что в то утро предстоит атака противника и привел кое-какие конкретные данные. Мы его оставили в плену, но сообщенные им сведения спустя несколько часов подтвердились.

Во вторник на рассвете нас посетил полковник Ортега, доставивший сведения из Леванте, о котором нам до сих пор ничего не было известно. Правда, все мы были озабочены, так как наша победа – успех которой в значительной степени зависел от быстроты действий – могла в конце концов затянуть борьбу на лишний день. Но, поскольку подтвердились предсказания подполковника-франкиста, мы считали прежде всего своей обязанностью продолжать борьбу на двух весьма сложных фронтах. Сведения, доставленные Ортегой, в общем и целом оказались правильными. Он получил их от эмиссаров, недавно прибывших из Аликанте и Мурсии – шоферов и каких-то других товарищей, только что говоривших с Чека. Сведения эти сводились к тому, что правительство покинуло Испанию, что уехали также несколько товарищей из Политбюро, что Чека задержали в Эльде, что в других местах войсковые части не откликнулись на призыв как в Мадриде и что по словам Чека партия должна готовиться к переходу на нелегальное положение. Против хунты ничего не следует предпринимать, поскольку правительства больше нет; надо обсудить вопрос о формах сопротивления – обсудить его даже с хунтой; борьба в Мадриде ухудшает наше положение пред лицом захватчиков. Никто из товарищей не усомнился в достоверности этих сведений. Затем Ортега рассказал нам о своих колебаниях и о том, что он решил вступить в переговоры с Касадо. Он сообщил нам о коллективном решении коммунистов из генерального штаба – это было не только его решение – являвшихся сторонниками такого “посредничества” и предъявил заверенные копии телеграмм, которыми он обменялся с Касадо. Из этих копий видно было, что Ортега сговорился с Касадо “без умаления достоинства”. Решение коммунистической ячейки при генеральном штабе показывало, что переговоры велись на основе “демо-

кратической” и “почетной” инициативы. Наконец он информировал нас, что до того, как явиться к партии, он побывал уже у другого полковника: он сказал нам, что хунта обороны хочет “мира” и склонна заключать соглашение на основе признания легальности партии и отказа от каких бы то ни было репрессий. Он добавил, что некоторые члены хунты даже стоят за то, чтобы коммунисты вошли в состав совета обороны и т.д.

Во время этого разговора с Ортегой мы получили первые сообщения об атаке, о которой несколько часов тому назад нас предупредил франкистский подполковник. Как я уже сказал, никто не усомнился в достоверности информации Ортеги. Его упрекали, правда, в неблагоприятном поведении и в свидании с Касадо, но сообщения его были приняты к сведению. Подстегиваемые донесениями с фронта, который можно было, собственно говоря, назвать внешним, мы решили предложить перемирие на время франкистской атаки, не предвосхищая никаких компромиссов. Мы попросили – через посредство Ортеги – чтобы хунта приказала освободить Чека и поскорее доставить его в Мадрид. Перемирие было заключено по телефону. После этого Ортега лично поставил вопрос о Чека. По словам Ортеги, они согласились на освобождение Чеки и распорядились, чтобы он был доставлен в Мадрид самолетом из Матальяны. С своей стороны, они попросили нас уступить им позицию Хака. Решено было, чтобы Ортега в сопровождении кого-нибудь из партруководства отправился к ним. Предложили мне, я стал возражать. Тогда был назначен Мендесона, который находился в провинциальном комитете как бы на положении пленного заключенного и таким путем мог уйти. Поскольку Мендесона присутствовал при свидании, ничего не знаю о происшедшем, свидание не дало никаких конкретных результатов. Так закончился вторник. Чека не прибыл, мы не уступили Хаку (мы и не собирались ее уступать), атака франкистов была блестяще отбита, врагу был нанесен большой урон, и мы довольно много сделали в пропагандистском отношении для разъяснения нашей борьбы против Касадо. Но перемирие причинило громадный ущерб как моральный, так и физический, и Касадо выиграл время.

* * *

В среду, когда возобновилась борьба, был достигнут ряд военных успехов, но решающий удар не был нанесен. Уже было потрачено много времени и в среду тоже масса времени ушла на разрешение мелких вопросов. Кажется в среду же мы потеряли Алькала. Но зато мы проникли значительно глубже в столицу и обеспечили за собою часть ипподрома и Лас Вентас. Была взята 7-я дивизия, занята была студия радиостанции Кастельяна (не сама радиостанция, как полагали атакующие части), здание гражданской власти и т.д. Тою же ночью решено было отказаться от мелких выступлений и предпринять энергичную и молниеносную атаку, чтобы в несколько часов покончить с борьбою. Решено было организовать мощную колонну и взять штурмом здание министерства финансов, где обосновалась хунта.

В четверг с утра перешла в наступление колонна, которой надлежало штурмовать министерство финансов. Правда, ввиду транспортных и прочих затруднений в колонну не удалось влить все те войсковые части, какие предполагалось, но она все-таки могла бы выполнить свою задачу. Однако продвижение ее пошло очень медленно, и спустя несколько часов можно было признать операцию неудавшейся.

Началось скольжение под уклон. Мы перешли от наступления к обороне. После потери нами Алькала воинская колонна из Меры вышла на арагонское шоссе, хитростью – свидетельствующей о неудаче нашей политической работы – прошла Сан-Фернандо и подобралась вплотную к позиции Хака. В четверг вечером Хака пала, и наши войска отступили к Лас Вентас. В четверг ночью враг перерезал дорогу в Сиудад Линеэль, и создавалась опасность для генерального штаба 2-го корпуса.

Находившиеся до тех пор в районе расположения 2-го корпуса военное командование Центра и партруководство переселись в Фуэнкарраль. Приняты были меры к обороне 2-го корпуса и была организована колонна, которой надлежало выйти из Фуэнкарраля к Орталесе и к арагонскому шоссе вместе с другими воинскими отрядами.

Той же ночью туда, где мы находились, явился Монтолио. Он прибыл в качестве курьера от политбюро. У него был с собой специальный пропуск от Миаха, выданный в Таранконе. Сопровождал его начальник дивизии морского корпуса Карра. Его сообщения в значительной степени подтвердили то, что мы уже слышали от Ортеги. В общем и целом он нам сообщил, что по мнению политбюро, после того, как правительство покинуло Испанию, нет основания вести открытую борьбу против хунты, тем более, что переговоры последней с Франко сорвались. В Валенсии поддерживаются хорошие отношения с Менендесом, который предоставил некоторые льготы. В Альбасете, например, партия легальна и входит вместе с остальными организациями в народный фронт. Наконец, Миаха решил сделать все необходимое для урегулирования конфликта. Что касается борьбы в Мадриде – сказал Монтоли – то по мнению Политбюро, поскольку она начата, нельзя отступать, а если нам нужна помощь, то нам могут послать 22 корпус. Однако целесообразным представляется найти выход из конфликта, так как мы практически не можем бороться за правительство Негрина и рискуем тем, что на нас возложат ответственность за проигранную войну.

При таком положении мы пришли к выводу, что надо, воспользовавшись пропуском Миаха, еще той же ночью сделать попытку послать Монтолио с каким-нибудь другим товарищем к Касадо для переговоров. Была вызвана по телефону хунта, и оттуда ответили, что окончательный ответ дадут завтра. Поскольку Монтолио надо как можно скорее вернуться в Валенсию, мы не настаивали на продолжении переговоров и не вернулись к мысли о встрече.

Монтолио была дана исчерпывающая информация и вместе с ним был отправлен Карро к 3-му корпусу с предложением мобилизовать Хуанина.

Пятница. Положение в Мадриде стабилизируется. Они продвигаются в остальных секторах.

В пятницу утром установлен был хороший передатчик во дворце Эль Пардо. Я отправился туда и вместе с другими товарищами организовал радиопередачи. Наконец, у нас есть радиопередающая станция, хотя неизвестна ее волна, и никто не знает, что она функционирует. К тому же она попала к нам в руки с опозданием, так что полезность ее весьма ограниченная. Мы приняли кое-какие меры к тому, чтобы ознакомить войсковые части и население о работе станции и, как мы выяснили, в некоторых местах слушали наши передачи.

К ночи мы потеряли Фуэнкарраль. Кое на кого это произвело потрясающее впечатление: в панике эти люди стали проявлять большую нервозность. Руководство находилось тогда в Эль Пардо. Отступать было больше некуда. Положение создалось тревожное. Была у нас еще также возможность использовать 22 корпус и оставались еще резервы Хуанина. Решено было сопротивляться в Эль Пардо, а там будь что будет. Были приняты весьма строгие меры для обороны дворца извне и изнутри. Стали на скорую руку устраивать баррикады в дворце; приняты были меры санитарно-гигиенического и снабженческого порядка, а также политические меры; не были забыты и находившиеся в наших руках заложники. Снаружи у нас были бойцы и машины.

В ту же ночь был отвоеван Фуэнкарраль. Его взяли другие, верные Республике войсковые части из 2-го корпуса, находившегося по-прежнему в наших руках. Опасность рассеялась.

Так начался последний день борьбы: суббота. На нашей стороне было определенное большинство, но мы не видели выхода, если не откроется какой-нибудь фронт или если не придут подкрепления, которых мы ждали из Хуанина и Леванте.

Вечером мы потеряли 2-й корпус. Было устроено совещание с военными руководителями, и они сочли, что в военном отношении борьба проиграна. По их мнению сопротивление в дворце Эль Пардо не имеет никаких шансов на успех и явится бесполезным жестом. Подкрепления не прибыли и не было никаких известий о них, а ведь уже кончался 6-й день борьбы. Утром враг предпринял вторую атаку, окончившуюся точно так же, как и проведенная им во вторник. В наших предыдущих разговорах упоминали о том, что в худшем случае надо будет спустить с гор наши войска, чтобы подавить хунту. Я напомнил об этом, но товарищи высказали мнение, что это неудобно. К тому же я и сам не был убежден, что это будет выход из положения.

Оставалось узнать результат не прекращавшихся все эти дни переговоров между некоторыми членами хунты (Касадо, Матальяна, Альварес³) и лицами, находившимися на нашей стороне (Ортега, Буэно). Решено было, что Ортега обратится к хунте за ответом. Ответ оказался неожиданным: хунта собралась в тот вечер и решила единогласно поставить следующие условия для прекращения борьбы:

1. Сдача оружия и возвращение воинских частей на их места.
2. Выдача нами пленных.
3. Санкции, и к тому же нестрогие, будут применяться только в отношении конкретных виновников каких-либо преступлений.
4. Хунта освобождает всех заключенных антифашистов.
5. По усмотрению хунты смещаются командиры и комиссары.
6. После ликвидации борьбы хунта примет делегацию партии.

Сообщение этого решения сопровождалось рядом заявлений общего характера: решения были приняты без каких бы то ни было расхождений; партия остается легальна и сохранит все свои права (печать, собрания и т.п.). Не будет смертной казни. Мы с своей стороны предложили опубликовать коммюнике с разъяснением обстоятельств прекращения борьбы в Мадриде, а также выпускать декларацию от имени партии. Они согласились на оба предложения и обещали, когда мы составим декларацию, опубликовать ее в том виде, в каком они ее получат от партии.

При такой обстановке было решено прекратить борьбу с 8 часов утра на следующий день, т.е. воскресенье, и мы выделили полковника Ортегу для обсуждения деталей с представителем хунты Гутьеррес де Мигелем³.

* * *

В партии обнаружилось немало недостатков. Но, как всегда, некоторые товарищи выдвинулись своей храбростью и самоотверженностью. С другой стороны, были также и неожиданности.

В числе наилучших военных кадров могу назвать: Асканио Пертегас, Талон (адъютант Асканио), Себриан (начальник штаба Асканио), Фернандес Эль Барбас, Санчес (командир бригады), начальник партизан в Алькала, Варес (начальник бригады из войск Асканио), Конеса (комиссар, расстрелянный Касадо), Висенс (комиссар) и Суарес (командир дивизии, взявший на себя командование 1-м корпусом).

Выделившиеся партийные организаторы: Лагос, Барриос.

Из руководящих кадров могу отметить как всегда находившихся на посту, указанном партией (кроме Диэгеса), следующих: Артуро, Ормасабаль, Поуэнте, Абэд, Мендесона, Анхел Диэгес.

Что касается остальных средних и прочих кадров в Мадриде, то много имен должен знать Мигель. Мигель и Виктория Морено образовали в Мадриде руководство, которое активно работало и было весьма полезно. Я очень сожалею, что не помню имен некоторых известных мне товарищей.

Из числа женщин могу назвать, кроме Виктории, отличившихся хорошим поведением: Фуйола, Матильда Ланда, Конча дель Рио и жена Мендесона.

Особые случаи: Барсело. Как я выше говорил, он сразу же предоставил себя целиком в распоряжение партии. Не знаю, было ли это формальностью с его стороны, или у него не хватило энтузиазма, но как только к нему обратились, он без сомнений и без оговорок встал на нашу сторону. Он взял на себя командование армией Центра. Во всяком

случае его лояльная и последовательная позиция, честность, с которой он до последнего момента выполнял предписания партии, и готовность, которую он при этом проявлял, наконец, его самопожертвование, – все это на мой взгляд делает его достойным того, чтобы партия с гордостью сохранила память о нем. Ортега: отказался от командования, наверное по договоренности с Касадо. Поступал довольно подозрительно в своих посреднических сношениях между нами и хунтой. В последние дни работал с энтузиазмом в командовании 2-го корпуса – Артуро был с ним и может сообщить подробности – наконец, когда ему было поручено реализовать соглашение, заключенное с хунтой, он, мне кажется, был недостаточно лоялен. Позднее ему, как я знаю, был ими выдан пропуск в Леванте. Буэно: я уже говорил, что он отказался выполнять приказы партии. Если он был оставлен на его посту, то лишь по военным соображениям, и во время военных операций во вторник, когда ожидалась атака врага, он принимал в них участие. Когда мы потеряли 2-й корпус, он находился там. Позднее он был приговорен к смертной казни, но помилован.

Есть ряд невыясненных и сомнительных случаев, на которые мне хочется указать: Карро. Он был задержан в 4-м корпусе, но бежал и сумел пробраться в Алькала. Там он взял на себя командование колонной, которая дошла до позиции Хака. Как это ни неожиданно, когда началась атака на упомянутую позицию, он пропал и появился только, когда к нам прибыл Монтолио, подобравший его в расположении 3 корпуса. Почему он дал себя арестовать? Почему он исчез из-под Хаки? Как он попал в расположение 3 корпуса? Это никому неизвестно. Хуанин: почему он не взял на себя командование 3-м корпусом, когда ему было дано такое распоряжение? Почему он же пришел с своей дивизией к нам на помощь? Почему он пропустил войска из Эстремадуры и Куэнки и дал возможность пройти частям 30-го корпуса? В последнюю минуту, в субботу были получены сведения о том, что он хотел идти к Мадриду, но уже было слишком поздно. Разве он не мог сделать это в первый же день? Туэро, организатор 3-го корпуса: он предоставил действовать Ортеге. Они вместе во вторник приехали в Мадрид, когда Ортега первый раз был у Касадо. Его послали к 3-му корпусу, чтобы он мобилизовал там воинские части, а он ничего не сделал. Прадес: он не мобилизовал войска и ничего не предпринял в ночь на воскресенье, несмотря на готовность Барсело. Он говорит, что у него не было инструкций. Товарищи из саперных войск (Молеро, Хулио Сан Исидро и др.) не слушали приказов партии, предлагавшей им обеспечить за собой командование и действенным образом принять участие в борьбе, и в конечном счете утратили командование. Работники “Мундо обреро” оказались паникерами и не захотели даже выпускать газету, прибегнув к абсурдным отговоркам. Мигель может сообщить подробности на этот счет.

Я не запомнил имен многих товарищей, которые с исключительным энтузиазмом и отвагой принимали участие в борьбе. Среди верных своему долгу республиканских войск их было довольно много. Много их было и среди политических работников Мадрида, особенно среди женщин.

Работа в тылу. О ней я знаю очень мало. Хорошо вели себя женщины. Велась некоторая агитация на предприятиях. Пропаганда была очень слабой. Выпущены были два номера “Мундо обреро”, несколько листовок и ленточек, а также 3–4 номера “Голос бойца”.

Отрицательный момент: в помещении провинциального комитета оставалось несколько товарищей из руководства. Там они ничего не могли делать. Позднее войска Касадо заняли помещение. Между тем товарищи могли бы спастись, воспользовавшись ходом через подвальное помещение.

Другой отрицательный момент: в среду была занята та часть Мадрида, где находилась типография газеты “Кларидад”. Был отдан приказ взять газету в наши руки, но это не было сделано, и как в тот вечер, так и позднее, “Кларидад” оставалась антикоммунистической газетой.

Политическая борьба в армии была очень плоха. Провалился не только аппарат комиссариата, но и аппарат партии.

Повсюду чувствовалась нехватка комиссаров. Было чрезвычайно трудно подыскать необходимых активистов. Первые дни на нашу сторону переходили целые воинские части: солдаты Касадо не хотели сражаться против нас. Отсутствие работы сказалось в том, что спустя несколько дней наши бойцы тоже не хотели драться.

Вообще бойцы так и не поняли, почему надо было воевать? Вначале они с энтузиазмом объявляли себя приверженцами Негрина, с гордостью повторяя (я имею в виду наших солдат): “Мы за Негрина”. Но через некоторое время после того, как началась борьба, уже не хотели сражаться ни одни, ни другие. Впрочем в среду и четверг они предоставили нам инициативу и в результате то, что было нами достигнуто за два предыдущих дня, было почти совершенно сведено на нет. Характерно то, что произошло в Сан Фернандо: после утраты Алькала оборона Сан Фернандо имела решающее значение, и эту позицию можно было при тогдашней обстановке отлично защитить. Оборона была организована, и противник не прошел бы, но его войска направились к нашим позициям, простирая к нам руки и крича “Да здравствует Республика”. Так к нам раньше переходили войсковые части врага; наши бойцы их пропустили, а те, подойдя, разоружили их. В результате отсутствия политической подготовки мы потеряли Хаку, отступили до Лас Вентас и открыли путь из Сиудад Линеаль в расположение 2-го корпуса.

Другой пример: задержание Миаха. В среду Миаха бежал из Мадрида в сопровождении Гонсалеса Марина. В Лас Вентас наша застава задержала машину. Миаха встал и обратился к солдатам с речью. Они растерялись, не зная, как быть. Но там оказался ответственный работник партии – кажется Лагос – и он заявил Миаха, чтобы тот не разговаривал, а отправлялся дальше. Этот товарищ потом оправдывался тем, что он опасался влияния речи Миаха на солдат.

Вот еще пример: “Республиканская” авиация бомбардировала наши позиции, а у нас не было никакого средства противодействовать громадному моральному влиянию этой бомбардировки на наших бойцов.

Я заявляю, что не было ни военного руководства, ни общего плана. Начальником был Барсело, но он являлся таковым номинально. Я не помню, чтобы он дал за все время хоть один приказ. Начальником генерального штаба должен был быть Асканио. Но фактически он был командующим армией. Руководства как такового не существовало даже на бумаге. В общей сложности было с полдесятка руководителей, выполнявших все функции по части командования, а это было сопряжено с плохим распределением кадров и с перезагруженностью работой.

Например, Пертегас командовал колонной в Хаке, но часто оказывался на посту командующего армией и вмешивался в вопросы общего командования. Комиссаров не хватало, но я помню, что однажды указывал на наличие в Хаке двух комиссаров с одинаковыми функциями. Дело в том, что например, вчера послали одного, а когда впоследствии поступили сведения, что солдаты деморализуются, был послан другой, так как о посылке первого уже забыли. Асканио командовал армией и был начальником генерального штаба – Себриан не заменял его на этом посту, – но был также занят своей дивизией и вмешивался во все дела.

Таких примеров можно привести бесконечное множество.

* * *

Политическое руководство осуществлял Диэгес. Нас было при нем несколько человек (имена я уже называл). Наладить коллективное руководство не было возможности. Тем не менее удалось устроить несколько непродолжительных заседаний, на которых были обсуждены самые важные решения. Диэгесу приходилось разрешать огромное множество вопросов. Функции не были должным образом распределены. Диэгес проявил невероятную активность: четкость, с какой работала его мысль в самые трудные моменты, точность, с которой он при самых запутанных обстоятельствах указывал каждому, что ему делать (это относилось также и к переброске воинских частей), когда даже самые опытные работники теряли голову, – вот что отличало его, особенно, когда больше всего ощущалась необходимость в настоящем руководителе.

* * *

Могу со всей откровенностью сказать, что в ночь на 5 марта я еще не знал некоторых характерных факторов ситуации, сделавших возможным переворот Касадо. Я не знал также, какие меры были приняты на этот случай. Ввиду этого моя работа была вообще весьма ограниченной, и в своих мнениях я почти всегда опирался на суждение остальных.

Когда мы через несколько минут после провозглашения хунты обороны собрались с Диэгесом, ни у кого из нас не было ни малейших колебаний. Все мы знали: надо выйти на улицу, надо во что бы то ни стало сломить хунту. Кроме того мы предполагали, что для этого понадобится самая непродолжительная борьба и что результата удастся дос-

тигнуть еще той же ночью. По изложенным выше причинам та ночь была утрачена, и эта потеря времени оказала решающее влияние на развитие событий.

Информация, которую нам привез Ортега из Валенсии, выбила нас из колеи. Еще до того молчание правительства и отсутствие связи с Леванте уже показали нам приблизительно, каково положение во всей Испании. После разговора с Ортегой, под влиянием прискорбной задержки операций, а также под влиянием – подтвердившейся уже к тому времени – информации о внешнем фронте, наше прежнее решение безоговорочно бороться до конца стало менее твердым. Ввиду этого мы решили согласиться на переговоры с Касадо даже на приведенных мною выше условиях. Я лично не мог судить, насколько они приемлемы и ограничился тем, что согласился с остальными, хотя и не был убежден ни в правильности занятой позиции, ни в противоположном.

Повторяю. Для того, чтобы борьба могла быть победоносной, требовалась быстрота. Между тем ни быстроты, ни смелости не было, как не было и хорошего военного руководства и политической работы в тылу и в действующей армии. Продолжение борьбы при таких условиях само по себе было бы уже поражением. Мы имели против себя фронты внешнего врага. Положение в Мадриде, осложненное нехваткой продовольствия и в последние недели усилением бомбардировок, не способствовало воодушевленному сопротивлению в борьбе, цели которой были недостаточно понятны населению. Снабжение Мадрида в те дни было еще более затруднено: не было хлеба, усилилась нехватка других предметов продовольствия, питание наших войск было скудным, и его распределение весьма нерегулярным, так что в некоторые пункты не всегда попадало питание. К тому же мы рисковали остаться совершенно без продовольствия, так что еще один день борьбы наверняка повлек бы за собою катастрофу. Солдаты, находившиеся на линии фронта – лицом к лицу с Франко – стали покидать боевые посты: обычное дезертирство начало приобретать массовые размеры. Солдаты не хотели также сражаться с касадистами. Но что самое главное, переворот Касадо внес элемент деморализации: утрачена была перспектива борьбы, и на многих бойцов повлияла пораженческая кампания, которую официально вела сама хунта. Создалось впечатление, что даже если бы мы сами взяли власть, т.е., если бы вернулось к власти правительство национально-го единения, уже не было бы политической и военной возможности исправить вред, причиненный хунтой.

Таково было положение к вечеру в субботу, когда решено было прийти к соглашению с хунтой. К бездействию Леванте и к бегству правительства присоединилось отсутствие помощи со стороны 22 корпуса, которая была нам обещана. Ничего мы не знали и о помощи Хуанина. Я заявляю, что при такой ситуации я после анализа всех возможностей согласился на предложенный выход, будучи убежден, что никакого другого выхода нет.

В дополнение к мерам, принятым для прекращения борьбы, был подвергнут обсуждению вопрос об участии, ожидающей товарищей, гражданских и военных работников, причем они сами участвовали в обсуждении проблемы. Что касается Ортеги, то он сам, а затем и все остальные признали его положение опасным. Конкретно был рассмотрен вопрос о Барсело. Ортега считал, что как и с ним самим с Барсело ничего не произойдет; вопрос о возможности его казни касадистами даже не возбуждался, так как никто этого не допускал – говорили только о том, что его могут арестовать, и приход Франко может застать его в тюрьме. Я лично настаивал на том, что в данном случае надо принять все меры предосторожности, так как нельзя доверять хунте. Сам Барсело чувствовал себя вполне уверенно, но – я отлично помню – подчинился моим настояниям. Тем не менее по инициативе Ортеги, с которым остальные согласились, – не знаю, разделял ли кто-нибудь сомнения, которые я питал в этом случае до конца – решено было, чтобы Барсело сдался. Что касается остальных – Асканио, Талон, Барес, Эль Барбас, Пертегас и др. – то им предложено было скрыться. Точно так же мы поступили и с партийными руководителями. Здесь я хочу остановиться на одной подробности, поскольку последующее показывает, каково было мое положение, как руководителя партии и что думали об этом некоторые ответственные товарищи: когда обсуждался вопрос об эвакуации, один из ответственных товарищей заметил, что я могу свободно отправиться в Мадрид, так как мне ничего не сделают. Так и было решено, но я с своей стороны выдвинул ряд довольно-таки “естественных” возражений. Потом, не знаю почему, товарищи изменили свое мнение и отправили меня в Сиерру. Должен добавить, что такой своеобразный и непонятный подход к вопросу о моей участии проявили еще разве только в отношении некоторых женщин и солдат.

Что касается всего остального, то вам, полагаю, уже известны наиболее существенные подробности. Были приняты меры к эвакуации Мадрида, о чем Артуро или Мигель могут информировать лучше меня, так как меня поместили в одно очень неподходящее место – в дом, покинутый хозяевами – и я пробыл там 3 дня в полном неведении о ком и о чем бы то ни было. Мне пришлось самому уйти оттуда, воспользовавшись известной мне связью, и только тогда вспомнили о моем существовании и сказали мне, что я могу отправиться в Валенсию и что, собственно говоря, мог бы поступить так еще раньше. В пути я встретился с тов. Мигелем и с ним добрался до Парижа.

Я считаю, что из Мадрида спасено было меньше товарищей, чем можно было спасти. Конечно, было много трудностей, но, по моим сведениям, не были использованы все имевшиеся возможности. К тому же у некоторых товарищей не хватило смелости предпринять эту небольшую авантюру (приключение).

МОНТИЕЛЬ

Париж, 17.IV–1939 г.

РГАСПИ. Из коллекции архива.

- ¹ Падение Барселоны – Барселона была сдана без боя 25 января 1939 г.
- ² “Хунта обороны” – 28 февраля 1939 г. М. Асанья направил председателю кортесов заявление об отставке с поста президента. В ночь на 5 марта С. Касадо, возведенный 25 февраля в ранг генерала, объявил по радио о низложении правительства Негрина и о создании “Хунты обороны”, куда вошли генерал Миаха (председатель), С. Касадо, социалисты Х. Бестейро и В. Каррильо, анархо-синдикалисты Г. Марти, Е. Валь, А. Перес, член республиканской “левой” М. Санандрес, член партии “Республиканский союз” Н. Хинер де лос Риос. Выступая по радио, Бестейро заявил, что после отставки Асаньи правительство Негрина утратило свою легитимность.
- ³ Матаальяна, Гутьеррес де Мигель и Альварес – официально не были членами “Хунты обороны”.

№ 65

Доклад Тольятти

1 июня 1939 г.

Сов[ершенно] секретно

Затруднения, с которыми встретилась проводимая испанской партией политика сопротивления и единства, начали усугубляться, приобрели серьезный характер, особенно после мюнхенской капитуляции и после всеобщей стачки и срыва народного фронта во Франции. Приводимые ниже сведения и наблюдения относятся как раз к периоду между этими событиями и окончанием войны. Если доклад носит пожалуй чересчур описательный характер, то объясняется это необходимостью привести как можно больше материала и фактов о том периоде войны, о котором я до сих пор не мог доставить никакой информации.

ЭРКОЛИ

I

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ИСПАНИИ ПОСЛЕ МЮНХЕНСКОЙ КАПИТУЛЯЦИИ

Организованная капитулянтами, предателями и агентами врага борьба за разложение народного фронта и против коммунистической партии

До мюнхенского пакта и срыва народного фронта во Франции коммунистической партии было относительно легко расстраивать интриги и откровенные попытки капитулянтских элементов и агентов врага развалить народный фронт и таким образом положить конец сопротивлению правительства и народа. В марте 1938 года, когда президент Асанья по договоренности с послами Франции и Англии и при поддержке Прието поставил вопрос о капитуляции, КП Испании боролась против этой попытки вместе с руководством социалистической партии, НКТ (Национальная Конфедерация Труда) и некоторыми республиканскими элементами, что позволило быстро справиться с положением, обратив-

шись непосредственно к массам. В июне 1938 года новые старания капитулянтов свергнуть правительство народного фронта были очень скоро сведены на нет с помощью плебисцита в пользу правительства, который был проведен в армии коммунистической партии и ОСПК (Объединенная Социалистическая Партия Каталонии) при содействии почти всех офицеров и комиссаров. В августе 1938 года кризис, вызванный каталонскими националистами и частью республиканцев (сопротивление декретам о сосредоточении в руках государства всей военной промышленности и т.п.), был тоже быстро ликвидирован: оказалось достаточно пригрозить обращением к массам. Начиная с сентября 1938 года, положение заметно ухудшается: капитулянтским элементам, предателям и агентам врага удалось согласовать свои действия и в последнее время образовать единый блок, направленный против коммунистической партии и движимый единственным стремлением: положить конец войне посредством капитуляции.

В августе 1938 года ФАИ (Федерация анархистов Иберии) составила и распространила в стране “меморандум”, содержащий уже почти все элементы платформы антикоммунистического блока капитулянтов и предателей. Меморандум этот являлся по всей вероятности плодом коллективного творчества анархистов (Хуан Лопес и др.), социалистов (Аракистайн, Льюис и др.), республиканцев (Альборнос) и профессиональных военных (Асенсio), а также др. В нем фигурировало требование о коренном изменении военной политики посредством “чистки” армии и государственного аппарата от коммунистов, на которых составители возлагали – точно так же, как и на военных советников – ответственность за неудачи армии и за продолжение войны. В меморандуме составители его энергично выступали против политики национального единения и против Негрина, требовали смены правительства, ликвидации военного комиссариата, реорганизации военного командования с включением в него профессиональных военных, подозревавшихся в сношениях с врагом, и т.д. Почти что на базе тех пунктов, которые были изложены в этой платформе, начало осуществляться сотрудничество всех элементов, побуждаемых с одной стороны стремлением к капитуляции, а с другой ненавистью к коммунистической партии. К блоку примкнули многие другие элементы, чтобы его спаять, воодушевить и организовать его подрывную работу.

В идеологическом отношении главную роль сыграл троцкизм, связанный с анархистскими экстремистами и провокаторами. Элементы из ПОУМ проникали в социалистическую партию, в анархистские организации (НКТ и ФАИ) в профсоюзы (БРС)¹, в республиканские партии и даже в организации молодежи (ОСМ) и вели там борьбу против единства, против народного фронта и против коммунистической партии. В последнее время содержание троцкистской агитации изменилось: отказавшись от псевдореволюционной демагогии, троцкисты стали обвинять коммунистическую партию в том, что она де является единственным препятствием заключению мира. В результате арестов выяснилось, что установлена была более тесная, чем прежде, связь между нелегальной троцкистской организацией и нелегальной же организацией фаланги.

В политическом и организационном отношении крайне важную роль сыграли франкмасоны. Официально масоны поддерживали правительство Негрина (испанская великая ложа приняла в декабре месяце соответствующую резолюцию). Но на деле масонская организация сеяла пораженческие настроения и работала над срывом народного фронта. Франкмасонские ячейки активно функционировали в армии и во всем государственном аппарате. Полиция почти целиком была в руках у франкмасонов. В своем значительном большинстве масонами были также профессиональные офицеры, в том числе и члены компартии. Масонские связи простирались от республиканской партии к социалистической, к руководящим кадрам НКТ, проникая глубоко в ряды каталонского ВРС, в ОСПК и даже в компартию. Широкой разветвленностью масонских связей объясняются двусмысленная позиция и предательство многих коммунистических офицеров и государственных чиновников. Барсело, Буэно и Ортега – они втроем командовали центральным фронтом – которые своей пассивностью и колебаниями помогли Касадо совершить государственный переворот, были масонами. Масонами были также начальники авиации Камачо и Алонсо, которые в первые же часы после восстания Касадо перешли на его сторону. Масоном был и начальник государственной безопасности Куэвас, который, несмотря на директивы, намеки и нажим партии, позволил врагам партии и народного фронта завладеть полицией в центральной зоне. И так далее и тому подобное.

В профсоюзных организациях (ВРС)² и в организациях социалистической партии главным разлагающим моментом была роль Ларго Кабальеро и его приспешников, которые в ноябре и декабре сумели на некоторое время расколоть ряд организаций объединенной молодежи.

К тому же борьба против правительства Негрина, против народного фронта и коммунистической партии в значительной степени вдохновлялась и направлялась из-за границы. В этом отношении налицо было более или менее непосредственное сотрудничество между агентами фашизма, агентами французского и английского правительств, агентами II Интернационала и шпионами всех мастей. Это деморализующее и разлагающее влияние заграницы осуществлялось в Испании самыми разнообразными путями. Главными его проводниками были следующие круги: а) испанские дипломатические и консульские агенты за границей, являвшиеся почти сплошь нежелательными элементами, которые вели за рубежом кампанию против республики, а в Испании давали пищу пораженческим настроениям и интригам; б) дипломатические и консульские агенты и военные атташе иностранных государств в Испании; в) Ларго Кабальеро и его друзья, постоянно ездившие в Англию и во Францию; г) республиканские “эмигранты” во Франции (Доминго, Альборнос³, некоторые руководители каталонских партий); д) деятели II Интернационала, вслед за каждым приездом которых в Испанию порывались наши связи с СП точно так же, как вслед за каждым выездом руководителей испанской СП за границу. В конце декабря 1938 года в Барселону приехал Фриц Адлер, чьи длительные переговоры с Негрином были окутаны величайшей тайной. Весьма темной остается

и роль, которую сыграл во время своих очень частых приездов в Испанию Жеромский; е) франкмасоны и французские “демократы”. Довольно подлой оказалась роль французских парламентариев, находившихся в Испании в первый период каталонского наступления. После торжественного приема в каталонском парламенте глава делегации с большим треском возвестил, что “через несколько дней, а то и через несколько часов” республика получит от Франции материальную помощь (т.е. оружие). Это была грубая провокация, которая в результате еще глубже деморализовала народ, когда он увидел, что правительство Франции и не помышляет об оказании нам какой бы то ни было помощи.

Все эти агенты и предатели всегда пели руководителям различных испанских партий одну и ту же песню: ваша изоляция и оторванность от Европы объясняется исключительно участием коммунистов во власти, характером вашей армии и вашего режима и т.д. и т.п. Между тем надо сказать, что по нашим сведениям, когда Кабальеро поставил перед Моррисоном и Эттли⁴ (руководителями английской ЛП) вопрос об отстранении коммунистов от власти, они заявили ему, что это ни в какой мере не изменит политику Чемберлена в отношении Испании.

Я считаю, что интенсивность и широкий размах этой подрывной работы капитулянтов, предателей и всех противников политиков сопротивления – работы, находившей благоприятную почву и использовавшей усталость народных масс, – является самым характерным элементом испанской ситуации после Мюнхена. Здесь надо искать в этот период основную причину слабостей и недочетов деятельности правительства, основную причину прогрессирующего ослабления единства действий и народного фронта, основную причину опасности изоляции, представлявшей все более серьезную угрозу для нашей партии.

Слабые места и недочеты деятельности правительства Негрина⁵

Второе правительство Негрина было несомненно тем правительством, которое теснее всего сотрудничало с руководством коммунистической партии, охотнее и скорее, чем все предыдущие, принимало и проводило в жизнь предложения партии. В его актив надо записать сформулированные “13 пунктов”⁶, которые решающим образом повлияли в смысле упрочения единства народа в весьма опасный момент войны; агитация, которую Негрин лично вел против капитулянтов и предателей и за политику сопротивления и которая обеспечила ему в армии и народе огромную популярность; защита интересов Испанской республики на международной арене, энергично и искусно* осуществлявшаяся Негрином и Дель Вайо в Женеве; изменение военной политики Прието в том духе, как требовала наша партия (создание резервов, отмена нелепых распоряжений, в силу которых военные кадры милиции не вправе были получать более высокий чин, чем “майор”, правильная политика награждений с одной стороны и привлечение к ответственности – с другой, максимальное укрепление позиций партии в армии, реорга-

* Слова “энергично и искусно” вписаны сверху от руки.

низация военного комиссариата, сооружение нескольких укрепленных линий и т.д.); улучшение отношений с руководством НКТ, которое привлекли к сотрудничеству с правительством и склонили почти к полному отказу от прежних политических позиций анархизма, и т.д.

Но у этого же правительства было и много недостатков. Оно не обладало программой непосредственных действий, ему не хватало однородности, каждая партия пыталась отстаивать и проводить через своих министров свои собственные взгляды, защищать свои частные интересы, свои “позиции”. Общий элемент, общая воля и решимость выиграть войну слишком часто заслонялись борьбой партий и отдельных лиц. К тому же склонность всех министров блокироваться против премьера и против предложений компартии усугублялась в такой мере, что ставила под угрозу положение республики. Постоянной заботой Негрина было сохранение и расширение единства народа и тем самым единства и базы правительства. Но при той особой политической ситуации, которая существовала в Испании на протяжении всей войны, при отличавшем ее отсутствии демократической “консультации” народа, рост популярности главы правительства и его политики еще не означал для Негрина ликвидации политических затруднений, на которые он наталкивался вследствие партийной распри и растущей враждебности со стороны значительной части республиканских, социалистических и анархистских руководителей, а также части профессиональных военных.

Единственной партией, лояльно поддерживавшей Негрина, была КП Испании. Все прочие партии публично высказывались за него и за его политику сопротивления, но не оказывали ему никакой помощи в борьбе с интригами капитулянтов и ничем не помогали ему в скорейшем разрешении различных военных проблем. Наоборот, часть кадров этих партий принимала активное участие в этих интригах и, не переставая, чинила Негрину затруднения. Это относится прежде всего к социалистической партии, руководство которой было связано в своем большинстве с Прието и в которую вошли кабальеристы и Вестейро⁷. Руководство СП испытывало чем дальше, тем большую враждебность по отношению к коммунистической партии, и, быть может, оно более чем что бы то ни было другое парализовало деятельность второго правительства Негрина. Руководство нашей партии всегда старалось толкать Негрина на путь решительного преодоления трудностей. Оно указывало ему на необходимость взять на себя руководство в социалистической партии и более тесно сотрудничать с профсоюзами ВРС (где он мог бы получить гораздо большую поддержку, чем в социалистической партии) и с народным фронтом. Но Негрин, интеллигент, никогда не принимавший активного участия в жизни своей партии, не соглашался встать на этот путь. Ему оставалось таким образом разрешать проблемы посредством постоянных уступок политическим партиям и деятелям, даже тем, которые были — он это знал — его врагами и отстаивали неверные позиции. Отсюда недостаточно быстрые темпы деятельности правительства, необычайная медлительность при вынесении необходимых решений, которых требовала партия, отсюда и оставление неразрешенными насущных вопросов, отсюда и множество неверных реше-

ний, как результат компромисса между правильными предложениями коммунистов и требованиями наших противников.

К числу слабых мест Негрина надо отнести и его стиль работы – стиль размагниченного интеллигента, болтуна, дезорганизованного и дезорганизующего, и его личная жизнь – жизнь представителя богемы, не лишенная симптомов разложения (женщины).

Во всей совокупности правительственной политики наиболее ощутительные слабые места и ошибки, приводившие в тот период к самым опасным последствиям, можно резюмировать следующим образом:

а) После перевода правительства в Барселону стали пренебрегать центральной зоной. С громадным опозданием ставились и подчас игнорировались касавшиеся этой зоны вопросы аграрной и промышленной продукции, снабжения, железных дорог, морских портов, организации крестьянского рынка и т.п. Государственный аппарат центральной зоны начал ускользать из-под контроля правительства, и в него стали проникать противники политики сопротивления. В особенности местная полиция мало-помалу попала в руки к социалистам, являвшимся противниками Негрина и врагами коммунистической партии. Министр внутренних дел (центристский социалист Паулино Гомес) вел через посредство губернаторов (в числе которых было только 4 коммуниста) свою собственную политику, расходившуюся с официальной политикой правительства, а в последний период войны даже открыто противоречившую правительственной политике. В то время, как Негрин стоял за широкую агитационную работу в массах, министр внутренних дел запрещал партиям устраивать митинги (митинги народного фронта были разрешены), чтобы не дать нам поставить перед массами насущно важные проблемы войны. Вообще в результате отсутствия правительства в центральной зоне усилилась власть “касиков” и местных чиновников, причем в каждой провинции наблюдалась тенденция к созданию небольшого государства в государстве и к подчинению масс местным властям административными мероприятиями путем устранения всяких форм демократии. Единственной силой, последовательно боровшейся с этим перерождением, была коммунистическая партия, но ее борьба в этом направлении не всегда имела успех.

б) В борьбе против 5-й колонны и против троцкистов был период слабостей – с августа по октябрь – для которого явился характерным скандальный результат процесса ПОУМ, окончившегося без скольнибудь серьезных приговоров (максимальной карой было присуждение к тюремному заключению на 15 лет). Здесь сказалась пагубная деятельность министра юстиции Гонсалеса Пенья, который во время своей поездки в Мексику подпал под влияние троцкизма, а также Паулино Гомеса, запретившего прессе вести во время процесса какую бы то ни было кампанию против троцкистских предателей. Партия (с значительным опозданием) вела агитацию через нелегальные издания и энергично протестовала, так что даже заставляла подавать в отставку министра внутренних дел. Негрин заявил, что он во всем с нами согласен, но затем под давлением социалистической партии (пригрозившей вызвать кризис), II Интернационала и всякого сброда, забил отбой. Он, правда,

вмешался, но с большим опозданием и не проявил при этом энергии. Борьба государственного аппарата с троцкистами и 5-й колонной была в ноябре, декабре и январе весьма интенсивной и хорошо поставленной, но только в Каталонии. Единственное восстание 5-й колонны во время битвы в Каталонии имело место в Хероне, да и то лишь в самый момент вступления в город итальянских дивизий. В центральной зоне, наоборот, борьба с 5-й колонной была в загоне. Это особенно относится к Картахене, Мурсии и др. городам.

в) Что касается национальной политики, то над Негрином довели предрассудки и ошибки социал-демократии. Он не понимал национальной проблемы, и даже когда им принимались верные и необходимые меры (централизация военной промышленности, централизация национальной казны в руках правительства республики и т.д. и т.п.), то его бестактность, а подчас и грубость, бестактность и грубость его чиновников оскорбляли национальное чувство каталонцев. Но следует признать, что под давлением партии он исправлял многие из своих ошибок. Нельзя упускать из виду, что руководящие группы каталонских буржуазных и мелкобуржуазных партий (Аксион Каталана, Эскерра республикана де Каталунья) кишели провокаторами, предателями, агентами врага, элементами, которые держали связь с действовавшими через них реакционными группами французской демократии, спекулянтами, растратчиками, ворами и т.п. Проводимая правительством национального единения политика сопротивления имела в этой среде заклятых врагов, тогда как здоровые элементы тех же каталонских партий не отмежевывались публично и откровенно от гнилых элементов и 5-й колонны. В ноябре и декабре Негрин распорядился об урегулировании в примирительном духе финансовых вопросов Генералитета (каталонское правительство) и несколько раз непосредственно сносился с Компанисом. Наконец (в декабре 1938 года), уступив настояниям Политбюро партии, требовавшего органического и постоянного урегулирования отношений между обоими правительствами (центральным и каталонским), Негрин предложил Компанису занять пост вице-председателя совета министров, но Компанис отказался. Негрин предложил также партии Эскерра войти в правительство, но та отвергла предложение. Несмотря на все это, популярность Негрина* в Каталонии была почти так же велика, как и в остальной Испании.

г) Что касается экономической политики, то, если Негрина можно в чем-нибудь упрекнуть, это в том, что он терпел в аппарате, руководившем экономической жизнью страны (финансы, военная промышленность, снабжение и в особенности внешняя торговля), целый ряд нежелательных элементов, не преданных делу республики, подчас воров, спекулянтов и саботажников. Сколько мы на него ни нажимали, он так и не согласился отдать нам решающие посты в этой области. Вероятно это объясняется тем, что все (буржуазные элементы, французское и английское правительство, президент республики, руководство социалистической партии, анархисты) оказывали на него сильнейшее давление

* Слово "Негрин" вписано сверху от руки.

и запугивали его, чтобы помешать ему в этом. Опять-таки давлением и настояниями разных партий объясняется тот факт, что экономическая политика правительства никогда не была ни четкой, ни энергичной. Сам Негрин склонялся к централизованному руководству всей экономической жизнью через государственный аппарат и к полному подавлению частной инициативы. Вместе с тем он был против признания за профсоюзами руководящей функции в экономике страны и являлся решительным противником создания областных центров хозяйственного руководства. Партия соглашалась с Негрином (она требовала только в отношении крестьянства гарантии некоторой свободы торговли, тогда как правительственные чиновники хотели окончательно ликвидировать эту свободу), но уступки, на которые ему приходилось идти, проволочки в деле проведения необходимых мероприятий, беспорядок и саботаж, наблюдавшиеся при этом, и отсутствие какого бы то ни было контроля над проведением в жизнь декретов правительства, особенно в центральной зоне, — все это создавало весьма трудную ситуацию, в особенности в последние месяцы 1938 года.

Трудности в деле снабжения (форменный голод в Мадриде, большая нужда в Барселоне и других городах, но в то же время нормальное продовольственное положение и даже изобилие продовольствия у крестьянского населения в ряде аграрных районов, как например, Альбасете, Куэнка, Хаэн, Валенсия и др.) были следствием не только нехватки продовольствия и блокады, но также результатом дезорганизации и саботажа. Утвержденные советом министров меры для борьбы с этой ситуацией (централизация распределения и энергичная борьба с спекулянтами) так и не применялись.

Зато состояние военной промышленности после июля 1938 года улучшилось и в последние месяцы войны начало даже становиться удовлетворительным в Каталонии, но в центральной зоне продолжала господствовать дезорганизованность. В октябре 1938 года продукция готовых артиллерийских снарядов составляла 134 000 (втрое больше, чем в июне), и в последующие месяцы она оставалась приблизительно на таком же уровне. В ноябре и декабре этот результат был сведен на нет двумя актами саботажа (поджог), которые стоили нам 90 000 готовых артиллерийских снарядов. Продукция винтовок, составлявшая прежде 300, увеличилась в октябре до 600, в ноябре до 450, а в декабре поднялась до 1000, тогда как производственная мощность предприятий позволяла вырабатывать 2500. Что касается производства пулеметов, в центральной зоне оно выражалось в количестве не менее 15 в конце 1938 года при пропускной мощности предприятия в 50. Продукция и резервы винтовочных патронов были вполне достаточны. Совершенно недостаточны были запасы снарядов для зенитных орудий, и их производство так и не удалось организовать по техническим причинам (отсутствие дистанционных* трубок). Производство и ремонт артиллерийских орудий стали давать кое-какие результаты в ноябре месяце (были построены 4 пушки 105 калибра, 2 пушки системы Эрликон и подготовлены были

* Слово “дистанционных” вписано сверху вместо “снарядных”.

16 первых и 22 вторых, а также 10 противотанковых орудий). Производство 81-мм мортир: в октябре 90, в ноябре 100, в декабре 100. Производство бронемашин: за 4 последних месяца 1938 года было построено 45, в том числе 10 в центральной зоне. Эти результаты в значительной степени объясняются принятыми Негрином мерами по части централизации, а также работой партии на предприятиях и личной работой одного советника (Н.) в суб-секретариате по делам вооружения.

д) Что касается военных проблем, о которых будет речь особо, то я хочу подчеркнуть, что вопрос о руководстве военным флотом так и не был разрешен, несмотря на то, что начальник генерального штаба флота при правительстве был коммунистом (Прадас), что партия сделала Негрину ряд предложений, которые были им приняты, что партия энергичнейшим образом на этом настаивала. Несмотря на все это, ничего не было сделано до самого января, а в январе реорганизация командования военного флота, которая была предпринята, оказалась недостаточной. Комиссариат флота остался в руках социалистов (Бруно Алонсо), ожесточенного врага политики сопротивления и одного из главных виновников бездействия флота на протяжении всей войны.

е) Что касается внутренней политики, то надо еще указать на проблему цензуры, поскольку цензура долго находилась в руках врагов партии. Также и в этой области Негрин признал обоснованность наших представлений и принял предложенный ему партией план реорганизации цензуры, но не провел его в жизнь, опасаясь разрыва с руководством СП.

В ноябре и декабре 1938 года существование правительства Негрина несколько раз подвергалось опасности. 14-го ноября Бестейро при поддержке республиканцев и представителей каталонских партий, а также при негласном попустительстве руководства СП, попытался спровоцировать кризис. Как передавали, он ставил себе целью образовать правительство в соответствии с пожеланиями Франции и Англии (руководящая роль должна была принадлежать умеренным республиканцам, т.е. капитулянтам; коммунисты подлежали устранению из правительства). В конце ноября и в начале декабря социалистические министры голосовали против многих предложений, которые Негрин сделал в совете министров (учреждение комиссариата по делам исповеданий, переход цензуры в ведение председателя совета министров и т.д.). В конце декабря каталонские партии сделали новую попытку спровоцировать кризис. В половине января НКТ предложила реорганизовать министерство, введя в его состав Кабальеро и Бестейро. Все эти атаки были отбиты, но они в значительной степени парализовали деятельность правительства. Кроме того, можно сказать – и это пожалуй самое серьезное – что руководство социалистической партии на протяжении всех этих месяцев не переставало держать правительство Негрина под угрозой кризиса, заявляя, что оно лишит его поддержки, каждый раз, когда правительство – по мнению руководства СП – проявляло “слабость” в отношении коммунистов, т.е. каждый раз, когда оно, наконец, соглашалось принять необходимые меры для преодоления опасной ситуации, для улучшения положения армии, для более действенной борьбы с 5 колонной и т.д. и т.п.

Негрин, по крайней мере в середине января, не только был лоялен в своих отношениях с партией, но и признавал слабые места и пробелы своей правительственной деятельности и усматривал их причину в “режиме партий”. Это побудило его сделать нам 2 декабря 1938 года предложение о создании национального фронта, в котором должны были бы раствориться все партии. Он рассчитывал таким образом получить возможность управлять, не будучи вынужден всякую минуту считаться с требованиями и запугиваниями различных политических групп. Идею эту ему по всей вероятности подсказал Рохо. Партия отсоветовала ему предпринимать такой шаг, который не дал бы ожидаемых им результатов и был бы чреват опасностью диктатуры личного порядка. Мы еще раз толкнули Негрина на путь установления более тесной связи с народным фронтом. Он нас послушался, созвал народный фронт и потребовал более решительной поддержки и т.п. При этом он временно достиг кое-каких результатов, но они не были решающими.

Наконец, он решил объявить военное положение (18 января), приняв таким образом шаг, о котором он думал полтора года, но который, не будучи подготовлен чистой тыловой военной аппаратурой, должен был дать результаты, противоположные тем, которых он ожидал.

Борьба коммунистической партии за единство и за сопротивление

Центральное руководство партии отдавало себе полный отчет в недостаточности действий правительства и той опасности, которую представляло пораженческое течение. Тактика, которой надлежало держаться, и меры, которые следовало проводить, заботили нас изо дня в день, потому что почти каждый день возникали какие-нибудь новые конкретные затруднения. Вот каковы были в общем и целом основные линии нашей деятельности:

1. Мы всеми силами старались расширять и укреплять связь с массами, какие бы препятствия нам ни ставили. При этом мы задавались целью энергично бороться с симптомами усталости, наблюдаемыми в массах, с пораженческими настроениями и со всеми попытками нас изолировать. Усталость масс объяснялась объективными затруднениями (плохое снабжение, отсутствие рабочей силы в деревне, непрерывная бомбардировка городов в тылу, увеличение числа убитых и раненых, скопление беженцев из занятых врагом районов и т.п.), но также и тем фактом, что государственный аппарат и партия пренебрегали их проблемами. Нехватка бумаги, особенно в центральной зоне, приводила к тому, что газеты становились редкостью: были целые провинции, куда не доходили газеты и где не читали даже сводок о военных действиях. Муниципалитеты (как всегда во время войны) функционировали плохо, а государственные чиновники и профсоюзные служащие (кабальеристы, но также и значительная часть других) непозволительно относились к массам, проявляя бюрократическую твердолобость и жестокость. Вместо того, чтобы ликвидировать затруднения, связанные с ситуацией, всю ответственность вваливали на массы, игнорировали их потребности и еще ухудшали их положение мероприятиями, которые

могли быть подсказаны только саботажниками (типичные примеры: мэр Мадрида запретил жителям города ходить в окрестности за хворостом; крестьянам было запрещено приезжать в Мадрид для продажи своих продуктов; сказывалось сопротивление использованию труда женщин на производстве и т.п.). Для рабочих самой серьезной проблемой было продовольственное снабжение: рабочие, особенно в Мадриде, терпели голод. Плохое снабжение явилось непосредственной причиной женских демонстраций в Мадриде в конце декабря 1938 года, когда женщины требовали молока для детей, а также причиной всеобщей стачки в Алькое. В подготовке этих двух манифестаций принимала активное участие 5 колонна. В деревне крестьянство было недовольно тем, что сельским жителям не разрешали продавать продовольственные продукты, установленные государственными органами твердые цены были слишком низки, и крестьяне не могли покупать промышленные товары, не находя таковых. К тому же широко распространенный колхозный режим был тягостен для крестьян, многие из которых хотели приобрести землю в собственность, но лишены были такой возможности. Многие колхозы находились в ведении профсоюзов, которые управляли ими на бюрократический лад без какого бы то ни было участия масс.

Линия, которую Политбюро дало партии, заключалась в том, чтобы стараться разрешать все вопросы, касающиеся масс, при непосредственном участии последних и стимулировать и организовывать деятельность местных комитетов народного фронта и муниципалитетов. Повсюду требовали, чтобы комитеты партии ставили в порядок дня своей работы хозяйственные проблемы. Мы в особенности настаивали на необходимости созывать многолюдные народные собрания, митинги, организовать на местах издание стенных газет и радиовещание. Результаты были достигнуты довольно большие, особенно в некоторых провинциях (в Куэнке, в Валенсии, благодаря умелой массовой работе губернатора-коммуниста, в Хаэне, в Альбасете).

В октябре, после барселонского пленума ЦК, решено было сломить пораженческую и направленную против единства кампанию, развернув широкую кампанию "за единство". Кампания должна была вылиться в форму многолюдных массовых собраний повсюду, начиная от главных городов отдельных провинций и кончая мелкими деревушками. Собрания надлежало устраивать по инициативе партии, но по мере возможности при участии организаций народного фронта или по крайней мере социалистической партии. Началась кампания внушительными собраниями в Мадриде (где Урибе выступил с слабой речью, которую мы с Пепе сурово раскритиковали) и в Альбасете (крестьянское собрание). Народный фронт не согласился принять участие в такой кампании в национальном масштабе, как не согласилась и социалистическая партия. Но на местах мы всколыхнули не только массы партийцев, но и беспартийных, а равно массы членов других партий и во многих случаях комитеты народного фронта и местные власти. Кампания эта продолжалась весь ноябрь, декабрь и январь месяцы и была увязана с подготовкой партконференции. Главным образом благодаря этой кампании удалось предотвратить политическую изоляцию партии.

Но не следует забывать, что связь с массами, особенно в тылу, всегда была одним из самых слабых мест партии. Партия довольствовалась случайными связями (митинги, кампании). Влияние и престиж партии организационно не закреплялись или закреплялись лишь в весьма слабой степени. На митингах, устраиваемых партией, всегда наблюдался энтузиазм, но постоянно можно было видеть лишь одни и те же лица: партийный актив. Усилия, направленные к тому, чтобы проникнуть в гущу беспартийных масс, были ограничены (в Мадриде существовала хорошая организация домовых комитетов; женская организация тоже проделала значительное развитие, но на ней лежал отпечаток сектантства). В деревне секции нашей партии сохраняли характерные особенности социал-демократической организации, отличались весьма ограниченной активностью, так что один или два-три руководителя работали более или менее активно, а масса рядовых членов не вела систематической работы, ограничиваясь лишь время от времени явкой на собрания. В городах дело обстояло лучше, но в Мадриде партия, при всей самоуверенности ее руководителей, была очень далека от масс и отличалась сектантством и весьма сильной тенденцией к бюрократизации (в мае 1938 года провинциальный комитет имел 400 платных работников). Многие кадры из мадридской организации уже не жили жизнью масс и проявляли признаки разложения.

2. Партия прилагала всяческие старания, чтобы помешать срыву или ослаблению народного фронта, чтобы сохранить и упрочить свои связи с социалистической партией. Вот каково было положение...

а) Заметное ухудшение отношений с руководством социалистической партии. Эта последняя несколько месяцев систематически отказывалась созвать комитет связи. Контакт с руководством социалистической партии свелся к отношениям с ее секретарем (Ламонеда). На последнем заседании национального комитета СП (август 1938 года) течение сторонников единства взяло верх над теми, кто требовал разрыва с компартией, но в руководство СП проникли элементы, враждебные единству (один из руководителей испанских масонов Лусио Мартинес), реформисты (Бестейро), кабальеристы. Это решение, которое оправдывали мнимой необходимостью защищать единство СП, имело своим результатом длительное прекращение связи с нами и враждебность нового руководства по отношению к Негрину, против которого блокировались приетисты и кабальеристы. Политбюро компартии всячески старалось преодолеть эту ситуацию, но не достигало устойчивых результатов. В октябре решено было пересмотреть и обновить программу совместных действий обеих партий, но это так и не было сделано. Все, чего мы добились, сводилось к тому, что время от времени ослаблялась натянутость отношений между руководством обеих партий, но до настоящего сотрудничества дело так и не дошло. В ноябре отношения были окончательно испорчены нашей – кстати вполне оправданной и абсолютно необходимой – атакой на Бестейро; в декабре – смещением мадридского комиссара – социалиста. Сместил его, правда, Негрин, но социалисты утверждали, что виновником смещения был Хесус Эрнандес. К этому присоединился кризис в рядах объединенной социали-

стической молодежи, вызванный раскольническими маневрами кабальеристов и троцкистов. Секретарь социалистической партии Ламонедасыграл в этом кризисе весьма подлую роль, организовав в рядах ОСМ группы молодых “социалистов”, что равносильно было подготовке раскола. Мы до самого конца так и не достигли соглашения с СП по вопросу об ОСМ, потому что они предъявили нам требования, на которые мы не могли согласиться (создание нового “паритетного” руководства, соглашение между руководствами обеих партий).

Самым отчетливым признаком скверных взаимоотношений с СП является тот факт, что мы до конца войны не сумели добиться выпуска обеими партиями совместного политического документа и нам удалось выпускать лишь краткие коммюнике, лишенные конкретного политического содержания. Положение в низовых организациях было неодинаково в разных организациях: можно даже сказать, что оно менялось каждую неделю в связи с разъездами пораженческих и капитулянтских элементов (Кабальеро, Льопис, Каррильо, Сабальса и др.), которые метались из провинции в провинцию, стараясь свести на нет то, что нам удавалось там создать. Тем не менее в низах на протяжении довольно долгого времени практиковались (например в Валенсии) активные совместные действия, и в общем и целом отношения с социалистическими массами повсюду, за исключением Мадрида, были неплохи. В Мадриде между обеими партиями не было непосредственных отношений. Кабальерстские руководители мадридской социалистической организации ставили условием установления постоянных отношений, чтобы коммунисты в специальной декларации отреклись от всей критики, которой они подвергли Кабальеро, Прието и др., т.е. отреклись от всей политики партии. Таким образом дело ограничилось случайными связями, но никакой совместной работы не было.

б) Плохие отношения с СП связали по рукам и ногам народный фронт, который впрочем никогда не был весьма активным. Национальный комитет народного фронта часто собирался для обсуждения разных мелочей (смещение того или иного чиновника в провинции, жалоба на того или иного военного руководителя-коммуниста за “насильственные действия” против кого-либо из членов другой партии и т.д. и т.п.). Ни разу не удалось добиться, чтобы национальный комитет народного фронта регулярно обсуждал серьезные проблемы военной и экономической помощи правительству и т.д. В этот период не удалось добиться ни организации национальных массовых кампаний, ни посылки делегаций на фронт. Но зато достигнуто было – и это важно – что национальный комитет народного фронта не выступил открыто против правительства, несмотря на неоднократные усилия в этом смысле, прилагавшиеся республиканцами из левореспубликанской партии и анархистами из ФАИ. В начале января национальный комитет народного фронта занялся изучением проблемы снабжения, и предложения, которые он начал было вырабатывать, были хороши, но развал фронта не позволил продолжить эту работу. В провинции, наоборот, комитеты народного фронта были активны и проявляли тенденцию брать на себя функции правительства, с чем партия не могла согласиться, ибо это зна-

чило впадать в партикуляризм и создавать беспорядок. Были случаи весьма положительной и очень полезной деятельности местных комитетов народного фронта там, где наша партия умела работать заодно с социалистами. Но в тех местах, где партия наша была изолирована, комитеты НФ превращались в центры борьбы против КП и в центры поражения. Так было в Мадриде, где созданный ценою больших усилий с нашей стороны комитет народного фронта начал с того, что сделал попытку запретить всякую независимую деятельность коммунистической партии и в дальнейшем тоже был проникнут антикоммунистическим духом.

в) Из республиканских партий наиболее враждебной была левореспубликанская, т.н. Искиерда Републикана (находившаяся под влиянием президента республики). Что касается Республиканского союза, то с ним в центре дело обстояло лучше (его руководитель Мартинес Варрио⁸ занимал вплоть до утраты Каталонии лояльную позицию). Левореспубликанская партия начала в октябре кампанию, чтобы создать себе новую базу среди крестьянства, используя недовольство крестьян колхозами и отсутствием свободного рынка. Она достигла некоторого успеха в Толедской провинции. Одновременно, оставаясь в рядах народного фронта, она требовала исключения из него всех других партий (лозунг: республика для республиканских партий). Непосредственные отношения между руководством республиканских партий и нашим партируководством были весьма слабы. Несмотря на мои настояния, члены Политбюро всегда игнорировали этот вопрос.

г) Профсоюзы ВРС и их национальное руководство были наилучшей опорой нашей политики единства и если бы партия лучше работала, они стали бы еще более прочным и действенным оплотом. На всех заседаниях национального комитета ВРС обсуждались конкретные вопросы военного и политического порядка и формулировались предложения. Почти во всех таких вопросах, начиная с 1938 года, брала верх наша точка зрения. Наше меньшинство, которое поддерживала небольшая группа социалистов (Амаро дель Росаль, Претель, Льянос и также Эдмундо Домингес), было фактически той группой, которая вдохновляла политику ВРС. Кабальеристы были в центре изолированы. Никакими интригами пораженцам не удалось изменить это положение, и центр ВРС функционировал относительно хорошо даже во время хаоса в Фигерасе (это особая заслуга Амаро дель Росаль). Беда в том, что правильная линия ВРС не проводилась с должной последовательностью и энергией руководящими кадрами федераций и профсоюзных секций. В низах профсоюзы были сугубо бездеятельны, а наши товарищи, которые могли бы их активизировать, делали это лишь в нескольких местностях (Валенсия), да и то с перебоями. Общие собрания были редкостью. Профсоюзная демократия проводилась лишь в весьма ограниченной степени, вследствие чего в руководстве профсоюзов оставались нежелательные кабальерстские пораженческие элементы, которые проводили политику, расходившуюся с намеченной национальным комитетом, саботировали производство вместо того, чтобы ему помогать, поощряли партикуляризм и эгоизм рабочих каждого предприятия в ущерб

целому, препятствовали приему женщин на производство и т.п. Положение изменилось бы, если бы мы сумели удалить кабальеристов из руководящих органов трех главных рабочих профсоюзов – металлистов, транспортников и сельхозрабочих – но такой возможности не было, потому что социалисты приетистского толка не хотели сотрудничать с нами в этом смысле. Профсоюз сельхозрабочих, представлявший собою вотчину кабальеристов (Сабальса), способствовал деморализации крестьянства своей неверной политикой коллективизации и касикизма. В этом союзе не было никакой демократии, и все его члены после июля* 1936 года не пользовались правом голоса.

Профсоюзы, принадлежавшие к Национальной Конфедерации Труда, в частности их низовые организации, были более активны нежели профсоюзы ВРС и больше интересовались нуждами масс. Их национальный центр раздирался однако глухой внутренней борьбой между сторонниками политики сопротивления, искреннего соблюдения пакта единства с ВРС, оказания правительству поддержки и соглашения с нами (Васке⁹, Орасио Прието) и противниками единства (каталонское областное руководство, Оливер, Монтсени, Лопес). Национальное руководство ФАИ, чтобы нейтрализовать и сорвать работу группы Васкеса, стало насаждать свои ячейки в низовых организациях профсоюзов, в результате чего не проводились в жизнь утвержденные центром и являвшиеся в общем и целом приемлемыми директивы. К сожалению, наша партия не имела никакой возможности непосредственно влиять на анархистские профсоюзы изнутри, так как директивы о работе внутри этих профсоюзов никогда не проводились, а группа ни за что не соглашалась связаться с нами из боязни, чтобы ее не заклеили как агентуру коммунизма.

Кампания партии за профсоюзное единство началась с опозданием, и партия долго вела ее одна, поддерживаемая только сильным течением в пользу единства в низах (где местные секции начали работать сообща с нами), но наталкивались на решительное сопротивление руководящих органов (ВРС и НКТ). Несмотря на это, большой шаг в сторону единства был сделан в январе, когда руководство ВРС, а также руководство НКТ собрались вместе для обсуждения проблем войны и для дачи сообща директив обеим организациям. Однако из этого акта, являвшегося настоящим прологом к слиянию, не были сделаны должные выводы, так как ситуация стала стремительно развиваться. Но эти выводы надо сделать теперь и в дальнейшем.

3. Продолжая из всех сил и во всех направлениях свою борьбу за единство, партия не могла допускать гонений и преследований в отношении своих членов и организаций со стороны местных властей, находившихся в подчинении у антикоммунистических групп. Существовала тенденция закрывать глаза на эти преследования, и Политбюро боролось с ней, открыто призывая все низовые организации сообщать центральному комитету в письменной форме обо всех преследованиях со стороны военных и гражданских властей. Такие случаи имели место

* Слова “после июля” вписаны вместо слов “еще с...”.

особенно на некоторых секторах фронта (Мадрид, Андалузия), где господствовали анархисты и кабальеристы, для которых политическая и организационная работа партии и объединенной социалистической молодежи в армии служила предлогом для преследований. Наша партия всегда энергично отстаивала право бойцов участвовать в политической жизни и пользовалась в этом поддержкой одного только Негрина, тогда как анархисты, республиканцы и социалисты систематически атаковали ее за это. Согласно директиве Политбюро коммунисты заявляли обо всех случаях преследования в комитетах связи с СП и в комитетах народного фронта, а также доводили до сведения правительственных властей, чтобы исправить причиненный ущерб, не нарушая нашей политики единства. В более серьезных случаях Политбюро приходилось ставить вопросы перед правительством, перед руководством СП и перед национальным комитетом народного фронта. Но эта директива не проводилась в жизнь систематически. Низовые организации либо вообще не реагировали, либо предпочитали реагировать непосредственно, прибегая, когда представлялась такая возможность, к репрессиям. Таким образом их практика являлась смесью оппортунизма и сектантства. Они зачастую поддавались на провокацию врагов, а от этого все больше и больше страдало единство.

4. Что касается взаимоотношений с правительством, то партийная пресса критиковала его слабые места и в положительной форме указывала, что следовало делать, но что не было сделано. К нелегальной прессе партия прибегала, чтобы уклониться от глухих строгостей цензуры, только один раз во время процесса ПОУМ. Брошюры и теоретический орган партии цензуре не подлежали, и в них критика правительства и атаки на капитулянтов носили более свободный характер. Такой же линии партия придерживалась на митингах. Последняя речь Диаса (28 ноября) может послужить примером того, как мы старались сочетать борьбу за единство с критикой недочетов ситуации. Основное было не вызывать неумеренными атаками срыва народного фронта или окончательного разрыва с СП. Дело в том, что по нашему твердому убеждению такой разрыв мог бы быстрым темпом привести к провалу сопротивления и к поражению. По той же причине мы в тот период, несмотря на слабости Негрина, всячески избегали министерского кризиса (мы прибегали к убеждению, к угрозам т.п.). При существовавшем положении министерский кризис, направленный к устранению Негрина, мог привести только к образованию правительства капитулянтов или к гражданской войне в Испании.

Мы не видели лучшего состава правительства и во всяком случае лучшего главы правительства, чем Негрин. Единственный возможный кандидат Мартинес Баррио был для нас вопросительным знаком (реакционное прошлое; в июле 1936 года склонялся к соглашению с Франко; был активным масоном). Приходилось стало быть держаться за Негрина, защищать его от его врагов, являвшихся одновременно и нашими врагами, и стараться ему помогать и убеждать его исправлять свои ошибки. Можно ли было при таком положении достигнуть больших результатов, чем те, которых добились мы? Я убежден, что можно, если

бы связь между общей работой партии и деятельностью правительства была более тесна. Но как раз тут-то и было самое слабое место нашей работы вследствие ли не всегда хороших отношений между Урибе и секретариатом партии (склонность Урибе ограничиваться работой в министерстве), вследствие ли общей слабости Политбюро КП Испании во всем, что касается конкретной организационной деятельности. К тому же у меня всегда было такое впечатление, что члены Политбюро, сплошь весьма “энергичные” в дискуссиях, не были энергичны в своих сношениях с Негрином, с другими министрами и т.п. Ни у кого из них не хватало способности ориентировать эти отношения в сторону разрешения конкретных вопросов, которые нас интересовали. Они зачастую довольствовались слишком общим обменом мнений, удовлетворялись обещаниями. Даже последние переговоры Негрина с Пепе (1–2 декабря) не дали ничего существенного. Наконец, все члены Политбюро всегда противились установлению и поддержанию более тесных отношений с другими министрами, с руководящими деятелями из рядов республиканцев, социалистов, анархистов. Надо было неделями бороться, чтобы добиться установления контакта и проведения весьма важных переговоров. Ввиду такой робости сфера непосредственных отношений руководителей нашей партии с лидерами других партий была очень ограничена, и это обстоятельство ограничивало также их влияние (исключение составляли Михе в центре, Палау в Валенсии и Валенсуэла в Хаэне).

Много слабых мест наблюдалось и при проведении только что указанной мною линии. Помимо тех, о которых я уже вскользь упоминал, самым серьезным недостатком было относительное пренебрежение, в котором находилась центральная зона. Между тем как раз здесь был сосредоточен весь генеральный штаб врагов партии. Наибольшая часть сил сосредоточена была в Барселоне (Диаз, Долорес, Урибе, Альфредо, Антон, до декабря 1938 г. Деликадо, Монсо, Морэно¹⁰). В центральной зоне были: Чека, Эрнандес, Анхелин, Урибес, Хиорла – до лета 1938 г., до ноября 1938 г. Михе, Картон (военный). И все-таки барселонское руководство было слабым, неспособным справиться со своими задачами. Но еще слабее было мадридское руководство. Я сам допустил ошибку: я бывал в центральной зоне каждый раз лишь короткое время. В сентябре 1938 г. Урибе предложил еще укрепить барселонский центр, переводя туда Чека и при обсуждении этого предложения, которое было в конце концов отвергнуто, мы потеряли целый месяц. Выход был найден только в форме значительного обновления руководства, причем в Политбюро были введены новые силы (Палау, Диэгос). Это предполагалось сделать на партконференции, подготовлявшейся в феврале месяце.

Наши затруднения в Каталонии с ОСПК

В Каталонии признаки усталости масс были не меньше, чем в центральной зоне, но положение еще осложнялось наличием национальных проблем, влиянием анархизма и ошибочной политикой в отношении крестьянства. Для нас крупнейшее затруднение заключалось в том, что всю нашу работу приходилось вести через ОСПК (Объединенная

социалистическая партия Каталонии). и здесь-то мы всегда наталкивались на сопротивление, которое было очень трудно преодолеть. Ясно, что по своему происхождению ОСПК не могла быть однородной партией ни по составу своей членской массы, ни по составу своего руководства, но, что еще хуже, нам не хватало в ее руководстве надежной точки опоры – группы товарищей, которые работали бы и боролись на основе верной линии за исправление недочетов партии. Были там старые коммунисты (Вальдес, Адриана), но ввиду их абсолютной политической непоследовательности (ненадежности?) на них невозможно было опираться. Генеральный секретарь партии (Коморера) подавлял и терроризировал их. Впрочем, точно таким же образом он поступал и со всем руководством. Открыто добиваться устранения Коморера было невозможно также ввиду его популярности. Приходилось его переубеждать и направлять, а это было очень трудно, так как приняв какую-нибудь линию, какое-либо предложение, он всегда возвращался к своей собственной установке и оказывал сопротивление нам, ориентируя “свои” кадры, как ему заблагорассудится. Как бы энергично мы ни старались, нам так и не удавалось оторвать его от явно плохих элементов руководства (Серра Памисес, Коломер). Причины этого явления надо будет внимательно изучить.

В национальном вопросе основная ошибка ОСПК заключалась в следующем: она не понимала, что ее задача, как каталонской партии – бороться с ограниченным национализмом каталонских мелкобуржуазных политиков, с тем пораженчеством и предательством, которое постоянно таилось в каталонских партиях, и с их интригами. КП Испании могла подменить собою ОСПК в выполнении этой задачи, не задев чувствительных каталонцев. Если бы ОСПК встала на этот путь, ее популярность выросла бы до громадных размеров, потому что каталонские массы были против капитулянтов и интриганов. Но руководство ОСПК так и не пошло по этой дороге. Оно, и в особенности К.¹¹, никогда не хотели открыто бороться с пораженчеством и с интригами каталонских партий. Наоборот, между руководством ОСПК и каталонскими политиками, даже самыми худшими (Таррадельяс), всегда существовала молчаливая солидарность в борьбе против правительства национального единства. В моменты наибольшей политической напряженности кадрам ОСПК приходилось искать ориентирующих указаний в центральном органе коммунистической партии. В августе 1938 г. мы убедились, что К. участвует в интригах тех, кто подготовлял кризис. В определенный момент ему пришлось забить отбой, и каталонские политики обвинили его в “предательстве”. Негрин, знавший всю подоплеку, не хотел больше иметь с ним дела, и отношения ухудшились. На протяжении всех последующих месяцев мы должны были играть роль посредников во всем том множестве вопросов, которые возникли между правительством Республики и Генералитета и, поскольку мы отстаивали права Каталонии и сердечное сотрудничество между обоими правительствами, положение наше было очень трудным, а К. постоянно занимал двумысленную позицию. Мы знали, что Эскерра в согласии с левореспубликанской партией (Искиерда Републикана), Бестейро и др. готовила новый кризис и поэтому до конца не хоте-

ла входить в правительство, какие бы уступки и предложения ей ни делались. Все это, правда, не означает, что между К. и руководством Эскерра не было борьбы. Наоборот, борьба была и к тому же ожесточенная. Сделанная в декабре 1938 г. попытка заключить пакт между ОСПК и Эскерра республикана де Каталунья окончилась неудачей. В первые дни фашистского наступления Эскерра предприняла грубый маневр, чтобы вытеснить К. и ОСПК из Хенералидад¹² (Таррадельяс внес неприемлемое для ОСПК предложение о возвращении всех домов в Барселоне и во всей Каталонии их бывшим владельцам; кризис был предотвращен благодаря тому, что Компанис в последний момент изменил свою позицию и встал на точку зрения ОСПК). Но борьба между К. и Таррадельясом, между руководством ОСПК и руководителями Эскерра всегда носила характер борьбы между сообщниками.

В отношении анархистов ОСПК в целом занимала сектантскую позицию, относилась к ним презрительно, недооценивала их силу и совершенно игнорировала работу в профсоюзах НКТ. Но, с другой стороны, позиция ОСПК, и в особенности К., в экономических вопросах сильно отдавала анархистским влиянием (ревностная защита промышленных "колхозов", партикуляризм, мелкобуржуазный утопизм, демагогия). Систематическая и разумная борьба для подрыва базы анархизма не велась. По этой-то причине в крупнейшем промышленном центре страны – Барселоне, где профсоюзы каталонского ВРС играли весьма большую роль, находясь всецело под руководством ОСПК, нам так и не удалось завоевать большинство рабочего класса.

В каталонской деревне крестьяне получали во время войны гораздо меньше, чем крестьяне в остальной Испании, потому что разделено было мало земли, поскольку Каталония в своей значительной части была еще до войны областью мелкой и средней земельной собственности. К тому же крестьян совершенно лишили свободы организации и торговли, заставив их вступить в федерацию сельскохозяйственных профсоюзов, монополизировавшую на основе закона весь рынок и спекулировавшую, так сказать, за счет крестьян. Отсюда громадное недовольство и слабый энтузиазм в отношениях Республики. ОСПК могла бы, но не хотела исправить положение. На местах многие руководители партии, бывшие члены реакционных организаций, спекулировали, как и все другие. Впрочем то же самое было и в центре.

Народный фронт Каталонии, гораздо более слабый, чем испанский, и раздираемый постоянной решительной оппозицией анархистов, играл совершенно ничтожную роль, правда, несколько большую на периферии, чем в центре.

Наконец, в своей внутренней деятельности и в области своей связи с массами ОСПК обнаруживала гораздо больше слабостей и пробелов, чем КП Испании. Как ни слабы были кадры, они были исполнены громадной сектантской гордости ("Мы – руководящая монолитная партия, Эскерра уже не в счет, анархизм ликвидирован" и т.п.). Низовая организация, как общее правило, бездеятельная, время от времени собиралась, чтобы заслушать тот или иной отчет, и мало делала для реализации лозунгов партии. Сильно раздутый центральный аппарат работал плохо.

Повсюду было много скрытых врагов – франкмасонов, агентов Эскерры, троцкистов или людей, находившихся под влиянием троцкизма, и аферистов. Не было ясности и в отношении финансов ЦК: отсутствовал регулярный сбор членских взносов, немало было нечистоплотных афер и отсюда взаимный шантаж. Несмотря на все эти недочеты, можно было бы оздоровить партию, пользовавшуюся популярностью в массах, которые были на ее стороне, если бы в самом центре с самого же начала не стали идеализировать дефекты ОСПК, считая их “неизбежным” следствием того, что ОСПК являлась “объединенной” партией, а отнюдь не рассматривали их как отрицательный элемент, от которого следовало бы как можно скорее избавиться посредством критики и открытой борьбы. В этом-то и заключалась самая серьезная ошибка, допущенная и в руководстве ОСПК.

II

ПОРАЖЕНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ АРМИИ В КАТАЛОНИИ

Слабости армии

В сентябре, когда руководство партии подвергло анализу всю ситуацию страны, отчетливо обнаружилось, что наиболее значительные недостатки имеются в армии, особенно перед лицом совершенно несомненной перспективы в том смысле, что итальянские и германские захватчики собирались приложить максимальные усилия к разгрому республиканской армии в Каталонии и к занятию Барселоны и всей каталонской территории. Слабость армии объяснялась в особенности следующими фактами:

а) истощены были наилучшие ударные части (V армейский корпус, XV арм. корпус и др., потерявшие на Эбро¹³ свои наилучшие средние политические, военные кадры и большую часть своего боевого состава);

б) правительство запоздало с призывом новых контингентов, несмотря на то, что партия упорно настаивала на этом и что Совет министров принял ряд постановлений о призыве новых контингентов. Промедление это надо, мне кажется, приписать в частности ген. Рохо, который фактически продолжал игнорировать задачу современной организации больших резервов;

в) не хватало оружия, и это давало себя чувствовать с каждым днем все больше, несмотря на улучшение работы промышленности; имевшийся в наличии военный материал, в особенности артиллерийский, был до крайности изношен;

г) в армии отсутствовало единство, и это сказывалось в форме соперничества между восточной армией и армией Эбро; в частности, в этой последней наблюдались интриги и шла борьба на умаление престижа ее коммунистических начальников; существовало несколько сплоченных анархистских дивизий; между некоторыми коммунистическими командирами наблюдалось соперничество, лившее воду на мельницу врага (борьба дель Баррио, командовавшего 18 армейским корпусом, против Модесто и Листера и т.д.);

д) разлагающая работа троцкистов развивалась особенно в некоторых частях восточной армии и в частности в Х армейском корпусе (Тригерос) при более или менее открытом сообщничестве командующего восточным фронтом (Перка); в составе командования восточной армии и среди вспомогательных частей (саперы и т.п.) было много нежелательных элементов;

е) слаба была работа по сооружению укреплений, к которой относились пренебрежительно и которую игнорировали как Рохо, так и огромное большинство кадровых офицеров;

ж) к этому надо добавить, что после Мюнхена правительство смогло купить непредоставление Францией и Англией прав воюющей стороны ген. Франко только ценою отказа от услуг иностранных добровольцев. Увод иностранных добровольцев¹⁴ значительно ослабил армию Эбро: две ее дивизии (35 и 45) почти совершенно лишились кадров; это особенно относится к 35-й, которая была одной из наилучших воинских частей армии, но которая так и не оправилась;

з) все слабости армии повторились в центральной зоне еще в большей мере, чем в Каталонии. В центральной зоне число нежелательных элементов среди комиссаров и командиров было больше; дисциплина стояла на более низком уровне; борьба против коммунистической партии носила ожесточенный характер, в особенности на мадридском фронте (где ее вел социалистический комиссар Пинелас). Длительное бездействие частично разложило воинские части центральной зоны. На некоторых участках фронта бойцы и командиры жили довольно спокойно, не заботясь особенно о войне (анархистский IV армейский корпус в Гвадалахаре, войска на Андалузском фронте). Наилучшие войсковые части в центральной зоне находились на левантском фронте. На этом фронте чувствовалось непосредственное влияние работы Хесуса Эрнандеса¹⁵, но последнему не удалось изменить положение на других фронтах частью ввиду борьбы, которую против него вели, частью ввиду плохой организации его работы и непонимания стоящих перед ним задач.

Что касается каталонской армии, то среди ее кадров решающую роль играли члены партии и ОСПК: огромное большинство командиров и комиссаров были членами этих обеих партий. Но еще до начала большого фашистского наступления некоторые из них успели обнаружить большие слабости (Кампесино, Вега, Наварро, дель Баррио и др.). Почти все командиры были выходцами из милиции, выдвинувшимися за последние месяцы, и они с трудом справлялись с командованием порученными им новыми войсковыми частями (дивизиями и армейскими корпусами вместо прежних бригад и дивизий). Одновременно у них наблюдалась склонность к бюрократизации: они занимались в генеральных штабах, утрачивая непосредственный контакт с солдатской массой, являвшейся одной из положительных характерных особенностей милиции. Количественный рост республиканской армии тоже сопровождался ослаблением ее средних кадров, особенно в части маневренной способности и умения держать в своих руках бойцов во время сражений. На протяжении всей военной кампании в Каталонии армия

противника отличалась большой маневренной способностью, это относится и к самым мелким ее единицам – т.е. как раз тем, что почти совершенно отсутствовали у наших войсковых частей.

Помнится, я в свое время сигнализировал эти слабые места армии, как один из моментов, внушавших наибольшее опасение. Все проблемы, касающиеся укрепления армии, ставились в порядок дня работы партии, но достигнутые результаты не меняли коренным образом положения.

Оценка, которую давал армии, ее мощи и боеспособности тов. Са. при наших неоднократных встречах с ним и в особенности на заседании Политбюро, состоявшемся перед окончанием операций на Эбро, в присутствии Пепе, Долорес, Комореро и др., была довольно, и я сказал бы даже очень оптимистичной. Его вывод был таков, что армия в состоянии выдержать любую атаку врага. Я полагаю, что тов. Са судил об армии, не учитывая ее реальное положение. С другой стороны, мне кажется, что он питал слишком большое доверие к ген. Рохо и недостаточно критически относился к работе последнего. Информация тов. Са. о состоянии армии оставалась такою же оптимистичной вплоть до потери Таррагоны и Сервера.

Отсутствие реальной помощи каталонской армии со стороны армии центральной зоны

С самого начала операций на Эбро, предотвративших падение Валенсии в июле 1938 г., каталонская армия не получала от войск центральной зоны никакой помощи. Это было результатом не только общего состояния войсковых частей центральной зоны, но также и результатом саботажа и пагубных действий ген. Миаха и др. представителей высшего командного состава в центре.

Между тем помощь могла быть двоякой: а) организация внушительных наступательных операций в центральной зоне или б) своевременная присылка значительных сил (одного–двух армейских корпусов) из центральной зоны в Каталонию.

Республиканский генеральный штаб ориентировался в сторону первой возможности. Так, проектировалась наступательная операция внушительных размеров, которая должна была развернуться на южных фронтах (Эстремадура, Андалузия, Средиземноморское побережье) и которая, увенчавшись она успехом, могла бы коренным образом изменить исход войны. Но произошло обратное. План заключался в повторении в других условиях того, что удалось при взятии Теруеля, т.е. в предотвращении наступления противника посредством неожиданного удара, который позволил бы расстроить весь его план. Надо было атаковать при содействии флота и с помощью вооруженного десанта с моря в направлении Мотриля между 8 и 11 декабря, причем за этой операцией должна была последовать, спустя несколько дней, энергичная атака в Эстремадуре в направлении на Сафру с тем, чтобы перерезать дорогу Севилья–Бадахос, что практически разрезало бы надвое территорию врага.

Мотрильская операция не состоялась: транспорты с войсками получили приказ (кстати, он был дан после целого ряда противоречивых те-

леграмм, которыми обменялись разные военные руководители) вернуться на исходную базу, когда они уже находились в море. Сейчас не может быть никаких сомнений, что мы имели дело с актом саботажа и предательством, причем его истинного инициатора следует искать в числе трех ответственных за все это дело (Миаха, Рохо, Матальяна¹⁶). Более чем подозрительную роль сыграл командующий военным флотом Убиета. Мы допустили ошибку, удовлетворившись тогда объяснениями, которые нам были даны (недоразумения между Миаха и Рохо, между Миаха и Матальяна и т.п.). Нам следовало углубить вопрос и выяснить виновников, но это значило бы взять под сомнение преданность наивысших руководителей военных действий. Надо также сказать, что обо всей этой истории партия была информирована очень плохо и с большим опозданием.

Операция в Эстремадуре была намечена на 18 декабря. Но когда уже были сосредоточены на месте все силы, центральный генштаб изменил план, решив, что атака должна быть предпринята в гранадском направлении, а это заставило коренным образом изменить боевую диспозицию, перебросив целую армию с одного фронта на другой по очень скверным дорогам. Когда все было подготовлено для атаки на Гранаду, произошла новая перемена: центральный ген. штаб отсоветовал предпринимать гранадскую операцию, но предоставил ген. штабу центральной зоны по своему усмотрению предпринять операцию там, где он сочтет целесообразным. Генштаб центральной зоны снова высказался за Эстремадуру; войска опять переброшены – на сей раз в неслыханном беспорядке – и атака совершилась только 5 января, т.е. спустя 13 дней после прорыва фронта на Сегре, когда враг уже одержал в Каталонии весьма важные победы.

Несмотря на это, противник был захвачен врасплох, и операция могла бы иметь значительное влияние, если бы после прорыва фронта и первого успеха смело сманеврировали, бросив все силы в пробитую брешь и решительно продвинувшись (как поступила фашистская армия в Каталонии) во фланг и в тыл врагу, в неукрепленный плохо защищенный район, где мы встретили бы поддержку у партизанских отрядов и откуда мы могли бы непосредственно угрожать Севилье – с одной стороны, и дороге на Бадахос – с другой. Это не было сделано ввиду неспособности и нерешительности командования и в частности командиров корпусов и дивизий. К сожалению, они были в своем большинстве коммунистами (член Политбюро Картон, Маркина, Торраль и др.). Они стали препираться, задерживать тех, кто хотел смело идти вперед (Рекальде), топтаться на месте и дали врагу время подтянуть местные резервы, снять кое-какие силы с других фронтов (Леванте) и отбросить нас на исходные позиции. Эстремадурская операция – это одна из упущенных республиканской армией наилучших возможностей нанести врагу весьма серьезный удар. В том виде, в каком она развернулась, она не оказала никакого влияния на ход операции в Каталонии.

Частичная ответственность за эту неудачу ложится также на комиссара всей армии центральной зоны Хесуса Эрнандеса. Он не был на месте в период подготовки, прибыл в самый день начала операции и уехал

два дня спустя в критический момент, когда его присутствие было как нельзя более необходимо. Политбюро решило послать туда Долорес, но она не могла уже ничего изменить, так как было поздно.

Что касается отправки в Каталонию войск из центральной зоны, то решение в этом смысле было принято с большим опозданием, проведено было опять-таки с опозданием и плохо: была послана одна дивизия самое большое. Вместо того, чтобы перебросить в Каталонию целые войсковые части и к тому же из лучших, вместе с генеральными штабами и т.п., туда послали бойцов, набранных со всей армии (тех, кто об этом просил, а следовательно, преимущественно каталонцев, которые записывались потому, что хотели повидать своих близких). Разумеется, каждый командир отпускал только худших. Первые тысячи бойцов прибыли в Барселону уже после падения Тарагоны, и значительная часть их успела дезертировать, даже не добравшись до фронта. Бригада, которой была доверена оборона Сиерры де Гарраф (предпоследняя оборонная линия столицы), бежала вся как есть при одном только приближении врага.

Каталонская кампания

После отступления армии Модесто на левый берег Эбро, в момент, когда фашистское наступление надо было считать неизбежным в ближайшее же время, соотношение сил между нашей армией и армией врага, готовившегося нас атаковать на каталонском фронте, было приблизительно следующим:

пехота	— один к двум;
артиллерия	— один к трем;
авиация — истребит.	— один к двум с половиной;
авиация — бомбардир.	— один к четырем.

Принимая во внимание, что мы оборонялись и что некоторые участки фронта были хорошо укреплены (11-й армейский корпус, 18-й А.К., 12-й А.К.), это соотношение сил не было для нас слишком неблагоприятным. При такой обстановке хорошая армия могла бы победно противостоять врагу, и с этой точки зрения оптимистическая оценка тов. Са. представлялась оправданной. Но дело в том, что, не говоря уже о присущих нашей армии органических дефектах, она была в тот момент особенно ослаблена указанными выше обстоятельствами.

Кроме того, когда фашистская атака развернулась, она оказалась более сильной, чем первоначально рассчитывали. Ожидали атаки силами 22-х дивизий. Между тем 7 января, спустя две недели после начала наступления, враг бросил в бой 22 дивизии, но имел в непосредственном резерве еще 4 дивизии и, кроме того, располагал для операций в Каталонии еще 5–6 дивизиями пехоты. Особенно подавляющим было превосходство вражеской артиллерии, а также быстрота, с которой противник маневрировал.

Республиканская армия сражалась хорошо (за исключением 12 корпуса Вега, который в первый же день после [2]-часовой атаки почти без боя бросил фронт) приблизительно 15 дней. В первых числах января на-

метилось падение боевого духа и дисциплины в 15-м армейском корпусе (Тагуэнья), а также в 24-м. 10 января состояние республиканских сил на фронте было таково:

X-й арм. корп. (анархисты)	– ?	
XI – “– (Маркос)	– 21–22 тысячи штыков;	
XVIII – “– (дель Баррио)	– 7–6	– “–
XII – “– (Галан)	– 6	– “–
V – “– (Листер)	– 10	– “–
XV – “– (Тагуэнья)	– 6–7	– “–
XXIV – “– (?)	– 7	– “–

(Нормальный состав армейского корпуса – 30–32 тысячи штыков)

С этого момента падение боевого духа и дисциплины распространилось на все войсковые части. Самые важные позиции сдавались без боя. Декрет о всеобщей мобилизации (12 января), с энтузиазмом встреченный народом, еще не мог дать результатов. Новобранцы массами устремились в воинские присутствия, но те, кого посылали на фронт, не получили никакой подготовки и лишь ухудшали положение, так как бежали первые. Правительство предложило партиям образовать батальоны добровольцев, но это дало лишь весьма ограниченные результаты, главным образом, потому, что все, или почти все, мужчины в то же время подлежали мобилизации. В эти батальоны посылали, главным образом, окопавшихся в различных государственных учреждениях, а они оказались ничего нестоящими солдатами. Армия, отступавшая между 20 и 25 января к стенам Барселоны, уже неспособна была сражаться, за исключением разве нескольких войсковых частей (XI дивизия). Двух дивизий, которые держал в резерве центральный ген. штаб, едва хватило на то, чтобы временно заткнуть несколько дыр. Решение вернуть на поле битвы интернациональные бригады, еще ожидавшие эвакуации (немцев, итальянцев, поляков и др.), было принято слишком поздно, да и они, брошенные в бой после падения Барселоны, тоже уходили с фронта, не сражаясь (в Ла Гаррига и после Хероны). Единственное хорошее, что они сделали, было то, что они держали в своих руках дороги между Фигерасом и французской границей в течение двух последних недель при отступлении арьергарда.

Город Барселона тоже мог бы, пожалуй, продержаться несколько дней, если бы а) население было мобилизовано на оборону и б) если бы не имели места акты, которые можно объяснить только предательством и саботажем.

А) Что касается первого пункта (мобилизации населения), то в Барселоне наблюдались некоторые симптомы, которые в течение последующих двух месяцев возобладали в центральной зоне.

Это, прежде всего, сильная усталость масс – как тех, которые всегда шли за нами, так и тех, которые шли за другими партиями. 25 декабря митинг, созданный известнейшими анархистскими лидерами Каталонии (Капдевилля, Оливер и др.), пришлось отменить, так как на него явилось... 6 человек – случай, не имеющий прецедента в таком городе, как Барселона. Массы националистской мелкой буржуазии не проявля-

ли никакого оптимизма на протяжении всей военной кампании. Беспартийные массы были равнодушны, а подчас и враждебны тем, кто проповедовал и организовывал сопротивление. Бригады молодежи, воздвигавшей баррикады, встречали сопротивление со стороны групп женщин из народа, которые со слезами вырывали у них из рук лопаты и кирки. Нервы барселонских жителей были истощены лишениями, недоеданием, постоянными бомбардировками т.п. Что касается ОСПК, то ясно было, что ее мнимое господствующее положение в Барселоне являлось иллюзией.

Руководство разных партий отказывалось от каких бы то ни было эффективных совместных действий. Выпускали манифесты и этим ограничивались. В рядах каталонского народного фронта – еще за 10 дней до падения города – шла борьба за то, чтобы вызвать кризис в совете Хенералида. Барселонский муниципалитет не хотел собираться чуть ли не вплоть до самого вступления итальянских войск, а когда он уже собрался 25 января, то на заседание явились только члены ОСПК (8) и четверо других советников муниципалитета (представители каталонских партий). Все прочие уже сбежали. Анархистские профсоюзы выступали с воззваниями в печати, но никакой эффективной работы не вели. Их руководство дезертировало в числе первых. В секторе каталонских партий не было ничего, кроме деморализованности, паники и интриг.

У компартии не было отдельной организации в городе. Партруководство решило работать сообща с руководством ОСПК. К тому же испытанные коммунистические кадры были предоставлены в распоряжение ОСПК (органы ЦК, городской комитет, районные комитеты и т.д. и т.п.), тогда как большинство товарищей, которыми мы могли располагать, было отправлено на фронт. Но это не дало больших результатов.

Все недостатки ОСПК и в первую голову ее руководства проявились со всей силой. Первая речь К. в первых числах января – а ведь К. должен был ориентировать всю партию и все население – была политически ошибочной. Он не сделал упора на необходимость мобилизации всех до последнего для борьбы с врагом: упор им был сделан на упреки по адресу правительства Негрина, чуть ли не в духе всех каталонских партий. Этим К. только внес свой вклад во всеобщую деморализацию и разброд. Его вторая речь перед аудиторией, состоявшей из партийных кадров, была, правда, выдержана в духе правильной политической линии, но слаба по тону, лишена энергии и энтузиазма. К. проявил личное мужество и ушел из города, когда итальянские танки уже появились на площади Каталунья, но его политические недостатки, его недоверие к руководству компартии, его ограниченный национализм, его чрезмерное доверие к гнилому аппарату своего министерства, – все это вместе взятое не дало ему сыграть ту роль, которую он мог и должен был выполнить. Несмотря на наши упорные настояния, нам так и не удалось добиться того, чтобы он установил непосредственную связь с народом, проводил митинги на улицах, ходил на предприятия и выступал там перед рабочими, отправлявшимися рыть окопы. Он выслушивал наши со-

веты, делал вид, что принимает к сведению наши директивы, но не боролся за их реализацию, и все руководство вместе с ним отдавалось на волю пораженческого течения.

Часть членов руководства оказались трусами. Секретарь организации Вальдес, очень плохо работавший несколько дней (он был больше занят эвакуацией семейства в сторону границы, чем борьбой), когда враг стал бомбардировать город каждые 30 минут, закатил постыдную истерику в доме партии на глазах у всех и его пришлось эвакуировать на границу. Близ Фигераса, 10 дней спустя – новая бомбардировка и новая истерика: Вальдеса эвакуировали во Францию. Видиелья больной и неспособный работать тоже был эвакуирован в первые же дни. Руководители ВРС, Форрер и Молинеро оставались до последнего дня, но неспособны были работать. Им не удалось мобилизовать массы членов профсоюзов ни на фортификационные работы, ни на уличные бои. Секретарь агитпропа – Ардиака, когда положение ухудшилось, решил выехать за 40 километров в деревню. Вернувшись по постановлению Секретариата, он не сумел даже обеспечить ежедневный выход органа партии. Коломер (старик) вел себя как троцкист и агент врага. В согласии с секретарем К. (неким Тона) он стал выпускать в Барселоне в первых числах февраля в качестве “теоретического органа” ОСПК журнал чисто троцкистского содержания, изъятия которого из обращения я потребовал. Средние кадры профсоюзов почти сплошь оказались слабы и значительная часть их тайком, вместе с семьями, покинула город за несколько дней до его падения.

Из числа хорошо работавших следует упомянуть т. Аскар, занявшее место Вальдеса на посту секретаря Орготдела, и т. Долорес Пьера, которая сумела мобилизовать партиеков на работу на улицах и на рытье окопов. К ним же можно отнести и секретаря барселонской организации Муни, хотя он и был слаб по части организационной работы.

Партийный комитет Барселоны работал до последнего момента, но его связь с населением была слаба и недостаточна при такой серьезной ситуации. Районные комитеты функционировали плохо. Еще за 10 дней до конца число товарищей, которыми каждый из них располагал для работы, начало стремительно сокращаться, а в последние дни в некоторых районах работали только по двое или по трое товарищей (женщины).

Эта слабость партии в Барселоне может быть объяснена только проникновением даже в ряды партии деморализующего влияния врага. Влияние это проникало через масонские связи и через каталонские партии. Кроме того, нельзя отрицать и наличия троцкистского влияния, препятствовавшего пониманию роли рабочего класса и его организаций в борьбе за оборону страны от чужеземных захватчиков.

В последний день на фортификационные работы удалось мобилизовать едва 10 тысяч рабочих.

Положительную роль сыграла организация молодежи, где советником был Каррильо, а руководителем молодой Коломер.

Б) Что касается саботажа и предательства, то самым опасным был тот факт, что центральный ген. штаб совершенно ничего не предприни-

мал для укрепления города. Планы в этом смысле были выработаны еще в августе месяце, но для их реализации не делалось ровно ничего. Когда мы начали посылать сотни и тысячи рабочих на фортификационные работы, военные власти стали отсылать их назад и пришлось вести форменную борьбу, чтобы добиться организации их работы. В этой области все пришлось организовывать руководству партии (подыскание грузовиков, розыски инструментов для земляных работ, продовольственное снабжение и т.п.).

Наконец, непосредственной причиной падения города явились распоряжения, отданные ген. штабом 24 и 25 января. Согласно этим приказам полковнику Модесто, отступившему в этот сектор, не полагалось интересоваться обороной Барселоны, доверенной старому ген. Сарабиа, республиканцу, масону и идиоту. Войска Модесто должны были поступить в распоряжение этого генерала на весь период их пребывания в барселонской зоне, но “боевой” приказ, данный Сарабиа в ночь на 25-е, предусматривал уже уход войск и эвакуацию города, хотя еще не было сделано ни малейшей попытки приступить к обороне. Той же ночью получили приказ покинуть город две тысячи бойцов штурмовой гвардии, отлично вооруженных винтовками и пулеметами и располагавших бронированными автомашинами. Это вконец деморализовало жителей и их обуюла папика. Кто дал этот приказ – еще не удалось установить. Сарабиа утверждает, что распоряжение было отдано министром внутренних дел, а тот это категорически отрицает. Отсюда следует, что имелся заранее составленный и выполненный капитулянтами предателями план сделать невозможной какую бы то ни было оборону каталонской столицы и в особенности предотвратить уличные бои.

Надо добавить, что предпринятый противником маневр окружения Барселоны развивался с стремительной быстротой. Едва итальянцы вступили в город, как дорога из города на север была уже отрезана фашистской артиллерией и моторизованными отрядами. Руководство партии, пребывавшее в городе до последнего момента, спаслось прямо-таки чудом.

Крушение государственного аппарата

После Барселоны государственный аппарат совершенно развалился, им овладели хаос и невиданная паника. Негрин распорядился эвакуировать министерства в район Херона–Фигерас и посоветовал всем политическим руководителям уехать. Это было за 8 дней до катастрофы. Но ни он, ни кто-либо из других министров не приняли никаких практических мер, чтобы организовать эвакуацию и наладить работу руководящего аппарата. Началось беспорядочное бегство: бюрократы увозили на грузовиках все, вплоть до письменного стола и чернильницы, не говоря уже о кроватях, матрацах, женах, детях, подругах и т.д. Это трагикомическое зрелище деморализовало весь город. В течение 10 дней дороги к границе были забиты такими обозами. В зоне Херона–Фигерас ничего не было подготовлено, и вся эта масса расположилась лагерем в деревне и на дорогах вокруг замка Фигерас и в самом замке – временном центре правительства – и заодно центре самого плачевного ха-

оса. Ни телефон, ни телеграф, ни железная дорога, ни автотранспорт, ни полиция, ни военный комиссариат – ничего больше не функционировало. Аппарат, состоявший из карабинеров и штурмовой гвардии, созданный на случай такой возможности в качестве последнего резерва правительства, растаял. Карабинеры принадлежали к числу организаторов паники. Штурмовая гвардия держалась несколько дольше, но затем и она испарилась. Исчезли также новобранцы, находившиеся при воинских присутствиях, и те небольшие резервы, которые еще существовали. Только ген. штаб сохранил минимум работоспособности и аппарат по связи с фронтами, но и он функционировал с громадными трудностями и недостатками. С таким арьергардом, охваченным полным разложением и то и дело впадающим в панику, армия тоже не была более боеспособна. Но несмотря ни на что, она еще оказала сопротивление врагу перед Гранольерсом (XI дивизия) и вокруг Хероны, а затем отступила в относительном порядке, систематически и планомерно разрушая дороги, мосты, огнесклады и т.д. и т.п. Таким образом она облегчила эвакуацию во Францию гражданского населения и почти всего вооружения.

Негрин был совершенно выбит из колеи. По собственной инициативе он не принимал никаких конкретных организационных мер. Но он не мешал принимать их нашей партии. Каждый день, каждый час ему приходилось иметь дело с Советом министров, “заседавшим” почти непрерывно, с наступлением капитулянтов, какими теперь стали совершенно открыто все министры, за единственным исключением Урибе. Министр труда – член ОСПК т. Мойя¹⁷ не нашел ничего лучшего как расплакаться на заседании Совета министров, где Негрин, огласив подлое письмо Рохо о наших друзьях, потребовал вотума доверия, который представил бы ему возможность определить – когда правительству следует отправиться в центральную зону. Другие министры, президент республики, почти все руководители всех прочих партий, военные руководители-некоммунисты и др., – все сплошь требовали, чтобы Негрин положил конец войне, признав, что дальнейшее сопротивление совершенно невозможно, и попросил Францию и Англию о вмешательстве, чтобы добиться от Франко “почетных” условий... Каковы могли быть эти условия, никто не знал, да и не говорил: вообще думали о свободной эвакуации из центральной зоны нескольких тысяч скомпрометированных руководителей и больше ни о чем. В этом же духе оказывали нажим Франция и Англия и их давление выражалось в ультимативной и грубой форме (они угрожали закрыть французскую границу и дать Франко возможность взять в плен всю армию; кроме того, они пригрозили объявлением эмбарго на все находившееся во Франции оружие, предназначенное для Испании). Ясно было, что Негрин сам тоже потерял веру в дальнейшую борьбу, но он еще держался своей старой политической линии – линии сопротивления. Из этой-то ситуации родились три пункта¹⁸, сформулированные в Фигерасе, и вотум доверия Негрину, принятый кортесами на основе этих трех пунктов. Здесь был, впрочем, двусмысленный момент: для Асанья, республиканцев, социалистических лидеров, Рохо и кадровых военных три пункта, принятые в Фиге-

расе, означали базу для франко-английского дипломатического вмешательства и они хотели, чтобы испанское правительство просило об этом. Негрин не принял эту вторую часть и не реагировал на предложения о посредничестве, которые к тому же не имели под собою никакой конкретной почвы и были только предложениями просто-напросто капитулировать. Это обстоятельство две недели спустя дало Асанья повод отказаться от возвращения из Франции в центральную зону, причем он заявил, что “не были соблюдены условия, насчет которых существовала договоренность между ним и правительством”.

Противоречивым моментом в позиции Негрина было то, что, платонически отстаивая сопротивление, он ничего не делал для того, чтобы его организовать. Его серьезнейшая вина заключается в том, что в последние дни в Фигерасе он не распорядился отправить в Валенсию и Мадрид по крайней мере часть оружия, которое к нам прибывало.

В этот период партия работала в чрезвычайно трудных условиях, но работала до последнего момента. Центр компартии обосновался в помещении ОСПК в Фигерасе, где мы и функционировали. Это было неблагоразумно, но необходимо в момент всеобщей разрухи. Центр ОСПК расположился в деревне Эспанелья. В дальнейшем мы переселились в замок Фигерас и в Агульям (последняя резиденция правительства). Наши главные задачи носили практический характер: установить прежде всего порядок на дорогах, чего мы сумели добиться (в большей или меньшей степени) с помощью авиационных частей. Вести борьбу с паникой посредством агитационной работы (митинги, уличные демонстрации, издание органов партии в Хероне и Фигерасе, радиовещание, стенные газеты и т.п.). Восстановление в каждом городе и деревне муниципальных советов в составе смелых людей, членов партии, вместо тех, кто успел убежать. Помощь в деле постройки укреплений. Попытка организовать возвращение солдат, уходящих с фронта. Оказание помощи работе военного аппарата. Посещение фронта. – При этом мы придерживались такого метода: мы старались повсюду ставить своих людей (комендантов населенных пунктов, начальников заградительных отрядов на дорогах и т.д. и т.п.), не спрашивая ни у кого разрешения, а поскольку мы были единственными, работавшими и не боявшимися, нас слушались. Члены Политбюро, которые там были (Хиорла, Михе, Антон, Мансо), работали сплошь. Что касается ОСПК, то ее руководство держалось более или менее в тени и занято было главным образом эвакуацией во Францию разных ценностей, но группа средних кадров во главе с итальянским товарищем Федели с упорством и энтузиазмом работала и боролась до последнего момента. С ними был и старик Арландис, который был потом убит авиабомбой в Фигерасе. Кадры местной организации ОСПК работали лучше, чем функционеры барселонской организации. В эти дни мы получили наглядное доказательство того, что ОСПК в низах была гораздо лучше, чем сверху, в руководстве.

Целиком поглощенные этими конкретными организационными задачами, движимые до последних дней надеждой или иллюзией возможного исправления ситуации нашими собственными силами – что могло бы помешать утрате всей Каталонии – мы совершили тяжкую полити-

ческую ошибку: мы не учли реального положения и не осознали свое- временно и во всем их объеме последствий поражения. Еще ночью 27 января тов. Са.¹⁹ сказал нам (в беседе с Антоном и Альфредо), что, по его мнению, армия не сможет больше держаться, что Каталония без- временно потеряна и что ввиду этого он считает невозможным сопро- тивление центральной зоны и находит, что катастрофа там тоже неиз- бежна. Таково было мнение всех кадровых военных – коммунистов и некоммунистов. Мы не учли этот факт. Надо было изменить постанов- ку перед массами и другими партиями проблемы сопротивления, изме- нить язык и аргументацию. Эта необходимость не была нами понята. Мы были поглощены работой, будучи почти совершенно изолированы. Нам не удалось обнаружить в Фигерасе ни работы народного фронта, ни комитета связи с испанской СП. Руководство ВРС функционировало только благодаря усилиям коммунистов. Мы объясняли этот факт тру- состью других, не видя, что помимо трусости есть еще и политическая проблема, которую нам следовало рассмотреть и своевременно разре- шить. Это имело серьезные последствия для всей нашей дальнейшей де- ятельности. Теперь я вижу также, что нам следовало начать переброску руководства в Мадрид и не возражать против перевода хотя бы части правительства в центральную зону до полной утраты Каталонии.

Предательство и саботаж

Я уже говорил о той роли, которую измена сыграла в деле сдачи без боя Барселоны. Изолированные акты предательства имели место на всем фронте на протяжении всей кампании, но трудно было в каждом отдельном случае сказать, имеем ли мы дело с предательством или только с неспособностью и трусостью. Вне всякого сомнения в аппара- те военной промышленности практиковался саботаж; только им можно объяснить, что поезда, груженные оружием и военным снаряжением, об- наруживались отступающими войсками в таких пунктах, где никто не подозревал об их существовании. Паника, зачастую возникавшая в тылу, тоже в ряде случаев была вызвана враждебной работой пятой колонны (особенно на побережье у Пуэрто де ла Сельва Паланос и в Кальдета- се, где был брошен важный материал). Остается выяснить, не было ли саботажа во всем проведении военной кампании. В частности встает проблема о лояльности Рохо.

Рохо всегда представлял для нас загадку, но несмотря на оговорки и сомнения, которые нам внушали его происхождение, его связи и его прошлое, партия кончила тем, что стала оказывать ему доверие. Рохо умел с большим искусством всегда культивировать отношения с парти- ей. Как это ни странно, но каждый раз перед какой-нибудь военной ка- тастрофой Рохо делал шаг навстречу партии. В 1937–1938 гг. перед вто- рой фазой теруэльских операций он заявил, что единственной партией, в которую он мог бы вступить, является коммунистическая. В 1938 г. накануне фашистского наступления его сын просил дать ему партбилет, а сам Рохо обратился к Негрину за разрешением вступить в коммуни- стическую партию (Негрин ему отказал). Если учесть, что в то же са- мое время он покрывал самые подозрительные элементы из всей армии

(Муэбра, Гаррихо), афишировал свою дружбу с генералом Асенсио — этим заклятым врагом партии — и дезорганизовал генеральный штаб, то его прокоммунистические заявления представляются по меньшей мере странными.

Изучение военных операций с января по март 1938 г. (потеря Теруэля, прорыв арагонского фронта) заставляет подозревать вредительские действия со стороны центрального генштаба (неправильное размещение резервов, истощение армии излишними перебросками, изменение боевой диспозиции пред лицом наступления врага, цель которого была уже совершенно ясна). Но эти ошибки можно также объяснить деморализованностью, вызванной в генеральном штабе пораженчеством военного министра (Прието).

Во время сопротивления в Леванте (май—июль 1938 г.) влияние Рохо было направлено в неверную сторону. Вместо того, чтобы сосредоточить усилия на организации укрепленной линии для сопротивления, Рохо советовал посылать на фронт в открытое поле армейские резервы небольшими отрядами, что не могло не вести к их истреблению. Только когда изменили тактику, удалось остановить врага.

Рохо несет непосредственную ответственность за провал военных операций в Эстремадуре. Другие факты надо еще рассматривать. Остаются непонятные предложения, которые он сделал при посещении центральной зоны: сократить наличный состав бригад до 1700 чел., распустить единственный батальон подрывников, имевшийся в Мадриде, и единственный батальон понтонеров, существовавший во всей центральной зоне. Непонятной остается цель его поездки на Менорку в такой момент, когда на море было неспокойно (октябрь? 1938 г.). Весьма подлую роль сыграл он в деле назначения комендантом Менорки предателя Убиета (сдавшего остров Франко) вместо надежного и смелого Брандариса, который стал бы защищать остров.

В Каталонии в 1939 г. Рохо придерживался такой же тактики, какую он рекомендовал в Леванте в 1938 г. Армия истощивала свои силы обороной целого ряда позиций, находившихся на небольшом расстоянии одна от другой и неподготовленных или плохо подготовленных заранее. Никакая серьезная работа по укреплению местности и сосредоточению свежих резервов на подготовленных прочных позициях не велась. В результате не только гибли люди и пропадало оружие, но и войсковые части, постоянно отступавшие и не видящие никаких шансов на реорганизацию и перегруппировку, очень скоро деморализовались. На протяжении всей кампании ни разу не делалось попытки маневрировать — быть может в виду отсутствия резервов. Открытие фронта в каком-нибудь одном пункте всегда означало, что фронт свернется на всем его протяжении. Ясно, что изучением проблемы должны были заняться военные техники. Не подлежит сомнению, что Рохо всегда игнорировал как фортификационные работы, так и подготовку резервов. 30 января в беседе с представителем Политбюро он цинично развил теорию о полной бесполезности укреплений.

Теперь мы знаем, что тотчас же после падения Барселоны Рохо предложил Негрину положить конец войне, дав всем начальникам ба-

тальонов письменный приказ поднять белый флаг и перейти к врагу. Но Негрин ничего не сказал об этом предложении ни нашей партии, ни тов. Са. На заседании совета министров 29 января и позднее генерал Рохо доказывал, что сопротивление невозможно и, оставаясь на своем посту и отдавая приказы, он ничего не делал для того, чтобы действительно спасти положение, которое он считал отчаянным. Как и все прочие, он находил, что дальнейшая борьба в центральной зоне невозможна и сообщил это свое мнение генералу Матальяна письмом, которое было перехвачено Негрином, через специального курьера. Генерал Матальяна пользовался у Рохо неограниченным доверием: в 1937 г. он был заподозрен в связях с врагом, но ничего конкретного не было доказано. Наоборот, Рохо афишировал презрение и ненависть к полковнику Касадо.

При анализе всей совокупности фактов и позиции Рохо в последнее время можно, мне думается, заключить, что он играл в политику “на двух столах” и не порывал связей с врагом. В какой мере он нас сознательно предавал в руководстве операциями, это можно установить только путем углубленного анализа военных операций компетентными людьми.

III

ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОРОТА КАСАДО. ТАКТИКА И ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ СО СТОРОНЫ ПАРТИИ

После падения Каталонии пораженческое и капитулянтское течение быстро взяло верх в центральной зоне, и вот по каким причинам и каким образом:

I. Большинство военных и политических руководителей потеряли полностью веру в возможность продолжать сопротивление. Общее убеждение было, что армия центральной зоны не могла оказать сопротивление в случае атаки врага, вследствие огромного превосходства последнего, вследствие нехватки вооружения, авиации, транспорта и вследствие органической слабости этой армии. Ожидали атаку 40 (?) маневренных дивизий, двумя крупными армиями, действующими по направлениям Гвадалахары–Таранкон и Толедо–Албасете с целью посредством окружения заставить сдать центральный фронт; и общую атаку по всем остальным фронтам. Наши силы были – всего 50 дивизий (см. приложенную таблицу). Все профессиональные офицеры, без исключения, включая и коммунистов, были того мнения, что невозможно было бы сопротивляться. Единственное исключение, известно мне, среди коммунистов – это был Синтат, который считал поражение и неизбежным, но считал возможным отступать с боем и таким образом продолжать борьбу в течение 40–50 дней. Кордон (суб-секретарь Министерства Войны) и Гидальго де Сионерос²⁰ (командующий воздушным флотом) при отъезде из Тулузы в Мадрид заявили нам открыто, что они не верят в сопротивление центральной зоны, также и Нумес Маца (суб-секретарь Авиации), и т.д. и т.д. (Мнение тов. Са., которого я видел последний раз в Перпиньяне, было, что сопротивление возможно, но при

условии переброски в центральную зону части армии и оружия, эвакуированных во Францию и по крайней мере часть оружия, которая находилась в пути). Также и среди командиров, выдвинутых из милиции, я думаю, что убеждение в невозможности больше бороться, было очень распространено. Это убеждение было общее среди кадров республиканской, социалистической и анархистской партий; в полиции и в государственном аппарате. Ставилась и обсуждалась проблема не о том, как организовать сопротивление, но о том, как закончить войну “с честью и достоинством”. По последнему вопросу мнения могли быть различными, так как одни думали лишь о том, как спасти свою собственную жизнь и свои деньги, а другие ставили общий вопрос: закончить войну при возможно лучших условиях. Но по одному пункту все были согласны: это была идея, что единственное препятствие для такого акта, который должен был бы положить конец войне, единственные “враги мира” – это коммунисты. Таким образом, пораженцы находили наконец способ для изоляции компартии от масс, то, чего они никогда не могли раньше добиться: антикоммунистический блок находил цемент в самом популярном лозунге: мир; другой цемент – страх. Так как не существовала граница, все (исключая партию) готовились к своему отъезду морским путем; каждый работал для себя, и все считали партию препятствием для общего бегства.

2. Среди масс усталость от войны и недовольство от страданий принимали конкретную форму глубокой общей надежды на мир. По всей стране ожидали какого-то нового факта, который положил бы конец войне. И больше не думали о победе республики. Предвидели и говорили открыто о победе Франко, о возвращении бывших буржуев и помещиков, но питали иллюзии, что если война кончится скоро, то можно будет избежать очень суровую репрессию. Будут наказывать тех, которые совершали преступления, – говорили по деревням, – но тех, которые лишь работали, не будут преследовать. Враги партии, предатели, 5 колонна поддерживали это настроение, и изоляция партии росла с каждым днем.

3. Среди солдатских масс на фронте положение было немножко лучше, чем в тылу; но дезертирство увеличивалось потрясающе. Каталонские солдаты особенно переходили к врагу для того, чтобы вернуться к себе домой. По всей линии фронта имели место 200 дезертиров ежедневно (к врагу). На фронте Леванта – 2000 дезертиров еженедельно в наш тыл. Работа комиссариата была парализована, исключая фронт Леванта, где работали хорошо, под личным руководством Хезус²¹ Эрнандеса. На постах командиров и комиссаров большинство были членами партии. Но мы не имели ни одного поста командующего фронтом, т.е. ни одной армии полностью в нашем распоряжении.

Декрет об общей мобилизации²² встретил оппозицию со стороны республиканцев, анархистов, кабальеристов; но партия с хорошей кампанией могла преодолеть эту оппозицию и мобилизация проводилась. Саботаж имел место в центре, где принимались новобранцы, и там работали страшно медленно, а большое число мобилизованных они объявляли неспособными к военной службе. К 1 февраля в приемных и подготовительных центрах (С.Р.И.М.) имелось 89 000 человек.

4. 5-я колонна работала почти открыто. Реакционеры и фашисты, оставшиеся скрытыми до тех пор, начали выходить из подполья, устанавливая связи с профессиональными офицерами и с реакционными государственными чиновниками. Повсюду создавались фашистские секции (фаланги), но вместо того, чтобы работать нелегально, как это они делали раньше (надписи на стенах, саботаж), они более или менее открыто создавали органы, готовые захватить власть в каждой местности. Директива Франко фалангистам была: делать все необходимое, для того, чтобы избежать беспорядка во время падения республиканских властей. И с этой именно целью 5-я колонна начала искать контакта с пораженцами и капитулянтами из республиканского лагеря. В частности на фронте Леванта эта разлагающая работа была довольно-таки развернута (особенно в Мурсии и в Картахене).

5. В этой среде работа пораженцев и капитулянтов приняла конкретную политическую и организационную форму. Ее опорными пунктами были, по степени важности:

а) Военные губернаторы и полицейский аппарат. Согласно конституции после объявления военного положения, власть перешла в руки военных властей, т.е. по всей территории в руки генерала Миаха и в каждой провинции и местности – в руки местных военных комендантов. Это были старые профессиональные офицеры, с очень сомнительной лояльностью, поставленные на эти посты, так как не могли доверять им какого-нибудь участка на фронте. Все они были убеждены в поражении и заботились о том, как спасти свою шкуру от преследований фашистов; они начали преследовать коммунистов для того, чтобы выслужиться и работать для того, чтобы открыть двери Франко. Положение еще больше ухудшилось тем, что Миаха передал власть начальника всей полиции полковнику Бурильо, бывшему коммунисту, франкомасону, питавшему злобную ненависть к партии. Самая большая доля в организационной работе для переворота Касадо была совершена Бурильо. Под руководством последнего штурмовая гвардия, которая была раньше доверенным корпусом партии, изменила свой вид и вернулась к своим старым традициям и к реакционным кадрам. Карабинеры, над которыми господствующее влияние имели капитулянтские социалистические кадры, очень легко могли быть мобилизованными в борьбе против партии. Военные губернаторы имели в своих руках цензуру печати. Создавалось таким образом положение, при котором настоящий аппарат власти был направлен против нас, в этой борьбе, которая не была больше глухой и скрытой, но открытой, ежедневной, и принимали меры для того, чтобы сразить нас в нужный момент;

б) В армии центр заговора находился в армии центра, у полковника Касадо, неспособного военного, который ответствен за потерю танков в Сарагоссе в октябре 1937 года и за продолжительную бездеятельность мадридского фронта, хитрого политика, связанного с НКТ, но который позаботился о своих связях с компартией в Мадриде. Все профессионалы ориентировались на него, он имел связи и пользовался престижем в армии Франко и был центром для работы агентов из-за границы. Миаха, полностью оглупевший вследствие пьянства и наркотических

средств, считался, по всей вероятности, Англией, в первый момент, человеком, который сможет повторить для всей центральной зоны удар на острове Менорке (см. английскую прессу за эти дни), но приезд Негрина помешал этому плану. Маталана²³ окружен профашистскими офицерами, помогал Касадо, но не очень компрометируя себя открыто;

в) Кадры анархистского движения, и в первую очередь ФАИ. Их работа состояла в том, что распространяли антикоммунистическое настроение, провоцировали разногласия на местной почве, распространяя все время слух, что коммунисты взбунтуются и захватят власть, саботировали работу комитетов народного фронта и устанавливали связь между профессиональными военными, готовящими переворот, и массами рабочих, крестьян и солдат, членов НКТ. В этой провокационной работе анархисты пользовались широко идеологией и языком троцкизма. В Мадриде накануне переворота именно анархистские акционные патрули были мобилизованы для наблюдения над партийными домами и для занятия стратегических пунктов города. Но они ничего необыкновенного не сделали. Синдикалистская партия (партия Анхеля Пестанья), которая считалась всеми (даже и национальным руководством НКТ), как притон провокаторов и которую никогда не допускали в народный фронт, играла в свою очередь в этот период, первостепенную роль;

г) Социалисты-кабальеристы и троцкисты, связанные с Бестейро. Пользуясь отсутствием руководства партии, оставшегося во Франции, социалистические руководители в Мадриде (А.С.М.) взяли фактически в свои руки руководство всей социалистической партии в центральной зоне. Их было в большинстве троцкистствующих кабальеристов, а некабальеристы среди них (Хенче²⁴) были также противниками КП. Соцпартия имела большей частью гражданских губернаторов, имела в своих руках почти всю военную полицию (С.И.М.), мадридскую полицию, карабинеров, и, посредством аппарата федерации сельскохозяйственных рабочих, давала линию большей части крестьянских масс;

д) Республиканские партии, которые сразу начали снова играть важную роль и открыто требовали теперь в печати всю власть для заключения достойного мира;

е) Иностранные агенты от 2 Бюро, из Интеллиженс Сервис и т.д., проникающие везде и особенно вокруг военных властей и Бестейро.

Изоляция партии

Когда я приехал из Тулузы в Мадрид (16 февраля 1939 года), положение было очень серьезное. Партия была изолирована. В последние дни сопротивления в Каталонии была получена в Мадриде последняя политическая декларация, принятая ПБ в Фигерас. Эта декларация соответствовала нашей ориентировке и работе в эти дни, отрицательные черты которой я уже отметил. Этот документ был очень резок в разоблачении слабостей правительства и особенно интриг и измены капитулянтов и подлецов. Главный удар наносился против Кабальеро, за то, что он удрал во Францию спустя два дня после падения Барселоны. Все это было хорошо и имело результат запугать организаторов заговора. Но в этом документе не было того тона, который нужно было взять по-

сле поражения, не было намека о новой проблеме, ставящейся перед массами после потери Каталонии, проблеме мира и его условий. Если такого рода документ был еще допустим, когда борьба продолжалась в Каталонии, в центральной зоне его опубликование должно было сделать партии больше плохого, чем хорошего. Цензура не разрешила его опубликование. ПБ решило и смогло напечатать массовый нелегальный тираж. Результаты: разрыв связей с соц. партией в ряде провинций, начиная с Мадрида, публичная резолюция народного фронта в Мадриде с осуждением и объявлением антиунитарной позиции компартии; в других провинциях партия была изгнана из народного фронта, так как другие антифашистские организации заявили, что они “несовместимы” с партией; военные власти в 2–3 больших городах приказали арестовать партийных руководителей. Среди масс партия не нашла энергичной опоры. И именно сам этот документ был представлен массам нашими врагами, как фактическое доказательство, что коммунисты не желают мира и что они готовятся сделать переворот для того, чтобы помешать заключению мира, подготавливаемого со стороны “разумных” политических людей и военных. Под влиянием этой пропаганды мы были представлены массам, как “партия войны”, борющаяся против “партии мира”.

Другие ошибки были совершены партией в этом направлении. Весь тон партийной конференции в Мадриде (в начале февраля 1939 года) был ошибочен, неприменим к ситуации, не считаясь никак с новыми условиями борьбы и с настроениями масс. Речь Долорес на конференции, ясная и резкая в разоблачении перед массами заговора капитулянтов, в атаке предателей, Миаха, Касадо, не была правильна и по существу не могла быть понята народом. А также эта речь была опубликована против распоряжений цензуры и обостряла нашу изоляцию от всех политических сил в Мадриде. За ошибочность линии этой конференции, я думаю, несет прямую ответственность Мо,²⁵ посланный в Мадрид после 27 января и который, в данном случае, проявил полную политическую пассивность и слепоту.

Руководство партии (Чека, Урибе, Долорес, Деликадо, Дизгес и Мо. в Мадриде) вместо того, чтобы оказаться во всеоружии перед лицом положения, находилось в состоянии как нельзя большей деморализации и дезориентации. Неделя уже, как Негрин приехал в центральную зону, а ПБ еще не могло говорить с ним. Отношения между Урибе (которого считали ответственным за это обстоятельство) и ПБ были крайне натянутые, до такой степени, что они делали невозможным сотрудничество. Арестованные в различных провинциях товарищи, с другой стороны, могли быть освобождены только после личного вмешательства Негрина. Всегдашние недостатки партийного центра (отсутствие оперативности, болтовня вместо действий, исключительная нервозность) показывали себя в самой высшей степени. Особенно не обращали внимания на вопросы о связи с массами. Например: сознавая слабость и изоляцию партии в Мадриде и трудности в улучшении положения митингами (запрещены) уполномочили Долорес помочь исправить это положение, устанавливая связь с заводами, посредством приема и разговоров с деле-

гациями рабочих с заводов, где Долорес устраивала раздачу продовольствия. Эта директива не была ни разу осуществлена. Партийная организация в Мадриде немножко улучшила свою работу в профсоюзах, но ее органические слабости продолжали существовать. С огромной самоуверенностью, сохраняя все время неправильное мнение, что партия имеет господствующее влияние в городе, коммунисты в Мадриде были больше чем когда-либо изолированы от масс и в организации начали замечаться те же самые симптомы ослабления, как в организации Барселонны (сокращение деятельности районных комитетов).

В это время партия занималась энергично и широко отправкой на фронт значительного количества наших кадров. Вот список посланных на фронт мадридской организацией кадров:

Провинциальное руководство партии, комис. пров. к-та	18
Руководство район. ком-тов	60
Муниципальных и провинциальных советников	10
Членов руководящих профсоюзных советов	150
Чл. контрольных комитетов, профсоюзных делегаций, ответственных в ячейках и т.д.	1000
ИТОГО:	1238

Такая же картина была во всех провинциях. Это было необходимо, но партийная организация ослабилась сильно в тылу, в то время, как в армии вновь прибывшие не играли еще значительной роли к моменту переворота Касадо.

Тов. Чека первый начал понимать, что нужно выйти из положения, исправляя прежде всего партийную линию, и согласился сразу с советами и указаниями в этом смысле.

Исправление состоялось в постановке открыто проблемы о мире, в заявлении, что мы также хотим мира, как и весь народ, но что мир не означает капитуляцию без боя и что это не значит предательство, что мир возможен на основе предложенных Негрином в Фигуэрос пунктов, но чтобы добиться признания последних, нужно будет продолжать сопротивление (резолюция ПБ от 22 февраля), сломить интриги капитулянтов, сохранить и укрепить единство и Н.Ф., и т.д.

Этот документ произвел огромное впечатление. Мы организовали одновременно контакт руководства с самым большим числом политических деятелей и военных руководителей, из всех партий для того, чтобы объяснить нашу точку зрения. Добились некоторых результатов. Были восстановлены связи с руководством (временно) соцпартии, заявившей, что происшедший инцидент по поводу резолюции в Фигерас ликвидирован. Компартия была снова допущена в Н.Ф., там, где она была исключена. Добились восстановления и функционирования национального комитета Н.Ф., который заявил о поддержке правительства и отклонил с большинством предложения анархистов заменить его "Хунтой", предложение, сделанное ФАИ и НКТ на собрании Н.Ф. от 1 марта 1939 года.

Но мы знали, что подготовка заговора продолжалась, и при таком состоянии вещей, с очень ограниченной и варварски цензурированной

партийной печатью, уверены в том, что любая массовая нелегальная публикация ускоряла атаку против партии, с нашими довольно-таки ослабленными связями с массами абсурдно было думать, что мы сможем справиться с положением лишь при помощи нескольких политических разговоров. Нужны были энергичные действия, конкретные меры против заговорщиков для того, чтобы сорвать их планы и предупредить их дело. Прежде всего мы имели право требовать от правительства Негрина этих мер.

Бездеятельность правительства. Соучастие Негрина?

Правительство не делало ничего. Министры (исключая Урибе, включая Мойш²⁶ из ОСПК) отказались сначала выехать из Тулузы в Мадрид. Приехав в центральную зону после того, как Негрин поставил решительно этот вопрос, они продолжали в Мадриде делать то, что они делали в Фигерасе: требовать заседаний кабинета министров, где они доказывали необходимость капитуляции, невозможность дальше сопротивляться, предлагали требовать англо-французского вмешательства и т.д. и т.д. Никакой практической работы они не вели. Часть их находилась в связи с теми, которые готовили заговор: это были, без сомнения, республиканцы, с ними Гонсалес Пенья, Паулино Гомес, Сегундо Бланко, т.е. все правительство, исключая наших и находящегося в Париже Дель Вайо. Но, участвуя в заговоре с предателями и принимая активное участие в антикоммунистической кампании, министры одновременно участвовали в кампании против Негрина, обвиняя его, что он ответствен за бездеятельность правительства.

Негрин никогда не сомневался в необходимости переезда его и правительства в центральную зону, но вера в возможность продолжать сопротивление у него отсутствовала. Весь его генеральный штаб был пораженческим. Рохо отказался приехать в центральную зону и пытался деморализовать Маталана. Единственно военные руководители-коммунисты подчинились приказу переехать из Франции в Мадрид. Негрин был очень озабочен финансовым положением. Несмотря на это, он после приезда в центральную зону сделал от имени правительства, чью резиденцию он установил в Мадриде, очень хорошие декларации. Первая ошибка была – установление резиденции в Мадриде, так как в Мадриде министерства не могли работать, и все знали, что как только противник начнет наступление, резиденцию правительства нужно будет перевести в более спокойное место (в Албасете или в Картахене). Но за декларациями не последовало никаких действий. Негрин начал разъезжать по всей стране, посещать всех гражданских и военных властей и, очевидно, терять время. Единственно положительная вещь, которую он сделал, это было отдача приказа нанести удар 5 колонне в Мурсии²⁷ и по всему Леванте, где положение находилось уже в полуоткрытом мятеже. Были арестованы 200 фашистов.

Но после первых еще контактов Негрин должен был добиться полного сознания о подготавливавшемся перевороте. Он созвал в Альбасете всех крупных военных начальников (центральный генеральный штаб, командующих фронтами, штаб военного флота). Но на это заседание не

были приглашены ни тов. Эрнандес (комиссар всех армий зоны), ни наш друг Сил. К концу заседания все присутствующие обязались не говорить ни слова о том, что там обсуждалось, и мы так и не узнали ничего об этом, исключая смутную информацию (Маталана), согласно которой все, все без исключения, отрицали возможность сопротивления. Намерения и интриги Касадо были сообщены президенту тут же после его приезда. Он имел с Касадо беседу, продолжавшуюся 5 часов. Он получил от Касадо большой пораженческий меморандум. Он посетил подполковника Мера²⁸ и оставался там 2 дня, посвятив половину дня посещению образцовых домов терпимости, организованных 4-м армейским корпусом в городе Гвадалахара. Он поехал в Валенсию, в Картаген²⁹ и на юг. Ни одна из этих поездок не дала конкретного практического результата. В центре не было какого-нибудь организма, который приказывал бы и принял бы инициативу. Вместо того, чтобы немедленно после дезертирства Рохо приступить к созданию генерального штаба, Негрин назначил Рохо лейтенант-генералом. Вместо того, чтобы снять и заменить Касадо, на основе исключительно изобильного материала, разоблачающего последнего (особенно отчет о заседании командиров армейских корпусов от 22 февраля, на котором Касадо открыто поставил вопрос о капитуляции), он назначил Касадо генералом. Он вошел в контакт с партиями Н.Ф., побуждая их к сопротивлению, но он избегал контакта с ПБ партии. В ночь моего приезда в Мадрид я присутствовал при телефонном разговоре, который он вел с Урибе и в котором он угрожал арестовать и расстрелять ПБ партии. 2 часа спустя он извинился, объяснил, что он это сделал для того, чтобы сделать демонстрацию перед министрами, с которыми он как раз имел бурную дискуссию по вопросу о лояльности нашей партии и лояльности мадридского Н.Ф. Для того, чтобы показаться беспристрастным, сказал он нам, он направил свою угрозу на обоих.

Положение еще больше осложнилось между 25 и 28 февраля, вследствие отказа Асанья приехать в Мадрид для исполнения своего президентского долга и вследствие все более ясной ориентации Франции и Англии к признанию Франко. Эти два факта имели больше значения для деморализации руководителей и народа, чем все предыдущие факты. Одни теряли перспективу возможности рассчитывать на существование "легальной" власти для того, чтобы иметь переговоры о мире, другие – теряли маленькую пользу международного положения. Несмотря на все, позиция, принятая правительством и Н.Ф. по вопросу об Асанья, была правильна и единодушна: пригласили его еще раз приехать и занять свой пост. Но интриги и подготовка переворота продолжались.

Чтобы кончить с Негрином, мое мнение, что он вел себя в течение этого месяца как человек, пытающийся выпутаться, лично он, из положения, которое он считал безнадежным, но не желающий изменить открыто ни нашей партии, ни своему собственному прошлому. Если он допустил предателей делать свои дела, это не только вследствие слабости и ошибочной политической ориентации, но также и потому, что переворот предателей являлся выходом лично для него, освобождая его от

ответственности. Его ненормальная жизнь и физический страх играли также свою роль. Нужно, с другой стороны, констатировать, что его позиция к нашей партии изменилась, когда партия исправила свою политическую линию. После опубликования резолюции от 22 февраля (которая в своем окончательном тексте была исправлена лично Негрином) он приступил к работе и дал свое согласие о многом, о чем наша партия его просила. Речь, которую Негрин готовился произнести 6 марта (составленная 5 утром Альфредом и секретарем президента и принятая последним), была очень хорошей.

Наша тактика

При таком положении, какая могла быть наша тактика? Что мы должны были делать? Могли ли мы для того, чтобы исправить беспомощность и бездеятельность правительства, принять по нашей инициативе, как партия, необходимые меры для предотвращения переворота силой? Этот вопрос обсуждался нами, когда мы видели, что положение ухудшалось с каждым днем. Я также просил совета по этому вопросу, но ответа не получил вследствие затруднений технического порядка. Наша ориентация, и моя в частности, была, что мы не могли идти по этой линии, по следующим соображениям:

Мы не находились в таком положении, как в Фигерасе, где все с глазами, обращенными к границе, позволяли нам делать все, считая нас немножко вроде сумасшедших. Здесь мы находились перед государственным аппаратом, гражданским и военным, мобилизованным против нас, и его враждебность и сопротивление можно было сломить лишь силой. Для такой насильственной операции мы не имели никакого возможного союзника, все были против нас. Мы должны были бы взять власть, как партия. Это означало политически, что партия принимала на себя ответственность о срыве народного фронта вооруженной силой. Все руководство партии было против этого. Кроме того, по моему личному мнению, имелось еще одно соображение, самое сильное, убедившее меня не советовать партии пойти по этому пути. Я был убежден на основании того, что я знал о партии и ее силе в этот момент, что мы потерпели бы поражение неизбежно и скоро, так как массы, дезориентированные и желающие единственно мира, не последовали бы за нами, и даже вооруженные силы, находящиеся под командой коммунистов, не подкрепили бы нас с нужной энергией и решимостью. Очень вероятно, что часть последних была против нас. И очень вероятно также, что большая часть партии поколебалась бы (уже в Алмерии, только из-за факта опубликования документа в Фигуэрасе, руководство партии раскололось, так как одна часть не одобряла и осуждала этот документ). Наоборот, мы все считали, что если Негрин задержится во главе правительства и даст возможность нам занять ряд решающих позиций, которые мы требовали от него, мы могли бы воспрепятствовать перевороту, или ликвидировать его быстрой борьбой, которая, в этом случае, имея характер борьбы для защиты правительства и Н.Ф., получила бы поддержку масс и армии. Возможность создания нового правительства народного фронта с новым человеком во главе его, мы этот вопрос даже не обсуждали: такого человека не было; Миаха, единственный, ко-

торый несколько месяцев раньше мог бы быть принят во внимание, был уже врагом. И, именно, невозможность найти другого шефа правительства и боязнь толкнуть Негрина в блок капитулянтов помешала нам открыто перед массами атаковать Негрина.

В этом смысле, впрочем, мы ориентировались на партию. Я повторяю: сохранить с самыми большими усилиями Н.Ф., покончить с изоляцией партии среди масс, подготовить партию оказаться быстро на высоте положения при любой ситуации (см. последние пункты резолюции от 23 февраля); ориентировать в этом смысле нашу военную организацию. Я не могу сказать с точностью, каким образом эта линия была сообщена конкретно всей партии. Я знаю, что Чека работал очень интенсивно, рассылая товарищей в различные провинции, где состоялись партийные конференции. В Мадриде партийное руководство было хорошо ориентировано. Военные кадры центрального фронта были в постоянном контакте с партией. Для организации военной работы в остальной части страны были направлены в Валенсию (резиденция военно-политической комиссии ЦК) Деликадо, Модесто и Листер.

Наши письменные предложения Негрину были вручены с большим опозданием (3 или 4 дня после моего приезда). По существу кроме реорганизации руководства армии, согласно советам наших друзей и организации рабочего центра при президенте, эти предложения предвидели назначение полковника Модесто командовать мадридской армией вместо Касадо, и назначение военных коммунистов командовать в городах Леванта (Валенсии, Аликанте, Мурсии, Картагене) и Альбасете, главный центр дорожных сообщений. Мы считали, что позиции обеспечены в Куэнке (гражданский губернатор-коммунист, в этой провинции находились резервные части под командой коммунистов) и в Эстремадуре (в этом районе находилась "группа" в резерве Торалья, коммуниста). В Альмерии мы имели уже военного командира-коммуниста.

Негрин не принял все, но принял многое, и, в конце, впечатление было, что он приступит к работе, опираясь на маленький аппарат министерства войны, руководимый Кордоном (коммунист) и на аппарат пропаганды (полностью в наших руках). Центр правительственной работы был перенесен в Левант, между Аликанте и Вилена, и партия перенесла свою руководящую ячейку (Чека, Долорес, Деликадо, Альфредо) в этот район, куда должен был переехать также и Н.Ф. Но в то время, как Негрин устроился далеко от обитаемых больших центров (в Ольде), мы остались вблизи Мурсии для того, чтобы иметь возможность опираться на немножко более сильную партийную организацию.

То, что Негрин не принял, это было назначение Модесто командующим мадридской армией и снятие и арест Касадо. Он решил назначить Касадо в генеральный штаб, а для мадридской армии назначил другого коммуниста, подполковника Буэно (второй корпус). Относительно Леванте, он дал нам самое важное (Альбасете, Мурсия, Картаген и Аликанте). Он дал Модесто командование одной маневренной армией (должна была быть организована). Листеру – Андалузский фронт. Я утверждаю, что если все мероприятия, на которые с опозданием Негрин согласился, были бы осуществлены, переворот Касадо был бы невозмо-

жен. Но здесь произошло первое серьезное и роковое явление ослабления кадров, на которое партия рассчитывала.

Подполковник Буэно отказался принять на себя командование центральной армией: мы теряли таким образом то, что должно было быть ключом нашей предупредительной акции. Мендиола, назначенный командующим Мурсией, отказался. Куртос, назначенный командующим в Альбасете – отказался. Пако Галан, назначенный командующим в Картахене, приехал в Картахену с опозданием на два дня, и не подчиняясь приказам партии, которая сказала ему вступить в город только во главе пехотной бригады, дала ему ее в его распоряжение (разговор с Галаном 4 марта после обеда, при участии Чека, Долорес и Альфредо), приехал на машине, без вооруженных сил, что дало возможность другим арестовать его. Вега, назначенный командующим в Аликанте, занял свой пост, но не принимал серьезных предохранительных мер и был арестован 6.VI после обеда маленькой группой из штурмовой гвардии.

Относительно Буэно, Мендиола и Куртос, ослабление может быть объяснено только их прямой или косвенной связью, вероятно по линии масонства, с военными, готовящими переворот. То, что потом случилось в Мадриде, обстоятельство, что Буэно был именно тот, который дал Касадо – 5-го и 6-го марта – людей из своей личной гвардии, поведение Мендиола, отказавшего Чека и мне в какой-нибудь помощи после нашего ареста, подтверждает это предположение. Относительно Галана и Вега, здесь, может быть, имеется лишь легкомыслие.

Накануне переворота, вследствие поведения Негрина, и начало ослабления среди одной части наших военных кадров, наш план предупредительного действия был осуществлен лишь в маленькой части, но самое важное не было осуществлено.

Кроме того, произошел очень неприятный факт. Все принятые Негрином меры были опубликованы в специальном номере “Официального журнала”. Этот номер содержал почти исключительно декреты о выдвижении и назначении коммунистов, начиная с выдвижения Модесто и Кордона (который подписывал все остальные декреты) в чин генералов, Листера – в чин полковника и т.д. и т.д. Провокаторы не сделали бы хуже. Этот номер был использован со стороны врагов, как фактическое доказательство, что коммунисты, в согласии с Негрином, готовились захватить всю власть. Другие утверждали, что в случае имеется подлог, сфабрикованный самой компартией и все это имело очень серьезные последствия в последующие дни.

IV

ПЕРЕВОРОТ КАСАДО И КОНЕЦ ВОЙНЫ

Так как принятые Негрином меры и как они были приняты, а также сообщение об его речи на 6 марта последовали тут же после сообщения об отставке Асанья и о признании Франко Францией и Англией, то они ускорили ход событий.

Имеющиеся теперь у нас информации устанавливают, что переворот Касадо должен был произвестись не только в Мадриде. Мятеж в

Картахене являлся неразрывной частью этого переворота. Эта констатация важна для характеристики касадистского движения. И на самом деле, в Картахене мятеж, начатый с антикоммунистическим и антиправительственным характером, принял сразу франкистский вид (знамя красное с золотом; пароль – Вива Франко! Ариба Испания³⁰) и мятежники обратились сразу к Франко по радио, прося о помощи. Помощь прибыла, когда город был уже снова в наших руках, одно судно пыталось войти в порт, с фашистскими солдатами, оно было потоплено и 400 солдат были захвачены в плен. План Касадо, в связи с генеральным штабом Франко, состоял в том: открыть фашистам ворота Картахены и ворота Мадрида одновременно. Если бы самые незначительные фашистские силы могли войти в Картахену, неминуемо последовало бы быстрое крушение повсюду, потому что Леванте был бы занят в течение нескольких дней и все форты были бы взяты с тыла. Сопротивление и разгром мятежа в Картахене изменили значительно ход событий.

Разгром мятежа в Картахене

Мятеж произошел вечером 4-го марта (суббота). Галан, который вошел в город, оставляя свою бригаду (205) в нескольких километрах, был арестован вместе с командиром 205-ой, который поехал с ним. Начались сейчас же уличные бои, и партийная организация дралась хорошо. Нужно отметить энергичную работу женщины – тов. Изабеллы Гарсиа, одна из лучших женских кадров в партии. Одна группа товарищей сопротивлялась до следующего дня в доме провинциального комитета. Сообщение о мятеже было получено в эту ночь в секретариате партии (близ Мурсии); мы сообщили это немедленно в министерство войны (Кордон, коммунист), но он не поверил нашей информации, а поверил одной телеграмме, в которой была подпись “Галан”, посланной в министерство взбунтовавшимися фашистами. С огромными трудностями и с помощью рабочих телефонной станции в Мурсии, в 4 часа и 6 часов утра, Чека, Деликадо и я смогли получить телефонную связь с самим Галаном, который, пользуясь беспорядками и руководством мятежников и своим престижем бывшего офицера Национальной Гвардии (нужно будет выяснить хорошо этот момент с Галаном), смог остаться на посту коменданта города и с риском за свою жизнь, дал нам понять несколькими короткими фразами какая была ситуация. И тогда (8–9 часов утра) мы – секретариат партии – отдали приказ 205-ой бригаде атаковать Картахену и ликвидировать мятеж любой ценой, решительно и грутально, мобилизуя все партийные кадры, имеющиеся в нашем распоряжении, для обеспечения выполнения этого приказа. Между тем прибыл посланный правительством подполковник Родригес (коммунист), который, получив инструкции от нас, принял военное руководство операции, имея в помощь социалиста Вирхилио Льянос и других товарищей. Атака была немножко медленной, но к 3–4 часам после обеда вступили в город и к 7 часам вечера главные пункты и почти все укрепления были заняты. Фашисты продолжали сопротивляться в нескольких домах. Мы боялись, что если мятеж не будет с нужной энергией разгромлен и если фашисты задержатся в городе несколько дней, это будет сигналом крушения сопротивления по всей стране. Поэтому имен-

но, после того, как Долорес была отправлена на то место, где находилось правительство, так как мы не считали очень надежным наш пост, мы – Чека и я, остались в Картахене до ночи. Когда мы вернулись, мы созвали партийное руководство Мурсии и все партийные кадры Картахены, убежавшие в Мурсию, чтобы дать им директивы о дальнейшей работе и особенно о репрессиях, которые нужно было с исключительной строгостью произвести в занятом снова городе.

Во время действий в Картахене, Родригес, Льянос, Артемис (командир 205-ой) проявили себя хорошо. Галан был перевезен, пленный и раненый, на одно из военных судов, когда флот покинул порт, и убежал в Бизерт. Решение о бегстве было принято в момент, когда наша бригада начала наступление, командирами флота и комиссаром Бруно Алонзо (социалист), которые были тайно все вместе с Касадо. Подозрительную роль играл генеральный комиссар войны – Осорио и Тафаль (Искиерда Републикана), который был близ Картахены три раза, ничего не сделал, пытался тормозить нашу работу и наконец ему удалось спасти в своей машине (по направлению к Мадриду) бывшего коменданта морской базы Берналь (предатель), которого мы хотели иметь в наших руках. Как сейчас оказалось, приказ вырвать этого типа из наших рук был ему дан Негрином (информация Урибе).

Разгром мятежа в Картахене является единственным успехом партии в эти дни. Этим успехом обязаны энергичному и быстрому функционированию руководства (Чека), но также и то обстоятельство, что т.к. мятеж принимал сразу открыто фашистский характер, партия была поддержана в своей борьбе, 5 марта, другими местными партиями (например: гражданским губернатором в Мурсии, социалист (?)), штурмовыми отрядами, находящимися в Мурсии, под командой одного коммуниста (я не могу вспомнить его фамилию, он должен сейчас находиться в СССР) и одним танковым отделением.

Дезертирство и предательство

Касадо объявил о своем перевороте поздно в ночь с 5 на 6 марта. Правительство заседало в Эльде для утверждения текста речи Негрина и для урегулирования конституционного вопроса в связи с отставкой Асанья и передачей поста президента Мартинесу Баррио. Были приглашены военные руководители (Миаха, Маталана, Касадо, Менендес), но только Маталана отозвался на приглашение. Около правительства находилась часть партийного руководства (Долорес, Деликадо, который пришел сразу информировать нас, Урибе и Морено). Находились там также Модесто и Листер и, думаю, Кастро.

Негрин связался по телефону с Касадо и сообщил ему его “смещение”. Кордон (я думаю) говорил со всеми командующими фронта и получил нормальные ответы от Андалузии (Морионес) и Эстремадуры (Эскобар). Из Леванта Менендес ответил с угрозой выступить походом против правительства, в случае если последние дадут приказ атаковать Касадо, и если не освободят ему немедленно Маталано. Я не знаю, предложили ли Негрину товарищи из партийного руководства, находящиеся там коммунисты из центрального аппарата (Кордон и другие) принять репрессивные меры. Я думаю, что они этого не сделали и, особенно, не

посмели сделать того, что мы сделали в Картахене: дать приказ атаковать, не считаясь с мнением Негрина. Последний на Совете министров не ставил вопрос с точки зрения репрессий. Наоборот, он заявлял до конца, что он против начала открытой борьбы. Через посредство Менендеса (прямой перевод с Мадридом был уже прерван) он попытался еще раз начать переговоры с Касадо, но напрасно. В Совете министров создалось, следовательно, положение паники и катастрофы. В конце концов было воспринято мнение, что правительство должно заявить о своей отставке Мартинесу Баррио, но возражение Урибе, отказавшегося принять эту точку зрения, воспрепятствовало осуществлению этого решения. Тогда предложили просто-напросто уехать, при энергичной опять-таки оппозиции со стороны Урибе. Единственное конкретное решение было: поручить суб-секретарю войны, единственному человеку, который в этот момент мог иметь в своих руках военный аппарат, пойти в авиационный лагерь, где находились готовые к отлету самолеты, для того, чтобы охранять их. И последний (Кордон) не только был на этом месте, но уехал первый, не дожидаясь решения партии. Ранним утром Совет закончил заседание, в смятении, не принявши никакой резолюции, причем Урибе отказался уехать с другими. Министры сели в самолет; Негрин и Дель Вайо пришли на дачу, где находилось партийное руководство. Очевидно, Негрин не хотел выехать, покидая коммунистов, как он говорил, он был связан долгом чести.

Руководство партии

Мы прибыли (Чека, Деликадо и я) из Мурсии на дачу, где находилось руководство, к 9 часам утра, 6 марта (понедельник). Смятение было полное. Состояние безнадежности у всех. Связи с остальной частью страны не существовали больше. Я пошел искать немедленно радиостанцию, которая подготавливалась для речи президента, но эта станция была разобрана в течение ночи, не знаю по чьему приказу, и ее нельзя было использовать. Не было даже возможности получить точную информацию о том, что произошло на Совете. Негрин и Дель Вайо находились там с еще несколькими высшими чиновниками (Карсес, Санчес Аркас, Осорио и Тафаль). После короткой консультации я посоветовал товарищам следующие вещи: а) предложить Негрину обратиться еще раз к Касадо, с предложением встретиться для избежания гражданской войны в тылу. Это имело целью задержать Негрина и выиграть несколько часов времени. Дель Вайо был против, но Негрин согласился сразу и написал текст нового сообщения Касадо, которое, может быть, не было переслано; б) мобилизовать всех находящихся там свободных товарищей и разослать их по всем местам Леванте и в Альбасете, с целью захватить в свои руки эту зону, что мы считали возможным, опираясь на Аликанте, находящийся в наших руках, на Мурсию и Картахену, на армию Леванта и на остальные лояльные силы, которые можно найти в этой зоне. Одновременно мы приняли решение, чтобы Долорес выехала из Испании, так как нельзя было гарантировать ее жизнь при тех условиях, в которых мы находились. Вместе с ней выехал Морено, которого я не думал задерживать, так как у него нет ни одного из качеств, необходимых в этих моментах. Ночью он не нашел ничего предложить

руководству, с которым он был вместе. Немедленно мы распределили между собой наши задачи. Я сам взял на себя обязательства поехать для инструктирования товарищей в Картахене и Мурсии. Чека остался для общего руководства работой. Я сделал ошибку, что не остался, так как работа в центре была более важной, чем работа в Картахене, но я вполне доверял Чеке, и я думаю, что если он также был выбит из колеи, это не по его вине.

Когда я прибыл в Мурсию, мне передали, что товарищи из руководства отдали мне (по телефону) приказ вернуться срочно к ним. Несмотря на это, я созвал Родригеса и Льяноса, которым я дал приказ для Картахены продолжать наступление с самой большой энергией (утром потерпели неудачу: фашисты взяли обратно Дворец Почты), и как только будет занят город, держать его во что бы то ни стало. Я собрал нескольких товарищей из Мурсии и дал им директиву поддержать акцию в Картахене и стараться сохранить в Мурсии положение народного фронта. Что касается нашего рабочего аппарата, во время моего отсутствия (с 6 часов утра по 14 часов после обеда) произошел неслыханный факт, показывающий как деморализация уже проникла в партию. Один из товарищей из аппарата ЦК (Аргелес) пришел на наш пост и советовал товарищам, находящимся там (трое секретарей, шофера, охрана и т.д.) удрать из Испании с парохомом, который уезжал из Картахены, потому что — как он говорил “здесь все кончено” (этот эпизод мне рассказали несколько дней позже). В аппарате ЦК я отдал приказ уничтожить архив партии и обязал одного товарища (Лухио Сантьяго)³¹, как ответственного за этот пост.

Вечером между 7 и 8 часами, 6 марта, я был снова в Эльде. Там больше ничего не находилось на своем месте. Чека был занят на собрании наших шоферов и охраны, которые произвели своего рода “пронунсиаменто”. Урибе и остальные находились уже в авиационном лагере Моновар (где находились три самолета, предварительно готовых, на всякий случай, для партийного руководства). Дом нужно было покинуть, так как одна группа штурмовой гвардии наступала из Аликанте и Повельде. Произошло следующее: около часа пополудни касадистская штурмовая гвардия успела захватить Аликанте и захватила в плен Вега, который не принимал никаких предохранительных мер. Падение Аликанте парализовало всю подготавливаемую акцию. Негрин решил неожиданно выехать и выехал в Тулузу. А наши товарищи находилась там с маленькой группой охраны из 80 “Герилерос”³² (очень хорошие, но недостаточны для какого-нибудь выступления). Кроме того, к 5 часам после обеда было получено сообщение, что начальник штаба авиации (Алонсо, коммунист) присоединился к Касадо. Отпал таким образом наш главный опорный пункт в Альбасете, на пути к Мадриду, и мы находились в Эльде как в мышеловке.

Я тут же сказал Чеке, что, несмотря на все, я считаю недопустимым отъезд всего партийного руководства, с чем он согласился. И товарищи из руководства собрались ночью в авиационном лагере Моновар, быстро обсудили положение. Настроение у всех было подавленное. Я поставил вопрос Модесто и Листеру, считают ли они возможным, с военной

точки зрения, взять в свои руки положение, — оба ответили отрицательно, что партия, будучи одной и без опоры правительства, не может ничего сделать. Вопреки этому, я настаивал, чтобы часть находящихся там товарищей не выехала. И так было решено. ПБ, созданное отдельно, назначило, чтобы остаться: Чека, меня и Кландина³³ (секретарь объединенной соц. молодежи). Я предлагал, чтобы осталась часть руководства, потому что я не думал, что переворот Касадо и бегство Негрина означали конец войны; с силами партии можно было еще пытаться сделать что-либо и (во всяком случае) нужно было дать ориентировку партийным кадрам, подготовить их эвакуацию и организовать новое нелегальное руководство. Во время короткой дискуссии, последовавшей за этим, я получил впечатление, что товарищи не были полностью согласны со мной при оценке фактов. Они подчеркивали (особенно Урибе), что переворот Касадо означал почти немедленное открытие фронта и общее крушение. Дискуссия не углубилась (обстоятельства не допускали этого). Директивы, данные оставшимся товарищам, были следующие: а) ориентировать партию на основе ознакомления с положением во всей стране, ознакомление, которого в этот момент мы не имели; б) была предвидена возможность, имея в виду бегство правительства, и если положение требовало этого, войти в контакт с Хунтой; в) создать новое партийное руководство, могущее работать полулегально и нелегально; г) принять необходимые меры для эвакуации партийных кадров.

Относительно той группы, которая должна была остаться, я советовал лишь одного Чека, так как я видел, что все остальные были слишком сокрушены. Бегство Негрина бросило их всех в самое глубокое смятение. Но нужно добавить, что настроение у штурмовой гвардии, которая арестовала нас в эту ночь, было таково, что если Модесто или Листер или Урибе были бы с нами, их бы убили на месте. Нас не расстреляли, так как мы были мало известными или неизвестными людьми.

Выезжая на машине из авиационного лагеря я, пытался направиться к нашему посту в Мурсии, Чека и Клаудин были арестованы военной полицией и касадистской штурмовой гвардией. Этот несчастный случай помешал нам оказать каким-нибудь образом влияние на ход событий в течение 3–4 дней. Арест произошел около часа ночи с 6 на 7 марта. И только 9 марта в Альбасете, после ряда сложных перипетий, нам удалось снова связаться с партией и снова начать работу.

Борьба в Мадриде

Я не принимал участия в этой борьбе и я знаю об ее развитии лишь по докладам, которые были нам сделаны. Моя оценка, на основе этих докладов, следующая: ориентация партийного руководства, во главе с Артуро Хименес и с Диэгэс, член ПБ, была с первого момента еще правильна. Они ни на минуту не колебались приступить к работе для свержения Хунты вооруженными силами. Такая была директива, полученная ими от ПБ. Но при осуществлении этой директивы произошли две группы фактов, которые сделали невозможным свержение Касадо.

1. Товарищи-коммунисты, профессиональные военные, на которых неизбежно должно было опираться военное выступление против Касадо, не (ответили) содействовали (?), и это несмотря на все предыдущие

соглашения с ними. Буэно (2 арм. корпус) отказался взять командование мадридским фронтом. Барсело (1 арм. корпус) сделал то же самое. Оба отказались предоставить партии необходимые силы для свержения Касадо в течение нескольких часов, и таким образом военное выступление опоздало, было медленно и безрезультатно. Ортега (3 арм. корпус) не только не дал необходимых сил, но допустил перейти через зоны его армии (через знаменитый мост Арганда, находящийся под огнем фашистов – которые на этот раз не стреляли), две анархистские дивизии, пришедшие с фронта Эстремадуры, которые именно и разгромили наших мадридских товарищей. Ортега, кроме того, дезориентировал партию с ложными информацией и находился все время в связи с Касадо. Все трое (Буэно, Барсело и Ортега) были франкмасонами. Кроме того, тов. Хуанин, находящийся с одной дивизией на линии Аранхуэс–Алкала де Энарес, отказался наступать на Мадрид и допустил, он также, переход анархистских сил. Это именно и были основные причины для военного поражения наших товарищей. Другие еще серьезные ослабления произошли в городе. (Батальон под землей, который должен был взорвать дворец, в котором находился Касадо, не сделал этого, и это является одним из самых серьезных ослаблений.)

2. Руководство выступлением было слабое, нерешительное, дезориентировано и ему не хватало настоящего руководителя и решительного штаба. Они потеряли время, топтались на одном месте, не применили смелой тактики, необходимой в таких случаях, и дали противнику время собрать силы и сразить нас. В этом случае также выявились слабости у многих из наших руководящих испанских товарищей, как руководителей и организаторов, которые в основном парализовали их выступление.

Положение в Леванта

Товарищи в Леванте находились под руководством Хесуса Эрнандеса, Урибеса и Ларанага. Эрнандес за несколько часов до переворота Касадо обратился к Негрину по телефону и сообщил ему о поведении Миаха и его людей из генерального штаба, которое показалось ему подозрительным, и предлагал выступить против них. Негрин приказал ему ничего не делать (буквально: “командование командует до тех пор, пока не взбунтуется” – “эль мандо манда аста кве но се сублеве”). После переворота Касадо он посоветовался с нашим другом Сцил., но оказывается, что последний его разубедил не предпринимать военного выступления (нужно проверить). Его линия была следующая: опираясь на коммунистические силы в армии Леванта (особенно на 22 арм. корпус, 3 дивизии которого находились под командой коммунистов и командир которого допустил, без протеста, арестовать его) и угрожая генералу Менендесу вооруженным наступлением, принудить его порвать с Хунтой, прекратить преследования против партии и вернуться к политике народного фронта. Большая часть этих целей была достигнута (легальность партии и свобода печати в Валенсии, освобождение задержанных коммунистов 7 и 8 марта, меры против анархистской партии в связи с ее атаками против партии) и Менендес вел себя с этого момента как за-

читник партии против Хунты. Если в Мадриде Хунта была бы разгромлена, полученный результат в Леванте был бы решающим и дал бы нам возможность восстановить какую-нибудь власть с единым характером. Одну вещь, однако, товарищи из Леванта не сделали; а именно, отправка войск в помощь Мадриду. Но никто им не давал этой директивы и все в провинциях считали, что Мадрид не нуждался в помощи, так как там, именно, партия имела якобы самые большие “позиции” в армии.

Документ от 10 марта

9–10 марта Чека и я восстановили связь с положением и с партийной организацией в Альбасете. И тогда именно мы составили тот документ, который имеет заголовок: “Правда о событиях последних дней”. Этот документ ошибочно носит дату от 12 или от 9 марта. Он был написан 10 марта в одном доме в Альбасете, где мы скрывались, и в тот же день был передан товарищам в Альбасете для распространения его. Положение, в котором мы в этот момент находились, было следующее (по имеющейся тогда у нас информации):

а) Мадрид. – План разгрома Хунты быстрым выступлением не удался. Это значит, что мы потерпели поражение. Наши товарищи находились уже в переговорах с Хунтой для окончания борьбы.

б) Левант. – Положение было таково, как я его выше обрисовал.

в) Картахена. – Находился легально в наших руках.

г) В остальной части Испании положение исключительного беспорядка, но общий вид был: преследование против нашей партии и поражение партии. Вся система связи и путей, вся авиация находилась в руках Касадо. Партия, сохраняя, но с очень большими трудностями, полулегальность в некоторых центрах была разгромлена в других центрах. Она не находила опоры среди масс, так как массы, ожидавшие с часу на час мира и отравленные бешеной антикоммунистической кампанией, не хотели ничего знать о партии. “Посты”, командные высоты, которыми раньше партия располагала, не содействовали больше, с очень небольшими исключениями.

д) Ясно было, что война подходила к концу, но не было ясно каким образом, и возможность последнего сопротивления не могла быть исключена, при условии, если удастся вернуться к положению народного фронта, по крайней мере с целью помочь спасти большее количество кадров и при сохранении большего порядка.

При этом положении, считая невозможным, со всех точек зрения, призвать к вооруженной борьбе для свержения Хунты, нам казалось необходимым перед тем, как составлять документы для установления исторических ответственностей, мы должны были испробовать одно последнее политическое выступление, с целью: а) выиграть несколько дней времени, для того, чтобы лучше организовать отыскание и эвакуацию наших кадров; б) предложить базу для соглашения и единство тем элементам, которые не одобряли преследований против коммунистов и были недовольны политикой Хунты; в) если возможно и если это положение продлится, с поддержкой этих элементов вернуться к политике народного фронта.

По всем этим соображениям документ, хотя и содержал резкую оценку относительно Хунты, был составлен умеренным языком и ставил к концу условия для признания Хунты со стороны партии, условия, которые не могли бы быть приняты Хунтой, но могли бы создать базу для единого группирования друзей партии против Хунты.

Интересно отметить, что товарищи, руководящие партийной работой в Леванте (Эрнандес), которые не имели никакой связи с нами, они также составили 9 марта, мне кажется, документ (единственная копия, имеющаяся у меня, я ее отдал тов. Диасу), который с политической точки зрения точно совпадает с нашим документом, но не содержит никакой атаки против Хунты, в то время, как в нашем документе последняя обвиняется в "преступлении и измене", и что она действовала в интересах Франко и заграницы. И наш документ считался слишком резким товарищами, которые должны были напечатать его и распространить его.

Последние попытки политического выступления

11-го марта (суббота) Чека и мне, нам удалось наконец собраться вместе с Эрнандесом и другими руководителями в Леванте в штабе Эрнандеса, находящегося в горах, близ Валенсии. Обсудили положение и все пришли к выводу, что нельзя было сделать ничего путем вооруженной борьбы, но что существовал еще маленький шанс изменить положение в нашу пользу, опираясь на ряд элементов, которые, хотя и помогли Хунте в первые дни, теперь были недовольны, понимали, что они сделали глупость, так как Касадо не имел готового мира, как он давал им это понять, и, особенно, хотели вернуться к сотрудничеству с компартией. Мы решили испробовать этот шанс. Самые видные среди этих элементов были: генерал Менендес, главный командующий этой армией; республиканец Хуст, из Валенсии; социалист Родригес Вега. Менендес заявил, что он не хочет выступать против Хунты, но дал понять, что если мы приведем Миаха в Валенсию, тогда можно будет организовать политическое выступление против Касадо. Мы попытались сделать это, но Касадо, понявший опасность, запретил Миахе выезжать из Мадрида.

Контакт с Менендесом и Хустом для того, чтобы попытаться изменить положение, продлился несколько дней. Но перспектива (или иллюзия), которую мы еще имели, исчезла полностью после поездки Менендеса в Мадрид 15 марта. Социалист Каррильо, совместно с самыми злобными антикоммунистами из всей страны, и по прямому приказу Касадо, взял в свои руки положение и заставил Менендеса повернуть, угрожая ему снятием с поста. Но эти последние политические выступления дали нам много положительного. Во-первых, они дали нам возможность работать немножко более свободно, под защитой в Валенсии самого Менендеса и связаться нам почти со всеми низовыми организациями для лучшей организации эвакуации наших кадров. Во-вторых, они дали нам возможность избежать, чтобы наши военные не были сразу и повсюду выгнаны из армии и арестованы. Менендес отказался сделать последнее. В-третьих, они дали нам возможность избежать изгнания

коммунистов из ВРС: на одном из заседаний руководства ВРС, в Валенсии (15-го или 16-го) Вега был в блоке в этом смысле с нашими товарищами против кабальеристов, требующих изгнания коммунистов. В-четвертых, они дали нам возможность использовать некоторые легальные возможности для эвакуации кадров. В-пятых, они дали нам возможность организовать настоящий массовый тираж манифеста партии, составленный 16–17-го, содержащего полную историческую и политическую оценку положения, при котором кончалась война. И, наконец, они дали нам возможность держать до конца важные и очень полезные позиции в Картахене.

Низовые партийные организации в течение этого последнего периода не отвечали хорошо своим задачам. Наши товарищи, изолированные массой, выгнанные народным фронтом, муниципалитетами и отовсюду, страшно боялись любого выступления или декларации. Слабость наших связей, особенно с анархистскими массами, не давала возможности действовать эффективно в этом секторе. На практической работе неожиданное изменение положения дезориентировало почти всех. Привыкшие к власти и к тем возможностям работы, которые она предоставляла, им не удавалось работать быстро при полуполюгальном положении. Нужно отметить, как прекрасное исключение, энергичную работу одной женщины, члена муниципального совета в Валенсии, которая с исключительной энергией разоблачила в совете измену Касадо и защитила нашу политику единства. Она была арестована, и мне не известно, где она находится теперь.

В Валенсии, согласно данного мандата, мы создали новое партийное руководство, в состав которого входили следующие товарищи:

Ларанга

Розас

Соза

Наварро Валестерос³⁴

Монтолин

Пинто

один из молодежи.

С этим новым руководством мы работали в течение последних дней.

К 20 марта, когда это новое руководство уже организовало свою работу, нам сообщили, что мы должны поехать в Картахену, где представлялась возможность выехать. Хесус находился уже там. Когда мы прибыли туда (22 марта) ночью, констатировали, что эта возможность не существовала, и поэтому мы были вынуждены захватить авиационный лагерь и 3 самолета. 24-го утром, после того как мы выехали из Токани (Картахена) в 6 часов, мы высадились к 10 часам в Мостаганем (Алжир). Со мною были: Хесус Эрнандес, Чека, Дизгес, Урибес, Палау, Верхилио Льянос и другие...

НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ ВЫВОДОВ

Рассматривая все факты, которые привели к поражению и к концу войны, мне кажется, что можно сделать следующие выводы:

1. Генеральная политическая линия коммунистической партии, линия борьбы за народный фронт, за самое тесное единство действий с соц. партией и за единство всего народа вокруг правительства Национального Единения была правильна. Только существование народного фронта и единства действий между соц. партией и компартией дало возможность испанскому народу оказывать сопротивление наступлению фашизма в течение 32 месяцев, несмотря на интриги капитулянтских элементов и агентов врага, несмотря на самое неблагоприятное международное положение. Правильность политики народного фронта полностью подтверждена испанским опытом;

2. Если дальнейшее сопротивление и победа не были возможными, основные причины этого нужно искать в неблагоприятном международном положении, в поддержке, оказанной английским и французским правительствами итало-германским интервентам, в политике "невмешательства" и ее роковых последствиях, в измене испанскому народу со стороны великих "демократий" Западной Европы (Франция и Англия) и со стороны международной социал-демократии, в недостаточности политической помощи со стороны пролетариев капиталистических стран, которые, хотя и сочувствовали Республике и оказывали ей большую материальную помощь (активность особенно со стороны коммунистических партий, интернациональные бригады, продовольствие), не смогли ни положить конец итало-германской интервенции, ни положить конец политике невмешательства;

3. Одновременно, нужно признать, что даже при этой неблагоприятной ситуации, гораздо более эффективное и более продолжительное сопротивление, более крупные успехи Испанской Республики в политической и военной области и, может быть, победа, были бы возможны, если бы не существовал целый ряд внутренних слабостей, которые содействовали уменьшению и, наконец, срыву сопротивления народа, его армии и его правительства. Нужно концентрировать внимание особенно на следующих фактах:

а) Единство различных антифашистских партий и народных организаций не было достаточным, во многих отношениях оно было формальным, внешним, оно не доходило до принятия и лояльного сотрудничества со стороны всех антифашистских сил в реализации общей программы необходимых мер для организации сопротивления и победы над врагом. Почти все партии, в течение продолжительного периода времени, ставили свои частные интересы над общими интересами народа и войны и возвращались к настоящей политике единства лишь после тяжелого урока поражений, после того, как было потеряно ценное время, и [...] давалось врагу время организовать и взять верх. Нужно сделать исключение, с этой точки зрения, только относительно компартии. Это отсутствие единства является результатом, в большей степени, того,

что, несмотря на правильную и решительную позицию нашей партии, характер войны, как войны за независимость, не был признан со стороны остальных антифашистских организаций с самого начала войны, но лишь очень поздно и что они, и особенно правительство Республики, не сделали быстро всех выводов, которые нужно было сделать из этого факта. В течение долгого времени они не работали, не боролись, как это нужно было сделать при войне за независимость против двух великих империалистических государств, но делали так, как будто в случае имеется одна из испанских гражданских войн прошлого столетия. Этим объясняется также и фактическое исчезновение органов народного фронта в течение всего первого периода войны. Единство свелось к лозунгу, за который все агитировали, в то время, как в стране господствовало бешеное разногласие, и, следовательно, – неслыханный беспорядок;

б) Рабочий класс был в начале войны глубоко расколот, не только на два, но на три сектора (коммунисты, социал-демократы, анархисты) и, в течение всей войны, это состояние раскола среди пролетариата так и не было ликвидировано. Профсоюзное единство за все время не было осуществлено. Единство действий между компартией и соцпартией было осуществлено лишь во втором году войны и никогда не было полным. Единая партия рабочего класса не была создана. Следовательно, пролетариат не смог играть среди народного фронта и среди народа ту роль, которую он должен был играть: быть цементом единства всех антифашистских сил и всей нации и настоящей руководящей силой в войне; и враги спекулировали его расколом. Часть рабочего класса бросилась делать эксперименты в осуществлении ложных социальных теорий анархизма, провоцируя этим беспорядки и расхищение, задевая мелкую буржуазию и антифашистское крестьянство; она за все время до конца войны не могла понять истинного характера войны, революции. Корпоративный партикуляризм за все время не был полностью преодолен и делал исключительно трудной организацию производства и хозяйство;

в) В Испанской демократической Республике, в политической жизни страны, в течение всего времени войны, никогда не существовал настоящий демократический режим. Наоборот, со стороны руководящего персонала разных партий и профсоюзов все время делались усилия, чтобы воспрепятствовать активному и постоянному участию народных масс на демократических основах в руководстве политической жизнью. Все время отвергали идею об организации регулярных консультаций народа для выборов муниципалитета, депутатов и т.д. ... Никогда не соглашались создать организацию народного фронта на базе выбранных и непосредственно контролируемых массами Комитетов. Даже в профсоюзах создали и сохранили очень серьезные ограничения демократии. Таким образом, постепенно вернулись к старым реакционным, организационным формам испанской политической жизни, на основе касикизма и персональной клиентуры, борющейся и бешено интригующей между собою. Это отсутствие непосредственного участия народных масс в руководстве политической жизни увеличило опоздание при

разрешении различных проблем, трудность восторжествования общих совместных интересов над частичными групповыми интересами и, особенно, трудность возобновить основательно руководящей персонал страны. В центре и на местах остались на своих руководящих постах многие элементы, которые были против единства, которые не понимали характера войны, не работали с энергией для победы и, так или иначе, тормозили и саботировали. Недооценка пропаганды и препятствия, ставившиеся при ее разворачивании, имели такой же результат. Это отсутствие последовательного демократизма заставляло компартию и элементы, желающих искренне единства и сопротивления, все время принимать компромиссы, маневрировать среди интриг и среди более или менее скрытых врагов. Даже компартия никогда хорошо не понимала, что одной из главных причин слабости Республики было отсутствие демократии. Кампания для выборов, – компартия согласилась с ней и вела ее без убеждения;

г) Борьба против врагов народа и республиканского режима, против предателей, которые Франко оставил в армии и в государственном аппарате, против агентов фашизма, против троцкистов, 5 колонны и против нелояльных вообще элементов, а также против капитулянтов, не велась со стороны правительства и Н.Ф. решительно, бдительно и последовательно. Большая часть этих элементов, проникнувших в разные партии, имеющих протекцию различных политических руководителей, защищаемых (троцкисты) руководителями II Интернационала и представителями иностранных правительств, оставались среди антифашистских и народно-фронтовых организаций, занимали командные посты и очень важную работу, саботировали осуществление политики Н.Ф. и правильных решений правительства, минировали единство народа и деморализовали часть народных масс. К концу войны на эти именно элементы опирались предатели;

д) С другой стороны, все организации народного фронта (включая и компартию) и республиканское правительство недооценивали работу в оккупированной Франко и интервенционными войсками зоне. Забыли, что в этой зоне, и особенно в армии Франко, были массы крестьян и рабочих, являющиеся огромным резервом народного фронта, которые, если бы мы работали в этом направлении, могли бы играть решающую роль в ослаблении фашистского режима, могли бы создать базу для партизанского движения. Нужно считать особенно очень серьезным фактом то, что в продолжение всей войны и, несмотря на сделанные в 1938 году усилия, коммунистическая партия, в частности, не успела произвести никакой серьезной работы в зоне Франко.

Эти основные политические слабости были причиной целого ряда конкретных ошибок и слабостей, перечислять которые было бы очень долго. Среди главных из них я ставлю следующие:

Опоздание с организацией армии и слабость последней до конца, в сравнении с армией противника; слабое политическое единство армии; очень низкий уровень военной дисциплины; отсутствие настоящего “военного секрета”, соблюдаемого всеми; неправильная политика резервов; пренебрежение фортификационной работой; отсутствие полной

чистки высших руководящих кадров армии; огромное опоздание в принятии в каждом периоде войны необходимых реорганизационных мероприятий.

Отсутствие регулярного функционирования и бездеятельность военного флота, отдан в руки нелояльных и подозрительных элементов.

Огромное опоздание в организации военной промышленности, вследствие иллюзии, что можно получать все из-за границы; непонимание, до последнего момента, со стороны большей части руководителей профсоюзов, задач организации военной промышленности.

Ошибка в крестьянской политике с навязыванием крестьянам режима коллективизации, которого большая часть крестьянства не могла ни понять, ни принять.

Экцессы и роковые последствия режима “синдикализации” промышленности, являющегося одним из главных препятствий для рациональной эксплуатации всех хозяйственных богатств страны и приводившего, наоборот, к расхищению и дезорганизации.

Отсутствие радикальной чистки государственного аппарата, наличие в этом аппарате очень большого числа саботажников, агентов врага; вследствие этого – дезорганизация, объективно неоправданная, основных служб, как транспорт, продовольственное снабжение, электричество, железные дороги и т.д.

Ошибка в национальной политике, непонимание национальной проблемы с одной стороны и узкого национализма и кантонализма, с другой.

Отсутствие скромности в личной жизни почти всех руководителей разных партий, профсоюзов, армии и государства, что приводило также и к расхищению и удаляло этих руководителей от масс. Наша партия не была лишена этой слабости.

Относительно нашей партии, которая имела правильную линию и боролась последовательно в течение всей войны за единство и за сопротивление против капитулянтов, против врагов народа и за правильную правительственную программу, нужно также отметить целый ряд слабостей, которые не дали ей возможности играть более крупную роль:

а) Самая существенная слабость партии, я думаю, состоит в том, что, хотя она и развивалась колоссально в период войны, но ей не удалось завоевать решающего влияния в двух самых крупных рабочих центрах – в Барселоне и в Мадриде. Барселонский пролетариат остался, в своем большинстве, под влиянием анархизма; мадридский пролетариат остался, в очень большой степени, под влиянием антиунитарных элементов социал-демократии (кабальеристы, троцкисты). Связи и организационная работа среди анархистских масс все время недооценивались; относительно социалистической партии, не всегда делалось различие между вождями, против которых нужно было бороться из-за их ошибочной политики, и средними кадрами и массами, на которых можно было влиять и которых можно было завоевать;

б) Внимание партии, а также и ее руководящего центра было, вообще, более сосредоточено на борьбе, абсолютно необходимой, за овладение руководящих постов, особенно в армии, чем на работе для укрепле-

ния и систематической организации связи партии с массами. Результаты: профсоюзная работа партии полностью недооценивалась в первый период, а потом была слаба; недооценивалась проблема организации беспартийной массы; мало уделялось внимания, до последних месяцев, разрешению хозяйственных проблем, интересующих более глубоко народные массы (продовольствие, распределение и т.д.);

в) Партийные кадры, в своем большинстве, пришедшие к нам накануне войны или во время последней, не воспитывались, не ассимилировались и не большевизировались быстро. Несмотря на большие усилия, сделанные в этом направлении, кадры партийной организации были все время, в своем большинстве, слабы, малоинициативны, с тенденцией применять в нашей организации касикистские методы. Что касается, в частности, военных кадров, то партия приняла много элементов (профессионалов) без контроля и без того, чтобы сделать усилие воспитать их как коммунистов, без того, чтобы требовать от них отвечать всегда перед партией за свои дела (Ни один известный военный никогда не был наказан партией публично за свои слабости или ошибки. Тот же самый Буриль не был за все время исключен публично). Это является одной из причин, почему так много военных-коммунистов изменили нам в последние дни;

г) Кампания за профсоюзное единство была начата поздно; с опозданием началась борьба против троцкизма во время процесса ПОУМ; огромное опоздание и настоящая беспомощность имели место в работе в оккупированной Франко зоне и т.д. и т.д.;

д) Методы самокритики не применялись постоянно и систематически для воспитания партии и ее кадров, для их поощрения и для их исправления. В партии всегда имелось больше самодовольствия, не всегда оправданного, чем критического духа;

е) Руководство партии, в частности, было всегда более сильное в пропагандистской работе, чем в организационной. Его собственная работа была, в продолжение целых периодов, полностью дезорганизована. В 1937 году оно недооценивало помощь Северу. В 1938 году оно недооценивало работу в Центральной зоне. Связь между правительственной деятельностью и работой партии вообще была всегда слаба, так же, как и организация непосредственных связей с руководством других антифашистских организаций. Чувство ответственности руководящих партийных товарищей не было всегда достаточно очень высоким. Часть из них потеряла непосредственную связь с массами (в ПБ не имелось ни одного руководителя профсоюза, в то время, как руководители соц. партий были почти все, одновременно, руководителями крупных профсоюзных организаций. Я вспоминаю мало случаев постоянного и прямого участия одного из видных партийных руководителей в деятельности какого-либо профсоюза);

ж) Относительно последнего периода войны, я думаю, что недочеты и ошибки, проявившиеся в этот период, должны быть рассматриваемы, особенно, как результат этих общих и постоянных слабостей партии и ее организации. Политически, боязнь сорвать народный фронт в момент, когда профсоюзное единство находилось под серьезной угро-

зой и когда все остальные партии провоцировали срыв, эта боязнь тормозила и некоторые моменты, парализовала партийную работу в центре и в низах. Партия, в этот период, слишком много ставила свою работу в зависимость от работы президента Негрина, и совершила ошибки в своих связях с массами, что привело к ее изоляции. Подготовка репрессивных действий в ответ на переворот была с организационной точки зрения слаба, недостаточно решительной и предусмотрительной. Много конкретных политико-военных ошибок были совершены (было оставлено слишком мало руководящих сил в Мадриде, оказывали доверие ненадежным элементам, было собрано слишком много руководящих сил около правительства, а им там нечего было делать, не была переброшена часть этих сил в Мадрид сразу после сообщения о перевороте, для того, чтобы можно было поддержать выступление на этом решающем пункте, и т.д. и т.д.). Все это имело в результате то, что руководство в определенный момент вышло из колеи и не было уже в состоянии господствовать над событиями и бить врага, что, при объективных условиях, было, без сомнения, очень трудно, но не было невозможно.

Помета: "С возвратом 20 дней".

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 274. Л. 1–110.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

- ¹ ВРС – так в тексте. Правильно: ВСТ.
- ² ВРС – так в тексте. Правильно: ВСТ.
- ³ А. Альборнос и Ламиниата – один из лидеров республики, был членом временного правительства (1931), президентом трибунала конституционных гарантий, отказался от этого поста в знак протеста против репрессий в 1931 г., был депутатом кортесов, избранных 16 февраля 1936 г. (от Овьедо).
- ⁴ Эттли К. (1883–1967) – лидер лейбористской партии в 1935–1955 гг.
- ⁵ Второе правительство Негрина было сформировано и утверждено М. Асаньей 6 апреля 1937 г. в следующем составе: Х. Негрин – глава правительства и военный министр (ИСПП), Х. Альварес дель Вайо – министр иностранных дел (ИСПП), П. Гомес – министр внутренних дел (ИСПП), Р. Гонсалес Пенья – министр юстиции (ВСТ и ИСПП), Х. Айгуаде – министр труда (Каталонская "Эскерра"), В. Урибе – министр сельского хозяйства (КПИ), А. Велао – министр общественных работ (Республиканская левая), Б. Хинер де лос Риос – министр связи и транспорта (Республиканский союз), С. Бланко – министр народного образования (НКТ), Х. Хираль – министр без портфеля (Республиканская левая), М. Ирухо (националистическая баскская партия).
- ⁶ "13 пунктов Негрина" – правительственная программа, принятая 30 апреля 1938 г. В этой программе заявлялось о решимости бороться за сохранение целостности и независимости Испании, вопрос о характере социального и государственного устройства должен был решиться после войны на основе всенародного плебисцита.
- ⁷ Вестейро – так в тексте. Правильно: Х. Бестейро (1870–1940) – один из руководителей ИСПП, лидер "правого крыла", председатель Учредительных кортесов (1931), после поражения республики был приговорен к 40-летнему тюремному заключению, умер во франкистской тюрьме.
- ⁸ Мартинес Варрио – так в тексте. Правильно: Мартинес Баррио.
- ⁹ Васке – так в тексте. Правильно: Васкес.
- ¹⁰ Морэно – так в тексте. Правильно: Морено.

- ¹¹ К. – имеется в виду Комопера.
- ¹² Хенералидад – так в тексте. Правильно: Генералидад.
- ¹³ Битва при Эбро – началась 25 июля и закончилась поражением республиканцев 15 ноября 1938 г. (продолжалась 113 дней). По мнению Листера и Рохо, высказанном им уже после окончания войны, исход битвы был предопределен.
- ¹⁴ Увод иностранных добровольцев – 21 сентября 1938 г. Негрин в своем выступлении на сессии Лиги наций уведомил о принятом правительством решении об отзыве интербригад. 25 сентября все интернациональные части были отведены с фронта в тыл; 28 октября 1938 г. в Барселоне состоялись торжественные проводы бойцов интернациональных бригад.
- ¹⁵ Хесус Эрнандес не вошел во второе правительство Негрина, он был назначен 31 марта 1938 г. генеральным военным комиссаром Центральной зоны.
- ¹⁶ М. Матаљьяна Гомес – начальник штаба зоны Центр–Юг.
- ¹⁷ Мойя – так в тексте. Правильно: Х. Мойс, вошел в правительство вместе с Т. Бильбам после демонстративного ухода Айгуаде и Ирухо 17 августа 1938 г.
- ¹⁸ Три пункта Негрина – 1 февраля 1939 г. когда в замке Фигерас состоялось последнее заседание кортесов на испанской земле, Негрин выдвинул три условия, которые могли стать основой для мирных переговоров; независимость страны и вывод всех иностранных войск, полная свобода выбора режима, гарантия против репрессий после окончания войны.
- ¹⁹ Тов. Са – возможно, имелся в виду главный военный советник К.М. Качанов (Сачанов), сменивший Г.М. Штерна.
- ²⁰ Гидальго де Сионерос – так в тексте. Правильно: И. Идальго де Сиснерос.
- ²¹ Хезус – так в тексте. Правильно: Хесус.
- ²² Всеобщая мобилизация была объявлена 16 января 1939 г.
- ²³ Маталана – так в тексте. Правильно: Мотальяна.
- ²⁴ Хенче – так в тексте. Правильно: Р. Энче, член исполкома ВСТ.
- ²⁵ Мо – возможно, имелся в виду Морено.
- ²⁶ Мойш – так в тексте. Правильно: Мойе.
- ²⁷ Мурции – так в тексте. Правильно: Мурсии.
- ²⁸ С. Мера – командующий IV корпусом республиканской армии.
- ²⁹ Картаген – так в тексте. Правильно: Картахена.
- ³⁰ Ариба Испания – так в тексте. Правильно: Арриба Эспанья (Испания, возвысься!).
- ³¹ Лухио Сантьяго – так в тексте. Правильно: Лусио Сантьяго.
- ³² “Герилерос” – так в тексте. Правильно: “Геррильерос”.
- ³³ Кландин – так в тексте. Правильно: Ф. Клаудин.
- ³⁴ Наварро Валестерос – так в тексте. Правильно: Наварро Бальестерос.

№ 66

Резолюция Секретариата ИККИ о слабых местах и ошибках в партии в последний период войны

Секретно

5 августа 1939 г.

В доблестной и героической борьбе народа коммунистическая партия Испании заняла самое видное место благодаря правильности своей политики, благодаря самоотверженности и готовности к жертвам ее членов и благодаря тому героизму, с которым она отдавала все свои си-

лы борьбе против внутреннего врага и захватчиков. Тем не менее она обнаружила тяжкие ошибки и слабые места, которые мы хотим отметить для того, чтобы товарищи из коммунистической партии Испании и точно также коммунисты всех стран учли этот опыт для грядущих боев, которые пролетариату придется дать фашизму в борьбе за прогресс, свободу и независимость народов.

Эти ошибки и слабые места можно резюмировать следующим образом:

1. Одна из ошибок руководства партии заключается в том, что оно не вело последовательным образом свою работу и деятельность в рядах народного фронта, дабы не дать ему утратить свой истинный характер живого организма, олицетворяющего участие масс во всей политической жизни страны и в разрешении ее проблем, и превратиться в изолированный от масс бюрократический орган. Руководство партии стало недооценивать народный фронт, который на протяжении длительного периода войны и в разгар борьбы проявил себя как самое мощное оружие народа в борьбе против фашизма и захватчиков, и благодаря которому народ одержал свои величайшие победы. Эта недооценка подлинной миссии народного фронта привела к тому, что колеблющиеся элементы, капитулянты, не видящие перспектив и не верящие в массы, элементы, которые всячески тормозили деятельность масс, не понимали и не выражали их настроений, — начали вести на своих постах в комитетах народного фронта борьбу против единства, против коммунистической партии, против Негрина и всей политики сопротивления и превратили эти руководящие органы народного фронта, которые прежде были динамичными, активными и связанными с массами и со всеми их проблемами, в бездушные, пассивные органы, в бюрократические комитеты связи между различными партиями, являвшиеся уже карикатурой на то, чем был и должен был быть народный фронт. По этой-то причине народный фронт не сыграл положительной роли в борьбе против предателей из хунты.

2. Руководство партии своевременно не поняло, что его позиции ослабли в Мадриде и во всей центрально-южной зоне в результате переброски наиболее боеспособных войсковых частей, в которых партия пользовалась решающим влиянием, а также в результате пораженческой и разлагающей деятельности социалистов-троцкистов, провокаторов из Федерации анархистов Иберии и т.д. Партруководство не приняло всех нужных мер, чтобы покончить с такой ситуацией, укрепив в меру необходимости руководство партии в упомянутой зоне.

Это произошло потому, что партруководство предположило, будто его работа даст лучшие результаты, если оно будет действовать поблизости от правительства тем более, что в Каталонии находилось центральное руководство всех партий и профсоюзных организаций. Другим фактором, побудившим партруководство переехать в Каталонию, являлось важное значение Каталонии для всей войны, а также неясная и непоследовательная политика каталонского правительства и слабость, проявленная Объединенной социалистической партией Каталонии в борьбе со всеми капитулянтскими элементами из каталонских партий.

3. Несмотря на утрату Каталонии, решающей проблемой являлась организация сопротивления в центрально-южной зоне. Партия, которая не поддавалась паническим настроениям и придерживалась правильной позиции сопротивления, не сумела в достаточной степени опереться для организации сопротивления на основной элемент борьбы – на массы. Ее ошибка состояла в том, что она не проанализировала до конца новые особенности ситуации (разложение государственного аппарата, деятельность Асанья, Рохо, руководителей организаций в эмиграции, впечатление будто война проиграна, создавшееся в некоторых слоях населения и у многих профессиональных военных руководителей, капитулянтская деятельность большинства министров, небрежность Негрина, международное положение и т.п.). В результате тактика партии не была такой энергичной, какой ей надлежало быть при тогдашней ситуации. Вот почему руководство партии не разъясняло массам отчетливо и безбоязненно всю серьезность положения и не изменило своей позиции по отношению к правительству. Промах партруководства проистекал из непонимания того, что, если и следует помочь Негрину преодолеть его колебания, то надо все же придать деятельности партии более независимый характер, надо решительно ориентироваться на массы, мобилизовать их и компенсировать все слабые места правительства, опираясь на самые лучшие и самые преданные войсковые части. Надо более интенсивно готовить их к сопротивлению в новых условиях, а также к предотвращению или подавлению каких бы то ни было попыток предательства (государственный переворот, открытие фронта и т.п.), которые уже можно было предвидеть в такой момент. Вместо того, чтобы опереться на массы и на армию, руководство партии, выбитое из колеи событиями, все более и более ориентировалось на робкие, нерешительные и запоздалые действия Негрина.

4. Переворот Касадо застал партию врасплох и нигде кроме Мадрида – там были приняты кое-какие меры – ничего не было сделано для подавления хунты.

Как могло это случиться?

Причину следует искать в политике партруководства, которая не изменилась даже в такой серьезный момент, как предшествовавший перевороту Касадо, когда уже созревали факторы предательства, что ни для кого не было секретом; когда большинство министров уже высказывалось за ликвидацию войны и Негрин, утратив веру в победу, ничего не предпринимал против предателей и капитулянтов. Несмотря на все это, партруководство по-прежнему возлагало все надежды на мероприятия Негрина, не мобилизовало ни массы, ни партию и не приняло политических и организационных мер для борьбы с близившимся предательством.

Результатом этой же концепции является принятое за несколько дней до переворота Касадо решение об удалении из Мадрида руководства партии и о его переводе в такое место, где оно фактически должно было оказаться изолированным от всех жизненных центров армии и страны. Партруководство не поняло, что в такой момент оно должно находиться в том жизненном центре, откуда оно могло бы руководить, мобилизовать максимум сил и использовать наилучшие возможности наступления и обороны.

5. Когда произошел переворот, Касадо, партруководство, которое еще за день до того заняло совершенно правильную позицию в отношении картахенского восстания и, по собственной инициативе поддерживало правительство в деле мобилизации войск, дало возможность подавить восстание (Негрин против этого возражал), не сумело последовательно держаться такой линии и не дало массам единственно правильного и необходимого в такой момент лозунга ликвидации хунты всеми и всяческими средствами, с правительством или без него. Выбитое из колеи, партруководство удовлетворялось тем, что стало ожидать правительственных мероприятий по подавлению переворота Касадо. Когда правительство решило покинуть Испанию, руководство партии сочло дело окончательно проигранным и с своей стороны приняло аналогичное решение.

Отъезд тов. Долорес был правильным шагом. Но зато ошибкой было, что страну покинули остальные члены руководства и военные, чья обязанность была остаться, чтобы ориентировать народ и партию, прежде всего, поскольку можно было предвидеть борьбу мадридских товарищей, которые, с другой стороны, сами по себе были слабы и не могли решиться. Выехав через несколько часов после правительства, партруководство фактически оставило партию и народ без руководящей верхушки, а власть – в руках предателей Касадо, Бестейро и др.

Ни одна партийная организация, за исключением мадридской, не высказалась за борьбу с хунтой. Из этого следует, что тенденция руководства распространилась и в низах партии, которые, узнав о бегстве правительства, были парализованы ввиду отсутствия конкретных директив, и коммунисты во всей стране, так часто обнаруживавшие способность проявлять по собственному почину всяческую инициативу, были обескуражены и не знали, что делать.

Могли бы руководство партии и партия в целом поступить иначе? Да. Они могли и должны были бросить все силы на подавление хунты.

Имелись ли силы для подавления хунты? Да, имелись, и для этого не было надобности снимать солдат с фронта, а достаточно было использовать находившиеся в резерве силы, к тому же почти во всей своей совокупности преданные республике (три армейских корпуса, танкисты и партизаны) тем более, что у партии было более 20 военных руководителей, пользовавшихся величайшим престижем в глазах народов (Модесто, Листер и др.).

Руководство партии не пошло по этому пути потому, что оно находилось в такой местности, где для него невозможно было дать правильную оценку ситуации и руководить борьбой, оно утратило контакт с партией и изолировалось от масс, в результате чего переоценило силы врага и недооценило свои силы. Оно не пошло по этому пути, так как им овладела необъяснимая боязнь, как бы такая борьба не привела к прорыву фронтов, и оно опасалось, что в этом случае партию сочтут ответственной за проигранную войну. По всем этим причинам партруководство с первого же момента стало ориентироваться на компромисс с хунтой и заняло позицию терпимости, чтобы не ослаблять сопротивление фронта врагу. Это доказывает, что руководство партии не поняло истинный характер и миссию хунты, не поняло того, что хунта должна была выдать Испанию и республику генералу Франко и захватчикам.

Другая ошибка партруководства состоит в том, что, придя к выводу – пусть неосновательному – что все потеряно, оно не заявило об этом отчетливо народу. Если таково было убеждение партруководства, то последнее должно было найти в себе большевистское мужество, чтобы тотчас же ясно сказать об этом массам, разоблачить предателей и виновников катастрофы и объяснить массам, что им делать при такой ситуации. Партруководство не поступило таким образом ни тогда, ни в своих манифестах 9 и 12 марта. Эту ошибку партруководство еще усугубило тем, что в последние часы существования республики, когда предательство уже завершалось и все было окончательно потеряно, оно не посоветовало народу и армии спрятать оружие и уничтожить ту его часть, которую не было возможности скрыть, и не приняло необходимых организационных мер для продолжения борьбы внутри страны в новых условиях.

6. В процессе войны в партию пришло много военных высшего и среднего ранга, кадровых офицеров из старой армии, которые принесли с собою множество недостатков, кастовый дух, колебания. Но партия недостаточно учла это обстоятельство, не вела должной политики кадров и воспитательной политики по отношению к этим элементам и не установила их качества и степень доверия, которое можно проявлять по отношению к каждому из них. Этот промах партруководства дал себя почувствовать в самый трудный момент, когда колебания, отсутствие перспективы и посулы Касадо (он обещал им сохранить их чины, если победит Франко) побудили – одних откровенно предать партию, переметнувшись на сторону Касадо (Миаха, Алонсо и др.), а других – колебаться (Ортега, Буэно, Ардид, Уэмес и др.). Этим они помогли хунте и облегчили удушение народа.

Точно так же не сумело партруководство должным образом использовать исключительно важное положение, которое занимал комиссариат армейской группы (Эрнандес). Слабые места в работе этого товарища, которые партруководство недостаточно своевременно исправило, не позволили партии отчетливо разобраться в поведении и позиции военных руководителей и во всем состоянии армии в южно-центральной зоне. Эти слабости работы, осуществлявшейся партией через комиссариат, облегчили задачу предателям и капитулянтам, которые могли спокойно делать свое пагубное дело ввиду отсутствия систематической работы на всех фронтах, в воинских частях и среди командного состава. По той же причине названный товарищ подчас забывал, в чем заключается его миссия, а она состояла в том, чтобы отдавать борьбе всю энергию, все силы и способности, ставя это превыше всевозможных личных и семейных соображений, ибо так должен вести себя каждый коммунистический руководитель.

Несомненно, этому обстоятельству приходится в значительной степени приписать то, что руководство партии, да и указанный товарищ, не были осведомлены (игнорировали?) о многих маневрах, которые* предатели (Миаха, Гарихо, Муэдра, Матальяна, Менендес, Касадо и др.) совершили**

* Слово "которые" вписано сверху.

** Слово "совершили" вписано сверху.

во время операций, предпринимавшихся в центрально-южной зоне, чтобы помочь Каталонии, и обо всей их деятельности, а также о подготовке Касадо предательского переворота.

7. Ослаблению влияния партии на правительство и значительному сужению самостоятельной деятельности партии способствовала позиция, занятая представителем КП в правительстве (Урибе). Чувствуя себя в большей мере министром, нежели членом политбюро, он зачастую отметал справедливую критику, которой правительство подвергали, и некоторым образом увлекал партруководство на путь неукоснительного следования за правительством, что ослабляло влияние партии в правительстве. На практике это приводило к следующему: затруднялось разрешение проблем и не удавалось принимать меры, необходимые для развертывания борьбы и для улучшения условий, в которых борьба велась. Партруководство не сумело также своевременно ликвидировать эти проявления министерализма в своей среде, оказывавшие отрицательное влияние на независимую деятельность партии.

Отсюда следует, что, если кто-нибудь ставит свой министерский или какой бы то ни было иной пост превыше своих обязанностей, как члена партии, – совершаются ошибки, имеющие роковые последствия для революционной борьбы, поскольку лишь партия, и только она одна, своей правильной политикой и коллективной работой способна наперекор всему руководить борьбой во всех аспектах, как бы трудны и сложны они ни были.

8. В том, что партия совершила такие ошибки и допустила такие слабости, сыграло роль плохое функционирование руководства в последние месяцы войны, когда употреблялись “касикистские” методы (Чека), задерживалось изучение и разрешение неотложных проблем и подчас отсутствовала необходимая искренность и скромность (Урибе). Вследствие таких “касикистских” тенденций, решения первостепенной важности принимались некоторыми товарищами лично, не доводились до сведения политбюро или секретариата и таким образом оставались неизвестны партии. Этим объясняется то обстоятельство, что в то время, как некоторые товарищи принимали определенные меры для предотвращения возможных событий (в Мадриде был создан военный комитет для подавления всякой попытки переворота со стороны капитулянтов и для предотвращения открытия фронтов), большинство товарищей из руководства ничего о таких мерах не знали.

Руководство партии не сумело исправить этот серьезнейший недостаток и, как показал опыт, не придерживалось твердой линии и не осуществляло правильного руководства, потому что в партийном центре отсутствовала коллективная работа, и оно не всегда было таким однородным, каким должно быть большевистское руководство, особенно при такой сложной ситуации, как существовавшая во время войны в Испании.

Помета: *вверху документа: “Архив тов. Мануильского”.*

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 279. Л. 75–83.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

Информация из Бискайи

Секретно

21 августа 1939 г.

1. Фашизм не имеет массовой базы. Почти все население басков антифашисты. Противоречия и деление между фалангистов и рексистов¹ продолжается вопреки официальной унификации², все увеличивающаяся ненависть их разделяет. Военные подчиняют своей воле одних и других. Франко не пользуется действительной популярностью. Влияние фалангистов и рексистов различно в разных округах, но в общем фаланга более влиятельна, несмотря на то, что ее старые вожди устранены и даже расстреляны некоторые. Фалангистский министр Фернандо Хуэста³ более популярен, чем Франко. Существует настроение против иностранцев, больше против итальянцев, т.к. немцы себя ведут более корректно и резервировано. Очень большое недовольство экономическим положением не только среди рабочих, но и среди торговцев.

Но террор таков, что никто не смеет открыто выражать недовольство. Замечается большая усталость от войны. Среди антифашистов очень сильная реакция против демократических стран, против которых начинает существовать настоящая ненависть, в особенности против Франции.

Последние несчастья в войне вызвали большую деморализацию среди наших товарищей. Они продолжают надеяться, если не на нашу победу, то на возможную мировую войну, которая сможет полностью перевернуть положение. Эта вера – единственная сила, которая им дает силы работать, т.к. никто из них не думает оставаться в стране, если режим Франко победит. Единство антифашистских сил довольно крепкое. Существует в особенности взаимопомощь довольно развитая между басками националистами и коммунистами – это две политические группы, которые более активны в Бискайи. Президент баскского правительства Агирре⁴ пользуется большой популярностью и любовью среди всех антифашистов в Бискайи.

Дальше идет:

а) О помощи заключенным – существует организация женщин, партии баскских националистов “Емакумеак”, осуществляющая большую работу, МОПР пользуется среди людей, лево настроенных, большой популярностью.

б) О видах репрессии и подробное описание видов самой ужасной казни. Военные суды состоят из 16 или 17-летних хлопцев в чине подполковников.

в) О тюрьмах, концлагерях, режиме в них и возможностях связи.

г) О семьях заключенных.

д) О тех, которые скрываются, о возможностях организации бегства и необходимости средств для этого и для того, чтобы не сдохли с голоду.

е) Об официальной организации социальной помощи – “Оксилио Сосиаль”⁵, выдачи еды в ее столовых, условий выдачи и т.д. Эта организация на деле руководится и контролируется фалангой.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 279. Л. 2.

Подлинник, машинный, рус. яз.

- ¹ Рексисты – так в тексте. Правильно: рксисты – от “рекете”, вооруженная милиция карлистов.
- ² Официальная унификация – 19 апреля 1937 г. был опубликован декрет о слиянии фаланги и традиционалистов (карлистов) в единый политический организм национального характера, принявший название “Испанская традиционалистская фаланга и ХОНС”.
- ³ Фернандо Хуэста – так в тексте. Правильно: Р. Фернандес Куэста, член исполкома “Фаланги и ХОНС”, с 1934 г., министр сельского хозяйства в первом правительстве Франко.
- ⁴ Агирре и Лекубе Х.А. (1904–1960) – президент автономного баскского правительства (1936–1937).
- ⁵ “Оксилио Сосиаль” – так в тексте. Правильно: “Ауксилио Сосиаль”.

№ 68

Директивные указания Комиссии по изучению проблем интербригад компартиям относительно помощи интербригадовцам

Секретно

26 августа 1939 г.

Интернациональные бригады КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ ИНТЕРБРИГАД (Образована на основании решения президиума от 26.VIII–1939 г.)

ДОКУМЕНТ № 2Б

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

для партий Америки, Австралии и Новой Зеландии
о мерах, которые надлежит принять для спасения и вовлечения
в нормальную жизнь интернациональных добровольцев

Нынешнее международное положение сильно затрудняет активизацию кампании за спасение интернациональных добровольцев и за их включение в нормальную жизнь.

Тем не менее особенно в Америке, Австралии и Новой Зеландии можно продолжать им разворачивать кампанию за спасение этих кадров наших партий.

Ввиду этого необходимо, чтобы в указанных странах приступили к осуществлению резолюции секретариата от 25.VI–39 г. – в этом отношении имеются только крайне слабые зачатки, что касается* интерна-

* Слова “что касается” вписаны сверху.

ционалистов, если не считать работы, проделанной КПФ и КП Италии. Вместо того, чтобы в общей форме ставить вопрос о беженцах (судетские немцы, чехи, австрийцы, поляки, евреи и др.), надо систематически и в первую голову ставить вопрос об интернационалистах и испанцах (США, Канада, Швеция и т.д.).

Надо немедленно покончить с пассивностью коммунистических партий среди многочисленной эмиграции из ряда стран (чехи во Франции, итальянцы, немцы, югославы в США, прибалтийцы и финны в Канаде и т.д.).

Необходимо развернуть широкую систематическую и длительную кампанию. В связи с этим надо восстановить исчезнувшую фактически интернациональную финансовую солидарность. Дом раненого в Париже, обеспечивавший уход приблизительно 3000 раненых интернационалистов, больше не располагает средствами. Интернациональная солидарность с вдовами, сиротами и родителями интернациональных добровольцев бесконечно слаба.

МОПР должен развернуть настойчивую кампанию по всем этим вопросам и в том числе также кампанию за освобождение интернациональных военнопленных в Испании.

Наконец, много добровольцев, вернувшихся на родину или в ту страну, где они постоянно проживали, не имеют работы.

Это показывает, что коммунистические партии за частичным исключением КПФ и КП Италии не поняли, какой огромный политический капитал представляют испанские беженцы и интернационалисты для антифашистского движения, для рабочего класса и для коммунистических партий.

Вот почему каждая коммунистическая партия должна понять – как подчеркивается в резолюции секретариата КИ от 25.VI–39 г. – что разрешение проблемы испанских беженцев и бойцов из интербригад остается одной из главнейших практических и политических, встающих перед КП Испании, КП Франции и всеми прочими секциями КИ, в первую же очередь перед его американскими секциями.

Вокруг этих вопросов могут сгруппироваться новые силы, которые укрепят фронт врагов фашизма в каждой стране и в международном масштабе.

Надо понять, что удовлетворительное урегулирование вопроса об испанских беженцах и интернационалистах зависит от должной упорной систематической работы компартий непосредственно в различных организациях и комитетах. Было бы ошибочно и нецелесообразно полагаться на обещания политических деятелей и межправительственных конференций, которые могут эффективным образом действовать только под натиском широкого массового движения. Коммунисты должны серьезно выступать против такого способа “разрешения проблем”, который всегда предлагается реакционными элементами социал-демократических партий и другими саботажниками.

Освобождение интернациональных добровольцев из концентрационных лагерей Франции и Алжира должно рассматриваться как одна из важнейших кампаний, которую надлежит “упорно вести вплоть до до-

стижения благоприятного результата” (резолюция от 25.VI). Ввиду этого необходимо:

1) Придать немедленно максимальную огласку общей резолюции, принятой на конференции, происходившей 15 и 16 июля, и в особенности ее двум параграфам: “Девять мероприятий” – “Меры, которые надлежит провести до октября”, используя аргументацию речи Андре Марти.

2) Что касается транспортных расходов, то желательно добиться полного и частичного погашения таких издержек соответствующими правительствами, как это практикуется в отношении всех экономических эмигрантов.

Энергичные шаги надо предпринять перед “СЕРЕ” (служба эвакуации испанских беженцев) с тем, чтобы на каждом пароходе, перевозящем испанских беженцев, предоставлялось место для 200–400 интернациональных добровольцев.

3) Необходимо приступить к созданию в тех странах, которые примут бойцов интербригад и испанских беженцев, специальных комитетов для размещения и предоставления работы добровольцам, и проделать все необходимые организационные приготовления.

4) Для предельного расширения работы по освобождению бойцов интербригад рекомендуется создать во всех странах с многочисленной эмиграцией (США, Канада, Франция, Бельгия и т.п.) широкие комитеты вокруг тех или иных деятелей (Бенеш, Кароли и др.). Эти комитеты должны будут активно заняться освобождением, размещением и оказанием помощи интернационалистам соответствующей национальности по их прибытии на место и еще во время их пребывания в лагерях.

5) Впредь до освобождения надо усилить в лагерях (Гюрс и др.) моральную и материальную помощь. Однако необходимо, чтобы помощь эта согласовывалась Международным комитетом помощи в Париже (рю дю Фобур Пуасоньер, 113), специально ведающим делами добровольцев (Комитет координации является в настоящее время единственной организацией, ведающей делами испанских беженцев, но обе организации работают вместе вполне согласованно).

6) Надо энергично разоблачать “9-ю роту” в лагере Гюрс, образованную агентами национал-социалистов и итальянских фашистов, чтобы расколоть интернационалистов. Рота эта почти целиком состоит из троцкистов, анархистов, провокаторов и осужденных за нарушения обычного права. Коммунисты должны самым энергичным образом возражать против оказания какой бы то ни было помощи всем принадлежащим к этой роте. Этого уже добились итальянские коммунисты в итальянских организациях помощи.

7) Общие политические директивы для коммунистов среди бойцов интернациональных бригад может давать только партийный комитет лагеря или же партийный комитет той местности, где они находятся, работающий под руководством и контролем ЦК КПФ или страны, где проживают бойцы интербригад. Секретариат КПФ с полным основанием постановил, что без его контроля в лагерь не должны проникать никакие политические директивы, исходящие от других партий, и что таким обра-

зом должна быть ликвидирована нелегальная связь с лагерем, поддерживаемая, например, КПА и польским организационным комитетом.

3. Раненые

Создание в Париже Дома раненого с весьма широким комитетом, а также организация врачебной помощи, как она поставлена в Англии, должны встретить подражание во всех странах. В первую очередь в Америке это позволит:

- а) охватить всех раненых и больных единым контролем;
- б) обеспечить им регулярный уход и обслуживание необходимыми медикаментами и аппаратурой;
- в) оказать им таким образом максимальную материальную и моральную помощь.

Однако материальное положение Дома раненого в Париже, обслуживающего 2049 раненых (вне лагерей) и 450 раненых в одном только лагере Гюрс и не имеющего более средств, требует скорейшего максимального напряжения интернациональной солидарности, которой практически больше не существует.

4. Обеспечение нормального положения раненым, вдовам, сиротам и родителям. Интернациональный фонд

Надо взять пример с парижского Международного комитета помощи, старающегося обеспечить нормальное легальное положение и средства к существованию для этих жертв фашизма.

Поскольку международная конференция решила учредить фонд помощи в размере 30 миллионов французских франков для беженцев (испанцев и интернационалистов), надо в соответствии с решением секретариата от 25 июня добиться того, чтобы половина этой суммы была резервирована для интернационалистов. Первые собранные средства должны быть сосредоточены в Нью-Йорке и Стокгольме для использования парижским международным комитетом помощи, на который возлагается такая серьезная обязанность, как обеспечение передачи* 2 миллионов французских франков парижскому Дому раненого еще до 1 февраля 1940 г.

Это требует немедленного проведения в международном масштабе сбора пожертвований через два широких комитета – североамериканский и шведско-норвежский – как это вырешено 25.VI.

Каждая страна, где это еще не сделано, должна учредить специальный фонд для раненых и пострадавших интернационалистов – одновременно как для своих, так и для парижского комитета помощи. Для каждой страны будет установлена определенная минимальная сумма для оказания помощи интернационалистам. Суммы эти устанавливаются фракциями нью-йоркского и стокгольмского комитетов и составляют в общей сложности 15 миллионов французских франков.

Это позволит немедленно оказать помощь детям, вдовам и родителям и окончательно упрочить их положение посредством выдачи им в два или три приема пособия, обеспечивающего определенный прожиточный минимум.

* Слово “передачи” вписано сверху вместо зачеркнутого.

5. Военнопленные в Испании

Необходимо вести самую энергичную кампанию за спасение находящихся ныне в Испании интернациональных добровольцев. Для этого необходимо:

а) опубликовать во всех странах списки пленных;

б) развернуть специальную кампанию в защиту военнопленных добровольцев из стран с фашистскими и реакционными правительствами.

Для этого надо добиться того, чтобы в случае их освобождения были приняты следующими странами военнопленные таких национальностей: поляки, чехи, австрийцы, венгерцы – Швецией; австрийцы, немцы, итальянцы – Соединенными Штатами; балканцы и прибалтийцы – Канадой.

Одна из важнейших задач МОПР состоит в проведении кампании за освобождение этих пленных, одновременно с кампанией за мобилизацию масс против репрессий в Испании. Надо использовать политический аргумент в том смысле, что “исчезновение” этих пленных в Испании означает их выдачу палачам в их странах.

6. Освобожденные добровольцы

а) Надо энергично бороться со склонностью считать обязанность в отношении освобожденных добровольцев выполненной, если им оказана небольшая помощь, как “нищим”. Все легальные или нелегальные добровольцы должны быть включены в производство. Это долгое дело, требующее договоренности с профсоюзами и такова должна быть одна из важнейших задач Ассоциации бывших добровольцев в каждой стране. Недопустимо, чтобы во всех странах через 6 или 8 месяцев после возвращения из Испании много добровольцев еще оставались без работы.

б) Моральная помощь добровольцам так же важна, как и помощь политическая, между тем ее либо нет, либо она недостаточна.

в) Ассоциации бывших добровольцев, охватывающие их в каждой стране без различия национальной принадлежности, должны получить отчетливую установку в смысле оказания добровольцам материальной и моральной помощи, а также сохранение солидарности и единства, всегда существовавших в интернациональных бригадах в Испании.

7. Пропагандистская кампания за освобождение и улучшение положения интернационалистов

Для выполнения этих задач необходимо развернуть крайне настойчивую пропагандистскую кампанию с целью разъяснения того, что представляют собою интернациональные добровольцы, как выразители политической помощи народов всего мира Испанской Республике, борющейся за независимость, т.е. как выразители самой высокой солидарности, какую только можно вообразить. Эту популяризацию надо значительно усилить во всех странах, и в первую голову во всех странах Америки.

ДОКУМЕНТЫ 1940–1944 ГОДОВ

№ 69

Письмо товарищу Сталину

27 февраля 1940 г.

Дорогой тов. Сталин,

В начале февраля в Париже был арестован испанский товарищ Антон, секретарь мадридской парторганизации, член ЦК и один из лучших руководителей КП Испании. До ареста ему был выдан советский паспорт на его собственную фамилию, Франциско Антон, как уезжающий в СССР.

Теперь согласно декрета французского правительства будет ряд испанских эмигрантов отправлен в Испанию. Эта опасность угрожает и т. Антону.

Ввиду этого мы просили бы, если это только возможно, затребовать от французских властей освобождения т. Антона как испанского эмигранта, принявшего советское подданство, и выслать его в СССР.

С товарищеским приветом.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 229. Л. 1.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

№ 70

Письмо Мануильского Сталину

10 марта 1940 г.

Дорогой товарищ Сталин,

Нами получено сообщение Наркоминдела, подтвержденное НКВД, о том, что французские власти предложили испанским политэмигрантам, находящимся во Франции, до 15 марта с.г. документально доказать причины пребывания во Франции. Не сделавшие этого будут высланы в Испанию. Это означает, что испанские политэмигранты будут переданы французским правительством Франко. Ввиду этого мы просим Политбюро ЦК ВКП(б) разрешить въезд в СССР двадцати пяти ответст-

венным работникам КП Испании – членам ЦК КП Испании, членам Объединенной социалистической партии Каталонии, руководителям партийной организации в Мадриде, которым, в случае передачи их Франко, угрожает расстрел.

Список двадцати пяти испанских товарищей при этом прилагаем.

С товарищеским приветом

Д. Мануильский

Руководящие кадры Испании, находящиеся во Франции

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 229. Л. 3–5.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

№ 71

Письмо Г. Димитрова Кобелеву

10 декабря 1940 г.

Председателю Центрального Совета ОСОАВИАХИМ СССР
генерал-майору Кобелеву.

Уважаемый товарищ Кобелев,

Ко мне обратилось руководство Испанской компартии с просьбой о возбуждении ходатайства, чтобы испанские юноши, обучающиеся в техникумах и выразившие желание обучаться летному делу, были зачислены на учебу в Аэроклуб Осоавиахима. Я переговорил по этому поводу с Народным Комиссаром Обороны тов. Тимошенко и он дал разрешение зачислить студентов-испанцев, подавших заявление о приеме их в советское гражданство, на учебу в Аэроклуб, с тем, что по окончании учебы они будут приняты в одну из военно-летных школ СССР.

В настоящее время речь идет о зачислении на учебу в Аэроклуб Пролетарского района 9-ти испанцев-студентов, подавших заявление о приеме в советское гражданство.

Прошу Вас дать указание Аэроклубу Пролетарского района о принятии этих товарищей. Все они прошли медицинскую комиссию при Аэроклубе Пролетарского района. Список их при этом прилагается.

С товарищеским приветом

Г. Димитров

Список

политэмигрантов Испанцев, подавших заявление в Аэроклуб Пролетарского района для обучения по курсу пилотов и признанных годными гарниз. комиссией МВО для несения летной службы в частях ВВС Красной Армии.

1. АГИРРЕ ИГНАСИО
2. АЛЬБИСТЕГИ ИСАЙАС
3. ЛАРАНЯГА ХОСЕ-ЛУИС
4. ЛЕКУМБЕРИ АНТОНИО
5. ЛАВИН ЛУИС
6. ПРИЭТО ЭУХЕНИО

7. СУАРЕС ТОМАС
8. СПАНКА РАМОН
9. УРИБЕ АНТОНИО

Нач. Аэроклуба Пролетарского района г. Москвы
Пацейко

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 227. Л. 55.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

№ 72

Письмо Г. Димитрова Маленкову и Жукову

Секретно
Лично

30 июля 1941 г.

Посылаю Вам полученное мною письмо испанских товарищей (Антонио Кордон, Педро Прада, Мануэль Маркес, Хозе Мариа Галан, Эухенио Родригес Сиерра и Франсиско Сиутат), закончивших успешно учебу в Академии Генерального Штаба РККА.

Считал бы целесообразным удовлетворение их просьбы, конечно, в той конкретной форме, которую Генеральный Штаб найдет самой подходящей. Двое из них – Педро Прадо и Сиерра Родригес, служили в испанском военном флоте и могли бы быть использованы эвентуально в нашем военно-морском флоте.

Имеется и другая группа испанских товарищей в количестве 27 человек, заканчивающих Академию им. Фрунзе, которые настоятельно просят допустить их участвовать в войне против фашистского врага. Кроме того, группа испанских летчиков в количестве 40 человек (лучших из находящихся в СССР 110 испанских летчиков) обратилась к нам с просьбой ходатайствовать о их принятии на советскую службу.

Желательно было бы и вопрос о соответствующем использовании и этих боевых испанских товарищей рассмотреть и по возможности положительно решить.

С товарищеским приветом
(Г. ДИМИТРОВ)

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 231. Л. 4.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

*Письмо испанских курсантов
Академии имени Фрунзе Г. Димитрову*

1 августа 1941 г.
Москва

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА

Дорогой товарищ ДИМИТРОВ!

Мы, испанские рабочие, крестьяне и студенты, занимавшие во время войны за освобождение нашего народа различные военные посты, испытали огромную радость, получив по прибытию в Советский Союз возможность учиться в самой крупной Академии Красной Армии, где за два года учебы приобрели знания, которые позволяют нам понимать и вести современную войну. В связи с этим мы обращаемся к Вам с целью сообщить наше настроение и наши стремления.

Сегодня мы продолжаем учебу в Академии, понимая, что там остается и впредь наш боевой пост до момента получения новых приказаний. Мы приложим все усилия к тому, чтобы быть достойными оказанного нам доверия. Мы продолжаем учиться и обещаем Вам, что будем и впредь делать это с тем же энтузиазмом, как и ранее. Но мы не можем скрыть нашего горячего желания, состоящего в том, чтобы получить приказ об отправке на фронт, где практически ведется война. Там мы смогли бы дополнить наши знания, восполнить недостатки, которые имеются в нашей учебе на основе прямого и активного участия в Отечественной войне, навязанной Советскому Союзу фашистскими бандитами.

Товарищ Димитров! Группа испанцев, находящаяся в Академии им. Фрунзе, объята лишь одним желанием: пойти на фронт, чтобы бороться с оружием в руках вместе со славной Красной Армией.

С коммунистическим приветом
от имени коллектива Листер, М. Тагуэнья и Р. Солива

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 231. Л. 6.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

Письмо Г. Димитрова Маленкову

5 августа 1941 г.

Дорогой товарищ Маленков,

Посылаю Вам полученные мною два письма: 1) От испанских товарищей, учащихся в Военной Академии им. Фрунзе, и 2) от группы б. чешских добровольцев интернациональных бригад в Испании.

По этому поводу я еще раз прошу Вас сделать возможное, чтобы вопрос об участии в нашей Отечественной войне боевых испанских товарищей и бывших добровольцев интернациональных бригад был бы в одной или другой форме принципиально решен в положительном смысле.

В отношении испанских товарищей, закончивших Академию Генерального Штаба (шесть человек) и учащихся в Академии им. Фрунзе (27 человек), даже с точки зрения их будущей работы в Испании, было бы чрезвычайно полезно получить опыт в нашей войне, путем непосредственного участия на фронте.

С товарищеским приветом
Г. ДИМИТРОВ

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 231. Л. 5.
Подлинник, машинопись, рус. яз.

№ 75

Письмо Фридриха Димитрову

26 сентября 1944 г.

Товарищу ДИМИТРОВУ Г.М.

Посылаю Вам обзор о деятельности компартии Испании, составленный на основе нелегальных изданий компартии Испании.

Обзор содержит изложение следующих документов:

1. Отчет Центрального Комитета компартии на Национальной конференции, состоявшейся 15 января 1943 года.
2. Резолюция расширенного заседания делегации компартии Испании, состоявшегося в октябре 1943 года.
3. Воззвание компартии, датированное февралем 1944 г.
4. Воззвание компартии к испанскому народу о проведении кампании за амнистию (в начале 1944 года).

(ФРИДРИХ)

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАРТИИ В ИСПАНИИ

Нами получены некоторые материалы, свидетельствующие о деятельности компартии в Испании в условиях подполья и жестокого фалангистского террора. Ниже публикуем краткое содержание этих материалов.

Первый документ – отчет Центрального комитета компартии на национальной конференции, состоявшейся 15 января 1943 года. Этот документ опубликован в виде брошюры, обложка которой гласит: “Хотите ли вы изучить немецкий язык в 15 дней? – Новое тщательно проверенное, исправленное и дополненное издание. Париж, изд. бр. Гарниер”. Эта брошюра содержит 28 страниц мельчайшего шрифта. Первый раздел посвящен очерку истории войны республиканской Испании против Франко и итало-германских интервентов. Здесь м.п. говорится: “Очевидно, если бы прислушались к голосу нашей партии, которая предвидела опасность и предупреждала о ней, а также указывала на элементарные мероприятия для предотвращения угрозы; если бы осуществлялось единство рабочего класса и его тесный союз с крестьянст-

вом и мелкой буржуазией и если бы республиканское правительство приняло меры, предлагаемые нашей партией, то Испания была бы спасена и не имело бы места национальное потрясение”.

Далее отмечается, что в действительности дело произошло иначе, и война в Испании характеризуется как братоубийственная война между испанцами, спровоцированная Гитлером и его прислужниками Франко и фалангистами. Отмечается также, что ныне совершенно ясна политика, которую проводила компартия в годы войны, даже для тех, кто тогда не мог ее понять. Характерно, что в этом документе, когда речь идет о противном лагере, времени войны, м.п. говорится: “Между тем по другую сторону находились также тысячи испанцев, которые умирали героически, преисполненные веры в то, что они отдают свою жизнь за Испанию. Но в действительности, хотя они этого и не понимали, служили пушечным мясом для интервентов в Испании”.

Затем указывается, что Гитлеру удалось завербовать кроме деклассированных элементов, являвшихся фалангистами, также и военных профессионалов, не являвшихся сторонниками фаланги, которые были обмануты Гитлером и фалангой, отравлены их пропагандой и пресловутым антикоммунизмом. Разоблачая далее политику “невмешательства” и подчеркивая значение позиции Советского Союза, оказавшего мощную помощь испанскому народу в его борьбе против Франко и итало-германских интервентов, компартия подчеркивает в этом отчете: “22 июня 1941 года Гитлер совершил самый чудовищный и губительный шаг в своей истории. Он подписал таким образом свой собственный смертный приговор, а также приговор своему преступному и ненавистному режиму”.

Следует отметить, что в дальнейшем изложении большое внимание уделяется разоблачению “антикоммунистической” пропаганды Гитлера и его лакеев Франко и фалангистов. Это излагается в тесной связи с отправкой голубой дивизии на советско-германский фронт, с антисоветской клеветой, распространяемой фалангистской печатью, с попыткой гитлеровцев и их фалангистских агентов восхвалять в испанской фалангистской печати пресловутый “новый европейский порядок”. Здесь упоминаются имена героических борцов, коммунистов Дизгеса, Хирона, Месона и др., а также приводятся слова тов. Лараньяги, заявившего на суде: “Родина, г-н председатель и члены трибунала, для коммунистов — это Испания. Ей мы отдавали и отдаем нашу жизнь. Мы боролись до 18 июля за возвеличение Испании. Многие тысячи коммунистов и других испанцев умирали за освобождение Испании от иностранных интервентов. Мы готовы умереть так же самоотверженно, как наши предшественники за Испанию, за родину и испанский народ...”

Второй раздел посвящен международному положению, в котором приводятся пространные выдержки из речи товарища Сталина 6 ноября 1942 года. Здесь также приводятся цифры немецких потерь из тогдашнего сообщения Совинформбюро.

Третий раздел посвящен внутривнутриполитическому положению в стране. Здесь речь идет о том, что Франко и фаланга представляют собой агентуру Гитлера в Испании и стремятся вовлечь Испанию в войну на

стороне Гитлера. “Наша партия, – говорится в отчете, – всегда была права именно потому, что неустанно предупреждала об этой страшной угрозе, нависшей над всеми испанцами. Наша партия продолжает предупреждать об этой угрозе, которая становится более неотвратимой чем прежде”. В отчете затем разоблачается прислужничество фалангистской печати в отношении прогитлеровской информации, а также приводятся заявления Франко о готовности поставить испанскую армию на службу Гитлеру. “Из всех этих фактов вытекают прежде всего два обстоятельства: 1. Франко принимает все меры как политического, так и военного характера для скорого и открытого вступления в гитлеровскую войну и 2. Франко уже сейчас проводит провокационную политику в отношении всех стран англо-советско-американской коалиции, оказывая конкретную материальную помощь Гитлеру в войне против этой коалиции и пытаясь спровоцировать ее, принять соответствующие меры, дабы после этого предстать перед испанским народом не в качестве провокатора, а в качестве правительства, подвергнувшегося нападению. Таким образом Франко и фаланга это – война. Они готовы вовлечь Испанию в гитлеровскую войну любым способом”. Далее указывается, что представляло бы участие Испании в войне на стороне Гитлера в момент, когда приближается поражение гитлеровской Германии. При этом подчеркивается: “Тот факт, что Гитлеру и Франко поныне не удалось вовлечь Испанию в войну, объясняется действиями испанского народа, в результате которых Франко колеблется и дрожит перед тем как сделать какой-нибудь решительный шаг...”

Далее указывается, что Франко и фаланга несут полную ответственность за голод и нищету, царящие в стране и м.п. говорится: «этот факт приводит к тому, что все испанцы выступают против Франко и фаланги и каждый по-своему борется против режима Франко. Славные партизаны уже наказали некоторых известных фалангистов. На Канарских островах задерживается судно “Монте Амботе”, груженое военными материалами. Все более частыми становятся крушения поездов и уничтожения грузовиков, направлявшихся в Германию. В Мадриде был взорван поезд с грузом кислородных баллонов. В Сарагосе был подожжен грузовик с грузом пакетов йода. В Севилье был взорван пороховой склад. Там же сожгли помещение редакции фалангистской газеты. Один из крупнейших военных пороховых складов в Галисии также был взорван. Аналогичные факты имели место в Патерне (Валенсия). Героические солдаты, размещенные в одной из казарм Малаги, показали пример всем своим товарищам, отказываясь отправиться на Канарские острова, ибо они не хотели выступать против англо-советско-американской коалиции. С каждым днем уменьшается производительность рабочих и крестьян. В Массарроне рабочие добились увеличения зарплаты, объявив забастовку. Шоферы такси в Мадриде также объявили забастовку и добились увеличения количества выдаваемого горючего, которое, как правило, вывозится в Виго, объявили забастовку под знаком целого ряда требований. На другом мадридском предприятии рабочие прибегли к методу индивидуального требования об увеличении зарплаты и один вслед за другим появлялись в конторе предпринимателя, зая-

вляя об этом требовании. В конечном результате им удалось добиться его удовлетворения. На семи крупных фабриках в Каталонии рабочие подписали общие требования, которые были предъявлены предпринимателям, и на шести фабриках удалось добиться немедленного удовлетворения этих требований... Крестьяне не только уменьшают производство, но во многих случаях производят лишь крайне необходимое для потребления своей семьи и отказываются отдавать продукты своего труда органам фаланги и франкистской власти. Так в одной небольшой деревне на севере страны, расположенной близ железной дороги, железнодорожники помогли крестьянам отстоять урожай против попыток фалангистов реквизировать его».

Приводя многочисленные факты сопротивления испанского народа, автор отчета перечисляет следующие четыре задачи в борьбе за ниспровержение франкистского режима: 1. Усиление единства рабочего класса, союза рабочих и крестьян, а также единства между рабочими, крестьянами, мелкой буржуазией и либеральной буржуазией, т.е. между всеми сторонниками демократии; 2. Полная изоляция Франко и фаланги и разоблачение пресловутой "антикоммунистической" пропаганды фалангистов; 3. Практическое осуществление национального единства всех испанцев под знаком общей программы спасения Испании и 4. Борьба за ниспровержение Франко и установление правительства Национального единства и спасения Испании.

Заключительная часть отчета посвящена некоторым организационным вопросам, усилению организации партии. При этом говорится: "Мы с гордостью можем заявить, что наша партия не только располагала правильной линией, намеченной нашим Центральным комитетом. Несмотря на жестокие репрессии со стороны гестапо, руководимого фалангистами, в Испании не удалось никогда воспрепятствовать деятельности коммунистов... Это вызвано прежде всего той помощью, которую мы получили от политбюро и от Центрального комитета. Во-вторых, это является выражением героизма, самоотверженности, инициативы, которые мы должны проявлять сегодня в большей степени чем когда бы то ни было. Оно также показывает, что коммунисты смогли проводить свою деятельность в самых тяжелых условиях, ибо располагают прекрасными кадрами и мужественными борцами. Преодоление кризиса нашей партии приблизительно год тому назад и деятельность, проведенная партией, хотя и в недостаточной степени, в последнее время показывают, что наша партия под руководством политбюро и ЦК осуществляет правильную политическую линию, уничтожая навсегда методы касикизма и восстанавливая организационные принципы работы коммунистов и ответственность в проведении подлинно массовой политики. Наша партия способна в любых условиях руководить испанским рабочим классом и вести всех объединившихся испанцев к победе". При этом излагаются следующие задачи:

1. Создание партийных организаций в главных промышленных центрах страны; усиление партийной деятельности в городах и деревнях и, в особенности, среди крестьян; проведение партийной работы во всех организациях, где имеются рабочие, крестьяне или испанские патрио-

ты; уделить особое внимание партийной работе среди партизан, солдат и офицеров, в тюрьмах и трудовых батальонах; оказание всяческой помощи в развертывании работы Объединенного союза социалистической молодежи. Надо отказаться от ошибочной мысли о том, что организационная работа представляет собой предварительный этап к проведению массовой работы. Это совершенно неправильно. Именно при проведении массовой работы может расти и консолидироваться самым настоящим образом организация нашей партии.

2. Проведение серьезной политики кадров и смелое выдвижение на важнейшие посты товарищей, которые своей стойкостью и самоотверженностью в служении делу партии, рабочего класса и народа показали, что обладают способностью для руководства борьбой. Имеются товарищи, которые полагают, что в условиях нелегальности нельзя выдвигать новые кадры и что на данном этапе можно использовать лишь те кадры, которые по своей прошлой деятельности и биографии широко использовались партией. Подобная постановка вопроса является ошибочной...

3. Мы никогда не можем терпимо относиться к преступным слабостям в методах нелегальной работы. Вследствие чего в тюрьмы попадали многие товарищи, а некоторые из них были убиты.

Заключительная часть отчета посвящена тщательному изложению вопроса об усилении бдительности в условиях нелегальной деятельности партийных организаций в стране.

Вторым документом является резолюция расширенного заседания делегации компартии Испании, состоявшегося в октябре 1943 года, т.е. после создания в стране Верховной хунты Национального единства. В этой резолюции также подробно рассматриваются вопросы международного положения и подтверждаются выводы, сделанные на конференции компартии в январе 1943 года. В частности подчеркивается, что в связи с событиями в Италии многие задаются вопросом о том, как возможно было половинчатое решение военных и политических проблем в этой стране. Итальянский народ, говорится далее, представляющий собой основной фактор в этих событиях, не смог сыграть руководящую роль и навязать свою волю. Опыт Италии содержит поучительные уроки для испанского народа. Первый урок состоит в том, что раз возможно было с такой относительной легкостью свергнуть Муссолини и фашизм, располагавший сроком в 20 лет для своей консолидации, то гораздо легче освободиться от Франко и фаланги, которые, благодаря грандиозной войне за независимость, никогда не могли консолидироваться у власти. Второй урок состоит в том, что недостаточно единодушие в отношении к ненавистному и гнилому режиму, каковыми являлся режим Муссолини в Италии и является ныне режим Франко в Испании. Необходимо, чтобы правильная политическая линия проникла в сознание народа, который должен разоблачать всякие "маневры" и требовать постоянно решительного осуществления этой политической линии. Иными словами, мы должны добиться, чтобы все испанцы знали и согласились с программой Верховной хунты Национального единства...

В резолюции затем подчеркивается необходимость привлечения рабочих и демократических кругов самых различных политических направлений к осуществлению программы Верховной хунты Национального единства и излагаются факты, свидетельствующие о профашистской политике Франко. Здесь говорится: Упорная борьба испанского народа, с одной стороны, и развитие международных событий, с другой, привели к возникновению новых обстоятельств в Испании, со времени последней январской партийной конференции. Это прежде всего паника, которая наблюдается в испанской фаланге, маневры некоторых реакционных групп, стремящихся найти антинародный выход из создавшегося положения, и, наконец, создание демократическими силами, среди которых в первых рядах фигурирует наша партия, Верховной хунты Национального единства... Общеизвестны случаи, когда фалангисты отказываются от своих прежних заявлений и всячески ругают своих главарей... Несмотря на многочисленные распоряжения, фалангисты не появляются на улицах в форменной одежде, за исключением немногих, которые, рискуя всем, осмеливаются выходить на улицы в этой одежде. На лицах фалангистов заметно, что голубая фалангистская рубашка им не нравится. Это заставляет нас различать среди людей, следовавших за Франко более или менее длительное время, тех, кто сегодня осознал положение, признает свою ошибку и готовы исправить ее. Этим мы должны со всей откровенностью объяснить, что в их личных интересах и в целях исполнения патриотического долга они должны бороться вместе с нами и отмежеваться от Франко в фаланги...

В резолюции указывается, что ниспровержение Франко и фаланги может явиться результатом лишь неустанной и беспощадной борьбы всех патриотов, на основе создания национального единства.

По поводу создания Верховной хунты Национального единства и ее программы в резолюции м.п. говорится: Образование Верховной хунты Национального единства является чрезвычайно крупным политическим событием, встретившим широчайший отклик среди всех слоев населения страны. Это является крупным успехом правильной, упорной и смелой политики компартии. Но необходимо, чтобы все партийные комитеты, ячейки и все коммунисты довели до сведения испанцев в городах, селах, на предприятиях, в тюрьмах, казармах и партизанских частях программу Верховной хунты Национального единства, призывая к образованию везде местных хунт или комитетов, которые должны стать во главе борьбы. Такова первая задача, стоящая перед коммунистами.

Далее подчеркивается, что вторая задача, выдвигаемая в резолюции, состоит в усилении агитации и пропаганды по всей стране, создании мест по перепечатке воззваний, распространении печатных партийных материалов, проведении устной агитации. Все комитеты и ячейки, говорится в резолюции, должны воспроизвести один раз в месяц номер вашей газеты "Мундо обреро", которая постоянно ведет упорную борьбу против Франко и фаланги. Также необходимо делать в отношении органа Верховной хунты национального единства "Реконкиста де Эспанья".

Третья задача, возникающая в настоящий момент, состоит в переходе к широким боевым действиям, к забастовкам, демонстрациям,

крупным акциям героических партизан и т.д. При этом подчеркивается необходимость реорганизации профсоюзов, примыкавших к ВРС и НКТ. Не следует сейчас создавать многочисленную профсоюзную организацию, которую трудно сохранить в условиях полицейского террора. Достаточно создать основу профсоюза, чтобы руководить борьбой рабочих. В партии и вне ее рядов имеется множество профсоюзных руководителей из ВРС и НКТ, располагающих большим опытом борьбы. Вне зависимости от того, являются ли они членами партии или беспартийными, мы должны привлечь их к профсоюзной деятельности и организации борьбы рабочих на предприятиях... рабочие должны требовать увеличения зарплаты и продовольственного рациона. Безработные должны требовать субсидий, а крестьяне снижения цен на промышленные товары, уменьшения арендной платы, аннулирования ростовщических долгов и права свободной организации. Солдаты должны требовать лучших казарменных условий и немедленной демобилизации. Женщины должны требовать своевременной продажи продовольственного рациона, увеличения норм, дабы их семьи не испытывали голода. Молодежь должна требовать свободы просвещения и спорта, отмены насильственных мобилизаций, устраиваемых фалангистской организацией "Фронт молодежи" и т.д.

По поводу деятельности партизан в резолюции подчеркивается необходимость перехода к наступательным действиям для нанесения значительного ущерба гитлеровским лакеям в Испании.

Далее содержится требование об объявлении амнистии, прекращении пыток, солидарности с Объединенными нациями и т.д. При этом говорится, что наряду с главнейшими тремя задачами фигурируют также все остальные задачи, которые постоянно осуществляются партией и которые были изложены на январской конференции. Особо отмечается значение движения солидарности с политзаключенными. "Достижение Национального единства, усиление агитации и борьбы – таковы средства подготовки предстоящего национального восстания, в котором все испанцы, объединившись, свергнут навсегда Франко и фалангу". В заключение подчеркивается значение организационных задач, "в коей области существует множество недостатков и не отмечался достаточный прогресс со времени конференции в январе 1943 года. Таким образом полностью актуальны указания, сделанные на конференции по поводу роста партийных рядов в основных центрах, правильной политики кадров, финансовой политики, максимального развития инициативы и увеличения ответственности в партийных рядах, внедрения коллективных методов работы, когда каждый товарищ выполняет определенную задачу и несет ответственность за это".

Далее подчеркивается значение строжайшего выполнения методов нелегальной работы и разоблачения провокаторов и полицейских шпионов. "Большинство наших товарищей героически вели себя во время зверских пыток в полицейских комиссариатах. Они заслужили любовь всего народа и уважение со стороны делегации Центрального комитета, знающей о их геройском поведении. Но имелось несколько предателей и трусов, виновных в аресте и убийстве других товарищей. Эти от-

вратительные преступники понесут заслуженную кару. Сегодня же необходимо окружить их в тюрьмах, на улицах ненавистью всего народа. Впредь, когда возникнет случай подобного рода, каждый партийный комитет обязан опубликовать имя предателя или труса, дабы весь народ знал о нем”.

Подчеркивая роль компартии, как активного руководителя рабочего класса и народа, авторы резолюции указывают: “Мы приняли решение о реорганизации руководящих партийных органов, которые под лживым предлогом нелегальности продолжают свою полную бездеятельность и закрываются в самих себе. Мы приняли решение о реорганизации партийных органов, которые в ближайшее время не представят положительных результатов в осуществлении изложенных нами трех главных задач и в проведении смелой и решительной массовой политики”.

Третьим документом является воззвание компартии, широко распространявшееся в Испании и датированное от февраля 1944 г. Это воззвание воспроизведено в газете “Эспанья Популар” (Мексика) от 5.V. 1944 г. и озаглавлено “На пути к национальному восстанию”. В нем м.п. говорится: “Славные победы Красной Армии, руководимой гениальным полководцем Сталиным, привели к созреванию и решимости союзных стран для нанесения окончательного удара по гитлеризму. Нынешний исторический этап приближается к победе дела свободы и прогресса, к полному разгрому преступной гитлеровской банды, к уничтожению тирании и нищеты. Судьба Гитлера и его лакеев предрешена. Сочтены дни германского фашистского чудовища, который, поставив у власти в Испании своих франкистских агентов, наводнил страны своими ордами, разрушая города и убивая массы испанского народа”.

Разоблачая попытки Франко извратить действительное положение вещей в Испании, Компартия подчеркивает, что “около миллиона испанцев поныне томятся в тюрьмах, в ссылке и подвергаются жестоким пыткам. Рабочие получают мизерную зарплату и продолжают существовать баснословные цены. Поныне реквизируется урожай у крестьян, испытывающих бремя налогов для содержания репрессивного и военного аппарата.

Испанцы лишены самых элементарных человеческих свобод. Излагая известную программу Верховной хунты Национального единства и призывая массы к борьбе за непосредственные политические и экономические требования, компартия подчеркивает роль героических испанских партизан, ведущих беспощадную борьбу с франкистским режимом, отмечая передовую роль, которую играют коммунисты в этом деле.

В заключительной части воззвания наряду с лозунгами о победе Объединенных наций над гитлеризмом и о борьбе Франко и фаланги содержится призыв к подготовке “победоносного национального восстания”.

Нами получены опубликованные и нелегально распространявшиеся в стране инструкции делегации центрального комитета коммунистической партии для проведения национальной кампании за амнистию, против пыток заключенных и против смертной казни.

В этом документе м.п. говорится:

“Благодаря мощным ударам, нанесенным славной Красной Армией гитлеровским ордам, международное усиление борьбы поработанных народов. В Испании Франко находится в изоляции и существуют все условия для объединившихся испанцев свергнуть Франко и фалангу.

Следовательно, нужно осуществить национальное единство всех испанцев и усилить борьбу. Для этого имеется боевой дух масс, который проявился 7 ноября в университетском городке в день годовщины славной обороны Мадрида, где собралось 70 000 человек.

Несмотря на значительные успехи, достигнутые за последние месяцы, нужно признать, что работа партии отстает от быстрого развития событий. В этом отношении мы должны всегда помнить слова из отчета о последнем пленуме делегации ЦК партии. На всех собраниях комитетов и ячеек партии мы должны всегда ставить следующие три вопроса: Как осуществляется наша работа по национальному единению? Как проводится наша агитационная работа? Какая ведется сейчас борьба? И каждое собрание должно обсуждать все, что сделано по этим трем вопросам”.

В свете этих задач делегация призывает к максимальной мобилизации партии во время национальной кампании за амнистию, против пыток заключенных и против смертной казни. Эта кампания имеет огромное значение для единства и борьбы в Испании, ибо террор является основной базой режима Франко, говорится далее в инструкции. Кампания проводится под знаком национального единства. Нужно призывать к участию к ней социалистов, республиканцев, членов Всеобщего рабочего союза, Национальной конфедерации труда и всех антифранкистов правого или левого направления и совместно с ними создать комитеты или хунты Национального единения.

Далее в инструкциях рекомендуется членам испанской компартии писать лозунги на стенах домов и выпускать листовки с лозунгами: “Долой смертную казнь! Против пыток заключенных! Долой Франко и фалангу! Да здравствует свободная и независимая Испания!”

Также даются директивы о сборе денег, одежды и продовольствия для политзаключенных; о посещении домов и магазинов, принадлежащих людям, известным своими антифалангистскими тенденциями; о проведении на предприятиях сборов в размере однодневного заработка; об обращении к католическим и благотворительным организациям с тем, чтобы посылали подарки заключенным в связи с рождеством.

В начале 1944 г. компартия опубликована воззвание к испанскому народу о проведении кампании за амнистию.

В этом воззвании м.п. указывается, что в новом 1944 году поражение Гитлера фактически предreshено благодаря ударам Красной Армии под гениальным руководством товарища Сталина.

Испанская коммунистическая партия, всегда находящаяся в авангарде борьбы за свободу Испании, призывает всех испанцев, независимо от политических взглядов и вероисповеданий, высказаться за амнистию, против пыток заключенных и против смертных казней!

Все испанцы, бедные или богатые, призываются посылать подарки заключенным в связи с рождеством и Новым годом! Далее говорится:

“Кто из вас не знаком с заключенным или с семьей заключенного, чтобы оказать им свою помощь? Кто может отказать в такой справедливой просьбе? Только фалангистские каналы способны на это. Остальные испанцы, независимо от того, как они думают, должны гордиться, проявляя свою человеческую солидарность, которая должна означать возрождение подлинной национальной солидарности для освобождения Испании от позорного гитлеровского ига, которое Франко навязал ей. Необходимо очистить государственный аппарат – и особенно армию от фалангистов. Требуем провозглашения амнистии, дабы Испания отвоевала политические и религиозные свободы и все испанцы смогли бы решить демократическим путем вопрос о свободном будущем Испании. С этой целью была создана в сентябре 1943 г. Верховная хунта национального единения. В ней участвуют вместе с коммунистами, социалисты, республиканцы, баски, каталонцы, всеобщий рабочий союз и Национальная конфедерация труда. Национальная хунта ставит себе целью свергнуть Франко и фалангу, поощряя борьбу всеми способами. Поэтому испанская коммунистическая партия призывает всех испанцев к созданию национального единства и к борьбе за спасение Испании. Для того, чтобы достойно вступить в 1944 год, она призывает всех участвовать в кампании национальной солидарности со всеми заключенными антифранкистами и к борьбе против кровавого франкистского террора”.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 247. Л. 32-46.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

№ 76

Письмо Г. Димитрова И.В. Сталину

20 октября 1944 г.

По просьбе тов. Долорес Ибаррури мы запросили тов. Тито о возможности направления в Югославию и временного использования в Народно-освободительной армии испанских товарищей Модесто (русская фамилия Морозов Георгий Георгиевич), Листер (русская фамилия Лисицын Эдуард Эдуардович) и Кордон (русская фамилия Кузнецов Антон Антонович). Товарищ Тито ответил согласием.

Так как т.т. Модесто, Листер и Кордон числятся в Красной Армии, их переезд может быть проведен, только если они будут освобождены от службы в Красной Армии. В таком случае т.т. Модесто, Листер и Кордон будут иметь возможность через некоторое время переехать ближе к Испании для работы по линии испанской компартии.

Прошу Вашего распоряжения об освобождении указанных товарищей из рядов Красной Армии и направлении их в Югославию.

(Г. ДИМИТРОВ)

Лично.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 243. Л. 3.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

Письмо Гуляева Димитрову

Сов. секретно

28 ноября 1944 г.

Товарищу ДИМИТРОВУ Г.М.

В связи с отъездом т.т. Долорес Ибаррури и Игнасио Гальего требуется пополнить состав работников ЗБ КП Испании. Для этой цели Руководство КП Испании предлагает на Ваше утверждение т.т. Ребельона Карлоса Баро и Пита Федерико Хосе Молина. Оба товарища с достаточным опытом партийной работы, политически подготовленные и авторитетные среди испанской политэмиграции.

Эти товарищи работают в Москве, тов. Ребельон – в ВЦСПС, а тов. Пита – в Институте иностранных языков РККА.

С обеими организациями имеется договоренность об отпуске упомянутых товарищей на другую работу. Но тов. Пита отпускают при условии замены его другим, равноценным для Института работником. Такая замена предлагается в лице члена КП Испании – тов. Галана Луиса Хименес, ныне находящегося в г. Уфе.

Считая предложенные кандидатуры Руководством КП Испании для работы в ЗБ подходящими, прошу Вас утвердить сотрудников ЗБ КП Испании т.т. Ребельон Карлоса Баро и Пита Федерико Хосе Молина с окладами по 1200 руб. в месяц.

Кроме того, прошу Вашего ходатайства перед тов. Прониным о въезде в Москву т. Галана Луиса Хименеса, предназначенного в Институт иноязыков РККА, взамен тов. Пита.

Что касается жилищного вопроса, то он решается так: тов. Пита после отъезда тов. Гальего будет помещен на его место, в общежитие “Люкса”, а занимаемая им жилплощадь при Институте иноязыков РККА будет предоставлена тов. Галану Л.Х. Тов. Ребельон уже давно живет в общежитии “Люкса”.

Приложение: Проект Вашего письма тов. Пронину
и краткие справки на т.т. Ребельона,
Пита и Галана.

(П. Гуляев)

*РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 244. Л. 151.**Подлинник, машинопись, рус. яз.*

25 декабря 1944 г.

Направляю Вам письмо т. Долорес Ибаррури на имя Негрина, находящегося в Лондоне.

Так как у нас нет никакой надежной возможности отправить это важное и срочное письмо Негрину, очень Вас прошу продумать – нельзя ли, сохраняя всю необходимую предосторожность, отправить его по Вашей линии.

Не откажите известить меня о Вашем решении по этому поводу.

Для Вашего сведения посылаю также русский перевод письма.

(Г. ДИМИТРОВ)

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 41. Л. 27.

Подлинник, машинопись, рус. яз.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

- АБОЛЬЯДО** (Abollado) Луис Варгас (1916–?), псевдоним Муньос, Анхель – член компартии Испании с 1933 г. В 1935 г. вернулся в Испанию, в 1937 г. член ЦК Объединенного Соцмола Испании. В 1937–1938 гг. на курсах МЛШ, по окончании которых принимал участие в Гражданской войне. В 1939 г. эмигрировал во Францию, затем в СССР.
- АЛЛАР** (Allard) Пьер см. Черетти Джулио.
- АНТОН** (Anton) Франсиско Санс (1909–1976), псевдоним Руис Луис – член компартии Испании с 1931 г. В 1932–1934 гг., 1935–1936 гг. секретарь Мадридского комитета компартии. В 1937–1939 гг. руководитель военно-политической комиссии ЦК компартии и комиссар армии Центральной республиканской зоны. С 1937 по 1976 г. член ЦК компартии Испании. В 1939–1940 гг. по заданию ЦК компартии работал в Париже, после ареста с октября 1939 по май 1940 г. находился в концлагере во Франции. В 1940–1943 гг. работал в аппарате ИККИ, в 1943–1944 гг. в Мексике среди испанской политэмиграции. В 1937–1945 гг. кандидат в члены политбюро, в 1945–1953 гг. член политбюро ЦК КПИ.
- АСАНЬЯ**, Мануэль (1880–1940) – военный министр и председатель Совета министров (1931–1933), президент Республики (1936–1939).
- БЕЛОВ** Георгий Демьянович см. Дамянов Г.
- БЕРИЯ** Лаврентий Павлович (1899–1953) – советский партийный и государственный деятель. В 1934–1953 гг. член ЦК ВКП(б), в 1939–1946 гг. кандидат в члены политбюро ЦК ВКП(б), в 1946–1953 гг. член политбюро, затем Президиума ЦК. В 1938–1945 гг. нарком внутренних дел СССР, в 1941–1953 гг. заместитель председателя Совнаркома, затем Совета Министров СССР, в марте–июне 1953 г. первый заместитель председателя Совета Министров СССР. В 1953 г. исключен из КПСС и по приговору специального судебного присутствия Верховного Суда СССР расстрелян.
- БЕРТИ** (Berti) Джузеппе (1901–1979), псевдоним Якопо – член Итальянской компартии с 1921 г. В 1924–1926 гг. член ИККИМ. В 1926–1930 гг. находился в тюрьме и в ссылке. В 1930–1931 гг. представитель ИКП при ИККИ, в 1931–1934 гг. член ЦК, политбюро и секретариата ЦК ИКП в Париже, в 1934–1940 гг. член узкого руководства ИКП. В 1940 г. выехал в США для работы среди итальянской эмиграции. Организовал там издание газеты “Stato Operaio”. Избирался в парламент Италии в 1948 и в 1953 г.
- БИАНКО** (Bianco) Винченцо (род. в 1898 г.) – деятель итальянского коммунистического движения. В 1925 г. эмигрировал в Советский Союз. С 1931 г. член ЦК ИКП. В 1932 г. арестован в Италии и приговорен к длительному тюремному заключению. В 1935 г. освобожден по амнистии. Сражался в интернациональных бригадах в Испании под псевдонимом полковник Григер (Grigher). В 1940–1943 гг. представитель Итальянской компартии при ИККИ.
- БАЛЬБОНТИН** Хосе Антонио – основатель и руководитель левоэкстремистской социал-революционной партии. В течение года его партия входила в Коммунистическую партию Испании.

БИЙУ (Billoux) Франсуа (1903–1978), псевдоним Рош (Roche) – деятель Французской компартии, вступил в нее в 1920 г., с 1926 г. член ЦК ФКП. Делегат V и VI конгрессов Коминтерна. В 1928–1930 гг. генеральный секретарь ЦК КСМ Франции, в 1936–1940 гг. депутат французского парламента. В 1937 г. политкомиссар базы интернациональных бригад в Испании. С 1937 по 1972 г. входил в состав политбюро ЦК ФКП. В 1940 г. был осужден на 5 лет каторжных работ и находился в Северной Африке, освобожден в 1943 г. В 1944–1947 гг. занимал министерские посты в ряде правительств Франции. В 1953–1956 гг. секретарь ЦК ФКП.

БЛАГОЕВА Стелла (1887–1954) – деятель болгарского социалистического и коммунистического движения, дочь Дмитрия Благоева. В 1926 г. эмигрировала в Советский Союз. Работала в аппарате ИККИ старшим референтом вплоть до его роспуска в 1943 г.

БЛИНОВ Александр Семенович (1906–?) – член ВКП(б) с 1932 г. С 1937 г. ответственный сотрудник службы связи ИККИ, инструктор ее первого отдела.

БЛОК (Bloch) Ришар (1884–1947) – известный французский писатель и публицист, член Французской компартии с 1921 г. С начала германской оккупации перешел на нелегальное положение, сотрудничал в антифашистских изданиях. В апреле 1941 г. прибыл в Москву, принимал участие в работе Всесоюзного радиокомитета. В начале 1945 г. вернулся во Францию.

БУХАРИН Николай Иванович (1888–1938) – член РСДРП с 1906 г. С 1922 г. кандидат в члены политбюро ЦК ВКП(б), а с 1924 г. член политбюро, редактор газеты “Правда”. В 1919–1928 гг. активно работал на руководящих постах в Коминтерне, в 1920 г. избирался в ИККИ и в Малое бюро (позднее Президиум), с 1926 г. он практически возглавил Секретариат ИККИ. В 1929 г. выведен из политбюро ЦК ВКП(б) по обвинению в “правом уклоне”. В 1933 г. был назначен главным редактором газеты “Известия”. В 1937 г. исключен из рядов партии, в 1938 г. обвинен в антигосударственной деятельности, расстрелян. Впоследствии реабилитирован посмертно.

ВАРГА (Varga) Евгений (1879–1964), псевдоним Павловский Е. – деятель венгерского коммунистического движения, советский ученый. В 1919 г. был министром финансов, затем председателем Высшего совета народного хозяйства Венгерской Советской Республики. В 1920 г. переехал в СССР. В течение многих лет активно работал в Коминтерне, с 1935 г. кандидат в члены ИККИ. В 1927–1947 гг. возглавлял Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, был главным редактором журнала “Мировое хозяйство и мировая политика”.

ВАСИЛЬЕВ Борис Афанасьевич (1889–1937) – с 1927 г. член Латинского (позднее Романского) ландерсекретариата, с 1926 по 1934 г. возглавлял постоянную комиссию Политсекретариата ИККИ.

ВИДАЛИ (Vidali) Витторио (1900–1983), псевдонимы Де Сорменти (Sorrenti) Артуро и Контрерас (Contreras) Карлос – член Итальянской компартии с 1921 г. В 1926 г. секретарь Антифашистского комитета Северной Америки, в этом же году представлял Коминтерн в Компартии Мексики и возглавил Антиимпериалистическую лигу. В 1928 г. член Исполнительного бюро Профинтерна. Под псевдонимом Карлос Контрерас воевал в составе интернациональных бригад в Испании. В 1939–1947 гг. активно участвовал в коммунистическом движении в Латинской Америке, в 1947 г. возвратился в Италию. В 1960–1969 гг. член ЦК ИКП.

ВИДИЭЛЬЯ (Vidiella) Рафаэль Франц (1890 – середина 1980-х годов) – в 20-е годы анархо-синдикалист. В 1936 г. вошел в руководство Объединенной социалистической партии Каталонии, с 1937 г. член ЦК компартии Испании.

В период Гражданской войны был последовательно министром путей сообщения, правосудия и труда в автономном правительстве Каталонии. С октября 1939 г. в эмиграции в СССР, работал редактором в Издательстве литературы на иностранных языках. С ноября 1943 г. член заграничного бюро компартии Испании.

ВИЛКОВ Константин Федорович (1905–?) – член ВКП(б) с 1925 г., член ЦК ЛКСМ Белоруссии с 1939 г., в 1939–1943 гг. работал в аппарате ИККИ заместителем заведующего отделом кадров.

ВИТТОРИО (Vittorio) Джузеппе ди (1892–1957), псевдоним Николетти Марио – деятель итальянского профсоюзного и коммунистического движения. С 1924 г. и до конца жизни член ЦК ИКП, член руководства ИКП. Во время Гражданской войны в Испании в 1936–1937 гг. политический комиссар в интернациональных бригадах. В 1937–1941 гг. жил главным образом во Франции. В 1941 г. арестован и до 1943 г. находился в тюрьме. В 1945–1957 гг. секретарь Всеобщей итальянской конфедерации труда.

ВЛАХОВИЧ (Vlahovi) Велимир (род. в 1914), псевдоним Власов И. – член компартии Югославии с 1936 г., сражался в составе интернациональной бригады в Испании. В 1939 г. стал членом ЦК СКМЮ и представлял его в КИМ. В годы войны секретарь ИККИМ, работал на радио “Свободная Югославия”. В 1944 г. вернулся в страну, вошел в состав ЦК КПЮ. В 1958 г. избран членом политбюро, секретарем ЦК СКЮ (позднее исполкома).

ГАЛЬЕГО (Gallego) Хавьер Ногаль см. Гарота Хезус.

ГАРЛАНДИ (Garlandi) см. Гриеко Руджеро.

ГАРОТА (Garotte) Хезус, псевдоним Гальего (Gallego) Хавьер Ногаль – член компартии Испании с 1923 г., с 1929 г. член ЦК КПИ, много раз арестовывался и отбывал тюремное заключение. В годы второй мировой войны член политбюро ЦК КПИ, находился в СССР, откуда уехал в 1944 г.

ГЕМИНДЕР (Geminder) Бедрих (1901–1952), псевдонимы Фридрих Г., Крамер, Витавский – деятель чехословацкого и международного коммунистического движения. Родился в Моравии. В 1924–1926, 1934–1935 гг. работал в аппарате Коминтерна в Москве. В конце 1938 г. эмигрировал в Советский Союз, в 1938–1939 гг. заместитель заведующего Отделом печати и пропаганды ИККИ, в 1939–1943 гг. заведующий Отделом печати ИККИ, в 1943–1945 гг. директор Института № 205 при ОМИ. В 1945–1951 гг. секретарь ЦК КПЧ. В сентябре 1951 г. был арестован в связи с делом Р. Сланского, приговорен к смертной казни и расстрелян 3 декабря 1952 г.

ГЕРЕ (Geré) Эрнэ, настоящая фамилия Зингер (Singer) (1893–1980), псевдонимы Педро, Эрнст, Пьер, Жюль – деятель венгерского коммунистического движения. С 1924 г. работал в аппарате Коминтерна в Москве, выполнял поручения Коминтерна в различных странах. В годы Гражданской войны эmissар Коминтерна в Испании. По возвращении в Москву работал в Секретариате ИККИ, представлял компартию Венгрии в Коминтерне. В 1943–1944 гг. находился в Бельгии для связи Москвы с компартиями Западной Европы. В 1945–1956 гг. член политбюро ЦК Венгерской компартии, и июле–октябре 1956 г. ее генеральный секретарь, в 1962 г. исключен из ВСРП.

ГИПТНЕР (Gyptner) Рихард (1901–1972), псевдонимы Магнус, Магнуссон, Рихард – член компартии Германии с 1918 г. В 1922 г. избран в Исполком КИМ, в 1924–1928 гг. секретарь ИККИМ. В 1928–1933 гг. секретарь Западно-европейского бюро ИККИ. С лета 1933 г. возглавлял Всемирный комитет борьбы против войны и фашизма. В 1933–1935 гг. секретарь Межрабпома. Делегат VII конгресса Коминтерна. В 1935–1941 гг. работник аппарата Исполкома Коминтерна, в 1941–1943 гг. старший редактор немецкой ра-

диоредакции ИККИ. В 1945 г. вернулся в Германию. С 1955 г. на дипломатической работе, посол ГДР в ряде стран.

ГОНСАЛЕС (Gonzalez) Альберто Менендес (1915–1987) – член компартии Испании с 1935 г., в 1937–1939 гг. на партийной работе при ЦК КП Испании. В 1939 г. находился в концлагере в Северной Африке, в 1939 г. прибыл в СССР. В 1941–1942 гг. слушатель партийной школы ИККИ. В 1942–1945 гг. служил в рядах Красной Армии, забрасывался в немецкий тыл. В послевоенные годы сотрудник Института истории АН СССР, затем Института всеобщей истории АН СССР.

ГОТВАЛЬД (Gottwald) Клемент (1896–1953) – деятель чехословацкого и международного коммунистического движения. С 1925 г. член ЦК КПЧ, с 1926 г. член политбюро ЦК. В 1929–1945 гг. генеральный секретарь ЦК КПЧ. С 1929 г. член Президиума ИККИ, в 1935–1943 гг. член Президиума и Секретарь ИККИ. С ноября 1938 г. до освобождения Чехословакии находился в Москве. В 1945–1953 гг. председатель КПЧ, в 1948–1953 гг. президент Чехословацкой Социалистической Республики.

ГРИЕКО (Grieco) Руджеро (1893–1955), псевдонимы Росси, Бракко (Bracco), Гарланди (Garlandi) – деятель итальянского коммунистического движения. С 1921 г. до конца жизни был членом ЦК ИКП, членом руководства ИКП. В 1925 г. стал членом Президиума Крестинтерна. В 1926 г. эмигрировал во Францию, где вместе с П. Тольятти возглавил заграничное бюро ИКП. В 1928–1935 гг. кандидат в члены ИККИ, в 1935–1943 гг. член ИККИ, кандидат в члены Президиума ИККИ, в 1928–1937 гг. представитель ИКП в Коминтерне. Участвовал в работе V, VI, VII конгрессов Коминтерна. Во время второй мировой войны готовил радиопередачи на Италию. В 1944 г. вернулся в Италию. В 1946 г. избран депутатом парламента.

ГУЙО (Guyot) Раймон (1903–1986), псевдоним Раймон – деятель французского коммунистического движения. С 1928 г. член ЦК ФКП, с 1932 г. генеральный секретарь Федерации коммунистической молодежи, в 1935–1939 гг. генеральный секретарь Исполкома Коммунистического интернационала молодежи, с 1935 г. член ИККИ. Летом 1939 г. находился в Москве, в начале сентября 1939 г. выехал во Францию, с июня 1940 до 1942 г. находился в СССР. В 1942 г. выехал в Лондон, затем был парашютирован во Францию, участвовал в организации движения Сопротивления. В 1945–1972 гг. член политбюро ЦК ФКП.

ДАМЯНОВ (Damianov) Георгий (1892–1958), псевдоним Белов – деятель болгарского социалистического и коммунистического движения. После поражения Сентябрьского восстания 1923 г. эмигрировал в Советскую Россию. В 1929 г. окончил в Москве Военную академию имени Фрунзе, в 1929–1935 гг. работал в загранбюро БКП и в аппарате Коминтерна. В 1935–1936 гг. выполнял партийные поручения в Болгарии, в 1936–1937 гг. инструктор интернациональных бригад в Испании. В 1938–1941 гг. работал в аппарате Коминтерна в Москве, был заместителем заведующего Отделом кадров. В 1941–1944 гг. сражался в рядах Красной Армии. В сентябре 1944 г. вернулся в Болгарию, стал секретарем ЦК БКП, в 1946–1950 гг. министр национальной обороны, в 1950–1954 гг. председатель Национального собрания.

ДИАС (Diaz) Хосе (1895–1942) – деятель испанского рабочего и коммунистического движения. В 1932–1942 гг. генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Испании, с 1935 г. член ИККИ. В ноябре 1938 г. эмигрировал в Советский Союз, с 1939 г. член Секретариата ИККИ. Умер в Тбилиси 20 марта 1942 г.

ДИМИТРОВ (Dimitrov) Георгий Михайлович (1882–1949), псевдонимы Гельмут, д-р Гедигер, Пауль – деятель болгарского и международного коммуни-

стического движения. С 1903 г. активист Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) во главе с Д. Благоевым. С 1909 г. член ЦК БРСДП (т.с.), а с 1919 г. член ЦК Болгарской коммунистической партии. Один из руководителей Сентябрьского восстания в Болгарии в 1923 г., после поражения восстания заочно приговорен к смертной казни. В 1923–1945 гг. находился в эмиграции. В 1924–1935 гг. кандидат в члены ИККИ, в 1926–1935 гг. кандидат в члены Секретариата ИККИ. В 1926–1927 гг. возглавлял Балканскую коммунистическую федерацию. В 1929–1933 гг. вел нелегальную работу в Германии, возглавлял Бюро Коминтерна для стран Западной Европы в Берлине. В марте 1933 г. арестован нацистами по обвинению в поджоге рейхстага. В сентябре–декабре 1933 г. на Лейпцигском процессе выступал против нацизма и был оправдан. В 1934–1945 гг. жил в СССР. На VII конгрессе Коминтерна выступил с докладом об угрозе фашизма и задачах Коминтерна. В 1935–1943 гг. член Президиума ИККИ, генеральный секретарь ИККИ. В 1944–1945 гг. заведующий Отделом международной информации ЦК ВКП(б). Депутат Верховного Совета СССР в 1937–1945 гг. В ноябре 1945 г. вернулся в Болгарию. С ноября 1946 г. председатель Совета Министров Болгарии, с декабря 1948 г. генеральный секретарь ЦК БРП(к).

ДОЛОРЕС см. Ибаррури Долорес.

Д'ОНОФРИО (D'Onofrio) Эдуардо (1901–?), псевдоним Фимен Эдо – деятель итальянского коммунистического движения. В 1928 г. арестован за антифашистскую коммунистическую деятельность и приговорен к 12 годам тюремного заключения. В 1935 г. освобожден, эмигрировал во Францию, где работал в зарубежном руководящем центре ИКП. В 1936–1939 гг. сражался в составе интернациональных бригад в Испании. В 1939–1940 гг. представитель ИКП в Коминтерне, в 1940–1943 гг. работал на радио. В 1943–1944 гг. занимался политической работой среди итальянских военнопленных. В 1944 г. вернулся в Италию. В 1946–1956 гг. член руководства ИКП.

ДЮКЛО (Duclos) Жак (1896–1975), псевдонимы Жак, Лео, Ив – деятель французского и международного коммунистического движения. В 1926–1975 гг. член ЦК ФКП. В 1930–1931 гг. работал в аппарате ИККИ, по заданиям Коминтерна выезжал в Германию, Бельгию, Испанию. В 1931–1975 гг. член политбюро ЦК ФКП, в 1931–1964 гг. секретарь ЦК ФКП. В 1935–1943 гг. член ИККИ. В сентябре 1939 – мае 1940 г. находился в Брюсселе, с июня 1940 г. нелегально на оккупированной территории Франции. В июне–июле 1940 г. один из инициаторов переговоров с германскими властями в Париже о легальном издании “Юманите”. В 1941–1944 гг. один из организаторов движения Сопротивления.

ЖУЙОВИЧ (Žujovich) Сретен (1899–1950), псевдоним Рихтер – в 1924 г. вступил в Независимую рабочую партию Югославии и в компартию Югославии. В 1929 г. арестован. В декабре 1933 г. прибыл в СССР. В конце 1934 г. вернулся в Югославию на нелегальную партийную работу. В 1936–1937 гг. член ЦК КПЮ. В 1937–1938 гг. доброволец интербригад в Испании. В 1938–1939 гг. работал в Париже, в 1940 г. вернулся в Югославию, на V Общеюгославской партийной конференции избран членом ЦК. В годы Народно-освободительной борьбы Югославии член Верховного штаба, с 1943 г. член президиума АВНОЮ. В 1945 г. министр финансов, в 1948 г. освобожден от должности министра, исключен из рядов КПЮ и арестован. Умер в 1950 г. с тюрьме.

ИБАРРУРИ (Ibaruri) Гомес Долорес (1895–1989), псевдонимы Пассионария, Долорес – деятель испанского и международного коммунистического дви-

жения. С 1930 г. член ЦК Коммунистической партии Испании, в 1932–1981 гг. член политбюро ЦК КПИ, в 1932–1942 гг. секретарь ЦК КПИ. С 1935 г. кандидат в члены ИККИ. Одна из лидеров республиканцев в Гражданской войне, с 1936 г. депутат кортесов, в 1937–1939 гг. вице-председатель кортесов. В 1939 г. эмигрировала в СССР. В 1939–1943 гг. секретарь ИККИ. В 1942–1960 гг. генеральный секретарь КПИ, с 1960 г. председатель КПИ. В 1977 г. вернулась в Испанию.

ИВАНОВ (Ivanov) Антон (1884–1942), псевдонимы Лука, Богданов Иван Борисович, Боров Антон Иванович, Жан – член Болгарской компартии (тесных социалистов) с 1919 г. Принимал активное участие в Сентябрьском вооруженном восстании 1923 г., арестован, находился в тюрьме. В 1925 г. эмигрировал в Советский Союз. Выполнял поручения Коминтерна во Франции, Испании, Польше. С 1928 г. член ЦК компартии Болгарии. Делегат VII конгресса Коминтерна. В 1935–1938 гг. секретарь загранбюро ЦК КПБ (тесных социалистов). В 1938 – ноябрь 1941 г. заместитель председателя КП Болгарии. В начале 1941 г. А. Иванов нелегально был направлен в Болгарию с целью активизировать деятельность компартии в стране, возглавлял внутреннее руководство БРП в стране. В 1942 г. арестован и расстрелян по приговору болгарского суда.

КАРРИЛЬО (Carrillo) Сантьяго (род. в 1915 г.) – деятель испанского коммунистического движения. С 1932 г. директор “Renovación”, центрального органа Федерации социалистической молодежи, с 1934 г. генеральный секретарь этой Федерации. В 1937–1985 гг. член ЦК, в 1937–1945 гг. кандидат в члены политбюро ЦК компартии Испании. Во время Гражданской войны был членом Хунты обороны Мадрида. В конце 1939 г. выехал в Москву. В 1940 г. в течение шести месяцев секретарь КИМ, затем послан Коминтерном в Америку. В 1945–1985 гг. член политбюро (с 1960 исполкома) ЦК КПИ. Жил в основном во Франции и в странах Восточной Европы. В 1975 г. вернулся в Испанию. В 1960–1982 гг. генеральный секретарь ЦК КПИ. В апреле 1985 г. выведен из руководящих органов КПИ.

КАСТРО (Castro) Энрике Дельгадо (1907–1965), псевдоним Кастро (Castro) Луис – член компартии Испании с 1925 г. В 1935–1936 гг. член Мадридского комитета КПИ. В 1936–1939 гг. занимал ответственные посты в Республиканской армии во время Гражданской войны в Испании. После падения Испанской Республики выехал в СССР, в 1939–1940 гг. представитель КПИ при Коминтерне; в 1937 – мае 1944 гг. кандидат в члены ЦК компартии. В 1939–1943 гг. редактор испанской редакции в Отделе печати ИККИ. В октябре 1945 г. уехал в Мексику, где работал журналистом. В 1963 г. вернулся в Испанию.

КАТАЛА (Catelas) Жан (1894–1941) – член Французской компартии с момента ее образования (1920 г.). С 1937 г. кандидат в члены ЦК ФКП. Воевал в составе интернациональных бригад в Испании. Депутат парламента. Летом 1940 г. в Париже участвовал в переговорах с представителями германских властей о возможности легального издания “Humanité”. В конце 1940 г. стал формировать группы Сопротивления среди рабочих. В мае 1941 г. арестован полицией Виши и расстрелян гитлеровцами.

КАШЕН (Cachin) Марсель (1869–1958) – один из основателей Французской компартии, с 1920 г. член ЦК и политбюро ЦК ФКП. С 1912 г. редактор, с 1918 г. директор газеты “L’Humanité”. Участник II, IV, VI и VII конгрессов Коминтерна. В 1924–1943 гг. член ИККИ. В 1924–1935 гг. член Интернациональной контрольной комиссии. Избирался в парламент Франции, а в 1935 г. стал первым коммунистом сенатором. В 1935–1943 гг. член Президиума ИККИ. В годы второй мировой войны активно участвовал в дви-

жении Сопротивления. В 1946–1958 гг. депутат Национального собрания.

КЕРРИГАН (Kerrigan) Питер (1899–1977) – деятель компартии Великобритании и профсоюзного движения страны, член компартии с 1921 г. В 1927–1929, 1932–1965 гг. член ЦК КП Великобритании. В 1934–1935 гг. представитель КПВ в ИККИ, делегат VII конгресса Коминтерна, с 1935 г. член Интернациональной контрольной комиссии. Сражался в качестве политкомиссара в интернациональной бригаде в Испании. В годы войны работал в аппарате исполкома партии заведующим Отделом рабочего движения. В 1943–1953 гг. Национальный организатор КПВ. Член политбюро ЦК КПВ с периода войны до 1965 г.

КОДОВИЛЬЯ (Codovilla) Витторио (1894–1970), псевдонимы Перес, Луис и Медина – с 1911 г. член Социалистической партии Италии. В 1912 г. эмигрировал в Аргентину. Один из основателей компартии Аргентины (1918 г.), с 1921 г. член ЦК и политбюро ЦК КПА. Участвовал в работе VI конгресса Коминтерна. В 1926–1928 гг. представлял компартию Аргентины в ИККИ. В 1921–1930 гг. секретарь Южноамериканского бюро Коминтерна. В 1928–1935 гг. член Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. В 1938–1939 гг. работал в Париже по оказанию помощи республиканской Испании. В 1940–1943 гг. находился на нелегальной партийной работе в Аргентине. В 1941–1963 гг. секретарь ЦК КПА. В 1943–1944 гг. отбывал тюремное заключение. В 1944 г. выслан из Аргентины в Чили. В 1945 г. вернулся в Аргентину, где проживал на полулегальном положении. С 1963 г. председатель партии.

КОЛЕВ (Kolev) Святослав (1889–1950), псевдонимы Сергеев Александр Петрович, Дубов, Беспогонный – член Болгарской компартии (тесных социалистов) с 1919 г., с 1926 г. член ЦК БКП (тесных социалистов). В СССР находился с 1927 г. В 1926–1927 и 1933–1943 гг. работал в аппарате ИККИ. В 1935–1941 гг. политический помощник генерального секретаря ИККИ Г. Димитрова, в 1939–1943 гг. – заведующий Бюро Секретариата ИККИ. После второй мировой войны вернулся в Болгарию, был послом в Китайской Народной Республике.

КОМОРЕРА (Comorera) Хуан и Солер (1895–1958) – с 1918 г. член Социалистической партии Каталонии, в 1918–1931 гг. член социалистических партий Аргентины и Уругвая. В 1931 г. после возвращения в Испанию избран генеральным секретарем Соцпартии Каталонии. В 1934 г. вошел в состав правительства Каталонии, в 1934–1936 гг. находился в тюрьме, в 1936 г. освобожден правительством Народного фронта Испании, избран генеральным секретарем Объединенной соцпартии Каталонии (ОСПК). В 1939 г. эмигрировал во Францию, затем в СССР. В 1940–1945 гг. работал среди испанских политэмигрантов в Мексике, Аргентине, Чили, Уругвае, на Кубе. В 1949–1951 гг., находясь во Франции, возглавлял исполком ОСПК. В августе 1949 г. исключен из рядов КПИ и ОСПК. В начале 1951 г. вернулся в Каталонию. В 1954 г. арестован. Умер на каторге в Бургосе.

КОПИНИЧ (Kopini) Иосиф (1911–?), псевдонимы Вокшин Иосиф, Фридман Адольф, Вальдес (Valdes) Рамон – деятель коммунистического движения в Югославии. Член КПЮ с 1931 г. В 1934 г. эмигрировал в СССР. В 1936–1938 гг. в составе интербригад участвовал в Гражданской войне в Испании. С 1939 г. работал в Издательстве литературы на иностранных языках. В 1940–1944 гг. возглавлял пункт связи Коминтерна в Югославии, участвовал в освободительной войне народов Югославии. После войны на дипломатической работе.

КОРДОН (Cordón) Антонио Гарсия (1895–1969), псевдоним Кузнецов Антон Антонович – один из видных военных руководителей Гражданской войны в Испании, член компартии Испании с 1936 г. В 1936–1939 гг. начальник отдела в министерстве обороны республиканского правительства. В 1939 г. прибыл в СССР. С 1939 г. учился в Военной академии Генерального штаба РККА. В 1945 г. уехал в Югославию. С 1954 г. кандидат в члены ЦК, с 1965 г. член ЦК Компартии Испании.

КУУСИНЕН (Kuusinen) Отто Вильгельмович (1881–1964) – деятель финляндского и международного коммунистического движения, КПСС и Советского государства. В 1911–1917 гг. председатель исполкома Финляндской социал-демократической партии. В 1918 г. один из руководителей революции в Финляндии и Финляндской Советской Республики, один из основателей Коммунистической партии Финляндии. В 1919–1920 гг. на нелегальной работе в Финляндии. В 1920 г. эмигрировал в Советскую Россию. В 1921–1943 гг. член ИККИ, член Президиума ИККИ, в 1921–1939 гг. секретарь ИККИ, возглавлял различные отделы ИККИ, делегат I, III–VII конгрессов Коминтерна. В декабре 1939 – марте 1940 г. председатель так называемого Народного Правительства Финляндской Демократической Республики. В 1940–1958 гг. председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР. С 1941 г. член ЦК КПСС, в 1952–1953 гг. и с 1957 г. член Президиума ЦК КПСС и секретарь ЦК КПСС.

ЛАМПРЕДИ (Lampredi) Альдо (1899–?), псевдонимы Фокарди, Верди, Садома, Кампана, Валларди Г. – деятель итальянского коммунистического движения. В 1926 г. арестован итальянскими властями и приговорен к длительному тюремному заключению. После выхода из тюрьмы в 1934 г. эмигрировал в СССР. В 1937 г. в составе интербригад участвовал в Гражданской войне в Испании. В 1943–1945 гг. один из организаторов движения Сопротивления в Италии. С 1951 г. кандидат в члены ЦК ИКП.

ЛАРГО Кабальеро Франсиско (1869–1946) – председатель ИСРП (с 1932), министр труда (1931–1933) в правительстве М. Асаньи, председатель совета министров (1936–1937) в республиканской Испании.

ЛИСТЕР (Lister) Энрике Форхан (род. в 1907 г.) – деятель компартии Испании, с 1937 г. член ЦК КПИ, с 1946 г. член политбюро (с 1960 г. исполкома) ЦК КПИ, в 1936–1939 гг. последовательно командовал 5-м полком, 1-й бригадой, 11-й дивизией, затем 5-м армейским корпусом.

ЛОКАТЕЛЛИ (Locatelli) Амлето (1901–?), псевдонимы Эцио (Ezio), Вальтер (Walter) – член компартии Франции в 1924 г., в этом же году вступил в Итальянскую компартию. В 1926–1928 гг. выполнял различные поручения Коминтерна во Франции, Швейцарии, Берлине. В 1928–1935 гг. находился в Москве, в 1935–1936 гг. в Бразилии. Сражался в составе интербригад в Испании. В 1940 г. вел нелегальную работу во Франции.

ЛОНГО (Longo) Луиджи (1900–1980), псевдоним Галло (Gallo) – деятель итальянского коммунистического движения, член Итальянской компартии с момента ее основания (1921 г.), с 1926 г. член ЦК, с 1931 г. член политбюро (руководства) ИКП. Делегат III и VI конгрессов Коминтерна. В 1932–1934 гг. представитель ИКП в ИККИ. В годы Гражданской войны в Испании генеральный инспектор интернациональных бригад. В 1943–1945 гг. один из руководителей партизанского движения в Италии. В 1945–1960 гг. заместитель генерального секретаря Итальянской компартии. С 1948 г. депутат парламента, в 1964–1971 гг. генеральный секретарь ИКП, 1972–1980 гг. председатель ИКП.

МАНУИЛЬСКИЙ Дмитрий Захарович (1883–1959), псевдонимы Фома, Беруцци, Иванов, Самуэли – советский партийный и государственный деятель. В

1920–1923 и в 1949–1952 гг. член политбюро ЦК Компартии Украины. В 1923–1939 гг. член ЦК ВКП(б). С 1921 г. член ИККИ. В 1922 г. направлен на работу в Коминтерн. В качестве эмиссара Коминтерна выезжал в различные страны. В 1924–1943 гг. член Президиума ИККИ, в 1928–1943 гг. член Секретариата ИККИ. С 1929 г. играл главную роль в связях между руководством ВКП(б) и ИККИ. В 1943–1944 гг. работал в ЦК ВКП(б) и в Главном политическом управлении РККА. В 1944–1953 гг. заместитель председателя Совнаркома (Совета Министров) Украины и нарком (министр) иностранных дел Украины. В 1946–1953 гг. заместитель председателя Совета Министров Украины.

МАРТИ (Marty) Андре (1886–1956) – деятель французского и международного коммунистического движения. В 1919 г. участвовал в восстании французских моряков на Черном море, за что был приговорен к 20 годам каторжных работ. В июле 1923 г. освобожден. В 1925–1952 гг. член ЦК ФКП, в 1931–1952 гг. член политбюро ФКП, в 1932–1943 гг. член ИККИ, в 1935–1943 гг. член Президиума и Секретариата ИККИ, в 1936–1938 гг. главнокомандующий интернациональными бригадами в Испании. Летом 1939–1943 гг. секретарь ИККИ и член Загранбюро ФКП в Москве. В октябре 1943 г. выехал в Алжир и находился там около полутора лет. В октябре 1952 г. исключен из политбюро ФКП, а в январе 1953 г. и из рядов Французской компартии.

МАСЛАРИЧ (Maslarich) Божидар (1895–1963), псевдоним Андреев Борис Николаевич – член компартии Югославии с 1919 г., член ВКП(б) с 1929 г. В Югославии несколько раз арестовывался, находился в тюрьме, ссылке, бежал. В Москве проживал в 1929–1936, 1939–1945 гг. Делегат VII конгресса Коминтерна. В 1936–1939 гг. участник Гражданской войны в Испании, послан в концентрационный лагерь в Алжир. Освобожден в июле 1939 г. С декабря 1939 г. референт Секретариата А. Марти в ИККИ, отвечал за работу с интербригадовцами. В августе 1940 г. переведен в Издательство литературы на иностранных языках, с июня 1941 г. редактор югославской редакции во Всесоюзном радиокомитете. В июле 1948 г. избран членом ЦК КПЮ, в 1958–1963 гг. член ЦК СКЮ.

МАУРА Мигель – основатель (совместно с Н. Алкала Саморой) Правой либерально-республиканской партии, министр временного правительства Республики (1931), автор закона “О защите Республики”.

МАУРИН Хоакин – основатель и лидер леворадикального “Рабоче-крестьянского блока”, отколовшегося от Коммунистической партии Каталонии (1930 г.).

МИНЕВ (Mineff) Стоян (1893–1959), псевдонимы Степанов И.И., Лоренцо Ванини, Шаварош, Лебедев, Морено – деятель международного коммунистического движения. Родился в Болгарии. Во время первой мировой войны жил в Швейцарии, занимал интернационалистские позиции. После 1917 г. поддерживал большевиков. В 1920 г. участвовал во II конгрессе Коминтерна как член делегации ФКП. В 20–30-е годы в качестве эмиссара Коминтерна неоднократно выезжал во Францию, Швейцарию, Италию, Германию и другие страны. В 1926–1927 гг. возглавлял латинскую секцию Секретариата Коминтерна. В 1927–1929 гг. работал в личном секретариате И. Сталина. Во время Гражданской войны в Испании находился с миссией Коминтерна в этой стране. В 1939–1942 гг. работал в Секретариате Коминтерна, в 1943 г. находился при заграничном руководстве Французской компартии, позже заболел и отошел от политической деятельности.

МИХЕ (Miše) Антонио Гарсиа (1905–1976), псевдоним Лакаса Луис Эрминьо – член компартии Испании с 1931 г., с 1932 г. член ЦК КПИ, с 1932 г. член

политбюро (затем исполкома) ЦК КПИ. Делегат VII конгресса Коминтерна. В 1933–1936 гг. секретарь ЦК КПИ, в 1939–1945 гг. член группы руководства КПИ в Латинской Америке, в 1946–1949 гг. член политбюро, в 1960 г. член секретариата ЦК КПИ.

МОДЕСТО (Modesto) Хуан Гильото (1906–1969), псевдонимы Гуардалет (Guardalet) Хуан, Гильото (Guilloto) Хуан Леон, Морозов Георгий – один из военных руководителей Гражданской войны в Испании, с 1937 г. член ЦК компартии Испании, в 1936–1939 гг. последовательно командовал 18-й бригадой, 4-й дивизией, 5-м стрелковым корпусом. В 1939 г. эмигрировал в СССР, в 1939–1944 гг. учился в Военной академии им. Фрунзе. В 1944–1949 гг. находился в Югославии, затем во Франции и Чехословакии.

МОЛОЕЦ (Molojcs) Болеслав (1909–1942), псевдонимы Чара (Czaga), Витольд Петрович, Эдвард – член КСМ Польши в 1926–1927 гг., с 1928 г. член компартии Польши. В 1933 г. работал в польской секции КИМ. В 1934–1936 гг. член секретариата ЦК КСМ Польши. Участник Гражданской войны в Испании. В конце 1941 – начале 1942 г. один из организаторов Польской рабочей партии, член ее первого руководства, ответственный за организацию Гвардии Людовой. Обвинен в подготовке убийства М. Новотко (по-видимому, ложно) и убит по решению руководства ППР в декабре 1942 г.

МОЛОТОВ Вячеслав Михайлович (1890–1986), настоящая фамилия Скрябин – советский партийный и государственный деятель. В 1921–1957 гг. член ЦК ВКП(б)/КПСС, в 1921–1926 гг. кандидат в члены политбюро ЦК ВКП(б), в 1921–1930 гг. секретарь ЦК ВКП(б), в 1925–1957 гг. член политбюро ЦК ВКП(б)/КПСС. В 1926–1928 гг. кандидат в члены ИККИ, в 1928–1930 гг. член ИККИ, член Президиума ИККИ, член Секретариата ИККИ. В 1929–1930 гг. фактически руководил деятельностью ИККИ. В 1930–1941 гг. председатель Совнаркома СССР, в 1939–1949, 1953–1957 гг. нарком (министр) иностранных дел СССР. В 1941–1957 гг. первый заместитель председателя Совнаркома (Совета Министров) СССР. В 1941–1945 гг. заместитель председателя Государственного комитета обороны, играл важную роль в осуществлении связей сталинского руководства с Коминтерном и коммунистическими партиями. В 1962 г. исключен из КПСС, в 1984 г. восстановлен в партии.

НИН Андрес (1892–1937) – член ИККИ с 1922 г. (от Профинтерна), член испанской комиссии Секретариата ИККИ с 1924 г., член Секретариата ИККИ с 1926 г., кандидат в члены Политсекретариата ИККИ с 1927 г. Исключен из Коминтерна и выслан из СССР в 1927 г. С 1936 г. создал и возглавил “Коммунистическую левую” партию. В 1936 г. “Коммунистическая левая” и “Рабоче-крестьянский блок”, объединившись, создали “Рабочую партию марксистского единства”.

ПИК (Pieck) Вильгельм (1876–1960) – деятель германского коммунистического движения, государственный деятель ГДР. С января 1919 г. член ЦК Коммунистической партии Германии, с 1921 г. секретарь ЦК КПГ. В 1928–1943 гг. член ИККИ, в 1930–1932 гг. представитель ЦК КПГ при ИККИ, в 1931–1943 гг. член Президиума и секретарь ИККИ. С 1933 г. в эмиграции во Франции, затем в СССР. С 1935 г. председатель КПГ. В 1943 г. один из создателей комитета “Свободная Германия”. В мае 1945 г. вернулся в Берлин. В 1946–1954 гг. сопредседатель СЕПГ (вместе с О. Гротеволем), в 1949–1960 гг. президент ГДР.

ПОНОМАРЕВ Борис Николаевич (1905–1996) – деятель Коммунистической партии Советского Союза. Член ВКП(б) с 1919 г. В 1937–1943 гг. работал политическим помощником Г. Димитрова, в 1944–1946 гг. заместитель заведующего Отделом международной информации ЦК ВКП(б). С сентября

1947 г. заместитель, затем заведующий Отделом внешней политики ЦК ВКП(б), позднее Международным отделом ЦК ВКП(б)/КПСС. В 1961–1986 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1972–1986 гг. кандидат в члены политбюро ЦК КПСС.

ПРИЕТО Индалесио (1883–1962) – лидер центристов в ИСРП, министр финансов и общественных работ (1931–1936) в правительстве М. Асаньи. В годы Гражданской войны министр морских и воздушных сил (1936–1937), министр обороны (1937–1938).

ПЯТНИЦКИЙ Осип (1882–1938), псевдоним (настоящая фамилия Таршис Иосип Аронович) – с 1924 г. член Оргбюро и член бюджетной комиссии ИККИ, с 1928 г. – член политсекретариата и Западноевропейского бюро, с 1931 г. член Президиума ИККИ. Репрессирован в 1938 г.

СВЕРЧЕВСКИЙ (Swierczewski) Кароль (1897–1947), псевдоним Вальтер – член ВКП(б) с 1918 по 1944 г. В 1918–1943 г. служил в Красной Армии, в 1931–1936 гг. руководил военно-политической школой компартии Польши при ИККИ. В 1936–1938 гг. командовал 14-й интернациональной бригадой и 35-й интернациональной дивизией республиканской армии Испании. В 1941–1943 гг. сражался на фронтах Великой Отечественной войны, генерал-майор. С 1944 г. член ЦК ППР. В 1943–1944 гг. заместитель командира 1-го польского корпуса, затем заместитель командующего 1-й польской армией, сформированной в СССР. В 1944–1945 гг. командующий 2-й армией Войска Польского. В 1946–1947 гг. второй вице-министр национальной обороны Польши. Убит 28 марта 1947 г.

СКОТТИ (Scotti) Франческо (1910–?), псевдонимы Легрен, Пино – деятель итальянского коммунистического движения. Член Итальянской компартии с 1931 г. В 1932–1934 гг. находился в тюрьме в Италии. В 1936 г. эмигрировал из Италии. В 1937–1939 гг. сражался в составе интербригад в Испании. В 1939–1943 гг. на нелегальной партийной работе во Франции, состоял в аппарате Итальянской компартии, затем ЦК Коммунистического союза молодежи Италии. В 1943 г. вернулся в Италию, активно участвовал в движении Сопротивления, член Главного штаба гарibaldiйских бригад. В 1946 г. избран членом ЦК ИКП. В 1946 г. депутат Учредительного собрания Италии, в 1948 и 1953 гг. депутат парламента. С 1950 г. член Всемирного Совета Мира.

СОРКИН Григорий Захарович (1899–1987) – член ВКП(б) с 1918 г., заместитель заведующего Службой связи ИККИ, затем ответственный сотрудник Института № 100 при ОМИ.

СПРИНГХОЛЛ (Springhall) Дуглас Фрэнк (1901–1953), псевдоним Миллер (Miller) Франк – член компартии Великобритании с 1920 г. В 1932–1943 гг. член ЦК компартии. Делегат V и VII конгрессов Коминтерна. В 1936–1937 гг. политический комиссар интернациональной бригады в Испании. В 1938–1939 гг. редактор газеты “Daily Worker”. В 1939 г. представитель КПВ в ИККИ. В 1939–1943 гг. руководил организационным отделом ЦК партии. В 1943–1948 гг. отбывал тюремное заключение. В 1945 г. исключен из КПВ. Умер в Москве.

СТАЛИН Иосиф Виссарионович (1879–1953), настоящая фамилия Джугашвили – советский партийный и государственный деятель. С 1912 г. член ЦК РКП(б), в 1919–1952 гг. член политбюро ЦК ВКП(б), в 1952–1953 гг. член президиума ЦК. С 1922 г. генеральный секретарь ЦК ВКП(б). В 1925–1943 гг. член ИККИ, член Президиума ИККИ. С начала 30-х годов контролировал стратегию и тактику Коминтерна, деятельность ИККИ.

ТИТО (Броз Тито) (Broz Tito) Иосиф (1892–1980), псевдонимы Вальтер (Walter), Георгиевич (Georgievic), Загорац (Zagoraz), Старый (Stari) – партийный и

государственный деятель Югославии. В 1915 г. оказался в плену в России, в Югославию вернулся в сентябре 1920 г., вступил в компартию Югославии. В 1928 г. секретарь партийного комитета в Загребе. В 1928 г. осужден на 5 лет заключения. Освобожден в 1934 г., тогда же избран членом ЦК и политбюро ЦК компартии Югославии. В 1935–1936 гг. работал в Балканском лендерсекретариате ИККИ. Участвовал в работе VII конгресса Коминтерна. В конце 1936 г. вернулся в Югославию, в 1937 г. возглавил КПЮ. Участвовал в формировании интербригад в Испании. В 1940 г. избран генеральным секретарем ЦК КПЮ. В 1941–1945 гг. верховный главнокомандующий Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). В 1943–1945 гг. председатель Национального комитета освобождения Югославии. В 1944–1946 гг. председатель временного правительства, министр обороны, главнокомандующий. В 1946–1953 гг. председатель Совета министров ФНРЮ. С ноября 1952 г. генеральный секретарь Союза коммунистов Югославии. В 1953–1963 гг. председатель Союзного исполнительного вече Федеративной Народной Республики Югославия. С января 1953 г. президент ФНРЮ.

ТОБОССО Е. (Tobosso), настоящее имя Фалькон Ирэн – член компартии Испании, секретарь Д. Ибаррури, переводчик аппарата ИККИ, в 1943–1945 гг. сотрудник Института № 205 при ОМИ.

ТОЛЬЯТТИ (Togliatti) Пальмиро (1893–1964), псевдонимы Эрколи (Ercoli), Марио Карренти, Родриго – деятель итальянского и международного коммунистического движения. В 1919 г. один из основателей коммунистического еженедельника “L’Ordine nuovo”. С 1922 г. член ЦК Итальянской коммунистической партии, с 1923 г. член руководства ИКП. С 1925 г. в эмиграции. С 1924 г. член ИККИ, в 1928–1943 гг. член Президиума ИККИ. В 1926 г. представитель ИКП при ИККИ. С 1926 г. генеральный секретарь ИКП. В 1927–1928 гг. руководил заграничным центром ИКП во Франции и Швейцарии. В 1935–1943 гг. секретарь ИККИ. Участвовал в подготовке и проведении VII конгресса Коминтерна. В 1937–1939 гг. представитель Коминтерна при ЦК Компартии Испании, участник Гражданской войны в Испании. В 1940–1943 гг. работал в ИККИ. Генеральный секретарь ИККИ в канун второй мировой войны. В марте 1944 г. вернулся в Италию. В 1944–1946 гг. занимал различные министерские посты в правительствах Италии.

ТРОЦКИЙ Лев Давидович (1879–1940), настоящая фамилия Бронштейн – участник российского социал-демократического движения с 1897 г. Член ЦК РКП(б)/ВКП(б) в 1917–1927 гг. После Октябрьской революции один из руководителей РКП(б)/ВКП(б) и Советской России. С марта 1918 по январь 1925 г. народный комиссар по военным и морским делам, до 1926 г. состоял членом политбюро партии. Вместе с В.И. Лениным в марте 1919 г. участвовал в создании Коминтерна. Принимал участие в работе I, II, III, IV конгрессов Коминтерна. В 1920 г. кандидат в члены ИККИ, в 1921 г. член ИККИ, в 1922–1926 гг. кандидат в члены Президиума ИККИ. В 1926 г. выведен из состава политбюро ЦК ВКП(б), в 1927 г. исключен из партии, выслан в Казахстан, в 1929 г. из СССР, убит в Мексике в 1940 г.

УРИБЕ (Uribe) Висенте Гальдеано (1902–1961) – член компартии Испании с 1927 г., в 1928 г. кооптирован в члены ЦК КПИ, с 1932 г. член ЦК и политбюро. В 1936–1939 гг. депутат парламента и член правительства. После падения Республики уехал в Мексику, где возглавил коммунистическую организацию испанских эмигрантов в Латинской Америке. С 1950 г. фактически исполнял обязанности заместителя генерального секретаря КПИ.

ФЕРНАНДО де ла Рос (1879–1949) – один из руководителей ИСРП, министр юстиции в правительстве М. Асаньи (1931–1933), посол Испании в США (1936–1939).

ФЁРСТЕРЛИНГ (Fürsterling) Пауль (1899–1949), псевдоним Тальман (Talimann) Эдгар – член компартии Германии с 1919 г. В 1923–1924 гг. находился на нелегальной работе в аппарате ЦК КПГ. В 1924–1927 гг. сотрудник Исполкома КИМ, затем ответственный секретарь ИККИ. В 1937–1939 гг. сражался в интернациональных бригадах в Испании. В 1939–1943 гг. референт Отдела кадров ИККИ. До 1949 г. оставался в Москве и работал в специнститутах. Умер в Германии.

ФИМЕН (Fimmen) см. Д'Онофрио Эдуардо.

ФРИДРИХ (Fridrich) Г. см. Геминдер Бедрих.

ХОННЕР (Honner) Франц (1893–1964) – деятель компартии Австрии, член компартии с 1925 г., в 1927 г. избран членом ЦК КПА, участник февральского (1934 г.) вооруженного восстания в Австрии, после чего был заключен в концлагерь. После освобождения эмигрировал в СССР, сражался в интернациональной бригаде в Испании. С 1939 г. в СССР, работал в аппарате ИККИ. В 1942 г. преподаватель антифашистской школы для военнопленных в Кушнаренкове. В 1946 г. избран в парламент Австрии от КПА. В 1955–1957 гг. секретарь ЦК КПА, в 1958 г. член политбюро ЦК КПА.

ЧЕРЕТТИ (Ceretti) Джулио (1903–1985), псевдонимы Аллар (Allard) Пьер, Мартель – деятель итальянского и французского коммунистического движения. Член итальянской компартии с 1921 г. В 1919 и 1925 гг. подвергался кратковременным арестам. В июне 1925 г. эмигрировал из Италии во Францию, где был переведен в члены французской компартии. Работал среди итальянских политэмигрантов. В 1932 г. член ЦК ФКП. В 1936–1939 гг. член комиссии ЦК ФКП по оказанию помощи республиканской Испании, председатель Международного комитета помощи республиканской Испании, руководитель компании “Франс Навигасьон”. В сентябре–декабре 1939 г. находился на партийной работе в Бельгии, затем выехал в Данию, где был арестован. При содействии советского полпредства освобожден в июне 1940 г., выехал в СССР. В 1940–1943 гг. референт итальянской редакции Отдела печати ИККИ. В августе 1945 г. вернулся в Италию. В 1946 г. был избран депутатом Учредительного собрания. В 1947 г. министр продовольствия. С 1948 г. член ЦК ИКП.

ЧЕТКОВИЧ (Chvetkovi) Милован (1897–?) – член компартии Югославии с 1919 г., более 20 раз подвергался арестам за революционную деятельность, с 1937 г. сражался в составе интернациональной бригады в Испании. В годы второй мировой войны командир партизанского батальона в Черногории.

ШТАЛЬМАН (Stahlmann) Рихард, настоящая фамилия Ильнер (Illner) Артур (1891–1975), псевдоним Розенталь (Rosenthal) Эбергард – член компартии Германии с 1920 г. С 1931 по 1936 г. сотрудник аппарата Балканской коммунистической федерации, ответственный редактор журнала “La Federation Balcanique”. В 1936–1937 гг. сражался в составе интербригад в Испании. В 1937–1940 гг. вновь ответственный редактор журнала “La Federation Balcanique” и “Голос Европы”. В 1940 г. прибыл в СССР.

ЭМБЕР-ДРО (Humbert-Droz) Жюль (1891–1973) – член компартии Швейцарии с 1921 г. В 1921–1929 гг. секретарь ИККИ. С 1926 по декабрь 1928 г. политический секретарь Коминтерна. Делегат II–VII конгрессов Коминтерна. Отстранен от руководства Коминтерна со сторонниками Н. Бухарина. С 1932 г. член политбюро ЦК КП Швейцарии. В 1940 г. отстранен от руко-

водства, а в 1943 г. исключен из партии. В 1943 г. вступил в Социал-демократическую партию, в 1947–1958 гг. генеральный секретарь Социал-демократической партии Швейцарии.

ЭРКОЛИ см. Тольятти.

ЭРНАНДЕС (Hernández) Хесус (1907–1971), псевдоним Вентура – деятель испанского коммунистического движения. В 1931–1943 гг. член ЦК Коммунистической партии Испании, в 1932–1943 гг. член политбюро ЦК КПИ, в 1936–1938 гг. министр народного образования в правительствах Испанской республики, генеральный комиссар республиканской армии на Центральном фронте. В 1939 г. прибыл в СССР, в 1939–1943 гг. представитель ЦК КПИ при ИККИ. Во время войны между СССР и Финляндией выезжал в качестве эmissара Коминтерна в Швецию. В 1943 г. из-за разногласий с Д. Ибаррури был вынужден выехать в Мексику, где был обвинен в антипартийной деятельности и отстранен от активной работы в компартии Испании. Умер в Мехико.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов А.Л. 30
 Абрамович 261, 270
 Абэд 410
 Агирре 229, 238, 247, 280, 353
 Агирре и Лекубе Х.А. 480, 481
 Агирре Игнасио 487
 Адаме М. 6, 36
 Адлер Фриц 261, 270, 418
 Адриана 433
 Айгуаде Х. 292, 296, 473, 474
 Алкала Самора Н. 34
 Алонсо Бруно 17, 418, 428, 460, 462, 478
 Альберт 99, 101
 Альберти Рафаэль 346, 352
 Альбистеги Исаяс 487
 Альборнос и Ламиниата А. 417, 418, 473
 Альварес дель Вайо Х. 13, 100, 102, 114, 115, 141, 146–148, 150, 170, 197, 201, 207, 219, 220, 221, 227, 228, 231, 239, 258, 261, 268, 280, 281, 283, 295, 297, 349, 419, 454, 461, 473
 Альварес С. 3, 8, 409, 416
 Альмендрос 326
 Альфонс XII, король Испании 184
 Альфонс XIII, король Испании 123
 Альфред 325, 456–458
 Альфредо см. Тольятти П.
 Андраде 17, 311, 315
 Андраде, мисс 316
 Анидо Мартинес С. 265, 276
 Ансери Лун 251
 Антон 160, 162, 171, 180, 240, 343, 344, 350, 355, 370, 432, 445, 446, 486
 Антонов-Овсенко В.А. 11, 16
 Анхелин 432
 Аньело 275
 Аракистайн Л. 100, 140, 141, 193, 227–229, 268, 269, 283, 417
 Аранага 271
 Аранда 121
 Ардиака 442
 Ардид 405, 478
 Арельяно 325
 Аркас Санчес 461
 Арландис 173
 Арландис (старик) 445
 Арлен 75
 Арреги 325
 Арройо Винченце 30, 31
 Артемис 460
 Артуро 410, 411, 415
 Асанья Мануэль 11, 34, 68, 69, 81, 112, 129, 142, 150, 160, 171, 202, 206, 213, 220, 222, 226, 229, 416, 444, 445, 455, 458, 460, 473, 476
 Асенсис Ботелья 110, 326
 Асенсисо Т., генерал 134, 168, 171, 176, 201, 219, 238, 258, 326–331, 334, 346–350, 353–355, 360, 417, 447
 Асканио 404–406, 413, 415
 Аскар 442
 Балботин 67
 Бальесфером Альберто Ф. 208
 Барайбар К. 229, 238, 247, 268, 269
 Барбас Фернандес 410, 415
 Барбе А. 19
 Барес 415
 Баро Ребельон Карлос 500
 Баронтини 362, 375, 376, 381, 382
 Баррио Мартинес Д. 12, 122, 142, 145, 163, 195, 202, 205, 262, 333, 410, 429, 431, 435, 436, 440, 460, 461, 473
 Барсело 17, 325, 404, 413, 415, 418, 464
 Батистелли 361
 Батов П.И. 338, 361, 390
 Бейгбедер 9
 Белов Г.Д. см. Луканов К.
 Бельестерос Наварро 467, 474
 Бенар Пьер 159
 Бенеш 483
 Бенито Фелисиано 208
 Бергамин 352
 Берзин Я.К. (Катс П.) 342, 346, 351–356, 358, 390
 Берия Л.П. 402
 Бернар А. 18, 381

Бестейро Х. 416, 420, 424, 427, 451, 473, 477

Бийя 239

Бильбам Т. 474

Бишерст Антонин 297, 322, 323

Бланко Сегундо 454, 473

Блер Эйлин 310, 311

Блок Ж.-Р. 16

Блюм Леон 9, 143, 181, 261, 293

Боймлер Ганс 335, 338, 339, 340

Боле 9

Болек 332

Боннет 315

Боннет, мисс 316

Боу Гонсало 152

Брайлсфорд Г.Н. 314

Брандарис 447

Брачеларге 367, 368

Броквей Финнер 17, 303, 309, 322

Бульехос Х. 6, 24, 73, 109, 110

Бургос М. Эспадас 13

Бурильо, подполковник 168, 237, 257, 325, 327, 328, 331, 450

Бухеда 261, 269, 276

Буэно 17, 403–405, 409, 411, 418, 457, 458, 464, 478

Вайян-Кутюрье П. 188, 199

Валенсуэла 432

Валецкий 19

Валлах Макс 146, 148

Валь Е. 416

Вальдес 202, 277, 279, 281, 433, 442

Вальтер см. Сверчевский Кароль

Вансеттарт Р. 10

Варес 410

Васильев Б.А. 19, 39, 48

Васкес 279, 312–314, 317, 430, 442, 473

Вега Родригес 6, 436, 439, 458, 462, 466, 467

Вего см. Альварес дель Вайо Х.

Велао А. 473

Видали Витторио 324, 325, 331, 344, 351, 355, 389

Видалъ см. Гейман

Видалъ, майор 327, 333, 335, 340, 362, 387

Видарте 281, 294

Видиелья 312, 442

Вилар П. 16

Виленский см. Шубин П.С. 15, 118

Вилтон Мари 318

Висент 410

Висенте, полковник 333, 334, 338

Волпьянский 358

Ворошилов К.Е. 402

Гайкис 325, 326, 346

Гайо Вальтер 168, 376, 380

Галан Луис Хименес 500

Галан Пако 257, 325, 336, 355, 356, 440, 458, 459

Галан Франсиско 100, 103, 168 (см. также Галан Пако)

Галан Хозе Мариа 488

Галарса А. 170, 201, 206, 260, 277, 280, 308, 353

Галло см. Лонго Луиджи

Гальего Игнасио 404, 500

Гальяни 333

Гальярдо 146, 148

Ганс см. Кале Г.

Гаррихо 447, 478

Гарсиа А. де 168, 170

Гарсиа Изабелла 459

Гварнер 360, 361

Гейман 172, 325, 327, 329, 331, 332, 350, 355, 372, 374, 390

Генлейн 385

Гере Эрне 10, 14, 17, 109, 110, 175, 305, 309, 324, 350, 392, 395

Геринг 9, 198, 341

Герман 310

Герхард 239

Гесс Р. 9

Гитлер 9, 10, 59, 60, 116, 123, 143, 146, 177, 183, 198, 385, 491, 492, 497, 498

Гобс 37

Годед Люис М. 100, 121, 145

Гонкоучеа А. 123, 145

Гойтиа Суарес Х. 296

Гольдман Эмми 159

Гомес 325, 327, 369, 370

Гомес Матальяна М. 438, 474

Гомес Паулино 421, 454, 473

Гонсалес (Артуро) 275

Гонсалес Марино 412

Гонсалес Пенья Р. 208, 295, 297, 353, 421, 454, 473

Гонсало 275

Гордон 377, 380, 382, 383, 386, 387

Горев В.Е. 325–330, 337, 338, 342, 346, 352, 356, 389

Горкин 17, 205, 278, 311, 315

Горкин, мисс 316

Горский 366

Григорович см. Штерн Г.

- Гринько Г. 13
 Гришин см. Берзин Я.К.
 Гуляев П. 500
 Гутьеррес Мигель де 410, 416
- Далем Франц 204, 207, 240, 371, 372, 373, 375, 384–387, 390
 Даугэ 116
 Дегрель 336
 Дейч Юлис 198, 199, 204, 258, 261, 293, 352
 Деканозов В.Г. 500
 Деликадо 240, 245, 432, 452, 457, 459, 460, 461
 Дель Рио 388, 389
 Дельбаррио 171
 Дельбос Ивон 251
 Дельвинь 258, 261, 270, 293
 Детердинг 221
 Диас Хосе 6, 8, 12, 119, 120, 128, 162, 168, 174, 181, 189, 197, 210, 211, 213, 229, 239, 240, 247, 260, 268, 269, 281–284, 295, 296, 305, 324, 326, 327, 329, 330, 331, 333, 347, 349, 351–354, 356, 394, 426, 431, 432, 437, 466
 Дигера 38
 Дигуэс 180
 Диегес И. 350, 390, 403, 404
 Дикхоф 9
 Димитров Г.М. 8, 10, 14, 15, 18, 102, 108–111, 113–115, 117, 118, 147, 174, 204, 285, 487–490, 499–501
 Диегес Анхель 404, 405, 410, 413, 463, 467, 491
 Диэгос 432, 452
 Добровский 323
 Долорес см. Ибаррури Гомес Долорес
 Домингес Эдмундо 429
 Доминго М. 34, 148, 418
 Дональд Мак Этель 317–319
 Дро (Эмбер-Дро) Ж. Эмбер 18, 19, 34
 Дубровин 387–389
 Дуран 328, 330, 331, 334, 337, 342, 354, 358
 Дурутти 44, 47, 156, 159, 182, 335, 358
 Дюкло Жак 176–179, 187, 239, 268
 Дюмон 332, 335, 343
 Дюпре 343
 Дютыйоль 191
- Ежов 322
- Жеромский 194, 419
 Житон 176, 281
- Жуков Г.К. 488
 Жуо Л. 146, 148, 179
- Залка Мате 335, 338–340, 343, 345, 358–362, 366–368, 389, 390
 Зингер см. Гере
- Ибаррури Гомес Долорес 6, 8, 100, 103, 162, 174, 181, 189, 190, 197, 229, 240, 247, 281, 296, 305, 347, 349, 357, 372, 387, 394, 403, 432, 437, 439, 452, 453, 457, 458, 460, 461, 477, 499, 500
 Иван, советник 354
 Ивон 364, 365
 Идальго де Сиснерос И. 13, 448, 474
 Иден 261
 Инбиго Томас Мора 208
 Ирухо М. де 280, 300, 304, 473, 474
- К. (некий Тона) 442
 Кабанельяс, генерал 49
 Кабрера, генерал 215, 219, 347, 353–355
 Каброс, комиссар 160
 Кавеньяк 59, 69, 268
 Каган С. 11
 Кале Г. 332, 337, 339, 340, 343, 384, 389, 390
 Кальво Сотело Х. 120, 144
 Камачо 17, 418
 Каморер Х. 173, 176, 291, 292, 329, 356, 369, 433, 434, 437, 441, 474
 Кампесино 237, 366, 370, 436
 Кан Симон 309
 Карбо 135
 Каррильо см. Каррильо Соларес Сантьяго
 Карл I 389
 Карльи 483
 Карра 408, 411
 Каррильо В. 227, 247, 416
 Каррильо Соларес Сантьяго 110, 192, 195, 240, 247, 261, 268, 308, 390, 428, 442, 466
 Карсес 461
 Картан 125
 Картон А. 162, 171, 200, 206, 237, 240, 243, 257, 329, 330, 347, 350–352, 354, 432, 438
 Касадо Сигизмундо 17, 364–366, 403, 404, 406–409, 411–414, 416, 418, 448, 450–453, 455, 457–464, 466, 467, 476–478, 450–453, 455, 457–464, 466, 467, 476–478
- Касарес Кирога С. 121, 145
 Касорла Х. 260, 390

Кастро Энрике Д. 172, 245, 325, 331, 344, 351, 355, 460
 Кауе 248
 Качанов К.М. 437, 439, 446, 448
 Кашен Марсель 23
 Кент Виктория 100–102
 Кейпо де Льяно 346, 354, 390
 Клаудин Ф. 16, 463, 474
 Клебер (Манфред Штерн) *см.* Фред М.
 Клемансо 160
 Кобелев 487
 Кодо *см.* Кодовилья В.
 Кодовилья Витторио (Луис, Медина) 8, 10, 11, 14, 17, 19, 59, 68, 78, 96, 107, 114, 119, 157, 170–172, 174–176, 178–180, 184–187, 191, 194–197, 201, 202, 204, 206, 207, 210, 211, 213, 217, 219–222, 225–227, 239, 258, 268, 298, 304, 309, 324, 330, 332, 333, 335, 347, 350–352, 354, 357, 359, 376, 440
 Коларов В. 19
 Колевина 135
 Колен 239
 Коломе Виктор 71, 72
 Коломер (молодой) 433, 442
 Коломер (старик) 442
 Кольцов М. 16
 Компанис 263
 Конеса 410
 Контрерос Карлос *см.* Видали Витторио
 Копанис 422
 Копп Георг, капитан 312
 Корбет-Эшби 146
 Кордеро 63, 267, 269, 270, 281, 294
 Кордон *см.* Кузнецов Антон Антонович
 Кордон Антонио 488
 Корнилов 69
 Корп 239
 Коттман Стаффорд 310
 Крем Вильям 317, 318, 320
 Крепс М.Е. 118
 Крестинский Н.Н. 9, 13
 Кречлей Е.Е. 152
 Кригер, командир 370, 371
 Круглов 30
 Крук Давид 311
 Кубов 30
 Кузнецов А.А. 448, 457–461, 499
 Кулик Г.И. 342
 Курт 325
 Куртос 438
 Куусинен О.В. 39, 324
 Куэвас 418

Лавин Луис 487
 Лагос 410
 Лакруа 79
 Ламонедра Р. 228, 247, 262, 267, 269, 270, 281, 294, 427, 428
 Ланда Матильда 410
 Ландау 311
 Лао 239
 Лараньяга Антонио 38, 271, 464, 467, 487, 491
 Ларго Кабальеро Франсиско 5, 8, 11, 12, 15, 81, 131–133, 139–142, 149, 150, 157, 162, 165–170, 173, 228, 229, 231–234, 237–240, 256–265, 267–269, 277, 278, 280–284, 287, 289, 290, 293, 294, 307–309, 313, 321, 326–331, 334, 344, 347–355, 356, 357, 360, 375, 394, 418, 419, 424, 428, 451
 Ледесма Рамос 65
 Лескама де Антонио 100
 Леманс 239
 Ленин В.И. 33, 66, 75, 131
 Леон Мария Тереса 352
 Леонидов 360, 377, 378
 Леррус Гарсия Алехандро 34, 59, 68, 88, 159, 171
 Лече 313
 Линдхаген Анна 146
 Лисицын Э.Э. 499
 Листер Форхан Энрике 160, 163, 168, 237, 257, 325, 327, 328, 331, 332, 346, 355, 365, 366, 370, 376, 380, 386, 389, 440, 435, 457, 458, 460, 462, 463, 474, 477, 489
 Литвинов *см.* Валлах Макс
 Лозовский 50, 102
 Лонге Жан 310
 Лонге Роберт 310
 Лонго Лунджи 204, 207, 239, 258, 332, 333, 335–337, 343, 362, 367, 370–372, 373, 375, 381, 382, 384, 386, 389, 390
 Лонес Тьенда 325, 331, 360
 Лонес Х. 159, 201, 207, 280, 417, 430
 Лоса, капитан 404
 Лосойя М. 152
 Лоти 366
 Луис *см.* Кодовилья
 Луканов К. 338, 390
 Лукач *см.* Залка Мате
 Льюис 262, 278, 280, 417, 428
 Льянос Виргилио 261, 269, 292, 326, 360, 361, 382, 386, 387, 429, 459–461, 467
 Люис *см.* Кодовилья

- Майский И.М. 11, 12
 Мак Лауда 147
 Максимов 387, 389
 Малатер-Селье 146
 Маленков 488, 489
 Малков 248
 Мальро. А 165
 Мангада, генерал 126, 133, 134, 168, 325
 Мансо, депутат 129, 275, 432, 445
 Мануильский Д.З. 10, 15, 19, 41, 43, 57, 58, 60, 115, 118, 148, 285, 324, 486, 487
 Маргарит Р. 152
 Марин 119
 Маркес Мануэль 488
 Маркес, командир 168, 325, 329, 331
 Маркина 438
 Маркос 440
 Маркс К. 66
 Марро Морис 251
 Марти Андре 12, 14, 15, 148, 149, 198, 199, 250–252, 325, 326, 329, 331–335, 337, 339, 340, 343–345, 350, 372, 379, 416, 483
 Мартин 248
 Мартинес Лусио 427
 Мартини 310
 Марч 265
 Мас 87, 279
 Масман 44
 Матальяна, генерал 409, 416, 448, 460, 474, 478
 Матео 245
 Матес 189
 Маттео Хуан *см.* Петел Макс
 Матушак 332
 Маура Мигель 68, 81
 Маурин Хоакин 44, 65, 67–72, 81, 109, 110, 319
 Маусберкер М. 114, 145
 Махно Н. 50
 Маца Нумес 448
 Мачадо Руис Антонио 100, 103
 Мачо 352
 Медина *см.* Кодовилья В.
 Мендесона 410
 Мендесона, жена 410
 Мендиола 458
 Мендоса 38
 Менендес 460, 461, 464, 466, 478
 Мера С. 336, 343, 358, 390, 455, 474
 Мериман 391
 Мертенс 146
 Месон 491
 Металана 455
 Миаха Х., генерал 180, 184, 198, 237, 257, 334, 342, 344, 357, 359, 362, 364, 365, 366, 370, 372, 390, 408, 412, 416, 437, 438, 450, 452, 456, 460, 464, 466, 478
 Минев Стоян 14
 Миравиелес 312
 Михе Антонио Гарсиа 6, 162, 167, 168, 172, 173, 240, 245, 344, 348–350, 390, 432, 445
 Мове 239
 Модесто Х. 237, 257, 331, 325, 355, 365, 376, 380, 386, 389, 435, 439, 443, 457, 458, 460, 462, 463, 477, 499
 Мойс Х. 444, 454, 474
 Моке 239
 Мола Э., генерал 10, 118, 121, 123, 135, 145, 352
 Моленс 311
 Молеро 405, 411
 Молина, комиссар 404, 405
 Молинеро 442
 Молотов В.М. 402
 Монсени и Пейро Ледерик 279, 280, 283
 Монсени Федерик 201, 207
 Монтеро 87
 Монтиель 17, 403, 415
 Монтолин 467
 Монтолио 408, 411
 Монтсени 430
 Морено *см.* Степанов И.
 Морено (Мо) 452, 473
 Морено Виктория 410
 Морено Мигель 410, 411, 415, 432
 Морионес 460
 Морозов Г.Г. *см.* Модесто Х.
 Моррисон 419
 Москвин *см.* Трилиссер М.Е.
 Мотальяна 451
 Муарин, депутат 14, 68
 Муни 442
 Муньос Мануэль 352, 353
 Муссолини 9, 15, 115, 116, 143, 146, 183, 291, 325, 326, 330, 331, 341, 494
 Муэбра 447, 478
 Мэкстон 303, 309
 Мэтьюз Т. 11
 Мюнценберг В. 148
 Наварро 37, 436
 Негрин Х. 15, 170, 201, 228, 261, 265, 269, 280, 281, 283, 287, 289, 290, 293, 294, 296, 313, 315, 351–353, 357, 358, 362, 363, 403, 412, 417–425, 427, 431–433,

441, 443–448, 451–458, 460–464, 473–477, 500
 Нейр Мак, журналист 17, 309, 310, 314, 315, 318, 320, 321
 Нелькен М. см. Нелькен
 Нелькен Маргарита 114, 115, 194, 240
 Ненни Пьетро 194, 198, 199, 258, 261, 270, 293, 375, 376
 Нибург 361
 Николетти Марио (Дж. Ди Витторио) 12, 239
 Нин Андрес 14, 15, 17, 18, 49, 77, 81, 155, 248, 278, 297, 311–313, 322
 Нин, мисс 316
 Нино Нанетти 345
 Ноель 30
 Норман Томас 313
 Носке 249
 Нуньес, командир 172
 Оливер Гарсия Х. 156, 201, 207, 279, 280, 283, 291, 430, 440
 Ординас Х. и Марч 276
 Орлов А. см. Фельдин
 Ормасабаль 410
 Ортега 17, 237, 325, 336, 404–411, 414, 415, 418, 464, 478
 Ортего Эдуардо 100
 Оскасо 156
 Оскасо, братья 44, 47
 Оссорио и Гальярдо А. 146, 148, 161, 171, 293, 460, 461
 Пабло де 325
 Пабон С., адвокат 313, 315
 Павиа 69
 Пайяр 9
 Паласиос 358
 Паласнос Гарон 77, 78
 Палау 432, 467
 Памиес Серра 433
 Пардо 362, 363
 Паскуа М. 11, 13
 Паскуаль Томас 268–270, 283
 Пасьонарии Долорес см. Ибаррури Гомес Долорес
 Пацейко 488
 Паччарди 333, 366–368, 375, 376, 382, 384, 386
 Педро см. Гере
 Пейро Х. 5, 44, 50, 202, 205, 207, 279, 280, 283
 Пенкенати, комбриг 375, 376, 378, 381, 382

Пеннер Д. 19
 Пепе см. Диас Хосе
 Первухин Е. 19
 Перес 141, 416
 Перка 436
 Пертегас Асканио 410, 413, 415
 Пестанья Анхел 5, 44, 50, 61, 70, 205, 451
 Петел Макс 311, 318, 320
 Петров 335, 336, 360, 361, 362
 Пивер 303
 Пиера Долорес 442
 Пинелас 436
 Пинто 467
 Пита Федерико Хосе Молина 500
 Платоне 366
 Плимут, лорд 12
 Поллит 148
 Посас 184, 237, 359, 360, 377, 383, 387
 Прада Педро 488
 Прадос 352, 411, 424
 Претель Фелипе 208, 226, 227, 261, 268, 269, 295, 320, 321, 326, 429
 Прието И. 5, 11, 68, 82, 139–141, 165–167, 170, 187, 193, 196, 201, 202, 220, 221, 228, 238, 265, 269, 280, 283, 290, 292, 294, 296, 317, 357, 359, 362, 363, 375, 376, 382, 387, 388, 416, 420, 428, 447
 Прието Орасио 430
 Примо де Ривера М. 4, 7, 24, 28, 34, 65, 120, 121
 Примо де Ривера Х.А. 199
 Прието Эухенио 487
 Пронин 500
 Пуэнте 410
 Пуэгард 280
 Пьера 170
 Пятницкий 23, 30, 31, 39
 Рагац 146
 Раймонд 192
 Ребьер 395
 Реглер Густав 361, 362
 Рекальде 438
 Реммель 114
 Ренн Людвиг 335, 343
 Риве Поль 310
 Ривер, полковник 317
 Ривьера 336
 Рио Конча 410
 Риос де лос Фернандо 5, 68, 82
 Риос де лос Хинер Б. 473
 Рискос Висенте 100
 Ритчи Джек 318

- Рихард 385
 Роазио 376
 Роберт, инструктор 37, 38
 Ровдан 263
 Ровира 312
 Родес Франсиско 153
 Родригес 459–461
 Розас 467
 Розенберг М. 11, 16, 171, 326, 327, 329, 330, 350, 353
 Розенгольц 248
 Рокка Франчи, депутат 100
 Роллан Р. 16
 Рольдан 37, 38
 Ромеро 171, 172
 Росаль Амаро де 261, 268, 269, 295, 429
 Росес В., адвокат 100
 Росмер А. 23, 24
 Россео 119
 Рохо В. 342, 343, 345, 346, 359, 360, 362, 370, 371, 374, 376, 380–382, 384, 386, 387, 388, 390, 425, 435–438, 444, 446–448, 454, 455, 474, 476
 Рохо, майор 334
 Руис Фунес М. 170
 Рыжков А. 323, 324
 Рыкуальме М., генерал 184, 199
 Са см. Качанов К.М.
 Сабальса 428
 Сабио 352
 Салинас см. Педро Салинас 100, 103
 Сальмерон 100
 Сан Исидоро Хуан 405, 411
 Санандрес М. 416
 Сантиаго 37
 Сантьяго Лусио 462, 474
 Санхурхо (Сан-Хурко) Саканель, генерал 42, 43, 49, 81, 115, 118, 123
 Санчес 410
 Сарабиа 443
 Сверчевский Кароль 366, 371, 374, 376, 380, 383, 385, 386, 390, 392
 Себриан 410, 413
 Сергеев 251
 Серра 19
 Серре, инженер 156
 Сесе А. 173, 176, 264
 Сесиль, лорд 146
 Сиерва Рикардо де ла 3
 Сиерра Эухенио Родригес 488
 Сильва Хосе 245
 Симон 310
 Синтат 448
 Ситрин 179
 Ситтиг Ева 311
 Сиутат Франсиско 488
 Смилли Боб 310, 314, 315, 318
 Соза 467
 Солива Р. 489
 Сориа Ж. 3
 Сорменти де см. Видали Витторио
 Соучи 311, 312, 314, 320
 Спанка Рамон 488
 Сталин И.В. 43, 76, 80, 195, 249, 261, 322, 402, 486, 491, 497–499
 Степанов И. 5, 19, 30, 35, 39, 40, 84, 204, 209, 213, 223, 253, 276, 287, 296, 309, 357, 362, 373, 374, 387, 388, 460, 461
 Стиввенс 319
 Страда, командир 165
 Стэфен 309
 Суарес Томас 410, 488
 Судоплатов П.А. 322
 Сцил 455, 464
 Тагуэнья М. 440, 489
 Талон 415
 Тальгеймер 321
 Таррадельяс 433, 434
 Тафаль 460, 461
 Тельман 90
 Тимошенко 487
 Тито Иосиф 499
 Тольятти Пальмиро 8, 14, 17, 18, 98, 148, 304, 305, 309, 374, 387, 389, 403, 416, 432, 446
 Торез Морис 8, 148, 204, 251, 252
 Торраль 438, 457
 Тригерос 436
 Трилиссер М.Е. 118
 Трилья А. 6, 24, 36, 63
 Троцкий Л.Д. 15, 43, 73, 75, 76–78, 116, 117, 291, 297
 Трэн А. 18
 Туратти 46
 Тусо 278
 Тухачевский М. 13
 Туэро 411
 Тьер 59, 60
 Убиета 438, 447
 Умбердроз Ю. (Эмбер-Дро Жюль) 23
 Урибе Антонио 488
 Урибе Висенте Гальдеано 6, 11, 162, 168, 170, 171, 189, 200, 211, 240, 245, 260, 268, 280, 281, 283, 296, 304, 305, 326,

330, 348, 349, 357, 426, 432, 452, 454,
455, 460–463, 473, 479
Урибес 172, 240, 329, 330, 432, 464, 467
Уркихо М. де 296
Уртадо 37
Уэмес 478

Файн 399, 402
Федели 445
Федеша Кантони 239
Фельдин 322, 326, 327
Фенсворте Лоуренс 315
Фернандес Куэста Р. 480, 481
Ферьеро 40, 41, 43, 58
Филлипс, госсекретарь 9
Фолькон 167
Фонтдевила 100
Фор Поль 117
Форгас 310
Форрер 442
Фраде 390
Франко Баамонде Ф. 7, 9, 10, 15, 18, 115,
118, 121, 123, 125, 135, 145, 159, 169,
177, 183, 198, 209, 210, 265, 277, 288,
291, 292, 322, 352, 356, 371, 389, 400,
401, 408, 414, 415, 431, 436, 449, 450,
455, 458, 459, 470, 477, 478, 480, 481,
486, 490–499
Франко-Салгадо Араухо Ф. 9
Фред М. см. Штерн М.
Фрид 324, 325, 331
Фридрих 490
Фриц см. Батов П.И.
Фриц Т. 356
Фрицман 23
Фуйола 410

Хеймо 30
Херасси 366
Хиль Х.-М. Роблес 7, 120, 145, 174
Хименес Артуро 463
Хименес де Асуа 100
Хинер де лос Риос Б. 170, 296, 416
Хиорла 305, 432, 445
Хираль Х. 17, 122, 139, 142, 145, 149, 150,
170, 218, 280, 281, 283, 292, 296, 313,
314, 347, 357, 473
Хирон Артуро 180, 404, 491
Христов (Малинов) 362
Хуанин 464

Хуанино 408, 409, 411, 414
Хуанита 325
Хуст 466
Хуст Хулио 150, 167
Хэруп Эллен 146

Чека П. 6, 162, 175, 180, 240, 283, 298,
304–306, 309, 325, 350, 406, 407, 432,
452, 453, 457–463, 465, 467, 479

Чемоданов 107
Чилига 116, 117
Чопич, командир 383, 390

Шевенельс 226, 261, 270
Шеверда, майор 391
Штерн Г. 358, 384, 387, 389, 390
Штерн М. (М.Фред) 12, 17, 18, 324, 327, 329,
335, 337–339, 342–344, 346, 349, 351–353,
355–359, 362, 364, 365, 373–375, 380–382,
384, 386–389, 405

Штириф А. 18
Штольц 226
Шубин П.А. (Вилленский) 10, 15, 115, 118

Эдгар Андре 343
Энче Р. 451, 474
Эредия 133, 325, 335
Эрик 310, 311
Эрколи см. Тольятти П.
Эрминио, инструктор 37
Эрнандес Гарсия 103

Эрнандес Х. 11, 114, 115, 161, 162, 168,
170, 193, 210, 211, 225, 227, 240, 245,
260, 280, 281, 283, 294–296, 304, 305,
326, 327, 330, 348, 349, 356, 357, 362,
427, 432, 436, 438, 449, 455, 464, 466,
467, 474, 478

Эскаба 264
Эскадор, редактор 315
Эскобар 325, 331, 460
Эстелла 239
Эстрада, майор 168, 328
Эттли К. 419, 473
Эугазиота С. 313

Юсте 403

Ягуэ 125, 328
Ягуэ Бланко 190, 199
Янек, командир 366, 378, 389

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
----------------	---

ДОКУМЕНТЫ

ЧАСТЬ I. 1923–1931

№ 1	
Письмо секретаря ИККИ в ЦК КП Испании. 22 февраля 1923 г.	22
№ 2	
Письмо Пятницкого в ЦК КП Испании. 17 августа 1923 г.	23
№ 3	
Письмо Ю. Умбердроза Фрицману. 4 октября 1923 г., Париж	23
№ 4	
Письмо Генерального секретаря Испанской КП Буэхоса в ИККИ. 2 апреля 1926 г., Париж	24
№ 5	
Письмо Секретариата ИККИ в ЦК КП Испании. 7 июня 1926 г., Москва	25
№ 6	
Телеграмма Абрамову от Круглова. 19 ноября 1927 г., Берлин	30
№ 7	
Телеграмма Пятницкому от Кубова из Берлина. 24 декабря 1927 г.	30
№ 8	
Шифротелеграмма из Парижа от “Рауля”. 17 апреля 1929 г., Париж	30
№ 9	
Письмо относительно субсидий, необходимых для деятельности КП Испании. 27 ноября 1929 г.	31
№ 10	
Письмо из ИККИ инструкторам в Испании. 29 августа 1930 г.	31
№ 11	
Шифротелеграмма в ЦК КП Испании. 19 января 1931 г.	34
№ 12	
Проект телеграммы для Эмбера Дро, ПБ КП Испании. 20 марта 1931 г.	35
№ 13	
Телеграмма Политкомиссии в КП Испании. 5 октября 1931 г.	36
№ 14	
Смета расходов на устройство дома, представленная ЦК КПИ	36

№ 15	Отчет КПИ за март–сентябрь 1931 г. по квитанции	37
№ 16	Отчет КПИ о расходах в месяцах октябре и ноябре. Октябрь 1931 г.	38
№ 17	Записка Пятницкого Куусинену. 22 апреля 1931 г.	39
№ 18	Записка Степанова Васильеву. 30 ноября 1931 г.	39

ЧАСТЬ II. 1932–1935

№ 19	Стенограмма заседания Романского лендерсекретариата по вопросам политического положения в Испании. 5 марта 1932 г.	40
№ 20	Секретная статья ИККИ «Ренегаты коммунизма: “Рабоче-крестьянский блок” Маурина и троцкисты». 14 июня 1932 г.	65
№ 21	Проект письма КП Испании с директивными указаниями по организации вербовочной кампании. 23 января 1933 г.	82
№ 22	Предложения для Пленума ЦК КП Испании о перестройке центральных органов партии. 22 июля 1933 г.	85
№ 23	Письмо в ЦК КП Испании о направлении новых студентов МЛШ. 1934 г.	86
№ 24	Справка ИККИ “Положение в КП Испании”. 5 сентября 1934 г.	88
№ 25	Письмо Политкомиссии ИККИ в ЦК КП Испании. 28 января 1935 г.	97
№ 26	Справка Романского лендерсекретариата в Политкомиссию ИККИ об учреждении “Народного фронта” в Испании. 8 февраля 1935 г.	99

ЧАСТЬ III. 1936–1939

№ 27	Директивные указания Секретариата ИККИ для КП Испании, утвержденные на заседании Секретариата ИККИ. 21 февраля 1936 г.	104
№ 28	Предложения Испанского сектора Романского лендерсекретариата, направленные в ИККИ, о центральной партшколе в Испании. 7 апреля 1936 г.	107
№ 29	Письмо Э. Герэ Г.М. Димитрову. Апрель 1936 г.	109
№ 30	Выступление Г.М. Димитрова на заседании Секретариата ИККИ о положении в Испании. 23 июля 1936 г.	110
		525

№ 31	Директивные указания Секретариата ИККИ ЦК Коммунистической партии Испании. 24 июля 1936 г., Мадрид	113
№ 32	Письмо тов. Г. Димитрову. 26 июля 1936 г.	114
№ 33	Письмо Л. Шубина по испанскому вопросу. 7 августа 1936 г.	115
№ 34	Письмо М. Крепса об организации издательского дела. 23 августа 1936 г.	118
№ 35	Доклад тов. Кодовилья о положении в Испании. 22 сентября 1936 г.	119
№ 36	Решения Секретариата ИККИ о кампании в защиту Испании. 11 октября 1936 г.	145
№ 37	Доклад тов. Андре Марти на заседании Секретариата ИККИ о положении в Испании. 11 октября 1936 г.	149
№ 38	А. Марти о положении в Испании. 14 октября 1936 г.	171
№ 39	Луис (В. Кодовилья) о положении в Испании. 24 декабря 1936 г.	176
№ 40	Андре Марти о положении в Испании (выдержки из доклада). 7 марта 1937 г.	199
№ 41	Резолюция, принятая за основу конференцией политкомиссаров народной армии Испании (Конференция в Альбасте под председательством министра Альварес дель Вайо). 8 марта 1937 г.	207
№ 42	Письмо И. Степанова (Морено) о положении в Испании. 12 марта 1937 г.	209
№ 43	Письмо И. Степанова (Морено). 17 марта 1937 г.	213
№ 44	Письмо И. Степанова (Морено) в связи с проблемой политического и профсоюзного единства испанского пролетариата. 28 марта 1937 г.	223
№ 45	Письмо Малкова А.П. Розенголицу. 9 апреля 1937 г., Барселона	248
№ 46	Материалы, представленные А. Марти в Секретариат ИККИ по вопросу о кампании против интернациональных бригад. 29 апреля 1937 г.	250
№ 47	Письмо И. Степанова (Морено) об обстановке в Испании. 4–7 мая 1937 г.	253
№ 48	Письмо И. Степанова (Морено) о политической обстановке в Испании. 11 мая 1937 г.	276
№ 49	Инструкция Секретариата ИККИ для делегации Коммунистического Интернационала. 11 июня 1937 г.	286

№ 50	Письмо И. Степанова (Морено) о политическом моменте. 18 июня 1937 г.	287
№ 51	Письмо члена интербригады Антонина Биршерта. 1 сентября 1937 г.	297
№ 52	Вопросы, переданные Чека и Луисом в ИККИ. 8 сентября 1937 г.	298
№ 53	Письмо Эрколи в ИККИ. 13 сентября 1937 г.	304
№ 54	Доклад о поездке в Испанию Финнер Броквея. 15 сентября 1937 г.	309
№ 55	Письмо члена интербригады Антонина Биршерта. 20 октября 1937 г.	322
№ 56	Письмо члена интербригады А. Рыжкова комбригу. 29 октября 1937 г., Benicasim	323
№ 57	Отчет М. Фреда о работе в Испании. 14 декабря 1937 г.	324
№ 58	Письмо комдива Вальтера комбригу XV бригады тов. Чопичу. 14 января 1938 г.	390
№ 59	Письмо "Педро" (Э. Гере) в ИККИ с информацией о пленуме ЦК ОСПК. 27 января 1938 г.	392
№ 60	Письма Ревьера в ИККИ. 3 и 4 мая 1938 г., Париж	395
№ 61	Практические задачи по линии систематической помощи республиканской Испании по обеспечению населения необходимым продовольствием. Решение Секретариата ИККИ по вопросу. 28 августа 1938 г.	396
№ 62	Записка Файна в ЦК компартии Испании. 19 января 1939 г.	399
№ 63	Письмо товарищу Берия. 9 марта 1939 г.	402
№ 64	Письмо Монтиеля в ИККИ. 17 апреля 1939 г., Париж	403
№ 65	Доклад Тольятти. 1 июня 1939 г.	416
№ 66	Резолюция Секретариата ИККИ о слабых местах и ошибках в партии в последний период войны. 5 августа 1939 г.	474
№ 67	Информация из Бискайи. 21 августа 1939 г.	480
№ 68	Директивные указания Комиссии по изучению проблем интербригад компартиям относительно помощи интербригадовцам. 26 августа 1939 г.	481

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ДОКУМЕНТЫ 1940–1944 ГОДОВ

№ 69	
Письмо товарищу Сталину. 27 февраля 1940 г.	486
№ 70	
Письмо Мануильского Сталину. 10 марта 1940 г.	486
№ 71	
Письмо Г. Димитрова Кобелеву. 10 декабря 1940 г.	487
№ 72	
Письмо Г. Димитрова Маленкову и Жукову. 30 июля 1941 г.	488
№ 73	
Письмо испанских курсантов Академии имени Фрунзе Г. Димитрову. 1 августа 1941 г., Москва	489
№ 74	
Письмо Г. Димитрова Маленкову. 5 августа 1941 г.	489
№ 75	
Письмо Фридриха Димитрову. 26 сентября 1944 г.	490
№ 76	
Письмо Г. Димитрова И.В. Сталину. 20 октября 1944 г.	499
№ 77	
Письмо Гуляева Димитрову. 28 ноября 1944 г.	500
№ 78	
Письмо В.Г. Деканозову. 25 декабря 1944 г.	501
КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ	502
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	516

Научное издание

КОМИНТЕРН

и гражданская война в Испании

ДОКУМЕНТЫ

Утверждено к печати

Ученым советом Института всеобщей истории Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*. Редактор *В.М. Черемных*. Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*. Технический редактор *О.В. Аредова*

Корректоры *З.Д. Алексеева, Р.В. Молоканова, Н.И. Харламова*

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 24.01.2001. Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печл. 33,75. Усл.кр.-отг. 33,6. Уч.-издл. 39,8. Тираж 1000 экз. Тип. зак. 3787

Издательство "Наука", 117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография "Наука", 199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12